

63.3(2)я73
к89

ИВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А. Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ

с древнейших времен
до 1618 г.

1

ВЛАД

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

А.Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ с древнейших времен до 1618 г.

В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

Под общей редакцией доктора исторических наук,
профессора *А. Ф. Киселева*

*Рекомендовано Министерством образования и науки
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

Москва

ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

ВЛАДОС

2004

УДК 94(47) (075.8)
ББК 63.3(2)я73
К89

§ 4 в главе VI написан
кандидатом исторических наук *А.С. Королевым*
§ 2 в главе XVIII, а также главы XXI и XXII
написаны кандидатом исторических наук *В.А. Волковым*
Хронологическая таблица составлена *Ю.В. Колиненко*

- Кузьмин А.Г.**
К89 История России с древнейших времен до 1618 г. : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 кн. / А.Г. Кузьмин. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — Кн. 1. — 447 с.
ISBN 5-691-01047-6.
ISBN 5-691-01048-4(Кн. 1) (в пер.).
Предлагаемый учебник для вузов является своеобразным итогом многолетней научно-педагогической деятельности доктора исторических наук, профессора А.Г. Кузьмина. Главное отличие этого учебника — проблемный подход. На первый план выводятся спорные дискуссионные вопросы, от решения которых во многом зависит понимание исторического процесса в целом.
История в данном курсе представлена как наука, поиск истины в которой сопряжен с изучением большого числа документальных источников, научных монографий.
- УДК 94(47) (075.8)
ББК 63.3(2)я73

ISBN 5-691-01047-6
ISBN 5-691-01048-4(Кн. 1) (в пер.)

© Кузьмин А.Г., 2003
© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
© Серия «Учебник для вузов» и серийное оформление. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
© Макет. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. А.Ф. Киселев, С.В. Перевезенцев</i>	6
<i>Введение. Что и как изучает история?</i>	14
Глава I. Из предыстории народов Европы	26
§1. Проблема индоевропейского заселения Европы	26
§2. Культуры эпохи неолита и бронзы на территории Европы	30
§3. Культура шнуровой керамики и боевых топоров	33
§4. Мегалитическая культура	37
§5. Культуры линейно-ленточной керамики.....	39
Глава II. Проблема происхождения славян	48
§1. Проблема славяно-германо-балтских отношений	49
§2. Проблема славяно-балтских отношений.....	53
§3. Где и как искать прародину славян?.....	56
§4. Среднее Поднепровье в скифо-сарматское время	63
Глава III. Образование Древнерусского государства	69
§1. Норманнская концепция и ее критика	71
§2. Варяги в источниках Руси, Востока и Запада	87
§3. Проблема происхождения Руси в отечественных, западноевропейских и восточных источниках	93
§4. Специфика Древнерусского государства	106
Глава IV. Древняя Русь в IX – XI вв.	114
§ 1. Политическая история Древней Руси в IX – XI вв.	114
§ 2. Общественно-политический строй Древней Руси	133
§ 3. Дискуссия о социальном строе Древней Руси	144
Глава V. Международные связи Киевской Руси и распространение христианства	159
§ 1. Международные связи Киевской Руси	159
§ 2. Пути распространения и характер раннего древнерусского христианства.....	170
Глава VI. Феодалная раздробленность Руси в XII – начале XIII в.	201
§1. Причины феодалной раздробленности	201
§2. Киевская земля в XII – начале XIII в.	209
§3. Ростово-Суздальская земля в XII – начале XIII в.	230
§4. Новгородская земля в XII – начале XIII в.	251
§5. Галицко-Волынская земля в XII – начале XIII в.	266

Глава VII. Культура домонгольской Руси	287
§ 1. Языческие верования в Древней Руси. Двоеверие	287
§ 2. Древнерусская письменность и литература	298
§ 3. Архитектура Древней Руси.....	311
Глава VIII. Монголо-татарское нашествие и его последствия	319
§ 1. «Евразийство» и историческая наука	319
§ 2. Образование Монгольского государства и завоевательные походы Чингисхана.....	322
§ 3. Монголо-татарское нашествие на Русские земли	331
Глава IX. Утверждение господства Золотой Орды над Русью	344
§1. Проблема господства Золотой Орды над Русью в современной исторической науке	344
§2. Золотая Орда и Русь в первые годы после монголо- татарского нашествия.....	345
§3. Владимиро-Суздальская Русь в годы правления Александра Ярославича Невского	356
§4. Русские княжества во второй половине XIII в.	362
§5. Проблема «ордынской дани»	372
Приложение. Мнения и аргументы	379
К «Введению»: что и как изучает история?	
Из статьи А.В. Гулыги «История как наука»	379
Из книги В.В. Косолапова «Методология и логика исторического исследования»	381
Из книги П.В. Копнина «Диалектика как логика и теория познания»	384
К главе I. Из предыстории народов Европы	385
Из книги В.А. Сафронова «Индоевропейские прародины»	386
Из книги Ю. Шилова «Прародина ариев. История, обряды и мифы»	389
Из книги В.И. Марковина «Дольмены Западного Кавказа»	392
Из книги В.И. Равдоникаса «История первобытного общества»	395
Из книги А.И. Тереножкина «Киммерийцы»	397
К главе II. Проблема происхождения славян	399
Из «Повести временных лет»	400
Из книги В.В. Седова «Происхождение и ранняя история славян»	401
Из книги О.Н. Трубачева «Этногенез и культура древних славян»	402

К главе III. Образование Древнерусского государства	404
Ю. Венелин. «Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных»	404
Из работы В.Г. Васильевского «Варяго-русская и варяго- английская дружина в Константинополе XI и XII вв.»	408
Из статьи М.Ю. Брайчевского «“Русские” названия порогов у Константина Багрянородного»	422
К главе IV. Древняя Русь в IX – XI вв.	429
Из книги Б.Д. Грекова «Киевская Русь»	429
Из статьи Б. Рыськина «Смерды в областях немецкой колонизации XI – XIII вв.»	430
Из книги И.Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории»	432
Из книги И.Я. Фроянова «Рабство и данничество»	433
Из статьи Л.В. Черепнина «Еще раз о феодализме в Киевской Руси»	437
К главе VI. Феодальная раздробленность Руси в XII – начале XIII в.	440
Из статьи Д.К. Зеленина «О происхождении северно- великоруссов Великого Новгорода»	440
К главе VIII. Монголо-татарское нашествие и его последствия	441
Из статьи Н.С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре»	441
Из статьи И.А. Ильина «Самобытность или ори- гинальничание»	445

ПРЕДИСЛОВИЕ

В небольшом предисловии невозможно полно охарактеризовать все исторические и литературно-публицистические работы замечательного русского ученого и педагога, доктора исторических наук, профессора Аполлона Григорьевича Кузьмина. Он автор более 200 научных трудов, публицистических книг и статей, литературных произведений. Они написаны по широкому кругу проблем развития России на различных этапах ее исторического бытия и вместе с тем имеют внутреннее единство, так как творческие поиски ученого в конечном счете подчинены главной цели — разобраться в самобытности и своеобразии отечественной истории, выявить присущие ей «родовые черты», попытаться проникнуть в суть глубинных истоков и причин противоречивого развития России. Разумеется, что ученый в своих творческих исканиях не одинок. В значительной мере он является последователем того направления в историографии, философии и литературе, представители которого на протяжении последних двух столетий размышляли над особенностями исторической судьбы России. А.Г. Кузьмин опирается на могучее интеллектуальное наследие замечательной плеяды российских мыслителей прошлого и настоящего, что и составляет прочный фундамент его собственных исследовательских изысканий и придает им особую научную ценность. Вместе с тем он, находясь в общем русле славянофильской традиции, имеет свою точку зрения по целому ряду ключевых проблем исторического развития и предназначения России.

Предлагаемый вашему вниманию учебник для вузов **«История России с древнейших времен до 1618 года»** является своеобразным итогом многолетней научно-педагогической деятельности А.Г. Кузьмина. В основе книги лежит лекционный курс, который на протяжении более чем четверти века А.Г. Кузьмин читает на историческом факультете МПГУ. Кроме того, при подготовке этого учебника автор использовал свои многочисленные научные разработки, книги и статьи, которые широко известны любителям отечественной истории, студентам и преподавателям.

Наверное, «История России с древнейших времен до 1618 года» А.Г. Кузьмина не представляет собой легкого чтения.

Впрочем, так и должно быть. За последние годы все мы, к великому сожалению, уже привыкли к легкости — легкие деньги, легкие знания... Выходит невероятная масса легкой исторической литературы, авторы которой считают, что, если они прочитали две-три книжки, теперь получили право писать на исторические темы и навязывать всем остальным свое, якобы оригинальное видение истории. Опять же, к сожалению, приходится констатировать, что и студенты исторических факультетов нередко стремятся к легкому пути овладения историческими знаниями.

Учебник А.Г. Кузьмина возвращает всех нас к вечной истине — *легких знаний не бывает*. Истинное проникновение в историю — это величайший труд, это серьезная работа, это необходимость овладения огромным источниковым и историографическим материалом, это кропотливая работа над анализом источников, это, наконец, постоянная и внимательная работа в библиотеке и архиве, а к тому же необходимо освоить археологический, источниковедческий, лингвистический, этнографический, социологический, философский, политологический, религиоведческий и многих, многих иной материал, каковым великолепно владеет сам А.Г. Кузьмин. И только потом, вроде бы неким чудесным образом возникает легкость знания — своеобразное «чудо легкости» и необыкновенная радость научного открытия. «Чудо легкости», в основе которого лежит великий и напряженный труд.

С первых страниц этой книги становится ясно — перед нами оригинальный, новаторский труд. Впервые в России появился учебник по отечественной истории, автор которого принципиально отказался от позитивного, а вернее, от «позитивистского» «бесстрастного изложения фактов». *Проблемный подход* — вот что выгодно и в самую лучшую сторону отличает эту работу. А.Г. Кузьмин предлагает читателям воспринимать историю не как совокупность фактов и событий, а как *систему научных проблем*. Как на своих лекциях профессор А.Г. Кузьмин видит в студентах прежде всего коллег-историков, которые с самого начала должны погрузиться в научное познание прошлого, так и в этой книге он разворачивает перед читателями серьезнейший научный разговор — с анализом источников, историографии, с глубоким осмыслением исторических фактов и событий. Ведь автор уверен, что главная задача историка заключается в познании законов исторического развития. Отсюда и возникает знаменитый

«кузьминский вопрос»: «*В чем проблема?*» Этот вопрос знаком всем его студентам с первой же лекции, ибо всегда, во всех своих выступлениях, лекциях, во всех своих научных и научно-публицистических работах А.Г. Кузьмин утверждает — *познание истории начинается с понятия «проблема»...*

Подобный подход стал очень плодотворным в научной деятельности самого А.Г. Кузьмина. Его книги и статьи о начале Руси, о происхождении и специфике русского народа, о своеобразном характере русского язычества, об особенностях раннего русского христианства и русского православия, о взаимоотношениях России с Западом и Востоком, об отечественном летописеведении и о многих других важнейших научных темах просто поражают своим размахом, развернутостью в мир, концептуальностью, оригинальностью решений. Поражает и эрудиция автора — в его исследованиях, в том числе и в данном учебнике, используется широчайшая база как отечественных, так и зарубежных источников, до того мало кем освоенных. И самое важное — все эти многообразные источники точно и прочно укладываются автором в его концептуальное видение истории России.

А.Г. Кузьмин — ученый-мыслитель. Он всегда придавал и придает огромное значение *теоретическим основам исторического познания*. В этом отношении учебное пособие «История России с древнейших времен до 1618 года» написано с четких методологических позиций, о которых сам автор говорит во «Введении». Основа методологии — диалектика. *Диалектическое понимание истории* свойственно А.Г. Кузьмину как никакому другому исследователю, он много писал о необходимости и перспективности подобного подхода, плодотворно пользовался этим подходом в своих работах. Именно понимание диалектического взаимопроникновения общественного бытия и общественного сознания в ходе исторического процесса позволяет А.Г. Кузьмину увидеть и показать всю сложность, проблемность и в то же время сущностные черты и особенности отечественной истории, выявить в противоборстве различных интересов главные закономерности исторического развития. И не случайно столь многое внимание А.Г. Кузьмин уделяет понятию «прогресс». Пожалуй, впервые (снова — впервые!) в этой книге сформулирована строгая и логичная *концепция исторического прогресса*, с позиций которой автор и оценивает конкретные исторические события.

В целом же профессор А.Г. Кузьмин — один из немногих историков, кто объединил в единое целое философию и историю, теорию исторического знания и сам процесс познания истории. Нельзя не отметить и тот факт, что именно профессор А.Г. Кузьмин, как талантливый педагог, несколько поколений своих учеников научил философскому пониманию истории, философскому отношению к истории, а значит, и философско-историческому пониманию современности...

И недаром одной из характерных черт этой книги является четко выраженная гражданская позиция А.Г. Кузьмина. Неразрывная связь активной гражданской и научной позиции Аполлона Григорьевича лишний раз свидетельствует об огромной социальной роли и общественной значимости истории как науки, которая, изучая прошлое, помогает понять настоящее и заглянуть в будущее.

Значимость новой работы А.Г. Кузьмина определяется еще одним важнейшим моментом — она написана с позиций *концепции взаимоотношений «Земли» и «Власти»*. Концепция «Земли» и «Власти» имеет славянофильские корни. Но мыслители-славянофилы были в большей степени теоретиками, им не хватало конкретного знания истории для обоснования своих взглядов. И вот, наконец, впервые в отечественной учебной литературе появилась книга, в которой *концепция «Земли» и «Власти» получила цельное и конкретно-историческое воплощение*, а диалектика взаимоотношений «Земли» и «Власти» в истории России прослежена А.Г. Кузьминым в самых различных аспектах на протяжении практически целого тысячелетия. Исследуя характер отношений «Земли» и «Власти» в истории России, А.Г. Кузьмин делает вывод об активном участии народа в политических процессах формирования Русского государства через развитую систему общинного самоуправления. Он показывает, что создание механизмов согласования общественных интересов, выходящих за рамки сельской общины и послуживших основой для организации институтов самоуправления на общегражданском уровне, позволяло на практике реализовывать принципы социальной справедливости. Именно община не допускала резкого социального расслоения, и ее идеалы коллективизма, равенства, приоритета общественного перед личным, обостренное чувство социальной правды служили нравственным оплотом Отечества в роковые периоды его истории.

Все это вместе взятое и позволило А.Г. Кузьмину создать новаторский учебник по отечественной истории. С его страниц сама история предстает перед нами в новом качестве, ибо автор видит те процессы, мимо которых зачастую проходят другие историки, а крупнейшие «узлы» нашего прошлого получили совершенно новое звучание.

Например, в книге представлено авторское осмысление *основных закономерностей складывания всего свода древнерусских летописей*. Основательной критике подвергнута общепризнанная схема летописания, впервые предложенная еще В.Н. Татищевым и развитая впоследствии А.А. Шахматовым. Один из основных выводов Аполлона Григорьевича заключается в том, что летопись не является чередой записей, сменяющих друг друга чуть ли не по эстафете летописцев, как это казалось А.А. Шахматову и его последователям. Это, скорее, свод разнохарактерных и одновременных, нередко противоречащих друг другу летописных и внелетописных материалов. В свою очередь, разноречивость летописных известий — серьезный повод для выявления противоречий тех исторических реалий, которые они отражают. По мнению А.Г. Кузьмина, «установление связи между текстом и породившей его общественной средой должно составлять основное содержание летописеведческого исследования».

В результате изучения таких связей и анализа самих текстов ученый приходит к выводам о существовании в XI — XII вв. ряда очагов летописания, различавшихся по идейным устремлениям и политическим пристрастиям, о нескольких направлениях в Печерском центре летописания, о политической тенденции летописцев княжеской Десятинной церкви и др. Опираясь на свои наблюдения, А.Г. Кузьмин пересматривает выводы предшественников о датировке «Повести временных лет», о генетических связях ее с новгородским летописанием, о соотношении Лаврентьевской летописи и Ипатьевской, выявляет ряд «узлов» истории раннего летописания в Киеве и Новгороде. Исследование отечественного летописеведения привело его к заключению, что «древнерусская историческая письменность была несравнимо богаче, нежели можно представить на основании сохранившегося материала», и что «летописание ни в коем случае нельзя сводить к единственной (хотя бы и у истоков) традиции». Различные традиции пересекались, многие памятники и даже целые направления летописания погибли.

Изучение процесса генезиса социальных форм первобытной эпохи и вывод о том, что кровнородственная и территориальная общины представляют собой не сменяющие друг друга стадии общественного развития, а две самостоятельные, параллельные системы социальной организации, привели Аполлона Григорьевича к постановке вопроса о разнохарактерности языческих верований, присущих каждой из них. Были выявлены черты языческих представлений славян, германцев и русов, отражающие разные принципы социальных отношений и соответствующих им общественных идей. Разделение язычества славян и русов открывает новые для науки возможности решения проблем социальной организации первобытного общества и закономерностей ее отражения в общественном сознании, что, в свою очередь, дает ключ к пониманию специфики русского православия.

Ученый по-новому подходит и к решению так называемой «норманнской проблемы». Долгое время само обсуждение вопроса об этническом происхождении правящей княжеской династии и господствующего класса Киевской Руси вообще пытались закрыть как несущественную для марксистской науки проблему. В заслугу А.Г. Кузьмину следует поставить то обстоятельство, что он не только выдвинул ряд оригинальных и обоснованных гипотез, но и привлек солидный свод новых источников. Только в двухтомном издании «Откуда есть пошла Русская земля», вышедшем в серии «История Отечества в романах, повестях, документах», собрано и опубликовано 162 письменных известия о племенах русь, которые практически отсутствуют в историографии вопроса, поскольку не вписывались в традиционные концепции как норманистов, так и их оппонентов. В предлагаемом читательскому вниманию учебном пособии предложена концепция «трех Русий» (Приднепровской, Балтийской и Аланской), которая дает важнейший ключ к решению проблемы происхождения русского народа и Древнерусского государства, а также изложены основные положения концепции А.Г. Кузьмина о характере Древнерусского государства.

Отправной точкой в разработке вопросов формирования восточнославянской государственности стало обращение ученого к *методологическим проблемам определения сущности понятия «государство»*. Общепринятый в советской историографии взгляд на государство как аппарат классового насилия, сложившийся в результате догматической трактовки некоторых выска-

зываний В.И. Ленина, не учитывал сложности проблемы и упрощал сами подходы марксистов к государству.

А.Г. Кузьмин берет за основу положение К. Маркса об «истинном» и «мнимом» государстве. Объективный национально-государственный интерес способен отразить только народ, т.е. гражданское общество, являющееся, по Марксу, носителем идеи истинного государства, в то время как политическая надстройка в виде государственной власти («государство мнимое») только паразитирует на общественном интересе, подменяя его своими узкокорыстными целями. Именно в процессе взаимодействия «истинного» и «мнимого» государства складывается политический тип любого государственного образования, а от степени эффективности противостояния общества властным структурам зависит и историческая судьба народа.

Выявление особенностей складывания восточнославянского государства позволило ученому по-новому подойти и к решению *проблемы Крещения Руси*. Вопреки традиционной оценке Византии как единственного канала проникновения христианства на Русь, им прослежены не связанные напрямую с Римом и Константинополем христианские учения и выявлены следы их воздействия на общественно-политическую и религиозную жизнь Древней Руси.

Так, на конкретном материале показано влияние кирилло-мефодиевской традиции, ирландской церкви и арианства. Последовательно оппозиционное отношение к официальным христианским центрам придавало им демократические черты, которые именно в силу сохранения традиционных институтов общинно-племенного самоуправления и исторической устойчивости территориальной общины нашли благодатную почву на Руси.

Неоправданная увлеченность общества «евразийскими» концепциями Л.Н. Гумилева заставила Аполлона Григорьевича подвергнуть *обстоятельному научному разбору умозрительные построения о «пассионарности» народов*. В свое время академик Д.С. Лихачев заметил, что мог бы указать неточности в изложении исторических фактов Л.Н. Гумилевым, но оригинальность концепции обуславливает либо ее полное принятие, либо ее отрицание в целом. А.Г. Кузьмин не только указывает на грубейшие искажения исторического материала Л.Н. Гумилевым, но и убедительно показывает деструктивный характер его позиции как в научном, так и в общественном плане.

Несомненно интересными являются разработки А.Г. Кузьмина при анализе причин и характера феодальной раздробленности, осмысления сущности понятия «централизации» и процесса создания Русского централизованного государства...

В целом каждая глава этой книги предлагает что-то новое, что-то своеобразное, но при этом широко и глубоко обоснованное – и с точки зрения источниковедения, и с теоретических позиций, и всей совокупностью конкретно-исторических фактов.

Еще в конце 70-х гг. студенты исторического факультета МПГУ говорили, что «вместе с Кузьминым в аудитории пришла наука». Можно с уверенностью сказать, что благодаря усилиям А.Г. Кузьмина вполне сложилось самобытное научное направление, оригинальная научная школа, разрабатывающая центральные проблемы отечественной истории, которые никогда не потеряют своей актуальности: взаимоотношения «Земли» и «Власти», церкви и государства, российской общественно-политической мысли, летописеведения. Тысячи студентов прослушали курсы лекций профессора Кузьмина по истории России, источниковедению, историографии, под его руководством написаны сотни студенческих и дипломных работ. Более 30 его учеников защитили кандидатские и докторские диссертации.

Теперь в своем учебнике «История России с древнейших времен до 1618 года» профессор А.Г. Кузьмин предлагает всем читателям путь в настоящую большую науку – науку историю. Надеемся и верим, что большинство студентов, которые должны стать главными читателями этой книги, увидят этот путь, поймут его благодатность и изберут его как путь своего собственного развития, собственной жизни. Впрочем, огромную пользу новая работа А.Г. Кузьмина принесет аспирантам и преподавателям, всем любителям отечественной истории.

За плечами Аполлона Григорьевича Кузьмина большая и интересная жизнь, и мы уверены, что впереди еще много творческих свершений.

*Доктор исторических наук, профессор А. Ф. Киселев
Доктор исторических наук С. В. Перевезенцев*

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО И КАК ИЗУЧАЕТ ИСТОРИЯ?

«История — наставница жизни».

Цицерон

«Можно не знать, не чувствовать влечения к изучению математики, греческого и латинского языков, химии, можно не знать тысячи наук, и все-таки быть образованным человеком; но не любить истории может только человек, совершенно неразвитый умственно».

Н.Г. Чернышевский

«Мы знаем только одну — единственную науку — науку истории».

К. Маркс, Ф. Энгельс

«Быстрое накопление знаний, приобретаемых при слишком малом самостоятельном участии, не очень плодотворно... Напротив, то, до чего человек должен дойти своим умом, оставляет в его рассудке след, по которому он может идти и при других обстоятельствах».

Г.К. Лихтенберг

Вынесенное в эпиграф высказывание Н.Г. Чернышевского не дает и не предполагает определения предмета истории. Автор исходит из другого своего убеждения: «Как не возвышенно зрелище небесных тел, как ни восхитительны величественные или очаровательные картины природы, — заключал он, — человек важнее, интереснее всего для человека. Потому, как не высок интерес, возбуждаемый астрономией, как ни привлекательны естественные науки, — важнейшею, коренною наукой остается и останется наука о человеке». В данном случае история мыслится как важнейшая из *социальных* наук, хотя человек — это тоже порождение природы.

В мире много веков идет борьба двух принципов: приоритет общественного или частного. На «общественных интересах»

спекулировали деспоты и диктаторы, а «суверенитет личности» вел и ведет к войне всех против всех и в конечном счете, как ни парадоксально, к разрушению самой личности. Чернышевский, видимо, считал само собою разумеющимся понимание социальной природы сущности человека: сущность человека — это преломление в нем совокупности социальных отношений. Этим он и отличается от животного мира, и, как правило, разрушение общества ведет к разрушению человека как общественного существа. Древние римляне, утверждая приоритет общественного, исходили из того, что по своей биологической природе «человек человеку — волк» («Homo homini — lupus est»). Из этого же исходили английские философы XVII в. Т. Гоббс и (отчасти) Д. Локк, настаивая на приоритете государства, задача которого состоит в сдерживании природных пороков индивида.

Комплекс общественных наук — это философия и социология, языковедение и этнография, литературоведение и искусствоведение, правоведение, экономика, и ряд других более частных наук. Слово «история» сочетается с ними со всеми как отдельная отрасль той или иной науки. Но смысл этого обозначения чаще всего сводится лишь к хронологии, а потому и история как наука остается за пределами изучения. В то же время наука история пользуется материалами всех перечисленных и многих неназванных наук. Но плодотворность таких заимствований во многом, если не в основном, зависит от определения самого **предмета науки истории**. Определение предмета — основа самосознания и важнейшее звено методологии любой науки.

В литературе встречается несколько десятков определений предмета истории. Этот разноречивый проникает и в учебные пособия. При этом чаще всего встречается определение истории как «науки о прошлом». Но объект изучения и предмет — понятия существенно разные. История изучает не прошлое, как таковое: это и невозможно и ненужно. *Предметом же любой науки являются те или иные закономерности*. Очевидно, что предметом науки истории могут быть только *закономерности развития общества*, естественно, с учетом влияния природных условий и их изменения в пространстве и времени.

Разноречивый в литературе проистекает из следования тем или иным философским школам. Смешение объекта и предмета характерно для *позитивизма* — самого распространенного до сих пор течения в науке и самого обыденного мировоззрения, ори-

ентированного на «суверенитет личности». Позитивизм («положительное знание») кладет в основу исследования факты, понятия как прямые указания источников. В результате история вообще исключается из числа наук, отыскивающих какие-либо закономерности.

В конце XIX в. определенной альтернативой позитивизму становится *неокантианство* (по имени И. Канта — родоначальника немецкого классического идеализма). В отличие от позитивизма, неокантианство уделяло значительное место методу познания, а также ценностному подходу. Но сам этот метод основывался на вековой практике позитивизма, а характерные для Канта элементы диалектики были утрачены. К тому же многие важные проблемы закрывались как «непознаваемые». И они действительно становились непознаваемыми в рамках избранного метода.

В философской литературе позитивизм и неокантианство характеризуются как разновидности «субъективного идеализма» (в отличие от «объективного идеализма» Гегеля и его последователей). Как это не покажется странным, но «субъективный идеализм» преобладал в социальных науках и политике советского периода, в том числе и в работах по отечественной истории, хотя на словах в этих работах мы найдем клятвы в «верности диалектическому материализму».

Позитивизм и неокантианство господствовали в русской исторической науке конца XIX — начала XX столетия. Разновидность позитивизма («*махизм*») в начале века пропагандировалась А.А. Богдановым (Малиновским) и рядом других социал-демократов (включая будущих членов Политбюро ВКП(б)). Неокантианство также привлекало внимание социально-политических деятелей (именно вниманием к системам ценностей). Неокантианцами были «легальные марксисты» и многие члены II Интернационала.

Наиболее полное знание о закономерностях исторического развития дает *диалектический подход*. *Диалектическая логика* в гегелевском (идеалистическом) и марксистском (*диалектический материализм*) вариантах с самого начала противостояла и позитивизму и неокантианству. Особое место занимала и занимает христианская диалектика, акцентирующая внимание на ценностном содержании изучаемого вопроса.

Суть *диалектики как логики и метода познания* достаточно проста: мир изначально *противоречив*, все в мире находится в

постоянном *изменении и развитии*, все в мире находится во *взаимосвязи и взаимообусловленности*. В рамках диалектики признается принципиальная *познаваемость* объективной, вне нас существующей реальности, но достигнутое знание считается *относительным* — бесконечность мира предполагает и бесконечность познания.

Изучение истории на основе диалектического метода невозможно без обращения к *социологии*.

Роль «научной социологии» у нас длительное время выполнял «исторический материализм», который родился в кругах социал-демократов-позитивистов начала XX в. и перешел в учебные программы вузов советского времени. «Исторический материализм» претендовал на роль «метода» исторической науки, но сам был лишен метода (таковой остался в диалектическом материализме в качестве «теории познания»), а фактический материал заимствовал у исторической науки. Само определение предмета как «науки о наиболее общих законах развития общества» делало его паразитарным привеском к исторической науке, а притязания на роль указующего «метода» обрекали историю на роль толкователя этого «метода».

Предметом социологии является изучение соотношения разных сторон общественного организма, а также — что не менее важно — взаимодействие общественного бытия и общественного сознания. Исторические и социологические законы тесно переплетаются и практически одни без других не существуют. Часто один и тот же закон выступает в обоих качествах. В свое время В.Н. Татишев открыл исторический закон: «ремесла причина городов». Но это и социологический закон, выражающий отношение между ремеслом и городом как формой организации. Подобным образом возникновение классов порождает государство, и государство является формой, соответствующей обществу, расколотому на противоборствующие классы. Родовая и территориальная общины — социальные организмы, исследуемые социологией. Но переход от первой ко второй — историческая закономерность. При этом многообразие и противоречивость проявления закономерности видны уже из того, что переход от одной стадии к другой у народов совершается не только в разное время (от эпохи бронзы до нашего столетия), но и на различных стадиях хозяйственного развития.

Для историка необходимо активное владение достижениями социологии, а социологам столь же важно учитывать достиже-

ния исторической науки. Историк постоянно приходится обращаться к социологии, перенося методы и принципы этой науки в разные изучаемые эпохи, а социолог не поймет сути взаимосвязей и взаимообусловленностей, не уяснив их происхождения. Сложность заключается в необходимости перерабатывать огромный историко-философский и фактический материал. Только при этом условии обозначенные выше постулаты диалектики явятся надежным методологическим фундаментом.

Работы историков-позитивистов чаще всего страдают описательностью. Они полезны как сводка определенного источникового и фактического материала. Но факты в них обычно не ведут к пониманию процессов и закономерностей развития, тем более что такая задача в позитивизме чаще всего и не ставится. Избегают позитивисты и оценок, считая оценки признаком субъективизма. На самом деле именно отказ от систем ценностей ведет к субъективизму: автор невольно проводит свои взгляды, нигде не давая им обоснования.

Надо иметь в виду и то, что понятие «факт» в позитивизме и диалектическом материализме (как и в иных формах диалектической методологии) имеет разное наполнение. В позитивизме «факт» — нечто непосредственно осязаемое: вещь, запись в источнике. «То, что не может быть познаваемо, не может быть и предметом науки, как, например, мир сущностей, противоположный миру явлений», — писал известный русский историк Н.И. Кареев. По мнению автора, «то, что составляет предмет истории, не выходит за пределы мира явлений». А в диалектике **«фактом»** является и определенный процесс, и связи между разными сторонами общественного организма, включая глобальную проблему закономерной взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания. Более того, именно отыскание тех или иных связей и закономерностей обычно и является исследовательской проблемой историков-диалектиков.

Поскольку любое историческое исследование строится на определенном круге источников, существенно различие в понимании предмета **источниковедения**. В позитивистских работах (включая и учебные пособия) обычно дается простое описание источников (с полезными самими по себе описаниями фондов хранения, внешнего вида рукописей и т.п.). В диалектике центр тяжести переносится на **закономерности отложения источников и отражения в них объективной реальности**. Иными словами, не только источник дает информацию об эпохе, но и

эпоха — по данным других источников и как звено процесса развития — помогает понять источник. И особое внимание необходимо обращать на *разночтения в источниках*, поскольку за ними часто стоят большие политические события и конфликты.

Многие дискуссии последних двух столетий связаны именно с разным пониманием сути привлекаемых источников. Русское летописание X — XVII вв. — уникальное явление в мировой истории и культуре. Но в практике исследований все еще не изжит «шлёцеровский» подход, восходящий к работе А. Шлёцера конца XVIII — начала XIX в. «Нестор»: представление о летописании как едином «древе». Так понимал летописание и один из наиболее авторитетных его исследователей А.А. Шахматов (1864 — 1920), на протяжении многих лет пытавшийся реконструировать это изначальное «дерево» и лишь в конце жизни осознавший, что такого «древа» просто не могло быть. Летописание — это и идеология, и политика, и неизбежная борьба интересов, а это предполагает и тенденциозность летописцев, отстаивающих интересы князя, города, монастыря, и прямое уничтожение нежелательных для кого-то сведений. Яркий пример двухвекового заблуждения — третирование и даже травля первого русского историка — В.Н. Татищева (1686 — 1750). До самого недавнего времени его обвиняли в фальсификации на том основании, что в его «Истории Российской» содержится большое число сведений, которых нет в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, по которым обычно издается «Повесть временных лет» в качестве первого летописного памятника. А Татищев не знал ни той, ни другой летописи, но зато в его распоряжении были другие летописи, которые давали иную интерпретацию многих событий, и он вполне профессионально представил их в своем труде. Татищев практически не имел доступа к центральным книгохранилищам, а на окраинах, где ему приходилось трудиться, уникальную рукопись можно было купить на рынке. Хранителями рукописных собраний обычно были раскольники, и один из главных источников Татищева — Раскольничья летопись, близкая к Ипатьевской, но явно ей предшествующая. Другой уникальный источник — Ростовская летопись, которую Татищев подарил Английскому академическому собранию, и она либо пропала, либо еще не найдена. К сожалению, не дошли до нас и другие источники, которыми пользовался Татищев (его собрание рукописей сгорело в пожаре в XVIII в.).

Следует считаться и с тем обстоятельством, что большинство сохранившихся летописей — это *своды разнообразных материалов, в том числе предшествующих летописей*. Составители позднейших сводов соединяли разные материалы, либо удовлетворяя собственное любопытство, либо переписывая их по чьему-то заказу. Очень часто они редактировали тексты имеющихся у них в распоряжении древних рукописей. Но не менее часто составители сводов слово в слово переносили древнейшие сведения в свои рукописи. Практически это означало, что в позднейших рукописях — летописных сводах — могли сохраниться более достоверные и ранние материалы, нежели в самых ранних рукописях. Так, древнейшие новгородские летописи почти ничего не сообщают о времени Ярослава Мудрого, а в сводах XV в. используется какой-то новгородский источник, которого древнейшие летописи не знают.

Те же причины и споров вокруг «Слова о полку Игореве». В поэме содержится совершенно иная информация, нежели в известных нам летописях. И на этом основании шедевр мировой литературы некоторые авторы объявили подделкой. А объяснить надо, на каких источниках и в рамках каких традиций создавалось это поэтическое творение. Поэма явно опиралась на устную поэтическую традицию, которая в летописях вообще слабо отражена из-за ее языческой окраски, и ориентирована она на события в Причерноморье (ни Рюрика, ни бога Перуна «Слово» не знает).

Актовый материал для восприятия проще: в нем обычно фиксируется конкретная практика судопроизводства и жалований. Но и в этом случае необходимо учитывать территориальные и хронологические рамки действия тех или иных установлений. Жалования в эпоху феодализма ориентированы на определенные территории, а «Земля» по большей части продолжала жить по своим традиционным правилам, следуя так называемому «обычному праву».

Важнейшая проблема для каждого исследователя — история и современность. Еще римский мыслитель Цицерон подчеркивал практическую пользу истории. Н.Г. Чернышевский указывал прежде всего на значение истории для воспитания гражданина Отечества. Советский историк М.Н. Покровский в 20-е гг. XX в. вообще употребит формулу: «История — политика, опрокинутая в прошлое». Ныне, с одной стороны, на историю ополчаются (как, впрочем, и в 20-е гг., когда осо-

бенно популярен был Покровский) как на ненужный и даже вредный предмет, который надо исключить из школьных программ. С другой стороны, книжный рынок заполняют совершенно фантастическими, ни на чем не основанными материалами и концепциями (например, книги Фоменко и Носовского о «новой хронологии истории», книги Асова о «русских ведах» и др.).

Конечно, все это к науке истории отношения не имеет. Но в этом косвенно сказывается понимание ее важности для современности. И в конечном счете история нужна для понимания современности, ибо все значимые процессы уходят в более или менее далекое прошлое. Можно сказать, что без истории современности не понять. Именно современность обычно задает вопросы истории и историкам. Но надо иметь в виду, что острота проблем увеличивает опасность ухода от истины в сторону исполнения социальных заказов. Для общества же в целом нужна только истинная история, объяснение, в том числе разного рода негативных процессов. А истинная наука возможна лишь при истинном методе.

Предметом науки истории являются закономерности развития общественного организма. Закономерности, естественно, выявляются лишь при анализе более или менее длительных периодов истории.

Различия между позитивистским и диалектическим подходом проявляются уже в самом *определении предмета конкретного исследования*. При позитивистском подходе исследование идет *«от источника»*. Наличие необработанного фонда часто оказывается мотивом для выбора темы работы, независимо от того, дает ли что-нибудь такое исследование.

В рамках диалектического метода исследование может начинаться только с проблемы. Диалектика познания заключается прежде всего в том, что исследователь включается в процесс, начало которому положено с зарождением самого человечества.

В свое время И. Кант сформулировал тезис об «априорном», внеопытном знании, свойственном человеческому сознанию. Именно «априоризм» вызывал особенно негативную реакцию позитивистов. В относительно недавней литературе природа «априоризма» разъяснена. Это, по выражению польского ученого Е. Топольского, «внеисточниковое» знание, знание, унаследованное от прошлых поколений, и не всегда осознанное даже профессиональным ученым. Разновидностью такого знания

является художественный образ и то, что в науке называется интуицией. Чаще всего «априорное» знание оказывается в сфере теоретического и концептуального, причем объяснение его требует привлечения смежных наук, прежде всего социологии. *«Априорное» знание — это проблема, перешедшая от прошлых поколений, может быть очень далеких. И успех в прояснении этого знания в огромной степени будет зависеть от формулирования проблемы.*

Социальное знание содержит противоречия, связанные и с противоречивостью действительности нас окружающей, и с противоречиями, возникающими или обнаруживаемыми в ходе познания. И действительность, и познание закономерно порождают все новые и новые проблемы, которые и стимулируют процесс познания. «Мелкотемье», в котором справедливо упрекали историков философы, невозможно, если речь идет о поисках решения вопроса, уже поставленного предшествующим развитием науки или противоречиями самой окружающей нас действительности.

Формулирование вопроса (иначе говоря, постановка проблемы) — самый ответственный этап любого исследования. Слова К. Маркса о том, что «правильная постановка вопроса есть его решение» — не преувеличение. После того как вопрос сформулирован, гораздо экономнее и целенаправленней осуществляется сбор фактов и обнаруживаются новые связи в давно известных системах фактов. При этом всякое новое знание немедленно пополняет запас «внеисточникового», и оно начинает работать с более высокой отметки. Другое дело, что правильно поставить вопрос можно только после основательного его изучения.

Структурно введение работы обычно открывается обозначением *темы* — объекта исследования. Обзор работ предшественников вскрывает спорные вопросы. Акцент обычно делается на тех разноречиях, которые автор собирается разрешить или объяснить. И надо иметь в виду, что, как отметил еще Гете, между противоположными мнениями находится не истина, а *проблема* (истина может оказаться вообще за пределами этих мнений). Именно *формулировкой проблемы* заканчивается обзор литературы, а далее пишущий поясняет, на каком источниковом и внеисточниковом (теоретическом, концептуальном) материале он намерен строить свои заключения.

Историческое знание предполагает лишь более или менее осмысленное *запоминание*. Овладение *наукой* требует *обязательного соучастия*. Поэтому для изучения истории необходима четко сформулированная *система ценностей*, которой придерживается исследователь.

Например, до сих пор одним из важнейших ценностных понятий является *понятие прогресса*. Обычно прогресс связывают лишь с «развитием производительных сил». Но для исторического изучения жизни общества этого явно недостаточно. Поэтому необходимо дополнение: *рост материальных благ общества*. Но общество живет не только материальными заботами. Более того, сама сущность человека как главного элемента истории предполагает *приоритет духовных ценностей*, а потому, когда мы рассуждаем о прогрессе, следует говорить о росте *материальных и духовных благ общества*.

Прогресс, очевидно, должен включать и *принцип социальной справедливости*: распределение благ согласно реальным трудовым затратам, согласно количеству и качеству труда. Добиться идеальной социальной справедливости человечеству пока еще не удавалось: в бесклассовом обществе ущемлялись наиболее энергичные его члены, в классовом же неизбежна эксплуатация работников работодателями. Но за социальную справедливость всегда боролись униженные и неполноправные, а «мировые религии» на первый план выносили именно определенным образом понятые принципы социальной справедливости.

И наконец, еще одна важнейшая характеристика прогресса — *обеспечение дальнейшего развития*. Исстари известно, что заработанное делится на три части: родителям, детям и себе. Но в разные периоды общество этим принципом пренебрегает, растрачивая ранее накопленное и расходуя те запасы, которые должны перейти к следующим поколениям. Такой «потребительский» подход, очевидно, не укладывается в понятие «прогресса», даже если на какое-то время достигается подъем материальных благ.

Нетрудно заметить, что ни в одну эпоху мы не найдем реализации четырех названных требований к сущности прогресса в их совокупности. Всегда чего-то да не хватает. В прогрессе в целом заинтересовано каждое конкретное общество, но всегда есть и силы в нем не заинтересованные, поскольку «на их век хватит». Поэтому *прогресс во все времена существует как тенденция*. С точки зрения этой тенденции и следует оценивать де-

ятельность исторических персонажей, сущность тех или иных исторических событий, периодов развития в истории и т.д.

Разумеется, система ценностей — это тоже проблема, решение которой зависит от избранной методологии, от нравственных принципов. Недаром в историографии существует столь много точек зрения на понимание сущности прогресса.

В рамках этой проблемы не так давно обсуждался «принцип партийности», который чаще всего понимался не как методологическая, а как политическая категория. (Поэтому часто встречалось словосочетание «научность и партийность».) Между тем этот принцип зародился еще у философов XVII — XVIII вв. Его употребляли Т. Гоббс, К. Лихтенберг, И. Кант, Гегель и др. как обозначение общественного интереса. В методологическом плане принцип партийности — это та общественная позиция, которая ориентирована на поиск истины и с которой истина может быть достигнута. И совершенно обязательно, чтобы исследователь-обществовед уже при постановке проблемы изучения обозначил свое понимание системы ценностей.

В настоящем издании принимается обозначенная выше система ценностей и через нее пропускается исторический материал, идет ли речь о кардинальных социально-экономических и политических проблемах или же о явлениях, непосредственная связь которых с законами развития не прослеживается.

Литература

Барг М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание // История СССР. 1976. №6.

Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности // Историоведение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969.

Бурмистров Н. А. Партийность исторической науки. Казань, 1979.

Вайнштейн О. Л. Марксизм-ленинизм об историческом факте // В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970.

Гак Г. М. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960.

Григорьян Б. Т. Философия и философия истории // Философия и ценности формы сознания. М., 1978.

Гулыга А. В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973.

Ирибаджакоев Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972.

Кареев Н. Историка. Пг., 1916.

- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- Копнин П. В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.
- Косолапов В. В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.
- Козлова М. С.* К проблеме так называемого «априорного знания» // Вопросы гносеологии, логики и методологии научного исследования. Л., 1970. Вып.2.
- Келле В. Ж., Ковальзон В. Я.* Теория и история. М., 1981.
- Козинг А.* Исторический материализм и теория познания // Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979.
- Кузьмин А. Г.* О предмете исторической науки // Предмет и структура общественных наук. М, 1984.
- Кузьмин А. Г.* К какому храму ищем мы дорогу. М., 1989.
- Сафронов Б. Г.* М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960
- Топольский Е.* О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973. №5.
- Уваров А. И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.
- Федосеев П. Н.* О методологических вопросах исторической науки // Вопросы истории. 1964. №3.

ГЛАВА I

Из предыстории народов Европы

§1. ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ

Большинство современных европейских языков принадлежит к одной языковой группе, а населяющие континент народы относятся к одной расе. И то и другое указывает на общего предка — *индоевропейцев*. Два столетия ученые разных стран обсуждают проблемы происхождения индоевропейцев, этапы их расселения, сочетание индоевропейского и неиндоевропейского в разных народах и т.д. Здесь, естественно, будут затронуты только некоторые принципиальные подходы, важные для проблематики данного курса.

Сейчас на индоевропейских языках говорит большая часть человечества. В этой языковой семье ученые выделяют несколько групп языков — как живых, так и мертвых, которые уже не являются разговорными. **Анатолийская** — к ней относятся древние «мертвые» языки — хеттский и лувийский. **Индоарийская** — санскрит, индийские и цыганские языки. **Иранская** — на иранских языках говорили древние персы, скифы, сарматы, аланы, жители Бактрии, Согда, Хорезма, а сейчас — иранцы, таджики, афганцы, осетины. **Армянский язык** — его выделяют отдельно. **Иллиро-венетская группа** была распространена в западной части Балкан, отчасти в юго-восточной Италии, позднее в Прибалтике (северные иллирийцы и венеты-венеды), сейчас на этих языках никто не говорит. **Греческая группа** — языки древних и современных греков. **Италийская группа** — язык древних римлян (латинский), а также возникшая на его основе современная **романская группа** — французский, итальянский, португальский, испанский, румынский, молдавский языки. **Кельтская группа** — языки, распространенные в древности по всей Европе от крайнего запада (Испания, Ирландия и Шотландия, Франция) до Причерноморья; сегодня к кельтским относятся гольдейские языки (ирландский, мэнский, гэльский); бриттские языки (валлийский, корнский, бретонский). **Германская группа** — в древности языки франков, саксов, англов; современные немецкий, скандинавские (шведский, датский, норвежский, исландский), африкаанс; близки к германским современные английский и нидерландский языки. **Балтийская группа** — западная группа языков («мертвые» языки: прусский, ятвяжский, голядский) и восточная

(вымершие куршский, латгальский и современные литовский и латышский). **Славянская группа** — южнославянские, западнославянские и восточнославянские (русский, украинский, белорусский) языки.

Методологическое значение для изучения истории славянства могут иметь три аспекта индоевропейской проблемы: 1) *характер* исходной индоевропейской общности; 2) *прародина* индоевропейцев; 3) *хронологическая* глубина происхождения индоевропейской общности. Классическая индоевропеистика представляла исходную область монолитной, резко отличавшейся от других языком, культурой и антропологическим типом. Развитие и изменения признавались по существу лишь для позднейшего периода, и мыслилось оно как некий механический процесс: общность дробится, выделяются разные народы, и при расселении из прародины они впитывают в себя те или иные элементы субстрата. Определение субстрата, ассимилированного местного населения — одна из важнейших проблем в индоевропеистике.

Родство индоевропейских народов несомненно. Это и в прошлом, и в настоящем заставляло и заставляет многих исследователей предполагать существование их общего предка — «*пранарода*». Нынешняя разбросанность индоевропейских народов от Британских морей до тайги и Индостана подводит к естественному заключению, что общий язык на таких пространствах не мог сложиться. Само же распространение языка могло происходить лишь в результате миграций, причем нередко на территории, никак не соприкасавшейся с прежними местами обитания. Тем не менее понятие «*пранарода*» требует уточнения. И в зависимости от того, какой смысл вкладывается в понятие, обозначенные выше три аспекта проблемы могут решаться с определенными отличиями.

Внутренняя логика требует признания, что явная отгороженность разных в расовом и языковом отношении народов вызывалась чрезвычайными обстоятельствами: вынужденной изоляцией одних территорий от других. В этнографической литературе высказывалась мысль о том, что глубокой разобщенности разных групп человечества способствовали оледенения, на многие тысячи лет разрывавшие ранее, может быть, однородные области. В настоящее время, несмотря на многочисленные смешения, европеоидному антропологическому типу, как правило, соответствует и один из европеоидных языков. Такая взаимосвязь, очевидно, не случайна, и возникнуть она могла только в ходе многотысячелетнего обособленного развития.

Косвенным признаком древности существования индоевропейской общности является широкое и вместе с тем чересполосное с другими распространение в эпоху *верхнего палеолита* типа **кроманьонцев** в узком смысле слова, т. е. типа людей из пещеры близ *Кро-Маньон*. Кроманьонцев можно считать **протоиндоевропейцами**. Тип этот фиксируется *от Франции* и по крайней мере *до Кавказа* и сохраняется в отдельных районах вплоть до *неолита*, когда его связь с индоевропейскими языками может быть в известной мере проверена топонимическими материалами. «Это были сильные, красивые люди, обладавшие исключительным даром подлинных художников», — скажет художник и выдающийся ученый М.М. Герасимов. А рядом с ними на протяжении нескольких десятков тысяч лет живут и развиваются представители иных расовых групп, в частности негроидной и австралоидной.

В самой европеоидной расе в верхнем палеолите выделяются и менее высокорослые и более грацильные по сравнению с чистыми кроманьонцами антропологические типы. Они составят определенные ответвления исторически зафиксированных индоевропейцев. Но едва ли мы сможем сейчас указать, где все эти ответвления контактировали на относительно узкой территории. Да и изменения во внешнем облике предполагают существенно разные природные условия. Антропологи сейчас разрабатывают методику определения разных природно-климатических зон, влияющих на изменение внешнего вида, роста и т.д. Но приходится считаться с тем, что на протяжении тысячелетий эти условия нередко резко менялись, и север (где, как правило, рост выше, чем у южан) опускался на уровень нынешних субтропиков, и наоборот.

Высокий уровень развития кроманьонцев, особенно в *мадленскую эпоху* (ок. 20 — 15 тыс. лет до н.э.), побуждает считать их ведущей группой в этногенезе индоевропейцев. Именно уровень развития позволяет им расселяться по большим пространствам и воздействовать на культуры соседей, в том числе и на их язык. Но сама исходная область кроманьонцев пока не может быть выявлена из-за недостатка материала, особенно антропологического. Светлая пигментация большинства групп индоевропейцев (в особенности кроманьонцев) свидетельствует о сложении их в *северной зоне*. Но если учесть, что истоки их теряются где-то в ледниковом периоде, то «севером» могло быть и Средиземноморье и даже Северная Африка. Им приходилось то отступать от ледника, то следовать за его отступлением. Ледник

разрывал отдельные их группы, заставлял искать более благополучные районы, и в какие-то периоды они составляли как бы ойкумену наступавшего со стороны Скандинавии ледника. И эта разбросанность сравнительно узкой полосой вдоль ледника на тысячи километров создавала несколько необычную ситуацию, когда контактировать они могли только со своими относительными соседями.

Таким образом, широкое расселение протоиндоевропейцев относится уже ко времени *палеолита* (40 — 12 тыс. лет до н.э.). Именно в этот период на обширных пространствах проявляются следы одного языка, что и является свидетельством значительно более глубокой древности сложения первоначального этноса, чем считают (по крайней мере, в большинстве случаев) специалисты. На топонимическом материале это убедительно обосновывал болгарский лингвист В.И. Георгиев. Но «язык» если не изначально, то очень рано неизбежно распадался на диалекты, с которыми он выходит уже в эпохи мезолита и неолита.

Известный этнограф С.П. Толстов предложил очень интересную и правдоподобную гипотезу о своеобразной «лингвистической непрерывности». Соседи друг друга понимают, а противоположные стороны уже предстают как далекие друг от друга диалекты. Иллюстрацией такой «непрерывности» может служить, например, путь от Москвы до Варшавы: даже государственные границы не разорвали этой непрерывности.

Наряду с кроманьонским типом в Европе в послеледниковое время довольно широко распространяется тип **лапоноидный**, очевидно, включавший в свой состав монголоидные элементы. Этот этнос занимал значительное место не только на *севере Европы*, где он сохраняется и до сих пор (лопарь), но и в *приальпийской области*, а также кое-где на территории *Франции и Испании*. Существует мнение об очень глубоком времени отложения этой расовой группы в Европе, еще в межледниковое время. Достаточно вероятно также, что территории, освобожденные от ледника, заселялись с разных направлений, в том числе из-за *Урала*, а в *конце мезолита*, когда растаяли последние ледники и Северный Ледовитый океан не был еще ледовитым (или уже перестал быть таковым), заметно интенсивное продвижение населения с востока на запад вплоть до *Пиренейского полуострова*. Уральские элементы ясно прослеживаются в кельтских языках, заметны они у фризов, в племенной группе

«ингвеонов», рассматриваемой чаще всего как ветвь германцев (что весьма спорно). В этих языковых реликтах отражаются очень древние контакты индоевропейцев с ветвью уральской группы языков, связанной, в свою очередь, с языками основной зоны образования монголоидной расы.

В южных районах Европы (включая Причерноморье) в эпоху верхнего палеолита встречаются также **негроидные** типы. В свою очередь северные европеиды проникают в Северную Африку. Такого рода встречные движения и, очевидно, взаимодействия создавали весьма сложную и запутанную этническую карту по всей территории Европы, Передней Азии и Северной Африки.

§2. КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ

В большинстве современных концепций считается, что время происхождения индоевропейцев — III — II тыс. до н.э., т.е. эпохи *энеолита и бронзы*. В качестве возможной «прародины» указываются разные территории — Южная Германия, Причерноморье, Малая Азия и др.

Из даты III — II тыс. до н.э. исходят большинство лингвистов, придерживающихся методов *сравнительного языкознания* (компаративисты). Некоторые лингвисты, впрочем, считают, что индоевропейская «стадия» начиналась лишь со II тыс. до н.э., связывая эту дату с «социальным переворотом» — отделением земледелия от скотоводства. А известный археолог А.Л. Монгайт полагал даже, что «формирование крупных этнических общностей, больших европейских семей народов — кельтов, германцев, славян — происходило во время, близкое к тому, когда впервые о каждом из них упоминают письменные источники» (в частности, для славян это был бы VI — конец V в.). При таком подходе «прародина» связывается едва ли не с каждой археологической культурой от европейского Северо-Запада до Средней Азии эпохи неолита.

Большинство специалистов, видимо, правы в том, что рассматриваемые ими территории были заселены индоевропейцами в III — II тыс. до н.э. Но означает это лишь то, что *время сложения самой индоевропейской общности нужно углубить на несколько десятков тысяч лет.*

Консервативный период в формировании того или иного языка самым тесным образом связан с существованием *родовой* (и соответственно племенной) или *территориальной* организацией общества (последняя возникает ранее всего в областях оседлого земледелия). При всех разногласиях, имеющих в определении времени возникновения общественных структур, **верхний палеолит** в большинстве случаев уже демонстрирует наличие такого рода организаций. Племенное устройство австралийских аборигенов (отсутствие вождей, культ племенных родословных) показывает, что племя само по себе проходит чрезвычайно длительный путь развития, который в условиях первобытного общества должен измеряться десятками тысяч лет. Застойность же быта, социальной организации и материальной культуры неизбежно вызывает застойность языка.

На историческую арену *индоевропейские языки* выходят уже со значительными отличиями друг от друга. От начала *II тыс. до н.э.* имеются письменные памятники малоазиатских хеттов. В глубокую древность уходят некоторые топонимические пласты, также существенно отличающиеся друг от друга. Все эти отличия в условиях каменного века должны были складываться в течение многих тысячелетий. В итоге формирование индоевропейской общности оказывается на такой хронологической глубине, что многие спорные вопросы отпадают либо как неверно поставленные, либо как неразрешимые при настоящем уровне знания.

В настоящее время у многих индоевропейских народов отыскиваются традиции, по крайней мере с эпохи **мезолита**. (12—7 тыс. лет до н.э.) С раннего мезолита заселяли юг *Балканского полуострова* **ахейцы**. В IV — III тыс. до н.э. здесь происходит процесс ассимиляции протогреками (праионянами) также индоевропейцев — **пелазгов**. С аналогичной картиной специалисты сталкиваются в *Бретани* (север Франции), где можно говорить о наложении неиндоевропейских групп (шедших сюда и с юга, и с севера) на индоевропейские. Что касается *Северного Причерноморья*, то оно неизменно во всей мировой литературе выступает в качестве «главного претендента» на роль индоевропейской прародины. Именно Причерноморье является прародиной **ариев** (одной из ветвей индоевропейцев). На лингвистическом материале это убедительно доказывает академик О.Н. Трубачев, а на археологическом — также убедительны выводы Ю.А. Шилова.

Индоевропейская проблема часто смешивается с арийской, а «истинными арийцами» себя считают не только последователи германских расистов, но и народы явно далекие от индоевропейских ариев: чеченцы («кавказские братья»), чувашаи, в последнее время украинские националисты; но арии, конечно, лишь одна из ветвей индоевропейцев.

Для этнической истории Европы весьма интересен факт близости *антропологического облика* населения *Днепровского Надпорожья* и *Приазовья* эпохи мезолита и неолита с одновременным населением *Северной Африки, Бретани и Дании*.

«Мнение об их непосредственном и близком родстве, — замечает в этой связи известный антрополог Т.С. Кондукторова, — выглядело бы с антропологической точки зрения убедительно, но оно привело бы к столь неожиданным и столь ответственным выводам, что на нем трудно настаивать». Но, очевидно, еще труднее предположить случайное совпадение в результате независимого друг от друга развития разных исходных типов, особенно если учесть, что на всех названных территориях были и иные антропологические типы. А касаются эти совпадения именно кроманьонского варианта, который в Бретани известен уже с верхнего палеолита, а в Причерноморье теряется где-то в мезолите из-за отсутствия репрезентативного палеолитического материала.

География совпадений отражает два традиционных пути, по которым в течение ряда тысячелетий проходили этнические передвижения: *Средиземноморье* — морем и *Причерноморье–Прибалтика* по суше. Направления этих передвижений менялись в зависимости от изменения климата. С востока шли от выгоревшей в засушливые годы и превращенной в пустыню степи, а с побережий Балтийского и Северного морей в ранние эпохи уходили из-за кардинально менявшегося климата (от оледенения до субтропиков), позднее — из-за опускавшейся, иногда стремительно, прибрежной суши. Уровень самого океана с эпохи верхнего палеолита изменялся в пределах свыше 100 метров, а Балтика была то заливом океана, то озером. Все это предопределяло в одни периоды тяготение к Прибалтике, в другие — бегство от нее.

Интересно, что вынужденная миграция народов часто сохранялась в их памяти в виде преданий и легенд. При всей кажущейся сказочности и надуманности этих преданий в них есть рациональное зерно: они указывают именно на реальное направление этнических передвижений, хотя и не дают хронологических указаний. В зависимости от того, какие условия вызвали

отлив части населения из одного района в другой, последующие поколения либо хранили память о своей давней прародине, либо разрывали с ней бесповоротно. Для **алан**, прошедших в начале нашей эры до северо-запада Европы, Скандинавии, Испании и Северной Африки памятной оставалась река Дон. **Венгры**, пришедшие на средний Дунай в IX в., не просто помнили о «Великой Мадьярии», расположенной где-то на востоке, но и направляли на поиски ее специальные миссии, и во времена Ивана Грозного миссия обнаружила небольшую группу сородичей где-то в Поволжье.

Вынужденное переселение часто оставляло желание вернуться к покинутым местам, и это желание могло сохраняться (как своеобразный культ) в течение столетий. Племя могло длительное время сохранять самобытность даже в окружении иных этносов. Кельтические **галаты**, занесенные в III в. до н.э. в Малую Азию, сохраняли самобытность до V в., а возможно и позднее. Именно переселенцы часто оказываются хранителями традиций, существовавших на родине, тогда как на основной территории развитие может привести к коренному изменению не только культуры, но и самого этноса (что и произошло со значительной частью кельтов, оставшихся в областях прежнего расселения).

В эпоху мезолита и неолита, и тем более в эпоху бронзы, индоевропейское население отчетливо было представлено несколькими различавшимися антропологическими группами, и разным типам соответствовали специфические археологические культуры, или, скорее, комплексы культур. Для последующей этнической истории Европы наибольшее значение имели культурные области *шнуровой керамики* и *боевых топоров*, *линейно-ленточной керамики*, *мегалитических сооружений*, *приальпийские культуры*.

§3. КУЛЬТУРА ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ И БОЕВЫХ ТОПОРОВ

Культуру шнуровой керамики часто рассматривают как *исходную индоевропейскую*. В свете вышеизложенного надежнее рассматривать ее как *одну из индоевропейских*. Но безусловно, что именно связанный с ней антропологический тип ближе всего стоит к «классическому» кроманьонцу. В эпоху **позднего не-**

олита и **бронзы** (конец III — II тыс. до н.э.) культуры шнуровой керамики локализуются по большим пространствам северо-запада европейского побережья и *Прибалтики*, в *Надпорожье* и *Приазовье*, а также в некоторых районах *Центральной Европы*, где она входит в соприкосновение с культурой ленточной керамики. Именно основной антропологический тип населения, связанный с культурой шнуровой керамики, озадачил антропологов чрезвычайно широкой географией своего распространения. К тому же к названным областям надо прибавить *Кавказ (кавказионская группа населения)* и *Балканы (динарский тип в районе Албании и Черногории)*.

Имеются разные объяснения очевидного сходства. Один из столпов немецкой националистической археологии Г. Коссина писал о «германской» экспансии с севера вплоть до Кавказа. В нашей литературе указывали на ненаучную подоснову концепции Г. Коссины, но проблема остается, и мнение о миграции населения с северо-запада Европы на Кавказ поддержали некоторые отечественные ученые. В отношении Кавказа это мнение оспорил один из ведущих антропологов последнего времени В.П. Алексеев. Признавая, что «сходство кавказионского типа с антропологическим типом населения Восточной Европы и Скандинавии... несомненно», он объяснил его неравномерностью эволюции одного и того же палеолитического предка, т. е. отодвинул общий источник вглубь. Заодно он допускает непосредственное родство кавказионского и динарского типов.

Кроманьонский тип неолитической эпохи на *Украине* связан главным образом с *днепро-донецкой культурой* (IV — III тыс. до н.э.). Основная масса могильников этой культуры локализуется в *Надпорожье*, но влияние ее достигает *Дона* и *Приазовья*, лесостепной *Украины* и *Белоруссии*. Антропологический облик этого населения находит параллели и в *Прибалтике* (в частности, в погребениях датских «*кухонных куч*»), а также в одной группе погребенных в *Оленеостровском могильнике* на *Онежском озере*. Неудивительна поэтому альтернатива: распространение с северо-запада на юго-восток или наоборот. В пользу *юго-востока* говорит распространение именно здесь коневодства, верховой езды, изобретение колеса и самого шнурового орнамента, но это относится к периоду IV — III тыс. до н.э. От эпохи мезолита антропологические и некоторые археологические параллели находятся в *Южной Белоруссии*, т. е. в области смежной с *днепро-донецкой культурой*.

Оформление культур шнуровой керамики приходится на **III тыс. до н.э.** В старой литературе обычно говорили об «экс-

пансии» племен шнуровой керамики на запад. Теперь преобладает более сложный взгляд на ее распространение. По-видимому, на многие области распространяется лишь культурное влияние (причем оно является взаимным для контактирующих групп). В Центральной Европе, например, куда проникает эта культура, сохраняется в основном местный антропологический тип и местные элементы культуры, хотя частичная инфильтрация населения более восточных областей имела место. Фатьяновская культура, возникающая во II тыс. до н.э. в области *Верхней Волги и Клязьмы*, привнесена, по преобладающему мнению, в результате миграции племен шнуровой керамики откуда-то из *Прибалтики*.

Во II тыс. до н.э. культуры шнуровой керамики преобразуются в другие. Судьба представивших ее племен оказалась различной. **Фатьяновская** культура погибла, по-видимому, под натиском с востока *угро-финских племен*, однако остатки фатьяновцев (или, во всяком случае, элементы этой культуры) доживают здесь до периода колонизации области ее распространения славянами и варягами в VIII – X вв. нашей эры.

Язык фатьяновцев интересен именно тем, что на территорию Верхнего и Среднего Поволжья он явно привнесен, причем бесспорные родственники их находились на западе и на юго-западе. Д.А. Крайнов, обстоятельно изучавший эту культуру, вслед за многими авторами, отмечает «сходство и зачастую тождество» фатьяновской московско-клязьминской группы со *среднеднепровскими* и особенно *днепро-деснинскими* памятниками. Именно в этом районе фиксируется лингвистами **балтская** топонимика. В более южных районах такой топонимики нет, может быть потому, что они «промыты» позднейшими движениями кочевников с востока, зато в Западной Прибалтике и южной части Скандинавии родственное население составляло значительный удельный вес. На территории Швеции и Норвегии характерный для основных зон шнуровой керамики антропологический тип сохраняется до наших дней. В.П. Алексеев отмечал здесь «преемственность на протяжении минимум четырех тысяч лет», а на острове Готланд это население преобладало.

В германской националистической (и расистской) литературе Скандинавия обычно рассматривалась как «прародина» германских племен. В.П. Алексеев показывает, что «основная масса предков современного населения севера Европы происходит с юга». И он находил «совершенно очевидным», что «в эпоху неолита и тем более мезолита, может быть даже в эпоху бронзы, они не говорили на германских языках. В то же время антропологически устанавливается преемственность между неолитическим и современным населением. Этим

ставится вопрос о значительной роли субстрата в сложении европейских народов, говорящих на германских языках, и, в частности, народов Скандинавии».

Новое население приходит и в Прибалтику. Антропологически оно просматривается с *последней четверти II тыс. до н.э.*, и это совпадает с легендами о переселении **венетов** после падения Трои в Европу, на северо-запад Адриатики и юго-восток Прибалтики. Факт такого рода переселения утверждается целым рядом данных. Во-первых, антропологический тип этого населения резко отличается от населения культур шнуровой керамики своим сходством с *причерноморским и средиземноморским* (более грацильное, узколицее население, потомки которого в приморской юго-восточной Прибалтике сохраняются до сих пор). А во-вторых, в лингвистической литературе, прежде всего в работах немецкого лингвиста Г. Краэ, отмечено широкое совпадение топонимики *северо-запада Малой Азии, северо-запада Адриатики и юго-восточной Прибалтики*. Именно связь Адриатики и Прибалтики побудила говорить об особой ветви индоевропейских племен — **«северных иллирийцах»**. Венеты и иллирийцы контактировали в зоне Адриатики, и какая-то часть иллирийцев также могла уйти на север. Но языки тех и других все-таки разные, а венетская основа всех трех областей проявляется в преданиях.

Согласно «Илиаде», венетов вывел из Малой Азии их вождь Пилемен. У адриатических венетов это предание жило, и существовал культ легендарного вождя Палемона, достигает он и Прибалтики (а от племянника императора Августа Палемона в XV в. вели свой род литовские князья).

Культуры шнуровой керамики часто рассматривают в качестве исходной области **балтских, славянских и германских языков**. Проблемы существования такой общности коснемся ниже в связи с проблемой происхождения славян. Здесь можно отметить, что область распространения культур шнуровой керамики шире, нежели язык основной составляющей ее группы племен, что же касается языка основной группы, то, возможно, есть некоторые пути его определения. В значительной мере они указаны лингвистом Б.А. Серебряковым, обратившим внимание на древний индоевропейский слой в зоне позднего расселения угро-финских племен. И топонимика, и отражения в самих угро-финских языках ведут к балтским — в широком смысле этого понятия, а не к какому-то конкретному.

§4. МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Через *Средиземноморье* на дальний Северо-Запад и север Европы распространялось в **поздненеолитическую** эпоху и иное население — оно связывалось с *культурой мегалитов*.

Мегалитическая культура все еще исследована довольно слабо. Разбросанные на широкой территории культовые сооружения из огромных камней (до 12 м в высоту), **дольмены** (каменные столы) и **кромлехи** (выложенные камнем кольца) неизменно разжигали воображение любителей. Но сама широта их распространения от Испании, Франции (прежде всего Бретани), Британских островов и севера, вплоть до Белого моря (где и поныне морские отливы обнажают мегалитические лабиринты, о природе которых краеведы ничего не знают), Северной Африки, Причерноморья, юга Индии и даже Японии существенно затрудняла анализ. И именно широта распространения мегалитов заставляла многих исследователей принимать версию о стадильном развитии, а не о расселении родственных племен и языков, к тому же культ камня естественен для *неолита*, и он действительно принимал отличающиеся друг от друга формы.

Определенный урон серьезному исследованию вопроса нанесла нацистская и расистская немецкая историография, в соответствии с которой смешение культур шнуровой керамики и мегалитов привело к появлению «индогерманцев», «истинных арийцев» и т.п. Эта тенденция в науке вызывала иную позицию: стремление доказать, что население мегалитической культуры вообще было неиндоевропейским, да к тому же выяснилось, что распространялась культура с юга на север, а не наоборот.

Так же как и в культурах шнуровой керамики, в большинстве районов распространения культуры мегалитов отмечается один и тот же антропологический тип населения: это *средиземноморско-атлантический европеоид*, характеризующийся *высоким ростом, длинноголовостью*, но, в отличие от культур шнуровой керамики, *чрезвычайно узким лицом*. В Скандинавии и до сих пор смешиваются в основном два названных типа (причем они не дают промежуточных вариантов). Но, что важно, мегалитический тип не имеет отношения к германцам.

Некоторые ученые стремились вынести мегалитическую культуру вообще за пределы индоевропейской языковой группы. Однако имеется большое количество аргументов в пользу их

именно **индоевропейской** принадлежности. В литературе обсуждалось, например, происхождение суффикса «*itani*», увязываемого в областях мегалитической культуры с названиями разных племен и народов («мавритани», «британи» и др.). В Европе культура мегалитов существовала с **III тыс. до н.э.** до начала железного века (около **700 г. до н.э.**). На территории Франции, например, под слоем кельтской топонимики ясно просвечивается более древний индоевропейский слой.

Проблему истоков мегалитической культуры на археологическом материале наиболее основательно поставил А.И. Марковин. Он обосновал гипотезу некоторых французских и немецких ученых о **пиренейской**, «иберийской» прародине этой культуры.

Истоки пиренейской культуры мегалитов восходят к культуре **гrotov** — захоронений в искусственных пещерах (которые, в свою очередь, восходят к культуре верхнего палеолита этих областей). Древнейшие погребения такого типа датируются примерно концом **V тыс. до н.э.** Распространяется эта культура по прибрежной полосе в областях, богатых песчаником или иным видом камня. В **III тыс. до н.э.** начинается распространение культуры на *север Европы*, а также на *восток Средиземным морем*. Следы этой культуры обнаруживают по побережью Северной Африки, на островах Корсика и Сардиния, некоторых прибрежных районах юга Италии и далее на восток Средиземноморья. Есть определенные доказательства связи ее с крито-микенской культурой начала II тыс. до н.э.

К Черному морю население мегалитической культуры вышло в то время, когда проливов Босфора и Дарданеллы еще не было, а Черное море соединялось со Средиземным рекой, протекавшей северо-западнее по Фракии — именно вдоль этой бывшей реки и отложились первые *причерноморские* дольмены. Далее культура распространяется на территории Болгарии, юга Украины, Крыма, Таманского полуострова и узкой приморской полосой до Абхазии.

Западный Кавказ принял мигрантов из Средиземноморья уже на рубеже **III — II тыс. до н.э.**, в эпоху энеолита. Здесь пришлое население, естественно, вступает в контакты с местным. По расчетам В.И. Марковина, «примерно к 1400 — 1300 гг. до н.э. их (*дольмены*. — А.К.) перестали строить, причем строительство дольменов раньше прекращается на территории Абхазии, а затем в Прикубанье».

Прекращение сооружения мегалитов в Абхазии может быть связано с отливом населения в Индию, а две ветви, проявляющиеся около этого времени — **иранская** и **индоарийская**, — отражают неоднородность самого причерноморского населения. И это могло быть не первое переселение индоевропейцев на территории Ирана и Индии. И, конечно, существенно, что европеоидный тип населения Индии восходит главным образом к мегалитической культуре.

Переплетение потомков культур шнуровой керамики и мегалитов просматривается и в *Западной Европе*: культура «**воронковидных кубков**», восходящая к мегалитической, в конце **III тыс. до н.э.** надвигается от Северного моря и Прибалтики к *Приднепровью*. И на северном побережье *Черного моря* мигранты мегалитической культуры соприкасались и смешивались с местными — поздней ямной и катакомбной, и такое смешение проходило достаточно легко благодаря родственным языкам.

Как уже говорилось, культура мегалитов не имеет отношения к германскому этногенезу. Зато **кельтский** этногенез связан с ней довольно тесно. Культура мегалитов является самым мощным подслоем современных кельтских народов: бретонцев, ирландцев, уэльсцев, шотландцев. Именно на этих территориях, равно как и на некоторых недавно ассимилированных зонах прежнего кельтского расселения (о. Мен и др.), сохраняется наибольшее количество мегалитических сооружений, они носят здесь наиболее многообразный характер и до недавнего времени воспринимались как священные культовые сооружения. Однако антропологически кельты в основном относятся к другим индоевропейским типам, в частности к населению культуры **колоколовидных кубков**, которая распространялась в начале **II тыс. до н.э.** из той же *Иберии* одной ветвью по побережью океана на север, другой — в Центральную Европу, где она станет элементом славянского этногенеза.

§5. КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ

Примерно с **V тыс. до н.э.** несколькими волнами через *Балканы* (культура **Винча** на севере Балкан) на значительной территории долины *Дуная* и *Рейна* распространяется неолитическая культура *линейно-ленточной керамики*, названная так по харак-

терному орнаменту на сосудах. Как и во многих других случаях, истоки ее не вполне ясны, и о направлении расселения высказывались различные предположения. Но большинство специалистов в настоящее время склонно объяснять происхождение ее миграцией довольно многочисленного населения из области *Восточного Средиземноморья*, по всей вероятности из Малой Азии или через Малую Азию. Сами эти выселения, по крайней мере с IV тыс. до н.э., могли вызываться возникновением Шумеро-Аккадского государства и экспансией его в направлении северных и северо-западных соседей. Именно на севере Месопотамии существовало индоевропейское (или индоарийское) государство Митанни (в названии слышится специфический суффикс языка племен мегалитической культуры). В пользу Средиземноморья и Передней Азии говорит распространение в рамках этих культур оседлого земледелия. К средиземноморскому типу относится и антропологический облик их населения, отличавшегося *узколицестью* в сочетании с *умеренной долихокранией* и *мезокранией*.

К кругу культур ленточной керамики относится балканская культура **Боян**, а также **среднеднепровская трипольская** культура. В нашей литературе, естественно, уделяется особое внимание трипольской культуре. Культура привлекала особое внимание высоким уровнем развития сельского хозяйства, гармоничным сочетанием растениеводства и животноводства, применением органических удобрений, высоким уровнем ремесла, особенно гончарного, большими размерами располагавшихся круговыми кольцами поселений. Последнее обстоятельство предполагало и высокий уровень социальной организации. На последней стадии существования культуры появляются и оборонительные сооружения, которые свидетельствуют о появлении внешней угрозы: на раннем этапе таковых не было, и это служило аргументом в пользу преимущества культуры от предшествующих местных культур.

Трипольцы, как, очевидно, и другие ветви культуры ленточной керамики, приходили, конечно, не на пустое место. Здесь жили слабо организованные охотники и собиратели. А миграции земледельческого населения (в отличие от степных кочевников), как правило, проходили путем постепенного мирного распространения на новые территории. Следов какой-либо борьбы действительно не видно, но местный антропологический тип и некоторые элементы культуры на раннем этапе су-

ществования культур ленточной керамики будут просматриваться. Другое дело, что ассимиляция местного населения проходит довольно быстро под влиянием безусловно более высокой культуры пришлого населения.

Более высокий уровень пришлой культуры просматривается в самых разных аспектах, в частности в формах религиозных представлений, требующих на определенном этапе знакового выражения. Культовые знаки, в особенности культ плодородия, представленный в хорошо выполненных женских статуэтках, а также рисунках на камнях и керамике, являются как бы первым шагом к записи культовых преданий. В Румынии в 1961 г. в рамках культуры **Боян** были обнаружены и три керамические таблички местного производства со знаками дошумерийского рисуночного письма, известного в Месопотамии около 3000 г. до н.э. Определенные связи с Шумером отмечаются и в религиозных обрядах трипольцев. Три таблички в культуре Боян указывают непосредственно на связи с Малой Азией, где некоторые лингвисты ищут древнейшие истоки языка индоевропейцев.

Тот факт, что племена культуры ленточной керамики участвовали в процессе становления **индоевропейских** племен, признается большинством ученых: эти племена составят определенный компонент во многих народах Центральной Европы и Балкан, и в конечном счете с ними увязывается и *южногерманская* версия индоевропейской прародины. Западнее *Вислы* к этому же типу относится **лендельская** культура, которую рассматривают в качестве одного из возможных исходных компонентов **славянского** этногенеза. Но попытки связать, например, трипольскую культуру одновременно и с ариями, и с протославянами (что в последнее время особенно пропагандируется на Украине) нельзя считать обоснованными. **Трипольская** культура как бы разрезает культуры, восходящие к **днепро-донецкой** и к наследию культур **шнуровой керамики** и **боевых топоров**. Специально занимавшаяся славянским этногенезом по антропологическим данным Т.И. Алексеева не находит в составе позднейшего славянства даже и компонента, восходящего к трипольцам, — культура была разрушена *нижнеднепровскими* племенами еще до появления славян в Восточной Европе. Можно обратить внимание и еще на одно обстоятельство: поселения и дома **трипольской** культуры однотипны и не предполагают социального неравенства.

Во **II тыс.** из *Малой Азии* через Балканы было еще несколько переселений в *Центральную и Северную Европу*. Отчасти поэтому, отчасти благодаря улучшению климатических условий на севере (и ухудшению на юге) развитие Европы выравнивается по сравнению с районами Средиземноморья и Передней Азии. Уже в строительстве мегалитических сооружений, особенно таких, как кромлехи Бретани, проявляется высокая организованность больших масс населения. Многотонные (до 40 тонн) каменные глыбы приходилось передвигать на десятки километров. Разная степень сложности и пышности сооружений свидетельствует о дифференциации внутри племен и между племенами. Обладатели наиболее ярких кромлехов и «рядов камней», примыкавших к ним, очевидно, имели и моральное, и материальное превосходство перед другими родственными племенами. Косвенно эти сооружения свидетельствуют об интенсивности социального расслоения.

В период **бронзы** процесс *классообразования* захватывает большинство племен индоевропейской группы. Это обстоятельство хорошо засвидетельствовано как археологическими, так и лингвистическими данными (наличие слов, означающих свободных и несвободных, вождей и т.п.). Весьма вероятно, что к этому времени относится сложение больших союзов племен, может быть народностей и ранних государственных образований. Социальная дифференциация прослеживается на убранстве и инвентаре, сопровождающих погребения. Наряду с родовыми могильниками выделяются отдельные курганы, иногда весьма внушительных размеров. В курганах **унетицкой** культуры, возникшей в центре Европы на базе культуры ленточной керамики в начале **II тыс. до н.э.**, встречаются золотые изделия, а умершего господина нередко сопровождает насильственно умерщвленный слуга или рабьяня.

Унетицкая культура существовала примерно четыре столетия, в течение которых она отчасти распространялась на новые территории, а отчасти поглощалась другими культурами. Около 1450 г. до н. э. северо-восточные районы этой культуры перекрываются **тшинецкой**, которая существовала примерно до 1100 г. до н. э. и занимала пространство от Варты до Днепра, т. е. ту территорию, на которой чаще всего ищут следы древнего славянства.

В середине **II тыс. до н. э.** очередная волна мигрантов из *Малой Азии* приносит в Центральную Европу новый для нее обряд

захоронения: *трупосожжение*. Обряд этот захватывает многие области Европы, в частности будущих германцев и славян. У славян обряд трупосожжения сохранится вплоть до христианизации, на протяжении почти двух с половиной тысяч лет. Около XIII в. до н.э. в Центральной Европе возникает **лужицкая культура**. Она просуществует до IV в. до н. э., и в ней будут искать и германцев, и славян. Больше, однако, приверженцев версии, что это — культура, соединившая будущих кельтов, иллирийцев и венетов. Именно отсюда, по мнению известного рижского антрополога Р.Я. Денисовой, пришло на побережье Балтики («Венедского залива» античной географии) новое население в последней четверти II тыс. до н. э. Но, как было сказано выше, это население пришло опять-таки из Малой Азии, и это были именно венеты.

В этногенетических преданиях европейских народов часто фигурирует *Троя*, а начало народов связывается с Троянской войной и вызванных ею передвижениями племен. Троя пала около **1260 г. до н. э.**, полвека спустя пало и *Хеттское государство*. Около этого же времени загадочные дорийцы опустошают культурные центры Средиземноморья. И около этого же времени в Центральной Европе и Юго-Восточной Прибалтике появляется новое население и новые культуры.

Троянская война и в самом деле была фактором мирового значения. В течение почти двух тысяч лет могучая Троя контролировала путь из Причерноморья в Средиземноморье. Примечательно, что один из героев Троянской войны, Ахилл, и в греческой литературе, и у населения Северного Причерноморья связывался с черноморским побережьем. Так, в современных Гомеру «кипрских сказаниях» имеется сюжет о перенесении богиней Артемидой невесты Ахилла Ифигении к таврам (Крым). В этих же сочинениях говорится о погребении Ахилла Фетидой на острове Белом у устья Дуная. Сама богиня Артемида, по мнению некоторых ученых, была заимствована древними греками из культов Причерноморья. Культ ее сохранился у тавров — народа, по представлению греков классического периода, крайне варварского, убивающего иноземцев. Двусторонний культурный обмен в данном случае мог происходить лишь за много столетий до классического периода. Есть и некоторые данные о том, что союзником греков в Троянской войне выступали господствовавшие тогда в Причерноморье киммерийцы.

Предания о Троянской войне у разных народов пропитаны симпатией к побежденным. Сам Юлий Цезарь считал себя потомком легендарного троянца Энея. Преемник Трои Илион получил привилегии: освобождался от даней. Адриатические венеты, ведшие себя от союзника Энея Палемона, тоже получали определенные льготы. С почетом в I в. встретили римскую делегацию и венеды восточного побережья Балтики: подаренного ими янтаря хватило на оформление римского театра гладиаторов.

Генеалогические предания догосударственной поры, как правило, достоверны. Жрецы, судьи и песнотворцы должны были знать своих предков, дабы отличать «своих» от «чужих». Даже в генеалогии «Младшей Эдды», выводящей норманнов из Трои и Фракии, есть что-то от достоверности: сорок поколений от исхода до первых веков н.э., когда германцы впервые появляются на южном берегу Скандинавии, совпадают со временем падения Трои и массовой миграцией союзников троянцев в Центральную Европу. И примечательно отождествление в саге «Европы» или «Энеи» (такое отождествление также было достаточно распространенным). А фальсифицировать генеалогии начали лишь тогда, когда стали складываться иерархии родов и племен.

Наряду с почти постоянными переселениями значительных масс населения из беспокойной Малой Азии, аналогичные вторжения в *Центральную Европу* и *Прибалтику* шли и с востока. Передвижения племен особенно усиливаются с конца эпохи бронзы, причем направление их в это время весьма неустойчиво. Одной из причин миграций был рост населения, происходивший наиболее интенсивно в благоприятных природных и социальных условиях. Другая причина, как отмечено выше, связывалась с климатическими изменениями.

Передвижения обычно связывались с серьезными изменениями в социальной сфере и в огромной степени способствовали разрушению сложившихся отношений либо в сторону углубления социального расслоения, либо, напротив, в сторону «оздоровления» обстановки за счет нивелирования пропасти, разделяющей богатство и бедность. Чешский ученый Я. Филип показывает, как развивался процесс социальной дифференциации у **кельтов** раннего железного века: «Рождающаяся придворная среда жила в ущерб широким массам в невероятной роскоши, иногда — да будет нам позволено воспользоваться этим выраже-

нием — почти постыдной». Но «в определенное время настал перелом, который был неизбежен», происходит процесс «эмансипации», может быть, в результате мощного восстания. Аналогичные «перепады» происходили неоднократно и в более ранние эпохи, причем более целесообразные экономические отношения обычно способствовали росту производительных сил, а неоправданное социальное размежевание могло вести к разрушению достигнутого за целый ряд столетий.

Процесс образования народностей обычно связан с разрывом *кровнородственных* отношений, с оттеснением их на задний план по сравнению с чисто *социальными и территориальными*. Но этот процесс также был весьма противоречивым и не прямолинейным. На протяжении многих тысячелетий шла борьба и своеобразное состязание этих двух принципов, в результате чего они могли причудливо сочетаться. В целом, чем древнее эпоха и чем консервативнее социально-производственный уклад этноса, тем сильнее в нем проявляются принципы кровнородственных отношений. Социальная дифференциация в таких обществах обычно предполагает дифференциацию племен и родов, а рабами и зависимыми становятся прежде всего пленники из чужого племени или же (что более предосудительно) родственного, но попавшего в разряд «низших».

Как правило, *территориальная община* раньше складывается у оседлого земледельческого населения. *Кровнородственная община* дольше держится у кочевников, но у них она является и катализатором неравенства: и внутри семьи, и внутри рода и племени. Кочевой быт формирует также готовность в любое время вступить в схватку за новые территории или за уже произведенную кем-то продукцию. В земледельческих обществах происходит довольно быстрая ассимиляция общинами пришедшего или соседнего (особенно неустroенного) населения. Кочевники же обычно стремились поставить в ту или иную зависимость побежденных или купленных на невольничьих рынках.

Литература

- Алексеев В. П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. М., 1978.
- Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. М.Л., 1953. №38.

- Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.
- Великанова М. С.* Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975.
- Генинг В. С.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
- Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Георгиев В. И.* Индоевропейское языкознание сегодня // Вопросы языкознания. 1975. №5.
- Герасимов М. М.* Люди каменного века. М., 1964.
- Горнунг Б. В.* К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (Протоиндоевропейские компоненты или иноязычные субстраты?) // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1964.
- Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.
- Иванов В. В.* Хеттский язык. М., 1963.
- Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа: Пер. с англ. М., 1953.
- Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.
- Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Марков Г. Е.* История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.
- Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (по данным археологии). Л., 1976.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
- Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975.
- Першиц А. И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М., 1982.
- Равдоникас В.И.* История первобытного общества. Л., 1974.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Телегин Д. Я.* Об основных позициях погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Толстов С. П.* «Нарци» и «волохи» на Дунае // Советская этнография. 1948. №2.
- Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958.

Топоров В. Н. Об архаичном слое в образе Ахилла (Проблемы реконструкции элементов прототекста) // *Образ — смысл в античной культуре.* М., 1990.

Трубачев О. Н. К истокам Руси (Наблюдения лингвиста). М., 1993.

Филип Ян. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.

Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.

Чмыхов Н. А. Истоки язычества Руси. Киев, 1990.

Шилов Ю. А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995.

ГЛАВА II

Проблема происхождения славян

Споры о месте и времени происхождения индоевропейцев, изложенные в предшествующей главе, уже предполагают, что условия возникновения «исторических» народов также не имеют однозначных решений. Это в полной мере относится и к славянам. Проблема происхождения славян обсуждается в науке уже более двух столетий. Археологи, лингвисты, антропологи, этнографы предлагают разные концепции и гипотезы и пока остаются в основном каждый при своем мнении.

А круг спорных вопросов весьма широк. Одно противоречие лежит на поверхности: славяне под таким именем выходят на историческую арену лишь в **VI в. н.э.**, и потому велик соблазн считать их «молодым народом». В то же время **славянские языки** — носители архаичных черт индоевропейской общности. И это — признак их глубоких истоков. Естественно, что при столь значительных расхождениях в хронологии и территории и археологические культуры, привлекающие исследователей, будут разные. Невозможно назвать ни одну культуру, в которой сохранялась бы преемственность от **III тыс. до н.э.** до середины **I тыс. н.э.**

Ущерб научному изучению проблемы происхождения славянства наносили и краеведческие увлечения. Так, германские историки еще в XIX в. все сколько-нибудь заметные археологические культуры в Европе объявили германскими, а славянам на карте Европы вообще не нашлось места, и их поместили в узком районе Пинских болот. Германской агрессии достойно ответил чешский ученый П. Шафарик в своем солидном исследовании «Славянские древности», которое по праву считается началом серьезного изучения славянского вопроса. Но «краеведческий» подход будет преобладать в литературе разных славянских стран и народов. В Польше будут искать славян в составе лужицкой культуры и будет решительно превалировать «висло-одерская» концепция происхождения славянства. В Белоруссии внимание будет уделяться все тем же «Пинским болотам». На Украине внимание замкнется на Правобережье Днепра («днепро-бугская» версия).

§1. ПРОБЛЕМА СЛАВЯНО-ГЕРМАНО-БАЛТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

На протяжении, по крайней мере, полутора тысяч лет история славян протекала в условиях тесного взаимодействия с **германцами** и **балтами**. К числу германских языков, кроме немецкого, в настоящее время относятся датский, шведский, норвежский, в известной мере английский и нидерландский. Имеются также памятники одного из исчезнувших германских языков — готского. Балтские языки представлены литовским и латышским, всего несколько столетий назад исчез прусский язык. Значительная близость славянских и балтских языков, а также известное сходство их с германскими бесспорны. Вопрос заключается лишь в том, является ли данное сходство исконным, восходящим к единой общности, или же приобретенным в ходе длительного взаимодействия разных этносов?

В классическом *сравнительно-историческом языкознании* мнение о существовании славяно-германо-балтской общности вытекало из общего представления о членении индоевропейского языка. Такой точки зрения придерживались в середине XIX столетия немецкие лингвисты (К. Цейсс, Я. Grimm, А. Шлейхер). В конце XIX столетия под влиянием теории *двух диалектных групп* индоевропейских языков — западная — *septim*, восточная — *satem* (обозначение числа «сто» в восточных и западных языках), германские и балто-славянские языки были определены в разные группы.

В настоящее время число мнений и способов объяснения одних и тех же фактов значительно возросло. Разногласия усугубляются традицией специалистов разных наук решать проблемы только на собственном материале: лингвисты на своем, археологи на своем, антропологи на своем. Подобный подход, очевидно, должен быть отвергнут как методологически неправомерный, поскольку исторические вопросы не могут решаться в отрыве от истории, а тем более против истории. Зато в союзе с историей и в совокупности всех видов данных могут быть получены весьма надежные результаты.

Были ли едины в древности германцы, балты и славяне? На существовании *общего праязыка трех индоевропейских народов* настаивал болгарский лингвист В.И. Георгиев. Он указал на ряд

важных соответствий в **балто-славянских** и **готском** языках. Тем не менее для вывода об их исходном единстве этих параллелей недостаточно. Лингвисты слишком бездоказательно относят особенности готского языка к **прагерманскому**. Дело в том, что на протяжении ряда столетий готский язык существовал обособленно от других германских языков в окружении инородных, в том числе балто-славянских. Выделенные лингвистом соответствия вполне могут быть объяснены как раз этим многовековым взаимодействием.

Известный отечественный специалист по германским языкам Н.С. Чемоданов, наоборот, *разделял* германский и славянский языки. «Судя по данным языка, — заключал он, — непосредственный контакт германцев со славянами был установлен очень поздно, может быть не раньше нашего летосчисления». Этот вывод полностью разделил другой видный лингвист-руссист Ф.П. Филин, и сколько-нибудь весомые аргументы ему пока не противопоставлены. Лингвистический материал, следовательно, не дает доказательств даже для того, что балто-славяне и германцы формировались по соседству.

В немецкой историографии **прагерманцы** связывались с **культурами шнуровой керамики и мегалитов**. Между тем обе они к германцам отношения не имеют. Более того, оказывается, что на территории нынешней Германии вообще нет исконной германской топонимики, в то время как негерманская представлена довольно обильно. Следовательно, германцы поселились на этой территории сравнительно поздно — незадолго до начала нашей эры. Вопрос заключается лишь в альтернативе: пришли ли германцы с севера или с юга.

В пользу *северного* происхождения **германцев** приводится обычно топонимика некоторых южно-скандинавских территорий. Но и в Скандинавии германцы появились вряд ли задолго до рубежа нашей эры, причем, например, свевы продвигаются туда с континента только в эпоху Великого переселения народов (IV — V вв. н.э.). Основной массив **скандинавской** топонимики сближается не с германской, а с **кельтической** (или с «кельто-скифской»), как это было показано в работах шведского ученого Г. Йохансона и американца шведского происхождения К.Х. Сихольма.

В этой связи любопытны генеалогические предания **норманнов**, сообщавшие о прибытии их *«из Азии»*, с которой ассоциировалось представление о вечно цветущей стране, несравненно более богатой, чем холод-

ное побережье Атлантики. В «Младшей Эдде», география в которой представлена тремя частями света — Африкой, Европой, или Энеей, и Азией, последнюю представляет *Троя*. «С севера на восток, — пишется в саге, — и до самого юга тянется часть, называемая Азией. В этой части мира все красиво и пышно, там владения земных плодов, золото и драгоценные камни. И потому, что сама земля там во всем прекраснее и лучше, люди, ее населяющие, тоже выделяются всеми дарованиями: мудростью и силой, красотой и всевозможными знаниями».

Родоначальником переселенцев из-под Трои в саге признается Трор, или *Тор*, который в возрасте 12 лет убил своего воспитателя — фракийского герцога Лорикуса и завладел Фракией. В двадцатом поколении рода Тора родился *Один*, которому было предсказано, что он будет прославлен на севере. Собрав множество людей, он отправился на север. Саксония, Вестфалия, земля франков, Ютландия подчиняются Одину и его роду, затем он направляется в Швецию. Шведский конунг Гюльви, узнав, что пришли из Азии люди, которых называют асами, предложил Одину властвовать над его землей.

Любопытно рассуждение о языке асов: «Асы взяли себе жен в той земле, а некоторые женили и своих сыновей, и настолько умножилось их потомство, что они расселились по всей Стране Саксов, а оттуда и по всей северной части света, так что язык этих людей из Азии стал языком всех тех стран, и люди полагают, что по записанным именам их предков можно судить, что имена эти принадлежали тому самому языку, который асы принесли сюда на север — в Норвегию и Швецию, в Данию и Страну Саксов. А в Англии есть старые названия земель и местностей, которые, как видно, происходят не от этого языка, от другого».

Интересно, что облик скандинавов заметно *отличается* от германцев (за счет смешения потомков культур шнуровой керамики и мегалитов, а также уральских элементов). Язык предков и потомков Одина также далек от континентальных германцев. Сюжет же связанный с «асами» имеет и еще одно осмысление в сагах: «асами», «ясами» называли алан Подонья и Северного Кавказа (под таким именем они известны и русским летописям).

«Младшая Эдда» написана в 20-е г. XIII в. Но имеются две более ранние версии, связанные с асами-норманнами. Это «*Норманнская хроника*» XII в., в которой как бы оправдываются права норманнского герцога Роллона на овладение севером Франции («Нормандией») в начале X столетия, поскольку именно туда пришли во II веке норманны с Дона. На севере Франции и до сих пор сохраняются могильники, оставленные аланами. Рассеяны они и по другим местам северо-запада Европы, памятью чего служит и здесь же широко распространенное имя Алан, или Алдан (в кельтской огласовке). Другим источником являет-

ся хроника XII в. *Анналиста Саксона*. В ней называется даже точная дата переселения: 166 г. н.э.

В *Саге об Инглингах* (записанной как и «Младшая Эдда» Снорри Стурлусоном, видимо, со слов скальда IX в. Тьодольфа) говорится о *Великой Свитьод* (обычно трактуемой как «Великая Швеция»), которая занимала обширные области около Танаиса (т. е. Дона). Здесь была страна асов — *Асаланд*, вождем который был *Один*, а главным городом Асгард. Следуя предсказанию, Один, оставив братьев в Асгарде, повел большую часть на север, затем на запад через Гардарики, после чего повернул на юг в Саксонию. В саге довольно точно представлен Волго-Балтийский путь, а Гардарики — это область от Верхней Волги до Восточной Прибалтики, где западное направление сменяется южным. После ряда перемещений, Один поселяется в Старой Сигтуне у озера Мелларн, и эта область получит название Свитьод или Маннхейм (жилище людей), а Великая Свитьод будет называться Годхеймом (жилищем богов). По смерти, Один вернулся в Асгард, забрав с собой воинов, погибших в боях. Таким образом, «Великая Швеция», которой уделяется весьма значительное место в шведской литературе и вообще в построениях норманистов, не имеет никакого отношения к Киевской Руси, а придонская салтовская культура и археологически, и антропологически увязывается именно с аланами, которых во многих восточных источниках IX — XII веков называли «русами».

Интересно и то, что антропологи отмечают близость облика континентальных **германцев к фракийцам**. Именно ассимиляция **славянами** Подунавья местного фракийского населения создала вроде бы парадоксальную ситуацию: из всех славян антропологически ближе всех к германцам нынешние болгары, а не соседи Германии. Близость облика континентальных германцев к фракийцам дает направление поиску их общих истоков: они находились в области культур **ленточной керамики**, и в рамках ее продвигались к северо-западу, сталкивая или вовлекая в свое движение и племена иного облика.

Германцы надежно просматриваются на *Нижней Эльбе* в рамках **ясторфской** культуры примерно с рубежа VII — VI вв до н. э. В южных пределах заметно **кельтское** влияние (культур **гальштатской** и позднее **латенской**). Как и всюду в буферных зонах, на границе кельтских и германских племен происходило неоднократное взаимопроникновение культур, причем наступала то одна, то другая. Но накануне нашей эры в результате почти повсеместного отступления кельтских культур перевес оказывает на стороне германцев.

Решающим лингвистическим аргументом против гипотезы о существовании когда-либо единства германцев с балто-славяна-

ми является отсутствие каких-либо промежуточных диалектов. Три народа являются соседями в первых упоминаниях о них в письменных источниках, но очевидно, что ко времени их территориального сближения они представляли собой сложившиеся в языковом, культурном и социальном отношении общества.

Археологически ранним этапом германского и балто-славянского взаимодействия может явиться **продвижение примерно в III в. до н. э. группы ясторфского населения** за правобережье *Одера* в область распространения в то время **поморской культуры**. Есть предположение, что позднее эти пришельцы были оттеснены назад племенами **оксывской культуры**, но решение может быть и иным: в ходе длительного взаимодействия группы ясторфцев могли подвергнуться влиянию местного населения, хотя и сохранили свой язык. Именно здесь, по всей вероятности, сформировались **готы**, и, может быть, некоторые другие близкие им племена, культура которых заметно отличалась от собственно германцев.

В целом вопрос о существовании исходной германо-балто-славянской общности довольно единодушно решается отрицательно.

§2. ПРОБЛЕМА СЛАВЯНО-БАЛТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема **балто-славянской общности** вызывает больше разноречий, нежели вопрос о германо-балто-славянском единстве. Разноречия проявились уже в XVIII в., в споре М.В. Ломоносова с первыми норманистами, в ходе которого русский ученый обратил внимание на факты языковой и культурной близости балтов и славян. От объяснения причин и характера этой близости в значительной степени зависит и решение вопроса о славянской прародине и вообще вопроса об условиях возникновения славянства. Но при этом обязательно следует учитывать следующее: поскольку германцы не были автохтонным населением западно-балтийских территорий, вопрос о прародине балтов и славян не должен ставиться в зависимость от наличия или отсутствия в их языке сходений с германскими.

Близость **славянских и балто-литовских языков** очевидна. Проблема же заключается в определении причин этого явления: результат ли это длительного проживания по соседству двух эт-

носов или постепенное расхождение изначально единой общности? С этим связана и проблема установления времени сближения или, напротив, расхождения обеих лингвистических групп. Практически это означает выяснение вопроса, *является ли славянский язык автохтонным (т.е. коренным) на территории, примыкающей к балтам*, или же он *привнесен* какой-то центрально- или даже южно-европейской этнической группой. Необходимо также уточнить и исходную территорию прабалтов.

В русском языкознании конца XIX — начала XX столетия преобладало мнение об *исходной балто-славянской общности*. Этот взгляд решительно отстаивал, в частности, А.А. Шахматов. Противоположного мнения достаточно последовательно придерживался, пожалуй, только И.А. Бодуэн де Куртэне да латышский лингвист Я.М. Эндзелин. В зарубежном языкознании исходную близость этих языков признавал А. Мейе. Позднее идея существования общего праязыка почти безоговорочно принималась польскими лингвистами и отрицалась литовскими. Одним из наиболее веских аргументов в пользу существования исходной общности является факт *морфологической* близости языков, на это обращает особое внимание В.И. Георгиев. В настоящее время, как за рубежом, так и в России, есть сторонники и той и другой точек зрения.

Едва ли не большинство расхождений возникает из-за разного понимания исходного материала. Тезис об автохтонности германцев в Северной Европе во многих работах воспринимается как данное. Отсутствие же видимых следов близости германских языков со славянскими побуждает к поискам «разделителя». Так, известный польский ученый Т. Лер-Сплавинский помещал между славянами и германцами иллирийцев, а балтов отодвигал к северо-востоку, полагая, что славяне стояли к германцам ближе. Ф.П. Филин, напротив, видел больше общих черт у германцев с балтами и на этом основании локализовал прародину славян на юго-восток от балтов, в районе Припяти и Среднего Днепра. Б.В. Горнунг также отправляется от предположения об автохтонности германцев на Севере, а потому исходную территорию славян определяет довольно далеко на юго-востоке от мест их позднейшего обитания. Но поскольку германцы не были автохтонным населением западно-балтийских территорий, вопрос о прародине балтов и славян не должен ставиться в зависимость от наличия или отсутствия в их языке схождений с германскими.

Сам по себе вопрос о происхождении **балтов** кажется простым, поскольку расселение балтов целиком совпадает с зоной

распространения культур **шнуровой керамики**. Однако имеются проблемы, с которыми необходимо считаться.

В *Северной Европе* и *Прибалтике* с эпохи **мезолита** и **ранне-го неолита** сосуществуют два антропологических типа, один из которых близок населению *Днепровского Надпорожья*, а другой **лапоноидам**. С приходом племен культуры **боевых топоров** удельный вес индоевропейского населения здесь возрастает. Весьма вероятно, что обе волны индоевропейцев были близки в языковом отношении, хотя и отличия, вызванные временным разрывом, были неизбежны. Это был **протобалтский** язык, зафиксированный в топонимике довольно обширных областей Восточной Европы. Лапоноидное население, видимо, говорило на одном из уральских языков, что также отразилось в ономастике этих территорий. Значительная часть этого населения была ассимилирована индоевропейцами, но по мере позднейшего продвижения из Предуралья угро-финских групп, границы индоевропейских языков снова сдвигались к юго-западу. Во **II тыс. до н. э.** до *Прибалтики* докатываются волны передвижений с востока племен **срубной** культуры, но существенного влияния они не оказали либо из-за своей малочисленности, либо в силу языковой и культурной близости.

Большее своеобразие вносили племена, продвигавшиеся в Прибалтику во времена существования **унетицкой** и **лужицкой** культур (XIII – VI вв. до н.э.). Это, по всей вероятности, те самые племена, которые принесли в Прибалтику этноним «**венеты**» («венеды»), а само Балтийское море превратили в «Венедский залив». В свое время А.А. Шахматов, признавая прибалтийских венетов кельтами, отмечал в их языке романско-италийские элементы, сказались они и на балтских языках. В самом населении прибрежной полосы Балтийского моря, которую занимали венеты, в частности на территории Эстонии (и не только), имеется ярко выраженная (и сохраняющаяся до сих пор) примесь понтийского (или более широко – *средиземноморского*) антропологического типа, который мог быть занесен сюда именно с венетской волной.

В предыдущей главе упоминалось о топонимическом «треугольнике» — *Малая Азия—Адриатика—Юго-Восточная Прибалтика*. Собственно основной балтской территории он как будто не касается. Но определенная близость языков венетов и балтов все-таки просматривается. В Вифинии известна река «Упиос». Параллелью может служить и литовское «упе», и прусское

«апе», и древнеиндийское «ап» — «вода». В связи с этими параллелями могут быть поставлены и названия рек Южного Буга и Кубани (иранизированные по форме) — Нуранис. Иными словами, с венетами в Прибалтике приходит население, близкое причерноморским индоариям по языку (сами арийцы уходили не только на восток, но и на северо-запад).

В.И. Георгиев видит косвенное доказательство существования балто-славянского праязыка в истории индо-иранской общности. Он напоминает, что такая общность прослеживается только в древнейших письменных памятниках, а не в современных языках.

Славянские языки зафиксированы на 2000, а литовский на 2500 лет позднее «Ригведы» и «Авесты», но сравнение все-таки не доказательно. «Ригведа» и «Авеста» появились в период, когда иранские и индийские племена находились в контакте, тогда как позднее они практически не соприкасались. Славяне же и балты непосредственно взаимодействовали как соседи по меньшей мере со времен «Ригведы» и «Авесты», и нужно объяснять, почему нет промежуточных диалектов между этими хотя и родственными, но разными языками.

Но в аргументах противников концепции существования балто-славянского праязыка весомыми, помимо упомянутых, надо признать наличие расхождений в таких сферах, которые являлись важными как раз в древнейшую эпоху. Это и счет до десяти, и обозначение частей тела, и названия ближайших родственников, а также орудий труда. Как раз в этих областях совпадений практически нет: совпадения начинаются только с эпохи металла. А потому логично предположить, что в эпоху, предшествующую бронзовому веку, праславяне жили все же в некотором удалении от балтов.

§3. ГДЕ И КАК ИСКАТЬ ПРАРОДИНУ СЛАВЯН?

Несостоятельность концепции исходной германо-балто-славянской и более локальной балто-славянской общности сужает круг возможных «кандидатов» на роль праславянских археологических культур. Практически отпадают поиски таковых среди «молодых» культур (V – VI вв.), поскольку признаваемая всеми

близость уходит в эпоху бронзы или раннежелезного века. Поэтому не может быть принято упомянутое выше мнение А.Л. Монгайта о возникновении самого славянского этноса лишь около VI в. н.э. Не больше оснований и в концепции И.П. Русановой, выводящей славян из пшеворской культуры — западные пределы *Польши II в. до н. э. — IV в. н. э.*, примыкающие северными своими пределами к областям с балтским населением. Не может быть принята и версия одного из самых основательных исследователей раннего и средневекового славянства В.В. Седова, выводящего славян из области *западных балтов*, смежных с *лужицкой* культурой последних веков ее существования, — *подклошевая* культура *V — II вв. до н. э.*

Ф.П. Филин, не связывавший происхождение славян с балтами, отводил славянам территорию от *Днепра* до *Западного Буга*. Исследователь предупреждал, что эта территория была заселена славянами в *I тыс. до н. э.* Были ли славяне раньше и где именно они были — он считал на данном этапе вопросом неразрешимым.

Внимание Б.А. Рыбакова и П.Н. Третьякова привлекла *тшинецкая* культура бронзового века (*ок. 1450 — 1100 до н.э.*), занимавшая территорию от *Одера* до *Днепра*. Соседство с балтскими культурами в данную эпоху уже не вызывает вопросов с точки зрения языковых закономерностей, но в самой культуре явно наблюдается смешение двух разных этнических образований: разный обряд погребения (трупосожжение и трупоположение), причем погребения с трупоположениями близки как раз к балтскому типу.

Иными словами, тшинецкая культура, возможно, и была первым соприкосновением славян и балтов. Она и в самом деле решает много вопросов, вставших в ходе обсуждения фактов, указывающих на балто-славянскую близость. Но возникает иная проблема: если это славяне, осваивающие изначально неславянскую территорию, то откуда они сюда пришли? Культура была первоначально выявлена польскими учеными, и они на первых порах даже и не подозревали, что она распространяется до Днепра. На Днепре же были выявлены более значимые проявления этой культуры, и Б.А. Рыбаков предположил, что распространение шло не с запада на восток, а с востока на запад. Однако и такое заключение представляется преждевременным. На востоке в это время господствовала *срубная* культура, в рамках которой места славянам или праславянам не находится. По-

этому целесообразно присмотреться к юго-западным территориям, смежным с этой культурой.

Именно таким путем пошел О.Н. Трубачев. Вслед за А. Мейе, он логично воспринял факт архаичности славянского языка как признак его древности и пришел к заключению, что архаизм — *следствие совпадения* прародины **индоевропейцев** и прародины **славян**. Наверное, осторожнее было бы говорить о совпадении территории, занимавшейся праславянами, с одной из больших групп индоевропейцев. Ученый соглашался с теми немецкими специалистами, которые помещали вообще прародину индоевропейцев в *Центральной Европе* (севернее Альп), но в рамках этой концепции хронологическая глубина не выходила за рамки **энеолита**, что в свете многих других данных кажется невероятным. Что же касается поиска на этой территории древнейших славян, то круг аргументов может быть расширен за счет привлечения как лингвистического, так и археолого-антропологического материала.

В нашей антропологической литературе имеется два разных опыта решения проблемы славянского этногенеза. Один из них принадлежит Т.А. Трофимовой, другой — Т.И. Алексеевой. Опыты эти существенно разнятся как по подходам, так и по выводам. Одно из существенных расхождений в выводах Т.А. Трофимовой и Т.И. Алексеевой заключается в оценке места в славянском этногенезе населения культуры **ленточной керамики**. У Т.А. Трофимовой это население оказывается одним из основных компонентов, и, именно отправляясь от ее вывода, В.П. Кобычев связывает исходный славянский тип с этой культурой. Между тем, как это показано Т.И. Алексеевой и подтверждено рядом других антропологов, население культур ленточной керамики могло входить в состав славян либо в качестве *субстрата*, либо в качестве *суперстрата*, зато в составе германцев этот элемент был определяющим.

Интересная и насыщенная статья Т.А. Трофимовой отправлялась от господствовавших в 40-х гг. XX в. автохтонистских теорий и была нацелена против индоевропейской компаративистики. В результате, отметив наличие разных компонентов в составе славянства, автор не считала возможным «рассматривать какой-либо один из этих типов как исходный праславянский тип». Если же учесть, что те же типы входили в состав германцев и некоторых других народов, то антропология практически исключалась из числа наук, способных принять участие в решении проблем этногенеза.

Работы Т.И. Алексеевой появились в 60 — 70-е гг., когда были в основном преодолены ограничительные рамки автохтонизма и стадиальности. Учет миграций племен и бесспорных положений компаративистики резко поднимает значение антропологии в уяснении истории возникновения народов. Антропология становится не только средством проверки положений лингвистики и археологии, но и важным поставщиком оригинальной информации, требующей определенного теоретического осмысления. По мере накопления материала антропология дает в возрастающих масштабах ответы на вопросы, когда и в каких соотношениях сходились и расходились древние этнические образования.

В количественном отношении наиболее представительным в составе славянства является тип населения культур **шнуровой керамики**. Именно типичное для культур шнуровой керамики *широколицее длинноголовое* население сближает **славян** с **балтами**, создавая подчас непреодолимое затруднение для их антропологического размежевания. Наличие в составе славянства этого компонента указывает, однако, на территорию гораздо большую, чем область балтской топонимики, поскольку родственное население занимало в эпоху неолита и бронзы значительную часть Левобережной Украины, а также северо-западного побережья Европы. Сюда же следует отнести и зону распространения динарского антропологического типа, который проявляется в современном населении Албании и Югославии (особенно у черногорцев, сербов и хорватов) и который обычно идентифицируется с древними иллирийцами.

Заметное участие в сложении славянства приняли также племена с погребениями в каменных ящиках и культуры **колоколовидных кубков**, которые также хоронили умерших в цистах (каменных ящиках). Поскольку славяне, по заключению Т.И. Алексеевой, соединяют типы «североевропейской, долихокефальной, светлопигментированной расы и южноевропейской брахикефальной, темнопигментированной», население культуры колоколовидных кубков должны привлечь особое внимание в решении проблемы прародины славян.

К сожалению, культура колоколовидных кубков почти совершенно не изучена. Обычно отмечается, что она распространяется из Северной Африки в Испанию. Здесь она сменяет культуру мегалитов, а затем около 1800 г. до н.э. довольно быстро перемещается частью по западному побережью Атлантики, входя в состав будущих кельтов, частью в Центральную Европу, где и фиксируются их могильники. Истоки этой культуры просматриваются где-то в области *Восточного Средиземноморья*.

рья, может быть, в *Передней или даже Средней Азии*. По-видимому, в родстве с этим населением находились хетты и пелазги (во всяком случае, их переселение шло в рамках одной и той же индоевропейской волны). Именно с этой индоевропейской волной увязываются занимавшие Северную Италию лигуры, которых в некоторых древних соображениях называют западной ветвью пелазгов. И весьма примечательно, что главным божеством лигуров был *Купавон*, функции которого совпадали с функциями *славянского Купалы*, а соответствующий культ в Северной Италии дожил до Средневековья. Следует из этого, между прочим, и то, что в приальпийской зоне наряду с праславянами находились и близкие им по языку и, может быть, верованиям, но самостоятельные племена.

Цепь топонимов, идущая от испанской Лузитании через Северную Италию до Прибалтики, принадлежит индоевропейскому населению, причем той его ветви, в которой корни «*луз*» и «*вад-ванд*» обозначают долину и воду. Страбон отмечал, что слово «вада» у лигуров означает мелководье, а на Балканах, в зоне расселения пелазгов, в римских источниках реки называются «Вада» с каким-нибудь определением. Сам этноним «*пелазги*» находит удовлетворительное объяснение именно из *славянских* языков. Это буквальная передача известного античным авторам этноса «люди моря» (в литературе есть вариант для «пелазгов» как «плоская поверхность»). Еще в XIX в. чешский ученый П. Шафарик указал на широкое распространение в славянских языках обозначения водной поверхности как «пелсо» (одно из древних названий тоже славянского варианта — Балатон), или «плесо». От названия озера идет и русский город Плесков (Псков), и болгарская «Плиска». Сохраняется это понятие и в современном обозначении широкой водной поверхности — «плес». Глагол же «гоить» — «жить» известен в не столь давние времена («изгой» — значит «изжитый» из общины или какой-то иной общественной структуры). Значительный перечень ранней славянской топонимики в Подунавье собрал еще П. Шафарик. В недавнее время он был пересмотрен и дополнен В.П. Кобычевым.

Славян от балтов отличает прежде всего наличие в их составе *центральноевропейского альпийского расового типа и населения культуры колоколовидных кубков*. В Прибалтику также проникали этнические волны с юга, но это были иные волны. Южное население попадало сюда, видимо, только в качестве примеси в составе венетов и иллирийцев, может быть разных волн киммерийцев, прошедших через Малую Азию и Балканы. И происхождение, и языки этих этнических групп были довольно близкими. Понятная им речь, видимо, звучала и в зоне фрако-киммерийской культуры в Прикарпатье, поскольку таковая возникает также в ходе расселения из Причерноморья и левобережья Днепра. Язык приальпийского населения, равно как

язык культуры колоколовидных кубков, отличался от балто-днепровских и причерноморских наречий.

Приальпийское население изначально, вероятно, в своих истоках индоевропейским не было. Но если в кельтских языках явно проявляется неиндоевропейский субстрат, то в славянском такового не видно. Поэтому реальное воздействие на язык этого населения оказывали лишь индоевропейские племена, в числе которых наиболее значительными были именно племена культуры колоколовидных кубков.

В настоящее время трудно решить: пришел ли славянский язык в «готовом» виде в Центральную Европу, или он формируется здесь в результате смешения населения культур колоколовидных кубков и разных вариантов культур, уходящих к предшествующим племенам культуры шнуговой керамики. Длительное соседство, несомненно, способствовало взаимовлиянию праславянского языка с языками иллиро-венетскими и кельтскими. В результате шел непрерывный процесс взаимоассимиляции и возникновения промежуточных диалектов в рамках разных племенных объединений.

Т.И. Алексеева, допускающая, что культура колоколовидных кубков есть возможный исходный славянский антропологический тип, указывает на близость древнерусского и даже современного приднепровского населения именно приальпийской зоне: Венгрии, Австрии, Швейцарии, Северной Италии, Южной Германии, севера Балкан. И речь в данном случае идет именно о *движении протославян с запада на восток, а не наоборот*. Исторически распространение этого типа прослеживается сначала на Моравию и Чехию, затем к будущим племенам уличей, тиверцев, древлян. Указать на время, когда такое население двинулось из Центральной Европы на восток, антропология не может, поскольку, как и у большинства племен Центральной Европы, у славян распространяется трупосождение, и на два с половиной тысячелетия антропологи лишаются возможности следить за этапами миграций племен. Зато от этой эпохи дошел значительный топонимический и иной языковой материал. И здесь наиболее весомый вклад принадлежит О.Н. Трубачеву.

К выводу о совпадении области зарождения индоевропейцев и славян этот ученый шел несколько десятилетий. Важнейшими этапами были книги о ремесленной терминологии (она у славян сближалась с древнеримской), затем о названиях рек и иных топонимов в области Правобережья Днепра, где наряду со славян-

скими встречаются и иллирийские. И наконец, поиски славянской топонимики в Подунавье, откуда и русские, и польские, и чешские летописцы (иногда в легендарной форме) выводили славян и русов.

В работах О.Н. Трубачева, как правило, предлагается только относительная хронология: что и где древнее. Хронологию в данном случае привносят археологи и историки. Украинские археологи, в частности А.И. Тереножкин, высказывали мнение о славянстве смежной с киммерийцами **чернолесской культуры X – VII вв. до н.э.** Примечательно, что в пограничной полосе между собственно киммерийцами и чернолесцами по реке Тясмин в VIII в. до н. э. появились укрепленные городища, что свидетельствовало об усилившемся размежевании чернолесцев и киммерийцев. Самое же примечательное заключается в том, что выявленная О.Н. Трубачевым славянская топонимика полностью наложилась на **чернолесскую** археологическую культуру, вплоть до захода на левобережье Днепра у юго-восточных пределов культуры. Такое совпадение — исключительно редкий случай в этногенетических разысканиях.

В итоге чернолесская культура становится надежным звеном и для движения вглубь, и для отыскания последующих преемников. При этом следует иметь в виду, что из Центральной Европы по старым следам будут проходить новые переселенцы, а граница степи и лесостепи на протяжении многих веков будет ареной чаще всего кровавых столкновений степных кочевников и оседлых земледельцев. Необходимо считаться также с тем, что с началом социального расслоения и родственные племена включаются в борьбу между собой.

Решение вопроса об этнической принадлежности **чернолесской** культуры помогает понять и природу более ранней **тшинецкой**. В ней как раз и обозначается *путь древнейших славян из приальпийских областей к Днепру*. При этом обряд трупосожжения, видимо, и выявляет собственно славян, в то время как в обряде трупоположения славянский антропологический тип в чистом виде не представлен. Это, по всей вероятности, было преимущественно балтское население. По всей вероятности, именно здесь и произошел первый контакт славян с балтами, вполне объясняющий и схождение и расхождение тех и других в языке. Именно здесь, в рамках этой культуры южный темнопигментированный брахицефал пересекся со светлыми долихокранами и ассимилировал их.

§4. СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

При всей важности именно этнической истории Среднего Поднепровья для уяснения многих аспектов позднейшей истории славянства и формирования Древнерусского государства белых пятен здесь еще очень много. Слабо исследованы **белогрудовская** (XII — X вв. до н. э.) и **чернолесская** культуры, в частности их соотношение с тшинецкой, хотя и указывается на важную в данном случае связь с Центральной Европой. Не прослежены и переходы к последующим культурам. Есть тому объективные причины: один из главных показателей культуры (материальной и духовной) — погребальный обряд — у племен с трупосожжениями весьма упрощен и оставляет археологам практически одну керамику. О.Н. Трубачев, полемизируя с археологами, воспринимающими изменения в материальной культуре как смену этносов, не без иронии замечает, что смена орнамента на сосудах вообще может не означать ничего, кроме моды, которая, конечно, и в древности захватывала разные племена и народы.

Изменения в облике культуры на Среднем Днепре могли происходить и из-за смены населения в степных районах, а также из-за постоянных миграций с запада или северо-запада на восток и юго-восток. Как раз в начале VII в. до н.э. из Причерноморья уходят киммерийцы и примерно через несколько десятилетий в степи появляются **скифы**. Сохранилось ли на месте прежнее земледельческое население? Б.А. Рыбаков в книге «Геродотовы Скифия» доказывает, что сохранилось и сохранило определенную самостоятельность. Он обращает внимание, в частности, на то, что на стыке степной и лесостепной полосы, где и в киммерийское время были укрепленные поселения, при скифах пограничная полоса укреплялась в еще большей степени. Это — убедительное свидетельство неоднородности территории, обозначенной Геродотом как «Скифия». И важно само указание на существование на севере «Скифии» «**скифов-пахарей**» со своими культами и этнологическими преданиями. Любопытно, что у этих племен жило предание о проживании их на том же месте в течении тысячелетия. В данном случае предание совпадает с реалиями: тысяча лет до Геродота прошла от начала **срубной** культуры в Причерноморье, и тысяча же лет отделяла «скифов-пахарей» от возникновения **тшинецкой** культуры.

Согласно легенде, «на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша». Культовые чаши археологи находят в скифских погребениях, но в основе их оказываются формы, распространенные в доскифское время в культурах лесостепи — белогрудовской и чернолесской (XII — VIII вв.).

Геродот столкнулся и с разными версиями относительно численности скифов: «Согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов... очень мало». В эпоху расцвета скифского объединения довольно единообразная культура распространяется на многие нескифские территории. Происходит примерно то же, что и в Центральной Европе в связи с подъемом кельтов: практически во всех культурах замечается латенское влияние. Когда же в последних веках до нашей эры скифы загадочным образом исчезли (по версии Псевдо-Гиппократы они выродились), на территории Скифии возрождаются старые традиции и, видимо, старые языки. Вторжение с востока сарматов способствовало упадку скифов, но воздействие сарматов на местные племена оказалось меньшим, чем их предшественников.

В VI в. до н.э. на территории украинского и белорусского Полесья появляется новая культура, названная **милоградской**. Юго-западные черты, отмечаемые в ней, позволяют предполагать смещение части населения от предгорий Карпат в лесистые области бассейна Припяти. По мнению исследователей, речь идет об упоминаемых Геродотом *неврах*, которые незадолго до его путешествия в Причерноморье покинули первоначальную территорию из-за нашествия змей. Обычно отмечается, что тотем змеи был у фракийцев и Геродот просто буквально воспринял рассказ о нашествии племени с таким тотемом. Культура просуществовала до I — II в. н. э. и была разрушена или перекрыта племенами **зарубинецкой** культуры, возникшей во II в. до н. э.

Пересечение и переплетение милоградской и зарубинецкой культур породило дискуссию: *какую из них считать славянской?* При этом споры шли в основном о зарубинецкой культуре, и участвовали в них в той или мере многие исследователи. Большинство археологов Украины и Белоруссии признавали культуру славянской. Последовательно на большом материале этот вывод обосновывал П.Н. Третьяков. Возражали авторитетные археологи И.И. Ляпушкин и М.И. Артамонов, а В.В. Седов признавал культуру балтской.

Зарубинецкая культура зарождалась одновременно с пшеворской на юге Польши. Последняя включала часть территории, входившей ранее в состав лужицкой культуры, и некоторые археологи видели в ней первоначальных славян. Но славянство их доказывается и традициями материальной культуры, и логикой историко-генетического процесса. Б.А. Рыбаков считал неслучайным, что обе культуры как бы повторяют границы тшинецкой культуры, а зарубинецкая также и промежуточную чернолесскую. Зарубинцы были связаны с расселившимися до Карпат кельтами и должны были постоянно обороняться от почти в то же время появившихся у границ лесостепи племен сарматов.

До сих пор по границе лесостепи на сотни километров тянутся ряды валов, называемых с давних пор «*Змиевыми*» или «*Трояновыми*». Их датировали различно — от VII в. до н.э. до эпохи Владимира Святого (X в.). Но валы явно возводились для защиты именно территории зарубинецкой культуры, и закономерно, что киевский энтузиаст А.С. Бугай нашел материальные доказательства того, что насыпаны они около рубежа нашей эры.

Примечательно, что поселения зарубинецкой культуры не были укрепленными. Очевидно, с северными и западными соседями зарубинцы жили мирно. От степи же, где в это время кочевали сарматы, отгородились недоступными для конницы валами. Валы и сейчас производят впечатление. И встает закономерный вопрос: насколько организованным должно быть общество, чтобы возводить такие сооружения? А общество это, судя по жилищам, еще не знало неравенства: это был труд свободных общинников многих поселений.

Зарубинецкая культура, надежно прикрытая с юга, пала во II в. н.э. в результате нового нашествия с северо-запада. П.Н. Третьяков нашел доказательства того, что зарубинцы переместились к северо-востоку и востоку на левобережье Днепра, где позднее сливаются с новой волной славянских переселенцев из Центральной Европы.

Будучи последовательным приверженцем концепции славянской принадлежности зарубинецкой культуры, П.Н. Третьяков не определил своего отношения к милоградцам, неоднократно склоняясь то в одну, то в другую (именно балтскую) сторону. Весомые аргументы против балтоязычия милоградцев привела О.Н. Мельниковская. Главным среди этих аргументов оказывается факт локализации культуры значительно южнее, чем предполагалось ранее: именно у верховьев Десны и

Южного Буга. Здесь расположены наиболее ранние памятники милоградовцев и движение их на северо-восток, прослеживаемое по археологическим данным, хронологически совпадает с переселением Геродотовых невра.

О.Н. Мельниковская не определяет этнической принадлежности милоградовцев-невров, отдавая однако предпочтение славянам и находя у милоградовцев те признаки, которыми П.Н. Третьяков доказывал славянство зарубинцев. Белорусский археолог Л.Д. Поболь склонен был видеть в милоградовцах предшественников зарубинцев. В.П. Кобычев, не связывая милоградовцев с неврами, высказал предположение об их кельтском происхождении. Но связь здесь, видимо, косвенная, опосредованная. В сложении милоградовцев могли принять участие племена, отступавшие из Прикарпатья на северо-восток. Это либо *иллиро-венеты*, либо *славяне* или *родственные им племена*. Иллирийское присутствие фиксируется как раз у верховьев Десны и Буга, хотя в целом топонимика области, занятой милоградовцами, славянская. А кельты рядом были. Археологические исследования в Румынии позволили обнаружить по соседству с милоградской культурой кельтские погребения IV в. до н. э.

Явно не балтское происхождение милоградской культуры решает вопрос в том же направлении и относительно зарубинецкой. Балтской эту культуру можно было бы признать лишь в том случае, если бы можно было допустить приход зарубинцев из одной названных выше балтских областей. Но во всех этих областях и после возникновения зарубинецкой культуры продолжалась размеренная (и застойная) жизнь.

Но, будучи обе славянскими, культуры явно не смешивались и отличались друг от друга. Даже оказавшись на одной территории, они не смешивались. Это дает основание считать, что пришли на эту территорию зарубинцы все-таки извне. Появление их на территории милоградской культуры углубляло различие с балтскими племенами. И прийти они могли лишь с *запада*, *северо-запада* или *юго-запада*. Л.Д. Поболь отмечает, что в культуре «очень мало элементов западных культур и несравненно больше юго-западных, кельтских». Типы сосудов, которые рассматриваются как поморские, автор находит в гальштатских погребениях около Радомска, а также в захоронениях на этой территории эпохи бронзы.

Таким образом в Среднем Поднепровье прослеживается постоянное присутствие славянского населения с XV в. до н.э.

по II в. н.э. Но прародиной эта территория не является. Прародина осталась в Центральной Европе.

Во II — IV вв. н.э. славяне входили в состав **черняховской культуры**, территорию которой ученые отождествляют с **Готским государством Германариха**. В V в. славяне составляли большинство населения **Гуннской державы Аттилы**. В отличие от воинственных гуннов и германцев, славяне не принимали участия в битвах. Поэтому они не упоминаются в письменных источниках, но в археологической культуре того времени четко прослеживаются славянские черты. *После распада государства Аттилы славяне выходят на историческую арену.*

В VI — VII вв. славяне расселяются на территории *Прибалтики, Балкан, Средиземноморья, Приднепровья, достигают Испании и Северной Африки*. Примерно три четверти Балканского полуострова были завоеваны славянами за столетие. Вся область Македонии, примыкавшей к Фессалонике, называлась «Склавенией». К рубежу VI — VII вв. относятся сведения о мощных славянских флотилиях, плававших вокруг Фессалии, Ахеи, Эпира и достигавших даже южной Италии и Крита. Почти везде славяне ассимилируют местное население. В Прибалтике — венетов и северных иллирийцев, в результате формируются балтийские славяне. На Балканах — фракийцев, в результате возникает южная ветвь славянства.

Византийские и германские средневековые авторы называли славян «склави́нами» (южная ветвь славян) и «анта́ми» (восточная славянская ветвь). Славян, живших по южному побережью Балтийского моря, иногда называли «венетами» или «венетами».

Археологи обнаружили памятники материальной культуры склавинов и антов. Склави́нам соответствует территория археологической культуры **Прага-Корчак**, распространявшейся к юго-западу от Днестра. На востоке от этой реки существовала другая славянская культура — **пеньковская**. Это были анты.

В VI — начале VII в. территорию нынешнего своего проживания заселили *восточнославянские племена — от Карпатских гор на западе до Днепра и Дона на востоке и до озера Ильмень на севере*. Племенные союзы восточных славян — **северяне, древляне, кривичи, вятичи, радимичи, поляне, дреговичи, полочане и др.** — фактически являлись государствами, в которых существовала обособившаяся от общества, но контролировавшаяся им княжеская власть. На территории будущего Древнерусского государства славяне ассимилировали многие другие народы — балт-

ские, финно-угорские, иранские и другие племена. Таким образом сформировалась древнерусская народность.

К IX в. славянские племена, земли, княжения занимали огромные территории, превышавшие площадь многих государств Западной Европы.

Литература

Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по антропологическим данным. М., 1973.

Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.

Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.

Державин Н. С. Славяне в древности. М., 1945.

Ильинский Г. А. Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова // Известия отделения русского языка и словесности АН. Пгр., 1922. Т.25.

Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М., 1973.

Лецеевич Л. Балтийские славяне и Северная Русь в раннем Средневековье. Несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993.

Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

Нидерле Л. Славянские древности. Т.1. Киев., 1904.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973.

Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978.

Рыбаков Б. А. Геродотова «Скифия». М., 1979.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.

Славяне и Русь. Проблемы и идеи. Трехвековой спор в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. М., 1998.

Славянские древности. Киев, 1980.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.

Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.

Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 4—5.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древних славян. М., 1991.

Филин Ф. П. Происхождение русского, белорусского и украинского языков. Л., 1972.

Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

Шафарик П. Й. Славянские древности. Прага — Москва, 1837.

ГЛАВА III

Образование Древнерусского государства

Понятие «государство» многомерно. Поэтому в философии и публицистике многих веков предлагались и разные его объяснения, и разные причины возникновения объединений, обозначаемых этим термином.

Английские философы XVII в. Т. Гоббс и Дж. Локк определяли государство как орган, который должен остановить войну всех против всех. Людовик XIV сказал: «Государство — это я». Николай I в России второй четверти XIX в. противопоставил русских и немецких дворян: «Русские дворяне служат государству, а немецкие — нам», сопоставляя государство как некое социально-территориальное образование и власть. В германской философии и публицистике XIX в. будет популярной идея о народах «способных» и «неспособных» создавать государства, не считаясь с тем, что многие догосударственные объединения (уже в эпоху палеолита) были более жизнеспособными, чем государства рабовладельческой и феодальной эпохи.

С конца XIX в. Европу и особенно Германию захватили разные варианты расистских теорий. Именно тогда в рамках их зародилась замешанная на оккультизме псевдонаука «геополитика», стремившаяся оправдать корыстные устремления империалистических, прежде всего нацистских, хищников. (Наши политики и публицисты употребляют этот термин, как правило, не имея представления о его происхождении и истинном содержании.) В рамках подобных «теорий» в начале XX в. в Германии родилась схема «смены господ» над «неспособными» славянами: норманны-германцы, византийцы, монголо-татары, снова германцы и, наконец, евреи.

В марксистской науке государство рассматривается как продукт возникновения классов с их неизбежными противоречиями, и в классовом обществе оно всегда отражает интересы господствующего класса, практически сливаясь с его интересами. Возникновению классов поэтому придавалось особое значение, и в этом вопросе вскрылось немало разноречий, часто связанных с противоречивыми материалами. Главные из них — возникли ли классы внутри каждого племени, или они — результат завоеваний и подчинения одних племен другими. Разные условия возникновения государства, естественно, сказывались на истории обществ, подпадавших под это образование.

Интересная полемика в середине и третьей четверти XIX в. возникла между Ф. Энгельсом и К. Марксом и русским революционером-философом М.А. Бакунинным. Маркс и Энгельс следовали в целом представлениям, развивавшимся немецкими философами. Бакунина в нашей литературе осуждали за «анархизм».

Но он уже на первом славянском съезде в Праге в 1849 году, по сути дела, противопоставлял реальной форме структуры германской власти — выстраивание ее «сверху вниз» — славянской тип власти, в котором она изначально выстраивалась «снизу вверх». При этом Бакунин акцентировал внимание на том, что славянам необходимо бороться с той структурой государства, которую навязывали Берлин, Вена и Петербург. Маркс позднее заметит, что результат будет одинаковым, т.е. все равно победит структура, в которой власть и иерархия власти выстраивается «сверху вниз». Но в нашей идеологической литературе эпохи строительства социализма обычно подчеркивалось, что при коммунизме государство примет общенародный характер и получит форму самоуправления, т.е. фактически пропагандировались те самые очертания, которые в споре с марксистами отстаивал Бакунин.

Не решают спорных вопросов и модные в наше время попытки заменить истории государств некой историей «цивилизаций». Во второй четверти XIX в. французский историк и публицист А. Токвиль сопоставил две таких «цивилизации»: создавшие США европейские колонисты дошли до Тихого океана, уничтожив все встреченные на пути племена и народы; Россия же, дойдя до Тихого океана, не уничтожила ни одного народа. И объяснение этому следует искать, как справедливо полагал Бакунин, в исторически складывавшейся структуре власти и традиционных формах социальной организации общества в целом.

Один из самых важных вопросов — проблема возникновения государства (политогенез). И в частности, является ли государство следствием внутреннего развития того или иного народа, или же государство возникает в результате завоевания и подчинения одних племен другими? Как показывает история — **правомерно признать оба пути возникновения государства, а в реальной исторической практике государство часто было следствием смешения разных путей возникновения.** И нередко в создании государственных образований принимали участие совершенно **разные этносы.** А потому традиции, привносимые разными этносами в ходе их взаимодействия или противостояния, необходимо учитывать при осмыслении истории государств, особенно на ранних этапах их становления и развития.

Почти три столетия ведутся споры о начале Руси — образования Древнерусского государства и своеобразной русской цивилизации, отличающейся и от Запада и от Востока. В теме образования Древнерусского государства обычно выделяются три главных аспекта: **славянский, варяжский и русский.** Славянский аспект среди них можно считать самым легким, поскольку более чем тысячелетие письменной славянской истории и огромные пространства расселения славян дают возможность реконструировать историю славян даже исходя из современного состояния:

достаточно объяснить, чем держалась славянская устойчивость на протяжении многих веков. Варяжская проблема сложнее уже потому, что этнос этот не сохранился, и реконструкция его истории предполагает привлечения множества источников, как правило, отрывочных и противоречивых.

Проблема этнической природы и ранней истории племен, покрываемых названием «Русь», — **наиболее сложная во всей европейской истории**. Тысячи работ и тысячи источников на разных языках — древних и новых — необходимо привлечь для ее прояснения. В этой связи особенно важно учесть данные собственно исторические, сведения летописей в связи с условиями их возникновения, аргументы филологические, археологические, антропологические и в полной мере учесть сами закономерности исторического процесса, без чего древние источники не могут быть адекватно поняты, и многое другое, связанное с этническими процессами и межэтническими отношениями. И здесь будут лишь намечены основные направления исследований, которые можно рассматривать как накопление материалов для будущего решения вопроса.

§ 1. НОРМАННСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ЕЕ КРИТИКА

Норманнская концепция (норманизм) — это одна из теорий возникновения Древнерусского государства, утверждающая, что государство в Древней Руси создали пришедшие сюда германцы-шведы, известные в русских летописях под именем «варягов-руси». Норманизму с самого начала противостоял **анти-норманизм**, сторонники которого считают, что государство на Руси складывалось самостоятельно, а варяги и русь изначально были или славянами, или неславянскими (но и не германскими) народами, уже славянизированными ко времени возникновения Древнерусского государства.

Норманизм возник в XVIII в. и обычно связывается с именем **Зигфрида Байера** (1694—1738), прибывшего в Россию в связи с открытием в 1726 г. Российской Академии Наук. Правда, позднее А. Куник скажет, что родоначальником норманизма надо считать шведского автора начала XVII в. **Петрея**, а антинорманизма — **С. Герберштейна** (XVI в.), отметившего, что «Варяжским» Балтийское море называли лишь на Руси и у балтийских славян.

Основные труды Байера выходили в эпоху «бироновщины», когда у власти реально находились немцы, причем Байер русского языка не знал и, видимо, не стремился им овладеть. И работы соответственно печатались на немецком языке и ориентировались на нахлынувших в Россию немцев, что изначально избавляло от возможных оппонентов.

Байер сформулировал **три основных аргумента** норманизма, которые до сих пор используются для доказательства истинности этой теории: **1. Варяги, согласно древнейшим русским летописям, живут «за морем», следовательно, они шведы. 2. Имена послов и купцов в договорах Руси с Греками (X в.) не славянские, следовательно, они германские. 3. Названия Днепровских порогов в книге византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) даны по-славянски и по-русски, но славянские и русские названия явно отличаются, следовательно, русов, по Байеру, необходимо признать за германо-язычных шведов.**

Четвертый аргумент норманизма добавил последователь Байера *Г. Миллер* (1705—1783). Он придал особое значение финскому названию Швеции «Руотси» (эстонское «*Роотси*»), считая, что от этого понятия и произошло собственно название «Русь». Миллер также обратил внимание на упоминания Руси в «Хронике» датского хрониста начала XIII в. Саксона Грамматика, который располагал Русь на восточном берегу Балтики. Миллер сделал заключение, что и эта «Русь» была чем-то вроде шведской провинции.

Уже в 40-е гг. XVIII в. З. Байеру возражал *В.Н. Татищев*. Татищеву довелось побывать в Финляндии, где в районе города Або был топоним «Русская гора», и он заключал отсюда, что русы — это именно финны, которых он, как и все угро-финские народы, считал потомками сарматов. «Варягов» же Татищев в духе предшествующей русской и польской литературы XVI—XVII и начала XVIII в. считал славянами, пришедшими из «Вандалии», т. е. с южного берега Балтики. У Татищева получалось, что не русы завоевали славян, а славяне покорили русов и усвоили их этническое имя.

Иранские и угро-финские языки Татищев не разделял: и тех и других он считал «сарматами». А потому и «русские» названия порогов он определял как «сарматские», опять-таки, не соглашаясь с Байером, пытавшимся найти им (обычно в переделанном виде) какое-нибудь германо-скандинавское объяснение.

Не видел он германских имен и в договорах Руси с Греками, относя их опять-таки к «сарматским». Но в данном случае термин «сарматские» почти равнозначен поиску какого-то третьего этнического элемента в происхождении «руси»: не славянского и не германского. Начало же династии Рюрика Татишев принимал в трактовке Иоакимовской летописи, где князь Рюрик — это внук (по матери) новгородского князя Гостомысла, пришедшего из той же «Вандалии». Иоакимовская летопись — позднее сочинение, в котором перемешаны старые предания и, видимо, домыслы сочинителя татишевского времени. Какие-то подозрения в позднем происхождении «иоакимовских» сведений были и у Татищева. Но в целом он склонен был ей доверять.

Против норманистов резко выступил *М.В. Ломоносов* (1711—1765). Он производил русов от роксолан, справедливо отмечая, что этноним может читаться и как «россаланы». Но это иранское племя он считал славянским, что, конечно, было ошибкой. Указал Ломоносов и на нелогичность произведения имени «русь» от финского обозначения шведов «руотси», поскольку ни славяне, ни варяги такого этнонима не знали. Возражение Миллера, обратившегося к примерам названий «Англии» и «Франции», Ломоносов отводил очевидным аргументом: имя страны может восходить либо к победителям, либо к побежденным, а никак не к названиям третьей стороны.

Отметил Ломоносов и «германизацию» Байером имен славянских князей. Весьма важно и убедительно его заключение, что **«на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования»** (примером «германского» осмысления славянских имен может служить толкование княжеского имени Владимир как «лесной надзиратель»). *Заключение Ломоносова никто из норманистов и до сих пор не преодолел.* Но сам Ломоносов впадал в другую крайность, пытаясь объяснить некоторые имена из славянского. Так, довольно распространенное у иллирийцев и кельтов имя «Дир» (значение «твердый», «крепкий») он объясняет из славянского как «драч», имя «Аскольд» — сопровителя Дира — от славянского «оскорд» — топор. Более значимо замечание Ломоносова о том, что со времени принятия христианства на Руси утверждаются греческие и еврейские имена, но это не значит, что носители этих имен — греки или евреи, а потому сами по себе имена не указывают на язык их носителей. В соответствии с этим размышлением Ломоносов допускал, что имя «Рюрик» — скандинавское, но пришел князь с варягами-русью

с южного берега Балтики. Убежденность его основывалась и на том, что он, будучи в Германии, побывал на побережье Варяжского моря, где еще сохранялись не только славянские топонимы, но местами звучала и славянская речь.

Вскоре после кончины Ломоносова в России появился *Август Шлёцер* (1735—1809). Он обычно рассматривается как третий видный норманист XVIII в. Собственно говоря, Шлёцер не добавил аргументов в пользу норманизма и лишь пытался доказать, что составитель Древнейшей летописи, предполагаемый Нестор-летописец, указывает на то, что варяги пришли из «заморья». Идею же отождествления имени «Русь» с финским «Руотси», в которой Шлёцер видел едва ли не решающий аргумент в пользу норманизма, он взял в интерпретации немецкого автора Й. Тунманна, опубликовавшего в Лейпциге в 1774 г. книгу о народах Восточной Европы. Но изучение византийских источников привело Шлёцера к интересному заключению: *на самом деле была не одна, а две «Русии» — одна на Балтике, другая, значительно более многочисленная, в степях Причерноморья*. Позднее эта мысль привлечет внимание некоторых авторов, впрочем, большинство исследователей продолжали искать одну единственную Русь.

Из представления о единственной и именно норманнской Руси исходил и *Н.М. Карамзин* (1776—1826), в своей известной работе «История государства Российского». Он считал норманнскими имена Рюрика, Синеуса и Трувора, не учитывая, что ранее всего они встречаются на континенте. Большое значение он придавал также сообщению автора X в. — кремонского епископа Лиутпранда, который, рассказывая о неудачном походе на Константинополь Игоря в 941 г., пояснял что «русы» — это простонародное название (имеется в виду внешний облик — «красные») тех, «кого мы по местоположению называем «нордманнами». Правда, Карамзин не отвергал и версию «Степенной книги» (XVI в.) и других источников, помещавших Балтийскую Русь на юго-восточном побережье Балтики, в частности у устья Немана. Но он, как и позднейшие норманисты, видел здесь колонию скандинавов. Летопись же, как и Шлёцер, Карамзин считал сочинением одного автора XII в. (Нестора-летописца) и потому не замечал внутренних противоречий, характерных для летописного текста, ведших к разным временам, разным авторам и разным источникам.

Шлёцеру и его предшественникам возражал ректор Дерпт-

ского университета *Густав Эверс* (1781—1830). Он иронизировал по поводу попыток расшифровать названия порогов из того или иного языка, считая все их неудачными, и предлагал сначала решить вопрос более надежными средствами, а затем уж обращаться к порогам. Сам он настаивал на южном происхождении русов-росов, сближая их с хазарами.

30—60-е гг. XIX столетия особенно богаты публикациями по теме варягов и руси, а полемика заметно обострилась из-за противостояния и противопоставления славян и германцев. Дело в том, что в эти годы в Германии распространяется идеология *пангерманизма*, сторонники которой объявили славян «неисторическим» народом, «неспособным» к созданию самостоятельного государства. Разумеется, не все «русские немцы» разделяли идеологию и настроения пангерманизма. И протест *Г. Эверса*, и подчеркнутая объективность *Г. Розенкампа* в 20-е XIX в., и резкие осуждения его *Е. Классеном* (1795—1862, русский подданный с 1836 г.), были глубоко искренними и обоснованными.

Из собственно русских видных ученых в это время идеи норманизма поддерживал лишь *М.П. Погодин* (1801—1876). Но при всей активности (и самоуверенности) он свел проблему лишь к происхождению династии «Рюриковичей», согласившись с тем, что ни в языке, ни в культуре скандинавы заметного следа не оставили.

С.М. Соловьев (1820—1879) началом Руси по существу не занимался, так как до XII в. он видел на Руси лишь родовые отношения, а интересовали его больше государственные. Он посвятил «варягам» лишь несколько абзацев, решив, что летописная фраза о расселении варягов «от земли Волошской и Агнянской до предела Симова» предполагает именно Скандинавию (которую летописец якобы распространял до «семитского Востока»). Русь же он склонен был искать на юге, ограничившись, впрочем, заключением, что она упоминается раньше, чем варяги. Рюрика он признает скандинавом, но функции его сводит к роли третейского судьи, как это будет в позднейшее время.

Большинство норманистов в XIX в. продолжали писать на немецком языке или были обрусевшими немцами. Наиболее заметным среди них был *А. Куник* (1814—1899), переехавший из Пруссии в Россию в 1839 г. и сразу вступивший в полемику, прибегая к самым жестким и эмоциональным выражениям, вроде

«сухопутные моряки», имея в виду и своих оппонентов, и балтийских славян, которых к этому времени многие авторы отождествляли с варягами. Естественно, что при этом идеализировали викингов, а призвание Рюрика представлялось началом государства на Руси.

В ряду антинорманистов следует назвать прежде всего редко упоминаемого Ст. Руссова, выступавшего по многим вопросам ранней истории Руси в 20—30-е гг. XIX в. Именно Руссов в 1824 г. издал «*варяжские законы*» — «**Правду англов и вэринов или тюрингов**» (конец VIII — начало IX в.) — документ исключительно важный и практически до сих пор неисследованный. Руссов указал на место расселения англов и их соседей вэринов — *Ютландский полуостров (нынешняя Дания)*. Вэрины-варины на рубеже VIII и IX вв. еще не были ассимилированы славянами. Именно их он и называет «варягами». Ст. Руссов обратился также к теме «заморья» и совершенно убедительно на фактах показал, что «за морем» в источниках воспринимаются и южный берег Балтики, и вообще всякая территория, до которой надо добираться морем. Указал он и на наличие в Западной Европе *нескольких «Русий»* (статья, опубликованная в 1827 г. в «Отечественных записках», ч. 30 и 31). Почувствовал он и глубинную *связь Руси с Моравией*, указав, что в богемских хрониках русский князь Олег упоминается в качестве моравского короля. Сюжет этот начинает осознаваться только в наше время, когда появился представительный археологический материал.

Одним из самых ярких и эмоциональных антинорманистов был в это время *Ю.И. Венелин* (1802—1839), карпатский русин, переехавший в Россию в 1823 г. В 1836 г. вышла его статья «Скандинавомания и ее поклонники», в которой он в форме памфлета разбивал аргументы и доводы норманистов. Статья переиздавалась в 1842 г. уже после безвременной кончины автора. В 1848 г. была опубликована статья Венелина «О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен», написанная еще в 1829 г. И лишь в 1870 г. будет издана его статья о варягах, которой явно не хватало в кипевших в 40—50-е гг. спорах, причем издатель О. Бодянский предупредил, что окончания статьи ему найти не удалось. Ю.И. Венелина отличало тонкое понимание летописного текста, в чем он заметно превосходил не только современников, но и тех, кто писал в 50—60-е гг. XIX в., включая М.П. Погодина и С.М. Соловьева.

Обширную подборку сведений о разных «Русиях» в Европе опубликовал в 1842 г. *Ф.Л. Морошкин*. Он напомнил о важном (и донныне неосознанном) заключении Г. Розенкампа (в 1827 г.) о том, что попытка связать финское слово «Руотси» со шведской провинцией Рослаген в применении к IX—X вв. ничего не дает, поскольку возникновение Рослагена относится только к XIII в. Указал Морошкин и на то, что «варяги» в узком и первоначальном значении этнонима — это *варины*. Позднее (в 1906 г.) английский ученый Томас Шор в книге «О происхождении англо-саксонского народа» на основании местных архивов и книгохранилищ будет употреблять формулу «варины или вэринги».

Сведения о «Русиях» *Ф. Морошкин* брал как из ранних, так и из поздних источников. Он привел дополнительные данные о «Руссии» с центром на острове Рюген, обратил внимание на локализацию Любека в германских источниках именно в Руссии, впервые указал, что какие-то «Руссии» существовали на Одере в районе Франкфурта, в Тюрингии, а также нашел целый ряд других упоминаний Руси в источниках.

На рубеже 50—60-х гг. XIX в. в полемику была заброшена некая промежуточная струя: *Н.И. Костомаров* (1817—1885) как бы в противовес обеим концепциям, поддержал возникшую в XV в. легенду о потомке брата римского императора Августа Пруса Рюрике, княжившем в Пруссии, а затем призванном славянскими и чудскими племенами на княжение в Новгороде. Сама эта традиция опиралась на сообщения ряда более древних источников о «Руси» в устье Немана, один из рукавов которого носил название «Руса». Легенда, видимо, явилась русской реакцией на другую легенду — о происхождении династии Гедиминовичей от Палемона, также родича Августа. Но обе легенды исходят из традиции, основывавшейся на представлении о варягах и руси как давнем населении южного и восточного берегов Балтики.

В 1862 г. с критикой норманизма выступил *С. Гедеонов*. Он явился как бы аккумулятором аргументов и размышлений многих антинорманистов 30 — 40-х гг. Ему возражали — и не слишком убедительно — *А. Куник* и *М.П. Погодин*. Ни от одного из выдвинутых положений *С. Гедеонов* не отказался и развернул их в большой книге, вышедшей в 1876 г. Основная идея книги: варяги — это балтийские славяне, а русь — это население Поднепровья. Упоминается у него и русь острова Рюгена, но этот аспект он не развивает.

Главным недостатком почти всех работ и норманистов, и антинорманистов XIX в. было наивное представление о *Несторе*, как *единственном летописце*, написавшим в начале XII в. «Повесть временных лет», которую позднейшие летописцы аккуратно переписывали. Не обращали (и в большинстве случаев и поныне не обращают) внимания на то, что в древней летописи *три разных* (и разновременных) упоминания о варягах, *две разные версии* об этнической природе Руси, *несколько версий* о крещении Владимира, *три версии* происхождения и возраста Ярослава Мудрого. Между тем еще в 1820 г. в предисловии к изданию Софийского временника *П. Строев* обратил внимание на сводный характер русских летописей. В 30-е г. XIX в. на это же обстоятельство обращали внимание скептики *М. Каченовский* и *С. Скрамненко* (*С.М. Строев*). Оба считали, что варяго-норманская проблема привнесена в летопись не ранее XIII в., а *С. Скрамненко* подчеркивал мысль именно о сводном характере летописи.

Представления о единственном *Несторе-летописце* были характерны для *М.П. Погодина*, который защищал авторство *Нестора* и его последователя *Сильвестра* и принимал норманистскую интерпретацию летописи. Антинорманисты же, читавшие летописные тексты примерно так же, как и скептики, не могли мириться с тем, что скептики омолаживали летописные известия более чем на два столетия. В результате рациональное зерно в понимании летописей не было усвоено спорящими сторонами.

В 30—40-х гг. XIX в. спор о *Несторе* принял иное направление. *А. Кубарев* в ряде статей сопоставил летопись с *Житием Бориса и Глеба*, а также *Житием Феодосия Печерского*, достоверно принадлежавшими *Нестору*. В летописи эти сюжеты излагал «ученик *Феодосия*», а в житиях — ученик преемника *Феодосия* — *Стефан*, лично *Феодосия* не знавший и писавший по воспоминаниям немногих знавших его старцев. Аргументацию *А. Кубарева* поддержал *П.С. Казанский*, полемизируя, в частности, с *П. Бутковым*, пытавшимся признать разнородные памятники, принадлежащими одному и тому же автору — *Нестору*. Именно *П. Бутков* пытался примирить сочинения *Нестора* с текстами летописи, полагая, что *Несторовы жития* были написаны значительно ранее составления летописи (тем же *Нестором*). Этот аргумент будет позднее использован *А.А. Шахматовым* (впоследствии он от него отказался) и живет в некоторых работах до сих пор.

В 1862 г. вышла небольшая, но важная статья *П.С. Билярского*. Автор убедительно показал различия в языке житий и летописи, которые

никак не позволяют приписать те и другие тексты одному автору. В том же и следующем году свое мнение о летописях высказал один из крупнейших лингвистов XIX столетия И.И. Срезневский. Он не отрицал участия Нестора в летописании (хотя и не обосновал этого), но впервые поставил вопрос о летописных текстах X в. и об участии многих летописцев в составлении того текста, который известен под названием «Повесть временных лет». Появилось также несколько публикаций о сложности летописной хронологии из-за разных систем счета лет.

В 1868 г. вышла основательная работа К. Бестужева-Рюмина, доказывавшего, что все русские летописи, включая «Повесть временных лет», являются сводами, основанными на различных письменных и устных источниках. В последующей полемике, продолжающейся и до сих пор, обозначились разные взгляды на само понятие «летописный свод», а главное на способы выявления источников и причины тех или иных вставок или изъятий текстов из летописей. В XX в. определились два основных подхода: А.А. Шахматова (1864—1920) и Н.К. Никольского (1863—1935). Шахматов полагал, что надо сначала реконструировать текст того или иного свода и лишь затем оценивать его содержание. В итоге, он много лет пытался восстановить редакции «Повести временных лет», но под конец пришел к заключению, что это сделать невозможно. Неоднократно он менял взгляд и на авторство основной редакции, то приписывая ее Нестору — автору житий, то Сильвестру. Древнейший свод, по Шахматову, был составлен в конце 30-х гг. XI в. в качестве своеобразной пояснительной записки в связи с учреждением в Киеве митрополии константинопольского подчинения. Многочисленные сказания, являющиеся как бы параллельными текстами к сообщениям летописей, он признавал извлечениями из летописей. Н.К. Никольский гораздо большее внимание уделял содержательной, идеологической стороне летописных текстов, усматривая и в разночтениях прежде всего ту или иную заинтересованность летописцев и стоящих за ними идейно-политических сил. Соответственно и все внелетописные повести и сказания он считал не извлечениями из летописей, а их источниками. Литература в целом в Киевское время ему представлялась более богатой, чем это принято было думать ранее, а начало летописания он готов был искать в конце X в. Эти два подхода живут и поныне в работах по истории летописания.

Практически в течение всего XIX в. изучение летописания и источников летописей почти не соприкасалось со спорами о варягах и русах. И это притом, что именно из летописей чер-

пали исходный материал. Лишь в публикациях *Д.И. Иловайского* (1832—1920), выходявших в 70-е гг. XIX в. и собранных в сборнике «Разыскания о начале Руси» (1876), была установлена определенная связь между летописеведением и проблемой начала Руси. Иловайский был абсолютно прав, устанавливая, что «Сказание о призвании варягов» является **позднейшей вставкой в «Повесть временных лет»**. Указал он и на то, что Игорь никак не мог быть сыном Рюрика: по летописной хронологии их разделяли два поколения. Но на этом основании он сделал скоропалительное заключение, что если это вставка, то с ней, следовательно, не стоит и считаться. В итоге как бы зачеркивались не только концепция норманизма, но и основное направление антинорманизма — Венелина — Гедеонова — о южном, славянском берегу Балтики как исходной области варягов. Историю Руси Иловайский искал только на юге, причем «славянизировал» разные явно неславянские племена, в частности роксолан, в имени которых многие видели первоначальных русов (хотя очевидно, что это русы-аланы, т. е. иранцы).

В целом в 70-е гг. XIX в. перевес был явно на стороне антинорманистов. Кроме названных, в те же 70-е гг. с обширным иллюстративным материалом, доказывающим балтославянское происхождение варягов и балтийской Руси, выступил *И. Забелин* (книга опубликована также в 1876 г.). В том же «урожайном» 1876 г. вышла книга *И.А. Лебедева* «Последняя борьба балтийских славян против онемечения», в которой автор убедительно опровергает запальчивый выпад А. Куника о «сухопутных морях». Автор на обширном материале показывает, что именно славяне были самым мореходным народом на Балтике и «только через славян получали товары в то время грубые саксы и иные племена». Речь идет о Балто-Днепровском или Волго-Балтийском путях, опять-таки до сих пор малоисследованных. Несколько ранее (в 1867 г.) *В. Юревич* оспорил норманистские объяснения имен договоров и «русские» названия порогов, предложив венгерскую интерпретацию последних. Правда, автор без обоснований фактически сближал угро-финские и иранские языки, а потому позитивная часть не выглядела убедительной. Виднейший византинист *В.Г. Васильевский* (1838—1899) в ряде статей, опубликованных в 70-е гг., показал, что дружина «варангов» в Константинополе появилась раньше, нежели туда попали первые

норманны, и «варанги» с «норманнами» не отождествлялись. При этом русов автор считал готами, проживавшими в Причерноморье.

Явное поражение норманизма в России привело к перенесению пропаганды его за ее пределы. Особую активность проявлял в это время датский ученый *В. Томсен*, опубликовавший сводку аргументов в пользу норманизма в Англии (1877), в Германии (1879), в Швеции (1882). В 1891 г. книга вышла и в русском переводе. Полемику с антинорманистами Томсен подменил пренебрежительной оценкой их трудов, хотя его книжечка по объему источникового материала не могла идти ни в какое сравнение, скажем, с капитальным исследованием *С. Гедеонова*, да и многих других антинорманистов. К тому же автор не нашел в Швеции ни «руси» ни «варягов». По существу, единственным аргументом в пользу Швеции и Скандинавии явились параллели в скандинавском имянословии для имен договоров Руси с Греками. Но автор даже не поставил вопроса об их происхождении и значении, о том, на что указывал еще Ломоносов: надо определить язык, к которому восходят эти имена, в большинстве известные на европейском континенте, по крайней мере с эпохи Великого переселения народов, причем в договорах они точнее передают первоначальное звучание и написание, нежели в скандинавских переделках.

С конца XIX в. интерес к теме начала Руси заметно ослабел. Общественный интерес сдвигался ближе к современности, чему способствовало обострение социальных противоречий. В самой науке историко-юридическое направление с острыми спорами вокруг проблемы государства сменяется преобладанием историко-филологической тематики. *Через филологию идет теперь усиление германского влияния*, поскольку именно в Германии более всего занимались индоевропейскими проблемами, причем само направление сравнительного языкознания носило название «индогерманистики», что как бы автоматически ставило в центр исследований Германию и германцев.

За германскими и скандинавскими археологами следовала и зарождавшаяся русская археология. При этом, в отличие от середины XIX в., отдельные публикации замыкались как бы сами в себе, не встречая ни положительного, ни отрицательного отклика даже и в научном мире. Так, прошла почти незамеченной книга *Т. Шора* «О происхождении англо-саксонского народа», и она остается невостребованной до сих пор, хотя от-

клик и развернутый пересказ ее в России был (Сугорский П. П. «В туманах седой старины. Англо-русская связь в давние века». СПб., 1907). Не имела продолжения и исключительно важная публикация А. Н. Веселовского «Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском» (СПб., 1906), предполагающая совершенно иную интерпретацию почти всех спорных вопросов, связанных с проблемами происхождения гуннов, русов и ряда других племен.

«Сага о Тидреке Бернском» сама по себе имеет исключительную ценность, поскольку рассказы о Великом переселении народов сохранились в песнях и пересказах в Южной Германии, где чтити Тидрека-Теодориха в качестве некоего национального героя. Герой саги — остготский король *Теодорих* (V в.), а в основе важнейших событий саги — постоянная борьба **готов** и **неких «русских»** на территории *Среднего Подунавья*. При этом «русские» в саге — это **народ ругов из Ругиленда**, государства, созданного в V в. в Подунавье, в бывшей римской провинции Норик. Существовало и то, что знаменитый вождь гуннов Аттила в саге называется *фризским* конунгом, а сами гунны отождествляются с фризами, племенем, проживавшим на побережье Балтийского моря. Таким образом, «Сага о Тидреке Бернском» дает непривычную для русской и европейской науки интерпретацию происхождения гуннов — в Центральную Европу они пришли с запада, с Балтийского побережья, а вовсе не с востока, и были это именно **гунны-фризы**. Кстати, и в упомянутой книге Т. Шора отмечается, что Фрисландия называлась и Гуналандией, поскольку именно племя гуннов было наиболее значительным во Фрисландии.

В 20-е гг. XX в. проблема начала Руси была отодвинута как бы на обочину. Официальной идеологией в СССР становится «интернационализм» и идея «мировой революции», а главным врагом был объявлен «великодержавный шовинизм», тезис, которым прикрывалась русофобия. Сама история как учебный предмет была исключена из преподавания именно с целью подавления национального самосознания русского народа. Из публикаций этих лет имела значение статья В. А. Брима «Происхождение термина «Русь» (1923), в которой автор, оставаясь норманистом, напомнил о высказанной прежде А. Шлёцером идее о двух «Руссиях»: северной и южной. В 1928 г. вышла небольшая книга В. А. Пархоменко «У истоков русской государственности», в которой автор отстаивал только южное происхождение племени «русь». Однако **норманизм как обоснование «интернационализма» занял в 20-е гг. главенствующее положение.**

Не случайно в СССР в 1928 г. устроили пышное чествование юбилея известного норманиста В. Томсена.

Полемика в значительной степени перемещается за рубеж в общины эмигрантов из России. В 1925 г. *Ф.А. Браун* в Берлине выразит удовлетворение по поводу того, что «дни варягоборчества, к счастью, прошли». Большинство эмигрантов придерживались норманистских позиций с той или иной степенью последовательности. Среди них были *М. Фасмер*, *А.Л. Погодин*, *А.А. Васильев* и ряд других, искавших более сложные схемы происхождения самого государства. Особое место занимал, в частности, *В.А. Мошин*: оставаясь в основном норманистом, он протестовал против попыток представить антинорманизм лишь проявлением чувства национальной неполноценности и патриотизма. И в эмиграции к публикациям антинорманистов относились чаще всего с пренебрежением. Так, по существу незамеченной прошла работа *Г. Янушевского* «Откуда происходит славянское племя русь» (Вильно, 1923), в которой автор попытался осмыслить факт отождествления Хорватии с «Руссией» и объяснить происхождение распространенной в славянских хрониках легенды о братьях Чехе, Лехе и Русе. О работе *С. Шелухина* «Звідкіля походить Русь» (Прага, 1929), в которой автор галльских «рутенов» принял за исток Киевской Руси, обычно упоминали не без иронии. Между тем кельтский компонент безусловно присутствовал в разных «Русиях», и на Балтике, и в Центральной Европе. Но автор искал одну единственную Русь, а их, как показали еще авторы XIX в., было более десятка — и на севере, и на юге, и на Западе, и на Востоке.

В 30-е гг. на первый план вновь выходят факторы идеологические. Приход в Германии к власти нацистов во главе с Гитлером сопровождался не столько антикоммунистической риторикой, сколько антиславянской и русофобской. Норманская концепция становится основным аргументом в пользу того, что славяне, и в частности русские, как неполноценные в расовом отношении не в состоянии самостоятельно создать государство и управлять им. Не случайно в СССР начинается постепенный возврат к внимательному изучению отечественной истории. В 1934 г. принимается решение восстановить преподавание истории в вузах и школах, а норманизм, по существу, стал отождествляться теперь с пропагандой нацистской идеологии.

Поначалу и норманизму, и антинорманизму пытались противопоставить «новое учение о языке» *Н.Я. Марра* (1864—1934).

Безусловно гениальный ученый создал весьма упрощенную и потому явно неверную «стадиальную» теорию, согласно которой язык всех народов увязывался со стадией развития, а миграции как бы вовсе исключались. «Автохтонным» началом вплоть до 40-х гг. пытались противостоять нацистским притязаниям на право «управлять» отсталыми аборигенами. В подкрепление тезиса об «автохтонности» вырвали из контекста фразу Ф. Энгельса о том, что «государства не могут быть привнесены извне» (у Энгельса речь в действительности шла о независимости от каких-то запредельных сил). Возникновения государств в результате завоеваний не только не исключительные, а преобладающие случаи. Между тем и поныне многие наши норманисты закрываются именно этой фразой.

Наряду с использованием концепции Марра обращались и к некоторым антинорманистским публикациям. Правда, сочинения их не переиздавались, но отмечались заслуги главных критиков норманизма — С. Гедеонова и Д.И. Иловайского. При этом, однако, не учитывалось, что концепции этих авторов совершенно различны и практически несовместимы. Если у Гедеонова варяги изначально — балтийские славяне, то Иловайский варяжское сказание считал позднейшей вставкой и легендой.

В целом антинорманизм 30—50-х гг. XX в. был уязвим и в методологическом, и в источниковедческом отношении. А потому возврат норманизма в 60-е гг. был неизбежен. Уже книга *И.П. Шаскольского* «Норманская теория в современной буржуазной науке» (М.; Л., 1965) реабилитировала норманизм как определенную теоретическую концепцию, вполне заслуживающую серьезного к ней отношения. В статье «Антинорманизм и его судьбы», вышедшей в 1983 г., этот же автор, по существу, переходит на позиции норманизма, оставляя лишь потерявший всякий смысл тезис о том, что «государство не может быть навязано извне» (антинорманисты теперь осуждались как «белоэмигранты»). И примечательно направление спора автора с группой ленинградских археологов — *Л.С. Клейном, Г.С. Лебедевым, В.А. Назаренко*, доказывавших, что норманны на Верхнюю Волгу пришли значительно раньше славян и в X в. составляли больший удельный вес, чем славяне, уступая лишь местному угрофинскому населению. Спор шел о процентах: концепцию трех авторов нельзя было перечеркнуть тезисом «не может» и приходилось отказываться от надуманной концепции происхождения государства. В свою очередь, археологи, во много раз увеличив-

шие роль «норманнов» по Волго-Балтийскому пути, не смогли объяснить, как же все-таки из симбиоза норманнов и угро-финнов родился русский язык, носивший, между прочим, и черты, сближающие его с языком именно поморских славян. В итоге ценные наблюдения трех авторов подводили к такому выводу, которые сами авторы не предусматривали, а их оппонент, очевидно, сознавал.

В настоящее время на антинорманистских позициях остаются в основном киевские историки и археологи. Обращаются же они чаще всего на восток в иранский мир. *Д. Т. Березовец* в статье о салтовской культуре (1970 г.), которая располагалась в VIII—IX вв. в среднем течении Дона и Северского Донца, вслед за многими историками, начиная с *А. Шлёцера*, отождествил ее с «русами». Недостаток статьи заключался в том, что автор так же, как и многие его предшественники, искал однозначный ответ, пренебрегая другими «Руссиями». *М. Ю. Брайтчевский* в статье о Днепровских порогах по существу полностью опроверг один из важнейших аргументов норманистов: он показал, что большинство «темных» названий порогов, перевод которых искали в германских языках, на самом деле легко объясняется словами из *алано-осетинского языка*. Но аргументацию многих украинских ученых ослабляет приверженность автохтонизму: они считают, что русы — это единственный народ, живший в Приднепровье или Причерноморье с древнейших времен.

Среди ученых Санкт-Петербурга традиционно преобладает норманизм, хотя имеются и последовательные антинорманисты (*В. Вилинбахов* и некоторые другие). В среде московских исследователей долго держался некий паритет, но в последнее время — главным образом филологами — привносится норманистская интерпретация первых веков русской истории, как правило, без привлечения новых аргументов и даже без учета главных аргументов норманистов прошлого столетия.

Главным аргументом в пользу норманского происхождения руси вновь привлекается финское «*Руотси*» (эстонское «*Роотси*»), причем игнорируются указания авторов прошлого века (в том числе и ряда норманистов) о неубедительности этой этимологии. Претенциозные заявления филологов о том, что вопрос этот может решаться только филологически, опираются на заключение *Г. А. Хабургаева* (Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979), что из «*Руотси*» может — чисто филологически —

образоваться название «Русь». Но есть еще тысячи неиспользованных источников и простой здравый смысл. От здравого смысла, в частности, шел М.В. Ломоносов, и возразить ему что-нибудь норманистам было трудно.

Современные норманисты-филологи обычно выстраивают такой ряд: «родсы» — это именование *гребцов* на шведском языке, шведская область «*Рослаген*» — провинция *гребцов*, финны на свой лад это произносят как «*Руотси*», а эстонцы как «*Роотси*», славяне же восприняли это именование в своей огласовке — «*русы*». Таким образом, славяне стали называть *русами* (т.е. «*гребцами*») *всех шведов*, придав этому понятию этническое значение.

Надо признать, что приводимый аргумент происхождения термина «*русь*» абсолютно бессмысленный. По сути, это должно было бы обозначать ругательство: *гребцов* часто приковывали к уключинам, поскольку труд этот тяжелый, как, скажем, и у бурлаков, и отнюдь не благородный. Более того, еще Г. Розенкампф в 20-е гг. XIX в. показал — **сама социальная категория «родсов-гребцов» упоминается впервые лишь в XIII в.** Еще позднее упоминается провинция *Рослаген* (по С. Гедеонову лишь в XVII в.). Кроме того, Гедеонов вполне логично заключал, что обозначение рода занятий не может быть в принципе этнонимом, тем более самоназванием, которое, по летописи, производили с гордостью. Да и называли финны «*Русь*» разными вариантами с корнем «*вене*» (венеды). И вполне логично он своим оппонентам А. Кунику и М. Погодину напомнил критику в адрес Шлёцера финских филологов: «При разборе предположений Шлёцера о происхождении финского *Ruotsi*, эстского *Roots*, *Rootslane* (шведы), от названия *Рослагена*, Паррот замечает: «Если бы в лексиконе Гунеля, из которого Шлёцер приводит переводное имя шведов, он отыскал настоящее значение слова *Roots*, он конечно бы не вздумал опираться на его созвучие. Оно означает вообще хребет.. ребро.. а в особенности ствол на листе. (Примерно то же значение слова «*Roots*» и в современном эстонском языке. — А.К.) Перенесение этого понятия на береговые утесы или скалы, коими преимущественно изобилует Швеция, делает понятным, почему финны называют Швецию *Ruotsimaа*, а эсты *Rootsima*, страну скал».

В XIX в. оппоненты-норманисты Гедеонова вынуждены были если и не согласиться вполне, то все-таки искать иные аргументы, поскольку это тот случай, когда «факты — упрямая

вещь». Ведь в самих Швеции и Норвегии о таком этносе — «родсы» (шведы-гребцы) — никогда не слышали, а «Русью» называли именно Русь.

К сожалению, современные норманисты не утруждают себя чтением работ даже своих предшественников середины — конца XIX в. Более того, аргументы норманизма они воспроизводят вообще без учета предшествующей историографии. Следовательно, современные доказательства в пользу норманизма находятся на уровне XVIII—начала XIX в., и ничего нового норманисты конца XX в. в науку не привнесли.

В целом можно сделать главные выводы из анализа норманской концепции и критики ее антинорманизмом: 1. Норманисты не нашли аргументов в пользу того, что варяги и русы были германцами. 2. Антинорманисты предложили более основательную систему доказательств негерманского происхождения варягов и руси.

§2. ВАРЯГИ В ИСТОЧНИКАХ РУСИ, ВОСТОКА И ЗАПАДА

В почти трехвековом споре о начале Руси основой всегда являлись русские летописи, а спор начали еще летописцы X—XI вв., и отражалось в нем традиционное соперничество Киева и Новгорода. Напомним, что древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» — это уже свод разнообразных материалов, предшествующих летописным традициям, принадлежащих разным авторам. Поэтому в «Повести временных лет» приводится **три разных (и разновременных) упоминания о варягах и две разные версии происхождения Руси.**

«Сказание о призвании варягов», вошедшее в новгородские летописи, а затем также в одну из относительно поздних редакций «Повести временных лет», имеет явно северное происхождение, связанное с этническими передвижениями по *Волго-Балтийскому пути*. Первым датированным событием здесь является изгнание «варягов» «за море» в 859 г. На чем основана эта дата — остается неясным.

Примечательно, что в соответствии с летописью «варяги» контролировали обширные пространства вдоль Волго-Балтийского пути, создав здесь своеобразное государственное образование. Помимо славянских племен словен и кривичей, в это раннее образование входили угро-

финские племена меря, весь и чудь (эстонцы). Затем варягов изгнали, но недавние союзники перессорились между собой и вроде бы добровольно решили вновь пригласить варягов. На сей раз в 862 г. появляется Рюрик с братьями Синеусом и Трувором. Сначала Рюрик приходит в Ладогу (что вполне логично), а затем строит Новгород. Новгородский летописец при этом поясняет, что «суть людие новгородстии от рода варяжска». Это указание важно не столько для обозначения времени заложения Новгорода (у археологов есть сомнения на этот счет), сколько для уяснения вопроса об этнической природе варягов.

Очень важно помнить, что в «Повести временных лет» под этнонимом **«варяги»** упоминаются *три разных этноса*. **Самое раннее** — глухое упоминание о варягах, живущих от земли англо-южная Ютландия до «предела Симова», под которым подразумевается Волжская Булгария (с X в., волжские булгары и население Нижнего Поволжья считались потомками библейского Сима). Иными словами, здесь *«варяги» обозначают все население, разбросанное по Волго-Балтийскому пути*.

Другое упоминание, явно позднее внесенное в летописный текст, называет *варягов* наряду с племенами русь, англы, готы, свеи, урмане (норвежцы).

Еще одна, явно позднейшая вставка в летопись, уточнявшая этнический состав побережий Балтики, могла появиться уже во время интенсивных сношений Приднепровья с Балтикой (конец IX—X в.). В этой вставке перечисляются народы, живущие у «Варяжского» моря: варяги, свевы (шведы), норманны (норвежцы), готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венцианци, генуэзцы и др.

В высшей степени удивительно, что большинство спорящих — норманистов и антинорманистов — прошли мимо очевидного указания: **«варяги» русской летописи (в узком смысле) — это известные еще римским авторам «варины», те самые «варины или вэринги», которые еще в IV в. в числе других племен участвовали во вторжении в Британию**. Они входили в группу «ингевонов», племен, которые, как это давно показал германский филолог С. Файст, германцами не были. У «ингевонов», как и у фризов, был заметен до сих пор в должной мере не осознанный уральский компонент. Он проявляется во многих именах. **Но само этническое название «варяги» совершенно ясное, индоевропейское: «поморяне», «люди, живущие у моря» (от индоевропейского «вар» — вода, море)**. На это значение неоднократно указывали немецкие филологи, объясняя этноним

«варины», но они почему-то забывали об этом, объясняя этноним «варяги».

О том, что этнонимы или имена «Варин» или «Варанг» довольно широко были распространены с VIII в. на северо-западе Франции, писали и французские филологи, не сомневаясь, что корень здесь тот же индоевропейский — «вода». А тождество «варягов» и «варинов» лежит на поверхности. «Вилла варангов» в Бургундии на реке Роне — память об участии родственных племен «ингвеонов» (бургундов и варинов) в Великом переселении народов (большинство варинов вернулось позднее назад к Балтийскому морю). Саксонская «Северная марка» в конце X — начале XI в. называлась также «Маркой Вэрингов».

«Правда англос и вэринов», относящаяся к концу VIII или началу IX в., предполагает, что вэрины-варины — это еще неассимилированное славянами племя, язык которого (как и у фризов) сохранял индоевропейские и уральские черты, а активность на море в основном предполагала Северное море (в 915 г. в Британии был построен город *Вэрингвик*, во Франции еще раньше существовал *Варангевилл*). Варины, как соседнее с собственно франкскими владениями племя, и дали название морю, которое еще и в XVI в., как отметил С. Герберштейн, дважды побывавший в России в начале столетия, «Варяжским» называлось только в России и у балтийских славян. Но с середины IX в. вэрины-варины постепенно ассимилируются пришедшими сюда славянами, и во второй половине IX в. здесь возобладает славянская речь и славянский язык. Объединение варинов и славян произошло, очевидно, в рамках общего противостояния славян и других племен южного берега Балтики наступлению франков и саксов.

А у первого русского летописца, обозначавшего «варяжским» весь Волго-Балтийский водный путь, предполагалось не этническое, а именно **территориальное определение**. Видимо, также это воспринималось и в Византии, где «варяжская» дружина появляется раньше, чем там появляются норманны.

Третий смысл этнической природы варягов, зафиксированный летописью, предполагает включение в число «варяжских» (т. е. поморских) народов также и скандинавов. Но летописец при этом старается подчеркнуть, что имеется в виду именно «Русь», а не другие народы, отчетливо противопоставляя «русью» свеям, готам, урманам (норманнам-норвежцам) и англам (собственно датчанам).

Из сказанного следует, что за обозначением «варяги» могут скрываться **разноэтничные племена**. Скандинавы появились на Руси, видимо, только в XI в, со времен Ярослава Мудрого, женившегося на дочери шведского конунга (и внучке славянского ободритского князя). Именно во времена Ярослава около 1030 г., как убедительно показал В.Г. Васильевский, первый норманн появился в дружине «варангов» в Византии. Кстати, само название «варанг» предполагает балто-славянскую, а не германскую форму. А «Бухта варангов» («Варангерфьорд») на севере Скандинавского полуострова соседила с «Мурманским» (т. е. норманнским) берегом. Море будет называться «Варяжским» на Руси и в России вплоть до XVIII в., а «варяги» уже с XII столетия приобретут значение «неправославных», «католиков». Но и в летописных записях XIII—XVII вв. «Варяжским поморьем» будет называться *Южный берег Балтики*. В XVI в. в письме Ивану Грозному шведский конунг Юхан III именно с Ярославом Мудрым связывал появление первых шведов-«варягов» на Руси. В ответе русский царь настаивал на том, что варяги — это «немцы», имея в виду южный берег Балтики, покоренный к этому времени «немцами»-германцами.

«Сказание о призвании варягов» имеет явно северное, новгородское происхождение, и в киевскую летопись оно было занесено довольно поздно. И в этой связи существенно, что Новгородская Первая летопись самих новгородцев производит «от рода варяжска». Многочисленные археологические материалы (в частности, ранняя новгородская керамика, исследованная в ряде публикаций Г.П. Смирновой), указывают на **две большие волны переселений по Волго-Балтийскому пути с Запада на Восток**: в конце VIII в. и в середине IX в. Д.К. Зеленин, И.И. Ляпушкин и многие другие археологи и лингвисты указывали на явные языковые и этнографические параллели Северной Руси и Балтийского Поморья.

* * *

Подведем итоги — кто же такие варяги? Прежде всего **русские летописи под именем «варяги» в разное время подразумевают разные этнические группы**. Тем не менее на основе привлечения других источников можно определить этническую природу «варягов», пришедших к восточным славянам в IX в.

«Повесть временных лет» дает прямое указание на то, где жили варяги — **по южному берегу Балтийского моря, которое в лето-**

писи называется Варяжским морем. Четко обозначены западные пределы расселения варягов: «до земли Агнянской и Волошской». Англами в то время называли датчан, а волохами западные славяне именовали итальянцев. Следовательно, земли варягов на западе граничили с Данией. На востоке границы расселения варягов указаны более расплывчато — «до предела Симова». В данном случае имеется в виду Волжская Булгария — варяги контролировали северо-западную часть Волго-Балтийского пути вплоть до Волжской Булгарии.

Изучение других письменных источников показало, что на южном берегу рядом с датчанами Балтики жили «варины» («**вэрины**», «**вагры**», «**вары**») — племя, принадлежавшее к вандальской группе «ингвеонов» с уральскими элементами. *К середине IX в. варины уже ославянились — они говорили на славянском языке.*

Германские средневековые авторы называли варинов «вэрингами» и считали их одним из славянских племен, франкские авторы — «вэринами», балтийские славяне — «варангами», «ваграми». **В восточнославянской огласовке «вагров» стали называть «варягами».** Тождество варягов и вагров-варинов с языковой точки зрения очевидно. Оба именованья имеют один корень «вар» — вода и различные суффиксы. Варяги, следовательно, — это люди, живущие у воды, поморяне.

В конце VIII — начале IX в. на земли варинов начинают наступать франки. Это побудило их искать новые места поселений. В VIII в. во Франции появляется «Варангевилл» (Варяжский город), в 915 г. возник город Вэрингвик (Варяжская бухта) в Англии, до сих пор сохранилось название Варангерфьорд (Бухта варангов, Варяжский залив) на севере Скандинавии. С VIII—IX вв. имена Варин и Варанг широко распространяются по всей Европе, свидетельствуя также о рассеивании отдельных групп варинов в иноязычной среде.

Основным направлением переселений варинов-варягов стало восточное побережье Балтики. На восток они переселялись вместе с отдельными группами русов, живших по берегам Балтийского моря (на о. Рюген, в Прибалтике и др.). Отсюда в «Повести временных лет» и возникло двойное именование переселенцев — **варяги-русь**: «И пошли за море к варягам, к руси, ибо так звались те варяги — русь». При этом «Повесть временных лет» специально оговаривает, что русь — это не шведы, не норвежцы и не датчане. Следовательно, в середине IX в. славяне именем «варяги» называли племена уже разного этнического происхождения.

В Восточной Европе варяги появляются в середине IX в. Варяги-русь приходят сначала в северо-западные земли к ильменским словенам, а затем спускаются к Среднему Поднепровью. По сведениям разных источников и по мнению некоторых ученых во главе варягов-руси, пришедших к ильменским словенам с берегов южной Балтики, стоял князь Рюрик. Скорее всего, легендарный Рюрик был выходцем одного из варяжских (вэринских) племен.

В некоторых средневековых генеалогиях Рюрика и его братьев (Сивара и Триара — на западноевропейский манер) считают сыновьями князя славянского племени ободритов Годлава, убитого в 808 г. датчанами. В свою очередь, генеалогию ободритов средневековые авторы привязывали к венедо-герульской, отражавшей процесс ассимиляции вене-дов и герулов славянами (смешанные славянские и неславянские имена княжеских родов). В начале XVIII в. эта версия активно обсуждалась в Германии и разногласия касались лишь определения: был ли Рюрик славянином или германцем? Норманисты переделывали имя на скандинавский манер (HroekR). Но в русской летописи оно звучит так, как звучало в кельтской Галлии. Имя Рюрик, по всей вероятности, восходит к названию одного из племен кельтов — «руриков», «рауриков», а племенное название, видимо, связано с рекой Рур. Племя это ушло от вторгнувшихся в Галлию войск Юлия Цезаря, и уйти оно могло только на восток. В позднейшее время выходцы с берегов реки Рур тоже получали имена (или прозвища) «Рурик». Предания о Рюрике и его братьях на южном берегу Балтики сохранились очень долго — их записывали еще во второй половине XIX в.

Названия основанных Рюриком в IX в. городов (Ладога, Белое озеро, Новгород) говорят о том, что варяги-русь в это время говорили на славянском языке. Интересно, что главным богом у варягов-руси был Перун. В договоре Руси с Греками 911 г., который заключил Олег Вещий говорится: «А Олега с мужами его заставляли присягать по закону русскому: клялись оружием своим и Перуном, их богом».

По сведениям «Повести временных лет» варяги играли значительную роль в северо-западных славянских землях в конце IX—X вв. В летописи утверждается, что новгородцы происходили «от рода варяжска». Киевские князья постоянно прибегают к помощи наемных варяжских дружин в борьбе за власть.

При Ярославе Мудром в XI в. в варяжских дружинах впервые появляются шведы. Этому способствовало то, что Ярослав был женат на шведской принцессе Ингигерд. Поэтому в начале XI в. на Руси варягами начинают называть и выходцев из Скандина-

вии. Но интересно, что в Новгороде шведов варягами не называли вплоть до XIII в.

После смерти Ярослава русские князья перестали набирать наемные дружины из варягов. Само имя варягов переосмысливается и постепенно распространяется в общем на выходцев с католического Запада.

§3. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУСИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ, ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Проблема этнического происхождения «руси» намного сложнее, нежели «варяжская». Дело в том, что этноним «**русь**» встречается в самых разных областях Европы, более того, под этим этнонимом в древнейших источниках подразумеваются *разные народы*. Главная ошибка и норманистов и антинорманистов — стремление свести к одной «Руси» свидетельства о разных «Руссиях». Например, указание восточных авторов на «три вида руси» (Арсания, Славия и Куяба) нужно воспринимать как упоминание *трех разных народов*, объединенных одним именем. Поэтому представление о «трех видах руси» как о «трех центрах» (или самое большее о «трех племенах») — несостоятельно по сути. Слабость антинорманизма заключалась именно в том, что «русь» рассматривалась как изначально славянское племя, независимо от того, искали ли его на Балтике, или на юге у «Русско-го» (Черного-Черного) моря или у речки «Рось».

Следует признать, что «русь» — это славянизированные, но изначально неславянские племена, причем разного происхождения.

Как уже отмечалось, в «Повести временных лет» представлены **две версии происхождения Руси**. Киевский летописец, писавший, по всей вероятности, в конце X в., считал, что «русь» — это поляне. Поляне вышли, как и все славяне из *Норика*, — римской провинции, территориально совпадавшей с областью *Ругиланда* — одной из Руссий, известной с V в. и упоминаемой еще и в XII в., и которая ко времени обращения к этой теме летописца была славяноязычна («...а русский и словенский язык — одно есть», — уверяет летописец). Современные археологические исследования показали, что с Дуная на Средний Днепр было две заметных волны переселений: в VI столетии (культура пальча-

тых фибул) и в середине X в., когда по Дунайско-Днепровскому пути уходили на восток, отступая от вторгнувшихся на Средний Дунай венгров. Вполне вероятно, что обе переселенческие волны предполагали этнически родственные племена (память о такого рода переселениях обычно хранилась веками). Но летописец, видимо, имел в виду именно переселение середины X в., о котором ему могли рассказать и живые свидетели.

Летописец противопоставляет «разумных» полян-русь древлянам, соперничество с которыми приходилось на середину X столетия. *И описание обычаев, действительно, свидетельствует о расхождениях их у полян и других славянских племен.* Во всяком случае о том, что поляне не были изначально славянами, свидетельствует много фактов. Например, **свадебный обряд**: у славян было многоженство, причем женихи крали невест, хотя чаще всего это происходило по предварительному сговору. У полян-руси за невест платили выкуп, а многоженство запрещалось. Разными были и **похоронные обряды**. Так, для всех славян характерно трупосожжение с последующим захоронением останков. Например, в «Повести временных лет» сообщается, что у восточно-славянских племен радимичей, северян, кривичей и вятичей обряд трупосожжения сохранялся очень долгое время (у вятичей — до XI—XII вв.). Вообще же сожжение умерших было прекращено только с окончательным установлением христианства. А у полян-руси существовал обряд трупоположения. Разными были и **формы организации племен** — у полян-руси была кровнородственная община и большая семья, у древлян и других славянских племен — территориальная община и малая семья.

Характерно, что обычаи полян-руси в изложении летописца находят аналогии именно на Среднем и Верхнем Дунае, в варварских «правдах» раннего Средневековья. На территорию Подунавья указывает и отмечавшийся всегда необычный обряд погребения (трупоположения), появившийся в земле полян в *середине X в.* и находящий полную аналогию *в христианских погребениях Великой Моравии.* Усвоив славянскую речь, переселенцы из Европы долго еще сохраняли свои формы организации (большая семья и кровнородственная община). И недаром в литературе давно идет спор, какая община и семья была у славян накануне образования Древнерусского государства, а однозначного решения этого вопроса попросту не было.

Киевский летописец ставил вопрос «откуда пошла Русская земля, кто в Киеве нача першее княжити и откуда Русская земля

стала есть» (т. е. с какого времени можно говорить о ней как о государственном образовании). Династию он вел от *Кия*, не уточняя времени, когда жил родоначальник киевских князей. Он спорит с теми, кто не признавал княжеского достоинства *Кия*, и спор мог быть заострен против пришедших с севера Олега и Игоря. **Имени же Рюрика в Киеве в середине X в. похоже еще не знали.**

Судя по сочинениям русских авторов XI в. митрополита *Илариона* и *Иакова-мниха*, в Киеве о Рюрике еще ничего не знали и в третьей четверти XI в.: родоначальником киевской княжеской династии признавался Игорь «Старый». Не упоминает Рюрика и «*Слово о полку Игореве*» (конец XII в.), в котором родоначальником признается Троян. Само имя «Рюрик» появится в княжеском именовании в Новгороде лишь во второй половине XI в. (внук новгородского князя Владимира Ярославича — Рюрик Ростиславич).

Упоминание в летописи Норика как прародины славян необходимо ведет к *Ругиланду* и **народу ругов**. Сами **руги** известны с I в. н. э. (о них пишет римский историк Тацит) как население *юго-западного побережья Балтийского моря* и *острова Рюген*. Позднее, в VII—IX вв. оставшиеся на Балтийском побережье руги были славянизированы и известны в западноевропейских источниках как «**раны**», «**рены**», «**рутены**». Возможно, их называли также и «русами», и вместе с варягами они в IX в. участвовали в переселении к ильменским славянам.

С начала IV в. н.э. руги упоминаются на Среднем Дунае как племя, пришедшее сюда с южного берега Балтики. **В позднейших источниках «русские» упоминаются уже с IV в.** Византийский писатель XIV в. Никифор Григора говорит о «русском князе», занимавшем придворную должность при императоре Константине (т.е. до 337 г.). Российская «Степенная книга» (XVI в.) сообщает о «брани с русскими вои» императора Феодосия (до 395 г.). Здесь же сказано о нападении русов на «Селунский град». Сведения эти, по всей вероятности, заимствованы из житий (Ивана Пустынника Египтянина и Дмитрия Солунского), и они могут быть вполне достоверными. Только имеются в виду не восточноевропейские русы, а именно *подунайские руги*.

В V в. *подунайские руги* создали государство Ругиланд в римской провинции Норик. Римская провинция Норик примыкала с севера к Иллирии («Илюрик» русской летописи) и в основном совпадала с позднейшим Ругиландом, который во многих ис-

точниках IX—XII вв. называется «Русью», «Рутенией», «Русской маркой» и т.п. Руги, переселившиеся в Среднее Подунавье, принимали здесь активное участие в событиях IV—VI вв. на Среднем Дунае, соперничая, в частности, с готами. Как и большинство других «варварских» племен, они приняли христианство в виде арианства.

Подведем некоторые итоги. Древнейший киевский летописец знал только Приднепровскую Русь, которую выводил с Дуная.

Но внесенное позднее в летопись «Сказание о призвании варягов» называет еще одну Русь — Балтийскую. Балтийская Русь появляется на страницах «Повести временных лет» в качестве одного из варяжских племен. Впрочем, летописец оговаривает, что русь — это отдельное племя. Пояснение это сделано, очевидно, уже после того, как название «варяги» стало распространяться на все прибалтийские народы, и надо было подчеркнуть, что русь — это особое племя, отличавшееся от скандинавов.

Изучение сведений о Балтийской Руси показывает, что на побережье Балтийского моря в VIII—IX вв. существовало несколько «Руссий», причем, скорее всего, разного этнического происхождения. Например, рутены, вполне возможно, этнически восходили к кельтам. В середине IX в. рутены, которые к тому времени были уже славянизированы и иногда назывались «русью», включились в общий переселенческий поток с западных на восточные берега Балтийского моря и вместе с варягами пришли к ильменским словенам и кривичам.

Но восточные авторы, которые также знали Русь Приднепровскую и Русь Балтийскую, называют еще одну — «**третью Русь**». Как показали исследования, Русь Балтийская и «третья Русь» тесно связаны между собой. И эта проблема на сегодня — одна из важнейших в теме происхождения Руси и образовании Древнерусского государства.

Упомянутая ранее легенда XV в. о происхождении Рюрика с территории Неманской Руси имела целью дезавуировать другую легенду: о происхождении литовского (или литовско-русского) князя Гедимина от племянника Августа Палемона. В действительности же реальных «Рюриковичей» среди русских князей не было, а Игорь, по всей вероятности, не был сыном Рюрика, более того, он вообще происходил из иной Руси. В папских документах XII—XIII вв. (в частности, в булле Климента III 1188—1191 гг. бременскому архиепископу) «Руссией» называлась и Ливония. У Саксона Грамматика — это территория балтийского побере-

жья Эстонии, провинции Роталия и Вик. Само имя «Игорь» (в византийских и западных источниках «Ингер») явно связано с территориями «Ингрии» («Ижора» русских летописей) и «Ингрии» (область соседняя с Роталией). Исходный корень здесь уральский («инг» — муж, человек). Отразился он и в этнониме «ингевоны», и во многих кельтских именах. Но именно на Эстонию в данном случае выводят чудские имена послов, упомянутые в договорах Руси с Греками, причем послов самого княжеского семейства.

«Русь» у восточного берега Балтики упоминается у Адама Бременского (XI в.), а в пояснениях-добавлениях комментатора имеется неожиданное уточнение, что это «**Руссия-тюрк**». У популярного в Европе еврейского автора Иосиппона, жившего в X в. в Италии, так назывались аланы (иранцы), отождествляемые в большинстве восточных источников именно с русами. Очевидно, это и есть «**третий вид**» Руси — Аланская Русь. Но целый ряд авторов, считавших русов изначально ираноязычным народом, помещали алан в областях Подонья (салтовская культура). Постоянные же упоминания в западных источниках (в частности, у «Географа Равенского», автора IX в.) роксолан и алан на восточном побережье Балтики представлялись домыслами. Между тем значительный иранский компонент в именах послов и купцов из договора Игоря с Греками 941 г. указывает на сохранение в Прибалтике и ираноязычного этноса. Само имя «Олег» явно восходит к тюркскому «Улуг» — имени и титулу, со значением «великий». Имя это в форме «Халег» с тем же значением известно и у ираноязычных племен.

Естественен вопрос: *как и когда попали на Балтику аланы (или ранее роксоланы)?* И в этой связи пересекаются два сюжета, казалось бы, далекие друг от друга: вопрос об этнической природе самих норманнов и история расселения алан в первые века нашей эры по Европе, в частности как раз по северо-западной Европе, где и до сих пор остаются их следы и в могильниках, и в именах (английское «Ален» и кельтское «Алдан» означают просто принадлежность к племени алан).

В свое время С. Гедеонов, оценивая один из аргументов норманистов — сообщение Лиудпранда, заметил, что **понятие «северные люди» («нордманны»), как об этом говорит и сам Лиудпранд, именно территориальное, а не этническое.** Во франкских хрониках с конца VIII в. самые северные славянские племена обозначаются как «нордлюди». Для Северной Италии, где жил

Лиудпранд, «норманнами» были уже жители Задунавья, а для Южной Италии — и Северной Италии.

Ни норманисты, ни антинорманисты не придали особого значения тому факту, что в генеалогиях норманнов нет ничего германского (в отличие от континентальных германцев). По одной из легенд (записанной в «Малой Эдде» и пересказанной в предыдущей главе), норманны пришли «из Азии», из-под Трои, точнее из Фракии в эпоху Троянской войны. Сорок поколений норманнов, представленных в этой версии, — это примерно двенадцать веков, и Скандинавии потомки троянских предков должны были достигнуть около начала нашей эры. Кстати, именно в этой генеалогии все сорок имен предков норманнов — *не германские*.

Две другие версии, рассмотренные выше, сходны и относятся к более раннему времени, нежели «Младшая Эдда», именно к XII столетию. Анналист Саксон указывает даже точную дату прихода норманнов с Дона в северные пределы Франции — 166 г. н.э. Другой вариант этого же предания — объяснение захвата норманном Роллоном в начале X в. Нормандии: узурпатор оправдывал свои действия тем, что во II в. сюда с Дона пришел его предок, тоже Роллон.

В шведской литературе придают большое значение упоминаемой в сагах «Великой Свитьод», что воспринимается как «Великая Швеция» и служит аргументом в пользу того, что шведы господствовали на Руси. Но «Свитьод» — это, как было сказано, легендарный в сагах Асгард, страна «асов». А «асы» — **одно из названий алан**, употребляемое и русскими летописцами (в форме «ясы»), и это опять-таки область *Северского Донца и Дона*, где еще и в XII в. упоминается «Руссия-тюрк».

Выше отмечено, что путь, которым шел легендарный Один вместе с асами, хорошо зафиксирован нумизматическими данными: с Дона на Среднюю Оку (именно на Средней Оке фиксируется большинство кладов восточных монет) и далее (обычно по Клязьме) на Верхнюю Волгу. Иначе говоря, Один со своим сопровождением шел именно Волго-Балтийским путем, останавливаясь в разных районах Балтийского побережья и на островах, пока не пришел в область Центральной Швеции — именно Свитьод. И надо иметь в виду, что *свеев-шведов в те легендарно далекие времена здесь еще не было*.

Согласно преданиям, Один — и бог, и родоначальник династии, связанной все с теми же «асами», обоготворяемой элиты формирующегося государства (оно в Швеции сложится значительно позднее, чем на Руси). Согласно преданию, Один после смерти (боги шведов смертны)

собрал всех погибших в войнах и увел назад на Дон в «Асгард». Интересно и важно, что предания об Одине были и в «Руссии-тюрк» на восточном берегу Балтики, на что обратил внимание Саксон Грамматик, противопоставляя, однако, русов и шведов.

Следовательно, легендарные сведения, подтвержденные нумизматическими данными, представляют нам, казалось бы, парадоксальную картину: **изначально норманны (северные люди) этнически были связаны с аланами-иранцами, и германского этнического элемента у этих норманнов не прослеживается.**

В свете указанных фактов могут быть рассмотрены и два принципиально значимых источника: известие о **«Росском каганате»** под 839-м и **«Норманнском каганате»** под 871-м годами. В первом сообщении, записанном франкскими «Бертинскими анналами», говорится о послых народа «рос», прибывших в Константинополь откуда-то с севера и возвращавшихся на родину через Германию, поскольку пути к ней были перерезаны дикими варварскими народами. Правитель этой страны носил титул «кагана», приравнивавшегося на Востоке к византийскому титулу «императора». Но германский король заподозрил, что это свеоны, прибывшие в качестве шпионов-лазутчиков.

Сообщение явно не объяснялось традиционными норманистскими и антинорманистскими интерпретациями. В Скандинавии не было племен, которые бы знали вообще титул «кагана», а под «свеонами» и те и другие понимали шведов. Только норманисты при этом и народ «рос» отождествляли со шведами, а антинорманисты, как бы уступая, соглашались, что южный народ представляли шведские послы. Между тем у римского историка Тацита (I в. н.э.) свевы и свеоны упоминаются как разные племена, а в IX в. франкские летописцы «свеонами» называли неопределенное население Балтийского побережья и островов, поскольку выхода к этому морю франки-германцы не имели, да и не участвовали в то время шведы в разбойных нападениях викингов.

Скорее всего, сообщение о «Росском каганате» ведет не в Скандинавию, а к берегам Дона. **Росский каганат**, государство, созданное в конце VIII — начале IX в. **русами-аланами** — это, очевидно, давно известная археологам **салтовская культура на Дону и Северском Донце**. Сам титул «кагана» предполагает, с одной стороны, соседство тюркского народа, а с другой — независимость «каганата» от любого другого государственного образования. Иными словами, Росский каганат — это не часть Хазарии, как и до сих пор считают многие хазароведы, а ее соперник

в Причерноморских степях. И культура района Северского Донца и Подонья в это время заметно выше, нежели в собственно кочевой Хазарии. Об этом свидетельствует и уровень ремесла (в частности, уровень строительной техники), и наличие собственной чеканки монет (восточного же образца).

Нумизматика свидетельствует о тесных связях Подонья с Прибалтикой. Петергофский клад арабских монет начала IX в. содержит и монеты, отмеченные «русскими письменами», являющимися по своему происхождению именно *аланскими*, т.е. *иранскими*. Когда начались эти связи остается неясным. Тем более что этим вопросом просто никогда не занимались, если не считать указания на то, что прибалтийский янтарь появляется в салтовской культуре с конца VIII в. Но отлив части алан по Волго-Балтийскому пути явно не был первоначальным. И в то же время в Поднепровье в это время вообще еще не было кладов восточных монет и, очевидно, путь «Из Варяг в Греки» еще не действовал.

В 30-е гг. IX в. Росский каганат подвергся разорению со стороны хазар и венгров, и обитатели каганата куда-то ушли — куда? Может быть, в Прибалтику?

В Германии Прибалтику представляли смутно. Об этом можно судить по тому, что даже один из самых осведомленных авторов XII в. Гельмольд считал, что Балтийское море называется так от латинского *balteus* — «пояс», потому что длинным поясом проходит «через земли скифов» «до самой Греции». На самом деле корень «балт» происходит от балтского «белый». Но то, что Балтийское море («Варяжское», «море русов и славян») каким-то образом соединяется с Черным и «Меотским» (Азовским) морями знали и на Западе, и на Востоке. И в этой связи представляет значительный интерес комплекс сведений восточных авторов об «**Острове русов**», правитель которого носил тоже титул «кагана». Остров этот искали в разных местах, но и указание на «Норманнский каганат» под 871 г. (византийский император, перечисляя разные титулы, приравнивал его к королевскому), и размеры острова — «три дня пути» — ведут именно в *Прибалтику*.

«Три дня пути» — это около ста километров. Такой остров на Балтике есть: *это нынешний «Сааремаа»*, что означает (в эстонском языке) просто «островная земля». То же это значит и в исландских сагах — «Ейсюсле» (позднее на германской почве превратившееся в «Эзель»), то же это означает в германизиро-

ванном названии «Хольмгард», совершенно неправомерно относимое к Новгороду. Компонент «гард», видимо, относится к глубокой индоевропейской древности. Он известен разным языкам, означая не всегда одно и то же. У всех кельтских народов, как и у исландцев, это — «сад», «огороженное место», чем-то обозначенная территория вроде славянского «мир», «волость» или исландского «сюсла», как определенная управленческая единица. По сообщениям Адама Бременского (около 1075 г.) и Гельмольда, даны вместо «Хольмгард» употребляли «Острогард», в чем слышится и славянское «островная земля», тем более что балтийские славяне шли на восток по Волго-Балтийскому пути много раньше данов, по крайней мере с конца VIII в.

Упомянутый часто в скандинавских сагах «Хольмгард» не всегда означает одно и то же. Это и неудивительно: саги записывались в XII—XIII вв., а «Остров русов» с каганами во главе мог существовать какое-то время лишь в IX в. **Но и в позднейших сагах сохраняется представление именно об острове.** В «*Sage o farrerca*» рассказывается о походе викингов сначала на Швецию, а затем «на восток в Хольмгард», где викинги «грабили на островах и мысах». В ряде случаев рядом с Хольмгардом упоминается Вик — область, лежащая напротив Сааремаа.

Норманнский каганат 871 г. и «Остров русов», упомянутый восточными авторами, — это одно и то же государственное образование, созданное русами-аланами на острове Сааремаа в Балтийском море в IX в., после их переселения с Дона из пределов разгромленного хазарами и венграми Росского каганата.

Русы с этого острова будут упоминаться в источниках вплоть до середины XIV в., когда они — как неоднократно ранее — возглавят последнюю вооруженную борьбу против Ливонского ордена («Островская земля» упоминается в Новгородской Первой летописи под 1344 г. в связи с восстанием против Ливонского ордена). Адам Бременский указывает, что на территории Роталии жили именно аланы (или албаны — часто встречающееся в источниках обозначение тех же алан). Комментарий, пояснявший текст Адама Бременского, отметил, что это «**Россия-тюрк**», т. е. **Аланская Русь** («тюрками», как сказано выше, аланы называются в сочинении жившего в Италии в X в. Иосиппона).

В Хронике начала XIII в. Саксона Грамматика приводит обширный материал о борьбе данов с рутенами из области Роталии-Вик. Автор указывает, в частности, и на разные языки, и

на разные обычаи данов и рутенов, равно как шведов и рутенов. В плане размежевания шведов и рутенов ценно указание автора XVII в. Иоганна Мессениуса, напомнившего в «Хронике линчепингских епископов» (одна из первых шведских епархий), что во время шведского похода в 1220 г. в Вик, «в Руссию», «рутены» убили епископа.

А Одина в этой Руссии знали. По сообщению Саксона Грамматика, легендарный *герой рутенов Бой* был рожден от *дочери рутенского князя Ринды и Одина*. И это еще одно доказательство наличия в самой Швеции аланской (т.е. иранской) общины.

Примечателен и еще один факт: русы с острова Сааремаа поддерживают постоянные контакты с Псковом, а не Новгородом или Полоцком. И, очевидно, не случайно, что супруга Игоря Ольга происходила (согласно ее житию) именно из-под Пскова. Само славянизированное произношение имени Ингера как «Игорь» созвучно славянскому обозначению «Ингрии» как «Ижоры», а еще в XVI столетии А. Курбский отметит наличие в Эстонии особого «иговского» языка.

Выходцами из Аланской Руси в Прибалтике были Русские князья Олег и Игорь. Летописные сведения о конце IX и первой половины X в. крайне противоречивы и тенденциозны. Достаточно сказать, что о кончине князя Олега в летописях сохранились *три разные версии*: могила на Шековицах в Киеве, могила в Ладоге и смерть от укуса змеи «за морем». Новгородские летописи дают еще версию — о воеводе Олеге при князе Игоре. Однако о том, что Олег был именно князем, свидетельствует договор его с Греками. Но явно, что после смерти Олега (а может быть, и раньше) в Киеве разразилась смута. Суть ее передана в богемских хрониках: племянник Олега Вещего Игорь изгнал своего двоюродного брата Олега (сына Олега Вещего), тот бежал в Моравию и вернулся в Киев только после смерти Игоря. В Киеве позднее будут показывать две «Олеговы могилы»: на Шековицах и у Западных ворот. Речь идет явно о разных Олегах: отце и сыне.

Можно отметить и то, что Олег с Игорем сразу и легко утверждаются на Черном море, причем именно на территориях, где упоминается *Тмутараканская, Причерноморская Русь*: это восточный берег *Крыма и Таманский полуостров*. При этом тмутараканские русы переходят на славянскую речь даже без участия собственно славянского населения. Не исключено, что здесь смешивались *несколько видов русов*: оставшиеся еще от эпохи черняховской культуры роги-росомоны, возвращавшиеся сюда

в конце V в. из Подунавья гуны и руги и пришедшие сюда некоторое время спустя русы-аланы. Топонимика же указывает и на проживавшее некогда индоарийское население.

Язык договоров Руси с Греками (X в.) свидетельствует о *славяноязычии* дружин Олега и Игоря, хотя имена — кроме собственно княжеских — неславянские. Но дело в том, что, как и у ряда других народов, славянская территориальная община не знала личных имен, а упомянутые в договоре Игоря имена княжеской семьи (Святослав, Володислав, Предслава) — не имена, а титулы, которые рядовым дружинникам долгое время будут недоступны.

Договоры дают большой материал и для понимания специфики обычаев «рода русского», о чем речь будет в следующей главе. Пока отметим, что обычаев смертной казни и членовредительства, столь распространенных в Византии и Западной Европе наказаний, русы Олега и Игоря не знали.

В спорах норманисты и антинорманисты постоянно обращали внимание и на особенности «русского» язычества: последовательное отвержение всего норманно-скандинавского как в пантеоне божеств, так и в специфике верований. Правда, не всегда обращалось внимание на *различие верований* собственно славян и разных ветвей русов. Вместе с тем параллели для многих божеств обнаруживались в круге иранских или индоарийских верований (Сварог, Хорс, Стрибог).

Надо, однако, иметь в виду, что разноязыковые «Руссии» были по всему южному и восточному побережью Балтики. Тому же Адаму Бременскому известны и другие «Руссии» — «Черная» (в верховьях Немана) и «Белая» (по Западной Двине). Видимо, последнюю упоминает и римский папа Климент III в связи с учреждением епархии в «Икскуле» (в 30 км от будущей Риги). Даже само название столицы Роталии — Ротала имеет аналогию в землях Ругиланда на Дунае. Что это были за «Руссии» — нам пока еще неизвестно.

Интересно и то, что Саксон Грамматик называет в Роталии также родственных рутенам гуннов и гелеспонтцев. Гуннами в данном случае, видимо, названы фризы (так, как отметил Т. Шор, называлось главное племя фризов). Гелеспонт же — это название Мраморного моря, и название держалось, видимо, по традиции с тех далеких времен, когда к побережью Балтики, действительно, пришли веныты — союзники побежденных троянцев. Какая-то их часть еще сохраняла свое имя в XIII в., когда началась экспансия крестоносцев.

Подведем итог — кто же такие «русы»? «Русы» — это славянизированные, но изначально неславянские племена, причем разного происхождения. При этом разные в этническом отношении «русы» участвовали в образовании Древнерусского государства в качестве господствующего слоя.

Известно, что в древних источниках само название народов с именем «русь» было различно — руги, роги, рутены, руйи, руйаны, раны, рены, русь, русы, росы, росомоны, роксоланы. Оказалось, что и значение слова «русь» неоднозначно. В одном случае это слово переводят как «красный», «рыжий» (из кельтских языков). В другом случае — как «светлый» (из иранских языков).

В то же время слово «русь» очень древнее и существовало у разных индоевропейских народов, обозначая, как правило, господствующее племя или род. В раннем Средневековье сохранилось три несвязанных между собой народа, носивших имя «русь». Средневековые арабские авторы знают их как «три вида русов». Первые — это руги, происходившие от северных иллирийцев. Вторые — это рутены, возможно, кельтское племя. Третьи — это «русы-тюрки», сармато-аланы Росского каганата в степях Подонья.

Руги-русы, жившие в Европе в I—V вв., по своему этническому происхождению были близки с кельтами или северными иллирийцами. В I в. н.э. руги жили по южному побережью Балтийского моря на территории нынешней Северной Германии и на острове Рюген. В начале III в. н.э. вторжение готов разметало ругов по всей Европе. Некоторая часть из них осталась на острове Рюген и на ближайшем к острову побережье Балтийского моря. Другая часть двинулась на восток, в Прибалтику. А еще одна большая группа ругов ушла на юг, к Римской империи. Там они получили разрешение поселиться возле границ государства римлян — по реке Дунаю, в римской провинции Норик (на территории нынешней Австрии). В V в. нашей эры эти руги основали здесь свое государство — Ругиланд. Кстати, Ругиланд в письменных источниках называется «Руссией», «Рутенией». «Ройс» и «Ройсланд» в качестве особых графств существовали долго в Тюрингии. «Рутенией» называли и о. Рюген.

Ругиланд как самостоятельное государство существовал несколько десятков лет. Но во второй половине VI в. он подвергся нападению завоевателей. Некоторые руги покинули Ругиланд и

пошли на Восток. Возле реки Дунай они встретились со славянами, постепенно ославянились и стали зваться «русами». Затем вместе со славянами русы переселились к берегам Днепра. Археологические раскопки подтверждают две волны такого переселения: в конце VI—начале VII в. и во второй четверти X в. — приднепровское племя «поляне-русь». **Эти русы и стали основой Приднепровской Руси.** Именно с полянами-русью связано предание о *русском князе Кие, его братьях Щеке, Хориве и сестре Лыбеди.*

Руги, оставшиеся жить на южных берегах Балтийского моря и на острове Рюген, в VII—VIII вв. смешались со славянами и варинами-варягами. В скором времени балтийских ругов стали называть русами, ранами, руянами, а остров Рюген начал зваться Руйеном, Руденом или Руссией. В начале IX в. славяноязычные русы, вытесняемые из своих родных земель франками, начали переселяться вместе с варинами-варягами на восток по побережью Балтийского моря. В процесс переселения на восток включилось и **кельтское племя рутенов**, проживавшее в Прибалтике. Во второй половине IX в. переселенцы достигли земель ильменских словен, которые называли новых соседей варяги-русь. **Эти русы составили одну из разновидностей Балтийской Руси.**

Третьи русы — это иранский сармато-аланский народ, потомки роксолан. Слово «рус» («рухс») в иранских языках обозначает «светлый», «белый», «царственный». На территории Среднего Поднепровья и Подонья в VIII—начале IX в. существовало сильное государство русов-алан — Росский каганат. В него входили и славянские племена Поднепровья и Подонья — поляне, северяне, радимичи. Росский каганат известен и западным, и восточным письменным источникам IX в. Много следов аланской культуры сохранилось и в Киевской Руси. В начале IX в., русы-аланы были вытеснены из Подонья венграми, которые разгромили Росский каганат. Часть русов-аланов переселилась в Восточную Прибалтику, а точнее на остров Сааремаа («Остров русов», «Норманнский каганат»), и стали известны древним источникам как «**Руссия-тюрк**», т.е. **Аланская Русь.** Русы-аланы в этот период составили еще одну разновидность Балтийской Руси. Видимо, уже в IX в. русы-аланы были славянизированы. Именно из этой Руси вышли Олег Вещий и Игорь «Старый», а княжеская династия из этих русов-аланов утвердилась у славянских племен уже после смерти Рюрика и его братьев.

**В конце IX в. на территории Древней Руси из представителей разных русов сформировался так называемый «род русский», который, видимо, соединил в себе выходцев из Подо-
нья, Приднепровья, Придунавья и Прибалтики.**

§4. СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Древняя Русь изначально была многоэтничным государством. На территории будущего Древнерусского государства славяне ассимилировали многие другие народы — балтские, угро-финские, иранские и другие племена. Таким образом, сформировалась **древнерусская народность**. Каждое племя, каждый народ, который вошел в состав Древнерусского государства, привнес особенности собственной организации общества. При этом на территории Древней Руси встретились и начали взаимодействовать народы, у которых были разные формы организации общины: у славян — *территориальная община*, у русов разного этнического происхождения — *кровнородственная община*.

Разные типы общин определяют и разные пути образования государств. При кровнородственной общине расслоение происходит и внутри родов, и между ними («римский вариант» политогенеза). У народов с кровнородственной общиной государство возникало как результат установления господства одного рода (или племени) над другими. На землях территориальной общины государство возникает иным путем.

Славяне — это народ, издревле занимавшийся земледелием. Видимо, поэтому у славян довольно рано возникла территориальная (соседская) община, вытеснившая кровнородственную общину. В территориальной славянской общине не было культа рода и племени, в ее состав легко принимались чужеземцы. Управление в территориальной общине связано с хозяйственными задачами, значительным было влияние выборных должностных лиц. Хозяйственные потребности сельской общины ограничиваются пределами волости. На более обширных территориях в сфере общих интересов лишь поклонение общим богам, «игрища между селами» с целью заключения браков, отношения с иными племенами. Таким образом, у славян в зависимости от действительных потребностей и строилась *снизу вверх* иерархия государственного управления. Византийский историк VI в.

Прокопий из Кесарии отмечал, что племена славян «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом». А это значит, что управление у славян было связано с хозяйственными задачами, поэтому старейшин выбирали всем миром на народном собрании — **вече**. Кстати, способность славян быстро ассимилировать другие народы объясняется также наличием у них соседской (территориальной) общины. Византиец Маврикий Стратег (VI в.) отмечал, что у славян не было рабства, а пленникам предлагалось либо выкупиться за незначительную сумму, либо остаться в общине на правах равного.

Используя данные археологии, можно довольно точно описать образ жизни древних славян. Они были оседлым народом и занимались пашенным земледелием — археологи находят плуги, сошники, рала, плужные ножи и другие орудия. Именно славяне привнесли искусство пашенного земледелия в Восточную Европу. У славян было натуральное хозяйство, каждая община должна была обеспечивать себя всем необходимым: посудой, орудиями труда и оружием. Ремесленные изделия изготавливались для внутренних нужд общины, а не на продажу. Поэтому у славян не было гончарного круга до X в., а отличительным признаком славянской культуры была грубая лепная керамика. Поселения славян располагались на невысоких берегах рек, были невелики по площади и состояли из 15—20 малых полужемлянок, в каждой из которых жила *малая семья* (муж, жена, дети). Характерным признаком славянского жилища была каменная печь, которая располагалась в углу полужемлянки. У многих славян была распространена *полигамия* (многоженство): славянский мужчина имел двух-трех жен. Своих умерших славяне-язычники *сжигали*. У всех славянских племен высшие боги были связаны с землей, а верования — с земледельческими культурами, культом плодородия (Велес, Дажьдбог, Сварог, Мокошь). Отличительной чертой славянского язычества было отсутствие человеческих жертвоприношений.

Славяне были умелыми, изобретательными и хитрыми воинами. Наличие территориальной общины предполагало, что в случае опасности каждый общинник берет в руки оружие. Византийская организованная армия всегда терпела поражение от славян, не располагающих какой-либо четкой военной структурой, а ведущих своеобразную партизанскую войну.

Строго говоря, уже зарубинецкая культура, существовавшая в последние века до нашей эры и в начале новой, была по многим показателям выше многих ранних государств. Достаточно указать на протянувшиеся на сотни километров земляные валы («Змиевы валы»), практически оградившие культуру от набегов со стороны степи и избавившие от необходимости укреплять каждое поселение. Ранним государством было полиэтническое объединение — черняховская культура (II—IV вв.), а славянские племена VI в. имели достаточно эластичную, выстраивавшуюся снизу вверх систему организации и управления.

С VII в. на территориях, занятых славянами, возникают первые славянские государства. В 681 г. — Первое Болгарское царство, образовавшееся после прихода в славянское Подунавье кочевников-болгар, которые быстро смешались со славянами. В VIII—IX вв. образуется Великоморавское государство, появились первые сербские княжества и Хорватское государство.

В VI — начале VII в. на территории нынешнего своего проживания — от Карпатских гор на западе до Днестра и Дона на востоке и до озера Ильмень на севере образовались племенные союзы восточных славян — северяне, древляне, кривичи, вятичи, радимичи, поляне, дреговичи, полочане и др., которые также фактически являлись государствами. **К IX в. восточнославянские племенные союзы, земли, княжения занимали огромные территории, превышавшие площадь многих государств Западной Европы.** Во всех них существовала уже обособившаяся от остального общества, но не оторвавшаяся от него окончательно княжеская власть. Славянские города служили административными центрами племен и местом укрытия окрестного сельского населения от внешней опасности. В IX — первой половине X в. известно несколько таких городов: Киев — у полян-руси, Новгород — у ильменских словен, Смоленск — у кривичей, Искоростень — у древлян. Жители городов делились на десятки, сотни и тысячи. Вершиной такой городской и племенной администрации был *тысяцкий*, избираемый на народном собрании — *вече*. Таким образом, у славян складывалась *земская власть*, то, что потом в отечественной историографии получит образное именование «**Земля**». Нужно признать, что земская власть была исторически возникшей и наиболее экономически целесообразной формой организации для славян. Следовательно, правы те ученые, кто считает, что государственность на Руси сложилась ранее вокняжения

каких-либо династий. Главными политическими центрами в славянских землях в этот период являлись Новгород и Киев.

Но экономически целесообразная и естественная государственная земская власть не могла простираться на обширные территории, не могла решить проблему объединения необозримых пространств восточнославянских земель. Соединить земли восточнославянских племенных союзов могла только внешняя сила, *внешняя власть*. Таким племенем-объединителем в IX—X вв. оказались «*русы*», или, как их называют некоторые древние источники, «*род русский*», который, видимо, соединил в себе выходцев из Подонья, Приднепровья, Придунавья и Прибалтики. Пришедшая к славянам внешняя власть, конечно, использовала противоречия между отдельными землями-княжениями и не забывала напоминать о своих заслугах в поддержании «*порядка*», организации обороны и походов на внешнего врага. Эту внешнюю власть позднее в отечественной историографии обозначали образным термином «**Власть**».

В IX—X вв. Киевская Русь представляла собой объединение различных земель-княжеств, общим главой которых был *киевский князь*, выходец из «*рода русского*». Позднее киевский князь получил титул «*великого князя*», т. е. главного среди других князей. Каждое княжество объединяло территории (или земли) нескольких славянских племен, во главе таких княжеств стояли свои, местные князья. Например, свои князья были у древлян, кривичей, радимичей и др. А вятичи вообще долгое время не входили в состав Киевской Руси, оставаясь независимыми.

Киевский князь, помимо того, что он был главой всей Киевской Руси, владел своим княжеством, собственно тем, где главенствовал «*род русский*». В то время главными городами киевского княжества была территория племени полян-руси с городами Киев, Чернигов и Переяславль. В подчинении киевского князя находились собственные бояре — высшая знать, воинская дружина и «*старцы градские*».

В каждом славянском городе действовало вече — общий совет горожан, мнение которого нередко было сильнее воли князя. Недаром жители многих древнерусских городов в X—XII вв. нередко сами решали, какого князя пригласить к себе на княжение.

Между киевским князем и местными князьями заключался своеобразный договор. Условия договора включали, во-первых, право киевского князя собирать дань в землях союзных князей («*полюдье*»). Обычно на полюдье киевский князь со своей дру-

жиной выезжал осенью и всю зиму проводил за сбором дани. Во-вторых, киевский князь был обязан обеспечивать защиту подвластных ему земель. И в-третьих, местные князья должны были поставлять воинское ополчение в том случае, если киевский князь возглавлял общий воинский поход в чужие края.

Взаимоотношения «Земли» и «Власти» в этот период были довольно сложными, а межплеменные конфликты в IX — X вв. — частыми. «Земля» чаще всего откупалась от «Власти» данью, а совместные выступления и тех и других вызывались необходимостью противостоять внешним врагам. В этом и заключается в целом положительный результат образования относительно единого государства. Но и княжеская власть была весьма ограничена «родом русским» и дружиной, и сам этот «род» имел неодинаковое влияние в землях различных племенных союзов восточных славян. Первые реальные попытки упорядочить отношения городского и племенного самоуправления с княжескими слугами даже в пределах самого Киева были предприняты лишь в конце X в. при Владимире Святославиче.

Литература

Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Советское славяноведение. Т. 20., 1975.

Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.

Алексеева Т. И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. №3.

Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966.

Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сочинения. Т. II. Ч.1, М., 1963.

Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160. М., 1980.

Беневоленская Ю. Д., Давыдова Г. М. Русское население Псковского обозерья // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М., 1979.

Березовец Д. Т. Про імя носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1970.

Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. Т. I. СПб., 1908.

Венелин Ю. Скандинавomania и ее поклонники. М., 1842.

Венелин Ю. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // ЧОИДР. Кн.4. М., 1870.

Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском // ИОРЯС. Т. XI. Кн.3. СПб., 1906.

- Вилинбахов В. Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. №1.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н.* Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1959.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- Гедеонов С. А.* Варяги и Русь. Ч. 1—2. СПб., 1876.
- Горюнова В. М.* О западных связях «Городка» на Ловати // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977.
- Грушевский М. С.* Киевская Русь. Т. 1. СПб., 1911.
- Гуревич Ф. Д.* Скандинавская колония на территории древних пруссов // Советское славяноведение. Т. 23. 1978.
- Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Дорн Б. А.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875.
- Дробинский А. И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.
- Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982.
- Завитневич В.* Происхождение и первоначальное значение имени «Русь» // Труды Киевской Духовной академии. 1892. №11.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.
- Зеленин Д. К.* О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. М., 1954.
- Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. М., 1982.
- Калинина Т. М.* Ал-Масуди о расселении русов // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978.
- Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970.
- Ковалевский С. Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
- Костомаров Н. И.* Начало Руси // Современник. Т. 70. №1. СПб., 1860.
- Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
- Кузьмин А. Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. №1.
- Кузьмин А. Г.* Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. №11.
- Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кузьмин А. Г.* Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. №4.
- Куник А., Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878.
- Куник А.* Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903.

- Лебедев Г. С., Розов А. А.* Городец под Лугой // Вопросы истории. 1975. №2.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Ловмянский Г.* Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. №9.
- Ловмянский Г.* Русь и норманны. М., 1985.
- Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1968.
- Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978.
- Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX— XIII вв. М., 1979.
- Мельникова В. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977.
- Морошкин Ф. Л.* Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб., 1842.
- Мошин В. А.* Варяго-русский вопрос // Slavica. Vol. X. Praha, 1931.
- Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1994.
- Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.
- Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и руси VI—X вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1—2 / М., 1986 (Сер. «История России в романах, повестях и документах»).
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности. Л., 1924.
- Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне // Советская этнография. Сб. VI—VII. М.; Л., 1947.
- Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. №11. М., 1949.
- Рыбаков Б. А.* Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987.
- Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX — XIV вв. М., 1978.
- Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980.
- Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Славяне и Русь. Проблемы и идеи / Сост. Кузьмин А.Г. М., 1998 и 1999 (второе и третье издания).
- Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. М., 1976.
- Смирнова Г. П.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Сугорский И. И.* В туманах седой старины. Англо-русская связь в давние века. СПб., 1907.
- Талис Д. Л.* Росы в Крыму // Советская археология. 1974. №3.
- Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. Сб. VI—VII. М.; Л., 1947.

- Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975.
- Толочко П. П.* Древний Киев. Киев., 1983.
- Толстов С. П.* Из предыстории Руси // Советская этнография. Сб. VI—VII. М.; Л., 1947.
- Томсен В.* Начало Русского государства. М., 1891.
- Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
- Трубачев О. Н.* К истокам Руси. М., 1993.
- Херрман И.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.
- Шаскольский И. П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.
- Шахматов А. А.* К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912.
- Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шушарин В. П.* Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964.
- Янушевский Г.* Откуда происходит славянское племя русь. Вильно, 1923.
- Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

ГЛАВА IV

Древняя Русь в IX—XI вв.

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ В IX—XI вв.

События конца IX—XI вв. на Руси в летописях изложены скупо и противоречиво, ибо в ее основе лежат различные первоисточники. Более того, ранние летописные свидетельства значительно отредактированы более поздними летописцами, причем эта редакция осуществлялась в интересах совершенно конкретных политических фигур из правящей династии. Поэтому для того, чтобы найти истину, необходимо использовать, анализировать разнообразные источники, помимо летописей, привлекать данные археологии, антропологии, сведения из фольклорных источников, а также и зарубежные источники, прежде всего богемские хроники.

Во многом из-за путаницы в письменных источниках в отечественной исторической литературе также существуют разные точки зрения на события IX—XI вв., происходившие в Древней Руси. И собственно изучение этого периода русской истории и представляет собой анализ противоречивых свидетельств источников, а также осмысление важнейших дискуссионных вопросов, поднятых в историографии. Только в этом случае мы сможем представить более или менее точную картину исторических событий IX—XI вв.

Здесь мы встречаемся сразу же с несколькими проблемами, которые продолжают оставаться дискуссионными в отечественной историографии. Главная из них — проблема взаимоотношений «Земли» и «Власти», в русле которой существовали многие другие политические, социальные и экономические проблемы.

Противостояние «Земли» и «Власти» — следствие прежде всего разных истоков того и другого. «Земля» — это в основном славянское, или славянизированное, самоуправление, строившееся «снизу вверх». «Власть» — структура, выстраивающаяся «свер-

ху вниз», и в значительной мере привнесенная «родом русским», причем между разными видами «русов» были более или менее существенные различия. Иначе говоря, общественно-политический строй в Древней Руси определялся не только социальными, но и этническими различиями различных племен, объединенных в одно государство, ведь каждое племя приносило собственные традиции, обычаи, собственный социальный уклад.

Проанализируем с этой точки зрения рассказ «Повести временных лет» об основании Древнерусского государства. Уже говорилось, что этот рассказ представляет собой позднейшее соединение различных сведений, зачастую противоречащих друг другу. Поэтому следует выявить противоречия в самих летописных свидетельствах, доставшихся нам от разных летописцев, чьи сочинения и были позднее объединены в «Повести временных лет».

В этом отношении колоссальный ущерб науке нанесло представление о том, что автором «Повести временных лет» был один летописец — Нестор, писавший якобы в начале XII в. Но дело в том, что даже *Несторов-летописцев* в истории древнерусской письменности было двое. *Первый Нестор* — это ученик киево-печерского игумена Стефана, писавший свои сочинения о Феодосии Печерском, о князьях-братьях Борисе и Глебе во Владимире Волынском. *Второй* — *ростовский епископ Нестор*, бывший до своего рукоположения постриженником Киево-Печерского монастыря и в 1156 г. вернувшийся в Печерский монастырь. Как показывает сравнение летописного текста с известными нам произведениями обоих Несторов, ни первый, ни второй к «Повести временных лет» никакого отношения не имеют: ни их языка, ни их мировосприятия, ни их круга знаний в «Повести временных лет» нет.

Одно из самых больших противоречий летописи заключается в том, что правящий слой Древней Руси — те самые русы, или «род русский», — воспринимаются как единый этнос. Затруднение представляет уже то, что русские летописи, в отличие от восточных источников, ничего не знают о «трех видах руси». Но при этом в летописях встречается именование «русами» разных этнических групп: *Норик как родина славян и придунайских русов; варяги-русы из Прибалтики* и, наконец, просто «Русская земля» как второе обозначение племени полян. Из этого следует, что, несмотря на явную редакцию «Повести временных лет» позднейшими летописцами в чьих-то политических интересах,

в ней все же сохраняются отголоски каких-то древних и разных версий происхождения русов. Лишним свидетельством тому можно считать тот факт, что в IX–XII вв. даже в самой Древней Руси существовало, по крайней мере, четыре генеалогических предания, т.е. *четыре версии происхождения «рода русского»*, в которых называются разные «родоначальники»: *от Кия, от Рюрика, от Игоря* и, наконец, *от Трояна* в «Слове о полку Игореве». За каждым из этих преданий стояли определенные политические и социальные силы и определенные интересы, эти версии противоборствовали между собой. И важно учитывать сам факт их сосуществования и противоборства. Как минимум, это поможет в беседах с летописцами и авторами древних сказаний, которые всегда отстаивают какую-то версию и при этом что-то недоговаривают. В этом случае может быть поставлен вопрос об источниках версий — и весьма противоречивых, — но не о действительных фактах, которые надо отыскивать с привлечением иных, внелетописных данных.

Скорее всего, записи в «Повести временных лет», относящиеся к IX в., — это легенды. Даты, которые проставлены в летописи, появились позднее, и сегодня трудно определить, откуда взялись сами даты, ведь языческий мир время исчислял поколениями. Следы такого исчисления — поколениями — просматриваются в «Повести временных лет», по крайней мере, **до второй половины XI в.** Сами же летописные даты, имеют, естественно, христианское происхождение и ведут летоисчисление от момента Сотворения мира. Но при этом следует иметь в виду, что в православном христианском мире существовало несколько версий хронологии — *космических эр*, каждая из которых по-разному отсчитывала дату Рождества Христова от Сотворения мира: *антиохийская эра – 5500 лет от Сотворения мира; старовизантийская эра – 5504 года от Сотворения мира; константинопольская эра – 5508 лет от Сотворения мира, болгарская эра – 5511 лет.* И, что важно, все эти космические эры мы находим в «Повести временных лет», что является лишним доказательством «сводного» характера самой этой летописи — разными эрами пользовались разные летописцы.

Летописные даты IX в. — результат каких-то расчетов, достоверность которых пока весьма сомнительна. Летописец, впервые введший хронологию в недатированные тексты «Повести временных лет», ориентировался на византийскую хронологию. В его распоряжении были данные о числе лет пра-

вления князей (такой вид счисления сохранялся и в Византии наряду с «индиктным счетом» — 15-летние периоды, как его вариантом).

Скажем, первая дата **6360 г.**, под которой приводится первое упоминание неких русов в византийских хрониках, приуроченное к началу правления *византийского императора Михаила*. Эта дата вызвала многочисленные недоумения историков, ведь если брать константинопольскую эру, то в итоге получается 852 г. ($6360 - 5508 = 852$). Но достоверно известно, что Михаил начал царствовать в 856 г. Противоречие разрешается, если признать, что дата 6360 г. сделана по *старовизантийской* (а не по константинопольской) эре и в пересчете на нынешнее летосчисление от Рождества Христова дает нам **856 г.**

Но в 856 г. Киевской Руси еще не существовало, следовательно, византийские источники писали не о днепровских, а о каких-то других русах. Скорее всего, поход на Византию в 856 г. совершили *причерноморские русы*, этническая природа которых далеко не определена. Это те русы, которые вскоре приняли христианство, а митрополия причерноморских русов будет намного старше киевской митрополии.

Под **6374 (866) г.** «Повесть временных лет» сообщает о походе на Византию киевских князей Дира и Аскольда. Как было установлено, сведения об этом походе не находят подтверждения в византийских источниках и сама дата похода тоже может быть результатом легенд и позднейших хронологических расчетов. Вообще, сведения о походе Аскольда и Дира попали в летопись довольно поздно и заимствованы из *Хроники Георгия Амартола*, причем имена русских князей отсутствуют в оригинале и появляются только в древнерусском переводе хроники. На этом основании принято считать, что никакого похода киевских русов на Византию в 866 г. не было. Но привлечение внелетописных источников представляет интересную картину. *Дир* — имя *иллирийское*, означающее «крепкий», «твердый». Оно и до сих пор сохраняется у кельтов (читается теперь на английских манер как «Дайри»). *Аскольд* — тоже типичное *кельтское* имя, где компонент «олд» («олл») означает «великий». Таким образом, Дир и Аскольд могли быть представителями какой-то из ветвей руси. Но попасть в Византию они могли не с севера, а с *запада* — из *Подунавья*, откуда в конце V в. гунны и руги возвращались на Днепр после развала Гуннской державы, а в IX–X вв. из Подунавья будет несколько выселений и переселений, в том числе и в

Поднепровье (эти миграции пока еще мало изучены и исторически, и археологически).

В рассказе о призвании варягов в летописи явно искусственно увязываются в одну династию Рюрик и Игорь. *Рюрик* с братьями шел из племени ободритов, память о чем держалась даже в XIX в. *Игорь-Ингер* явно шел из «Русии-тюрк», т. е. из Аланской Руси (уже славянизированной), которая располагалась в западных пределах Эстонии — на острове Сааремаа и в провинциях Роталия-Вик. А *Олег*, по летописи, оказался вообще безродным. Но, как уже говорилось в предыдущей главе, Олег, видимо, был тоже выходцем из Аланской Руси. Кстати, богемские хроники знают *его сына* — тоже *Олега*, возглавившего в какое-то время Моравское королевство.

Впрочем, и в связи с утверждением в Киеве Олега возникает много еще неразрешенных вопросов. Само имя «*Олег*», судя по всему, легендарное, причем, видимо, «Олегов» было несколько. Например, разные источники сообщают о том, что после смерти Олег был похоронен в разных местах и указывают разные могилы Олега: в Киеве, в Ладоге, где-то «за морем». Причем северные могилы «Олегов» явно противоречат киевским и заставляют предполагать, что на севере это имя звучало звонче, чем на юге. А следует из этого только одно: *разные Олеги* послужили источниками легенды о князе Олеге Вещем, и само это имя на Волго-Балтийском пути было популярно.

882 г. Под этой датой в летописи фиксируется приход Олега в Киев. Кстати, происхождение самой даты непонятно, возможно, она тоже является результатом расчетов позднейших летописцев. Еще одна проблема — почему Олег именно Киев объявил центром Русской земли? Какую «Русскую землю» подразумевал Олег? Если вспомнить сведения восточных авторов о трех видах «руси», то тогда можно сделать предположение — *князь Олег поставил задачу собирания всех «Русий» в нечто единое.*

В 882 г. Олег пришел в Киев с варягами, чудью, словенами, весью, мерью, кривичами. По дороге в Киев Олег завоевывает Смоленск и сажает там своих посадников (правда, позднее Смоленск будет оставаться за пределами Киевской Руси вплоть до 2-й половины XI в., как и кривичи в целом). В данном случае перечислены те же племена, что «приглашали» Рюрика: *два славянских и три угро-финских.* Археологически такой межэтничный союз подтверждается. Видимо, это те племена, которые изначально были связаны с варягами и располагались на Волго-

Балтийском пути. Здесь необходимо вновь привлечь сообщения восточных авторов, отметивших, что народы севера говорят по-славянски, потому что с ними смешались. А под «севером» восточные авторы разумели именно Волго-Балтийский путь, на который, судя в том числе и по нумизматическим данным, славяне (балтийские) вышли первыми.

Таким образом, именно князь Олег, судя по всему, объединил под своей рукой разные этнические группы руси и собственно положил основание тому социально-политическому образованию, которое в «Повести временных лет» получило название «род русский».

В 884 и 885 гг. Олег возлагает дань на славянские племена северян и радимичей, которые до того платили дань хазарам. Причем пограничных с хазарами северян Олег, по сути, освобождает от дани, возлагая на них дань «легку». Вообще, это обращение Олега к радимичам и северянам очень знаменательно. Возможно, оно является отголоском давнего конфликта между «Росским каганатом», наследником которого была Аланская Русь в Прибалтике, и хазарами. Возложение на северян «легкой» дани заставляет думать, что *собрание Олегом земель под властью «рода русского» в конце IX в.* – это ответ на события 30-х гг. IX столетия, когда «Росский каганат» был разгромлен хазарами в союзе с венграми. Видимо, Олег стремился вернуться в исторически принадлежащий Аланской Руси регион. Во всяком случае, утверждение Олега и Игоря в Причерноморье раньше, чем в Приднепровье, — факт весьма значимый.

Под 907 г. летопись сообщает о походе Олега на Византию. Этот летописный рассказ увлекает многих историков масштабом операции Олега, собравшего под свои знамена все славянские племена, варягов, а также чудь и мерю. Но именно этот масштаб вызывает сомнение — уж слишком он фантастичен. Причем летописная статья под 907 г. противоречит другим летописным свидетельствам.

Так, летописец, который был составителем этнографического введения «Повести временных лет», писавший не ранее конца X — начала XI в., в число входящих в состав Руси включал лишь семь славянских племен. Ни вятичи, ни радимичи, ни дулебы, ни тиверцы, упоминаемые в статье 907 г., по убеждению этого летописца, в состав Руси не входили. А этот летописец знал многое — осведомленность его проявлялась уже в том, что в качестве «данников Руси» он перечислил все прибалтийские племена и племе-

на по Волго-Балтийскому пути. Еще одно противоречие статьи под 907 г. — сообщение о том, что Византия должна была платить дани ряду русских городов, по которым сидели «велиции князи, под Олгом суще». В 907 г. Олег не мог заставить византийцев платить дани этим городам, потому что не было еще многих городов, в частности *Переяславля* (основан в 993 г.). *Полоцк*, скорее всего, находился под властью *другой варяжской династии*, последний князь из которой *Рогволод* погибнет в 978 г. от рук князя Владимира Святославича, оскорбленного отказом дочери полоцкого князя Рогнеды выйти за него замуж. Не было в начале X в. в Древней Руси и «великих князей»: этот титул появится значительно позднее. И сам фантастический рассказ о походе Олега в 907 г. позднее «редактировал» христианский автор, знакомый с византийской литературой — описание зверств, чинимых дикими русами, взято из византийской литературы. То же самое описание зверств русов воспроизведено и в рассказе о походе Игоря на Византию в 941 г. и взято оно опять-таки из византийской литературы. Видимо, в обоих случаях летописец использовал один и тот же источник, причем элементы былинного восторга в рассказе перемешаны с жестким христианским осуждением.

Еще одно свидетельство *поздней вставки* летописной статьи 907 г. — имена дружинников Олега: *Вельмуд, Карл, Фарлоф, Рулав и Стемид*. Чуть позднее эти же имена повторяются в статье под 911 г., но два из них — в более правильной огласовке: вместо Вельмуд правильное Веремуд — имя, известное с эпохи Великого переселения народов; вместо Карлы — Карл, имя и топонимы, встречающиеся на побережье Северного моря. Следовательно, *искажение имен в статье под 907 г. лишь свидетельство позднего происхождения этого пересказа подлинного договора, приведенного под 911 г.* Подобных повторов в «Повести временных лет» несколько, и связаны они с соединением летописных записей, сделанных по разным космическим эрам (в частности, статья под 907 г. рассчитывалась по эре, на 4 года расходившейся с константинопольской).

Попутно заметим еще один важный факт: договоры Олега и Игоря с Византией, в которых приведены имена дружинников, говорят о славяноязычии княжеских дружин, но имена послов свидетельствуют о сохранении и исконных языков дружинников, обычно набираемых из «охочих» людей разных стран и народов. Эти имена в большинстве именно так и звучали в европейских (континентальных) именованных и могут быть объясне-

ны происхождением главным образом из кельтских, иллирийских, иранских, фризских и финских языков.

Для прояснения событий, связанных с походом Олега в 907 г., необходимо привлечение материалов Новгородской Первой летописи, в которой есть и буквальные совпадения со статьей 907 г., а именно одна из версий о дани, полученной Олегом с греков. Но Новгородская летопись отказывает Олегу в княжеском достоинстве, представляя его лишь *воеводой* Игоря. Думается, в основе рассказа Новгородской летописи лежит варяжское сказание, изначально недатированное. Кроме того, летописец явно стремился указать на родственные связи Игоря с Рюриком, а потому надо было «устранить» реального князя Олега, которого с Рюриком никак невозможно было соединить. В Новгородской же летописи приводятся и версии о могиле Олега в Ладогe, и о его намерении уйти за море, где его якобы и «уклюнула» змея. Но интересно, что события, связанные с походом Олега, перенесены в 20-е гг. X в. В этой летописи указан 6430 г. от Сотворения мира, что по константинопольской эре должно соответствовать 922-му, по болгарской — 919-му, по старовизантийской или подобной, распространенной где-то на западе Руси, — 926-му.

Таким образом, можно прийти к выводу, что статья под 907 г. появилась в летописи очень поздно и сложилась, возможно, в результате даже нескольких редактирований только в XII в.

Время после Олега — **2-я четверть X в.** — вообще совершенно запутано в летописях: версии Новгородской Первой летописи и «Повести временных лет» абсолютно не совпадают. И свидетельствует это о том, что обе версии недостоверны. Но путаница новгородских летописцев в данных об Олеге и датировках событий, возможно, имеет и определенное указание на *другого Олега*, конфликт с которым у Игоря разразился, по сведениям богемских хроник, где-то в 20 — 30-е гг. X в., после смерти Олега Вещего. Характерно, что этот конфликт не нашел никакого отражения в русских летописях. Думается, что причиной послужило желание какого-то летописца представить именно Игоря родоначальником династии. Именно поэтому новгородские летописцы называют Олега Вещего всего лишь воеводой Игоря и лишают Олега княжеского достоинства.

Но материал, извлеченный из *богемских хроник* в конце XVIII в. Христианом Фризе, раскрывает суть этой усобицы. Согласно рассказу Х. Фризе, Олег Вещий был князем и имел сына — *Олега Олеговича*. Игорь же

был *племянником* Олега Вещего. После смерти Олега Вещего между двоюродными братьями разразилась борьба за княжеский стол, в результате которой Игорь изгнал Олега Олеговича из Руси. Олег бежал в Моравию, которая в это время вела трудную борьбу с вторгшимися в области Среднего Подунавья венграми. Олег отличился в этой борьбе и был избран королем Моравии. У Х. Фризе в этой связи обозначен 940 г., но хронология у него (как и в некоторых богемских хрониках) идет впереди дат нашей летописи на пять лет, и, следовательно, дата соответствовала бы **935 г.** наших летописей.

В Моравии Олег принял христианство (христианское его имя, согласно богемским хроникам, *Александр*, но с ним же в ряде случаев ассоциируется и имя *«Илья Русский»*, возможно, переозвучение неизвестного в Западной Европе имени «Олег»). Олег помирился с Игорем, попытался объединить силы Моравии, Руси и Польши ради отражения натиска венгров. Но из Руси пришло сообщение о гибели Игоря, и союз так и не состоялся. После ряда лет борьбы с переменным успехом Олег потерпел поражение и вернулся на Русь, где был воеводой у княжны Ольги. Здесь он и умер. У Фризе указан 967 г., по хронологии нашей летописи, видимо, должен значиться **962 г.**

Важно, что сведения богемских хроник подтверждаются археологически — именно во 2-й четверти IX в. отмечается волна миграции славянизированного населения, в том числе и русов, из Моравии в Приднепровье. И характерно, что это вновь пришедшее к Днепру население или хотя бы часть его, *уже были христианами* (у них наблюдается христианский обряд погребения). Видимо, именно с этой волной вернулся в Киев и Олег Олегович. Кстати, дополнительным подтверждением верности сведений богемских хроник может служить тот факт, что в Киеве же будет известна не одна, а две могилы Олегов, расположенные в разных частях города.

После конфликта с двоюродным братом Игорь (ум. 945 г.) утвердился в Киеве в качестве князя. В тот период относительное единство разных земель-княжений поддерживалось практически только личностью киевского правителя. Олег Вещий, судя по преданиям, пользовался почтением и на севере Руси, и в Поднепровье, и в определенной степени в Причерноморье. Игорь же растерял большую часть территориальных и властных завоеваний предшественника. Поход Игоря на Византию в **941 г.** и договор **944 г.** свидетельствуют о его внешнеполитических неудачах. Поход на древлян в **945 г.** и гибель самого князя в этом походе свидетельствуют о том, что и внутри собственного государства Игорь не мог сохранять свою власть. В результа-

те, на севере он практически не оставил следа, и на юге его амбиции разбивались о жесткое противодействие не только империй с богатыми дипломатическими и военными традициями — Византии и Хазарии, но и традиционно мирных славянских княжеств, сохранявших свои системы управления и своих выборных князей.

Княгиня *Ольга* (ум. 969 г.) попыталась как-то упорядочить отношения Киева с племенами, платившими дань, установив *погосты* для сбора дани, оставаясь фактически регентом при малолетнем сыне Святославе.

Сам Святослав (ум. 972 г.) успешно воевал и с традиционными обидчиками Русской земли, и с теми землями-княжествами, которые держались своих многовековых традиций. Но он так и остался отважным и умелым полководцем, рожденным для походов, и практически бесполезным для упорядочения государственных дел на территориях, по которым, почти не встречая сопротивления, прошли его дружины. Впрочем, Святослав и не собирался оставаться в Киеве (не исключено, что и сами киевляне не слишком жаловали Святослава), стремясь перенести центр предполагаемого нового государства в *Переяславец Дунайский*. Но там ему не позволил укрепиться могучий и коварный сосед — Византия. В 970 г. перед своим походом в Болгарию Святослав разделил Русь между сыновьями: *Ярополку* (ум. 980 г.) достался Киев, *Олегу* — Древлянская земля, а *Владимиру* — Новгород. Этот раздел изначально не сулил государству никакой устойчивости. Святослав погиб в 972 г. После его смерти фактически возникли *три княжества* во главе с тремя сыновьями Святослава: поляне, древляне и Новгород. Но при властолюбивом воеводе Свенельде, который и при Игоре, и при Святославе играл значительную роль в жизни Руси, сыновья Святослава вообще не могли иметь самостоятельного значения. Однако интересы самого *Свенельда*, судя по всему, были далеки от государственных, он был озабочен своими делами и своей дружины. Во всяком случае, именно местью Свенельда за сына Люта, убитого Олегом Древлянским, летопись объясняет начало усобиц между сыновьями Святослава в 977 г.: Ярополк пошел войной на брата Олега, и в этой войне Олег погиб. Испугавшийся Владимир бежал из Новгорода, который заняли посадники Ярополка. Однако в 978 г. Владимир с нанятым войском из варягов вернул себе Новгород, а затем пошел войной на Ярополка. Победив в войне,

Владимир убил Ярополка, обманным путем заманив его к себе (собственно Ярополка убили два варяга). После этого Владимир взял силой себе в жены вдову Ярополка, которая в то время уже была беременна.

В целом же X в. не знал еще и какой-либо закономерной системы наследования власти: побеждал сильнейший или наиболее удачливый. Да и отношения между «Землей» и «Властью» и внутри правящего слоя не были упорядочены. Не случайно в 978 г. наемных варягов Владимиру было достаточно, чтобы утвердиться в Киеве.

В «Повести временных лет» сохранились довольно подробные сведения о начальном периоде княжения Владимира Святославича (ум. 1015 г.) и особенно о процессе введения на Русь христианства (проблема Крещения Руси будет подробно рассмотрена в следующей главе). Но летописные свидетельства о Владимире вновь противоречивы — они явно редактировались позднее, во второй половине XI в., когда стал утверждаться культ Владимира как святого.

К примеру, в изначальном тексте, видимо, присутствовала весьма нелестная характеристика Владимира: он представлен убийцей брата Ярополка, законного преемника Святослава, у Владимира три гарема с общим числом в 800 наложниц, ему приписывается растление девиц и чужих жен. И даже рассказ о Крещении Руси при Владимире носит следы первоначально иронического текста. Но есть и явные следы редакции — наличие одновременной положительной характеристики князя.

Владимир очень рано начал искать не просто силовые, а и идеологические обручи, которые скрепили бы рыхлое и неустойчивое объединение разноязычных племен. Таковой является его *языческая реформа* (979 — 980), как бы не толковалось ее содержание. В Киеве было устроено капище, в центре которого располагался Перун. Вокруг Перуна размещались идолы других богов — Стрибог, Дажьбог, Мокошь, Симаргл, Хорс. Привнесенное Владимиром с варягами язычество — по характеру изображений — пришло с *южного берега Балтики*. Заимствованные в варяжском «заморье» изображения разных божеств, предполагали разные функции и должны были удовлетворить религиозные потребности разных племен. Загадкой остается, пожалуй, лишь исключение из пантеона популярного божества *Велеса* — покровителя купцов, поэтов, путешественников, вроде римского Меркурия, бога «скота», т. е. денег и богатства (лишь много

позднее понятие «скот» распространится на некоторые виды домашних животных, которые были заменой серебра, как куница, горностаи и белка).

Но вместе с реформой языческой религии на Русь впервые пришли и человеческие жертвоприношения (983 г.). Христианская община, обосновавшаяся в Киеве при Игоре, похоже подвергалась гонениям. Причиной этого, видимо, стали события, произошедшие далеко от Киевской Руси. В 983 г. на *славянском Балтийском Поморье* произошло крупное восстание под языческими лозунгами, резко направленное против насаждавшегося немецкими феодалами христианства. Гонениям подвергались и славяне, перешедшие в христианство, и христианство на Поморье надолго окажется под фактическим запретом. С этим восстанием связано и обострение отношений между языческой и христианской общинами в Киеве. Именно в этом году в жертву языческим богам были принесены *варяги-христиане* — сын и защищавший его отец. На Руси это было первое человеческое жертвоприношение, и мученики позднее были причислены к лику святых.

Обострение отношений между двумя общинами (языческой и христианской), непопулярность в Киеве извне привнесенных языческих богов, побудили Владимира искать иную веру, которая смогла бы смягчить внутренний разлад. Таковой и стало **христианство**, установившееся в конце X в. и отличавшееся на Руси большой терпимостью к язычеству, вплоть до усвоения многих языческих праздников. На сей раз в Киеве определенная консолидация была достигнута. Способствовали этому и попытки сближения городского управления с собственно княжеско-дружинным. Но каждая земля продолжала жить своей жизнью, а направлявшиеся по княжествам сыновья Владимира либо входили в конфликты с местным самоуправлением, либо, пытаясь опереться на него и взаимодействовать с ним, вступали в конфликты с Киевом и княжившим там отцом.

Заключительная статья о княжении Владимира (под 996 г.) составлена явно позднее, а потому отражает не столько истинное положение вещей, сколько взгляды летописца. Легенда о замене деревянных ложек в гриднице князя серебряными, может быть, напоминает о каком-то недовольстве дружины и старейшин, которые «егда же подопьяхуться, начьняхуть роптати на князь». Владимир уступил дружинникам: «Яко серебром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу серебро и

злато, якоже дед мой и отец мой доискася дружины и сребра». Судьба и деда Игоря, и отца Святослава была печальна. Святославу можно записать в актив сокрушение паразитарного образования — Хазарского каганата, но в государственном строительстве он не сделал ничего. Явно больше вреда Киеву нанесло и правление Игоря, поскольку было утеряно ранее приобретенное Олегом. Но в данном случае интересно то, что Владимир или летописец от его имени не говорит о прадеде Владимира, о том, кем был отец Игоря.

Под тем же 996 г. «Повесть временных лет» рассказывает о принципах управления при Владимире. Князь советовался об устройстве земли и о войнах, прежде всего со своей дружиной. Упомянут некий «Устав землений», видимо, свод правовых норм, не сохранившийся до нашего времени. Скорее всего, именно вокруг этого устава и развернулись какие-то коллизии в то время. Киевская Русь к тому времени уже приняла христианство, и христианские епископы обладали серьезным влиянием на князя Владимира. Именно епископы предложили провести реформу судопроизводства в соответствии с нормами христианства: вместо денежных штрафов (*виры*) за преступления ввести смертную казнь. Владимир согласился, однако нововведения вызвали какие-то раздоры. Поэтому по просьбе епископов и «старцев градских» Владимир вновь вернул виры и отменил казни. «И живяше Володимерь по устроенью отню и дедню», — сообщает летопись. Скорее всего, именно в недошедшем «Уставе земленем» казни и были заменены вирами.

К сожалению, вторая половина княжения Владимира в летописях не отражена. Возможно, кто-то редактировал летопись, как и сведения о первой половине княжения Ярослава.

От первых пяти жен у Владимира было 12 сыновей (от последней Анны известна лишь дочь Мария). При Владимире существенно расширился круг земель, вошедших в состав Руси. Но *отсутствие* самой системы престолонаследия (скажем, принятым к этому времени в Европе принципа майората), при напряженных отношениях традиционных укладов в разных землях восточных славян с пришлыми князьями, делали отношения в них крайне неустойчивыми. Сыновья Владимира — Святополк в Турове, и Ярослав в Новгороде, и полоцкие наследники уже умершего сына Рогнеды Изяслава, и Мстислав в Тмутаракани — не желали подчиняться Киеву, и этот семейный разлад Владимир не сумел преодолеть.

Старший — *Святополк* (ок. 980 — 1019) был нелюбимым, поскольку был он сыном Ярополка, жену которого насильно забрал Владимир. Незадолго до кончины у Владимира разгорелся с ним конфликт, и Святополк оказался в тюрьме (1013 г.). Старший сын Рогнеды *Изяслав* умер в Полоцке, где ему наследовал *Брячислав*, с которым у Владимира похоже вообще не было особых контактов, в результате чего Полоцк по существу выйдет из состава Русской земли еще при Владимире. С *Ярославом* возник конфликт из-за дани, которую Новгород должен был платить Киеву, и этот конфликт мог привести к самым тяжелым последствиям — Владимир готовил поход на Новгород. Кажется, лишь *Мстислав* в Тмутаракани чувствовал себя достаточно уверенно, о чем напомнили и летопись, и «Слово о полку Игореве».

Владимир не сумел остановить начавшиеся еще при его жизни усобицы. Согласно польскому историку Стрыйковскому, своим преемником он оставлял *Бориса*, явно отодвигая старших — неродного Святополка и сына умершего в Полоцке Изяслава — *Брячислава*. Именно Борису Владимир передавал свою дружину. Но смерть Владимира в 1015 г. не позволила ему осуществить своих планов.

Борьба между сыновьями Владимира была и жестокой, и беспринципной, с привлечением иноземных наемников. У Святополка это были поляки, а также печенеги, у Ярослава — варяги-норманны (в основном шведы), с варяжской помощью занимал Киев и внук Владимира *Брячислав* в начале 20-х гг. XI в. *И фактический пропуск в летописях описания событий первой трети XI в. — следствие заинтересованности «сильных мира сего» в замалчивании неблагоприятных дел.*

Сами усобицы после смерти Владимира в летописях даются явно в позднейших редакциях и с большими пропусками. В литературе — научной и художественной (Н.Н. Ильин, Г.М. Филист, С.М. Плеханов) — высказывались аргументы, предполагавшие виновность в убийстве Бориса и Глеба (1015 г.) именно Ярослава, а Святополк будет обвинен в убийстве братьев в «Сказании о Борисе и Глебе» уже во второй половине XI в., когда Ярославичи прочно утвердятся в Киеве и представят Ярослава *старейшим* среди потомков Владимира. Но *старейшим* был именно Святополк. Другое дело, что он на самом деле был сыном Ярополка.

В усобице братьев победил Ярослав (ум. 1054 г.), устранив практически всех потенциальных соперников, кроме Мстисла-

ва Тмутаракано-Черниговского (ум. 1036 г.) и князя полоцкого Брячислава (ок. 997 — 1044).

Возраст и даже происхождение Ярослава в летописях даны в разных вариантах, причем возраст фальсифицирован с целью представить Ярослава старшим среди потомков Владимира, и сделано это было лишь во *второй половине XI в.*, когда у Ярославичей обострились отношения с полоцкими князьями. Возможно, что в связи с этим обострением появилась и справка (Лаврентьевская летопись, 1128 г.) о том, что Изяслав (старший сын Владимира) и Ярослав происходят от разных матерей и потому между их потомками идет постоянная борьба. Ярослав, как и Владимир, старался утвердить своих сыновей по разным центрам Руси. Однако полоцкие князья уже обособляются, а между сыновьями Ярослава также возникают распри.

Интересно, что в летописном рассказе о кончине Ярослава появляется утверждение, будто *Всеволод* хоронил отца (а не *Изяслав*, как было на самом деле), и он был любимым его сыном. Видимо, летопись заметно редактировалась в кругах, близких Владимиру Мономаху, сына Всеволода. Недаром тот же лейтмотив появляется в рассказе о кончине Всеволода и его похоронах в Киевской Софии, причем здесь уже и непосредственно отмечается и любовь сыновей к отцу, и порядочность Владимира Мономаха, уступившего киевский стол Святополку.

До нас дошло *«завещание Ярослава»*, оставленное им своим детям. *«Завещание Ярослава» фактически предопределяет очередной распад Руси.* Правда, в позднейшей редакции *«завещания»* звучит призыв к братьям жить в любви и согласии, слушаясь старшего («в отца место»). Здесь уже просматривается принцип майората. Но с точки зрения этого принципа у полоцких князей прав было больше, почему и потребовалось сыновьям фальсифицировать возраст Ярослава.

Летописная редакция *«завещания»* Ярослава сложилась, видимо, в канун *Любечского съезда князей в 1097 г.* в качестве своеобразной программы. Но сохранилось оно в двух разных редакциях: *Лаврентьевской* и *Ипатьевской* летописях. Первая при этом возвышает Всеволода и несет, по всей вероятности, следы обработки второго десятилетия XII в., когда требовались аргументы в пользу занятия Киева, вопреки принципу майората, Владимиром Мономахом. Ипатьевская летопись сохраняет в данном случае более раннюю редакцию, предполагавшую законность занятия Киевского стола Изяславом как старшим.

Осталась, однако, нерешенной еще одна проблема. Старший Ярославич, новгородский князь *Владимир* умер в 1052 г., ранее кончины отца. Его сыну Ростиславу в это время было 14 лет, и он оставался новгородским князем, явно не имея возможности существенно влиять на внутринагородские дела. По существу у него было примерно столько же оснований претендовать на киевский стол, что и у полоцких князей. Но он в «завещании» Ярослава вообще не обозначен и попал в число князей-изгоев.

Ведущую роль, по завещанию, получают трое старших. *Изяслав* (1024 — 1078) получает Киев, *Святослав* (1027 — 1076) — Чернигов, *Всеволод* (1030 — 1093) — Переяславль. В XI в. именно эти три города считались главными центрами собственно Руси, т. е. бывшей земли полян. При этом к Чернигову (очевидно, несколько позднее) будут приписаны земли по Десне и Оке «до Муррома», а к Переяславлю Ростово-Суздальская земля. Новгород будет пока в ведении Киева, и бегство из Новгорода Ростислава, возможно, связано с намерением Изяслава утвердить там своего сына Святополка, которого, однако, новгородцы не приняли.

Младшие Ярославичи, Вячеслав и Игорь, получили соответственно, и Смоленск, и Владимир Волынский. Вячеслав скончался уже в 1057 г., и Игорь был переведен в Смоленск, где он тоже скончался через три года. Дети этих умерших князей стали изгоями, ожидающими какой-нибудь подачки от старших. Но и старшие недолго сохраняли определенное единство (таковое держалось главным образом в противостоянии полоцкому князю Всеславу). С конца 60-х гг. XI в. и между ними разгорается вражда и усобицы, в которых Святослав претендует на киевский стол, уступая Чернигов Всеволоду. Но после смерти Святослава в 1076 г. уже Святославичи оказываются изгоями, часто ищущими пристанища на окраинах — в Тмутаракани, Рязани, Муроме, но претендующими на Чернигов.

Принцип майората будет признан лишь в конце XI в. Святослав и Всеволод Ярославичи, изгоняя в 1073 г. своего старшего брата Изяслава, с этим принципом еще не считались. И лишь после смерти Всеволода в 1093 г. потомкам Ярослава пришлось определяться, кто какие столы будет занимать. Именно в этих условиях и был проведен Любеческий съезд (1097 г.), признавший принцип «каждый держит отчину свою». Но вскоре проявилась еще одна трудность: что считать «отчиной». Владимир Яросла-

вич княжил в Новгороде и умер в 1052 г. (он был старшим из сыновей Ярослава). Преемником его стал Ростислав. Но в 1064 г. он почему-то бежит в Тмутаракань, где в это время княжил сын Святослава Ярославича Глеб. После борьбы с переменным успехом с Глебом и его отцом Святославом Ростислав закрепился в Тмутаракани, но вскоре был отравлен греками. Летописец дает ему самую лестную характеристику, но ничего не сообщает, как и почему сын Ростислава малолетний *Рюрик* оказался в Галицкой земле в Перемышле, где он и умер в 1092 г. Там же оказались еще два брата Ростиславичи: *Володарь* в Перемышле, а *Василек* в Теребовле. И вскоре после съезда Василек был ослеплен происками Давыда Игоревича, еще одного внука Ярослава, причем в преступлении был замешан и княживший в это время в Киеве Святополк. В итоге заметно обострились отношения с киевским князем и у Владимира Мономаха, и у Ольговичей.

Любечский съезд 1097 г. в целом отправлялся от распределения уделов в «завещании Ярослава» в 1054 г., закрепив также в основном за князьями-изгоями города «Червонной» — Галицко-Волынской Руси. Но решения съезда сразу же были сорваны ослеплением Василька Теребовльского, а между внуками Ярослава разворачивается борьба, которая благодаря поддержке церкви и киевлян выдвинет во главу княжеской иерархии Владимира Мономаха.

На Киевский стол *Владимира Мономаха* (1053 — 1125) привели чрезвычайные события: **восстание в Киеве в 1113 г.** Необходимо иметь в виду, что *большинство социальных выступлений того времени — это борьба за сохранение ранее сложившегося положения.* Восстание 1113 г. вызвало в литературе едва ли не самый широкий отклик отчасти потому, что наиболее полное его описание дано у В.Н.Татищева, с источниковедческой точки зрения все еще мало изученного (его тексты обычно сравнивают с летописями, которых у него вообще не было). Оно началось сразу после смерти Святополка, что само по себе свидетельствует о негативном отношении киевлян к умершему князю. Громили восставшие и дворы ближайшего окружения князя, а также дворы хазарских иудеев-ростовщиков, которым покровительствовал Святополк и его окружение. Именно восставшие киевляне настояли на том, чтобы Владимир принял княжеский стол в Киеве. Князь согласился занять освободившийся стол, но отказался выполнять одно из главных требований — выселение

хазарских иудеев-ростовщиков, ссылаясь на то, что такого рода мероприятия требуют проведения княжеского съезда.

После советов с митрополитом Никифором, который «резы» (т.е. проценты) считал вообще недопустимыми для христиан, князь огласил «Устав о резах», которым ограничивался процент плат с должников. Но в 1124 г. восставшие вернулись к главному вопросу и без княжеского благословения осуществили выселение иудеев. Коснулось оно и некоторых других земель, в том числе западнославянских. Именно в этот период в Крыму и далеко в Западной Европе появятся иудеи-«выселенцы» из Руси.

Об особых добродетелях Владимира Мономаха в летописи неоднократно говорится и в связи с Любеческим съездом, и в связи с организацией походов на половцев в начале XII в. В этом прославлении Владимира Мономаха многое зависело от того, что редакции «Повести временных лет» сохранились по городам, где княжили потомки Владимира Мономаха. Но были и объективные обстоятельства, заставлявшие видеть во Владимире идеального правителя. В определенной степени это проявляется и в его «Поучении» сыновьям. Владимир рисует там действительно образ идеального правителя, задача которого — быть справедливым, ответственным перед теми, кем управляешь. Он ссылается на византийские источники, но *представление о власти у него совершенно не византийское*. Пересказывая свои «труды» на полях сражений, в дальних походах, на охоте, он указывает на необходимость жертвенности правителя. И князю удалось многое: он сумел собрать большую часть Русской земли. Правда, Полоцк уже не вернется, в последний раз в 1094 г. упомянута Тмутаракань. Но заметно укрепились позиции на Волго-Балтийском пути, и было остановлено наступление половцев по границам лесостепи.

В «Поучении» Владимир отметит, что он заключил «без единого» 20 договоров с половцами. Принципиальное значение имело решение 1107 г.: Владимир женил на половчанке своего сына Юрия Долгорукого, а Олег Святославич — сына Всеволода. Этими браками предполагалось снять напряженность между Русью и Степью. Но результатом явилось включение половцев во внутренние усобицы на Руси. Олег приводил половцев и ранее, а Юрий Долгорукий наводнит ими Русь в середине XII в.

В Киеве князь старался сохранить взаимодействие с митрополией и городскими верхами, а по основным центрам опять-таки разместить своих сыновей. Вызванный Владимиром из

Новгорода сын *Мстислав* (1076 — 1132) в целом стремился продолжать линию отца. Он занимал Киевский стол с 1124 г. В конце 20-х гг. XI в., по соглашению с Византией, ему удается отправить в ссылку полоцких князей вместе с их семьями. В Полоцке был посажен сын Мстислава Изяслав, а в Киеве князю удавалось поддерживать сотрудничество с митрополией и городскими верхами. По основным же центрам, как в свое время и Владимир, Мстислав постарался разместить своих сыновей. В Новгороде Мстислава заменил его сын Всеволод, а Ростислав — сын от второй жены — получил Смоленск.

Усобицы продолжались и при Мстиславе, хотя и не в уделах, оставленных Владимиром Мономахом. Основная борьба шла у потомков Святослава из-за Чернигова. Всеволод Ольгович выгнал из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича, разграбив его имение. Ярослав ушел в Муром (у Татищева есть добавление, что сына Святослава он оставил в Рязани). Мстислав в свое время дал обещание поддерживать право Ярослава на Чернигов, но Всеволод привел еще семь тысяч половцев. Мстислав собирался выступить в защиту Ярослава, но созданный по инициативе игумена Андреевского монастыря Григория церковный собор снял с Мстислава клятву-обязательство и взял вину на себя ради предотвращения кровопролития. По летописи, Мстислав до конца дней все-таки винил себя за то, что не сдержал слова, данного Ярославу. Но в данном случае он, возможно, и лукавил, поскольку Всеволод был его зятем. Тем не менее летописцы довольно дружно оправдывают и прославляют Мстислава как идеального правителя.

Мстислав умер в 1132 г. в возрасте 56 лет. В.Н. Татищев, имевший иные, нежели в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, данные сообщает или заключает собственную оценку: «Он был великий правосудец, в войнстве храбр и добродиспорядочен, всем соседем его был страшен, к поданным милостив и рассмотрителен. Во время его все князи жили в совершенной тишине и не смел един другаго обидеть. Сего ради вси его именовали Мстислав Великий. Подати при нем были хотя велики, но всем уравнительны, и для того вси приносили без тягости».

Это заключение Татищева интересно уже потому, что «Почуения» Владимира Мономаха Татищев не знал: оно сохранилось только в Лаврентьевской летописи. А Мстислав вроде бы следовал «Почуению» отца. Указание на «великие подати» то-

же предполагает какой-то источник, бывший в руках Татищева. В этой связи представляет интерес и указание источника Татищева, что Крестина — супруга князя («Хрстина» в Новгородской Первой летописи) не датская принцесса, как принято считать в литературе, а дочь новгородского посадника. Крестина умерла в 1122 г. и Мстислав, будучи в Киеве, женился на дочери умершего в 1118 г. новгородского посадника Дмитрия Завидца. Во всяком случае, Мстислава до конца его дней больше занимали дела Северной Руси и к Новгороду, где он пробыл более 20 лет, он был привязан, пожалуй, больше, чем к Киеву.

И последний его поход — возобновление дани с племени чудь, являвшемся данником Руси еще в IX в.

§ 2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Картину *общественно-политического устройства* Древней Руси в IX—XI вв. определяли не только и не столько личные качества князей или экономические отношения, сколько *этно-социальные традиции различных народов*, образовавших Древнерусское государство. А таких традиций, напомним, было несколько, причем они противоречили друг другу. Напомним, что в этническом отношении даже «род русский» не был един, и каждая из этнических групп «руси» привносила в общественно-политический строй Древнерусского государства какие-то свои особенности. Следовательно, мы должны видеть очень сложную картину общественно-политических отношений в Древней Руси IX—XI вв. Она представляет собой не только противоречие между «Землей» и «Властью» («родом русским»), как между славянским и неславянским этническим элементами, но и противоречия внутри самого «рода русского», как тоже полиэтнического конгломерата. Следует также учитывать противоречия между *Северной Русью с центром в Новгороде* и *Южной Русью с центром в Киеве*. В обоих центрах сложились во многом различные общественно-политические традиции, которые сохранялись очень долгое время.

В данном случае требуется более основательно рассмотреть институты управления, утвердившиеся в Древней Руси в этот период, их взаимодействия и характер государственности в целом.

Можно обратить внимание на то, что *восточные славяне* в IX в. были объединены в большие союзы племен, границы между которыми определяются разными типами височных колец, а никак не укрепленными полосами. И летописное свидетельство о том, что славяне «живяху в мире», вполне соответствует действительному положению.

С *русами* дело обстояло гораздо сложнее. Восточные авторы часто представляют русов народом, который вообще не имеет пашен, а кормится лишь за счет ограбления славян, заодно захватывая славян в плен и продавая их в Булгаре и Хорасане (речь, следовательно, идет о русах, промышлявших по Волго-Балтийскому пути). Названия Днепровских порогов, воспроизведенные Константином Багрянородным, также свидетельствуют о сохранении двуязычия у части русов (в данном случае, *русов-алан из Прибалтики*). И, конечно, до слияния нравственно-психологического и организационного между славянами и русами, а также между самими русами было еще очень далеко.

Разные нравственные критерии *полян-русов* и *древлян* во времена Игоря зафиксированы не только рассказом об их обычаях, но и в летописной статье об убийстве древлянами Игоря и мести Ольги. Симпатии летописца, конечно, на стороне Ольги. Но он сохраняет знаменательную фразу прибывших к Ольге древлянских послов: «Мужь твой аки волк расхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю». И еще один важный факт — «лучшие мужи, иже держаху Деревьску землю» (очередное обманутое Ольгой посольство) были избраны всеми древлянами.

Здесь мы подходим к проблеме общественно-политического управления славянских племен, которое определялось их *территориально-общинным устройством*. Известно, что главным органом управления у славян было *вече*. Впервые термин «вече» употреблен в «Повести временных лет» в связи с осадой печенегами Белгорода в 997 г. (запись, возможно, и более поздняя). Горожане собираются на вече, поскольку «от князя помочи нету». Но из легендарного рассказа о «белгородском киселе» следует, что вечевая практика была явлением обычным, хотя в Киеве, видимо, княжеская власть и противодействовала такого рода собраниям.

По отрывочным сведениям трудно судить о характере вечевых собраний, способах их проведения. Но *вечевая система* работала практически во *всех русских городах*, а уровень представительства решался в зависимо-

сти от характера обсуждаемых вопросов. Конечно, фантастичны предположения тех авторов, которые представляют вече неуправляемым собранием, где вопросы решаются «гулом»: какая сторона громче кричит. Описания подобных собраний в поморских городах рисуют совсем иную картину. Собрания проходили весьма организованно и выступать перед ним простому участнику его можно было после того, как председательствующий обратится за разрешением к вечникам, т.е. участникам вече. По старой традиции на подобных собраниях всегда имели право голоса жрец, хранитель обычаев и поэт-певец, хранитель памяти народной.

В науке вопрос о вече оказался дискуссионным. Большинство ученых XIX и начала XX столетия видели в вече демократический институт (И.А. Линниченко, В.И. Сергеевич, М.В. Довнар-Запольский, В.О. Ключевский). Расхождение советских историков во многом определялись «классовым подходом». При этом Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, в известной мере И.Я. Фроянов видели в вече демократический институт, в котором о своих претензиях могли заявить и социальные низы. В.Т. Пашуто, В.Л. Янин и некоторые другие смотрели на вече как на собрание феодальных верхов, защищающих свои классовые привилегии.

Вече, несомненно, эволюционировало. Но исток его надо искать в **общинном устройстве. Изначально неодинаковые общины разных племен, образовавших Древнерусское государство (у славян — территориальная община, у русов — кровнородственная), неизбежно давали и разные варианты вечевых собраний: мужского (только мужского) или свободного (только свободного) населения сел и городов.** Больше того, в зависимости от реального расклада сил нередко в одном городе могли сосуществовать и разные общины и соответственно разные формы управления городов. Несомненно, что были и значительные различия в системе управления на Северо-Западе и Юге Руси.

В литературе многократно отмечались *факты близости общественно-политической культуры Северо-Западной Руси со славянским южным берегом Балтики*: на Балтике было четыре Старграда, в Северо-Западной Руси — четыре Новгорода, а система управления одна и та же. Центральное место в этой системе принадлежало **общегородскому вече**, основу которого составляли, в свою очередь, «кончанские» вече, т.е. вече разных концов города. Необходимо отметить, что в этом случае перед нами выстраивание чисто славянской системы управления

по принципу «снизу вверх» (выборность всех органов управления). Именно эта система победила по всему Волго-Балтийскому пути, хотя на этом пути были представители и других народов и иных систем. Весь Север России представлен «*круговыми селами*» (только в Рязанском краеведческом музее несколько сот планов расположения этих сел в записях XVIII в.). «*Круговые селы*» — специфика только балтийских славян. И что удивительно — по всему Волго-Балтийскому пути не видно зримых следов межэтнических конфликтов, а ассимиляция местного населения проходила на жизни нескольких поколений. По соседству с Ингрией-Ижорой выросли славянские Плесков-Псков, Изборск (германские названия городов появятся лишь при Петре I). В земле *веси* появится «Белоозеро». И «призванные» в 862 г. варяги разместятся в славянских городах — Новгород, Псков, Изборск, Белоозеро, которые они же и построили.

Конечно же властная иерархия на Северо-Западе Руси была. Даже Псков считался «пригородом» Новгорода (хотя фактически был самостоятелен). **Но это была иерархия не личностей, а общин.** Как известно, единоличная княжеская власть в Новгороде так и не утвердилась. Наиболее яркое представление об отношениях между «*Землей*» и «*Властью*» в Новгороде дает изгнание в 1136 г. из Новгорода князя Всеволода Ольговича, которое раскрывает сам механизм такого рода акций, опирающихся на длительную традицию.

Во-первых, новгородцы «призваша пльсковичи и ладожаны и сдумаша, яко изгнати князя своего Всеволода». Князь вместе со всем своим семейством («съ женою, детьми и тещею») был заперт на епископском дворе, и ежедневно 30 новгородских мужей (сменяясь) не выпускали семейство из заключения. Во-вторых, показателен перечень претензий новгородцев к князю. Первый пункт — «не блюдетъ смердь». Второй — «хотел еси сести в Переяславле» (в Переяславле Русском в 1132 г.), т. е. просто бежать от новгородцев. И очень показателен третий пункт обвинения: «ехаль еси съ пълку переди всех», т. е. попросту бежал с поля боя во время сражения с ростовцами «на Ждани-горе» в 1134 г. Иначе говоря, от князя требовались и личная храбрость, и распорядительность.

Естественно, что «демократия» предполагала и разных кандидатов на должность «князя». Кто-то пытался привлечь из Пскова Всеволода Мстиславича, кто-то пригласил из Чернигова брата изгнанного Всеволода — Святослава. Смута 1136 г. продолжалась и на следующий год, причем с бояр, ратовавших за Всеволода Мстиславича, взыскали по

полутора тысяч гривен — сумма почти равная тому, что Ярослав Владимирович в свое время должен был платить в Киев.

Но история знает и обратный пример — сын Владимира Мономаха Мстислав Владимирович просидел в Новгороде 21 год именно потому, что *не пытался изменить* что-то в сложившихся традициях.

В целом по Северу и Северо-Западу Древней Руси складывалась система, характерная для балтийских славян. При этом надо иметь в виду, что и балтийские славяне, и фризы, и славянизированные варяны-варяги навсегда покидали свои места и должны были прижиться на новых землях. Уже поэтому они не могли быть просто грабителями, как норманны-скандинавы. Население Северо-Западной Руси платило дань варягам вплоть до кончины Ярослава Мудрого. Но откуп в 300 гривен (кому он шел неясно) — это лишь пятая часть от того, что могли требовать с провинившегося боярина.

Южные области Древней Руси, где центром государства был Киев и прилегающие территории расселения полян-руси, больше зависели от непредсказуемой Степи, постоянных набегов кочевников, с которыми надо было воевать или же откупаться. По летописи, в IX в. дань с южных племен — полян, северян и вятичей — брали хазары, что географически — особенно после разгрома «Росского каганата» на Дону — понятно.

Впрочем, с этой данью не все ясно. Почему-то счет велся на *«щеляги»* — это польская форма западноевропейского «шиллинга». Сама эта замена исконных шкурок белок или горноста, которыми уплачивали дань славяне, на польские монеты кажется подозрительной: в IX в. в Восточной Европе преобладали монеты арабского чекана и отчасти салтовского Подонья («Росского каганата»), в то время как на Днепре похоже не было ни тех, ни других. Следовательно, либо данное сообщение предполагает легенду (вятичи и радимичи происходили «от ляхов»), либо все-таки западное происхождение вятичей и радимичей, которые пользовались «польскими» расчетными единицами (этот вопрос в науке пока не решен).

Появление в Киеве Дира и Аскольда представляется как освобождение от хазарской дани. Но хазарская дань с радимичей, от которой их освобождает Олег (точнее, переводит ее на себя), вызывает сомнения: радимичи, по летописи, жили у Верхнего Днепра, близ Смоленска (если, конечно, им не пришлось переселяться откуда-то из Подонья).

«Легкая» дань с северян, непосредственных соседей Хазарии, понятна: их надо было привлечь на свою сторону. Но *тяжелая* дань — «*по черной куне*» — с древлян вызывает опять-таки много вопросов. Во-первых, из последующего видно, что древлян приходилось полвека спустя заново покорять Игорю. Во-вторых, рассуждения древлянских послов о преимуществе их князей по сравнению с киевскими предполагают, что у древлян осталась самостоятельность и самоуправление и после Олега, и после Игоря. Здесь возможно предположение, что все племена, соглашаясь платить дань Киеву, оставались во внутренней повседневной жизни вполне самостоятельными.

Систему общественно-политических отношений на Юге Руси в середине X в. можно проанализировать на примере летописных сообщений о княжении Игоря. В Новгородской Первой летописи есть известия, похоже указывающие на действительное положение в отношениях полян-руси со своими соседями.

Прежде всего участниками похода 922 г. (аналог статьи 907 г.) названы *варяги, поляне, словене и кривичи*, т. е. пришельцы из Северной Руси в начале X в. на северные племена пока и опирались. Здесь же отмечается, что Игорь, занимая Киев, воюет с древлянами и угличами. В недатированной части «Сказания о княжении Игоря» говорится, что угличей князь «примучи», возложил на них дань и передал ее своему воеводе Свенельду. Один город угличей — Пересечен — держался три года, а с его падением угличи (или уличи) ушли на запад в междуречье Буга и Днестра, куда власть киевского князя не распространялась. Здесь же сообщается о передаче дани с древлян тому же Свенельду, что вызвало ропот дружины: «дал еси единому мужеве много». Именно этим объясняется в летописи последующий конфликт 945 г. с древлянами — ради дружины Игорь отправился вновь к древлянам за данью, и этот уже ничем не оправданный, откровенно грабительский поход привел к гибели князя в Древлянской земле.

Как повтор те же сведения приведены в датированной части летописи: дань с уличей датируется 940-м, дань с древлян 942-м годами. Сам конфликт в Новгородской летописи представлен более логично, чем в «Повести временных лет», хотя и тут, и там он восходит к одному тексту. Дружина требует: «Отроки Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази; поиде, княже, с нами в дань, да и ты добудеши, и мы». Но о войнах с

уличами и даянх, переданных князем Свенельду, «Повесть временных лет» ничего не знает.

Как можно видеть, Русь во времена Игоря еще не укрепилась даже в Поднепровье, и не случайно, что в древнейших записях (недатированного введения) в основе — противостояние и противопоставление полян и древлян. Сами отношения «Земли» и «Власти» пока явно неупорядочены, а дальние походы князей в чужие земли осуществляются в качестве некой компенсации за «недоборы» в землях непосредственных соседей-славян.

Таким образом, русы, которые пришли вместе с Олегом и Игорем, привнесли в общественно-политическую жизнь Южной Руси иерархический принцип управления, основанный на принципах кровнородственной общины. И свои традиции общественно-политического устройства русам пришлось совмещать с традиционными славянскими традициями общественного управления.

События 945 г. дают материал и для суждения о пределах княжеской власти в этот период: Игорь явно уступает своему воеводе Свенельду, которому фактически подчинен и который имеет свою собственную дружину. Да и княжеская дружина тоже может в любое время предъявить претензии князю. Видимо, сама княжеская власть в X в. была далеко не абсолютной: князь всякий раз должен был доказывать дружине способность обеспечить ее трофеями в дальних походах и даянми. При этом личное мужество и честность князя далеко не всегда совпадали с интересами земель и социальных слоев. Немного позднее князю Святославу и собственные летописцы сделали упрек: «Ты, княже, чужая земле ищещи и блюдеши, а своя ся охабив ...аще ти не жаль отчины своя, ни матери стары суща, и детей своих». Но означало это и оторванность князей от своих земель. Перевороты и убоицы X — XI вв. также свидетельствуют об определенной и всегда сохраняющейся напряженности между «Землей» и «Властью».

Но при этом центральное место в общественно-политическом устройстве «Земли» на Юге Руси так же занимало вече, как традиционная форма самоуправления славянских племен, в частности у древлян. Вече оставалось высшим органом и в Киеве. Об этом больше известно по материалам XI в., когда киевляне часто изгоняли и принимали князей, но сведения о вечевом управлении в Киеве представлены и спорадическими сообщениями X столетия, причем ясно, что сам институт вече сложился задолго до описываемых событий.

Уже говорилось, что характер вече в Древней Руси зависел от того, на основе какой из общин — *территориальной* или *кровнородственной* — оно осуществляло свои функции. В сообщениях X в. «Повести временных лет» имеется, по крайней мере, три сюжета, которые помогают понять и истоки вече в Южной Руси с центром в Киеве, и, несомненно, их разнородный характер: 1) сопоставление обычаев полян-руси и остальных славян; 2) сопоставление устройства Древлянской и Киевской земель в середине X в.; 3) опыт соединения властных структур города (в данном случае — Киева) с княжеской дружиной при Владимире Святославиче.

В отношении *первого сопоставления* обычаев полян и древлян надо иметь в виду, что речь идет о *параллельном* — и *многовековом* — сосуществовании территориальной и кровнородственной общин. Территориальная и кровнородственная общины — это принципиально разные формы организации, восходящие, по всей вероятности, к эпохе отделения оседлого земледелия и кочевого скотоводства.

С этой точки зрения, у *полян-руси прослеживается наличие кровнородственной общины*. Семья и община полян буквально повторяет «варварские правды» ряда германских или германизированных племен, действовавших в VI — IX вв. В данном случае важно было бы установить, привнесены ли эти нормы общезжития переселенческой волной с Дуная в V—VI вв., или они связаны с последней значительной волной переселения из Норика-Ругиланда во второй четверти X в. От этого зависит, в частности, и вопрос о том, вся ли земля полян-руси следовала явно неславянским обычаям, или же только определенная часть социальных верхов, к которым, судя по всему, и принадлежал киевский летописец конца X в.

Разные формы общины неизбежно ведут и к разным формам функционирования вече. Об этом свидетельствует *сопоставление порядков в земле древлян и в Киеве середины X в.* **Обычай древлян — славянские:** древляне на вече выбирают себе князей и «лучших» людей, которые получают, таким образом, возможность управлять Древлянской землей. Но при этом все главные вопросы избранные князья решают только в совете с вече.

В Киеве традиции иные — все решает сама княгиня Ольга и дружина, но при этом в переговорах с древлянскими послами принимают участие и «киевляне» («кияне»). Сама Ольга, отказываясь

пойти замуж за древлянского князя, ссылается на то, что ее могут не пустить «киевские люди» («людьє киевьсци»). При этом дань, которую установила Ольга древлянам после победы над ними, разделялась на три части — две части шли в Киев, а одна часть в Вышгород, названный городом Ольги. *Подобное деление дани является свидетельством разделения княжеского домена и государственного достояния, характерное и для кровнородственной общины, и для возникавших уже на ее основе феодальных отношений. Следовательно, в Киеве сосуществовали разные формы общины, разные управления и, видимо, разные виды самого вече.* Киевляне («кыяне») как субъект общинного самоуправления появляются в летописи и позднее — в XI — начале XII в.

В рассказе о княжении Владимира Святославича, начало которого было омрачено и насилиями наемных варягов, и насилием самого князя и его окружения, в летописи упоминаются «старци градские» и «боляре». «Старци» — институт кровнородственной общины, где действовало не столько выборное (хотя и это случалось), сколько возрастное начало (младшие члены семьи были близки к положению «чади», «челяди», «холопам»). «Боляре» — бояре — институт кельтского происхождения, ведь своим истоком слово «боляре» имеет «главное» кельтское племя боев в Центральной Европе, позднее так именовали аристократию в Ирландии. В Восточную Европу институт «боляр» мог попасть и Волго-Балтийским, и Дунайско-Днепровским путями. Но в заключительном рассказе о княжении Владимира приводится почти былинный сюжет: «По вся неделя устави на дворе въ гридьнице пир творити и приходити и боляром, и гридем, и съцьским, и десяцьскимъ, и нарочитым мужемъ при князе и безъ князя». *Десятские, полусотские, сотские, тысяцкие — это и есть выборные чины славянской общины.* Примерно эта система на Севере России доживет до самого недавнего времени, даже при том, что во многих деревнях не хватало не только сотни для домов сотского и десяти домов для десятского. **Значит, и при Владимире сосуществовали в Киеве кровнородственная и территориальная общины, и разные принципы вечевого самоуправления.**

В славянских землях и сельская округа, и города в целом делились по принципу десятеричной системы, выстраиваясь «снизу вверх». Князь Владимир в свою гридницу от города допускал только *десятских* и *сотских*. Сколько их могло быть в горо-

де, где параллельно существовала и кровнородственная община с иным принципом комплектования? Десятских избирали «*мужи*» — *владельцы «дворов»*, которые у славян тоже отличались от тех, что представлены в летописи, да и в раскопках тоже. Кровнородственная община предполагала большое жилище, способное вместить несколько десятков человек с несколькими очагами (отсюда дань «от дыма»). Славяне, согласно той же летописи, «*имяху по две и три жены*». Археологические материалы показывают, как это выглядело: отмечаются своеобразные гнезда полуземлянок в 2 — 4, расположенные рядом. Это и есть иллюстрация к летописному сообщению. *В результате десятичной языческой поры (да и после принятия христианства) представлял 10 «мужей», но несколько десятков семей.*

Археологи отмечают на территории Киева IX — X в. *несколько городищ*, лишь впоследствии слившихся в единый город (отсюда, видимо, легенда о трех братьях — Кие, Щеке и Хориве). **Эти городища и могли представлять разноплановые общины.** При этом **община славянского типа была довольно малочисленна.** Во всяком случае, «*тысяцких*» в Киеве не было не только во времена Владимира, но и в XI столетии. Да и «*сотские*» отмечаются единицами. В Новгороде же татарская перепись 1257 г. отмечает именно «*десятников*», «*сотников*», «*тысящников*», а от земель еще и «*темников*».

О вечевых собраниях в Новгороде сведений в летописях много. Нередко собирались противоположные собрания на Софийской и Торговой стороне, и на Волховском мосту происходили кулачные бои. Были и «*кончанские*» вечевые собрания. О вечевых собраниях в Киеве гораздо меньше сведений.

Собрание 968 г., когда в отсутствие князя (Святослав Игоревич в это время воевал в Болгарии Дунайской) «*кыяне*» собрались по тревоге перед угрозой печенежского нападения, летопись не называет «*вечем*», хотя именно тогда «*кыяне*» проявили политическую волю — направили Святославу резкое требование вернуться в Киев и защищать свою землю.

В 1015 г. начались убоицы между сыновьями умершего Владимира Святославича. Как показывает Н.Н. Ильин в прекрасном анализе летописной статьи 6523 (1015) г., симпатии «*кыян*» были на стороне Святополка и, видимо, в какой-то степени Бориса, а вот Ярослава Владимировича они явно не жаловали. О Святополке с большой симпатией говорил Титмар Мерзбургский. Убедительно предположение, что именно Святополка

в 1009 г. отправил в заложники к печенегам Владимир. И, видимо, не случайно, согласно уже русским источникам, после поражения от Ярослава Святополк бежит «в Печенеги».

Владимир не любил Святополка, о чем также говорят разные источники. В 1013 г. он заточил Святополка, его жену — дочь Болеслава, а так же Рейнберна — епископа колобжегского, приближенного к Святополку. Заточение продолжалось вплоть до кончины Владимира, а после кончины Владимира Святополк был немедленно освобожден и провозглашен князем явно по желанию самих киевлян. И не случайно, что дружина, с которой Борис защищал южные рубежи от печенегов, немедленно признала киевским князем Святополка.

«Кияне» отказались в 1024 г. от Мстислава, одержавшего победу над Ярославом. Но появление в Киеве полоцкого князя Брючислава также не случайно: «кияне» по-прежнему не принимали Ярослава и предпочли ему внука Владимира. И хотя Брючислав покинул Киев, уступая его Ярославу, Ярослав вплоть до смерти Мстислава в 1036 г. избегал появления в Киеве.

Следующее сообщение о вече в Киеве относится лишь к **1068 г.**, и вновь оно связано с конфликтом горожан и князя. Изяслав Ярославич и его братья потерпели поражение от половцев. Киевляне требовали оружия и коней, дабы сразиться с половцами, князь же с дружиной закрылся во дворе «на сенех с дружиною своею». В итоге князь был изгнан, а Всеслав Полоцкий освобожден из заточения и провозглашен князем. Менее чем через год, когда Всеслав бежал от киевлян, снова киевляне собирались на вече, дабы заручиться помощью Святослава и Всеволода Ярославичей против Изяслава, шедшего с польским войском на Киев.

И наконец, в **1113 г.** Владимира Мономаха призывает в Киев на княжение опять же киевское вече. Владимиру Мономаху удалось достичь заметных успехов именно потому, что он стремился поддерживать реальные контакты с традиционным городским самоуправлением и вообще с «Землей». После смерти Владимира, в XII в. эти принципы взаимоотношения князей с вечевым самоуправлением будут осуществляться в разных землях-княжествах. Такие взаимоотношения «Земли» и «Власти» значительно усилят княжества, что послужит одной из причин возникновения феодальной раздробленности. И как заметил А. Н. Насонов, переход к феодальной раздробленности не означал распада государства: наоборот, это его укрепляло.

§ 3. ДИСКУССИЯ О СОЦИАЛЬНОМ СТРОЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Еще одна крупная проблема в истории IX–XI вв. — **социальное устройство Древней Руси**. В XIX в. отечественные историки придавали малое значение социальным факторам исторического процесса. Но после революции 1917 г., с утверждением в отечественной науке марксизма, изучение социальной истории постепенно выходит на первый план.

В 20-е гг. XX в. в советских общественных науках, в том числе и в исторической науке, утвердился так называемый *формационный подход*, опирающийся на принципы исторического материализма. Согласно этому подходу, каждый народ в своей истории проходил и проходит одинаковые стадии социально-экономического развития, которые и принято *называть формациями*. В ходе многочисленных дискуссий утвердилось представление о *пяти формациях*: первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический. По представлениям тогдашних историков-марксистов, следующая формация, по мере развития производительных сил и изменения производственных отношений, сменяет предыдущую.

В принципе формационный подход имеет свои положительные стороны, ибо предоставляет для исследователя определенную теоретическую опору. Но достоинства с самого начала перекрывались и существенными недостатками: специфика развития каждого отдельного народа, каждого отдельного государства как бы выпадала из поля зрения, а конкретная история подгонялась под абстрактные «общие закономерности», что часто очень далеко уводило от действительной истории.

Уже в конце 20-х — начале 30-х гг. известный историк, академик *Б.Д. Греков*, более других занимавшийся первыми веками Древней Руси, обнаружил, что в Древнерусском государстве *не было рабства* и, соответственно, Древняя Русь не проходила стадию рабовладельческой формации. Правда, Б.Д. Греков излишне удрежнял время возникновения государства в Древней Руси, относя его еще к периоду до призвания варягов.

Идею Б.Д. Грекова поддержал *Е.А. Косминский*, виднейший специалист того времени по западноевропейскому Средневековью: он не нашел рабовладельческой формации вообще в варварском северном поясе Европы. Следовательно, не только на Руси, но и у других северных на-

родов Европы рабовладения, как господствующего социального уклада, не было. В целом концепцию Б.Д. Грекова поддержали и два виднейших историка, восхождение которых приходилось на 30 — 40-е гг. — *М.Н. Тихомиров* и *Б.А. Рыбаков*.

На некоторые слабости концепции Б.Д. Грекова указал *С.В. Юшков*. Он возражал против неправомерного удревления начала самого государства у восточных славян, а также против полного исключения института рабства из истории Древней Руси. Вместе с тем *С.В. Юшков* показал значительную специфику социального устройства Древней Руси, чем расширил спектр отличий социального уклада Руси от стран Запада и Востока.

В 60-е гг. в литературе вновь встает вопрос о рабовладельческой формации или укладе в Древней Руси. Специалист по античности *В.И. Горемыкина* находила такую формацию и на Руси, и в Западной Европе. «Холопам» в Древней Руси значительное внимание уделили также *П.А. Пьянков* и *А.А. Зимин*. Но особенно энергично настаивал на существовании института рабства *И.Я. Фроянов*, многие работы которого были посвящены именно этой проблеме.

Концепция П.А. Пьянкова в основном умозрительна: он предположил, что у славян и антов в VI—VII вв. было что-то вроде рабовладельческой формации. *И.Я. Фроянов*, в целом соглашаясь с такой интерпретацией некоторых византийских источников, говорит просто об институте рабства. Но византийские авторы (в частности, Прокопий Кесарийский) отмечают как раз своеобразие рабства у славян. Пленных в войнах (а по законам войны этого времени пленный — раб) они держат определенный срок, а затем предлагают либо вернуться домой за выкуп, либо остаться в общине в качестве равноправного ее члена. Иначе говоря, *рабство у славян носило очень ограниченный характер*.

У *И.Я. Фроянова* оказалось много оппонентов. Часто *И.Я. Фроянову* выдвигался упрек в «архаизации» социальных отношений Древней Руси. В выводах первой его книги, посвященной социально-экономическому строю Киевской Руси (Л., 1974), сами вотчины, вокруг которых и шел спор, представлены «каплей в море свободного крестьянского землевладения». Позднее сам ученый разъяснит, что речь по существу и идет о специфике древнерусского социального устройства, а именно — *о длительном сохранении общины*. Более обоснованы упреки в произвольном толковании статей «Русской правды», в частности категорий зависимого населения — *смердов, закупов-наймитов*. По автору, «смерды» — это рабы, посаженные на землю. Но «смерды» — это основное сельское население у балтийских славян, обозначение по существу тождественное позднему «крестьяне». В частности, этот вопрос хорошо освещен в работах *Б. Рыськина* о смердах в областях немецкой колонизации.

В числе оппонентов *И.Я. Фроянова* явился и *М.Б. Свердлов*, давший основательную монографию по спорным вопросам. Одной из спорных проблем явилось определение характера семьи у населения Древней Руси:

«большая» или «малая». Но здесь необходимо учитывать важнейший факт — в Древней Руси существовала и та и другая семья. В летописи при описании обычаев племен совершенно определенно противопоставлены «большая» семья у полян «малой» семье у древлян и других восточнославянских племен.

В последних работах И.Я. Фроянов, признавая в принципе наличие частновладельческого феодализма в Древней Руси, спорит с концепцией «государственного» феодализма в Древней Руси, имея в виду прежде всего работы Л.В. Черепнина и ряда других ученых, в той или иной мере разделявших это мнение. Но уточнение в данном случае требуется не в выделении этого типа феодализма, а в определении характера самого государства, выступающего в таком качестве.

В решении проблемы социальных отношений в Древней Руси, как представляется, необходимо, во-первых, изменить угол зрения и, во-вторых, значительно расширить круг источников. Оба эти фактора помогут заново осмыслить, казалось бы, известные вопросы.

В этом отношении **большие возможности предоставляет концепция «Земли» и «Власти»**, ведь сотрудничество и противостояние «Земли» и «Власти» определяли собой всю историю этого периода. Безусловно, на социальные отношения в Древней Руси огромное влияние оказывал и различный этнический состав «Земли» и «Власти» — славянства и «рода русского». Очень важно достоверно оценивать и место, и содержание того, что приносилось «родом русским» в отношения с подчиненными ему славянскими племенами.

Исследование социальных отношений в первой половине IX в. обычно проводится на основе материала, предоставляемого *договорами Руси с Греками*, заключенными Олегом и Игорем.

Сами договора изначально, видимо, являлись самостоятельными документами, уже позднее включенными в летопись. Интересно, что новгородские летописи этих договоров не знают, и это свидетельствует о довольно позднем включении их и в киевское летописание. Новгородские летописи используют киевское летописание в пределах до 1115 г., т. е. до времени, когда в Новгороде княжил Мстислав, сын Владимира Мономаха. Интерес же к русско-византийским отношениям возрос именно во времена княжения Владимира Мономаха, когда эти отношения заметно обострились. По ряду признаков заметно, что одна из редакций Начальной летописи составлялась в 20-е гг. XII в., когда и могли извлечь из архивов давние русско-византийские договоры.

Договорам посвящена значительная литература, и в большинстве случаев обычно говорят о «четырёх» договорах. На самом деле из архивов было извлечено два договора: 911 и 944 гг. Лингвистический анализ договоров И.И. Срезневского, до сих пор остающийся наиболее убедительным, показал разный язык этих договоров, в том числе и отличие их языка от языка собственно летописного текста. Правда, язык договора 944 г. ближе к языку летописи, но подлинность договорного текста удостоверяется смешением двух «противней» («равно другого свещания»): русского и византийского.

В данном случае нас интересует отраженное в договорах представление о «*Законе Русском*» — нормах обычного права русов. Сам факт существования «Закона Русского» предполагает если не записанные установления, то очень четко определенные правила общежития и правовые нормы. Эти нормы подчеркнута и принципиально отличаются от византийского законодательства. С одной стороны, нормы «Закона Русского» предполагают кровнородственные принципы «кровь за кровь, смерть за смерть» — равное наказание за равное преступление. С другой стороны, в этом законе присутствует весьма терпимое отношение к покушениям на собственность. *Главное и принципиальное отличие — полное неприятие византийских норм наказания в виде членовредительства.* Во всех случаях «Закон Русский» предусматривает только денежный штраф (в тройном размере по отношению к стоимости проступка). На фоне сурового византийского и европейского законодательств — это факт необычный. Более того, русское право, отраженное в договорах, проще и гуманнее не только византийского, но и франкского (и вообще западноевропейского) права.

Но «Закон Русский» начала X в. не сводим и к славянскому обычному праву — праву территориальной общины, в которой ясно просматривается приоритет «Земли». Договоры Руси с Греками знают одну категорию зависимого населения у русов — челядины, т. е. купленные или плененные рабы. *Рабство у русов, видимо, отличалось от положения той же категории у славян. У славян раб, холоп, челядин принадлежал всей общине. У русов челядины были собственностью отдельных индивидов. Но при этом имелись в виду все-таки представители социальных верхов, а потому неясно, каково было устройство рядовой кровнородственной общины русов.*

Для уяснения истоков своеобразия «Закона Русского» необходимо расширить круг привлекаемых источников, как восточных, так и западных. Так, восточные источники отмечают, что в случае несогласия спорящих сторон с решением правителя-судьи спор у русов решается *поединком* («чей меч острее»). В Европе фиксируется только одно установление, которое предусматривает решение спора поединком: это «*Правда англов и вэринов или тюрингов*», утвержденная Карлом Великим на рубеже VIII—IX вв. Подобное установление отсутствует в «Русской правде», но на Волго-Балтийском пути оно действовало, применялось в Новгородско-Псковской земле (так называемое «*поле*» — поединок), а с XV в. войдет в практику и всей Северо-Восточной Руси (в частности, в Судебник 1497 г.). Но восточные авторы знают разных русов, и «Закон» каких русов имеется в виду в договорах с Греками определить по немногим иллюстрациям затруднительно. И тот факт, что «Русская правда», явно воспроизводящая традиции давнего «Закона Русского», не знает «поля», предполагает не ту «Русь», которая ориентировалась на законы англов и вэринов, т. е. «варягов» в узком смысле значения этнонима.

Следует отметить, что «Правда англов и вэринов» отказывается от *принципа кровной мести*, заменяя ее выплатой *денежного штрафа*, размеры которого зависят от социального статуса пострадавшего. При этом решительное преимущество предоставляется родственникам по мужской линии (вплоть до пятого колена). На Руси кровная месть будет сохраняться до XI столетия. Даже после ее отмены, скажем, убийство «татя» на месте преступления ночью оправдывалось (если вор не был предварительно схвачен и связан или если с ним не расправились до утра). Иными словами, «Правда англов и вэринов» действовала *среди части населения по Волго-Балтийскому пути* (в том числе у каких-то «русов»), но *русы приднепровские держались иного «Закона Русского»*.

Как уже говорилось, в конце X в. при Владимире на Руси также действовали какие-то установления — «Устав земленной». Но, видимо, эти установления были своеобразным продолжением политики Ольги, стремившейся упорядочить взаимоотношения «Власти» и «Земли», которые продолжали жить по ранее сложившимся традициям, разным в различных областях и у исконно различных этносов.

Имеющиеся в исторической литературе заключения о характере социального строя Древней Руси строятся главным обра-

зом на материалах **«Русской правды»**. Она известна в нескольких редакциях, принципиальное значение из которых имеют две — *«Краткая»* и *«Пространная»*. Но и первая, и вторая редакции представляют собой своеобразные **«своды»** — собрание разновременных и разнохарактерных грамот и установлений. Так, имеется разночтение в новгородских летописях (Новгородской Первой и Софийской). «Грамота» Ярослава новгородцам датируется 1016, 1019 и 1035 гг. М.Н. Тихомиров, много занимавшийся источниковедческой стороной вопроса, допускал вероятность разных и соответственно разновременных редакций этой «грамоты».

«Грамота» Ярослава новгородцам и составляет основу *«Русской правды»*. В литературе этот документ получил наименование *«Древнейшей правды»* (первые 17 статей *«Краткой правды»*). М.Н. Тихомиров считал вероятным, что в 1016 г. Ярослав дал новгородцам именно «грамоту», а не «правду» — своеобразную форму Судебника. Саму *«Древнейшую правду»* М.Н. Тихомиров делил на две части, увязывая собственно «грамоту» с первыми десятью статьями.

Причиной того, что Ярослав дал «грамоту» новгородцам стали определенные исторические события, которые во многом определили само содержание *«Древнейшей правды»*.

Статья 1016 г. в Новгородской Первой летописи, в которую включена *«Краткая правда»*, сочинение явно позднее. И вообще эта летопись дает мало сведений о первых десятилетиях княжения Владимира, не упоминает о поражении Ярослава от Мстислава в 1024 г., после чего Ярослав надолго (до смерти Мстислава) останется в Новгороде. И события, которые вне хронологической последовательности изложены в упомянутой статье, развивались не совсем так, как это представил позднейший летописец.

Около 1014 г. произошел резкий конфликт у Ярослава с отцом — Владимиром. Ярослав отказался платить дань от Новгорода (в размере двух тысяч гривен) Киеву. Владимир стал готовиться к походу на Новгород, и Ярослав, готовясь к сражению с отцом, нанял *варягов и колбягов*. В.Н. Татищев, очевидно, прав, принимая *«колбягов»* за выходцев из *поморского города Колобжега*, т. е. *«Окологорья»* — вариант обозначения «поморяне». Наемники стали «насилие деять на мужатых женах». Новгородцы собрались и перебили насильников. Ярослав, обманом заманив организаторов восстания в свою резиденцию в селение Ракомо, перебил новгородцев. А в это время к нему пришло известие из Киева, что отец умер и в Киеве вокняжился Святополк. Ярослав созвал

новгородцев на вече, покаялся «в безумии» своем, обещал заплатить золотом за избитых новгородцев и обратился к собравшимся на вече помочь в борьбе со Святополком. Новгородцы на этот призыв откликнулись (две тысячи гривен отдавать Киеву им, конечно, не хотелось). По логике событий именно в связи с этими событиями, может быть, как раз на вече, князь и объявил о том, что дает «грамоту» новгородцам. При этом «Древнейшая правда» была предназначена только для одного города — для Новгорода, не затрагивая вовсе сельской округи.

Из 10 статей, которые М.Н. Тихомиров выделял как особую «грамоту», наиболее спорной остается первая статья. Она явно редактировалась позднее, отчего получился повтор об уплате штрафа в 40 гривен, что по отношению к «изгоям» вообще маловероятно. Вставкой является и приписка (после «русинов») «словенина» в грамоте новгородцев (на что и указал М.Н. Тихомиров). В первоначальном виде статья, видимо, лишь ограничивала право кровной мести ближайшими родственниками и заменой ее штрафом в 40 гривен, без выделения особых этнических и социальных категорий. А следующие девять статей дают представление и об адресате «грамоты»: это *княжеская дружина, наемники и новгородское ополчение*. Все они были вооружены мечами, хотя в ссорах и драках могли использовать также жерди, батоги, чаши и роги (драки на пирах, видимо, при столь пестром составе знати тоже были обыкновенным явлением).

Непосредственно варяги и колбяги упоминаются в статьях 9-й и 10-й. В первом случае имеется в виду оскорбление: «ринет муж мужа от себе или к себе». За это должен выплачиваться штраф в 3 гривны, причем новгородцу надо было выставить двух свидетелей, а варяг или колбяг должны были приносить клятву (свидетелей у них могло и не оказаться). Следующая статья уже непосредственно защищает новгородцев: если челядин бежит к варягу или колбягу и тот его в течение трех дней не выведет, а пострадавший узнает, куда именно бежал челядин (обычно о бежавших «закликали» на торгу), он имеет право забрать беглого и получить 3 гривны за обиду.

Следующие семь статей (11 – 17) имеют уже более широкий круг адресатов. В них защищаются права собственников и в известной мере представлен сам судебный процесс: так называемый «свод» — привлечение 12 свидетелей с целью оправдания обвиняемого в краже (интересно, что цифра 12 значится и в «варяжских законах», и она восходит, видимо, еще к кельтическому счету дюжинами). Именно это добавление и могло явиться

«уставом» в середине 30-х гг., когда Ярослав окончательно утверждался в Киеве. Тогда же могло появиться и добавление к первой статье, где «словенин» уравнивается в правах с «русином». «Русинами» же в это время назывались жители Приднепровья, причем их отличали и от варягов, и от словен. Сам этноним «варяги» примерно с этого времени распространяется и на скандинавов, которые появились в окружении Ярослава после его женитьбы на шведской принцессе Ингигерд.

Впрочем, вряд ли Ярослав «установил и утвердил» свою «грамоту» окончательно. Об этом свидетельствуют события 1018 г. Потерпев тяжелое поражение от Святополка и его союзника польского короля Болеслава, Ярослав бежал в Новгород всего с четырьмя новгородцами. Ярослав собирался бежать и дальше, «за море», но новгородцы во главе с посадником Константином Добрыничем его непустили. По инициативе новгородцев, по крайней мере их управляющих верхов, Ярослав решил нанять варягов для нового похода на Киев. И, очевидно, что князь — лишь после совета с новгородцами — распорядился собирать с мужа по 4 куны, со старост по 10 гривен, с бояр по 18 гривен. В этом случае не уточняется, шла ли речь только о Новгороде или же и о сельской округе. Но сказано, что «совокупы Ярослав вои многы». Как видно, суммы денежных выплат в данном случае совершенно другие, нежели в «Древнейшей правде». Следовательно, нормы «Древнейшей правды» в тот период еще не были общеупотребительными и обязательными (даже для самого князя).

Именно «Древнейшая правда» служит основанием для поисков аргументов в пользу преобладания на Руси вплоть до XI столетия рабовладельческих, а не феодальных форм хозяйствования — в «Древнейшей правде» фигурируют только свободные и челядины.

Рабство в «Древнейшей правде» имеет свои исторические истоки. О том, что русы на Волго-Балтийском пути захватывали славян и тех, кто на этом пути жил, и везли в Булгар продавать в рабство, сообщают восточные авторы. Но и из текстов договоров Руси с Греками, и из текста «Древнейшей правды» следует, что рабство носило домашний характер, предполагало наличие рабов у узкого слоя социальных верхов Новгорода и не распространялось даже на сельскую округу Новгородской земли.

А вот предположение, будто «смерды» — это рабы, посаженные на землю, ничем не может быть обосновано. Выше уже от-

мечалось, что «смерды» — это основное сельское население у балтийских славян. **«Смердами» называлось и свободное сельское население Новгородчины и Псковщины («смердья брань» в конце XV в.).** За участие в походе на Киев в 1016 г. Ярослав вознаградил «старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем». В этом контексте «старосты» — это руководители сельских общин, которые и привели с собой смердов. Новгородская V летопись сообщает, что смердам князь дает по две гривны. Это столько, сколько, по «Русской правде», стоил «смердий конь».

Продолжением и позднее одной из частей «Русской правды» стала так называемая *«Правда Ярославичей»* — нормы правосудия, принятые при сыновьях Ярослава Владимировича. «Правда Ярославичей», по мнению М.Н. Тихомирова, это 18 — 26 статьи «Краткой правды», а остальные были дополнены позднее. Но извлечения из нее дает и «Пространная правда», сообщающая, в частности, об отмене института кровной мести. *При анализе норм «Правды Ярославичей» необходимо также учитывать, что эти нормы распространялись только на земли, подвластные самим Ярославичам, княжившим в Приднепровье. Северные земли Руси в ней не затрагиваются, и сам Новгород, судя по событиям XI—XII вв., живет по собственным законам.*

Появление «Правды Ярославичей» обычно связывают с обострением социальных противоречий в **начале 70-х гг. XI в.** (Л.В. Черепнин, М.Н. Тихомиров) — необходимо было ввести более жесткие нормы для защиты социальной верхушки, княжеских и боярских вотчин, а также княжеских и боярских слуг (учредителями «Правды» были три Ярославича и представители знати). Именно поэтому в «Правде Ярославичей» нормы штрафов повышены вдвое, но эти повышения (в 18 — 26 статьях) касались в основном княжеской администрации.

Поэтому «Правда Ярославичей» дает материал для обсуждения вопроса о характере княжеской и боярской вотчины, но *«вервь» — собственно крестьянская община — остается за пределами норм «Правды Ярославичей», как противостоящая вотчине и живущая по своим собственным законам, с которыми высшая власть обязана считаться и не вмешиваться в них.* Следовательно, «Правда Ярославичей» предусматривает только отношения *внутри* вотчин и *между* вотчинами.

Главным объектом в «Правде Ярославичей» выступает именно *княжеская вотчина*. В данном случае необходимо сделать экс-

курс в более ранние времена. По крайней мере с эпохи Великого переселения народов существовало право предводителя на третью часть добычи. В «Повести временных лет» это выражено в дани, наложенной Ольгой на древлян: две трети Киеву, а одну треть на собственный город Вышгород. Следовательно, уже в *середине X в. на Руси существовали «княжеские» города и села*, упоминаемые в летописях как нечто само собой разумеющееся. Этот факт вполне достаточный аргумент против появившейся некоторое время назад концепции якобы характерного для Руси «азиатского деспотизма». На самом деле собственность государства и собственность княжеского домена не смешивалась.

Но если летописи только упоминали об этом явлении, то «Правда Ярославичей» дает нам возможность понять, что конкретно представлял отличный от государственного княжеский домен. И в этом смысле «Правда Ярославичей», конечно, не нововведение, а констатация существующего положения, т.е. это обозначение не начала, а давно идущего процесса. Этот факт сам по себе подтверждает мнение Б.Д. Грекова, искавшего феодальные отношения еще в X в. **Уже в X в. феодальные отношения явно превалируют над рабовладельческими, что и фиксирует «Правда Ярославичей».**

Поэтому «Правда Ярославичей», фиксирующая ситуацию третьей четверти XI в., служит важным источником в споре о соотношении рабства и феодальной зависимости в Древней Руси. Именно вокруг ее статей и разгорелся спор среди исследователей о соотношении рабских и феодальных форм эксплуатации. И идет он прежде всего о юридическом положении обозначенных в «Правде» зависимых категорий населения.

Из категорий зависимого населения в «Правде Ярославичей» называются «*холопы*», «*рядовичи*» и «*закупы*». С «*холопами*» все ясно: это — *домашние рабы*, не принимающие хоть какого-то весомого участия в экономической жизни общества. Обращает на себя внимание то, что денежный штраф за голову смерда и холопа один и тот же: 5 гривен. За холопку-кормилицу штраф предполагал 12 гривен (против 5 за смерда и холопа). В этом иногда видят приниженность «смерда», его рабско-холопское состояние. Но правы те авторы, которые, напротив, видят в этом возвышение холопа, принадлежащего вотчиннику. И означает это не только приниженность «смерда» в социальной структуре киевского общества, но и опять-таки «домашнюю» ориентированность рабства.

А вот категории «закупов» (о них много говорит «Пространная правда») и «рядовичей» свидетельствуют как раз о феодальном характере зависимости – «закупом» или «рядовичем» становятся за долги. Именно в категории «закупов» проявляется один из главных путей установления зависимости: отработка за «купу» — за долг (само слово «найм» в данном случае означает процент с долга). Причем и в том и в другом случае предполагается потенциально капиталистическая форма зависимости: «Правда» фиксирует возможность отработки денежной или вещественной ссуды. «Закуп» обычно имеет все необходимые средства для ведения хозяйства и может освободиться, если выплатит занятое. Поэтому формула И.Я. Фроянова — «полураб» — явно неудачна. Таким образом, «Правда Ярославичей» свидетельствует о явном преобладании феодально-зависимого населения.

И, конечно, надо иметь в виду, что в «Правде Ярославичей» предполагались лишь вотчины князей и высшего слоя боярства — трех сыновей Ярослава и некоторых их же бояр. Но среди сельского населения того времени преобладало — по численности и значению — свободное население общины («верви»), в которой сохранялись традиционные порядки самоуправления и самораспределения.

Можно отметить и то, что ценностные выражения штрафов в «Правде Ярославичей» контрастней, нежели в «грамоте», данной новгородцам Ярославом. В новгородской «грамоте» Ярослава стоимость челядина определялась в 12 гривен, а высший штраф в 40 гривен. В Приднестровье же, согласно «Правде Ярославичей», холоп, как и смерд, оценивались лишь в 5 гривен, тогда как княжеские слуги — в 80 гривен. И дело здесь не только в «развитии» феодальных отношений, но и в специфике разных территорий. «Пространная правда» даст лишь указание на распространение принципов, изложенных в «Правде Ярославичей», на другие территории Руси, обозначит направление естественного складывания общественных отношений, но не изменит их сущности. А, скажем, обозначение «закупов» в позднейших списках «Русской правды» «наймитами» подчеркнет их реальное положение именно при феодальном значении «найма» как той или иной платы за ссуду.

И еще один важный момент для понимания социальных отношений в Древней Руси IX–XI вв. Речь идет о социальных конфликтах. В советской историографии 30 — 50-х гг. XX в. явно преувеличивался фактор «классовой борьбы», и потому все

социальные конфликты рассматривались как «антифеодальные». П.П. Толочко и И.Я. Фроянов с достаточным основанием отмечают, что, во-первых, эти конфликты далеко не всегда носили «классовый» характер, а, во-вторых, «антифеодальными» они и не могли быть, поскольку в то время крестьянские или городские общины, отстаивая свои традиционные права, на феодальные основы не покушались. И борьба шла вокруг двух главных вопросов: или **социальные низы отстаивали свои права на «старину»**, или же стремились к **установлению наиболее целесообразных отношений между «Землей» и «Властью»**.

В XI–XII вв. в Древней Руси установится так называемая феодальная раздробленность, которая, естественно, скажется и на характере самого феодализма. Именно в этот период «государственный» феодализм будет уступать «вотчинному». С XI в. феодалами станут и монастыри, и главные храмы (о пожалованиях Десятинной церкви имеются летописные записи, относящиеся, по всей вероятности, именно к XI столетию). Но в этот период укрепляется и самоуправление «Земли», а потому уровень феодальной эксплуатации будет умеряться сопротивлением общины. В то же время институт холопства будет пополняться в основном за счет добровольного перехода свободного населения в холопы, что чаще всего было следствием голодных лет или внешних вторжений, приводивших к разрушению традиционного хозяйства.

Литература

Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Советское славяноведение. Т. 20. 1975.

Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.

Алексеева Т. И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. №3.

Арицховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966.

Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963.

Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160. М., 1980.

Беневоленская Ю. Д., Давыдова Г. М. Русское население Псковского озера // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М., 1979.

Березовец Д. Т. Про імя носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1970.

Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.

- Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. Т. I. СПб., 1908.
- Венелин Ю.* Скандинавомания и ее поклонники. М., 1842.
- Венелин Ю.* Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // ЧОИДР. Кн.4. М., 1870
- Веселовский А. Н.* Русские и вильгины в саге о Тидреке Бернском // ИОРЯС. Т. XI. Кн.3. СПб., 1906.
- Вилинбахов В. Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. 1980. №1.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н.* Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1959.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- Геденов С. А.* Варяги и Русь. Ч. 1—2. СПб., 1876.
- Горюнова В. М.* О западных связях «Городка» на Ловати // Проблемы археологии и этнографии. Вып.1. Л., 1977.
- Грушевский М. С.* Киевская Русь. Т.1. СПб., 1911.
- Гуревич Ф. Д.* Скандинавская колония на территории древних пруссов // Советское славяноведение. Т. 23. 1978.
- Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Дорн Б. А.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875.
- Дробинский А. И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.
- Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982.
- Завитневич В.* Происхождение и первоначальное значение имени «Русь» // Труды Киевской Духовной академии. 1892. №11.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.
- Зеленин Д. К.* О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. М., 1954.
- Иловыйский Д. И.* Разыскания о начале Руси. М., 1982.
- Калинина Т. М.* Ал-Масуди о расселении русов // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978.
- Каргер М. К.* Древний Киев. Т.1. М.; Л., 1958.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970.
- Ковалевский С. Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
- Костомаров Н. И.* Начало Руси // Современник. Т. 70. №1. СПб., 1860.
- Кочуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
- Кузьмин А. Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. №1.
- Кузьмин А. Г.* Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. №11.

- Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кузьмин А. Г.* Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. №4.
- Куник А., Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч.1. СПб., 1878.
- Куник А.* Известия Ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч.2. СПб., 1903.
- Лебедев Г. С., Розов А. А.* Городец под Лугой // Вопросы истории. 1975. №2.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Ловмянский Г.* Руссы и руги // Вопросы истории. 1971. №9.
- Ловмянский Г.* Русь и норманны. М., 1985.
- Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1968.
- Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978.
- Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX— XIII вв. М., 1979.
- Мельникова В. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977.
- Морошкин Ф. Л.* Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб., 1842.
- Мошин В. А.* Варяго-русский вопрос // Slavia. Vol. X. Praha, 1931.
- Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1994.
- Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.
- Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и руси VI—X вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1—2 / Сост. Кузьмин А.Г. М., 1986. (Сер. «История России в романах, повестях и документах»).
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности. Л., 1924.
- Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне // Советская этнография. Сб. VI—VII. М.; Л., 1947.
- Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. №11. М., 1949.
- Рыбаков Б. А.* Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987.
- Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX — XIV вв. М., 1978.
- Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980.
- Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Славяне и Русь. Проблемы и идеи / Сост. Кузьмин А.Г. М., 1998 и 1999 (второе и третье издания).

- Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. М., 1976.
- Смирнова Г. П.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Сугорский И. И.* В туманах седой старины. Англо-русская связь в давние века. СПб., 1907.
- Талис Д. Л.* Росы в Крыму // Советская археология. 1974. №3.
- Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. Сб. VI—VII. М.; Л., 1947.
- Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975.
- Толочко П. П.* Древний Киев. Киев., 1983.
- Толстов С. П.* Из предистории Руси // Советская этнография. Сб. VI—VII. М.; Л., 1947.
- Томсен В.* Начало Русского государства. М., 1891.
- Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
- Трубачев О. Н.* К истокам Руси. М., 1993.
- Херрман И.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.
- Шаскольский И. П.* Антиномизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.
- Шахматов А. А.* К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912.
- Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шушарин В. П.* Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964.
- Янушевский Г.* Откуда происходит славянское племя русь. Вильно, 1923.
- Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

ГЛАВА V

Международные связи Киевской Руси и распространение христианства

§ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Международные связи всегда зависели от функционирования тех или иных торговых артерий. Выше отмечалось, что для ранней феодальной эпохи наиболее значимыми были **Волго-Балтийский** и **Дунайско-Днепровский** пути. Волго-Балтийский путь стал функционировать с конца VIII в., когда Франкское государство начало наступление на прибалтийских славян и славянизированные племена, в том числе и варягов. Конечным пунктом пути, равно как и крайней областью расселения самих балтийских славян и варягов, являлся Булгар, куда приходили купцы и из Хазарии, и из Средней Азии. Интересно, что торговые отношения на этом пути были связаны единой денежной системой, основу которой составлял «фунт Карла Великого». Кстати, именно на пути из Балтики к Волжской Булгарии и сложился союз двух славянских (кривичей и новгородских словен) и трех угро-финских племен (чудь, весь и меря), «пригласивших» Рюрика с варягами. С рубежа VIII—IX вв. своеобразным ответвлением этого пути станет путь по Дону в Черное море. На рубеже IX—X вв. появится и третий путь, особенно значимый как раз для Киева: так называемый путь «из Варяг в Греки», соединивший Балтийское, Черное и Каспийское моря (Нева — Волхов — озеро Ильмень — Ловать — Днепр).

В VIII—X вв. этнические передвижения по Волго-Балтийскому и Дунайско-Днепровскому путям шли в основном с запада на восток. По мере наступления франков приморское население Южной Прибалтики в значительной мере перемещалось

на восток, причем в ряде случаев это были целые поселения городского типа. Но связи с исходными территориями никогда не прерывались, и торговля не прекращалась практически на протяжении всего Средневековья. В VIII—XI вв. города Южного берега Балтики будут поддерживать активные торговые отношения с востоком вплоть до Булгара, что отмечено и германскими письменными записями, и кладами восточных монет. Позднее Великий Новгород будет поддерживать связи с будущими «ганзейскими» городами на побережье Балтийского моря.

Согласно германским источникам (в частности, Адаму Бременскому, и позднее в основном повторявшему его Гельмольду), у Южного берега Балтики были *два* наиболее значимых центра, возвышавшихся над славянскими землями. Первый центр — это остров *Рюген* (называемый в разных источниках по-разному — Русь, Рутения, Руйяна, Рана и т.д.), правители которого имели — единственные из славян — титулы королей, а жители острова говорили на «словенском да виндальском» языке. Название столицы этого островного государства — *Аркона* — указывает на кельтскую примесь (*кельтск.* — буквально «на горе»). Видимо, с этой «Русью», как называли о. Рюген, связано перенесение названия «Русская земля» на Любек и примыкающую к нему территорию.

Другой важный торгово-экономический центр, выделяемый и германскими источниками, и скандинавскими сагами, — город *Волин* на острове у устья Одера (в скандинавских сагах — город *Йомсбург*). В археологических слоях этого города встречаются предметы торговых и иных связей с Северо-Западной Русью, а Адам Бременский дает довольно обстоятельное описание и самого этого центра, и идущих от него на восток торговых путей. В Волине на службе у славянского князя была наемная дружина («йомские витязи»), набранная в том числе и из покинувших родные места скандинавов. Город и в XI в. был практически закрыт для саксов и других германцев, но он безоговорочно принимал христиан-«греков», под которыми могли иметься в виду *ирландские миссионеры*, часто называемые в европейских источниках «греками». Появление в этом регионе ирландских миссионеров может быть объяснено тем, что по всему Балтийскому побережью прослеживаются остатки кельтских переселенцев с запада и, видимо, из Центральной Европы (наличие кельтских переселенцев предположил известный немецкий археолог *Й. Херрманн*). В самой торговле на Балтике

важную роль играл еще один центр — *Готланд*, где располагались торговые фактории разных народов, в том числе и славянские поселения.

Именно круглыми путями — через Черное море, по рекам Восточной Европы, через Балтийское море и затем по рекам Западной Европы — в тот период осуществлялось движение «до Рима» или в Константинополь. Летописцы, составлявшие этнографическое введение в «Повести временных лет», знали об этом, но их реальные сведения ограничивались «землей агнян», т.е. германского племени англов, занимавших южную часть Ютландского полуострова, по имени которых назывался и весь полуостров. Земли англов были западным пределом расселения *варягов*, не случайно на рубеже VIII—IX вв. Карл Великий утвердил «Правду» единую для «англов и вэринов». Соседями англов были даны, но древнерусские летописцы не располагали о них какими-то подробными сведениями, и на страницах летописей даны (дони) появятся лишь в XII в. (первое упоминание в 1130 г.). Правда, Титмар Мезебургский упоминает в Киеве «быстрых данов», видимо, в числе наемников Ярослава. Но не исключено, что он, в свою очередь, переносил этот этноним на англов, так как на Руси их пока не различали.

Отношения со Скандинавией у Древней Руси начинаются довольно поздно. Да и в самой Скандинавии ничего не знали о Руси до конца X в. Например, в скандинавских сагах первое известное имя правителя Руси — Владимир. Никого из предшественников Владимира Святославича саги не знают, и это одно из многочисленных свидетельств того, что «варяги» IX—X вв. к скандинавам отношения не имели. При этом Владимира саги знают в качестве князя, правившего в Хольмгарде, т.е. в Прибалтийской (Аланской) Руси. Сведения о князе в сагах совершенно легендарны, и заимствованы они, по всей вероятности, из рассказов купцов и путешественников (в частности, важную роль в этом могли играть «йомские витязи»).

Первые *норманны-скандинавы* появятся на Руси при Ярославе, который породнится со шведским королем (его дочь Ингигерда, став женой Ярослава, получит в вено Ладогу). Отсюда первые норманны попадут и в Византию, где будут служить в «дружине варангов». Появление норманнов в числе наемников Ярослава побудит позднейших летописцев распространить этноним «варяги» также на Скандинавские страны, а отношения со Скандинавией с XI в. станут более устойчивы-

ми и на Волго-Балтийском, и на североморском, и на Днепровском путях.

Конечным восточным пределом на Волго-Балтийском пути являлась *Волжская Булгария*. Именно с этим государством соприкасались и вновь освоенные славяно-русскими земли Северо-Восточной Руси, тяготевшие до второй половины XI в. к Новгороду. В летописи под 985 г. есть запись какого-то, видимо, изустного рассказа о походе Владимира с Добрыней на болгар. В литературе спорят: на каких болгар ходил Владимир? Б.Д. Греков доказывал, что на волжских. И одним из аргументов была ирония летописца, который вкладывает в уста Добрыни следующие слова: «Соглядах колодник и суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников». Ученый отметил, что одним из самых развитых производств у волжских болгар было именно кожевенное дело. К волжским болгарам относился и эпитет «серебряные». Можно отметить также, что после перехода Владимира в Киев Добрыня занимал Новгород в качестве посадника. Западная же Болгария, куда могли совершить поход в ладьях из Киева, уже находилась под властью Византии. Да и следующая летописная статья, рассказывающая о поиске новой веры, начинается с прихода болгарских послов из Волжской Булгарии. В.Н.Татищев сообщает о договоре 1006 г. с волжскими болгарскими купцами, пересказывая его содержание. Он отмечает, в частности, благорасположенность к болгарским послам Владимира, который разрешал с особой печатью болгарским купцам торговать в русских городах. Соответственное право получали и русские купцы в болгарских городах. Но до сельской местности чужеземных купцов не допускали: здесь могли торговать только свои купцы. Татищев обращает внимание на широкие торговые связи болгарских купцов. Они достигали на севере Скандинавии и Дании, а на юге Персии, Индии, Египта, Армении. Интересно и еще одно сообщение — верования болгар были изначально родственны индийским, а затем уже сменились на магометанские.

Интересно, что «прямоезжего» пути из Киева на Среднюю Волгу не было до конца XI в.: путь лежал через Смоленск и далее на Верхнюю Волгу. Иными словами, торговля с Волжской Булгарией долгое время ориентировалась на Новгород и Новгородскую землю, а позднее на Суздальско-Владимирское княжество. Отношения Киевской Руси с Волжской Булгарией были в основном мирными, торговыми. После похода Владимира Свя-

тославича следующий большой конфликт между Русью и Волжской Булгарией разразится только в конце XII в.

Сложнее складывались отношения с другим восточным соседом — *Хазарским каганатом*. Согласно «Повести временных лет», поляне, северяне и вятичи платили дань хазарам «по белей веверице (*зимней белке*. — *А.К.*) от дыма». В других известиях хазарская дань исчисляется в «щелягах» (польское название западных шиллингов). О хазарской дани с полян сообщает и киевский летописец, хотя и в сказочной форме: хазары потребовали дани, а поляне, «съдумавши», выдали по мечу «с дыма». Дань напугала хазарских старейшин: меч обоюдоострый, а хазарская сабля остра только с одной стороны. Старейшины предсказали, что киевляне будут брать дань с других стран. Летописец заключает, что так и случилось: ранее хазары брали с полян, теперь русские князья берут дань с хазар. По летописи, дань на хазар наложил в начале 80-х гг. IX в. Владимир.

Хазарская тема в нашей литературе запутана примерно также, как и норманская, т. е. прямые показания источников отвергаются, а на смену им привносятся домыслы и вымыслы. В начале XX в. с серией статей выступил Г.М. Барац, который доказывал, что «Повесть временных лет» — переделка еврейско-хазарской письменности, а первые русские князья и сама Русь — евреи-хазары. Домыслы Г.М. Бараца повлияли в последнее время и на некоторых отечественных авторов, так называемых «евразийцев» (Л.Н. Гумилев, В.В. Кожинов и др.).

В более серьезных работах (в частности, М.И. Артамонова и С.А. Плетневой) Хазарии придается серьезное значение в русской истории, а территория Хазарского каганата увеличивается во много раз, нежели это было в исторической действительности. Дело в том, что *в пределы Хазарии включаются территории, занимаемые салтовско-маяцкой культурой*. Но языковые, археологические и антропологические данные однозначно указывают на то, что этническую основу салтовско-маяцкой культуры составляли аланы (или роксаланы), создавшие здесь свое государство — Росский каганат. И не исключено, что славяне, будучи западными соседями алан, платили дань как раз Росскому каганату. Именно разгром Росского каганата в начале IX в. сделал хазар соседями восточнославянских племен. От дани хазарам восточных славян избавили (вернее, перевели ее на себя) сначала Аскольд и Дир, а потом Олег. В 968—969 гг. Хазария подверглась сокрушительному разгрому со стороны Святослава

Игоревича. Позднее остатки хазар в Крыму и Приазовье станут данниками русских князей, занимающих Тмутаракань, а в степное пограничье Руси вслед за печенегами последуют торки, берендеи и, наконец, с середины XI в. половцы, с которыми русские князья будут воевать и мириться на протяжении почти двух столетий.

С западными соседями отношения традиционно были более интенсивными, поскольку в течение почти *пятисот лет* — с конца V до X в. — на Средний Днепр было несколько переселений из Центральной Европы. В статье-эпитафии по князю Владимиру под 996 г. позднейший летописец замечает: «И бе живя со князи околними миромь, съ Болеславом Лядьскимь, и съ Стефаном Угорьскимь, и съ Андрихом Чешьскимь, и бе мир между ими и любы». Этот летописец принадлежал к клиру Десятинной церкви (его почерк выделяется в «Повести временных лет» на протяжении почти всей летописи, вплоть до 80-х гг. XI столетия). Сама Десятинная церковь в своих предпочтениях была ориентирована на Запад, и потому летописец Десятинной церкви акцентирует внимание именно на «миролюбивых» отношениях с западными странами. Да и вообще, «миролюбие» в представлениях этого летописца — одно из ценнейших христианских качеств. На самом деле отношения с Западом были не так безоблачны.

Летописец Десятинной церкви называет имена наиболее знаменитых правителей в трех соседних с Русью странах, однако у него возникает путаница в хронологии. Стефан Угорский правил в Венгрии в 1012—1038 гг., т. е. в основном уже после Владимира. С 1012 по 1037 г. в Чехии княжил Олджих, а вот Андрих (Индрих II) — это, возможно, римско-германский император Генрих II, правивший с 1002 по 1024 г. и отвоевавший у Болеслава Польского Богемию. Только Болеслав Польский (ум. 1025), первый польский князь, удостоенный королевского титула, был постоянным внешнеполитическим партнером Владимира.

Отношения с *Польшей* в конце X — XI вв. играли серьезную роль как во внешней, так и во внутренней политике Киевской Руси. В религиозном отношении Польша ориентировалась на Рим. Но вплоть до XIV столетия в южных ее пределах будет сохраняться кирилло-мефодиевское славянское письмо, а традиция Десятинной церкви на Руси также была обращена в сторону кирилло-мефодиевского наследия. Иначе говоря, между Ру-

сью и Польшей сохранялось определенное религиозное единство. Поэтому в противоречиях между двумя государствами на первом месте стояли не религиозные разногласия, а *территориальные споры*.

Одна из спорных территорий — земли «Червонной Руси», или, как их называет летопись, «червенские города» Перемышль, Червен и др. Стратегическое значение «Червонной Руси» заключалось в том, что через эти земли и Краков шел путь на Прагу и далее в южногерманские и моравские земли. Согласно летописи, в 981 г. Владимир Святославич впервые занял принадлежавшие Польше земли «Червонной Руси». В годы усобицы после смерти Владимира, эти земли, видимо, вновь перешли к Польше, ведь Болеслав Польский, на дочери которого был женат Святополк, принимал самое непосредственное участие в войне русских князей. Болеслав поддерживал Святополка в борьбе против Ярослава, а сестру Ярослава насильно увел в Польшу. Окончательно «червенские города» были присоединены к Руси уже после смерти Болеслава в результате совместного похода Ярослава и Мстислава Чернигово-Тмутараканского (в летописи поход обозначен по константинопольскому стилю, 1030 г.).

Другой спорной территорией между Русью и Польшей являлась земля *ятвягов*, примыкающая с юга к Пруссии. В 983 г. эту территорию завоевал Владимир. Но, видимо, в усобицу 1015—1019 гг. и эти приобретения были утеряны. Во всяком случае, в 1038 г. Ярослав вновь совершил поход на ятвягов.

Земля ятвягов также представляла определенный стратегический интерес, связывая *Черную Русь* (Верхнее Понеманье) с поморскими городами. В начале XI столетия Польша в союзе с Германией, в частности с Саксонией, стремилась подчинить племена лютичей и поморян своей власти. Здесь их, однако, встретило упорное сопротивление, и на протяжении веков поморяне и лютичи будут относиться к Польше резко враждебно. В «Повести временных лет» нет записей за начало XI столетия. Но можно предполагать, что киевский князь был на стороне поморян, откуда, судя по внешнему виду богов языческого пантеона Владимира, были вывезены образцы поразивших киевлян изображений языческих идолов.

В 30-е гг. XI в. Польша пережила внутренние неурядицы, заметно пошатнувшие и ее внешнеполитическое положение. В этих условиях князь Казимир Пяст ищет возможности сбли-

жения с Русью, дабы отстоять владения на западе. Он женился на сестре Ярослава Добронеге-Марии и возвратил 800 плененных еще Болеславом киевлян «за вено». В свою очередь, Ярослав женил сына Изяслава на дочери польского короля Мешко II (правил в 1025—1034 гг.) Гертруде. Примечательно, что в позднейших скитаниях по Европе в 60—70-х гг. Изяслав не получит помощи в Польше, но будет принят в *Тюрингской Руси*, за которую и позднее будут бороться галицко-волынские князья и которая в качестве немецкого графства просуществует до 1920 г.

Во все времена династические союзы служили укреплением отношений между государствами. Поэтому сама направленность таких браков может служить свидетельством внешнеполитических устремлений. Владимир стремился к упрочению положения в *самой Руси*, и потому браки большинства его сыновей как бы связывали княжескую семью с землями разных славянских племен. Лишь нелюбимый Святополк и непокорный Ярослав привезли невест из-за границы, причем Ярослав — уже после разрыва с отцом и его смерти.

Внешняя политика Ярослава была устремлена на заключение прочных отношений с *западными и северными соседями*. Поэтому браки детей Ярослава Владимировича носили совершенно иной характер. Своих дочерей он выдал замуж за правителей разных стран: Елизавету — за норвежского короля Харальда, Анастасию — за венгерского принца, а потом короля Андрея, Анну — за короля Франции Генриха, сестра Ярослава Добронеге-Мария, как уже говорилось, стала женой польского князя. Сыновья Ярослава также получили в жены иностранных принцесс: Изяслав был женат на польской принцессе Гертруде, Святослав получил жену из Германии, а Всеволод — из семьи константинопольских цесарей Мономахов.

При Ярославе были установлены тесные связи и со *Скандинавией*. 300 гривен дани от Новгорода в пользу варягов, которые установил еще Олег, платили до смерти Ярослава, только теперь, видимо, другим «варягам», именно тем, что помогли Ярославу овладеть Киевом и устранить соперников. И показательно, что сразу после кончины Ярослава его сыновья прекратили выплату этой дани, и никто не пытался на нее претендовать.

Отношения Киевской Руси с *Венгрией* во многом определялись ожесточенной полувековой борьбой венгров с Моравией и славяно-русским населением Подунавья, ведь славяне и славяноязычные русы примыкали к Венгрии и со стороны Карпат, и

с запада. В ходе этой борьбы происходил значительный отток населения из Подунавья на восток — в земли будущей Галицко-Волынской Руси и на Среднее Поднепровье. Постепенно взаимодействие местного славяно-русского и пришлого венгерского населения становится уравновешенным, тем более что в хозяйственном плане разные этнические группы друг друга дополняли (большинство сельскохозяйственных терминов в современном венгерском языке заимствованы из славянских языков). Сближало разные народы и принятие христианства в кирилло-мефодиевском и православном варианте. В принципе вплоть до перехода Венгрии в католичество в XII в. оставалась вероятность ассимиляции венгров славяно-русскими. От середины XI в. западные источники сообщают о целом ряде браков русских принцев с венгерскими королями и герцогами и русских герцогов с венгерскими принцессами. Помимо дочери Ярослава, вышедшей замуж за венгерского короля, на венгерской герцогине был женат князь Ростислав, правивший сначала в Новгороде, а затем в Тмутаракани. После его гибели киевский князь отпустил вдову на родину в Венгрию. Но в большинстве случаев, когда мы говорим о массовости браков русских и венгров, нужно иметь в виду следующее обстоятельство — скорее всего, эти русские принцессы и русские герцоги были выходцами не из Киевской, а из *Тюрингской Руси*, что практически не учитывается современной исторической наукой.

Политические отношения с *Дунайской Болгарией* были очень интенсивны при Святославе, который вел с Дунайской Болгарией войну. Более того, отправляясь на Дунай, Святослав собирался перенести туда и центр всей Русской земли. Видимо, его претензии имели исторические корни — *эти земли когда-то занимали какие-то русы*. Во всяком случае, прибрежные области Болгарии и в конце XIV в. считались «русскими», а тогдашний русский митрополит Киприан претендовал на них как на составную часть «русской» митрополии. Но именно Святослав, потерпев поражение в войне с Византией, утратил эти территории, и позднее прямых политических контактов у Киевской Руси с Дунайской Болгарией не было. Но сохранились культурные контакты, может быть, за счет эмиграции болгарских книжников на Русь после византийского завоевания, как это было и в случае с утратой независимости Моравией: многие памятники западнославянской письменности сохранились именно на Руси.

Самыми многосторонними и сложными были контакты и связи Киевской Руси с *Византией*. Сложность проблемы заключается в том, что Византия взаимодействовала с *разными «Русиями»*, и этот важнейший факт продолжает оставаться практически не осмысленным в отечественной исторической науке. Первые контакты Византии с русами относятся к **концу V в.** Это были *придунайские руги-русы*, которые вместе с гуннами отступили к черноморским границам Византии из Центральной Европы, и часть рогов осталась в качестве федератов на окраине византийских владений. Позднее Византии приходится выдерживать набеги *причерноморских русов*, чья этническая природа сегодня нам не ясна, но предположительно эти русы представляли собой конгломерат придунайских рогов-русов с салтовскими русами-аланами. Именно эти русы упоминаются в ряде византийских сообщений **конца VIII — начала IX в.**, они же в **середине IX в.** приняли из Константинополя христианство, а затем и учредили «*русскую*» митрополию (с которой позднейшие летописцы смешивали киевскую митрополию).

В договоре Руси с Греками, заключенном в 911 г. Олегом Вещим, упоминаются русские общины, которые находились на службе у византийских императоров. Эти общины могли восходить еще к ругам-русам конца V в. Но интересно, что *приднепровские* и *причерноморские русы* рассматривались в Византии как части *единого этноса*, что могло быть следствием их *славянизации*, по крайней мере, в языковом отношении. Со времен Олега возникла и проблема Крыма, где издревле располагались греческие колонии, но существовали и поселения русов. В соответствии с договором 944 г. киевскому князю Игорю вменялось в обязанность охранять византийские владения в Крыму, но не оспаривалось и его право владеть какой-то частью Крыма, принадлежащей русам. Скорее всего, речь могла идти о восточной части Крыма, традиционно входившей в состав *Тмутараканской Руси*.

В конфликте Руси с Византией при Игоре русская дружина состояла на равных из двух компонентов: *языческого* и *христианского*. Христианская часть дружины воевала с христианами-греками так же, как и языческая, и в заключении договора христиане Киева твердо занимали те же позиции, что и язычники. Видимо, русы-христиане в дружине Игоря были выходцами из Моравии, поэтому они держались особого от Рима и Констан-

тинополя понимания христианства. С византийской церковью впервые свяжет себя Ольга (в 959 г.), заинтересованная, по-видимому, в преодолении негативных последствий поражения Игоря в 941 г. Но за епископом она отправит посольство в Германию, тем самым опять-таки подчеркивая независимость от Византии и в церковном отношении. Правда, миссия прибывшего из Германии Адальберта закончится неудачей, причем изгнали его, вероятно, не язычники, а христиане моравского толка, почитавшие немецкую церковь главным своим врагом.

Ко времени Владимира в Византии сохранялся значительный наемный русский отряд и какая-то связь его с Киевом сохранялась. Но женитьба Владимира на сестре константинопольских императоров не означала союза. Скорее, это был откуп со стороны Константинополя ради сохранения на службе в Византии русского корпуса и возвращения завоеванного русским князем Корсуня (Херсонеса). При этом весьма существенно, что и корсунское христианство значительно разнилось с собственно византийским.

В целом в средневековой литературе Владимир предстает великим завоевателем и противником Византии, серьезно потеснившим великую империю. Свидетельство тому, сообщение польского хрониста XVI в. Стрыйковского, который, имея в виду события конца X в., утверждал, что Владимир «собрал большое войско, с которым, переправившись через Дунай, подчинил земли Болгарскую, Сербскую, Хорватскую, Семиградскую, Вятницкую, Ятвяжскую, Дулебскую, и те земли, где теперь волохи, мултаны и татары добручские, и всех их привел в послушание одним походом и возложил на них дань, которую они раньше давали царям греческим». Неясно, из каких источников заимствовал польский хронист эти сведения, представляющиеся фантастическими. Наиболее вероятным источником являются более ранние польские хроники, использующие летописные записи Галицко-Волынской Руси. И соединены в этом перечислении те земли, на которые киевский князь действительно совершал походы (карпатские хорваты и дулебы, ятвяги, вятичи, прикарпатское Семиградье), и те, которые сохраняли название «Руссия» еще и в XVI столетии.

По существу, *первым русским князем, попытавшимся для укрепления собственного положения опереться на помощь Византии, стал Ярослав*. Очевидно, не случайно в 1018 г., когда из Киева бежал Болеслав Польский, вместе с ним в Польшу бежал

и Анастас Корсунянин, настоятель Десятинной церкви, построенной Владимиром. Ярослав же, заняв киевский стол, начал искать контакты с византийским духовенством, во имя чего был заложен, по аналогии с Константинополем, Софийский собор. Именно при Ярославе в Киевской Руси была создана *первая митрополия*, подчиненная Константинополю (1037 г.). Отношения с Византией, однако, складывались трудно. Вскоре после учреждения митрополии последовал разрыв с Византией, и в 1043 г. состоялся последний поход Руси с наемными варягами (на сей раз, видимо, норманнами) на Константинополь, закончившийся трагически. Разрыв продолжался до начала 50-х гг. XI в., когда браком Всеволода с дочерью Константина Мономаха было достигнуто определенное примирение. Но отчужденность будет проявляться и позднее. В частности, это выразится в установлении на Руси праздника в честь перенесения мощей Николая Мирликийского («Николы вешнего», 9 мая), который в Византии не признавали, потому что он был установлен в римской церкви и связан с кражей норманнами мощей святого из пределов Византийской империи. Более с Западом, чем с Константинополем, сближал Русь и особый культ Климента папы римского, который поддерживался Десятинной церковью. Интересен и еще один факт — вплоть до конца XIV в. в русские месяцесловы не включали имена вновь канонизированных византийских святых.

§ 2. ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ХАРАКТЕР РАННЕГО ДРЕВНЕРУССКОГО ХРИСТИАНСТВА

Крещение Руси — это крупная научная проблема, до сих пор остающаяся актуальной в исторической науке. Трудность решения этой проблемы заключается в том, что уже в древности существовали и боролись между собой различные версии Крещения. Так, в «Повести временных лет», рассказывая о крещении Владимира в Корсуне, летописец довольно жестко спорит с какими-то анонимными оппонентами: «Се же не сведуще право глаголють, яко крестился есть в Киеве, инии же реша — в Василеве, друзии же инако скажутъ». И исследователи вслед за летописцем и его оппонентами заспорили: где крестился Владимир? В Корсуне, в Киеве, в Василеве? Или где-то

еще? Чаще всего ученые искали однозначный ответ. Однако решение этого вопроса лежит на другом пути — *необходимо понять причину такой странной разноголосицы древнерусских летописцев.*

Еще одно заблуждение состоит в том, что в самом христианстве в X—XI вв. видят противоречия лишь между *византийской* и *римско-католической* церквями. На самом деле и в Западной Европе, и на Востоке существовало множество *различных толкований* христианского вероучения и, как следствие, множество *различных общин и церквей*. Различия эти были иногда явными (например, какие-то учения объявлялись еретическими), но в других случаях очень тонкими, *выражавшимися в определенных предпочтениях* — тех или иных святых, тех или иных книг, богословских трактовок, нравственных принципов. Сложность понимания раннего древнерусского христианства заключена и в том, что более поздние летописцы или переписчики книг редактировали составляемые или переписываемые ими тексты в интересах официального учения. Впрочем, это им далеко не всегда удавалось, поэтому в древнерусских рукописях, в частности в «Повести временных лет», сохранились, накладываясь друг на друга, разные толкования христианского вероучения. Как уже говорилось, одним из свидетельств подобного положения является наличие в русских летописях различных космических эр. Следовательно, сами летописцы ориентировались на какие-то противоположные и так или иначе противоборствующие трактовки христианства.

Одно время в исторической науке почти так же однозначно решался и вопрос о путях проникновения христианства на Русь — признавалось, что христианство было принято из Византии. Позднее эта позиция была подвергнута критике, и появились иные версии: помимо Византии, в качестве источника древнерусского христианства называли Болгарию, Моравию, Рим, Хазарию. И при всем разнообразии вариантов опять же считалось, что христианство пришло в Киевскую Русь из какого-то одного источника. Высказывалась (М.Н. Тихомировым) и мысль о возможных перекрещиваниях Владимира по каким-то политическим соображениям. Но и в этом случае необходимо изменить сам подход — за разными чертами раннего древнерусского христианства *необходимо видеть интересы различных христианских общин, существовавших в то время и в Киевской Руси, и на Востоке, и на Западе.*

В свое время Ф. Энгельс назвал христианство первой возможной мировой религией, поскольку она обращалась ко всем народам и сословиям как равноценным и равным перед Богом. Он отметил также «революционный» характер новой религии в силу явного осуждения социальной несправедливости, заложенной во многих верованиях и, в частности, в отвергнувшемся христианством рабовладельческом Ветхом Завете.

Христианство, как уже говорилось, изначально распалось на множество течений, различно решающих и нравственно-идеологические и структурно-организационные вопросы. Стоит напомнить, что с IV в. только патриаршества в христианском мире существовало **пять**: *александрийское, антиохийское, иерусалимское, константинопольское и римское*. Кроме того, в конце X — начале XI в. (до 1018 г.) в Болгарии было и самостоятельное *охридское патриаршество* (с центром в г. Охриде).

И когда в IV столетии на Востоке и на Западе христианство становится господствующей религией, возникают неизбежные споры (в частности, христологические) и складываются направления, дожившие до эпохи христианизации Киевской Руси. Например, для Востока в целом характерно мистико-созерцательное отношение к новой вере, для Запада — рационалистическое (хотя в ирландском христианстве западный прагматизм уживался с восточной мистикой).

Именно на Западе, где на основе кровнородственной общины рано проявился *культ индивидуализма и иерархии*, римская церковь изначально акцентировала внимание на структурно-иерархических проблемах. В римской церкви восторжествовал принцип полного размежевания мирян и священства, а многоступенчатая структура священства претендовала и на исключительное право общения с Богом, и на материальные, и на политические привилегии, вплоть до признания власти папы выше императорской. В этом плане показательна ожесточенность спора в начале V в., когда *ирландец Пелагий* (ум. 418 г.) выступил по существу с отрицанием необходимости иерархии вообще, а от верующих требовал прежде всего свершения «добрых дел», т. е. соблюдения нравственных норм христианства. *Аврелий Августин* (ум. в 430 г.), фактический основоположник католичества и автор учения о Церкви, обрушился на Пелагия как на самого опасного еретика.

Но христианство нигде не вытесняло до конца старые языческие верования, сохраняя их достоинства и пороки. Более того, именно старые языческие верования наложили значительный отпечаток на форму христианства у того или иного народа, стали одной из причин специфических черт того или иного варианта христианства. Это явление так или иначе проявилось и в христологических спорах IV—V вв., отзвуки которых будут сохраняться еще почти тысячелетие.

Предметом этих христологических споров стало понимание сущности *Символа веры* — взаимоотношений ипостасей Святой Троицы: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого. Часть христиан признавало их полное отождествление, что делало бессмысленным и само понятие — Троица, поэтому это учение, названное «монархианством», было осуждено как ересь. Другой крайностью, также обесмысливающей понятие Троицы, стало учение патриарха Константинопольского *Нестория* (V в.) — отрицалась богочеловеческая природа Христа и Бог-Сын считался только человеком. Нестория осудили как еретика, но его учение («несторианство») получит широкое распространение в Азии (в частности, у степных народов, ведущих кочевой образ жизни), а в Испании в IX в. эта ересь приняла и более радикальные формы: «адопциане» не считали Христа Сыном Божиим, а лишь усыновленным.

Самый ожесточенный спор разразился в начале IV в. Основными оппонентами стали *Афанасий Великий* (295—373) и священник *Арий* (256—336). Афанасий Великий полагал, что Символ веры — это великое божественное таинство, потому «единосущность» Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого в Святой Троице должно приниматься на веру без попыток рационального осмысления. Арий оспорил это мнение и стал искать как раз рационального толкования Святой Троицы в духе поздней эллинистической философии, стремясь определить соподчиненность Бога-Отца и Бога-Сына. Арий утверждал, что Бог-Сын не «единосущен» Богу-Отцу, а «подобосущен» Ему. Кроме того, Арий отрицал и «безначальность» Бога-Сына, т. е. существование Его в Боге-Отце до Своего рождения.

На Никейском соборе (325 г.) Ария осудили как еретика и выслали с некоторыми его приверженцами в Иллирию. Но борьба между «арианами» и «афанасьевцами» будет продолжаться с переменными успехами весь IV в. и породит разные промежуточные Символы веры. Только в 381 г. последует окончательное осуждение *арианства* на Константинопольском (Цареградском) соборе. В утвержденном на этом соборе Никео-Цареградском Символе веры Троица признается «единосущной», но при этом было установлено, что Дух Святой может исходить только от Бога-Отца.

Позднее именно пункт об исхождении Духа Святого станет главным догматическим расхождением между Западом и Востоком, между право-

славной и римско-католической церквями. В 787 г. император Карл Великий предъявил Риму своеобразный ультиматум, требуя прежде всего дополнения к Символу веры — введения в него пункта о том, что Дух Святой исходит не только от Бога-Отца, но «и от Сына» (на латыни выражение «и от Сына» звучит как «филиокве»). Римская церковь не пошла тогда на официальное утверждение дополненного Символа веры, ибо это означало не только догматический, но и церковно-политический разрыв с восточными патриаршествами. Но Карл Великий на соборе в Аахене в 809 г. ввел употребление понятия «филиокве» в Символе веры на территории своей империи. Окончательное же утверждение нового Символа веры в римско-католической церкви последовало в 1006 г.

Причиной столь явной нетерпимости Карла Великого был тот факт, что в подчиненных ему областях Испании и Подунавья было широко распространено арианство, и он видел в Никео-Цареградском Символе веры уступку арианам. *Иллирия*, куда был некогда сослан Арий, и в самом деле стала своеобразным центром арианства в Западной Европе на много столетий. Арианами были почти все племена, принявшие христианство в эпоху Великого переселения народов: готы, вандалы, лангобарды. Особенно важно в данном случае, что *арианами были руги из Ругиланда*, занимавшие северную часть бывшей римской провинции Норик и позднее рассеянные по территории Великой Моравии, где их обычно называли «русами».

Христианство у *подунайских славян* начинает распространяться в основном с VIII в. В IX в., когда моравский князь Ростислав обратился в Константинополь с просьбой прислать «учителей», князь, согласно Житию Мефодия, пояснил: «Пришли к нам учителя многие христиане от влах и из грек, и из немец, и учат нас различно. А мы, словене, люди простые, и нет у нас такого, кто наставил бы нас истине и просветил разум». Само обращение Ростислава (по летописи, также Святополка и Коцела) в Константинополь объяснялось противостоянием стремлению немецкого духовенства из Баварии утвердить здесь свое нераздельное господство. Под «влахами» в его обращении может разуметься римская церковь, хотя могла идти речь и о готах-арианах (Влахией называлась северная, т. е. готская Италия). Но вот под «греками» здесь разумелись совсем не византийцы, а *ирландские миссионеры*, которых часто называли «греками» потому, что они в богослужении отдавали предпочтение греческому языку перед латинским и вообще тяготели более к древней восточной церкви.

Ирландско-британская церковь представляла собой отдельную организацию внутри христианской церкви, не сводимую по

своим принципам ни к восточной, ни к западной. Ирландско-британская церковь вообще более тяготела к единой древней восточной церкви, в частности в ней сохранялся Никео-Цареградский Символ веры. Ирландские миссионеры после взаимоистребительных схваток варварских племен эпохи Великого переселения народов оживляют христианские общины там, где им не удалось уцелеть в годы гуннского владычества. Они появляются в Галлии, Германии, даже на территории Северной Италии возникают их монастыри. Везде ирландские миссионеры пользуются большим уважением среди местного населения, поскольку в обязанность монахам вменялось помогать тем же крестьянам, а не жить за их счет, как это будет практиковать позднее католическая церковь. К тому же ирландские монахи всюду вводили богослужение на родном языке, и у них обычно был готов запас алфавитов для разных языков (по некоторым сведениям, у них было двести заранее заготовленных алфавитов для бесписьменных народов). Видимо, серьезное влияние имели ирландские миссионеры и на территориях Великой Моравии.

С точки зрения организационной структуры это была именно монастырская церковь (в Австрии, например, все монастыри созданы ирландскими миссионерами). Аббат монастыря в иерархии ирландской церкви стоял выше, нежели епископ, а епископы обычно наследовали должность от отца к старшему сыну. С проявлением этих особенностей мы встретимся и на Руси.

* * *

Процесс Крещения Руси нельзя рассматривать в однозначном ключе, стремясь найти только один источник проникновения христианства в Киевскую Русь. Процесс этот был намного сложнее, что и нашло отражение в «Повести временных лет».

Сложный состав летописного рассказа о крещении Владимира достаточно очевиден, хотя привычка считать летопись сочинением одного летописца (обычно Нестора) мешала пониманию значения этого факта. Рассказ рассредоточен между 986—988 гг., если ориентироваться на константинопольскую космическую эру (5508 лет от Сотворения мира до Рождества Христова). Но под тем же 986 г. дана «Речь философа», в которой прямо обозначена антиохийская космическая эра (5500 лет). К тому же «Речь» известна и вне летописи. Вне летописи имеется и *Сказание о крещении Владимира в Корсуне* (Корсунское сказание).

Одно из серьезных противоречий древнерусских сведений о Крещении Руси — воспроизведение **арианского Символа веры** в трех памятниках: «*Повести временных лет*», в *Новгородской Первой летописи младшего извода*, а также в особом внелетописном памятнике, так называемом «*Написании о вере*». Причем, что особенно существенно, арианский Символ веры приводится в связи с Корсунским сказанием.

Арианский символ веры в летописи смущал уже историков церкви в XIX в., а П. Заболотский в начале XX столетия убедительно разъяснил арианское понимание символа. С ним готовы были согласиться Н.К. Никольский и А.А. Шахматов, но некий П.И. Потапов, не имевший и сотой доли знаний того и другого, резко возразил, приведя всего лишь один аргумент: Владимир Святой не может быть арианином. Ныне подобное повторил Е.М. Верещагин, цитирующий в доказательство не реальные летописные тексты, а «реконструкцию» А.А. Шахматова, где текст произвольно изменен в угоду тем, кого смущала система организации раннего христианства (у ариан епископы избирались, а не назначались сверху). Другие исследователи (например, А.Ю. Карпов) не придают этому Символу веры серьезного значения, считая, что или позднейший переписчик текстов не понимал, о чем идет речь, или же вообще признавая позднее включение этого фрагмента в текст летописи. На самом деле Символ веры — самый главный догмат христианства, в котором ни один христианин не имел права ошибаться, иначе он считался бы еретиком. *Поэтому арианский Символ веры в древнерусских текстах, рассказывающих о Крещении Руси, — реальный факт, требующий объяснения.*

Сам рассказ об «испытании вер» тоже не составляет цельного текста, и он явно позднее редактировался в чьих-то интересах. А в другом памятнике XI в. — «*Памяти и похвале Владимиру*», написанном *Иаковом-мнихом*, и чисто фактическая канва событий представлена иначе, нежели в дошедшей до нас летописи. Иными словами, в источниках сохранились следы различных толкований самой новой веры, а спор о месте крещения Владимира — стремление монополизировать имя авторитетного князя уже более или менее значительное время спустя после его кончины. Что касается различий в датах Крещения, то они могут вести и к разным космическим эрам и стилям летосчисления, и также указывать на определенные культурные традиции и контакты.

Подобные противоречия в древнерусских памятниках свидетельствуют об одном важном факте — **в X—XI вв. в Киевской Руси сосуществовали разные христианские общины, так или иначе соперничавшие между собой**. Иначе говоря, раннее древнерусское христианство не было однородным и имело разные истоки своего формирования. О разных истоках христианства свидетельствует и смешение в летописях разных космических эр: как уже говорилось наряду с константинопольской, утвердившейся довольно поздно, употреблялась антиохийская, старовизантийская или близкая к ней эра Ипполита, болгарская. Кроме того, также вплоть до второй половины XI в. сохранялся и традиционный счет поколениями и годами правления отдельных князей, восходящий, видимо, к языческой традиции. Следовательно, понять существенные расхождения в летописном рассказе о Крещении Руси можно лишь на фоне реально существовавших прочтений христианства разными общинами. Причем, что очень важно, некоторые из этих общин оставались вообще за пределами подчинения какому-то из существовавших тогда патриаршеств.

Признание факта наличия в Киевской Руси разных христианских общин необходимо связывает проблему Крещения Руси с проблемой происхождения и этнической принадлежности народов с именем «русь». Существование разных христианских общин уже предполагается сведениями о нескольких крещениях Руси, или росов: крещение при патриархе Фотии около 867 г., крещение при патриархе Игнатии (ум. 879 г.), крещение княгини Ольги, различно датируемое источниками, и, наконец, крещение Владимира Святославича. Правда, когда источники XVI—XVII вв. говорили о нескольких крещениях Руси, они знали только одну Русь — Московскую, и потому разновременные крещения привязывались к одной и той же территории и получалось, что Киевская Русь принимала христианство несколько раз. Но росы, обрушившиеся в 860 г. на Византию (а именно они, согласно Фотию, пожелали принять крещение), явно были выходцами из *Руси Причерноморской* (Восточный Крым и Таманский полуостров). Что касается русов, крещенных Игнатием (об этом упоминают Константин Багрянородный и в иной редакции под 886 г. автор XVI в. Бароний), то речь, скорее всего, идет об *иной группе русов*, может быть, нижнедунайских, где «русские» города, как говорилось, упоминаются еще в конце XIV в.

В то же время точно известно, что часть *подунайских рогов-русов* из Ругиланда еще в V в. приняла христианство в форме арианства, а другая часть сохранила язычество. В V в., когда рушилась гуннская держава на Дунае, руги оказались расколотыми. Причем размежевание, по-видимому, проходило именно по религиозному признаку: христиане и язычники. Позднее руги-язычники, оказавшись в зоне влияния Византии в Причерноморье, а также после перехода на службу Византии, принимали крещение. Но обязательным это не было, и потому руги-русы в низовьях Дуная, служившие Константинополю в качестве федератов еще с конца V в., оставались язычниками, видимо, до IX столетия. Это весьма вероятно, в частности, в отношении тех, кто служил в качестве наемников в самом Константинополе.

Русы-христиане оказались на территории будущей Великой Моравии. Как уже говорилось, в Моравии христианство начинает утверждаться с VIII в. И большую роль в этом сыграли именно руги-русы. *Причем в Моравии руги-русы выступили в качестве христианских просветителей тамошних славян.* Недаром именно «русские бояре» фигурируют в позднейшей традиции в качестве крестителей славянских князей, и даже Мефодия чешская хроника Далимила (начало XIV в.) называет «*русином*» (очевидно, имея в виду религиозную ориентацию подунайских «русов»). Но эти руги-русы по своей вере были *приверженцами арианства.*

Вопрос о том, что именно проповедовали в Моравии Кирилл и Мефодий, не вполне ясен, тем более что в византийских источниках нет никаких данных ни о посольстве Ростислава, ни об отправлении братьев-учителей в ответ на просьбу. А Жития Кирилла и Мефодия рисуют не вполне одинаковую картину. Правда, Кирилл смог отдать просветительской деятельности всего несколько лет: в 868 г. братьям пришлось появиться в Риме. Кирилл получил самые лестные характеристики римских богословов, но уже в следующем году он скончался и был похоронен в Риме в церкви св. Климента, для культа которого он много сделал еще в свою крымскую дипломатическую поездку 861 г. Мефодий добивался от Рима утверждения себя в качестве моравского архиепископа, и Рим вроде бы не возражал. Однако сопротивление немецкого духовенства долго не позволяло ему приступить к исполнению архиерейских обязанностей (братья до этого не могли посвящать в священство и «учили» как чистые «просветители»).

Сегодня признается, что Кирилл и Мефодий, учитывая особенности славянского мировосприятия и наличие в Великой Моравии разных христианских общин, разработали вариант христианского учения, позднее названный *кирилло-мефодиевской традицией*.

Кирилло-мефодиевская традиция — это особое течение в христианстве, которое учитывает своеобразие славянского мировоззрения и совмещает в себе черты различных христианских учений.

Кирилло-мефодиевская традиция известна нам сегодня лишь фрагментарно, тем не менее можно выделить некоторые ее характерные черты. Прежде всего она сориентирована на раннее, единое христианство как идеальную форму христианской церкви и веры вообще. Идея единства церкви была крайне важна для Кирилла и Мефодия, ибо им приходилось учитывать реальное положение дел с христианской верой в мире славянских народов в конце IX в. Поэтому в своем учении они стремились примирить между собой различные христианские общины как организационно, так и на уровне вероисповедания и принципов богослужения.

Именно идеи единства церквей, равенства всех народов и веротерпимости были главными в кирилло-мефодиевской традиции. Особенно это проявилось в разработке Кириллом и Мефодием славянского церковного лексикона и правил богослужения, которые совмещали черты разных церквей — и восточной, и западной, и ирландской, и даже арианской. Вероисповедную основу кирилло-мефодиевской традиции составляло православное учение, однако более светлое и оптимистичное, чем на Востоке, соответствующее коренным устоям славянского мировосприятия. Но сама кирилло-мефодиевская традиция не была детально разработана и даже не претендовала на то, чтобы стать отдельной церковной организацией. Тем не менее она оказала значительное влияние на восприятие славянами самой сути христианского учения, была очень популярна среди славянских народов. Когда в 886 г. учеников Кирилла и Мефодия изгнали из Великой Моравии, они продолжили просвещение славян в Сербии, Хорватии и особенно в Болгарии.

Правда, Кирилл и Мефодий трактовали основы христианства не вполне идентично. Что касается воззрений Мефодия, то здесь необходимо принять во внимание важный факт — оппоненты Мефодия постоянно будут обвинять его в склонности к

арианству. Для такого обвинения основания, видимо, были: *и сам он, и моравские русы-ариане выступали против навязываемой в Моравии церковной иерархии*. У ариан, верных традициям родовой и общинной демократии, церковная иерархия отсутствовала, и поэтому епископы не назначались, а обычно избирались в общине. Доводы Мефодия строились на иной основе — *он стремился утверждать в своей деятельности идеалы ранней христианской церкви, в которой епископы также избирались членами христианской общины*. Но принцип избранности епископов и отрицательное отношение к церковной иерархии сближали позиции русов-ариан и Мефодия. Именно за это и Мефодий, и моравские русы-ариане подвергались жестокому преследованиям со стороны немецкого духовенства, причем борьба принимала самые ожесточенные формы.

Еще одним свидетельством влияния моравского христианства на христианство Киевской Руси является приведенная в «Речи философа» дата, указывающая на антиохийскую космическую эру. «Антиохийская школа» в богословии противостояла александрийской и отчасти константинопольской, сближаясь в ряде случаев с арианством. Влияние антиохийской школы было особенно заметным как раз на *Балканах* и в *Подунавье*, т.е. в славянских землях и землях рогов-русов. И из всех направлений в христианстве именно эта школа наиболее естественно накладывалась на специфическое славянское язычество, дававшее большую свободу верующим.

Доказательство принадлежности русов-христиан в Киеве в середине X в. именно к выходцам из Великой Моравии нашли археологи. Перед специалистами давно стояла загадка появления в Поднепровье могильников с трупоположениями, тогда как у славян-язычников всюду удерживалось трупосожжение. Признать эти могильники христианскими мешало обычное языческое сопровождение умерших: оружие, конь, иногда рабыня. До недавнего времени высказывались предположения, что это и есть варяги-шведы, пришедшие с Олегом. Но антропологические исследования (прежде всего, Т.И. Алексеевой) показали, что от германцев погребенные отстоят дальше, чем любая группа славян, да и нет среди них погребений IX в., а самые ранние относятся ко времени княжения Игоря. И как открытие явилась небольшая статья С.С. Ширинского: *именно таковы захоронения на христианских кладбищах Моравии*. Этот материал использован Б.А. Рыбаковым в книге о язычестве

Древней Руси как свидетельство двоеверия первых киевских христиан. Но, очевидно, не менее важно установить, когда произошло переселение значительной группы моравских христиан на Днепр.

В договоре Олега с греками (911 г.) с собственно киевской стороны христиане не представлены, и по тексту «русские» и «христиане» постоянно противопоставляются. Нет и никаких намеков на борьбу язычников и христиан в Киеве. Следовательно, христианская община появилась в Киеве позднее.

Возможно ответ содержится в материале, извлеченном из *богемских хроник* в конце XVIII в. Христианом Фризе (об этом говорилось в предыдущей главе). В соответствии с богемскими хрониками определяется дата — **30-е гг. X в.** (точнее — **935 г.**), время правления князя Игоря. Именно в это время из Подунавья в Киевскую Русь вернулся Олег Олегович — сын Олега Вещего. Напомним, что еще в Моравии Олег Олегович принял христианство, и не случайно виднейший антинорманист прошлого столетия С. Гедеонов не без удивления обнаружил имя «Олег» в раннем чешском именованье. Естественно, что с Олегом пришла и большая группа моравских русов-христиан, создавших в Киеве свою общину вокруг церкви Св. Ильи. О существовании христианской общины в Киеве при князе Игоре сообщает и договор Игоря с греками (944 г.): в нем названа в Киеве *церковь Святого Ильи*, а дружинники клянутся по-разному: одни — своими языческими богами, а другие — христианским Богом. При этом язычники и христиане выступают как вполне равнозначные и взаимотерпимые составные части в дружине князя Игоря.

В **конце 50-х гг. X в.** (летопись указывает дату **959 г.**) в Византии приняла крещение княгиня Ольга. Но уже в 961—962 гг. по ее просьбе в Киев прибыли *немецкие* миссионеры во главе с «епископом русским» Адальбертом. Следовательно, Ольга не собиралась подчиняться Византии в церковном отношении, а искала иные формы церковной организации. Интересно, что в западных источниках сама Ольга называется «королевой ругов Еленой» (Елена — христианское имя Ольги). Однако немецкая миссия была изгнана киевлянами. И, скорее всего, изгнание Адальберта осуществили именно русы-христиане из Моравии.

Моравская община, конечно, не могла принять епископа из Германии. На протяжении всего IX в. немецкое духовенство, осуждая «грубое христианство моравов» на своих церковных со-

борах, стремилось утвердить в Моравии свое господство. И примерно в то же время, когда Киев отказался принять епископа из Германии, в 967 г. папа римский Иоанн XIII специальной буллой, разрешавшей учреждение пражского епископства, запретил привлечение священников из русского и болгарского народов и богослужение на славянском языке. «Русским народом» в данном случае, как и во многих других, названы славянизированные руги. В то же время русский летописец, писавший вероятно в конце X в., именно переселенцев середины столетия имел в виду, когда настаивал на том, что славяне и русы пришли из Норика (т. е. Ругиланда).

В дальнейшем, до времени крещения Владимира, Русь, похоже пережила немало резких всплесков религиозных споров. Так, Владимир шел в Киев, опираясь явно на языческие общины. Попытка реформы язычества путем создания пантеона языческих богов, предпринятая Владимиром в начале своего княжения, очевидно, предполагала создание заслона против христианства (хотя суть реформы все-таки пока не вполне ясна, поскольку неясны принципы, которые легли в основу создаваемого пантеона). Расправа с двумя варягами-христианами в 983 г., совпавшая по времени с антихристианским восстанием на южном берегу Балтики, явилась первым открытым выступлением язычников против христиан, и погибшие отец и сын варяги стали первыми на Руси христианскими мучениками.

Помимо русов-ариан из Великой Моравии, какой-то след в раннем древнерусском христианстве оставили и *варяги*. В летописи, в качестве комментария к договору Игоря с греками, позднейшим летописцем сказано, будто это варяги, пришедшие из Византии. Но варяжская дружина в Константинополе появится несколькими десятилетиями позднее. Зато по Волго-Балтийскому пути с Южного берега Балтики сюда могли идти и язычники, и христиане, поскольку там христианство начинает распространяться уже с конца VIII в., а первые христиане время от времени изгонялись язычниками. В XI в. Адам Бременский заметит, что балтийские славяне готовы были терпеть из христиан только «греков». Но это те «греки», о которых выше шла речь — ирландские миссионеры. Германских же миссионеров здесь не принимали — с ними в земли балтийских славян шли угнетение и ограбление.

В летописи отложился (впрочем, очень глухо) этот аспект противостояния в ходе процесса христианизации Руси: «*варяж-*

ский» и «антиваряжский». Острота противостояния проявилась уже вокруг вопроса, кого считать первыми святыми мучениками: убитых в 983 г. отца и сына варягов или же, как на этом настаивали во второй половине XI в., Бориса и Глеба. Из «Повести временных лет» многие сюжеты, связанные с варягами, исчезли вообще. Но в недошедшем до нас «Летописце старом Ростовском» «варягам» отводилась значительная роль и в христианизации, и в политической жизни страны.

В целом на Севере вдоль Волго-Балтийского пути противостояние разных религиозных общин было более острым и жестким. На Южном берегу Балтики и язычники, и христиане были менее терпимыми по отношению друг к другу и в силу большей организованности язычества (наличие жреческих каст), и благодаря откровенно корыстному характеру христианизации по германо-католическому сценарию. Славяне и славянизированные племена неоднократно восставали и разрушали христианские храмы. Большое восстание 983 г. привело к ликвидации христианских общин на большей части Южного берега Балтики, и, скажем, поморяне были окрещены лишь в 20-е гг. XII столетия.

А вот «хазарская» версия Крещения Руси — следствие недоразумения. В популярном издании «Повести временных лет» 1950 г. урочище «Козаре», близ которого размещалась упоминаемая в связи с договором Игоря церковь Ильи, было произвольно заменено понятием «хазары-христиане». Но последователей у этой «поправки» оказалось немало даже из числа серьезных исследователей вроде М.И. Артамонова.

* * *

В свете изложенного попробуем внимательней присмотреться к летописному рассказу о Крещении Руси с целью определения симпатий и возможных контактов летописцев, приверженцев разных версий. Сам рассказ вводится под 986 г. (если ориентироваться на константинопольскую космическую эру, что не обязательно). Без введений и предисловий летописец рассказывает о посольствах к Владимиру мусульман из Волжской Булгарии, иудеев из Хазарии и христиан из Рима и Византии с предложением переменить веру.

В летописи явно накладываются разные редакции в оценке Владимира. Один летописец фривольно, без тени благочестия и с нескрываемой иронией говорит о колебаниях Владимира:

князю было «сладко» слушать *послов-мусульман*, «бе бо сам любя жены и блуженье многое». И ранее, под 980 г., летопись сообщает о блудной жизни Владимира. Но если в основном тексте статьи 980 г. Владимир за приверженность к «блуду» явно осуждается, представляется насильником, то затем в этой же статье вина вроде бы переносится на самих женщин — они соблазняли князя своими прелестями, как и библейского Соломона. Следовательно, какой-то ранний летописец князя достаточно резко осуждал, но другой, более поздний, взял его под защиту.

Соблазны мусульман Владимир отверг, но его аргументы не выходили дальше бытового уровня и никак не были связаны с богословскими вопросами: Владимиру «бе нелюбю обрезанье удов и о неяденьи мяс свиных, а о питыи отнудь рька: «Руси есть веселие питье, не можем бес того быти».

Послы от «*немцев*» «от папежа» (папы римского) будто читали летописный текст или получили информацию о реакции князя. На вопрос «Како заповедь ваша?» послы успокаивают: «Пошение по силе, аще кто пьет или ясть, то все во славу Божью, рече учитель наш Павел». Снова лишь бытового аспекта и ничего по существу вероучения. Ссылка же на Павла косвенно указывает, какие территории представляют эти послы: Павел считался просветителем славян, входивших в смежные с Римом области и формально подчиненных ему.

У Владимира против таких доводов аргументов не нашлось: он отослал назад «*немцев*», ссылаясь на то, что ранее «отци наши сего не прияли суть». Очевидно, в данном случае имеется в виду изгнание «*миссии Адальберта*» в 961 — 962 гг.

Прослышав о неудаче мусульман и немцев, к Владимиру прибыли *хазарские иудеи*. Собственно Хазария в конце X в. уже не представляла сколько-нибудь значимого политического образования. Но иудейские общины (видимо, караимского толка) существовали в Крыму, Поволжье, да и в самом Киеве. Соблазнять Владимира им и вовсе было нечем, а иудейский «закон» сводился к запретам: «обрезатися, свинини не ясти, ни заячины, суботу хранити». Владимир оказался тонким полемистом, вынудив иудеев на признание, что Бог разгневался на их предков и расточил за грехи по разным странам, а затем прочитал и вполне понятную мораль: «Како вы инех учите, а сами отвержены от Бога и расточены? Аще бы Бог любил вас и закон ваш, то не бысте расточены по чужим землям. Егда нам то же мыслите прияти?»

Далее в летописи следует явно разрывающая первоначальный текст «Речь философа», представляющая явную вставку в летописный текст. Она написана иным языком, из нее исчезает иронический настрой первого летописца-прагматика. «Речь философа» в основном посвящена изложению ветхозаветной истории, причем эта история излагается с отклонениями от канонических текстов Библии. Так, вопреки библейскому тексту подчеркивается роль сатаны, что в известной мере сближает «Речь» с богомильской ересью, широко распространенной на Балканах, в особенности в Болгарии. В самом языке «Речи» А.С. Львов находит следы моравизмов и болгаризмов, т. е. «Речь философа» была занесена на Русь из Моравии через Болгарию и именно из моравско-болгарских источников попала в летопись.

Интересны оценки разных религий в этой «Речи». Так, мусульманство в этом тексте лишается и тех немногих реальных черт, которые отразились в беседе князя с болгарскими послами, в частности поклонникам «Бохмита» (Магомета) приписываются такие пороки, которые должны были вызвать чувство брезгливости.

По отношению к Риму в «Речи» проявляется лишь одна явная претензия, касающаяся формы причастия: осуждается причащение пресным хлебом («опресноками»). Позднее, именно спор об «опресноках» привел к окончательному разрыву Западной и Восточной церквей в 1054 г. Но самый текст «Речи», ориентированный, как было сказано выше, на антиохийское летоисчисление, появился, видимо, еще до того, как Рим включил в Символ веры «филиокве», т. е. до 1006 г.

Примечательно, что ниже под 988 г. в летописи «латинянам» предъявляется совсем иной перечень претензий. Их упрекают в непочитании икон и неуважении к символу креста. Летописец утверждает, будто католики рисуют крест на земле, целуют его, а затем попирают его, становясь на ноги, целовать же положено лишь «крест поставлен». Латиняне обвиняются и в том, будто они «землю глаголють материю». На самом деле ничего подобного в ортодоксальном католичестве нет. Но возможно, что летописец принимал за «латинство» какую-то общину в Киеве, сохранявшую языческие обычаи, может быть, вроде тех же христиан Моравии, хоронивших покойников по языческому обряду.

Противоречие в статье 988 г. наблюдается и в странных претензиях к семейному положению католических священников:

«ови бо попове одиною женою оженивсья служат, а друзии до 7-ми жен поймаючи служить». Речь явно идет о разных общинах, причем «католическими» и «латинскими» признаются все варианты христианства, шедшие с Запада. Как раз в XI в., когда писал этот летописец, резко обострилась борьба вокруг принципа celibата (ирландская церковь его не принимала и поводом для разгрома ирландских монастырей в 80-е гг., к чему призывал папа Григорий VII, были случаи нарушения celibата даже монахами, поскольку часто монахи и в монастырях жили со своими бывшими семьями). К какой общине относится пассаж о «семи женах» сказать трудно из-за практической неизученности всего многообразия прочтений и наставлений христианства, равно как и из-за разнообразия языческих верований, обычно влиявших на обрядовую и не только обрядовую форму вновь принимаемого вероучения. Многоженство, в частности, сохранялось на норманском Севере, и христианство вообще практически не изменило быта норманнов, что отчетливо проявлялось в сагах, записанных уже в конце XII или в XIII в.

Более всего, по летописи, осуждается практика римской церкви «*прощения грехов на дару*», т.е. *отпущение грехов за плату*, возможное в трактовке принятого Римом вероучения. Но «*прощение на дару*» было и в ирландской церкви. Здесь как бы отражалась характерная для Запада в целом прагматичность, притягивавшая разные христианские общины там к «*Закону*» (Ветхому Завету), а не к «*Благодати*» (Новому Завету). Но у ирландцев не было ничего похожего на индульгенции, столь явно несовместимые с основными принципами христианства.

В летописной статье 988 г. «развращение» римской церкви связывается с именем *папы Петра Гугнивого*, который якобы пришел в Рим после 787 г., т.е. после последнего Седьмого собора, признававшегося и Востоком, и Западом (кроме Франкской империи). Легенда эта опять-таки зародилась где-то в славянских областях, ведших борьбу с германским и римским наступлением, но независимо от Константинополя.

Как видно, в «*Речи философа*» и в летописной статье 988 г. по-разному понимается и за разные грехи осуждается католичество.

Один из виднейших исследователей русских летописей, в том числе и рассказа о Крещении Руси, А.А. Шахматов полагал, что именно «*Речь философа*» должна была убедить князя

принять крещение по византийскому обряду — иначе не было смысла и вставлять ее в летописный текст. Но, как было отмечено, в «Речи философа» прослеживается вовсе не византийское православие. Весьма вероятно (даже очевидно), что *община, из недр которой «Речь» попала в летопись, пыталась приписать себе заслугу крещения Владимира, причем именно в 986 г.* Однако какого-то летописца, писавшего позднее, такая версия не устраивала, и он, не устраняя «Речи» из летописи, предложил читателям совсем иную, почти детективную историю. Поэтому вместо ожидаемого решения князя, кажется убежденного демонстрацией картины Страшного суда, следует фраза: «Пожду и еще мало».

В летописную ткань вводится очередной 987 г. Князь созывает бояр и старцев градских, т. е. тех, кто, согласно той же летописи, собирались в гриднице на пиры «при князе и без князя». В данном же случае ситуация представлена так, что бояре и старцы градские вроде бы ничего и не знали о посольствах представителей разных вер, — они узнают об этом из уст князя Владимира, который сообщает приглашенным о посольствах болгар, немцев, иудеев и греков (в данном случае «греки» названы во множественном числе). Владимир рассказывает и о впечатлении, произведенном на него «Речью философа». Причем Владимир говорит о том, что более всего его поразило рассуждение «философа» о «другом свете». Но дело в том, что в тексте «Речи» этого рассуждения *как раз и не было*. Не исключено, что «Речь» кто-то сокращал, убирая откровенно богомильские черты противостояния Бога и сатаны.

Совет бояр принял решение о направлении посольства из 10 человек в Волжскую Булгарию, в «немци», а затем в Царьград. В летописи эти посольства также описаны с бытовой, внешней стороны. В Булгарии послы увидели лишь «скверные дела и кланянье в ропати», у немцев просто посмотрели церковную службу, а в Царьграде их с честью приняли царь и патриарх, именно царь повелел патриарху устроить праздничную службу в честь почетных гостей. Между тем патриарший стол в Константинополе в это время пустовал. А далее летопись сообщает, что после службы послы принимают уже *два царя* — Василий и Константин, которые одаривают послов и с честью отпускают в свою землю. На константинопольском престоле в это время и в самом деле были два царя, а не один. Упоминание сначала одного «царя», а затем, в соответствии с действительностью, двух

«царей» — это еще одно противоречие летописного текста, связанное с соединением разных источников.

Противоречие объясняется вторжением нового источника и еще одной версии — самой значимой и любопытной: **Корсунской легенды**. Именно эта версия наслаивается на все остальные, не вытесняя, однако, их полностью. Причем необходимо учитывать *две редакции* этой версии. *Первая* — внелетописное «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь», которое тоже использовало предшествующий летописный текст. *Вторая* — собственно летописный текст Корсунской легенды, принадлежащий одному из основных создателей той летописи, которую обычно называют «Повестью временных лет» или «Начальной летописью». Для этого летописца вообще было свойственно сохранять написанное предшественниками, нередко оспаривая их в своих комментариях. Он четко выделяется и литературным стилем, и идеологическим настроем, связанным с традицией Десятинной церкви, о чем ниже будет сказано обстоятельней. Для более полного понимания обозначим его как «**летописца Десятинной церкви**».

Далее в летописи следует текст, в основном совпадающий с внелетописным «Словом», но более полемичный по отношению к тем, кто оспаривал особое положение Десятинной церкви. Летописец рассказывает, что по возвращении послов князь Владимир снова созывает совет бояр и старцев. Послы рассказывают о впечатлениях, произведенных на них увиденным. И здесь снова обнаруживаются расхождения с только что рассказанным. О «скверных делах» у болгар здесь не говорится, но мусульман упрекают в том, что «в храме, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядять семо и овамо, яко бешен, и несть веселья в них, но печаль и смрад велик». Именно этим и «несть добр закон их». Но в этом замечании можно усматривать и определенную специфику. В традиции Десятинной церкви особое значение придавалось «веселью», т.е. *радостному восприятию веры*. Позднее подобное, «радостное», отношение к христианству неоднократно будет зафиксировано в разных источниках и станет одной из характерных черт *собственно русского прочтения православия*.

«В немцах» послы не обнаружили в храмах «красоты», и упрек этот, строго говоря, необоснованный, на что обращалось внимание в литературе. Но, видимо, и это определенный показатель: с какими «немцами» контактировали киевляне в X—XI вв.?

«Красоту» послы обнаружили только у греков. Но ни о царях, ни о патриархе в этом изложении ничего не сказано. Да и описание службы у тех и других действительности не соответствует. В литературе, в частности, отмечалось, что характерное для Руси церковное пение, а также использование в службах колоколов сближают русское христианство не с Константинополем, а с Западом, причем не с католической церковью, а прежде всего с ирландской.

Рассказ о посольствах должен был подчеркнуть преимущества византийского богослужения и, соответственно, определить выбор. Бояре напомнили князю, что именно Греческий закон предпочла мудрейшая Ольга. Вопрос вроде бы решен. «Где крещение примем?» — обращается к совету Владимир. «Где ти любо», — отвечают бояре. Однако проходит еще год и Владимир отправляется в поход на Корсунь: «И минувшу лету, в лето 6496 (988 г. по константинопольской эре) иде Володимир с вои на Корсунь, град греческий». Почему Владимир пошел туда — летопись не объясняет. К задачам выбора места крещения поход явно не мог иметь отношения. Тем не менее именно с этим походом летописец Десятинной церкви связывает окончательный выбор веры. Согласно Корсунской легенде, сама мысль о крещении пришла Владимиру уже при осаде города, когда поп Анастас послал ему стрелу с письмом, в котором подсказывал, как взять Корсунь. Особое Житие Владимира сообщает, что стрелу посылал не поп Анастас, а варяг Жеберн, что логичней со всех точек зрения (варяг мог быть в числе тех наемников, которые помогли Владимиру победить Ярополка и взять Киев). Но и фигура Анастаса здесь, видимо, появляется не случайно. Именно *Анастас Корсунянин* позднее станет первой величиной в раннем древнерусском христианстве, будет настоятелем Десятинной церкви, и предательство своих корсунских сограждан ему запишут в заслугу.

Взяв Корсунь, Владимир направил требование к императорам выдать за него свою сестру. Те в свою очередь потребовали в качестве условия крещение будущего родственника и принудили сестру поехать в Корсунь. В конечном счете, согласно Корсунской легенде, именно «царица» заставила Владимира креститься, дабы излечиться от внезапно обрушившейся на него болезни глаз.

Между тем, согласно извлечению из явно более ранней летописи (не знавшей еще счета лет от Сотворения мира), сде-

ланному Иаковом-мнихом, Владимир брал Корсунь *через три года* («на третье лето») *после крещения*. А произошло это, по изысканиям специалистов, в 989 г. Да и сами византийские источники ничего не говорят о столь важном для византийской патриархии факте, как крещение многочисленного народа. И реальные события в византийских источниках изложены совершенно иначе. Согласно им, Василий II, терпевший поражения в междоусобной борьбе с Вардой Фокой, которого его приверженцы провозгласили императором, вынужден был обратиться к Владимиру за помощью. И помощь эта прибыла — источники называют цифру в 6 тысяч воинов. Именно за эту поддержку императоры обещали отправить в Киев свою сестру, причем само обращение за помощью и принципиальное согласие «царей» пойти на такое унижение титула первого из первых, видимо, и было связано с тем, что Владимир уже был окрещен. В таком случае поход Владимира на Корсунь вполне могло объясняться вероломством императоров, отказавшихся выполнить условия соглашения и не приславших в жены киевскому князю свою сестру. С Крещением Руси связал брак киевского князя и арабский автор Яхья Антиохийский, писавший в середине XI в. Источники его утверждений или предположений неясны.

Но в любом случае именно *из Корсуни* Владимир вывозит церковный клир во главе с Анастасом. Оттуда же были вывезены мощи папы римского Климента и его ученика Фива, а также разнообразная церковная утварь. В Житии Владимира в числе трофеев упоминаются и «книги», без которых службу и не провести. Очевидно, вместе с книгами были вывезены и какие-то идеи. Эти идеи и пропагандируются позднее Десятинной церковью. *Но при ближайшем рассмотрении эти идеи оказываются вовсе не византийскими, а часто и антивизантийскими.*

Крым в целом и Корсунь в частности с древнейших времен был такой окраиной, куда ссылали или куда бежали из Византии несогласные со светскими или религиозными иерархами. Корсунь неоднократно политически стремился отделиться от Византии. Как раз в 60—70-х гг. XI столетия, т. е. именно во время создания Корсунской легенды о крещении Владимира летописцем Десятинной церкви, развернулось одно из таких противостояний, и Константинополь пытался заручиться поддержкой Киева. С Корсунью связана и просветительская деятельность Кирилла. Во время пребывания в Корсуне Кирилла

в 860 — 861 гг. будущему славянскому просветителю довелось встретить *Евангелие* и *Псалтирь*, написанные «русскими письменами». Язык этот Кириллу не был знаком, но он нашел человека, владевшего им, и скоро научился понимать это письмо. Отмеченный пассаж из Жития Кирилла, составленного в Паннонии вскоре после его кончины, обычно вызывает много недоумений, поскольку причерноморские русы (не говоря о киевских) в то время еще не были христианами. Но Житие написано в Паннонии, и под русами в этом Житие подразумеваются *придунайские руги* — ариане. «Русским» же письмом в Подунавье и в Иллирии, как это убедительно показал Н.К. Никольский, называли *глаголицу*.

История возникновения и развития *глаголицы* тоже пока не вполне ясна. Но о главном можно говорить с достаточной уверенностью. Изначально это было неславянское письмо. На каком-то этапе оно было приспособлено к славянской речи. Похоже, что не случайно славянское глаголическое письмо связывают с именем Мефодия (считая, что у истоков его стоял подвижник IV в. Иероним). Кирилл же явно создал ту азбуку, которой мы пользуемся и доныне, — *кириллицу*. Но наступление римского и особенно германского духовенства на славянскую письменность потребовало своеобразной конспирации: глаголическое письмо оставалось формой тайнописи вплоть до нашего столетия. К тому же именно в середине и второй половине IX столетия многие потрепанные Великим переселением племена, в числе которых были и руги разных территорий, переходят на славянскую речь, постепенно сливаясь со славянами, хотя свое традиционное мирозерцание они будут сохранять еще многие поколения. И, конечно, *руги-русы 860 г.* и *славяне-русы 988 г.* — это даже два разных этноса. В данном случае существенно то, что в Корсуне была община рогов-русов, которые, как и их киевские предшественники середины X в., держались *арианства*. Следовательно, **собственно летописный текст арианского Символа веры мог быть занесен в Киев именно из Корсуни**. А в Киеве он не встретил сопротивления, скорее всего потому, что там сохранялись традиции моравской общины, появившейся в Киевской Руси еще при князе Игоре. Да и клир Десятинной церкви наверняка включал в свой состав лиц, знавших славянский язык и родственных тем христианам, которые появились в Киеве еще в 30-е гг. X в.

Примечательно и то, что культ *Климента папы Римского в Корсуне* появился именно благодаря *Кириллу*. Очень важно, что культ Климента и до деятельности Кирилла в Корсуне был *распространен на Западе*, в то время как в Византии ни во время деятельности Кирилла в Корсуне, ни позднее не вызывал интереса. Именно Кирилл просветил корсунское духовенство о деятельности сосланного сюда на рубеже I — II вв. Климента и сброшенного в Корсуне с якорем на шее в море. Кирилл организовал и обретение мошей одного из первых христианских иерархов-мучеников. Часть обретенных мошей он захватил с собой и затем искал возможности оставить их где-нибудь в славянском храме. В конечном же счете они оказались в церкви Климента в Риме, в которой был похоронен и сам Кирилл. Ко времени похода Владимира на Корсунь культ Климента здесь уже прочно утвердился. И неудивительно, что мощи святого и связанные с ним предания князь вывез из завоеванного города. *Благодаря Владимиру и клиру Десятинной церкви культ Климента папы Римского скоро получает на Руси широкое распространение, а сам Климент почитается как первый небесный защитник Земли Русской*. Например, об этом ярко и образно повествует «Слово на обновление Десятинной церкви», написанное в середине XI в.

Но любопытно — в Корсуне был распространен также культ *Мартина*, почитавшегося на Западе святым. В Византии его не почитали, но и на Руси тоже. И это может свидетельствовать о *разном* происхождении культов двух святых, о *разных* прозападных общинах в самом Корсуне. Культ Мартина, видимо, поддерживался в *крымской общине готов-христиан*, которые как-то контактировали со своими родичами в Европе.

Как видно, Владимир принес из Корсуни совсем не византийский вариант христианского вероучения. И центром этого христианства становится *Десятинная церковь*. Позднее, во второй половине XI в. именно в традиции Десятинной церкви появляется летописный и внелетописный тексты, в которых пропагандируется Корсунская легенда. И эта легенда защищает не византийскую трактовку христианства: по летописи, епископ корсунский вместе с попами царицы заставляют князя повторять слова *арианского (или полуарианского) Символа веры*. Таким образом, Корсунская легенда кружным путем, через Крым, увязывается с русами и славянами Подунавья, а также с *кирилло-мефодиевской традицией*.

В целом же можно считать, что при наличии разных христианских общин в конце X в. основным вариантом христианского вероучения в Киевской Руси стала именно кирилло-мефодиевская традиция, центром которой была Десятинная церковь.

Строительство самой Десятинной церкви, по летописи, было завершено в 996 г. С момента своего освящения Десятинная церковь становится при Владимире главным храмом Киева и всего Древнерусского государства. Позднее, в XI в., при Ярославе начинается борьба между традицией Десятинной церкви и все более проникающим в Киевскую Русь византийским христианством. В частности, эта борьба выражена в том, что именно при Ярославе строится и освящается собор Софии, который становится центром византийского христианства. В этих условиях соперничество двух главных центров древнерусского христианства было неизбежным хотя бы потому, что более молодой храм Софии появился сразу как митрополичий в связи с учреждением митрополии греческого подчинения в 1037 г. Десятинную же церковь на протяжении всего правления Владимира будет возглавлять Анастас, который так и не стал даже епископом, но стоял заметно выше всех епископов. С приходом в Киев Ярослава он покинет Киев и уйдет в Польшу. Но летописец, упомянувший об этом, такое очередное вроде бы предательство — теперь уже единоверцев — не осуждает. С учреждением греческой митрополии при Ярославе сразу начинается наступление и на Десятинную церковь. В 1039 г. ее даже заново освящали, что как бы предполагало очищение от чего-то еретического.

Любопытно простое сопоставление: кто был похоронен в Десятинной церкви, а кто в Софийском соборе. В Десятинной церкви будут похоронены Владимир и его жена, греческая принцесса Анна, сюда будут перенесены останки Ольги, в 1044 г. здесь крестили и захоронили останки князей-язычников Олега и Ярополка, погибших в усобицах 977—978 гг. — акция явно неканоническая. Позднее здесь будет похоронен Изяслав Ярославич — один из самых «прозападных» князей XI в., а также его внук Ростислав Мстиславич (1093 г.). Об особом расположении к храму Ярополка Изяславича (сына Изяслава) с чувством говорит сам летописец. С Десятинной церковью, возможно, поначалу увязывали и культ варягов-мучеников, убитых в 983 г.: именно «на крови» их воздвигалась сама Десятинная церковь. Правда, в XI—XII вв. проваряжская тенденция встречала жест-

кую оппозицию в Киеве и связывалась с иными центрами. Поэтому в таком приурочении могло сказываться желание новообращенных очиститься от прегрешения перед невинно убиенными христианами. В свою очередь, в Софийском соборе был погребен Ярослав Мудрый, его сын Всеволод, сыновья Всеволода Ростислав и Владимир Мономах, т. е. те князья, которые в большей степени были связаны с Византией.

Сама Десятинная церковь хотя и строилась греческими мастерами (впрочем, неизвестно какими «греками»), как отметил в свое время известный знаток архитектуры и живописи Г.К. Вагнер, носила заметные признаки *западного влияния*. И не случайно, что позднее между униатами и приверженцами ортодоксального православия развернется борьба за «наследие». (Речь идет о церкви Николы Десятинного, построенной на месте разрушенной в 1240 г. Десятинной церкви Богородицы).

Аргументом в пользу *западного происхождения* традиций, связываемых с Десятинной церковью, обычно служит и сам институт «**десятины**», несомненно *западный*. Но этот институт связывался не только с католической церковью, которая налагала десятину на покоренные племена (в том числе славян), а и с теми народами, которые вели борьбу с Римом или франко-германской империей. У *западных славян*, в частности у хорватов, понятие «**десятины**» звучит точно так же, как и на Руси.

Институт «десятины» часто служил причиной народных волнений и восстаний против новой религии, как это было на Эльбе и в Прибалтике в 983 г. и несколько позднее, когда разрушались монастыри и христианские храмы. На Руси таких потрясений этот институт не вызывал, может быть, в силу его уникальности. Но когда при Ярославе началось наступление на традиции Десятинной церкви, видимо, пересмотру подверглась и сама «десятина». Не случайно в летописном пересказе Корсунской легенды появляется знаменательная вставка. Владимир, давая церкви право на получение «десятины», якобы заключил пожалование словами: «Аще кто сего посудить, да будет проклят». Совершенно ясно, что Владимир таких слов не говорил и не писал: в конце X столетия в них не было никакой нужды. Зато после учреждения митрополии осуждающих «десятину» должно было появиться достаточно много, и в первую очередь — сама митрополия византийского подчинения, ведь в *Византии «десятину» не признавали*. Именно этой борьбой подогревалась и летописная деятельность, в том числе составление

летописи с прославлением Владимира и корсунскими сюжетами. Прославления князей, дававших пожалования в храм, указывают и на время внесения Корсунской легенды в летопись — это, по-видимому, **80-е гг. XI столетия**.

Еще одним аргументом в пользу западных ориентаций Десятинной церкви служит тот факт, что *основная церковная лексика*, связанная с утверждением новой веры, восходит не к византийским, а к *германо-римским корням* (слова «церковь», «пастырь», «поп», «алтарь» и др. пришли в русский православный лексикон с Запада). Но в том же виде эти понятия и обозначения имеются и у *западных славян*, в частности в сербо-хорватском языке. Здесь обнаруживаются и другие, чисто славянские по происхождению, параллели: своеобразная форма обозначения имени самого Иисуса Христа — Спас; обращение к Богородице без «Аве Мария» и др.

Кирилло-мефодиевская традиция оказала, несомненно, самое большое влияние на западное и южное славянство, и последователи братьев-просветителей в разных странах и землях продолжали действовать в условиях уже фактического подполья. Но только на Руси сохранилось больше всего их сочинений, и связано это было с тем, что *именно на Руси долгое время сохранялось почитание кирилло-мефодиевской традиции*. Как правило, сочинения кирилло-мефодиевского круга отличал прекрасный и именно славянский язык. Они умели находить славянские обозначения для самых сложных богословских и философских понятий. Но их взгляды все-таки не были идентичными, а многие сочинения не дошли вовсе. Не дошел даже перевод Библии, сделанный Мефодием. Последнее, возможно, связано с тем, что в середине XI в., в споре с латинянами об опресноках, речь шла об отношении к Ветхому Завету и иудаизму, так или иначе с ним связанному. В летописи видна рука лишь одного из летописцев, цитировавших Ветхий Завет. И это — летописец Десятинной церкви. А в Печерском монастыре в то же время монаха Никиту, будущего епископа Новгородского, обвинили в «жидовской» ереси на том основании, что он читал Священное Писание на иврите, греческом и латинском языках, пренебрегая славянскими текстами. Провинившегося заставили «забыть» все эти подозрительные языки.

В «Повести временных лет» пересекаются и сталкиваются еще два существенных мировоззренческих представления: отношение к «знамениям» — солнечным затмениям и иным не-

бесным явлениям. *Первое* представление — *знамения могут быть и на добро и на зло* — в целом соответствует православному восприятию их как в принципе чего-то нейтрального по отношению к человеческому существованию и лишь о чем-то извещающем. *Другое* представление утверждает — *знамения предвещают только зло*. Это представление проявляется как раз у летописца Десятинной церкви при достаточно оптимистичном в целом отношении к внешнему миру и, соответственно, светлом восприятии христианства. Однозначно негативное отношение к «знамениям» в целом характерно для Западной церкви и католичества, в частности, где фатализм сохранялся в формах, близких языческим верованиям Средиземноморья. Но именно в связи с широким распространением такого взгляда в Европе нет возможности установить конкретный исток. Тем более что интерпретация христианства в традиции Десятинной церкви и несводима к какой-то одной общине. Это видно и в формах первоначальной церковной организации.

В литературе много спорили о том, кто был первым киевским митрополитом и были ли таковые при Владимире вообще. Между тем «Повесть временных лет» на этот вопрос отвечает однозначно: **первые полвека после принятия Русью христианства митрополии в Киеве не было**. А что было? А было *сочетание двух неодинаковых форм*, характерных для арианства и ирландской церкви. Фактический глава русской церкви не был даже епископом. Это, как отмечено выше, характерно для ирландской церкви, где аббат монастыря (а в данном случае привилегированного храма) стоял выше епископов. Такое положение будет и в Новгороде 30-х гг. XI столетия, когда церковь возглавлял некий *Ефрем*, также не имевший чина епископа. Да и «русин» *Иларион*, первый митрополит из русских, в 1051 г., в разгар конфликта Ярослава с Византией, избирался в митрополиты из пресвитеров, минуя епископский чин, что в рамках византийского православия не допускалось. Иными словами, *ирландская практика на Руси держалась довольно долго и повсеместно*. Но в заключительном аккорде, посвященном княжению Владимира, летописец называет и епископов во множественном числе, с которыми князь советовался. Поскольку митрополии в это время не было, епископов, очевидно, либо избирали по арианскому принципу из числа членов общины, либо по ирландскому принципу они наследовали чин своих отцов. Вероятнее же всего — было и то и другое. И в целом это свидетельствует о слабости в Киеве и на Руси в это

время общин провизантийской направленности. И хотя Ярославу в 30-е гг. XI в. удалось утвердить митрополию византийского подчинения, она не смогла преодолеть сопротивления уже существовавших местных общин. Об этом свидетельствуют многие известные факты: немного позже митрополия византийского подчинения была фактически ликвидирована; в 1043 г. состоялся поход на греков, который возглавлял сын Ярослава Владимир; в 1044 г. произошло крещение останков князей-язычников Олега и Ярополка и перенесение их в Десятинную церковь; в 1051 г. советом епископов непосредственно из пресвитеров киевским митрополитом был избран Иларион, и его кандидатура не утверждалась в Константинополе.

Примечательно, что и канонизация князей-братьев Бориса и Глеба, совершенная в 1072 г. по инициативе Изяслава Ярославича, проходила при противодействии митрополита-грека Георгия. В свою очередь летописец, рассказывая о торжестве, не выражает почтения к митрополиту-греку. А митрополита должна была насторожить сама дата перенесения мощей — 2 мая. Дата не имела отношения к памяти братьев (они были убиты соответственно 24 июля и 5 сентября), но на 2 мая приходился весенний языческий праздник «первых ростков». Терпимое отношение к язычеству характерно для раннего русского христианства в целом и проявлялось оно прежде всего именно в традиции Десятинной церкви. Для раннего русского христианства характерен и такой вызывающий с точки зрения не только Рима, но и Константинополя факт: церкви воздвигались на месте языческих капищ. Позднее такое и на Руси станет невозможным.

Однако Константинополю удалось заблокировать канонизацию Владимира, прославление которого является стержнем всей литературной деятельности служителей Десятинной церкви. После смерти Изяслава в 1078 г. соотношение сил заметно меняется. Всеволод Ярославич и его сын Владимир Мономах не без гордости напоминают о своих знатных византийских родственниках. Похвала Изяславу и Ярополку Изяславичу, видимо, — последние тексты, вышедшие из-под пера летописца Десятинной церкви. С конца 80-х гг. XI в. заметно меняется и стиль, и язык летописи. На первый план теперь выходит *Киево-Печерский монастырь*. И хотя в нем продолжилась борьба разных направлений, в целом усилились тенденции более строгого, аскетического понимания христианства, связанные с византийской традицией.

Во второй половине XI в. происходит оттеснение и культа Климента, как заступника Русской земли, а ведь именно Десятинная церковь, в которой хранились мощи святого, поддерживала этот культ. В ней существовал особый придел в честь Климента, а в некоторых западных источниках сама Десятинная церковь называется храмом Климента. С 80-х гг. XI в. на первый план выходит культ *Николая Мирликийского (Николая Угодника)*. Но интересно, что культ святителя Николая тоже складывался при духовном посредничестве Рима. И папа Урбан II, и его соперник антипапа Климент III старались нейтрализовать Русь в их полемике с Константинополем. Митрополиты в ответ на обращения из Рима с предложениями о воссоединении церквей логично отсылались в Константинополь, к патриарху. Однако Всеволод Ярославич, при всей расположенности к Византии, не мог отказаться и от самого тесного общения с Западом, поскольку его дочь Евпраксия стала супругой императора Генриха IV и втянулась в сложную политическую борьбу с супругом, в которой были задействованы и высшие римские иерархи. В итоге пиратская кража норманнами мощей Николая Мирликийского и перенесение их в город Бари в Южной Италии стала отмечаться на Руси как «Никола Вешний». И если Византия этого праздника не признала (и не почитала Николу вообще), то на Руси культ Николая Угодника приобрел даже большее значение, нежели в Риме. Теперь именно Николай, а не Климент становится заступником Русской земли.

Таким образом, *со второй половины XI в., кирилло-мефодиевская традиция постепенно утрачивает свое первенствующее положение, а древнерусская церковь постепенно оказывается под покровительством Константинополя.* Тому было немало причин, в том числе и претензии Рима на то, чтобы контролировать Русь. Большую роль в затухании кирилло-мефодиевской традиции сыграло разделение церквей, произошедшее в 1054 г., после которого происходит окончательное закрепление Киевской Руси, как одной из митрополий константинопольского патриаршества. Но идеи и настроения, характерные для кирилло-мефодиевской традиции, заложенные в ранний период древнерусского христианства, сохранялись очень долго. Многие из них прослеживаются в различных памятниках древнерусской религиозно-философской мысли XI—XII вв. Так, в XII в. мощи святого Климента использовали при поставлении в ми-

трополиты Климента Смолятича, а само поставление прошло вопреки желанию Константинополя. Практически до конца XIV в. в русском месяцеслове не появляются имена новых византийских святых. И вообще, христианство в его византийской интерпретации в полной мере утверждается на Руси только с XIII—XIV вв.

Источники и литература

Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897 (Издания в составе Полного собрания русских летописей. Т. 1, М., 1926 и 1962 (труднее для чтения из-за стремления издателей точнее воспроизвести рукопись и из-за ограниченности комментария).

«Се Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись) / Вступ. ст. и пер. А.Г. Кузьмина, коммент. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Арзамас, 1993.

Повесть временных лет / Текст и пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова, ст. и коммент. Д.С. Лихачева. Т. 1—2. М.; Л., 1950.

Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981.

Бегунов Ю. К. Русское Слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция // *Slavia*. R. 43. №1. Praha, 1974.

Богуславский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. Т. XXIX. Л., 1925.

Вагнер Г. К. Историческая проблематика в русском искусстве X—XIII веков // Вопросы истории. 1972. №10.

Введение христианства на Руси., М, 1987.

Верещагин В. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997.

Воронов А. Д. О латинских проповедниках на Руси Киевской в X и XI вв. // ЧОНЛ. Кн.1. 1879.

Гадло А. В. «Корсунские попы» на Руси (комментарий к летописной статье 6547 года) // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.

Гломозда К. Е. «Крещение Руси» в концепциях современной буржуазной историографии. Киев, 1988.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Первая половина тома. М., 1911.

Заболотский П. К вопросу об иноземных источниках Начальной летописи // Русский филологический вестник. Варшава, 1901.

Зимин А. А. Память и похвала Иакова-мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения института славяноведения. Вып.37. М., 1963.

Златоструй. Древняя Русь X—XIII вв. / Сост. Кузьмин А.Г., Карпов А.Ю. М., 1990.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

- Исаченко А. В.* К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Вопросы славянского языкознания. Вып.7. М., 1963.
- Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 1997. (Сер. «ЖЗЛ»).
- Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1991.
- Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.
- Крещение Руси в трудах русских и советских ученых / Сост. Вышего-родцев В.И., Кузьмин А.Г., Фомин В.В., вступ. ст. Кузьмина А.Г. М., 1988.
- Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кузьмин А. Г.* Падение Перуна. М., 1988.
- Крутова М. С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.
- Лавров П. А.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. М., 1911.
- Лебедев Д.* Вопрос о происхождении арианства. Сергиев Посад, 1916.
- Левченко М. В.* Очерки по истории Русско-византийских отношений. М., 1956.
- Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник по истории древнерусской культуры и письменности. Л., 1930.
- Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1—2. М., 1986.
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Перевезенцев С. В.* Русская религиозно-философская мысль X—XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.
- Подскальски Герхард.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996.
- Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков. СПб., 1913.
- Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV веках. М., 1959.
- Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998.
- Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- Филист Г. М.* К вопросу о путях проникновения христианства на Русь // Вопросы научного атеизма. Вып.37. М., 1988.
- Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906.
- Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.

ГЛАВА VI

Феодальная раздробленность Руси в XII — начале XIII в.

§ 1. ПРИЧИНЫ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Главная проблема, связанная с пониманием феодальной раздробленности, заключается в оценке этого явления. Обычно сам факт превращения единого Древнерусского государства в совокупность независимых друг от друга государств-княжеств рассматривается как некое попятное движение, а следовательно, *регрессивное явление* в русской истории. Подобная оценка проистекает из своеобразного «культы централизации», характерного для многих работ отечественных историков. Иначе говоря, во многих работах само понятие *исторического прогресса* связывается только с *процессом централизации*, с процессом формирования единого государства. На самом деле историческая реальность была намного сложнее и естественно, что феодальная раздробленность имела объективные причины, которые могут быть поняты в русле концепции взаимоотношений «Земли» и «Власти».

Вторая проблема на самом деле более техническая, чем существенная, связана с определением момента времени начала феодальной раздробленности. В литературе разброс мнений велик — от 1054 г. (кончина Ярослава Владимировича) до 1132 г. (кончина Мстислава Владимировича). На последней дате особо настаивает Б.А. Рыбаков.

Следует напомнить, что единство Руси и в конце X — первой половине XI в., т.е. при Владимире Святом и Ярославе Мудром, было весьма относительным, а границы государства были весьма неустойчивыми. Так, вятичей побеждали Святослав и Владимир, но они войдут в состав Руси лишь в начале XII в. Тмутаракань, которая воспринималась византийскими автора-

ми X столетия как этнически родственная часть Приднепровской Руси, после 1094 г. останется лишь поэтическим воспоминанием, правда довольно живым и действенным в плане мобилизации сил для борьбы против половцев, перерезавших связи Приднепровья с давними черноморскими владениями Руси.

Как уже говорилось, относительное единство разных земель княжений поддерживалось практически только личностью киевского правителя. Но, к примеру, «завещание Ярослава» фактически предопределяет очередной распад Руси, который и наступил после смерти Ярослава. Однако Владимиру Мономаху удалось на время объединить вокруг себя русские земли. И это единство сохранялось до смерти его сына Мстислава Владимировича в 1132 г., и не случайно, видимо, летописцы довольно дружно оправдывают и прославляют Мстислава как идеального правителя. Впрочем, усобицы продолжались и при Мстиславе, хотя и не в уделах, оставленных Владимиром Мономахом. Основная борьба шла у потомков Святослава Ярославича из-за Чернигова.

Причина феодальной раздробленности вроде бы лежит на поверхности — династические противоречия между князьями, их борьба за киевский великий стол. С конца XI в. в княжеской среде возникает две основные княжеские группировки.

Первая — это *Мономаховичи (Мономашичи)*, потомки киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха. В XII—XIII вв. Мономаховичи правили в Ростовской, Смоленской, Волынской (после присоединения к их владениям в конце XII в. Галича — Галицко-Волынской) землях и в ряде других, более мелких уделов. В Киеве и Новгороде чаще всего тоже правили потомки Владимира Мономаха. Впрочем, Мономаховичи — понятие генеалогическое, а не политическое. Оно не обозначало союза князей и возникло, скорее, как противопоставление Ольговичам, правившим в Черниговской земле, с которыми потомки Мономаха вели борьбу за Киев и другие волости. Но и сами Мономаховичи не были едины, и уже в первом поколении распались на ряд враждующих семейств. Первые ссоры из-за уделов начались среди сыновей Мономаха уже в 30-х гг. XII в., а в 40—50-х гг. XII в. вспыхнула война между ростовским князем Юрием Владимировичем Долгоруким (сыном Мономаха) и его племянниками, сыновьями его покойного брата киевского князя Мстислава Владимировича Великого из-за власти над Киевом. Во второй половине XII в. Мономаховичи окончательно распались на *Юрьевичей* (потомков Юрия Долгорукого), владевших Ростовской землей) и *Мстиславичей*, в руках которых оказались Смоленск и Владимир-Волынский. К концу XII в. и Мстиславичи раскололись на потомков Изяслава Мстиславича, правивших

на Волыни, и потомков Ростислава-Михаила Мстиславича, владевших Смоленской землей.

Из потомков Изяслава Мстиславича (1097—1154) наиболее известны — князь волынский и киевский Мстислав Изяславич (ум. 1171 г.), князь галицко-волынский Роман Мстиславич (ум. 1205 г.), князь галицко-волынский Даниил Романович (1201—1264). Из потомков Ростислава-Михаила Мстиславича (ум. 1167 г.) — князь смоленский и киевский Роман Ростиславич (ум. 1180 г.), князь смоленский и киевский Мстислав Романович (ум. 1223 г.), князь овручский и киевский Рюрик-Василий Ростиславич (ум. 1211 г.), князь торчешский и киевский Ростислав Рюрикович (1172—1218), князь переяславский и киевский Владимир-Дмитрий Рюрикович (1187—1239), князь новгородский Мстислав Ростиславич Храбрый (ум. 1180 г.), князь галицкий Мстислав Мстиславич Удалой (ум. 1228 г.). Из потомков Юрия Владимировича Долгорукого (ум. 1157 г.) — князь владимирский Андрей Юрьевич Боголюбский (1111—1174), князь владимирский Михаил (Михалко) Юрьевич (ум. 1177 г.), князь киевский Глеб Юрьевич (ум. 1171 г.), князь владимирский Всеволод Юрьевич Большой Гнездо (1154—1212), князь владимирский Константин Всеволодович (1185—1219), князь владимирский Юрий Всеволодович (1188—1238), князь владимирский Ярослав Всеволодович (1191—1246). Потомками Ярослава Всеволодовича были великие князья московские и тверские.

Вторая группа — *Ольговичи*, потомки черниговского князя Олега Святославича, внука Ярослава Мудрого. Ольговичи владели городами Черниговской земли. В отличие от соперничавших с ними в борьбе за русские земли Мономаховичей, Ольговичи даже в конце XII в., помнили о своем родстве и сохраняли единство в действиях. Главный город Ольговичей — Чернигов — всегда доставался самому старшему среди потомков Олега Святославича, а второй по значению город Черниговской земли — Новгород-Северский — второму по старшинству Ольговичу. Это особенно любопытно, если учесть, что в конце XII в. число одновременно живущих Ольговичей достигало двух десятков человек. Единство Ольговичей мешало распаду Черниговской земли на отдельные владения. В XII в. Ольговичи неоднократно занимали Киев и Новгород, побеждая в борьбе за них Мономаховичей. Киевскими князьями из потомков Олега Святославича были Всеволод Ольгович (1139—1146), Игорь Ольгович (1146), Святослав Всеволодович (1173, 1174, 1176—1194), Всеволод Святославич Чермный (неоднократно занимал Киев в период с 1206 по 1215), Михаил Всеволодович (1235—1237). В начале XIII в. Ольговичам удалось ненадолго овладеть Галицко-Волынской землей. К началу XIII в. численность Ольговичей сильно увеличилась. Кроме Черниговского и Новгород-Северского княжений появились княжеские столы в Трубчевске, Сновске, Курске, Рыльске, Козельске, в которых осели младшие Ольговичи, не имевшие шансов из-за большого количества старших родственников занять когда-либо Чернигов или Новгород-Северский. Эти владельцы мелких уделов все

более отходили от участия в общих делах Черниговской земли. Опустошение в 1239—1240 гг. владений Ольговичей татарами, убийство в 1246 г. в Золотой Орде последнего значительного черниговского князя Михаила Всеволодовича привели к окончательному распаду Черниговской земли на многочисленные мелкие владения, к прекращению союзнических отношений среди Ольговичей. Понятие «Ольговичи» в XIII в. выходит из употребления.

Б.А. Рыбаков явно прав, считая, что именно кончиной Мстислава в 1132 г. заканчивается период определенного единства Руси, и именно *Мономаховичи* явились *главными разрушителями* относительного единства. С формальной точки зрения раскол в 30-е гг. XII в. был связан с решениями Любеческого княжеского съезда 1097 г.: Ольговичи стояли рангом выше Мономаховичей. Но популярность Владимира Мономаха и Мстислава по меньшей мере уравнивали это различие, а главное — всюду у «Земли» возрастает право выбора. Но неприязнь сыновей Мономаха к своим племянникам перевешивала даже традиционное противостояние Мономаховичей и Ольговичей. На этот факт с возмущением указывали новгородцы, остававшиеся довольными многолетним княжением в Новгороде Мстислава и знавшими его сыновей, рожденных в Новгороде и, видимо, от новгородок. Изяславу Мстиславичу в 30-е гг. XII в. пришлось сменить столько уделов и на юге, и на севере, что ничего, кроме ненависти к своим дядьям, у него возникнуть не могло. Именно в это время Ольговичи, может быть, вспомнили, что они старше Владимировичей, и во многих центрах Руси в это поверили. Но принцип майората до «Земли» не всегда доходил, тем более что он был основательно запутан «соискателями» более богатых (или удобных) уделов, нередко просто фальсифицировавших свои генеалогии. «Земля» после Владимира Мономаха и Мстислава лишь убедилась в надуманности самого принципа «майората».

В 30-е гг. XII в. Русь распалась. Но дело не только в том, что рассорились князья-родственники. Причина распада лежит глубже, ведь иным стало отношение к князьям и, вообще, к «Власти» городов, которые принимали к себе князей. К 30-м гг. города выросли как экономические центры, самообеспеченные и не нуждающиеся во внешней опеке. Недаром XII — начало XIII в. — это время наибольшего экономического и социального развития Руси, а само это развитие концентрируется как раз в городах. Известно, что в X в. в летописях упоминается 24 города,

в XI в. — 88 городов. Так вот, только в XII столетии на Руси было построено 119 новых городов, а за первую треть XIII в. (до монголо-татарского нашествия) — еще 32 города. Почти все древнерусские города состояли из множества разных по величине усадеб. А проведенные в последнее время археологические исследования заставляют сомневаться в четкости деления городов на дружинно-аристократический «детинец» и торгово-ремесленный посад («окольный город»). Сейчас известны города, в которых было несколько «детинцев», явно построенных не князем, а самими горожанами. При этом если в одних городах к укрепленному ядру примыкает открытый посад, то в других крепостная стена охватывает все части города. Таким образом, можно считать, что в XII—XIII вв. горожане составляли своеобразную корпорацию земледельцев, которой принадлежал *весь город*. Именно поэтому *городское самоуправление возвысилось над княжескими притязаниями, и городской выбор теперь преобладал над династическими претензиями*.

Таким образом, **причиной феодальной раздробленности стали не только княжеские усобицы, но и возвышение городов, приведшее к обострению отношений между «Землей» и «Властью»**. Например, только в таком контексте может быть объяснен отъезд из Ростово-Суздальской земли Юрия Владимировича Долгорукого, причем стремление Юрия Долгорукого на юг происходило на фоне «встречного» движения из Киева в Ростово-Суздальские земли его сына Андрея Юрьевича. Обычно это противоречие объясняется личными устремлениями князей. Но с точки зрения концепции «Земли» и «Власти» вполне ясным становится и объективный характер подобных странных перемещений: Юрий Долгорукий уезжал из добротного северо-восточного удела на беспокойную окраину Степи, в Переяславль, который был постоянно разоряем половцами, не просто в поисках лучшей доли — его явно не жаловали ростовцы. И такого рода конфликтов, когда города не принимали или изгоняли князей, в XII—XIII вв. было множество. И все они свидетельствуют о **разладе между «Землей» и «Властью»**, ставшем в конечном счете **главной причиной перехода к феодальной раздробленности**.

Больше того, между собой конфликтуют не только «Земля» и «Власть», но и отдельные «земли», а нанятые той или иной «землей» князя обязываются защищать и обеспечивать интересы этой «земли». И практически всюду «земли» проявляют волю в выборе князей, не считаясь с их собственными генеалогическими

притязаниями. Именно в этом ключе становится понятным военный конфликт между новгородцами и ростовцами в 1135 г. Сама война новгородцев с ростовцами в 1135 г. за территории на Верхней Волге была показателем глубины распада, обострения противоречий «земель», тесно связанных между собой экономически (Новгород получал с Верхней Волги значительную часть продовольствия и соль), но конкурировавших в торговле на Волго-Балтийском пути. В этой войне победили ростовцы, но самое удивительное, что именно в 1135 г. ростовцы явно не удерживали у себя Юрия Долгорукого, который настойчиво рвался на юг.

А новгородцы тем более предъявили серьезные претензии князю Всеволоду Мстиславичу, бездарно и трусливо проводшему поход на ростовцев. Суть конфликта между новгородцами и князем изложена в Новгородской Первой летописи, причем требования новгородцев были поддержаны псковичами и ладожанами, т. е. главными центрами Северо-Западной Руси. «Земля» в данном случае проявляет себя более чем активно и обозначает свои принципиальные требования к «Власти». Новгородская Первая летопись приводит пять претензий к князю, одобренных главными центрами Северо-Западной Руси. *Первый* из них, рассмотренный в предшествующей главе, весьма значителен в понимании многих проблем: «Не блюдет смерд». Во-первых, отсюда следует, что «смерды» — это основное сельское население Руси, на котором и держалась «Земля», во-вторых — города понимали значимость этого социального слоя в благосостоянии «Земли» в целом. *Во втором пункте* фиксировалась уже чисто «человеческая» обида: зачем хотел уехать в Переяславль, куда Всеволода намеревался перевести Ярополк. И наконец, *третий пункт*, важный для горожан, приглашающих князя, — почему «ехал еси с полку впереди всех», т. е. просто бежал. Следовательно, князя приглашали для защиты от возможных внешних нападений, и князя-труса «Земля» терпеть не собиралась. В «Истории Российской» В.Н. Татищева перечень «вин» князя сходен, но более распространен. Здесь даже жестче сказано: «Не любит подлости (т.е. простого народа. — А.К.), а почитает одних вельмож». Жестче звучит и второе обвинение: «Хотел, обругав Новгород, княжить в Переяславли». И далее, после упрека в трусости, есть еще два принципиально важных упрека: «Любит игры ястребов и сабак, по полям ездить, а судить и разправлять не прилежит». Таким образом, «Земля», в

данном случае новгородцы, не хотела терпеть князя, который не может обеспечивать их, новгородские, интересы в конфликте с другой «Землей».

В контексте концепции «Земли» и «Власти» необходимо решать и другую проблему — прогрессивным или же регрессивным явлением была феодальная раздробленность. Думается, необходимо отказаться от признания абсолютной прогрессивной ценности и понятия, и самого факта «централизации». Более того, необходимо поменять сами критерии понятия «прогресс». Ведь прогресс общества заключается не просто в степени централизации власти и в уровне развития единого государства, а в реализации в исторической действительности принципа социальной справедливости на основе развития производительных сил, роста материальных и духовных благ, обеспечивающих дальнейшее развитие общества. С этой точки зрения, в XII–XIII вв. мы наблюдаем на Руси бурное социально-экономическое развитие «Земель», рост городов, развитие торговли и ремесла, значительный рост уровня благосостояния горожан, возросшее значение городского самоуправления. Таким образом, время феодальной раздробленности вряд ли было «регрессивным» периодом в русской истории.

* * *

Сам процесс распада относительно единого Древнерусского государства происходил довольно быстро и нашел выражение в ряде конкретно-исторических событий. После смерти Мстислава Владимировича его преемником стал его брат *Ярополк Владимирович* (ум. 1138 г.), княживший до этого в Переяславле. Согласно Ипатьевской летописи и Татищеву, именно Мстислав завещал киевский стол и своих детей брату Ярополку. Лаврентьевская летопись отдает инициативу киевлянам, которые пригласили Ярополка из Переяславля на Киевский стол. Ярополк был в Киеве уже через три дня после кончины Мстислава, и тут же начались усобицы, теперь уже в роде Владимира Мономаха. Практически сразу же обозначились противостояния братьев Мстислава с племянниками, в особенности Юрия Долгорукого и Изяслава Мстиславича, и братьев от разных матерей — Ростислава и Изяслава.

Летописи единодушны в позитивной оценке деятельности Ярополка, пытавшегося примирить сыновей Мстислава и братьев Владимировичей, найти равновесие в отношениях с

Ольговичами, занимавшими Чернигов, претендовавшими на Переяславль, боровшимися за Новгород и Псков, держа под прицелом и Киев, авторитет которого стоял по-прежнему достаточно высоко уже потому, что здесь находилась резиденция митрополита. Правда, особой активности в бесчисленных усобицах 30-х гг. митрополия не проявляла (как правило, митрополиты-греки не слишком разбирались в тонкостях славянских языков, да и в политико-идеологических традициях тоже).

А вот Юрий Владимирович Долгорукий и его брат Вячеслав Владимирович явно преследовали собственные интересы. Наиболее обстоятельное описание распрей сохранилось опять-таки у В.Н.Татищева (возможно, в Раскольниковой летописи, судя по содержанию, предшествующей Ипатьевской). Татищев резко осуждает Юрия Долгорукого, который «хотя лучший предел во всех его братьях имел, но, не довольствуясь тем, а паче ненавистя сыновцев своих Мстиславичев, не токмо сам, сколько мог, смоленского Ростислава обидел, но на Изяслава и прочих их братьей братью свою возмучал». Юрий Долгорукий рвался в Киев, но утвердиться в нем князь смог только путем цепи интриг и кровавых усобиц. Во всяком случае Татищев прав, весьма негативно оценивая деятельность Юрия Долгорукого: он больше разрушитель, чем созидатель.

Пытаясь остановить усобицы, в 1133 г. Ярополк Владимирович созвал княжеский съезд. Этот съезд также обстоятельно и явно по реальному источнику описан у Татищева. Ярополк уговаривает братьев вести себя прилично, как завещал их отец Владимир Мономах в «Поучении», может быть, имея в виду и оговорку Владимира, который не верил, что сыновья последуют его советам. Ярополк упрекал братьев: «Ныне с горестию вижу, как вы, неправо преступя завет отеческ и забыв к ним любовь и благодеяние отеческое старейшего брата нашего Мстислава, детей его обидите, не мысля о том, что сами детей имеете и оным братоненависти приклад подаете... Вы довольно в памяти имеете, как брат наш, а их отец Мстислав по смерти отца нашего по завещанию всем нам уделы раздал и никого не изгонял, но еще от всех засчисчал и охранял. И хотя некогда на которого гневался, но по правде, и для того мы и все князи почитали его». Интересно, что незадолго до смерти в 1138 г. Ярополк примерно теми же аргументами стремился помирить Ольговичей и Мстиславичей (впрочем, в данном случае не исключена перекличка литературных сюжетов).

Но увещания Ярополка не принесли результата. В 1135 г. усобицы продолжились с новой силой, к тому же началась война между Новгородом и Ростовом. Распри в стане Мономаховичей подняли авторитет Ольговичей, и они активно втягиваются в перераспределение уделов. В Новгороде вместо Всеволода Мстиславича появился Всеволод Ольгович, а сын Мстислава был даже арестован вместе со всей семьей.

Вообще, именно 1135 г. как бы разграничивает единое и феодально-раздробленное государство. Более того: следующий, 1136 г. станет началом Новгородской республики, независимой ни от Киева, ни от приглашаемых на правление князей. Уже в 1137 г. новгородцы сначала примут, а затем изгонят черниговского князя Святослава Ольговича, причем в конечном счете причиной изгнания станет разрушение князем традиционных торговых связей Новгорода с Верхним Поволжьем. В дальнейшем новгородцы постоянно будут то принимать, то изгонять князей, нередко по несколько человек за короткий период.

В 1138 г. скончался Ярополк Владимирович, который пытался примирить князей. У Татищева замечено, что умерший «был великой правосудец и миролюбец, ко всем милостив и веселаго взора, охотно со всеми говорил и о всяких делах советовал, для того всеми, яко отец, любим был». Со смертью Ярополка о принципах, изложенных в «Поучении Мономаха», уже никто не вспоминал.

§ 2. КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ В XII — НАЧАЛЕ XIII в.

Процесс феодальной раздробленности проявлялся прежде всего в том, что происходило постепенное, но заметное снижение авторитета Киева как главного центра Руси. Князья, жестоко боровшиеся между собой за киевский стол, на самом деле начинают бороться за титул **великого князя**, а Киев, который многократно переходил из рук в руки, перестает со временем привлекать их внимание как место собственно великого княжения. И не случайно уже в 60 — 70-е гг. XII в. Андрей Юрьевич Боголюбский, фактически оставаясь великим князем, жил во Владимире и, утверждая и заменяя киевских князей, сам в Киев не стремился, а хотел перенести титул великого князя в Северо-Восточную Русь. Но окончательно титул великого князя перейдет

во Владимир только в 1185—1186 гт., когда будет закреплён за Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо.

Но в 40—50-е гг. XII в. Киев пока еще привлекал многочисленных претендентов на великокняжеский стол. После смерти Ярополка в Киеве приняли его брата Вячеслава Владимировича. Но он явно не пользовался авторитетом, и не случайно, что главный его конкурент *Всеволод Ольгович* без особых проблем отобрал у Мономашича Киев. Киевляне по существу выслали Вячеслава из Киева, объявив ему, что сражаться за него не будут. Всеволода Ольговича же они встретили с обычными почестями, и тот тоже по обычаю, как сообщает Татищев, «учинил великой пир со братиею своею и вельможи киевскими. Для народа же выставлено было по улицам писчи и пития великое множество и милостиною многую раздал». У Татищева, опять-таки, есть дополнения, проясняющие суть происходившего, довольно путанно и противоречиво изложенного в дошедших до нас летописях. Во-первых, Всеволод не хотел допустить прихода в Киев Юрия Долгорукого, который обязательно воспользовался бы слабостью и непопулярностью своего брата. Во-вторых, он сразу же обратился к Изяславу Мстиславичу, не раз страдавшему от дядей, с предложением союза и обещанием сохранения за Мстиславичами их владений, а самому Изяславу в будущем в качестве завещания обещал и киевский стол, мимо собственного сына. Изяслав принял предложение, и Всеволод без особого труда утвердился в Киеве.

В годы княжения Всеволода (1130—1146) княжеские блоки быстро создавались и быстро разрушались в ходе борьбы за лучшие уделы. В 1143 г., как сообщает Татищев, Всеволод провел в Киеве княжеский съезд. Приглашены были Игорь и Святослав Ольговичи, Владимир и Изяслав Давыдовичи, Изяслав и Ростислав Мстиславичи. Сыновья Владимира Мономаха Юрий Долгорукий и Вячеслав о съезде не знали (не были приглашены). Вопрос был поставлен о преемнике на великокняжеском столе. Всеволод своим кандидатом на роль преемника назвал Игоря. Изяслав Мстиславич напомнил, что ранее такое обещание было дано ему. Всеволод в свою очередь упрекал Изяслава в непослушании. Естественно, что такая перемена неотвратимо вела к перераспределению княжеских блоков и союзов. Изяслав начал искать контакты с Юрием Долгоруким против Ольговичей, но договориться с дядей не смог.

В 1146 г., чувствуя приближение кончины, Всеволод созвал братьев Святослава и Игоря, но киевские вельможи разошлись

во мнениях. Тысяцкий Улеб сразу выразил сомнение: надо посоветоваться и с Владимировичами, поскольку «по отечеству» преемником должен быть Изяслав Мстиславич. Конфликт погасил другой вельможа: «старейшина Лазарь Сокольский». Он, «яко муж мудрый», предложил отложить обсуждение сего более чем острого вопроса, заверив, что киевляне не против Игоря. 1 августа 1146 г. Всеволод Ольгович умер и вновь разразилась политическая борьба.

События в Киеве в августе 1146 г. издавна привлекали особое внимание историков потому, что здесь открывался простор для обсуждения проблем политического, социального и экономического устройства, а также характера и форм как межкняжеской, так и собственно социальной и политической борьбы. Достаточно назвать имена Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова, М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, П.П. Толочко, И.Я. Фроянова и многих других, имевших, как правило, различные мнения о сути происходивших событий. Кроме того, эти события позволяют более реалистично представить сам характер отношений городского самоуправления и института княжеской власти в эту (и не только в эту) эпоху. Существенно и то, что летописные памятники предлагают расходящиеся оценки событий, а это, в свою очередь, дает значительный материал для характеристики самих летописей и отраженных в них идеолого-политических симпатий и антипатий.

Разные толкования во многом исходят и от различных деталей в летописных освещениях происходящего. Так, *Ипатьевская летопись* говорит, что сразу после кончины Всеволода «Игорь доехав к Киеву, и созва Кияне вси на гору на Ярославль двор, и цркъваше к нему крест», а затем следует вроде бы нелогичное дополнение: «и паки же скуписяся вси Кияне у Туровы божницы и не послаша по Игоря, рекуче, княже, поеди к нам». *Игорь Олегович* поехал вместе с братом Святославом и дружиной и направился к «вечникам» (т.е. участникам вече) Святослава. Примерно тот же текст и в *Московском своде конца XV в.* У Татищева же в «Истории Российской» есть существенные акценты. Игорь, «прише же в дом Ярославль, созвал киевских вельмож и всех знатных людей для целования ему креста. Оные же, хотя весьма того не хотели, но за страх учинили». А затем, «сшед со двора Ярославля, собрались на вече всенародно у Туровой божницы и послали звать к себе Игоря». То есть в первом случае по инициативе Игоря собиралась лишь знать, а второе вече было «всенародным».

И Игорь явно боялся этого веча, а потому остался в стороне с дружиной, направив к вечникам брата. Именно Святославу вечники изложили свои требования. Они сводились к отстранению прежних судей (в Ипатьевской летописи «тиунов») Ратши и Тудора, назначению новых, которые бы судили «по уставу отец и дедов». И Святослав, захватив с собой «лучших людей», направился к Игорю, советуя принять требования киевлян.

Дальнейшие события в источниках также переданы с некоторыми разночтениями и снова наиболее последовательно и логично ход их представлен у Татищева. Игорь «целовал крест» (т. е. поклялся, судить по праву), «хотя ему такое странное требование весьма прискорбно было». Далее ход событий достаточно ясно представляет Ипатьевская летопись. Князь поехал на обед, а народ отправился грабить дворы Ратши и мечников (Татишев ошибочно понял эту древнюю должность как имя «Менкин»). Игорь с помощью Святослава едва сумел «утишить» киевлян и сразу же направил посольство к Изяславу Мстиславичу, стремясь выяснить его отношение к происходящему. Вместе с тем — об этом говорят Московский свод и Татишев — обещание, данное киевлянам, Игорь не собирался выполнять и грозил (по Татищеву) «головами киевлян ту обиду Рагшину заплатить». После этого киевляне обратились к Изяславу Мстиславичу, призывая его на княжение.

Незначительные сами по себе текстовые разночтения дали основания для довольно острой дискуссии, основы которой лежат в общем представлении о характере социально-политических отношений на Руси в это время: считать ли феодальную раздробленность «прогрессивным» или «регрессивным» периодом в русской истории. Мнение М.Н.Тихомирова заключалось в том, что «Гора» и «Подол» в Киеве противостояли друг другу в самой структуре городской организации. При этом Ольговичи пытались опереться на «верхушку», складывавшуюся из представителей княжеской дружинно-вотчинной исполнительной власти и из наиболее оторвавшихся от «Земли» «лучших людей» города, а рядовые «кияне»-«вечники» — ремесленники, торговцы, постоянно привлекаемые князьями ополченцы (обычно то и другое совмещалось), — надеялись на восстановление «правого суда», который на фоне худшего ассоциировался со временем Владимира Мономаха и Мстислава.

Конечно, в социальном плане Киев, как и Новгород, и другие города, был расслоен, хотя расслоение нельзя свести только к классовому. В городах шла борьба по меньшей мере между тремя взаимосвязанными и все-таки обособленными социальными слоями. **Первый, верхний слой** — это князь и его дружина, даже исторически мало связанная с

городами, в которых они властвовали. **Второй слой** — выделившаяся в результате социального размежевания в рамках самой «Земли» управленческая верхушка, которая теперь стремится «приватизировать» традиционно выборные должности. **Третий слой** — собственно население города, «вечники», ремесленники и смерды, без участия которых не обходилось ни одно значительное мероприятие. Ведь именно «вечники» составляли основу городского ополчения, а городам Южной Руси (да и Западной тоже) постоянно приходилось быть готовыми к отражениям внешних нападений, хотя, в отличие от предшествующих столетий, эта готовность носила в основном оборонительный характер.

События 1146 г. в Киеве, как и новгородские десятилетием раньше, демонстрировали не упадок экономических связей областей, как представлялось многим авторам, а, напротив, *подъем «Земли» и снижение авторитета экономически бесполезной «Власти»*. Игорь Ольгович не продержался в Киеве и двух недель. Киевляне — в первую очередь как раз в массе рядовые «вечники» — направили депутацию к Изяславу Мстиславичу в Переяславль, аргументируя отвержение Игоря тезисом, переданным Ипатьевской летописью в характерной для древнерусского языка и мышления форме: «Не хотим быти аки в задничи».

«Задница» в древнерусском языке — понятие многозначное. Так обозначалось, например, подворье крестьянской усадьбы. В «Русской правде» — это имущество умершего смерда — его наследство. В княжеской лексике обычно речь идет об «отчине» (откуда позднейшая «вотчина»). В послемонгольское время само это понятие выходит из употребления, почему списки Ипатьевской летописи XVI в. опустили и саму фразу. Но и ранее, как можно судить и по реакции киевлян, за этим правовым термином предполагалось определенное социальное принижение: *киевляне протестовали против взгляда на них претендентов на княжеский стол как на свою не слишком значимую собственность*. Иными словами, за малопонятной сейчас фразой стоит принципиальное отношение «Земли» к «Власти», к ее правам и обязанностям: *князья не имеют права смотреть на горожан, как на свою собственность*.

Изяслава Мстиславича поддержали и остатки давних степных народов, занимавших окраины Переяславской земли («черные клобуки», торки и берендеи), и все прилегающие к Киеву города, где, кстати, вопрос, как правило, обсуждался на городских вечевых собраниях. Решающую же роль в противостоянии

дружин Игоря и Изяслава сыграло киевское ополчение, которое однозначно выступило на стороне Изяслава. Игорь потерпел сокрушительное поражение, сам чуть не утонул в болоте, из которого его извлекли на четвертый день. Изяслав расправился с соперником довольно сурово: Игорь был заточен в монастыре в Переяславле, где впоследствии пожелал принять и пострижение. В этом ему Изяслав не препятствовал, предоставив и определенный выбор места пострига. Но озлобленность киевлян против Игоря проявилась и в том, что они на вече постановили расправиться с ним, уже постригшемся в Киевском Федоровском монастыре. Горожан не смутило даже то, что Игорь слушал обедню. Они схватили его и вывели из монастыря, убили, а труп его подвергся поруганию: веревками за ноги волочили до Десятинной церкви, а потом отвезли на Подол «на торговище». Последняя деталь указывает на настроение именно торгово-ремесленного Подола. Сам же факт расправы, хотя и над грешником, но принявшим монашеский образ князем, морально поддержит бывших его сторонников, даст им аргументы против неукротимых «киян».

Но и *Изяслава* ожидали большие трудности, в том числе и в самом Киеве. И хотя летописи отмечают его умеренность (никого не казнил), но, естественно, именно в высших сферах оказалось много недовольных. Помимо Ольговичей, у Изяслава сразу же возникли проблемы с собственными ближайшими родственниками, прежде всего с дядей Вячеславом, который стал бороться за города, прилегающие к Киеву. Главным же соперником Изяслава в борьбе за Киев надолго станет другой дядя — Юрий Долгорукий, который начал собираться в поход на Изяслава. И Изяслав, видимо, переоценил приверженность к нему киевлян: хотя он вроде бы постоянно советовался с вечем, идти в поход против Юрия Долгорукого киевляне отказались. Мотивировали они это, между прочим, и тем, что не могут идти против сына Владимира Мономаха.

В литературе обсуждался вопрос о соотношении традиционного принципа «старейшинства» и утвержденного Любечским съездом принципа «отчины». В усобицах 30-х гг. уже столкнулись два этих разных принципа. В 40-е гг. они еще более обострились: Изяслав Мстиславич претендовал на Киев как на «отчину», ибо был сыном княжившего ранее в Киеве Мстислава, а Юрий Долгорукий указывал на свое «старейшинство» — он был сыном Владимира Мономаха, т.е. «старейшим» среди Мономаховичей. Однако старейшим в действительности был Вяче-

слав, многократно напоминавший об этом и Изяславу, и Юрию, и постоянно менявший свои политические симпатии и пристрастия. Само это противостояние предоставляло и киевлянам простор для маневров. И в результате появится уникальное явление — **соправительство в Киеве двух князей: «дуумвират»**. И связан он будет с борьбой за Киев Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого.

Неопределенность ситуации с правом на наследие великокняжеского титула провоцировала постоянные конфликты как между князьями, так и в целом между «Землей» и «Властью». Б.А. Рыбаков, исследуя историю взаимоотношений героев «Слова о полку Игореве», подсчитал, что Святослав Всеволодович, Ольгович по отцу и племянник Изяслава Мстиславича по материнской линии, будущий великий князь Киевский за двенадцать лет «одинадцать раз (!) сменил сюзерена, совершив при этом десять клятвопреступлений. Иногда это делалось поневоле, под давлением непреодолимых обстоятельств, а иной раз и по собственной воле, в поисках выгоды». Тем не менее князь, испытав на себе «и тяжесть усобиц, и унижительность положения подручного князька, и позор половецкого плена, должен был почувствовать важность единой, согласованной системы обороны Руси от общего врага — половцев».

Весьма похожи и биографии многих других князей, разбросанных по разным землям и городам Руси в XII в. Тем не менее и рядовые горожане, и городские верхи, изгоняя одних и приглашая других князей, искали наиболее приемлемый для себя вариант, стремясь сохранить как можно больше прав и получать возможно более надежную защиту.

Изяслав был, безусловно, одним из наиболее энергичных князей середины XII в., и с киевлянами он старался ладить. В то же время он стремился разными путями поднять авторитет своей личной власти. Одним из таких мероприятий, имевших общерусское значение, было избрание в 1147 г. митрополитом Руси *Климента Смолятича* (по Татищеву, киевлянина), монаха Пречистенского монастыря в Зарубе. Особенность этой акции заключалась в том, что впервые после избрания Илариона в 1051 г. митрополита Руси не «поставляли», а избирали созванным князем *советом епископов* без утверждения Константинополем. Естественно, единогласия между епископами не было, и эти разногласия позднее проявятся и в церковной борьбе, и будут использоваться в политических целях. Пока же Изяслав одержал победу, и Климент стал митрополитом. Категорически с этим избранием не соглашался лишь новгородский епископ Нифонт, а некоторые уклонились от участия в совете.

Летописи в целом глухо передают содержание происшедшего. В Московском своде тем не менее отмечено, что избранный митрополит «бысть

же книжник и философ, каковых не бывало на Руси». Более развернуто этот сюжет дан у Татищева. У него воспроизводятся и аргументы князя: «Церковь осталась без пастыря и начальника правления духовного, котораго прежде великие князи, избирая, посылали для посвящения в Константинополь. И ныне избрать в моей воли, но в Царьград к патриарху послать для учинившегося смятения и многих междоусобий в них не можно. К тому же от оных митрополитов посвящения чинятся напрасно великие убытки, а паче всего через сию патриархов в Руси власть цари греческие исчут над нами властвовать и повелевать, что противно нашей чести и пользы. По правилом же святых апостол и вселенских соборов положено, да два или три епископа, сошедшись, поставляют единого».

Конечно, на Руси были и прогреческие силы. И не только из числа греческих епископов и иных духовных лиц. В позднейшей *Никоновской летописи*, наиболее осведомленной как раз в церковных делах, хотя и отмечают высокие достоинства избранника, оговаривается, что «мнози же убо о сем негодоваху, и от епископов, и от прочих священных, и от иночествующих, и от мирских. Паче же на князя Изяслава Мстиславича Киевскаго негодоваху». Естественно, что в этом круге окажется и главный антагонист Изяслава — его дядя Юрий Долгорукий.

Юрий Долгорукий в 1147 г. разорял новгородские области, требуя, чтобы новгородцы выслали из своих пределов Мстиславичей. В том же году произошла знаменитая его встреча со Святославом Ольговичем в Москве, где были обсуждены установки на борьбу с Изяславом и его союзниками — не всегда надежными. Реальное вторжение в Приднепровье Юрия и других объединенных с половцами сил придется на 1149 г. Изяслав недооценил угрозу и переоценил степень готовности киевлян противодействовать притязаниям Юрия и черниговских Ольговичей. Призванные на совет Изяславом киевские вельможи заверили, что им «с Юрием не ужиться», но обещали присоединиться к Изяславу лишь после того, как он в Смоленске и Владимире Волынском наберет войско. В итоге Юрий овладел Киевом. Изяслав же вместе с митрополитом Климентом отошел в Смоленск, а затем отправился во Владимир Волынский собирать силы для отвоевания Киева.

За короткое пребывание в Киеве *Юрий Долгорукий* обозначил и свои религиозные симпатии. На митрополичий стол был избран грек *Константин*, которого отправили на посвящение в Константинополь. Татищев сообщает и то, что «многие игумены и монахи из монастырей со многим богатством с Константи-

ном поехали». Патриарх «прозьбы их не презрил», а царь Мануил писал уже вернувшемуся в Киев Изяславу, что «монахи туне богатства имеют» и советовал монастыри разорить. Однако «Изяслав не принял совета царского». Сам же Константин с возвращением в Киев Изяслава и Климента ушел в Чернигов.

Юрий, сознавая шаткость прав на Киев, пытался привлечь на свою сторону действительно старейшего из Мономаховичей — Вячеслава. Киевляне отвергли это предложение, опасаясь, что Вячеслав Киева не удержит. Но и недовольство поведением Юрия в Киеве возрастало. Недовольны были также черные клобуки, враждовавшие с союзными Юрию половцами. В итоге Изяслав вернулся в Киев вместе с Вячеславом, которого готов был признать великим князем. Однако этого снова решительно не захотели киевляне. И лишь после угрозы возвращения Юрия они согласились на создание дуумвирата. Киевляне согласились с тем, чтобы Изяслав был сыном, а Вячеслав отцом, владеть Киевом им совместно, но Изяславу всем управлять.

Таковы были условия **первого дуумвирата**, инициатива создания которого все-таки исходила от самих князей, но условия диктовались городом. Неудача Изяслава в походе на галицкого князя Владимирко — союзника Юрия Долгорукого заставила вновь оставить Киев, и его снова занял Юрий. Но в 1151 г. Изяслав с помощью прежде всего венгров и черных клобуков снова был в Киеве, и киевляне «встретили его всенародно». Снова был восстановлен и дуумвират.

1151—1152 гг. полны вооруженных противостояний и столкновений. Юрий с сыновьями занимали Переяславскую землю и были в союзе по-прежнему с половцами, Ольговичами и галицким князем Владимирко. Изяслава поддерживали черные клобуки и другие тюркские племена, признававшие Изяслава своим «царем», а также венгры, король которых Гейс был зятем Изяслава. Борьба шла с переменным успехом, а для южных пределов Руси она означала разорение сельских районов. *Именно в это время происходит наиболее интенсивный отлив населения на Северо-Восток*, и в 1152 г. появится еще один Переяславль — тоже на Трубеже, отличающийся от южного и рязанского как «Залесский».

В 1152 г. погиб князь Владимирко, и Изяслав избавился от одного из самых опасных своих неприятелей, а Юрий Долгорукий потерял постоянного союзника. В том же году Юрий совер-

шил вместе с половцами и Ольговичами новый поход на юг. На сей раз события развертывались в Черниговской и Новгород-Северской земле. Помощь киевских князей и их степных союзников черниговским князьям принесла полную победу: половцы первыми бежали в степь, а Юрий с сыновьями отступил в Суздальскую землю.

Последующие два года прошли относительно спокойно. Овдовевший Изяслав искал невесту, и по хвалебным отзывам остановился на дочери «царя» обезов (одно из названий адыго-абхазской народности). В 1155 г. в Киеве была отпразднована пышная свадьба. А 13 ноября Изяслав скончался. «И плакася по нем вся Руская земля, — записано в Ипатьевской летописи, — и вси черные клобуци, и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци... Вячеслав же стрый его наипаче плакася... реку, сыну, то мое было место». У Татищева описание несколько развернуто за счет наставлений князя сыновьям и просьбам к Вячеславу. Он советовал также в соправление принять брата его Ростислава, и перед самой кончиной собрал вельмож и старшин, которых поблагодарил за службу и любовь и попросил также любить Ростислава и своих детей. Татищевский текст включает обычный портрет-характеристика: «Сей князь великий был честен и благоверен, славен в храбрости; возрастом мал, но лицом леп, власы краткие кудрявы и брада малая круглая; милостив ко всем, не сребролюбец и служащих ему верно пребогато награждал; о добром правлении и правосудии прилежал; был же любочестен и не мог обиды своей чести терпеть».

Ситуацией намеревался воспользоваться черниговский князь Изяслав Давыдович, но киевляне вместе с Вячеславом и Мстиславом Изяславичем в Киев его не допустили. Согласно завещанию, в Киев пришел из Смоленска *Ростислав Мстиславич*, который и стал соправителем, — возник **второй дуумвират**. Но Вячеслав вскоре умер и ситуация снова обострилась. На короткое время Изяслав Давыдович занял киевский стол. Но вскоре в Киев пришел Юрий Долгорукий и без особых осложнений сел на великокняжеском столе. Своеобразную великокняжескую резиденцию, Вышгород, получил его сын Андрей. Однако Андрей, как и в 1151 г. без уведомления отца, «оскорбяся делами и веселиями отцовыми, за что все на отца его негодовали», как объясняется у Татищева, ушел в 1155 г. назад в Суздальскую землю, с которой и будет связана вся его дальнейшая судьба.

Юрий Долгорукий главной своей задачей определил изгнать Изяславичей из их княжений. А итог княжения Юрия, умершего в 1157 г., выразительно представлен в Ипатьевской летописи: «Пив бо Юрги в осменика у Петрилы. В ть день на ночь разболеся, и бысть болести его 5 днии и преставися Киеве... месяца мая въ 15, в среду на ночь, а завтра в четверг положиша у монастыря святого Спаса. И много зла створися в ть день, розграбиша двор его Красный, и другой двор его за Днепром разграбиша, егоже звашеть сам Раем, и Василков двор, сына его, разграбиша в городе, избиваху суждалци по городом и по селам, а товар их грабяче». По Татишеву, киевляне говорили при этом: «Вы нас грабили и разоряли, жен и дочерей наших насилывали и несть нам братия, но неприятели». Оценка киевлянами правления Юрия не нуждается в комментариях. А Татишев прилагает обычный свой портрет: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не вельми великии, нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких писч и пития; более о веселиях, нежели о разправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев. И хотя, несмотря на договоры и справедливость, многие войны начинал, обаче сам мало что делал, но больше дети и князи союзные, для того худое счастье имел и три раза от оплошности своей Киева изгнан был.... Имел от двух жен 11 сынов».

Первая жена Юрия была половчанка, а вторая гречанка. Это постоянно сказывалось на его симпатиях — к половцам и к Византии. В 1156 г. ранее поставленный в митрополиты Константин прибывает наконец в Киев. Начинается «чистка»: все утверждения и посвящения в сан, сделанные Климентом, отменяются: «Испровергъши Климову службу и ставления, и створивше божественную службу». Впрочем, некоторые аспекты «божественной службы», установленной Константином, вскоре озадачат и священнослужителей, и летописцев.

Константин в 1158 г. был изгнан Мстиславом Изяславичем, добывавшим Киев для дяди Ростислава. Мстислав, в частности, по Татишеву, настаивал на том, что «Константиново поставление паче, нежели Климово, порочно, понеже оное купил серебром и златом». Мстислав хотел вернуть из Владимира Климента, но этому воспротивились и епископы, и сам Ростислав. Киев остался без митрополита, а Константин вернулся в Чернигов, где он ранее был епископом. Вскоре он скончался, оставив завещание: по Лаврентьевской летописи — устное,

епископу Антонию, в Московском своде XV в. — письменное. Это завещание свидетельствует о каких-то еретических воззрениях самого Константина, во всяком случае его представление о погребении собственного тела было довольно далеко от христианского: «Написав грамоту, запечата ю, призвав к себе епископа Черниговьского Антония и дасть ему ту грамоту и заклят его именем Божиим, яко по представлении его сотворит то все, иже грамоте тои написано. Егда же преставися, и взем епископ грамоту, данную ему митрополитом, и иде ко князю Святославу Олговичу и отрешь печать и прочте ю и обрете в ней страшную вещь: «яко по умертвии моем не погребите тело моего, но повергыше его на землю и поцеплыше ужем за нозе и извълекше из града, поверзите на оном месте», имя нарек ему, «псом на расхышение». Диви же ся много тому князь и епископ. Та же створи епископ повеленное ему и поверже на уреченном месте тело его. Народи же вси дивишася о смерти его».

Согласно Лаврентьевской летописи и Татишеву, князь распорядился захоронить бывшего митрополита на другой день. В редакции Московского свода говорится: «Лежа вне града тело его три дни, и по томъ же Святослав князь о вещи сеи страхом велиим и ужастью одержим бе, и убоявся суда Божия и повеле въ третии день взяти тело его и повеле нести его въ град с великою честью; не прикосну же ся е в ты дни ничтоже к телу тому, но цело и невредимо бысть ничим же, и внесше и въ град, положиша у святого Спаса... В сия же 3 дни солнце помрачися и буря зелна бе, яко и земле трястися, и молнии блистаней не можаху человеци терпети, и грому силу бывшу, яко едином шибением зарази 7 человек, дву попов, да дьякона и 4 простыци, а Ростиславу тогда стоящу у Вышегорода на полы, и полама буря о нем шатер его».

Естественно следует назидание. Его нет ни в Лаврентьевской летописи, ни у Татишева, ни в одном из его источников (в Ипатьевской летописи отсутствует и сам сюжет). В Никоновской же летописи страшные последствия развернуты, причем вместо Ростислава там называется Мстислав Изяславич. Татишев в примечании, полагая, что Никоновскую летопись писал сам патриарх Никон и именно он сочинил всю эту историю, вступает с ним в полемику, продемонстрировав хорошее знание Евангелия. Во-первых, «такую злобою, при смерти наполненною, когда всех прощать и у всех прошения просить якобы должно... боле хулу и законопреступство, неже похвалу и благочестие, Константину приписал; 2) хула на правосудие Божие, ибо Киев его изгнания виною не был, и князя согнавшего не было, то за что невинных наказывать? 3) он не знал, что Бог на зло молящегося и праведника не слушает; не велит мстить...». В другом месте, имея в виду уже самого Константина, проклинавшего покойного Изяслава, Татишев также ссылается на Евангелие и Иоанна Златоуста, который «лучше сам хотел проклинаем быть, нежели умершего в грехе проклясть, о чем поучение презрительное оставил, называя проклинание дело безбожное... Коего же мы можем от такого, имянующегося пастырем, и

начальником, и учителем, доброму к благочестию и учению и наставлению ожидать, который сам Закона Божия не знает и не хранит?»

Замечания Татищева вполне справедливы, по крайней мере, с христианской точки зрения. Поэтому речь может идти именно о каких-то *еретических пристрастиях* Константина, причем природу ереси надо искать где-то на Востоке, может быть и в самой Византии, посланцем которой был Константин.

1157 г. во многом переломный в русской истории. Давно замечено, что около этого времени существенно меняется содержание летописного материала и даже стиль летоисчисления (появляется традиция ультрамартовского стиля). Летописные записи за 40 — 50-е гг. XII в., как правило, подробные и явно записанные в близкое к происходившим событиям время (что, конечно, не исключает ни позднейшего редактирования, ни включения извлечений из других источников). Еще одна из особенностей летописания этого времени — его *общерусское наполнение*: разные центры Руси от Галича до Рязани и от Новгорода Великого до Северской земли как бы включались в единое географическое пространство, в котором шла и борьба между разными центрами, и между возглавлявшими их княжескими родами. Зато после 1157 г. нарастает *обособление разных центров*, о чем 30 лет спустя с большой тревогой скажет автор «Слова о полку Игореве».

Если Киев и Киевская земля достигли наивысшего после Владимира Мономаха и Мстислава политического значения при Изяславе Мстиславиче, то при Юрии Долгоруком шло резкое обособление южных русских земель от Северо-Восточной Руси, причем именно в силу неприятия населением Киевской и Переяславской земель действий Юрия. В то же время Киевская земля и реально ослабела из-за постоянных половецких разорений, а также из-за поведения суздальцев, как в завоеванной стране.

После смерти Юрия Долгорукого в 1157 г. на киевском столе снова оказался *Изяслав Давыдович*, и на сей раз киевляне сами его пригласили. Но уже в 1158 г. киевское княжение переходит к Ростиславу Мстиславичу. Княжение *Ростислава Мстиславича* в 1158 — 1167 гг. на сей раз оказалось более рациональным и удачным. На его стороне было реальное старейшинство, что оставалось важным аргументом. У него «старейшество» *сливалось также и с принципом «отчины»* — его отец Мстислав был соправителем Владимира Мономаха и великим киевским князем. Ростис-

слав пользовался поддержкой племянника Мстислава, княжившего на Волыни и как бы прикрывавшего Киевское княжество с запада. На пользу князю шла даже отмечаемая обычно его нерешительность: она побуждала искать обходные пути и действовать больше дипломатическими, а не военными методами. Во Владимиро-Суздальской земле в это время княжил весьма энергичный Андрей Боголюбский, постоянно державший в поле зрения новгородские дела. Но Ростислав, занимавший Смоленск 32 года, имел в Северо-Западном регионе надежную опору, и отсюда ему легче было влиять на новгородцев, нежели Андрею Юрьевичу из Владимира.

Поначалу Новгород оставался вне сферы его влияния, но вскоре ему здесь удалось утвердить своего сына Святослава, ранее изгнанного новгородцами. По Татищеву же, Ростислав направил к ним другого своего сына Мстислава. Данные Татищева значимы, поскольку и в этом сюжете у него имеются дополнительные сведения по сравнению с известными летописями. Правда, позднее и у него упоминается Святослав. Идет ли речь об ошибке, или Мстислава Ростиславича новгородцы, как это часто бывало, просто не приняли, остается неясным.

В какой-то мере Ростиславу удалось стабилизировать отношения и с Черниговом. Он помирился со Святославом Ольговичем, а после кончины Святослава Ольговича (1164 г.) Ростислав поддержал его сына Олега Святославича, закрепив за ним Черниговское княжение. Это ослабляло напор на Поднепровье Половецкой степи, урон от которой всегда был наиболее значительный.

Изяславу Давыдовичу удалось в зиму 1161 г. с помощью половцев еще раз захватить Киев. Ростислав не был готов к отражению нападения и ушел, забрав княгиню и дружину, в Белгород. Здесь под Белгородом, пытаясь его взять, и нашел свою кончину Изяслав Давыдович, один из самых неудачливых и бесполезных для Русской земли князей. И решающую роль в победе над Изяславом и половцами вновь сыграл князь владимирово-волынский Мстислав Изяславич. Татишев сообщает, что возвращение в Киев Ростислава весьма обрадовало киевлян. При этом, однако, «именно Мстиславу Изяславичу весь народ, паче всех князей, яко победителю, хвалы восклицал».

В 1164 г. Ростислав уже по своей инициативе хотел вновь возвести на митрополию Климента Смолятича. Но из Константинополя был прислан поставленный там митрополит-грек Иван

с дарами от цесаря Ростиславу. В Ипатьевской летописи далее следует подозрительный пропуск (без вырванных листов). А речь в пропущенном месте летописи могла идти как раз о том, о чем говорится у Татищева. Ростислав намеревался вернуться к тому, к чему пришел в свое время его брат: не принимать ставленников Константинополя. Но прибыл посол из Константинополя с дарами, князь смягчился и отложил намерение на будущее. «Я сего митрополита за честь и любовь царскую ныне прииму, — якобы говорил Ростислав, — но впредь, ежели патриарх без ведома и определения нашего против правил святых апостол в Русь митрополита поставит, не токмо не приму, но и закон сделаем вечный избирать и поставлять епископам руским с повеления великого князя».

Ростислав Мстиславич скончался в 1167 г. Преемником его, вопреки старшинству, стал *Мстислав Изяславич* (ум. 1171 г.). Его желали киевляне, к нему специально обращались черные клобуки. Поэтому сыновья Ростислава Рюрик и Давид и другие князья, находившиеся в это время в Киеве, вынуждены были согласиться с мнением киевлян. Но принцип «старейшинства» довлел над большинством княжеских родов и как аргумент постоянно поднимался в усобицах. Поэтому князья стали готовиться к вооруженному противостоянию, причем особую активность проявлял именно «старейший» — Владимир Мстиславич, дядя Мстислава Изяславича. В итоге при явной поддержке киевлян, Мстиславу пришлось занимать Киев с боем, а Владимира Мстиславича вообще изгнали из «Руси», и он отправился в Ростово-Суздальскую землю, где ему выделили удел.

Мстислав Изяславич был, конечно, прежде всего храбрый и умелый полководец. В 1168 г. он организовал грандиозный поход против половцев в защиту и Русской земли, и торговых путей — Греческого, Солоного и Залозного. В походе участвовало 13 князей, и закончился он блистательной победой. Но как государственный деятель Мстислав был во многом противоположностью своего дяди Ростислава. Тот был нерешителен, Мстислав, напротив, чрезмерно решителен и потому прямолинеен. И, конечно, серьезную роль играл тот факт, что Мстислав не был «старейшим». В результате Мстислав Изяславич не заметил, как вокруг него вызрел заговор, в который включились герои недавней победы над половцами.

В 1169 г. большая коалиция князей, теперь выступавших под началом сына Андрея Боголюбского Мстислава, взяла Киев.

Как сообщает Ипатьевская летопись, союзные княжеские войска два дня грабили город и монастыри, убивая всех подряд: «И бысть в Киеве стенание и туга и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные». Мстислав Изяславич надеялся с помощью Ярослава Галицкого (Осмомысла) и некоторых других князей вернуть Киев. Но поход на Киев оказался неудачным из-за предательства галицкого воеводы Константина, «прельщенного дарами». А в 1171 г. Мстислав Изяславич скончался.

После разгрома 1169 г. Киев уже не представлял реальной силы и перестал быть символом единого государства. Утратило общерусское мышление и киевское боярство, легко продававшееся теперь претендентам на киевский стол. Победивший в войне Андрей Боголюбский не оставил в Киеве даже своего сына Мстислава, который от его имени возглавлял коалицию князей, выступавших против Мстислава Изяславича. Киевским князем оставили брата Андрея — Глеба Юрьевича. Через два года он скончался, заслужив похвалу летописца как человека, не нарушавшего крестоцелований, что стало редкостью в междукняжеских отношениях. Позднее Андрей Боголюбский требует выдачи киевских бояр, которые «уморили» Глеба.

По инициативе Ростиславичей в 1171 г. в Киеве сел Владимир Мстиславич. Андрей Боголюбский, возмущенный тем, что его не поставили в известность, потребовал устранения Владимира и передачи Киева Роману Ростиславичу. На требование его не успели отреагировать: Владимир скончался.

В течение нескольких лет за киевский стол шла ожесточенная борьба, и Киев попеременно занимали разные князья. Причем важно, что теперь некоторые князья уже *отказываются от киевского стола*, как от очень беспокойного и ненадежного, предпочитая оставаться в своих родовых княжениях. Так, например, Роман Ростиславич, завоевав Киев, затем, посоветовавшись с братьями, решил без боя отдать его черниговскому князю Святославу Всеволодовичу. Татишев передает смысл этого решения: «Роман, разсудя довольно, что великое княжение Киевское ничего более, как токмо едино звание имело, князи уже ни во что его не почитали, и все равными быть ему себя ставили,... и никаких доходов и войск, кроме Киева, не осталось». Именно так обстояло дело в действительности.

В 1180 г. в Киеве сложился **третий дуумвират** — там совместно стали княжить *Святослав Всеволодович* (ум. 1194) и *Рюрик Ростиславич* (ум. 1211). Но на сей раз собственно киевляне к воз-

никновению дуумвирата отношения не имели. Это был союз Ольговичей и Мономаховичей, двух ветвей потомков Ярослава Мудрого, созданный в интересах выживания тех и других в условиях постоянной угрозы со стороны Степи и непростых отношений и внутри клана Ольговичей, и со многими князьями Мономаховичами. Подобный союз дал свои плоды. Так, сын Юрия Долгорукого Всеволод Юрьевич захватил в плен Глеба, сына Святослава Всеволодовича и держал его и его дружину под крепкой стражей. Соправители сообщили Всеволоду об их союзе и просили об освобождении Глеба. Пока Святослав едва держался в Киеве, можно было его игнорировать, объединение же двух сильнейших княжеских домов меняло положение. Поэтому Всеволод немедленно отпустил Глеба.

Дуумвират оказался устойчивым и продержался до 1194 г., когда скончался Святослав Всеволодович. За это время положение в Приднепровье стабилизировалось. «Слово о полку Игореве» вспоминает о победах Святослава (он, как «старейший», обычно возглавлял полки) над половцами. Еще более весомые победы приходятся на конец 80-х — начало 90-х гг. XII в., когда половцы вынуждены были откочевать от Приднепровья, сняв, таким образом, блокаду важнейших торговых путей.

Самостоятельное же княжение Рюрика было менее плодотворным. Он сразу собирался провести совет с братьями, возможно, намереваясь продолжить дуумвират уже с кем-то из них. Но в таком дуумвирате не было смысла. Рюрик смог только ожесточить против себя Ольговичей, да и Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, княживший во Владимире, теперь считая себя «старейшим», требовал признания своего «старейшества» от князей Южной Руси и выразил недовольство деятельностью Рюрика. **Собственно уже с середины 80-х гг. XII в. титул великого князя перемещается из Киева в Северо-Восточную Русь. И сам Киев окончательно перестает считаться общерусским центром.**

У Рюрика осложнились отношения и с собственным зятем *Романом Мстиславичем* (ум. 1250), сыном Мстислава Изяславича. В 1197 г. Роман Мстиславич овладел Галичем и получил солидную базу для предстоящей борьбы с тестем, который также готовился к этой борьбе. В 1201 г. Рюрик «вста на Романа», пригласив на помощь Ольговичей. Но Роман опередил Рюрика и с галицкими и владимирскими полками быстро двинулся к Киеву. По пути к нему примкнули черные клобуки, имевшие свои счета к Рюрику, а также ополчения из городов Киевщи-

ны. И сами киевляне, вопреки князю, отворили «ворота Подольские». Этот штрих существенен: «Подол» — это ремесленная сторона Киева, в отличие «Горы», где располагалась знать. Иными словами, за Романа было киевское простонародье. Но взяв Киев, Роман отправил Рюрика в Овруч, в Киеве оставил двоюродного брата Ингоря Ярославича, а сам вернулся в Галич. Роману было важнее прочно обосноваться в Галиче, нежели претендовать на киевский стол, служивший в это время лишь яблоком раздора.

В этом же году Роман организовал большой поход на половцев, принесший ему общерусскую славу. Лаврентьевская летопись сообщает об этом кратко, но выразительно: «Ходи Роман князь на половци, и взя вежи половечьские, и приведе полона много, и душ хрестьяньских множество отполони оть них; и бысть радость велика в земли Русьстей». У Татищева иной текст. Он говорит о набеге половцев, которые «много вреда учиня, возвратились». Роман «догнал их за Росью, ибо для множества полона и скота не могли уйти далеко. Роман, рассматривая их стан, ночью нечаянно напал на них, многих побил и пленил, а пленников русских всех, освобождая, отпустил в дома, и сам возвратился к Галичу».

Той же зимой Рюрик с Ольговичами «и всею Половечскою землею» взял Киев, подвергнув город страшному разорению, что отмечается в летописях разных земель. Например, в Новгородской Первой летописи особо отмечается, что Рюрик «град погшоша».

После такого разгрома кажется непонятным, почему вдруг в 1202 г. Роман стал ходатайствовать перед Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо за прощение Рюрика и за его утверждение снова в Киеве. Объяснение можно найти у Татищева. Киевляне, по Татищеву, «прилежно» просили Романа занять киевский стол, но Роман вновь отказался. Видимо, отказываясь занять Киев, Роман не видел никого, кроме Рюрика, кто бы мог из Мстиславичей его удержать. Всеволод Юрьевич был весьма удивлен, поскольку ничего о происшедшем вокруг Киева не знал. Но с пожеланием Романа он согласился, и Рюрик вернулся в Киев, а Роман — в Галич.

В следующем, 1203 г. Роман вновь обратился к Всеволоду, на сей раз с просьбой примириться с Ольговичами. Всеволод откликнулся охотно. В 1203 г. был организован совместный поход на половцев, в котором, помимо Рюрика и Романа, участвовал

сын Всеволода Ярослав, занимавший Переяславль, и «инии князи». Поход был успешный, и князья с большой добычей и полною вернулись в Треполь. И тут между Романом и Рюриком вновь начались раздоры. В итоге Роман насильно заставил Рюрика постричься в монахи, а его семью увел в Галич. После пострижения тестя, Роман въехал в Киев «с великою честью и славою».

Некоторое представление о ходе мыслей Романа дает обращение его к князьям о межкняжеской субординации, воспроизведенное Татишевым. Князь сообщал всем князьям, что Рюрика он сверг с киевского престола за клятвopеступление и вносил предложение: «Вы, братия, известны о том, что Киев есть старейший престол во всей Руской земли и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему во всех князьях русских, чтоб мог благоразумно управлять и землю Рускую отвсюду оборонять, а в братии, князьях русских, добрый порядок содержать, дабы один другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять. Ныне же видим все тому противное. Похисчают престол молодые и несмысленные, которые не могут не токмо других распорядить и братию во враждах разводять, но сами себя оборонить не в состоянии; часто встает война в братии, приводят поганых половцев и разоряют землю Рускую, чим наипаче и в других вражду всеают. Того ради и Рюрик явился виновен. И я лишил его престола, дабы покой и тишину Руской земле приобрести, доколе все князи русские, разсудя о порядке руского правления, согласно положат и утверждают. О чем прошу от каждого совета, кто как наилучше вздумает. Мое же мнение ежели принять хотите, когда в Киеве великий князь умрет, то немедленно местные князи, суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и резанский, согласясь изберут старейшего и достойнейшего себе великим князем и утверждают крестным целованием, как то в других добропорядочных государствах чинится. Младших же князей к тому избранию не потребно, но они должны слушать, что оные определяют. Когда тако князь великий на киевский престол избран будет, должен старшего сына своего оставить на уделе своем, а молодых наделить от онаго ж или в Руской земли от Горыня и за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало. Ежели кто из князей начнет войну и нападение учинит на область другого, то великий князь да судит с местными князи и смирит. Ежели на кого придут войною половцы, венгры, поляки или другой народ и сам тот князь оборониться не может, тогда князю великому, согласясь с местными князи, послать помощь от всего государства, сколько потребно. А чтобы местные князи не оскудевали в силах, не надлежит им областей своих детям делить, но отдавать престол по себе одному сыну старшему. Меньшим же хотя давать для прокормления по городу или волости, но оным быть под властью старшего им брата. А буде у кого сына не ос-

танется, тогда отдать брату старейшему по нем или кто есть старейший по линии в роде его, чтоб Руская земля в силе не умалялась. Вы бо ведаете довольно, когда немного князей в Руси было и старейшего единого слушали, тогда все окрестные их боялись и почитали, не смея нападать на пределы Руские, как то ныне видим».

Роман предлагал съехаться князьям на совет в Киев или в какое-то другое место, «чтоб о сем внятнее разсудить и устав твердый учинить». Татищев, комментируя этот текст, вполне справедливо заключает, что если бы предложение было принято, «то б, конечно, такого великаго вреда от татар не приключилось». Но князья, в большинстве обещавшие приехать в Киев, своего обещания не выполнили. А Всеволод, не желая переезжать в Киев и допустить кого-то туда в качестве «старейшего», просто отказал: «Того издревле не было и я не хочу преступать обычая древняго, но быть так, как было при отцах и дедах наших». Именно этот отказ побудил Романа, оставив в Киеве снова Ингоря Ярославича, вернуться в Галич.

В 1205 г. Роман погиб в Польше. Рюрик, узнав о гибели Романа, сбросил с себя монашеское одеяние и вновь овладел киевским столом. Хотел он расстричь и княгиню, но та отказалась. Не желая вернуться в обстановку постоянного беспокойства, Рюрик немедленно направил послов к черниговским и северским князьям, а также к Всеволоду и организовал поход на Галич, где остался князем малолетний Даниил. С помощью венгерского короля Галич удалось отстоять.

На следующий год Рюрик организует новый поход на Галич, привлекая на сей раз половцев и поляков. Даниила за младостью отправляют во Владимир, а в Галич был приглашен княжить Владимир Игоревич, матерью которого была знаменитая по «Слову о полку Игореве» Ярославна — дочь Ярослава Осмомысла, княжившего ранее в Галиче.

Но коалиция раскололась. Теперь за Киев стали бороться *Всеволод Святославич Чермный* (Ольгович, сын Святослава Всеволодовича) и Рюрик Ростиславич, и в 1206—1208 гг. Киев вновь неоднократно переходил из рук в руки. В конфликт были, как обычно, вовлечены половцы, которые воевали и за ту и за другую стороны. Активно включился в новую усобицу и Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, потому что конфликтующие стороны изгнали из Переяславля его сына Ярослава Всеволодовича, а кроме того, он не мог примириться с переходом Киева к Ольговичам.

Последующие события в летописях изложены путано и противоречиво. Согласно Лаврентьевской летописи и Московскому своду, а также другим позднейшим летописям, в 1210 г. произошла необъясненная летописцами «рокировка»: Всеволод Чермный перешел в Киев, а Рюрик Ростиславич в Чернигов. У Татищева этого эпизода нет. И далее — по Татищеву, Рюрик скончался в 1211 г. в Киеве. Летописи датируют его кончину 1215 г. (т.е. тремя годами после смерти Всеволода Юрьевича), а позднейшая западнорусская Густинская летопись — даже 1219-м, и опять говорят о Чернигове. Московский свод под 1212 г. говорит (уже после кончины Всеволода Юрьевича) о походе коалиции князей на Киев и вокняжении там сначала Ингоря Ярославича, а затем Мстислава Романовича. Всеволод же Святославич с братьями бежит в Чернигов. Рюрик в этой связи не упоминается. Видимо, об этих же событиях рассказывает в другой редакции Новгородская Первая летопись под 1214 г. Ростиславичи (потомки Ростислава Мстиславича Смоленского), у которых Всеволод Чермный отобрал их владения в Южной Руси, обратились за помощью к внукам Ростислава: Мстиславу Романовичу и Мстиславу Мстиславичу Удалому. Мстислав Мстиславич организовал поход на Киев и изгнал Всеволода Чермного, утвердив в Киеве двоюродного брата Мстислава Романовича, который и будет княжить вплоть до битвы на Калке в 1223 г.

Вся эта путаница — свидетельство того, что в Киеве в начале XIII в. летописания или не было, или оно не сохранилось, сгорев в пожарищах 1240 г. Имеющиеся в летописях записи, как правило, сделаны либо в Суздальской земле, либо в Галиче, либо в Новгороде. Татищев же упоминает «летопись Симона», имея в виду владимирского епископа, бывшего печерского монаха, переписка которого с Поликарпом составит основу Киево-Печерского патерика. У Татищева нет хронологической путаницы (хотя смешение мартовского и ультрамартовского стилей встречается и, очевидно, восходит к его источникам), нет некоторых путаных сюжетов, в частности сообщения об «обмене» Рюрика и Всеволода, и текст его выглядит логичней. Поэтому, опираясь на сведения Татищева, можно заключить, что Всеволод Чермный вновь приходит в Киев в 1211 г., т.е. после смерти Рюрика. На сей раз киевляне проявили инициативу и сами послали приглашение Всеволоду Чермному. Дабы нейтрализовать сына Всеволода Юрьевича Большое Гнездо Юрия Всеволодовича, киевский князь направил к нему митрополита

Матфея, которого ранее сам возвел на митрополию. Как обычно в подобных случаях, договор скрепили браком: дочь Всеволода Чермного была выдана за овдовевшего Юрия Всеволодовича, которому вскоре довелось занять владимирский стол. Но удержать киевский стол Всеволоду Чермному не удалось. В 1214 г. он бежит за Днепр от коалиции князей, и киевляне зовут на княжение Мстислава Романовича. (Ингорь Ярославич, упоминаемый и в некоторых летописях, уходит обратно в Луцк.) В 1215 г. Всеволод Чермный скончался в Чернигове, и на княжении там сел его брат Глеб. В результате в Киеве утверждается *Мстислав Романович*, княживший в Киеве вплоть до своей смерти в 1223 г.

В целом Киевское княжество в начале XIII в., многократно разоренное, было уже гораздо менее привлекательным, нежели Владимиро-Суздальское или Галицко-Волынское. И естественно, что князья, озабоченные проблемами в собственных уделах, не придавали уже столь большого значения проблемам Киевской земли, а следствием этого станет страшное поражение на Калке от татар в 1223 г.

§ 3. РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ В XII — НАЧАЛЕ XIII в.

При всей важности для понимания истории позднейшей Восточной Руси ее ростово-суздальских истоков тема разработана относительно слабо. В значительной степени это связано с тем, что раннее *ростовское летописание не сохранилось*, а материалы Татищева долгое время игнорировались. Мешало и априорное представление, будто все летописание в пределах до начала XII в. — это творчество одного летописца Нестора. Между тем, как отмечено выше, в ранней русской письменности известны имена двух Несторов, постриженников Печерского монастыря, и ни один из них не имеет отношения к созданию «Повести временных лет».

Если история Киевской земли домонгольской поры восстанавливается в основном по Ипатьевской летописи и оригинальным источникам Татищева, то Северо-Восточная Русь изучается прежде всего по *Лаврентьевской летописи*, ряду *сводов XV в.*, содержащих извлечения из *ростовских летописей*, и опять-таки по татищевской «Истории Российской», содержащей уникальные

ростовские известия. Эти сведения были почерпнуты Татищевым, по всей вероятности, из упоминаемой им Ростовской летописи, а также выше упомянутых летописей. Естественно, оригинальную информацию привносят и внелетописные источники, связанные, в частности, с религиозной борьбой в Северо-Восточной Руси в 50—60-е гг. XII в.

Любопытный материал содержится также в *Киево-Печерском патерике*, в котором используется «*Летописец старый Ростовский*». Судя по переписке Владимирского епископа Симона и печерского постриженника Поликарпа (около 1225 г.), летописец этот прерывался примерно в 1156—1157 гг. Но в Лаврентьевской летописи в этих пределах воспроизводится лишь переяславская переработка какой-то киевской летописи, составленной около этого времени, а «*Летописец старый Ростовский*» дает во многом оригинальную информацию и в тех случаях, когда речь идет о событиях, известных по другим летописям. Название «*Летописец старый Ростовский*» употребляется обычно в послании Симона. Поликарп говорит о «*Летописце Нестора*». Но они имеют в виду один и тот же летописец, именно тот, что доведен до конца 50-х гг. XII в., и автор этого летописца вполне реальный ростовский епископ Нестор — постриженник Печерского монастыря, закончивший свою жизнь в Киевском Печерском монастыре.

* * *

Ростово-Суздальская земля изначально — это территория летописной *мери*, племени, участвовавшем, согласно варяжской легенде, в призвании варягов в середине IX в. Волго-Балтийский путь объединял разноязычные племена, и «*мерянский*» Ростов археологически просматривается с IX в. Но с того же IX в. на этом пути возникает все больше славянских поселений. Сюда переселяются славяне и с берегов Южной Балтики, и отчасти со стороны Смоленска, где северо-западная и юго-западная волны славянских миграций пересекались и смешивались. Ассимиляция славянами угро-финских племен, к которым принадлежали чудь, весь, меря и мурома, проходила интенсивно и быстро. В XI в. Ростово-Суздальская земля — это уже преимущественно *славянский* и *славяноязычный* район. Быстрый переход угро-финского населения на славянскую речь связан с усвоением более производительной системы хозяйства и включением в более организованную территориальную структуру.

Поскольку основная масса славянских переселенцев на Верхнюю Волгу и Клязьму шла через Новгородскую землю, то Новгород изначально и воспринимался как основной политический центр края. Поход Владимира Святого на волжских болгар в конце X в. мог осуществляться только волжским путем, поскольку в X в. из Киева в Ростов добирались через Новгород, ибо радимичи, занимавшие Поднепровье у Смоленска, еще не входили в состав Древнерусского государства. По-видимому, в начале XI в. (летописные записи за это время исчезли) Смоленское Поднепровье полностью вошло в состав Руси, и, как свидетельствует «Сказание о Борисе и Глебе», написанное в третьей четверти XI столетия, путь в Муром из Киева сократился: он шел теперь через Смоленск и Верхнюю Волгу. Путь на Верхнюю Оку и Москва-реку преграждали вятичи, не входившие тогда в состав Древнерусского государства. Большую преграду составляли и дремучие леса, почему Ростово-Суздальская земля в Киеве и вообще на юге называлась «Залесской».

После смерти Ярослава Мудрого Ростово-Суздальская земля входила в *Переяславский удел Всеволода Ярославича*. И не случайно, что именно в переяславской редакции на северо-восток попало киевское летописание, так же не случайно, что основной поток переселенцев из пограничных территорий Переяславского княжества, разоряемых половцами, идет именно в Ростово-Суздальскую землю. В свою очередь, Новгород долго приглашал на княжеский стол преимущественно потомков Всеволода Ярославича, поскольку это гарантировало сохранение устойчивых связей с Ростово-Суздальской землей. В этих связях Новгород был заинтересован по двум причинам: во-первых, через эту территорию шли торговые пути на восток, во-вторых, из Ростово-Суздальских земель в Новгород шла сельскохозяйственная продукция, которой Новгород не мог обеспечить себя лишь за счет собственных малоплодородных пашен и угодий.

Ростово-Суздальская земля граничила на востоке с Волжской Булгарией, на юге и юго-востоке с Рязанским и Муромским княжествами, на западе со Смоленской землей, а на северо-западе и севере с новгородскими владениями. При этом племя *весь*, проживавшее у Белого озера, входило в состав Ростово-Суздальской земли, а расположенное далее на восток племя *печера* платило дань Новгороду (отчисляя часть ее Киеву — так называемая «печерская дань»).

Как особое княжение *Ростов* впервые упоминается при Владимире Святом: сюда на княжение был направлен Ярослав. После перевода Ярослава в Новгород, Ростов занял Борис. Брат его Глеб (оба были от одной матери «болгарыни») получил Муром, но муромчане не принимали его, и он обосновался за пределами города. Позднее Муромское княжество выделится как самостоятельное, от которого затем отделится Рязанское княжество (археологически подтверждается, что первоначальный город Рязань возник как поселение славян, пришедших со стороны Мурома, а не с запада).

Суздаль, до середины XII в. считавшийся сначала чем-то вроде княжеской резиденции, а с выделением княжества и его центром, впервые упоминается в летописях под **1024 г.** в связи с восстанием смердов против «старой чади», державшей «гобино» (достаток, урожай). Восстание было вызвано голодом и приняло оно заодно и антихристианский характер: возглавили его волхвы. Ярослав тогда сурово расправился с восставшими, а «жито» затем привезли из Волжской Булгарии.

До кончины Мстислава в Чернигове в 1036 г. Ярослав по большей части пребывал в Новгороде, а Ростово-Суздальская земля была своего рода «Сибирью». Сюда Ярослав сослал своего дядю новгородского посадника Константина Добрынича: сначала в Ростов, а затем в Муром, где он и был убит.

После принятия христианства в Ростове была создана *епархия*, считавшаяся старейшей и авторитетнейшей в Киевской Руси. В «Летописце старом Ростовском» упоминалось, что первым ростовским епископом был *Леонтий*, «великий святитель, его же Бог прослави нетлением. И се бысть пръвый престолник, его же невернии много мучивше и бивше; и се третий гражданин бысть Рускаго мира: с онема варягома венчася от Христа, его же ради пострада». Имени Леонтия другие летописи в этой связи не знают. В них он упоминается в начале XIII столетия уже как святой, т.е. канонизированный Русской Церковью. В 1230 г., по сообщению *Суздальской летописи* (по Академическому списку), «принесени быша мощи великаго святителя чудотворца из церкви святого Иоана, а въ церкви сборную святыя Богородица Ростову». Под 1231 г. *Лаврентьевская летопись*, в связи с поставлением епископом Кирилла, напоминает о «прежебывших Ростове Леонтья святаго, и священаго епископа Исаия и Нестера», а также напоминает, что «Леонтий убо святой, священный епископ, ть просвети святым крещеньем град Ростов».

Об обретении «нетленных» останков епископа Леонтия под 1161 г. сообщает *Тверской сборник* — летопись сравнительно поздняя (XVI в.), но содержащая в ряде случаев оригинальную информацию, отсутствующую в других летописных сводах. Согласно сборнику, «заложена бысть церковь камена в Ростове князем Андреем; ту же обретоша святого Леонтия в теле».

Епископ Симон в своей переписке с Поликарпом упоминает тех двух варягов-христиан, которые были убиты в Киеве в 983 г., Леонтий же называется *третьим святым*. Видимо, предполагается, что Борис и Глеб еще не были канонизированы (канонизация состоится в 70-е гг. XI столетия). По логике изложения Симона предполагается, что Леонтий был первосвятителем в Ростове и являлся младшим современником убитых варягов. Но следует учитывать, что Киево-Печерский монастырь, согласно «Повести временных лет», был основан лишь в 1051 г. И с учетом этого указания в литературе высказано предположение (его поддерживал Н.Н. Воронин — один из ведущих специалистов по истории Ростово-Суздальской Руси), что Леонтий был убит во время восстания смердов, возглавляемых волхвами, т.е. в 1071 г. Эту дату подтверждает и поставление епископом в Ростов Исаии, которое произошло, согласно Тверскому сборнику, в 1072 г.

Проваряжский настрой «Летописца старого Ростовского» объясняется самой историей первого полувека фактической самостоятельности Ростово-Суздальского княжества в конце XI — начале XII в. Всеволод Ярославич, получив Ростово-Суздальскую землю, похоже ни разу ее не посетил (во всяком случае никаких сведений об этом нет). Владимир Мономах с ней был связан более тесно, и первый его «путь», упомянутый в «Поучении», был именно в Ростов — «сквозь вятичи». Владимир заботился об этом крае, послав туда сначала Мстислава, затем Ярополка, позже — Изяслава, погибшего в 1096 г. при попытке отобрать у Олега Святославича Муром, и, наконец, Юрия (будущего Долгорукого), которого в 1107 г. женил на половчанке.

Юрию Долгорукому в это время было всего 16 лет. И управлением доставшегося ему княжества занимался не он, а приставленный к нему *варяг Георгий Шимонович*. В Киево-Печерском патерике, в рассказе о создании церкви Богородицы в монастыре, отмечается роль варяга Шимона в создании церкви, и в заключении сказано, что Владимир Мономах послал в Ростов-

скую землю Георгия Шимоновича, «дать же ему на руке и сына своего Георгия. По лете же многих седе Георгий Владимирович во Киеве, тысяцькому же своему Георгию, яко отцу, предасть область Суждальскую».

Юрий-Гюрги-Георгий — так в летописях называют Юрия Долгорукого, а само имя «Юрий» — славянская форма греческого «Георгий». Когда именно Юрий был отправлен в Ростов вместе с Георгием Шимоновичем, в летописях указаний нет. В литературе высказывалось мнение, что Юрия отправил в Ростов еще Всеволод. Но это невероятно. Хотя обычно детей рано отрывали от матерей, а мальчики уже до десятилетнего возраста участвовали в битвах «гляда бой со стороны», Юрий явно был отправлен в Ростов после 1096 г., а вероятнее уже и после 1107-го. В 1108 г. в Ростовской земле побывает и сам Владимир, и он заложит город своего имени — *Владимир*. Позднее, при Андрее Боголюбском, между новым «княжеским» городом и древним Ростовом надолго развернется борьба, которая впоследствии и приведет к уничтожению богатой ростовской письменной традиции, в том числе летописания, о котором теперь приходится судить по некоторым летописям XV в. и «Истории» Татищева.

Георгий Шимонович был, видимо, важной фигурой в окружении Юрия Долгорукого. Георгий Шимонович упоминается в Тверском сборнике под 1120 г., когда он с князем Юрием ходил на волжских болгар. Позднее, как уже указывалось, именно Георгию Шимоновичу Юрий Долгорукий передал управление Суздальской землей. Сам Юрий Долгорукий не стремился «сидеть» в Ростове, ибо все его помыслы были связаны с Киевом и киевским великим столом. Да и отношения Юрия с ростовцами, как уже было показано, не сложились.

Через связи Георгия Шимоновича прослеживаются и *церковные предпочтения* как Владимира Мономаха, так и самого Юрия Долгорукого. И эти предпочтения связаны с *византийской традицией* в русском христианстве, которую олицетворял собой Киево-Печерский монастырь. Ипатьевская летопись под 1130 г. сообщает, что Георгий Шимонович выделил деньги для украшения гробницы Феодосия Печерского. Видимо, связи с Киево-Печерским монастырем Владимира и Юрия Долгорукого осуществлялись главным образом через Георгия Шимоновича, как бы унаследовавшего политические легенды Патерика. Владимир в 1092 г. создает церковь Богородицы в Ростове «мерой» в Печерскую церковь, а Юрий позднее такую же церковь

строит в Суздале. Ко времени переписки Симона и Поликарпа обе церкви развалились. В Ростове в 1160 г. церковь, простояв 168 лет, сгорела — она была дубовая. Что касается церкви, построенной Юрием в Суздале, то, видимо, именно ее освящал в 1148 г. новгородский епископ Нифонт — наиболее принципиальный противник Климента Смолятича, настроенный, как и Юрий, грекофильски. Следует иметь в виду и то, что в 1142—1156 гг. игуменом Печерского монастыря был грек Федос.

Впрочем, в самом Печерском монастыре противостояли две традиции: *Житие Антония* и *Житие Феодосия*. Житие Антония было связано с *проваряжской* и *прогреческой* традициями, а Житие Феодосия — с *самостоятельной традицией Русской Церкви*. «Летописец старый Ростовский» отражал первую традицию, и она в той или иной мере сохранялась в позднейшем ростовском летописании, противостоявшем и владимирскому, и киевскому летописаниям. В конечном счете должна была победить традиция, опиравшаяся на местные интересы и местные достижения.

Главная проблема заключалась в том, что противостояли старый Ростов и «молодой Владимир», причем эти города противостояли и как политические, и как церковно-политические центры. В 1155 г. из Киева во Владимир «отъехал» Андрей Юрьевич Боголюбский, сын Юрия Долгорукого. Отъезд Андрея Юрьевича был вызовом и отцу, и грекофильским настроениям, связанным со второй женитьбой Юрия на гречанке, и обострением отношений «прорусской», прогреческой и проваряжской традиций. Поэтому, прибыв во Владимир, Андрей Боголюбский явно не мог согласиться с ролью Георгия Шимоновича как фактического правителя Ростово-Суздальской земли, а также с прогреческими позициями ростовского епископата.

Изменение церковно-политических предпочтений в Ростово-Суздальской земле с приездом Андрея Юрьевича (1111—1174) прослеживается по одному интересному факту — *прекращению оригинальной северо-восточной летописной традиции*. Это прекращение каким-то образом пересекается с изгнанием из Ростова зимой 1156 — 1157 гг. епископа Нестора. На причины изгнания из Ростова Нестора некоторый свет проливает Никоновская летопись. Под 1156 г. летопись говорит о поездке Нестора к сменившему Клименту митрополиту-греку Константину в Киев, так как он «от своих домашних оклеветан бысть к Константину митрополиту и в запрещении бысть». Под следующим годом летопись называет Нестора в качестве учредителя праздни-

вания «честного Креста» 1 августа. После этого снова говорится об изгнании Нестора.

Причины изгнания епископа Нестора более подробно объясняет Послание патриарха Луки Хризотерга Андрею Боголюбскому. **Важнейшей причиной явилось намерение Андрея сделать Владимир политическим и церковным центром всей своей земли.** Вскоре после кончины Юрия Долгорукого Андрей Юрьевич объявил себя великим князем, что не вызывало возражений ни у ростовцев, ни у суздальцев. В 1159 г. он расширил город Владимир и сделал его своей столицей, предполагая учредить здесь и отдельную от Киева митрополию. Именно тогда основание города было приписано Владимиру Святому, а церковь Богородицы получила «десятину» как некогда Десятинная церковь в Киеве. Скорее всего, именно эти вопросы стали причиной резкого размежевания Андрея Боголюбского и старого руководства епископата, а то, что вызвало гнев князя, создало Нестору репутацию «блаженного» среди позднейших ростовских книжников.

Патриарх решительно поддержал Нестора, заявив, что «отъяти таковый град от правды и истинны епископы Ростовския и быти ему митропольею не мощно есть». Сам владыка должен был решать, останется ли Ростов центром епархии: «Аще ли благородие твое восхочет жити в созданнем тобою граде и аще восхочет и епископ в нем с тобою жити, да будет сей боголюбивый епископ и отец и учитель и пастырь твой с тобою... понеже есть той град подо областью его епископы Ростовския и Суздальския».

В 1160 г. уже после смерти отца, Андрей Боголюбский изгнал и свою родню — мачеху-гречанку и ее детей, своих сводных братьев. Никоновская летопись сообщает, что Андрей «изгна братию свою, хотя един быти властель во всей Ростовьской и Суздальской земле, сице же и прежних мужей отца своего овех изгна, овех же ем в темницах затвори; и бысть брань люта в Ростовьской и в Суздальской земли». Ипатьевская летопись дает это сообщение под следующим годом и перечисляет трех сыновей Юрия — Мстислава, Василько и Всеволода, которые вместе с матерью отправились в Константинополь и получили несколько городов по Дунаю.. Н.Н. Воронин убедительно показал, что изгнание Андреем мачехи-гречанки и ее сыновей также означало *разрыв князя с грекофильской политикой* Юрия Долгорукого.

Усиление города Владимира, осуществлявшееся Андреем Боголюбским, не могло не вызывать неприязни в Ростове. Ростов

и Владимир изначально имели разные формы управления. Ростов был *боярским городом*, близким Новгороду и Пскову, сохранявшим вечевой строй и имевшим епархию. Владимир же с самого начала складывался как *княжеский город*. Причем, как было отмечено, Андрей само создание города Владимира удревнил более чем на столетие, приписав основание города Владимиру Святому. Добиваясь утверждения митрополии, князь и его соратники приписали Владимиру Святому и «Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных», в котором перво-святителем Руси назывался патриарх Фотий, умерший около 867 г., а первым митрополитом назван Михаил. Иными словами, упоминаются имена деятелей, живших более чем за век до Владимира.

В начале 60-х г. XII в. в Ростово-Суздальской земле продолжился церковно-политический конфликт. На место изгнанного епископа Нестора был поставлен Леонтий, тоже грек и тоже воспитанник Киево-Печерского монастыря. В 1162 г., по Татищеву, Нестор был возвращен на кафедру в Ростов, а Леонтий поставлен во Владимир, но вскоре князь снова изгнал Нестора, и в данном случае именно за его прогреческие настроения. Впрочем, Леонтий тоже был настроен прогречески. Недаром летопись обвиняет Леонтия: и в том, что занял кафедру при другом живом епископе, и в том, что епископский сан он приобрел у митрополита за серебро, а на владычном столе отличался сребролюбием, чем вызвал широкое недовольство и священнослужителей и мирян. Кстати, не исключено, что и Нестор, и Леонтий проводили схожую политику.

Под 1164 г. в Лаврентьевской летописи дан рассказ о «*ереси Леонтианьской*». Причем в этом рассказе осуждается именно Леонтий, а Нестор как бы оправдывается. Суть же «ереси» состояла в том, что Леонтий «не веляша бо мяса ясти в Господския праздники, аще прилучится когда в среду или в пяток». Спорить с Леонтием о «Господских праздниках» был приглашен черниговский епископ Феодор, которого Андрей предполагал поставить митрополитом во Владимире. В присутствии князя Феодор «препрел» Леонтия и того выслали в Ростов. В Ростове Леонтий начал проклинать самого Андрея, и князь «под стражей» отправил его в Киев к митрополиту. Спор был в конечном счете перенесен в Константинополь, где суздальского епископа «упрели», а после того как он поднял руку на самого цесаря, его едва не утопили в реке.

В 1164 г. Андрей Юрьевич совершил успешный поход на волжских булгар. Победа была приписана заслугам иконе Пресвятой Богородицы, известной позднее под именем *Владимирской иконы Божией Матери*. Андрей привез ее во Владимир в 1155 г. из Вышгорода, а по преданию она была вывезена из Константинополя. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери» сам путь Андрея из Киева во Владимир обставлен (явно уже в поздней традиции) сплошными чудесами, и даже само отправление на север связывалось с «указанием» иконы.

Андрей Юрьевич считал эту икону и вообще Божию Матерь покровительницей своего княжества. Икона была украшена князем более чем 30 гривнами золота, серебром, драгоценными камнями и жемчугом, и князь поставил ее в свою церковь. В 1158 г. Андрей основал во Владимире церковь Богородицы и перенес в нее икону Богородицы. Церкви была выделена «десятина» «в торгах и стадах», а также села и слободы «с данями». В летописи выделено, что это была *каменная* церковь, в отличие, видимо, от дубовой, построенной Владимиром Мономахом в Ростове. Именно в этой церкви и вокруг иконы постепенно стало складываться своеобразное «летописание» Владимира и Андрея Боголюбского: были учреждены посвященные иконе праздники, в том числе не вполне ортодоксального характера, а все успехи Андрея и его наследников стали связывать с заступничеством чудесной иконы.

В 1168—1169 гг. Андрей Юрьевич принял активное участие в междоусобной борьбе князей. Войско, возглавляемое его сыном Мстиславом, разгромило противников и захватило Киев. Лаврентьевская летопись, как бы оправдывая учиненный погром, связывает его с наказанием за введение поста в «Господские праздники»: «Се же здеся за грехы их, паче же за митрополичу неправду: в то бо время запретил бе Поликарпа, игумена Печерьского про Господьские праздники, не веля ему ести масла, ни молока въ среды и в пятки в Господьские празьдники; помагашеть же ему и черниговьский епископ Антоний, и князю черниговьскому многажды браняшеть ести мяс в Господьские празьдники». Мстислав же посадил князем в Киеве дядю Глеба — брата Юрия Долгорукого, а сам вернулся во Владимир.

Новым актом церковно-политической борьбы во Владимире явилось изгнание «злого и пронырливого и гордого обманщика лживого владыку Феодорца» из Владимира «и из всей

земли Ростовской». Конфликт *Феодора* в данном случае произошел с самим князем Андреем, который посылал самозванного владыку на поставление к митрополиту в Киев. Феодор отказался и повелел закрыть все церкви во Владимире, забрав себе церковные ключи. Согласно летописи, самозванный епископ захватывал села, оружие, коней, заточал в неволю и мучил не только простых людей, но и монахов, игуменов и иереев, вымогая имущество. В Киеве митрополит Константин распорядился отрезать самозванцу язык, отрубить правую руку «и глаза ему вынуть, ибо хулу наговаривал на Святую Богородицу».

В 1169 г. состоялся поход Мстислава Андреевича вместе со смоленскими, рязанскими и муromскими отрядами на Новгород, оказавшийся неудачным, — новгородцы победили. У Татищева отмечается, что «тогда был великий недород и голод, а в том новгородцы все жита и скот из ближних мест обрали во град и в дальние места отвезли». Именно голод и стал главной причиной отступления войска суздальцев и их союзников от Новгорода. В немалой степени голод был следствием поведения самого суздальского войска. В Лаврентьевской летописи отмечается, что суздальцы «много зла створиша, села вся взяша и пожгоша, и люди по селом иссекоша, а жены и дети, именья и скот поимаша». Войско разграбило сельскую округу, но взять Новгород не сумело. Поход был зимой, и потерпевшему поражение войску пришлось возвращаться пешими, многие умерли с голода или ели конину в Великий пост. Летописец поясняет, что это наказание за грехи, ибо за три года до этого в Новгороде было знамение: в трех церквах на трех иконах плакала Богородица, предвидя предстоящую беду и для новгородцев, и для владимирцев. В свою очередь, голод коснулся и Новгорода: в марте резко повысились цены — кадь ржи стоила 4 гривны, хлеб — 2 ногаты, мед — 10 кун за пуд.

Защитой Богородицы объясняет летописец неудачный поход суздальцев на болгар (неудачу летописец объясняет зимним временем: «не время зимою воевать болгар»). Дружину болгары могли бы перебить, но повернули назад, не используя большого численного перевеса. Суздальцы прославили Бога «ибо явно защитила от поганых Святая Богородица и христианская молитва».

В 1174 г. Андрей Боголюбский был убит: 29 июня, в день святых Петра и Павла, в субботу, ночью. Точное указание дня неде-

ли позволяет определить год: в летописи в статье смешаны записи 1174 и 1175 гг., т. е. мартовский и ультрамартовский стили, что характерно почти для всего летописания XII в.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях помещено Сказание об убийстве Андрея Боголюбского, восходящее к одному источнику, предположительно рассказу Кузьмища Киевлянина. Сказание отличается хорошим литературным слогом и большой симпатией к убитому, прежде всего за сооружение многочисленных каменных храмов: во Владимире, Боголюбове, храма Покрова на Нерли. Но Сказание, видимо, позднее редактировалось, потому тексты не совсем идентичны. В Лаврентьевской летописи не указана какая-либо причина заговора и убийства, в Ипатьевской глухо сказано, что любимому слуге князя Якиму Кучковичу сообщил некто, «аже брата его князь велел казнить». В Московском своде XV в. это указание несколько развернуто: «брата его повеле князь Андрей емши казнити, некое бо зло створи», т. е. брат Якима был казнен за какое-то не названное зло.

Иначе представлена причина убийства в Тверском сборнике, который использовал какие-то ростовские записи и интерпретации. Здесь отмечается, что князь был убит «от своих бояр, от Кучковичевъ, по научению своае ему княгини». Утверждается, что княгиня «бе бо болгарка родомъ и дръжаше к нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великий много воева съ нимъ Болгарскую землю, и сына послала, и многа зла учини болгаром: и жаловашеся на нь втайне Петру, Кучкову зятю». Далее в летописи, видимо, что-то пропущено. Фраза «пред сим же днем поима князь великий Андрей и казни его» относится не к Петру, а к брату Иоакима Кучковича. Сказано в летописи и то, что заговорщики собрались у Петра, отмечавшего свои именины, и потому все были пьяны. (По Ипатьевской летописи, убийцы напились меда и вина и перед самым исполнением замысла уже в Боголюбове.)

Некоторые существенные уточнения опять-таки содержатся в «Истории Российской» Татищева. У него убийство Андрея Боголюбского увязывается с рассказом об убийстве Кучко в 1147 г. Согласно этому рассказу, Юрий Долгорукий держал в качестве любовницы жену суздальского тысяцкого Кучко. Возмущенный Кучко жену посадил в заточение, а сам собрался уйти в Киев к Изяславу. Юрий Долгорукий, узнав об этом, явился к Кучко на реку Москву и убил его, а дочь Кучко отдал замуж за своего сына Андрея. Связывая этот рассказ с убийством Андрея Боголюбского в 1174 г., Татищев указывает на причастность к убийству княгини, которая, получается, мстила за отца: княгиня была с Андреем в Боголюбове, но в ночь убийства «уехала во Владимир, дабы ей то злодеяние от людей утаить». Информацию Татищева пытались оспаривать, однако она нашла подтверждение в миниатюре Радзивилловской летописи, где женщина-княгиня держит отрубленную руку князя. В миниатюре это — левая рука (в летописях — правая). Обследование останков Андрея Боголюбского, проведенное Н.Н. Ворони-

ным, подтвердило правильность миниатюры и татишевского текста об участии княгини в убийстве супруга.

В данном случае важно сопоставить это сообщение Татишева со сведениями Тверского сборника, в котором жена Андрея Боголюбского названа «булгаркой родом». Булгар было немало на Верхней Волге, они обычно здесь принимали христианство и, соответственно, христианские имена. Правда, Кучко был тысяцким, каковых земля обычно избирала из местных. Но вполне вероятно, что жена Кучко происходила из булгар, следовательно, и их дочь, ставшая женой Андрея Боголюбского, могла считаться «булгаркой родом». У Татишева в примечании есть глухое указание, что это была вторая жена Андрея — ясыня, но он оговаривается, что «когда первая умерла, и когда с сею он женился, того историки не показали».

Все летописи называют несколько имен заговорщиков — Кучковичей. Возглавил заговор зять Кучко — Петр, женатый, следовательно, на сестре (первой или единственной — не ясно) жены Андрея. В числе заговорщиков был также Яким (Иоаким) Кучкович и ключник Андрея Анбал Ясин (т. е. выходец из племени ясов, как называли на Руси алан). В Радзивилловской и поздних летописях упоминают еще Ефрема Моизовича. Всего заговорщиков, согласно основному сказанию, было 20 человек. Вели они себя, по рассказу Кузьмища Киевлянина, «яко зверье дивии»: князь был заранее обезоружен своим ключником и не мог оказать реального сопротивления, обнаженный труп убитого был выброшен «на съедение псам», и Кузьмище Киевлянин с трудом выпросил у Анбала ковер, чтобы укрыть погибшего. Убийцы же организовали ограбление усадьбы князя, а также построенных им храмов.

После смерти Андрея Боголюбского ростовцы, суздальцы и переяславцы, а также некие «другие» собрались на съезд в Суздале, дабы выбрать себе князя. Не обходилось без демагогии. Так, сына Андрея Юрия отвергали потому, что он был «млад» и значился князем в Новгороде. Младшие братья Андрея Михалко и Всеволод, высланные в свое время вместе с матерью, находились в это время «в Руси», т. е. в Приднепровье, куда они вернулись после бегства в Византию. «Старые» вельможи предлагали призвать Юрия из Новгорода и Михалко из Руси, чтобы до совершеннолетия Юрия правил Михалко Юрьевич. Кроме того, предполагалось вернуть великокняжеский центр из Владимира в Суздаль, а в Ростов посадить Всеволода. Существенные противоречия возникли между Ростовом и Суздалем: ростовцы настаивали на том, чтобы главным центром княжества стал Ростов.

Князья долго договаривались о том, как поделить наследство Андрея Боголюбского, но в итоге все договоренности были на-

рушены и началась усобица. В этой войне друг другу противостояли *Михалко Юрьевич с братом Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо* и племянники Андрея, сыновья Ростислава Юрьевича — *Мстислав и Ярополк*. Кроме того, в войну были вовлечены и другие князья, поддерживающие ту или другую стороны. По всей земле, особенно во Владимире, начались грабежи, устроенные князьями и их дружинами. В итоге победил Михалко Юрьевич, Мстислав Ростиславич бежал в Новгород, а Ярополк Ростиславич — в Рязань, к зятю Глебу.

По Татишеву, утвердившись во Владимире, Михалко устроил своеобразный суд над убийцами брата Андрея. Убийц, включая княгиню, тут же взяли заранее приготовленные слуги, Кучковичей и Анбала, повесив, расстреливали, пятнадцать остальных отсекли головы, а княгиню, «зашив в короб с камением», бросили в озеро, куда затем бросили и тела казненных. Озеро это позднее будет называться «Поганым». Имущество казненных Михалко распорядился раздать пострадавшим от них, на церкви и «убогим». Себе князь не взял ничего, «яко сие награбленное оквернит сокровище мое».

Татишев оговорился, что он свое изложение давал по рукописи Еропкина, тогда как в других рукописях сообщается, что суд был уже при Всеволоде Юрьевиче, а об участии жены Андрея Боголюбского большинство летописей не говорит вообще. М.Н. Тихомиров рассмотрел некоторые позднейшие предания о Кучковичах, обычно связанных с «Повестями о начале Москвы». Во всех них называется княгиня Улита — сестра Кучковичей Петра и Иоакима. В наиболее ранней рукописи действие происходит примерно так, как описано и у Татишева: именно Михалко наказал убийц, а Улиту повелел «повесити на вратах и расстрелять из луков». Кстати, в летописном приложении к Повести действие вообще перенесено ко времени Даниила Александровича (конец XIII в.): Улита живет, прелюбодействуя с двумя сыновьями Даниила, и, опасаясь разоблачения, замыслила убить Даниила; мстит же Кучковичам за убийство Даниила его брат князь Андрей Александрович.

Михалко Юрьевич умер в 1177 г. Татишев говорит о нем с большой симпатией. Будучи тяжело больным, Михалко «однако ж о управлении земском крайне прилежал, для сего часто, как ему возможность допускала, ездил по городам, хотя видеть, везде ли люди право судятся и нет ли где от управителей обид, якоже и по селам проезжая, земледельцев прилежно спрашивал, и всем приходящим к нему двери были не заперты». Князь умер в Городце во время поездки по городам на Волге, а похоронен по традиции во Владимире в церкви Богородицы.

Кончина Михалко привела к вспышке новой усобицы, в которую оказались втянутыми многие земли и княжества. Главными участниками стали Всеволод Юрьевич и все те же Ростиславичи — Мстислав и Ярополк, поддержанные Глебом Рязанским и половцами. В итоге были пленены Глеб с его сыновьями, Мстислав и Ярополк Ростиславичи. Половцы были полностью (за исключением немногих представителей знати) перебиты.

Во Владимире начал княжить *Всеволод Юрьевич Большое Гнездо* (1154—1212), и владимирцы сразу же потребовали самой суровой расправы с его противниками. Всеволод не стал их казнить, а имитировал ослепление Ростиславичей. Сын Глеба Рязанского по просьбе княгини рязанской был отпущен при условии подчинения Всеволоду, а Глеб скончался через два года во владимирском плену, отказавшись отдать Коломну и получить взамен Городец в Руси.

Мстислав Ростиславич вернулся в Новгород, но вскоре умер, и новгородцы пригласили его брата Ярополка. Это вызвало гнев Всеволода, и он приказал переловить всех новгородских купцов, отобрать их имущество и посадить в темницы. Новгородцы вынуждены были «отпустить» Ярополка и обратиться к киевскому (бывшему черниговскому) князю Святославу Всеволодовичу послать в Новгород на княжение сына Владимира. Всеволод, дабы иметь какой-то контроль над новым новгородским князем, пригласил его во Владимир и выдал за него дочь своего брата Михалка.

Но в 1180—1182 гг. разразилась усобица из-за влияния в рязанских землях, в которой и Святослав, и его сын Владимир выступили против Всеволода Юрьевича. В результате Всеволод Юрьевич смог пленить Ярополка Ростиславича, который вскоре скончался во Владимире, и посадить в Новгороде князем свояка — внука Мстислава, Ярослава Владимировича.

По Татищеву, именно тогда была заложена «Твердь» — крепость, которой предстояло охранять Верхнюю Волгу от подобных нападений, и заложена была крепость на правом берегу Волги напротив устья притока Тверицы. В литературе, похоже, только немецкий ученый Эккхард Клюг, книга которого «Княжество Тверское» издана в переводе в Твери в 1994 г., обратил внимание на свидетельство Татищева. Но Клюг же указал на то, что польский хронист Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» в начале XVI в. упоминает город именно с таким на-

званием. Видимо, позднее на названии отразилось расположение крепости против устья Тверицы.

1183 г. оказался редким в истории XII в., когда заметных усобиц не наблюдалось. Но нелегкое испытание довелось перенести в связи с нападением крупных сил болгар на побережье Волги около Городца, а также на муромские и рязанские пределы. Не чувствуя себя в состоянии перенести военные действия на территорию Волжской Булгарии, Всеволод обратился за помощью к киевскому князю Святославу Всеволодовичу. Киевский князь откликнулся на просьбу и призвал принять участие в походе также князей черниговских, северских, смоленских. Большое войско двинулось к устью Оки Волгой, Клязьмой, с верховьев Оки. Вызвать болгар на открытое сражение в поле не удалось. Простояв у Булгара 10 дней, Всеволод согласился на мир, предложенный булгарами. А «Слово о полку Игореве» именно этот поход отметит в образном обращении к Всеволоду: «Ты бо можешь веслами Волгу раскропити, а Дон шеломы выльяти».

Всеволод Юрьевич вошел в русскую историю как один из самых могучих князей конца XII — начала XIII в. Даже его прозвище — «Большое Гнездо» — вроде бы подчеркивало его значительную роль в жизни Руси. Кстати, это прозвание Всеволод получил не случайно: у него было восемь сыновей и четыре дочери. И летописцы, вопреки обыкновению, внимательно следили за тем, кто и когда родился и крестился.

В литературе обсуждался вопрос: с какого времени Всеволод был признан «великим» князем? К этому титулу стремился еще Юрий Долгорукий, но он искал его в Киеве. Андрей Боголюбский также стремился к великокняжескому титулу, но он хотел перенести его в Северо-Восточную Русь, и фактически являлся великим князем в 60 — 70-е гг. XII в., утверждая и заменяя киевских князей и не стремясь самому вокняжиться в Киеве. Придворные летописцы, стараясь угодить, называли «великими» и Юрия Долгорукого (и не только после занятия им Киева), и Андрея Боголюбского. Но *всеобщее признание такого титула за Всеволодом Большое Гнездо приходится на 1185 — 1186 гг.* И в отмеченном выше проекте Романа Галицкого, не принятом Всеволодом, даже речи не было о каких-то сомнениях в отношении первенства Всеволода. Предлагалось просто, чтобы общепризнанное первое лицо имело резиденцию в Киеве.

Что касается церковно-политических пристрастий Всеволода Юрьевича, то они не были традиционно грекофильскими. В свое время Андрей Боголюбский изгонял епископов-греков Нестора и Леонтия в рамках принципиального неприятия византийской системы утверждения митрополитов и епископов. У Всеволода как будто не было оснований против этой системы бороться: мать его была гречанка, и сам он провел трудные годы в Византии. И все же в 1185 г. он решительно отказался принять «поставленного по мзде» митрополитом Никифором Николу Гречина и представил своего кандидата Луку, «смиренного духом и кроткого игумена святого Спаса на Берестовом». У Татищева опять-таки этот сюжет развернут и объяснен: «митрополит неправо Николу без воли его (князя Святослава) и избрания народного посвятил противно правилам соборов, ибо по оным должно избирать епископов народу сусчету того града, а князь есть глава народа, того ради всенародно и князь онаго принять не хотят... Митрополит же хотя немало тем оскорбился, но по правилам принужден был велеть Николаю отресчися тоя епархии». Лука же был «муж молчалив, милостив к убогим, вдовицам и сиротам, ласков ко всем и учителен, сего ради от всех любим был». *Идея «избрания», характерная для раннего древнерусского христианства, продолжала жить на Руси, хотя «всенародность» все более воплощается в настроении и воле князя.*

Конец XII и начало XIII в. отмечаются примерно теми же противостояниями, что и ранее. Всеволод постоянно участвует в усобицах рязанских князей, обычно занимая сторону Пронска, но имея интерес прежде всего к Коломне. Коломна занимала стратегически важную территорию при слиянии Москвы-реки и Оки. На нее претендовали также черниговские князья. Отчасти поэтому Рязани удавалось удерживать ее за собой. А попытка Всеволода Большое Гнездо посадить там пронского князя Всеволода закончилась неудачей. Некоторая сдержанность владимирского князя объяснялась и тем, что угроза со стороны булгар гасилась в основном действиями муромских и рязанских князей. Прямое вмешательство Всеволода в рязанские дела проявится и в новой усобице рязанских и пронских князей в 1208—1209 гг. Но в это время меняется ситуация в самой Владимиро-Суздальской земле. Ростов всегда занимал особую позицию в отношении Рязанской и Муромской земель, не разделяя чрезмерной активности владимирцев и их князя. А ростовским князем в 1208 г.

стал старший сын Всеволода Константин, которого Всеволод по традиции прочил своим преемником в качестве великого князя.

В «большом гнезде» Всеволода первые четыре были девочки, хотя не исключено, что это «суммарное» позднейшее обобщение. Первенец мужского пола — *Константин*, который, по известным ныне летописям, в том числе древнейшим, родился в 1185 г. (в литературе обычно указывают 1186 г., не учитывая, что запись сделана по ультрамартовскому стилю). Во всех летописях указан и день рождения — 18 мая, а в Летописце Переяславля Суздальского назван и день: суббота, что указывает именно на 1185 г. Следующим, в 1188 г., родится Юрий, который и составит конкуренцию Константину впоследствии.

Детей с самого начала привлекали ко всем гражданским и военным делам. В 1188 г. летописец упоминает вместе с Всеволодом, как нечто само собой разумеющееся, и Константина при освящении церкви Богородицы, в 1198 г. Всеволод идет в поход на половцев «с сыном своим Константином», которому было 13 лет. Через два года его отправят княжить в Переяславль Русский (по Татищеву, за два года до этого похода, в 1196 г., что может быть и логичней: на половцев чаще всего шли отсюда). Но он обычно упоминается и в мероприятиях в собственно Владимирском княжестве. Он, в частности, в 1199 г. был в числе первых, проважавших девятилетнего брата Святослава (в крещении Гавриила) на княжение в Новгород.

Видимо, около этого времени Константин и вернулся во Владимир. По сообщению Татищева, Константин «хотя жену имел (в 15 лет!), но более наукам прилежал и, не терпя многих беспокойств, просил отца, чтоб его пременял. И зане Юрий, другой сын, тогда был болен, а Ярослав младости ради не мог править, послал Всеволод сыновца своего Ярослава Мстиславича. И той, недолго быв скончался (это произошло в 1198 г. — А.К.). Того ради Всеволод послал сына Ярослава в Переяславль и с ним лучших дву воевод». Ярославу (в крещении Феодору) тоже было лишь 10 лет.

В связи с направлением в Новгород девятилетнего Святослава Татищев не без удивления замечал в примечании: ясно, что при таком князе правит кто-то другой. Но даже и Новгородская летопись отмечает, что такому назначению Всеволода «обрадовася весь Новгород». Им, конечно, нужен был князь, который не слишком бы лез в их дела, и не слишком бы грабил, в чем новгородцы обычно упрекали постоянно изгоняемых ими кня-

зей, в том числе и только что изгнанного Ярослава Владимировича, внука Мстислава. Но для Всеволода важно, конечно, было, чтобы в Новгороде проводилась его политика. Поэтому в 1204 г. в Новгород был послан уже взрослый Константин, а Святослав выведен оттуда «зане млад бе и не можаше управити».

В 1206—1208 гг. основные политические проблемы переместились на юг. Ярослав Всеволодович был изгнан из Переяславля Всеволодом Черным. Готовясь к походу на Всеволода Черного, Всеволод вызвал в 1206 г. на помощь Константина. Затем он его отпустил, а в 1207 г. пригласил вновь с новгородцами. Константин со значительным войском остановился в Москве, ожидая подхода владимирцев. Но войско отправилось не на юго-запад, а на юго-восток, на рязанских князей, одни из которых готовы были поддержать Всеволода Большое Гнездо, а другие — традиционно близких и родственных черниговских (пронский князь Кир Михаил был женат на дочери Всеволода Черного).

Константин, согласно Татищеву, уговаривал отца не слушать рязанских князей, обвинявших своих старших братьев и дядей, высказывая, между прочим, вполне трезвую мысль, что клеветники-наветчики таким образом срывают цель всего похода: возвращение отнятых Всеволодом Черным городов в Руси, где ранее сидели владимирские князья и воеводы. Но Всеволод не принял советов Константина. Видимо, возникшие между отцом и сыном разногласия побудили Всеволода в том же году перевести Константина в Ростов, придав ему еще города Ярославль, Кострому, Белоозеро, Углич, Галич Мерьский, а в Новгород снова был направлен Святослав.

За короткий период без князя в Новгороде развернулась внутренняя борьба, в которую постарались втянуть и Святослава, передав ему «доски», т. е. торговые лавки, свергнутого посадника Дмитра Мирошкинича. Но Святослав слишком увлекся «сребром многим». Обиженная часть новгородцев отправилась в Торопец просить на новгородское княжение Мстислава Удалого, внука бывшего великого князя Ростислава Мстиславича. Святослав же был взят под стражу на владычном дворе.

Всеволод был, конечно, страшно разгневан поведением новгородцев. В 1209 г. он распорядился захватить всех новгородских купцов в городах своего княжества и направил против новгородцев войско во главе с сыном Константином и его братьями Юрием и Ярославом. По инициативе Константина,

конфликт разрешили мирным путем: Мстислав Удалой вернулся в Торопец, Святослав Всеволодович отправился во Владимир, а в Новгороде сел другой сын Всеволода — Владимир. Но уже в следующем, 1210 г., Владимира новгородцы изгнали, призвав снова Мстислава Удалого.

В 1211 г. обострились отношения внутри семейства Всеволода Юрьевича, когда Всеволод, почувствовав «изнеможение», решил провести раздел уделов сыновьям. Он предполагал перевести Константина во Владимир, а Юрию передать Ростов, сохраняя за Константином давно уже установленное «старейшество». Но Константин отказался уходить из Ростова. Он предлагал варианты: либо Ростов — старейший город и Владимир пригород, либо соглашался сохранить столицей Владимир, но при условии, что и Ростов останется за ним. *Возмущенный Всеволод послал за Юрием и передал ему «старейшество».*

Это решение умирающего князя предопределило противостояние и прямые усобицы между двумя главными центрами Северо-Восточной Руси после смерти Всеволода Юрьевича, последовавшей в 1212 г. Константин, оставшийся в Ростове, в послании брату признавал отцовское завещание об уделах, но не отказывался от «старейшества», Юрий, оказавшийся во Владимире, настаивал на том, что «старейшество» принадлежит ему. Вновь начались усобицы, теперь уже между братьями Всеволодовичами.

Противоречия подогревало и то обстоятельство, что во Владимире не было своей епархии и многое зависело от позиции епископа, традиционно занимавшего Ростовскую кафедру. Юрий направил к митрополиту в Киев на поставление владимирским епископом Симона, игумена Рождественского монастыря (это тот самый Симона, послания которого Поликарпу составят в 20-е гг. XIII в. основу «Киево-Печерского патерика»). Митрополит же по традиции поставил Симона на Ростов и Суздаль. Константин тоже направил к митрополиту своего духовника Пахомия, игумена монастыря святого Петра в Ростове. Тогда митрополит согласился на раздел: *Пахомий стал епископом в Ростове, Ярославле и Переяславле, а Симон — во Владимире, Суздале и Юрьеве.*

Самым разрушительным в противоборстве братьев оказался **1216 г.** Началось все с жалобы Мстислава Удалого на своего зятя Ярослава Всеволодовича. В 1214 г. Ярослав, сев вместо Мстислава Удалого в Новгороде, начал чинить расправы над неугод-

ными ему лицами, начиная с тысяцкого. Имущество их отбиралось, захваченных новгородцев отправляли в Тверь, где их содержали под стражей, а затем более двухсот новгородских купцов были заключены в темницы по разным городам. Затем Ярослав покинул Новгород, занял Торжок и тем самым перекрыл все пути в Новгород для поставки продовольствия. В Новгороде начался страшный голод. В этих условиях Мстислав Мстиславич вернулся в Новгород и направил депутацию в Торжок к Ярославу. Но Ярослав по-прежнему не пропускал в Новгород «ни воза» и захватывал купцов.

Мстислав решил просить о содействии Константина и Юрия, дабы унять Ярослава. Константин внял, Юрий же занял противоположную позицию. Константин, как обычно, пытался решить противоречия миром, Юрий, тоже как обычно, мириться не хотел. В результате **21 апреля 1216 г. на реке Липице** близ Юрьева-Польского, в канун монголо-татарского нашествия, произошла одна из самых жестоких и кровавых междоусобных битв (**Липицкая битва**) в русской истории. На одной стороне выступили князя Северо-Западной Руси, ориентировавшиеся в данном случае на Новгород: Константин Всеволодович, Мстислав Удалой, в то время новгородский князь, князь псковский Владимир, Владимир Рюрикович из Смоленска. С другой стороны княжескую коалицию возглавляли Юрий и Ярослав Всеволодовичи. По Татишеву, в Липицкой битве погибло «Юрьевых и его братьев 17250, ростовцев же, смолян и новгородцев — 2550, между которыми много знатных людей и хърабрейших пало». В ряде летописей XV — XVI вв. называются иные цифры: погибло 9233 суздальцев, а в «полку» Мстислава лишь четыре новгородца и один смолянин, что, конечно, совершенно невероятно. Никонновская летопись дает цифру 17200 суздальцев, «кроме пешцев», а противников Юрия (всех) — 550, тоже «кроме пешцев». Почему их не учитывают — неясно: обычно именно «пешци» начинали битву и, естественно, первыми несли потери. Текст Татишева в данном случае представляется наиболее приближенным по времени к описываемым событиям: в нем содержатся точные даты с указанием дней недели, которые однозначно указывают на 1216 г. по мартовскому стилю. Но «арифметической» точностью далеко не всегда отличались и современники.

Константин после победы занял Владимир, а Юрия отправил в Радилов на Волге. Простил Константин и Ярослава, ограничившись выговором. Но Мстислав потребовал от своего зятя

Ярослава вернуть дочь, и это требование пришлось выполнить. Вскоре Константин смягчил гнев и на Юрия, дав ему Суздаль и завещая великое княжение, с тем чтобы Юрий после себя передал его старшему сыну Константина.

Через два года, 2 февраля 1218 г. Константин скончался. Татищев дает заключение: «Великий был охотник к чтению книг и научен был многим наукам, того ради имел при себе людей ученых, многие древние книги греческие ценою высокою купил и велел переводить на русский язык. Многие дела древних князей собрал и сам писал, також и другие с ним трудились. Он имел одних греческих книг более 1000, которые частью покупал, часть патриархи, ведая его любомудрие, в дар посылали сего ради. Был кроток, богобоязнен, все разговоры его словесы книжными и учении полезными исполнены были».

Юрий Всеволодович (1188–1238), став великим князем, довольно успешно действовал на востоке, укрепляя пограничные с булгарами районы. В 1219 г. он послал сына Святослава на болгар, и поход принес успех и военный, и дипломатический. В 1221 г. у устья Оки был заложен Нижний Новгород, которому скоро пришлось отбиваться от нападений со стороны мордвы. Но на западе положение было менее обеспеченным — в Ливонию вторглись «немцы», т.е. католические ордена, забиравшие традиционную дань с этих земель у новгородцев и псковичан. А отношения у новгородцев с суздальскими назначенцами постоянно оставались напряженными и прямо враждебными. Рязанские князья вышли из подчинения Владимиру. В целом к предстоящим тяжелым испытаниям, о которых предупреждало сражение на Калке, ни одно княжество Северо-Восточной Руси, так же как и ни одно княжество Южной Руси, не было готово именно из-за непрекращающихся усобиц.

§ 4. НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

В XII — НАЧАЛЕ XIII в.

Специфика развития *Новгородской земли* в XI–XIII вв. была во многом связана с предшествующим временем, потому что именно в древности были заложены своеобразные черты и новгородского общественно-политического устройства, и ориентиры новгородской экономики, и принципы взаимоотношений Новгорода с другими землями Руси.

В исторической литературе основные дискуссии связывались с началом Новгорода. Летопись относит его возникновение примерно к 864 г.: Рюрик пришел из Ладоги и основал Новый город (легенды о более древнем существовании города сложились не ранее XVII в.). Среди археологов имеются расхождения в оценке этого древнейшего показания летописи. Известный знаток новгородских древностей В.Л. Янин относит возникновение Новгорода лишь к X столетию. Г.П. Смирнова доказывала, что древнейшая новгородская керамика, сходная с западнославянской, откладывается в древнейших слоях Новгорода как раз во время, указанное в летописи, — во второй половине IX в. Но расхождения в хронологии не столь принципиально значимы — в расчет берутся разные материалы, из разных раскопов, использованы разные способы датировки (скажем, точное датирование современными методами уличных мостовых указывает лишь на время появления этих мостовых, а не самого поселения). Важнее оценить содержание летописного сообщения: в какой степени надежен этот источник.

Имеются разночтения и в определении этнического состава первоначального поселения Новгорода. Но это и естественно: по Волго-Балтийскому пути с запада на восток шли разноязычные отряды и просто переселенцы. В «Сказании о призвании варягов», датированном в летописи 50—60-ми гг. IX столетия, действуют два славянских племени и три угро-финских в качестве уже оформившейся федерации и, следовательно, возникшей ранее этого времени. И здесь же присутствуют этнически неопределенные «варяги», которые явно пришли сюда ранее описываемых событий, если даже далекая от Балтики мера должна была платить им дань.

Разные мнения исследователей предопределяют и то обстоятельство, что ранние новгородские летописи сохранили меньше материала, нежели более поздние — *софийско-новгородские*. Это особенно заметно при описании событий XI в., которые *Новгородская Первая летопись* передает, следуя в основном за одной из редакций «Повести временных лет» (до 1115 г.). Именно это обстоятельство породило распространенное мнение, что до XII в. в Новгороде не было самостоятельного летописания. В принципе расхождения в определении начала новгородского летописания — это одно из многочисленных следствий различного понимания самой сути летописания: единое «древо» или сосуществование и борьба различных традиций,

выражающих интересы разных политических сил и идеологических устремлений.

Судя по предисловию к Новгородской Первой летописи, этот свод возник в период между 1204—1261 гг. По ряду признаков определяется, что свод составлялся в середине XIII в., а позднее он был доведен до 30-х гг. XIV столетия. Именно до середины XIII в. использован новгородский источник составителем Ростовского сборника. Свод использовал редакцию «Повести временных лет» в хронологических пределах до 1115 г. (но без договоров), которая послужила основой этой ветви новгородского летописания, но она не была ни единственной, ни древнейшей.

В этом смысле важно обращение к *софийско-новгородским летописям XV в.* Вообще, софийско-новгородские летописи — это скорее материал для летописного свода, нежели сам свод. Летописец оставляет заметки, возможно и для себя, вроде: «иши в Киевском», не раскрывая содержания соответствующего текста «Повести временных лет». Именно вследствие незавершенности работы над текстом в летописях нередки дублирования одних и тех же событий под разными годами. Но в этом неупорядоченном материале просматриваются следы более раннего новгородского летописания, в том числе совершенно неотраженного в Новгородской Первой летописи. Например, софийско-новгородские летописи века дают материал о времени княжения Ярослава (первая половина XI в.), которого «Повесть временных лет» не знает. И этот материал явно новгородского происхождения.

Определенным этапом работы в рамках этой новгородской традиции был свод, составившийся в 80-е г. XII в., предположительно Германом Воятой, скончавшимся в 1188 г. При этом важно, что в Синодальном (древнейшем) списке Новгородской Первой летописи этот летописец обозначает себя под 1144 г.: «Постави мя попомъ архиепископ святыи Нифонт». Весьма вероятно, что именно в этом своде было привлечено и ростовское летописание, а именно «Летописец старый Ростовский». Его влияние заметно в рассказах о Моисее Угрине, сестре Ярослава Предславе, Мстиславе «Лютом» и некоторых других. Причем в данном случае речь идет именно о *своде*, т. е. создании характерного для феодальной Руси и России исторического труда, соединявшего разные письменные источники. В таких сводах ранее составленные своды обычно продолжались, часто без пере-

работки. Поэтому, скорее всего, и на протяжении XII столетия в Новгороде явно был не один центр ведения летописных записей.

Те из исследователей, кто признавал **существование новгородского летописания в XI в.** (А.А. Шахматов, Б.А. Рыбаков, ряд авторов XIX столетия), обычно искали следы его в 50-х гг. У Шахматова это новгородский материал, привлеченный в Киеве впервые в предполагавшийся им «Начальный свод 1095 года», и следы его он искал в составе «Повести временных лет». Б.А. Рыбаков говорит об «Остромировой летописи», в большей мере используя материал софийско-новгородских летописей, т. е. с неизбежным выходом на иную традицию, нежели отраженную в «Повести временных лет». Такая датировка подтверждается важным указанием софийско-новгородских летописей под 1030 г. В них по сравнению с «Повестью временных лет» добавлено, что в 1030 г. Ярослав после создания города Юрьева вернулся в Новгород и собрал «от старост и поповых детей 300 учители книг». А далее следует исключительно важное «припоминание»: «Преставися архиепископ Аким Новгородский, и бяше ученик его Ефрем, иже ны учаше». Ефрем, очевидно, возглавлял новгородскую епархию, как Анастас и позднее Иларион киевскую церковь. Первый (или один из первых) новгородский летописец определяет себя как ученика Ефрема, и это ведет именно **к середине XI в.**, поскольку о Ефреме говорится уже в прошедшем времени, ведь Ефрем исполнял обязанности главы новгородской церкви до утверждения византийской митрополии в Киеве в 1037 г.

В основе софийско-новгородских летописей лежит свод 1418 г., непосредственно до нас не дошедший. Но с ним, видимо, были знакомы составители младшего извода Новгородской Первой летописи. В софийско-новгородских летописях отмечается хронологическая путаница, что может свидетельствовать об отсутствии в первоначальном тексте абсолютных дат: даты проставлялись либо летописцем середины XI в., либо более поздним летописцем.

* * *

В XII–XIII вв. Новгородская земля устойчиво держалась **общинно-республиканских форм общежития**, сохранявшихся на протяжении многих столетий и не до конца задавленных идеологией и практикой крепостничества. Уже говорилось, что по специфике своего социально-политического устройства Новго-

род близок городам славянского балтийского Поморья (Южная Балтика). Эта специфика и составляла своеобразие Новгородской земли в рамках восточнославянского государственного и этнического объединения: *изначальная слабость княжеской власти; большой авторитет религиозной власти (и в язычестве, и в христианстве); вовлеченность в социально-политические процессы разных слоев населения (помимо холопов-рабов).*

Из пределов Новгородской земли эта система социально-политических отношений распространилась далеко на восток, вплоть до Сибири, как это показал, в частности, Д.К. Зеленин. Характерно, что подобная система особенное распространение получила на тех территориях, где земледелие существует, но оно неустойчиво, а потому большую роль играют *промыслы и торговля*. Важен и еще один момент — *на этих территориях никогда не было и не будет крепостного права*, поскольку феодальные вотчины здесь не имеют смысла: насильно привязанный к месту смерд ничего не даст его потенциальному владельцу. Зато «дани» и «оброки» сохранятся в этих регионах на протяжении столетий. Повлияло на отсутствие крепостного права и то обстоятельство, что в сельской местности, находящейся в суровых и неустойчивых климатических условиях, требовались инициатива каждого работника и соблюдение принципа «артельности». Это, в свою очередь, вызывало необходимость сохранения общинной общественной структуры, в которой господствовал принцип выборности руководителей, когда лица, занимающие выборные должности, осуществляли внутреннее управление общиной и представительство общины вовне ее.

Для понимания своеобразия социально-политического устройства Новгородской земли необходимо учитывать и тот факт, что в Новгородской земле существовала *иерархия городов* — все города рассматривались в качестве «пригородов» Новгорода и должны были нести по отношению к нему определенные повинности. Но внутри каждого из этих городов управление выстраивалось «снизу вверх», так же как и в самом Новгороде. Конечно, с углублением социальных противоречий, между «верхами» и «низами» городского общества часто возникали противостояния, а то и открытая борьба. Но «смерд», как основная категория населения, являлся значимой фигурой и в начале XI в., и в XII в., и позднее, когда князья в противостоянии боярам оказывали поддержку именно «смердам».

В Новгородской земле была своя специфика взаимодействия *славянских и неславянских* племен. Дело в том, что неславянские племена в большинстве случаев довольно долго сохраняли обособленность, а их внутренняя жизнь оставалась традиционной. Новгороду в целом или отдельным новгородским светским и церковным феодалам эти племена выплачивали дань, и сбор такой «дани» был основной формой подчинения неславянских племен главному городу края или его «пригородам». В числе *племен-данников* Новгорода были *ижора, водь (у побережья Финского залива), карела, Терской берег на юге Кольского полуострова, емь (финны), печера, югра*. Причем на востоке, в Приуралье (земли печеры и югры) погостов для сбора дани не было, и туда направлялись специальные дружины. Сбор «дани» обычно проходил мирно, при обоюдном согласии, хотя, конечно же, были и случаи, когда новгородские дружинники занимались грабежами. Но в целом ситуацию взаимоотношений Новгорода с восточными и северными племенами отражает карело-финский эпос: в нем нет самого понятия внешнего врага, а враждебные силы прячутся в подземельях или на небесах.

Претендовал Новгород и на сбор дани с племен *Восточной Прибалтики*. Но в этот регион с конца XII в. начинают проникать немецкие крестоносцы, с которыми Новгород позднее будет вести постоянную и тяжелую борьбу. Центром новгородского влияния на восточнобалтийские племена был город *Юрьев*, основанный в 1030 г. Ярославом Мудрым. Борьба за Юрьев долго будет важнейшим звеном в противостоянии «натиску на восток» крестоносцев. Племена, находившиеся на территории собственно Новгородской земли, как правило, выступали в союзе с новгородцами против натиска с запада немцев и скандинавов.

Основные элементы собственно новгородского самоуправления — вече, институт посадников, институт тысяцких, институт старост и связанные с этими институтами хозяйственно-управленческие должности. Изначально важную самостоятельную роль играли в язычестве волхвы, а после принятия христианства — епископы и архиепископы. Роль этих различных институтов выявляется в связи с какими-нибудь конфликтами: либо между князем и городом, либо внутри господствующих «золотых поясов» — претендентов на высшие должности, либо между «верхами» и социальными «низами» города.

Обычное впечатление о новгородском самоуправлении как о неуправляемой вольнице складывается под влиянием суммы летописных известий. Но ведь летописи не сообщают о каждодневных, «рутинных» делах, отражая на своих страницах только какие-то важные события. Но даже сохранившиеся сведения — это свидетельство высокой политической активности новгородского населения, возможной лишь в условиях определенной правовой защищенности.

Кардинальный институт в системе самоуправления — *вече*, которое было своеобразным продолжением обязательных «народных собраний» в любых родоплеменных объединениях (и территориальных, и кровнородственных). Нередко подвергается сомнению сам факт существования *вече*, а под ним предполагается какое-то узкое собрание «верхов», которое выдает свое решение за «общенародное». Такие спекуляции наверняка были, но говорят они о том, что некогда дела решали на общем собрании.

В XII — XIII вв. именно вече и его решения корректировали поведение исполнительной власти. Реально зафиксированные летописями народные собрания чаще всего предстают как нечто чрезвычайное, вызванное неожиданно возникшими проблемами. На каком-то этапе они, видимо, и стали таковыми. Но необходимость обращаться к мнению *вече* даже и при решении заведомо сомнительных вопросов является аргументом в пользу народного собрания: его нельзя заставить, а потому надо обмануть. Конечно, реальные дела нередко вершились за спиной «вечников». Но если Новгороду надо было кому-то или чему-то реально противостоять, то без *вече* обойтись было невозможно. Следовательно, сам «чрезвычайный» характер народных собраний является своеобразным свидетельством о «высшем» критерии власти как обязанности решать неотложные вопросы, вставшие перед всей племенной или территориальной организацией. И в некоторых случаях именно решение *вече* блокировало — правильные или неправильные — намерения бояр.

В практике новгородской политической жизни к мнению и решению *вече* приходилось обращаться неоднократно, и летописи сообщают в целом ряде случаев о противостоянии *вече* аристократической «Софийской» и ремесленно-купеческой «Торговой» стороне, т. е. о собраниях разных либо территориально, либо социально объединенных новгородцев, со своими предложениями или требованиями. И нередко спорные вопро-

сы решались на мосту между «Софийской» и «Торговой» стороной Волхова: кто кого с моста сбросит. Локальные вопросы решало вече городских посадков-концов. На таких собраниях обычно обсуждались и возможные претензии к исполнительной власти города.

Сам круг и состав «вечников» в разные времена и у разных племен не одинаков, как не одинаковы и «ведущие» в рамках вечевых собраний, что видно в практике разных земель Руси. Сказываются неизбежные «внешние влияния», вызванные, в частности, условиями расселения славян в VI—IX вв., а также приходившимся на это же время процессом углубления социального размежевания и кровнородственного, и территориального коллектива.

Институт *тысяцких* проясняется из самого обозначения должности. Это традиционная славянская выборная от «Земли» должность, в рамках «десятских», «пятидесятских», «сотских» и следующих за ними. *Тысяцкие — это те, кому поручалось возглавлять ополчение города и округи.* Естественно, что тысяцкие стремились удержать свои права, сохранить должности для потомков или в ближайшем окружении. Но формальных прав они на это не имели, а потому вокруг этой должности могла развертываться борьба потенциальных кандидатов.

Наиболее значимой в исторической перспективе в Новгороде была должность *посадников* (институту посадников посвящена основательная монография В.Л. Янина). Наиболее запутанным остается вопрос о зарождении этого института и функциях посадников в X—XI вв. Даже этимология, вроде бы прозрачная, дает возможность двоякого толкования: посадник, как «посаженный» и посадник как управляющий посадом, торгово-ремесленной частью городов. *Основная проблема, связанная с институтом посадничества, это — процесс превращения княжеского «посаженного» чиновника в выборную республиканскую должность.* В «Повести временных лет» первые новгородские посадники упомянуты в связи с деятельностью киевского князя Ярополка Святославича (конец 70-х гг. X в.). При этом имеет значение тот факт, что речь идет не об одном посаднике, а о *посадниках во множественном числе.* Так же во множественном числе они упоминаются после возвращения в Новгород из «заморья» Владимира Святославича: князь отправляет их в Киев с напутствием, что скоро он и сам направится к Киеву против Ярополка (978 г.). Посадники Ярополка не попали в позд-

нейшие перечни, которые обычно открываются именем Гостомысла. Имя *Гостомысла*, видимо, было популярно в новгородских преданиях и привлекалось для оправдания права новгородцев выбирать посадников и приглашать по своему выбору князей. Само это имя впервые появится в софийско-новгородских летописях, в которых Гостомысл представлен в качестве предшественника Рюрика. Было ли имя Гостомысла в первоначальной новгородской летописи (по Б.А. Рыбакову — в «Летописи Остромира») остается неясным. Вообще само появление имени Гостомысла связано с оживлением воспоминаний новгородцев о прежних вольницах и желанием их возрождения в XV столетии в ходе борьбы с Москвой. Но такая же ситуация сложилась и в XI в., когда после смерти Ярослава Мудрого в Новгороде тоже вспомнили о прежней воле. Соответственно и сообщение софийско-новгородских летописей о том, что Гостомысл — это «старейшина», избранный посадником, актуально не только для XV, но и для XI в.

В софийско-новгородских летописях, равно как и в списках посадников, второе после Гостомысла имя — *Константин (Коснятин) Добрынич*, который был двоюродным братом князя Владимира Святославича и, соответственно, двоюродным дядей Ярослава. В 1018 г. Константин, во время междоусобной войны между сыновьями Владимира, резко воспротивился попытке Ярослава бежать, бросив все, к варягам после поражения в этой войне. И это тоже показатель — посадник выражал настроения и волю новгородцев. Ярослав же через некоторое время сурово расправился с близким родственником. Утвердившись в Киеве, Ярослав выслал его в Муром, а затем и организовал убийство Константина. В летописях эти события отнесены к концу второго и началу третьего десятилетия XI в. По мнению В.Л. Янина, их следует перенести в 30-е гг., с учетом дублирования в софийско-новгородских летописях всех записей за это время с разницей примерно в 16 лет (это соответствовало бы использованию александрийской космической эры, определявшей время от Сотворения мира до Рождества Христова в 5492 г., т. е. как раз на 16 лет ранее указываемой в константинопольской эре).

Еще один новгородский посадник в XI в. — *Остромир*, по заказу которого было изготовлено знаменитое «Остромирово Евангелие». В рассказе о походе на греков в 1043 г. в качестве воеводы Владимира упоминается его сын *Вышата*. Позднее тот

же Вышата в 1064 г. уйдет из Новгорода в Тмутаракань вместе с князем Ростиславом Владимировичем. Дата 1064 г. вызывает сомнение. В «Остромировом Евангелии» ее владелец определен как «близок» Изяслава Ярославича, т. е. родственник именно Изяслава. А Изяслав утратит киевский стол сначала в 1068 г., а затем в 1073 г., когда киевский стол займет главный антагонист Изяслава — Святослав Ярославич. Ростиславу же пришлось столкнуться с сыном Святослава Глебом, занимавшим Тмутаракань. Поэтому конфронтация именно с семейством Святослава предполагает события не 1064, а 1068 г. Очевидно, и Остромир был связан Изяславом и с этой ветвью потомков Ярослава, оказавшихся изгоями. Но вопрос о взаимоотношениях внутри княжеской и посаднической ветвях власти в этом случае не прояснен. По всей вероятности, Ростислав бежал в Тмутаракань, будучи не в силах противостоять какому-то кандидату на новгородский стол, выдвинутому Всеславом или Святославом.

В летописи под 1054 г. — датой кончины Ярослава Мудрого — сказано о гибели Остромира в походе на чудь. Но «Остромирово Евангелие» относится к 1057 г., следовательно, ранние новгородские летописи не сохранили точной датировки (данная неточность может служить аргументом в пользу того, что древнейшая новгородская летопись не имела дат от Сотворения мира).

В дальнейшем институт посадничества укреплялся в Новгороде за счет того, что киевские князья посылали туда еще недееспособных детей, за которых и от имени которых управляли присланные с ними воеводы и посадники. Ростиславу было 14 лет, когда умер его отец Владимир Ярославич (1052). Мстислав Владимирович впервые был отправлен в Новгород примерно в 12-летнем возрасте (и пробыл в первый свой приход в Новгород 5 лет, до 1093 г.). Списки посадников за это время дают целый ряд имен, не отраженных в других источниках. Княжение Владимира Мономаха и Мстислава Владимировича в целом время заметного укрепления власти киевского князя, усиление определенного единства разных земель под его властью. Вторичное пребывание Мстислава в Новгороде приходится на 1096—1117 гг., причем попытка Святополка Изяславича, княжившего в Киеве после смерти Всеволода и до своей кончины в 1113 г., воспользоваться правом первого лица — была отвергнута новгородцами, отдавшими предпочтение Мстиславу. Но переход Мстисла-

ва в Киев в 1117 г. нарушил гармонию. Мстислав оставил в Новгороде сына Всеволода с обещанием, что тот ни в коем случае не оставит Новгород. Однако сразу после кончины Мстислава в 1132 г. новый киевский князь Ярополк перевел Всеволода в Переяславль, откуда его вскоре изгнали дяди Юрий и Андрей. Всеволод вынужден был вернуться назад в Новгород, но там ему припомнили «измену», а в 1136 г. выгнали с позором. Судя по всему, Всеволод и ранее держался лишь авторитетом и мощью занимавшего Киев отца, и конфликт 1136 г. лишь обнажил реальные взаимоотношения князя и «Земли», которая поднималась, восстанавливая в ряде случаев древние формы самоуправления. Новгородский летописец отмечает, что в изгнании Всеволода Мстиславича в 1136 г. участвовали и псковичи, и ладожане, и вообще «бысть въстань велика въ людех». Правда, затем новгородцы и их «пригороды» «въспятишася». *Но 1136 г. окончательно знаменовал новую форму взаимоотношений всей Новгородской земли с приглашаемыми князьями (ладожане и псковичи и в этом решении участвовали).*

В литературе отмечалось, что за следующее столетие в Новгороде будет совершено более 30 переворотов. И волнения возникали не только из-за борьбы в верхах, в среде посадников и «золотых поясов». Социальные проблемы тоже постоянно всплывали на поверхность общественной жизни, и некоторых из приглашенных князей уже боярство обвиняло в предпочтениях, оказываемых смердам. *Вообще архаизация социальных отношений в Новгородской земле оказалась одной из причин развития по Северу Руси буржуазных отношений, в то время как в центре и в южных пределах феодализм привнесет крепостнические отношения.*

1136 г. — дата, значимая и для Новгорода, и для Руси в целом. Именно с этого времени фактически перестали действовать и принцип «старейшинства», и принцип «отчины». Во второй половине XII — начале XIII столетия новгородцы будут лавировать между соперничавшими ветвями Ярославичей. Так, изгнав Всеволода Мстиславича (Мономаховича), они немедленно пригласили Святослава Ольговича — одного из главных соперников Мономаховичей. Естественно, что такой поворот не устраивал многих в Новгороде и в Пскове. В смуте 1136—1138 гг. псковичи примут Всеволода Мстиславича, а новгородцы будут держаться Святослава Ольговича, хотя особой поддержки он и в Новгороде не получил. Конфликт возник у князя и с епископом

Нифонтом, правда, на бытовой почве. И неудивительно, что Святослав Ольгович вскоре покинул Новгород.

В Новгороде традиционно большую роль всегда играла церковная власть. При этом во второй половине XII в. проявлялись и церковно-политические противоречия, и не только в связи с конфликтом епископа *Нифонта* с митрополитом Климентом Смолятичем. Именно в 1136 г. монах Антониева монастыря *Кирик* написал свое знаменитое «Учение» — размышление о хронологии с выходом и в математику, и в астрономию. В заключении своего текста он весьма положительно отозвался о Святославе Ольговиче, поставив его впереди Нифонта. Позднее Кирик напишет «Вопрошание» к Нифонту по широкому кругу вопросов. В числе этих вопросов есть один весьма принципиальный: о замене епитимий (церковных наказаний византийского образца) заказными литургиями. Возможно, этот вопрос связан со своеобразными традициями самого Антониева монастыря, близкими к ирландской церкви. По легенде основатель монастыря Антоний Римлянин приплыл в Новгород с Запада Европы «на скале», а плавание «на скале» было специфической чертой именно кельтских святых. Кроме того, именно в ирландской церкви епитимия заменялась заказными литургиями. Следовательно, вопрос Кирика к Нифонту был связан с реальной практикой, сохранявшейся в Антониевом монастыре. И на подобные вопросы Нифонт отвечал жестко и резко.

Своеобразным продолжением этой темы явились новгородские события 1156 г. Нифонт умер в Киеве, не дождавшись митрополита. И летописец, защищая Нифонта, приводит разные мнения о нем: «Шел бо бяшетъ къ Киеву против митрополита; инии же мнози глаголаху, яко, лупив святую Софею пошел к Цесарюграду». Не менее интересен и уникальный случай, произошедший в Новгороде после смерти Нифонта: «В то же лето собрася весь град людии, изволеша собе епископомъ поставити мужа свята и Богом избрана именовъ Аркадия; и шед весь народ, пояша из манастыря святаыя Богородица». *Епископ Аркадий* был поставлен как бы временно, до утверждения митрополитом, а на само утверждение в Киев Аркадий отправился лишь через два года. Думается, что в данной ситуации снова проявляется рецидив ирландской или арианской традиции, характерной для раннего русского христианства, — избрание епископов решением общины. Причем в ирландской церкви епископ являлся административно-хозяйственной должностью, а у ариан — собст-

венно богослужебной. В реальной политической практике Новгорода епископы совмещали обе эти функции, нередко оттесняя и княжескую власть, и посадническое управление.

Владыка Аркадий возглавлял епархию до 1163 г. Затем в летописи двухлетний перерыв, когда место епископа, видимо, пустовало. А в статье 1165 г. упоминаются сразу два архиепископа, поставленных для Новгорода в Киеве: *Илья* и *Дионисий*. О последнем летописец пишет с явной симпатией. Видимо, неудачна редакция статьи: сначала сказано об утверждении Ильи, а в конце статьи о кончине Дионисия.

Илья занимал кафедру двадцать один год (до 1187 г.) и ему удалось укрепить и личный авторитет, и авторитет Софийской кафедры. Летопись положительно оценивает и деятельность его брата Гавриила в 1187—1193 гг. — главным образом за строительство церквей, что может свидетельствовать либо о действительном положении церкви, либо о личности летописца, близкого к этим архипастырям.

Может быть, именно благодаря столь длительному фактическому правлению Ильи и его брата внутреннее положение Новгорода в последней трети XII в. относительно стабилизировалось. Помимо указанного элемента стабилизации — повышения авторитета Софийской кафедры — этому способствовали также и внешние обстоятельства: необходимость противостоять нараставшей угрозе на Балтике со стороны немецких крестоносцев и сложные отношения с князьями Владимиро-Суздальской Руси Андреем Боголюбским и Всеволодом Большое Гнездо.

Новгород был кровно заинтересован в сохранении нормальных деловых отношений с «великими» князьями, контролировавшими Волго-Балтийский путь и земли, спасавшие новгородцев в часто повторяющиеся годы недорода. Но великие князья стремились к подчинению Новгорода, а новгородская «вольница» добивалась «паритетных» отношений. Поэтому, желая ограничить пределы княжеской власти, новгородцы сокращали число земель, с которых князь мог получать дань. Это прямо будет фиксироваться в грамотах XIII в., но как тенденция такое положение существовало изначально. Просто в XIII в. ярче был выражен феодальный характер социально-экономических отношений, и в договорах более конкретно определялись территории, с которых князья могли взимать «дани».

В XII—XIII вв. происходит *укрепление социальной элиты Новгорода*, что породило другую проблему: нарастало недо-

вольство социальных низов злоупотреблениями городской власти. В 1209 г., когда новгородцы участвовали в походе Всеволода Юрьевича Большое Гнездо и дошли до Оки, в городе произошел социальный взрыв, направленный «на посадника Дмитра и на братью его». Вече обвинило правителей Новгорода в многочисленных злоупотреблениях: «Повелеша на новгородцех серебро имате, а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и иное все зло». По решению вече, «поидоша на дворы их грабежом», были распроданы села посадника и его окружения, отобрана челядь, от награбленного имущества каждому новгородцу досталось по три гривны. Летописец оговаривается, что не счесть того, что кто-то «похватил» и «от того мнозе разбогатеша».

Об этом восстании существует значительная литература. И принципиальное расхождение в оценках этого социального взрыва: носил ли он антифеодальный или внутрифеодальный характер. Думается, как и во многих других случаях, материал свидетельствует о внутрифеодальных коллизиях — в результате восстания произошло перераспределение награбленного. Но при этом сохраняется выход и на коренную проблему — *в событиях 1209 г. явно прослеживаются противостояние «Земли» и «Власти».*

Новгород был *главным дипломатическим и торговым окном Руси в Северную Европу*, и сохранилось значительное количество актов, договорно определявших отношения с западными партнерами. Наибольшее количество договоров связано с Любеком, Готским берегом и немецкими городами. В этой связи представляет интерес инцидент с «варягами», о котором сообщает Новгородская летопись под 1188 г. Новгородцы были ограблены варягами «на Гътех», а немцами «в Хорюжку и Новоторжье». В ответ в Новгороде закрыли выход за море и выслали посла варягов. Под 1201 г. этот сюжет имеет продолжение: снова варягов «пустиша без мира за море», и той же осенью «приидоша варязи горою (т. е. сушей, через Восточную Прибалтику. — А.К.) на мир, и даша им мир на всей воле своей».

Два этих сообщения интересны тем, что к этому времени относится один из традиционных договоров Новгорода с Любеком, Готским берегом и немецкими городами, т. е. Южным берегом Балтики, который в это время принадлежал Германии. В договорах обычно шла речь о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде, поскольку судебные традиции в разных

землях и городах различались. Любек оставался одним из главных торговых центров на Балтике, и он еще в документах XIV в. помещался «в Руссии». «Готский берег» являлся транзитным для купцов по Волго-Балтийскому пути, и там находились торговые базы практически всех народов, вовлеченных в торговлю на этом пути. Что касается городов «Хоружек» и «Новоторжец», то достаточно ясна их славянская этимология, но вопрос об их локализации остается спорным.

Целый комплекс проблем, характеризующих новгородское общество, представляют события 1227—1230 гг., отмеченные летописями (прежде всего Новгородской Первой и Никоновской) несколькими обрывочными и противоречивыми фразами. В литературе существуют и разные прочтения, и разные оценки происшедшего. А проблемы трудно понять вне контекста всей новгородской и древнерусской истории.

Судя по отдельным летописным фразам, в 1227—1230 гг. в Новгороде были голодные годы, и «недород» сказывался на протяжении трех лет (в 1230 г. более трех тысяч новгородцев заполнили «студельницы» с трупами, а собаки не могли поедать разбросанные по улицам трупы). Голодные годы порождали множество проблем. Прежде всего — откуда и за чей счет доставить в город недостающие продукты. И сразу возникали противоречия, о характере которых и спорят историки: классовые или внеклассовые. В 1227 г. начало «голодных лет» ознаменовалось появлением вроде бы уже забытых волхвов. Древние волхвы напрямую увязали явления природы с природой власти: «недород» считался признаком неумелой и недееспособной власти, которую можно было подвергнуть любому наказанию.

В итоге же наказали проповедников-волхвов: впервые в истории Руси (в отличие от Западной Европы) загорелись костры; четверо волхвов были сожжены на костре. Летописец, возможно даже современный событиям, осудил эту акцию, заметив, что в окружении князя Ярослава Всеволодовича (занимавшего в то время Переяславль Залесский и исправлявшего функции новгородского князя) к карательной акции новгородцев отнеслись отрицательно. Поскольку сожжение проходило на Софийском дворе, можно предполагать, что инициаторы казни находились именно в канцелярии архиепископа. В итоге архиепископ Антоний вынужден был уйти «по своей воле», а на его преемника Арсения обрушился гнев новгородцев.

Сменилась и светская власть. Князь Ярослав оставил новгородский стол и вернулся в Переяславль, в Новгороде же появился князь Михаил Черниговский, который «целова крест на всей воли новгородской» и прежних грамотах, и «выда свободу смърдем на 5 лет дании не платити, кто сбежал на чюжую землю». Иными словами, освобождались от даней на пять лет те, кто бежали либо от насилий, либо от голода. Те же, кто оставался на своих местах, платили дани в прежних объемах.

1228 г. отмечен и еще одним проявлением новгородской демократии. Пришедшего на смену Антонию архиепископа Арсения «простая чадь» не приняла. Более того, против него было выдвинуто обвинение на вече «на княжи дворе», что он устранил Антония, «давши князю мзду». Арсения обвиняли и в том, что слишком долго стояло тепло. Его выгнали, едва не растерзав на площади перед Софийским собором, и от смерти он спасся, лишь затворившись в храме. На кафедру вновь был возвращен Антоний, а дворы светских правителей города разграбили. С приходом в город Михаила Черниговского был создан еще один прецедент: кандидата в архиепископы избирали жребием из трех кандидатур, отказавшись от ранее избранных и утвержденных. В результате избранным архиепископом оказался Спиридон — дьякон Юрьевского монастыря.

Страшный голод 1230 г. вызвал новый всплеск протестов и возмущений в социальных низах Новгорода. Дворы и села посадника, тысяцкого и их окружения были разграблены. Были избраны новые посадник и тысяцкий, а имущество убитых и изгнанных делится «по стом» (т. е. по «сотням»). «Сотенная» система, традиционная для славянства, долго будет сохраняться на Севере Руси. И она оставалась формой самоуправления, в том числе и в организации не всегда понятных «беспорядков».

§ 5. ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ В XII — НАЧАЛЕ XIII в. *

Основным источником по истории Галицко-Волынской земли XII — первой половины XIII в. является южнорусский летописный свод конца XIII в., дошедший до нас в нескольких списках и получивший название *Ипатьевской летописи* по при-

*Параграф написан А.С. Королевым.

надлежности старшего списка (конец 10-х — начало 20-х гг. XV в.) Костромскому Ипатьевскому монастырю. Свод является компиляцией двух памятников: «Киевского свода» 1198 г. (от «Повести временных лет», которой открывается текст Ипатьевской летописи, и до конца XII в.) и галицко-волынского исторического повествования (*Галицко-Волынской летописи*), начинающегося с посмертной похвалы галицкому князю Роману Мстиславичу, погибшему в 1205 г., и доходящего до конца XIII в. (последние известия помещены под 1292 г.).

В свою очередь, «Киевский свод» 1198 г., созданный в Михайловском Выдубицком монастыре и имевший целью прославить деятельность великого князя киевского Рюрика Ростиславича, достаточно сложен по своему составу. Кроме предшествующей киевской летописи, основного источника, автор «Киевского свода» использовал какую-то семейную хронику князей Ростиславичей (братьев Рюрика), черниговскую летопись князя Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве», переяславский летописец князя Владимира Глебовича (умер в 1187 г.). Имеются в «Киевском своде» и вставки из галицко-волынского летописания.

Последняя часть Ипатьевской летописи — Галицко-Волынская летопись — представляла собой историческое повествование без обычной для других политических центров Руси летописной сети годов. Вероятно, летописец-сводчик конца XIII в. расставил даты в свободный исторический рассказ, но сделал это неверно, причем ошибки достигают иногда 4 лет. Следует учитывать и то, что хотя галицко-волынское историческое повествование по истории XIII в. и представляет собой связный рассказ, оно также основано на нескольких источниках. Исследователи текста Галицко-Волынской летописи, учитывая ее специфику, предположительно выделяют в ее составе летописи и летописные своды, повести и сказания. На заключительную часть «Галицко-Волынской летописи» оказали влияние пинские летописные записи последних десятилетий XIII в.

При составлении свода конца XIII в. автор-летописец привлек еще один летописный источник (предположительно, *ростово-суздальского происхождения*), содержащий в себе известия по истории Северо-Восточной Руси, материалы из которого дополнили главным образом «Киевский свод», хотя ряд известий встречается и в части, повествующей о XIII в.

Информацию по истории Галицко-Волынской земли можно почерпнуть и из других русских летописей (Лаврентьевской, Воскресенской, Никоновской и др.). Однако их создателей интересовала прежде всего история северо-восточных, а не южно-русских земель. Их сведения в основном относятся к XII в. В сравнении с Ипатьевской летописью в изучении истории Галицко-Волынской земли они, бесспорно, играют вспомогательную роль. Оригинальные известия содержатся в «Истории Российской» В.Н. Татищева, имевшем, как известно, в своем распоряжении не дошедшие до нас летописи. Яркие, в форме обращения, характеристики князей Галицкой и Волынской земель Ярослава Осмомысла и Романа Мстиславича содержатся в знаменитом «Слове о полку Игореве».

Интересные сведения о Галицко-Волынской земле имеются и в иностранных источниках (особенно в польских и венгерских). В качестве примера можно привести информацию о все том же, поразившем современников, галицком князе Романе Мстиславиче в польских латиноязычных источниках XII—XIII вв.: «Хронике» магистра Винцентия Кадлубка (ок. 1160—1223) и «Рочнике Краковского капитула». Но особенно богато иностранными источниками время правления в Галицко-Волынской земле знаменитого сына князя Романа Мстиславича — Даниила, что объясняется усиленным сближением Даниила Романовича с Западом. Достаточно полный перечень западных источников по истории русских земель XII—XIII вв. приводится в монографии В.Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968).

* * *

Период конца XII — первой половины XIII в. истории **Галицко-Волынской Руси** неизменно привлекает внимание историков и вызывает между ними споры. Действительно, по подсчетам А.А. Горского, с 1199 по 1240 гг. Галичем владели: Изяславичи около 12,5 лет, Ольговичи — 10, Ростиславичи — 9 лет. Ни одна ветвь Ярославичей не могла окончательно утвердиться в городе, а все многочисленные галицкие боярские фамилии — Арбузовичи, Молибоговичи, Домажеричи, Кормиличичи и т.д. — приглашали и изгоняли князей, разбирали себе земли в управление, раздавали своим сторонникам владения и доходные промыслы, унижали князей, могли на пиру выплеснуть князю в лицо вино, явиться на встречу с ним в одной рубахе,

разлучали детей с родителями, ссорили родственников, вели сложные международные интриги, наконец, вешали князей и даже пытались вовсе обойтись без них. Бояре имели замки, свой административный аппарат, располагали военными силами, были очень богаты. Поляки называли их на восточный манер «сатрапами», венгры — «баронами». В.О. Ключевский был, видимо, прав, когда писал, что галицкое боярство стремилось поставить местного князя в такое положение, «чтобы он только княжил, а не правил, отдав действительное управление страной в руки бояр».

Разумеется, Галич, в этом отношении, не представлял из себя чего-то необычного. В большинстве русских княжеств домонгольской Руси городские общины стремились подчинить себе или ограничить княжескую власть. Известны и города-государства, вроде Новгорода Великого. *Однако в Галиче раньше, чем в Новгороде, боярство сумело подмять вече, и ни в одном княжестве борьба боярства за власть не принимала характер полнейшей анархии, когда бояре были готовы принести интересы города в жертву собственным интересам.* Иначе говоря, проблема взаимоотношений «Власти» и «Земли» была в Галицко-Волынской Руси довольно сложной, и противоречия существовали не только между «Властью» и «Землей», но и внутри самой «Земли», причем эти противоречия носили зачастую уже социальный характер.

Предположений о причинах усиления галицкого боярства и о появлении подобного группового эгоизма высказывалось множество. Н.И. Костомаров, И.Д. Беляев, В.О. Ключевский и др. видели причины полувекковой нестабильности в Галиче в борьбе многочисленных боярских партий за власть. При этом В.О. Ключевский был убежден, что полного единства интересов между боярами и простыми галичанами не было, бояре были сильны не землевладением, а теми должностями, которые они имели и которые позволяли им получать города и волости для «корма». «Значит, — писал В.О. Ключевский, — они боролись с князем, будучи представителями интересов народа, и хотели править народом, не держа в руках нитей народного труда». Н.П. Дашкевич был также убежден, что галицкие бояре были страшно далеки от народа, однако эта удаленность, по его мнению, заставляла их действовать весьма сплоченно. Даже деление бояр на постоянные партии исследователь отрицал, видя причину нестабильности в Галиче в коллективном и бессознательном эгоизме сплоченного и борющегося за полное господство над Галичем боярского «общественного класса». В советское время подобная оценка галицкого боярства стала весьма распро-

страненной. Правда, были здесь и определенные отличия. *Дореволюционные историки видели силу бояр не в землевладении, а в занимаемых должностях.* Бояр они считали потомками осевших на Волыни княжеских дружинников, укрепивших свой статус и сумевших передать его своим потомкам в период относительной стабильности на Волыни — во время правления Владимирка Володарьевича и Ярослава Осмомысла. *Советские историки видели в боярах прежде всего крупных землевладельцев, сильных своей властью над зависимыми от них крестьянами.* К.А. Софроненко, написавшая книгу, посвященную общественно-политическому строю Галицко-Волынского княжества, видела силу галицких бояр в том, что они происходили из родоплеменной знати и «стали крупными землевладельцами помимо пожалований князя», и хотя среди них были и осевшие на землю дружинники, особенность Галича была в том, что там «развитие крупного боярского землевладения опережало процесс образования княжеского домена». Правда, далеко не всем боярство Галича представлялось таким застывшим в родовых предрассудках. По мнению В.Т. Пашуто, также видевшего в боярах Галича крупных землевладельцев, галицкое боярство все же прошло определенное становление: до XII в. предки галицких бояр были дружинниками князя («княжими мужами»), в XII в. они уже — «мужи галицкие», а с XIII в. — «бояре галицкие». Различия во взглядах К.А. Софроненко и В.Т. Пашуто объясняются тем, что в советской историографии не был решен вопрос о том, из чего вырастает на Руси феодализм — из боярского или из княжеского землевладения. Особое мнение о галицких боярах имеется у И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко. Согласно их концепции, галицкие бояре не являлись крупными землевладельцами, а были держателями доходов от кормлений. Поэтому следует говорить об их всесии, и о полном подчинении ими простого народа. Бояре выражали интересы городской общины Галича, в которой шла борьба партий, а бояре в этой борьбе выражали интересы той или другой части горожан.

Ни одно из вышеперечисленных построений ученых не является неверным, но *каждое из них абсолютизирует какую-то одну из сторон галицкой жизни XII — XIII вв.* Разумеется, истоки боярского самовластия не следует искать в том, что боярское феодальное землевладение в Галиче зародилось раньше княжеского. Чем тогда Галич отличается от соседнего Владимира Волынского, даже еще более древнего? Да и нельзя считать всех галицких бояр потомками родоплеменной знати или старших дружинников. Известно, что крупный боярин XIII в. Доброслав был сыном «судьи» и «внук попов», в одно время с ним упоминаются некие Лазарь Домажирец и Ивор Молибожич — «два беззаконника от племени смердя», как о них пишет летопись.

Сам количественный состав бояр свидетельствует об их неоднородном составе. Бояр было очень много. Например, князя Игоревичи перебили разом до 500 человек бояр. И это при условии, что лет за десять до них не менее масштабные репрессии против них провел Роман Мстиславич. Не следует, конечно, отрицать роль земельных владений в обеспечении положения галицкого боярства, особенно для конца XII — начала XIII в., но и преуменьшать интерес бояр к доходам от занимаемых должностей в системе самоуправления также не стоит.

О том, что самоуправство бояр вовсе не связано с тем, какое землевладение княжеское или боярское, зародилось раньше, видно хотя бы из того, что отношение галицких бояр к князьям не оставалось неизменным. Так, после смерти Владимирка Володаревича авторитет княжеской власти в Галиче был настолько высок, что, когда в 1153 г. киевский князь Изяслав Мстиславич попытался отобрать у Ярослава Владимировича часть владений, бояре, выступив против киевских полков, сказали Ярославу: «Ты, князь, молод, отъезжай прочь и смотри на нас; отец твой нас кормил и любил, так мы хотим за честь твоего отца и за твою сложить свои головы — ты у нас один; если с тобой что случится то, что нам тогда делать? Так ступай-ка, князь, к городу, а мы станем биться с Изяславом, кто из нас останется жив, тот прибежит к тебе и затворится с тобой в городе». Личная жизнь Ярослава Осмомысла и Владимира Ярославича подорвали к ним уважение народа, что и привело к вмешательству бояр и в их личную жизнь, и в порядок престолонаследия. А после смерти сына Осмомысла, когда началась борьба за Галич и у бояр появился богатый выбор претендентов, авторитет княжеской власти пал так низко, что князей даже начали вешать.

Бояре, несомненно, делились на партии, существование которых чувствуется при каждой смене князей на галицком столе, и опирались в своих интригах на городскую общину. Вече в Галиче собиралось и в начале XIII в., в частности в 1231 г. Однако несомненно и то, что бояре ловко манипулировали общественным мнением, а в начале XIII в., когда они могли привлекать к решению стоявших перед ними задач иностранных правителей, галицкое боярство перестало с этим мнением считаться, и между ними и простыми галичанами выросла стена непонимания, которая и позволила Даниилу Романовичу в конце концов утвердиться на галицком столе именно при поддержке простых галичан. В летописи содержится яркий рассказ о том, как в 1239 г.

Даниил подошел к стенам Галича и обратился к его жителям: «Люди городские, до каких пор хотите терпеть державу иноплемennых князей?» Те закричали в ответ: «Вот наш держатель Богом данный!» — и пустились к Даниилу, по выражению летописца, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику. При этом мнение бояр явно отличалось от настроений простых горожан. Таким образом, следует признать, что в отношениях «Земли» и «Власти» сама «Земля» в Галицко-Волынском княжестве уже не выступала как однородная сила. В то же время именно мнение простых горожан и галицкого вече оказывалось решающим в самых кардинальных случаях. И это мнение всегда было направлено к одной цели — обеспечение стабильности и спокойной жизни.

* * *

Ко времени вступления на киевский стол Владимира Всеволодовича Мономаха (1113 г.) Волынь оставалась разделенной на несколько княжеств. Во *Владимире Волынском* сидел Ярослав, сын покойного киевского князя Святополка Изяславича, в *Перемышле* и *Теребовле* правили *Володарь* и *Василько Ростиславичи*, внуки старшего сына Ярослава Мудрого Владимира. На всех этих князей киевский князь имел влияние: Ярослав Святополкович был женат на внучке Владимира Всеволодовича, дочери его сына Мстислава, правившего в Новгороде, а сын Мономаха Роман женился на дочери князя перемышльского Володаря Ростиславича, князя державшего в постоянном напряжении и Волынь, и Польшу. То, что Волынь была ему подконтрольна, Владимир Мономах продемонстрировал в 1117 г., когда Ярослав Святополкович попытался развестись с его внучкой. Ответом был поход Мономаха и Ростиславичей на Владимир Волынский. Ярослав бежал в Венгрию, а оттуда — в Польшу. Мономах посадил во Владимире сына Романа, а после его скоростижной смерти в 1119 г. другого сына — Андрея. Что же касается Ярослава Святополковича, то он еще несколько лет пытался при помощи поляков, венгров и чехов отвоевать Волынь, но в 1123 г. во время осады Владимира был убит своими же польскими наемниками.

В период с 1119 по 1170 г. Владимир Волынский занимали князья, каждый из которых рассматривал этот город в качестве удобной стартовой площадки для перехода на более престижный, как им казалось, стол. *Андрей Владимирович* в 1136 г. пере-

брался в Переяславль, поближе к Киеву. На Волыни оказался один из младших Мономашичей, внук Владимира Всеволодовича — *Изяслав Мстиславич*. Последний, как и его предшественник, не держался за владимирский стол. Он вошел в сложные интриги, целью которых был тот же вожденный киевский стол. В 1146 г. Изяславу Мстиславичу удалось осуществить свое желание — по соглашению с киевлянами он занял великое княжение. На Волыни же утвердился младший брат Изяслава *Святополк*. После занятия Изяславом Мстиславичем Киева начались княжеские усобицы, продолжавшиеся до его смерти в 1154 г. Все эти годы Волынь была для Изяслава базой, откуда он получал помощь и куда возвращался после очередной неудачи. Святополк Мстиславич каждый раз безропотно уступал брату его место. По существу, Изяслав, находясь и в Переяславле, и в Киеве, оставался волынским князем.

Но в ходе этой междукняжеской войны Волынь разделилась. Владимир Волынский поддерживал Изяслава Мстиславича, владения потомков Ростислава Владимировича стояли за его врагов. Но вообще, гораздо больше братьев Ростиславичей занимали их отношения с Польшей, Чехией и Венгрией. В 1124 г. Володарь и Василько умерли, после Володаря осталось два сына — *Ростислав*, получивший Перемышль, и *Владимирко*, ставший князем в незначительном волынском городке Звенигороде; *Григорий* и *Иван*, сыновья Василька, поделили между собой Теребовль. В 1127 г. Владимирко, призвав на помощь венгров, попытался выгнать старшего брата Ростислава из Перемышля, но Ростиславу помогли двоюродные братья Васильковичи и великий князь киевский Мстислав Владимирович. Энергичный звенигородский князь вынужден был отступить. К 1141 г. умерли и Ростислав, и последний из Васильковичей, не имевший наследников. Владимирко взял себе обе волости (Перемышльскую и Теребовльскую), не поделившись с племянником Иваном Ростиславичем, которому дал на прокорм, но не в самостоятельное княжение свой бывший город Звенигород. Иван пытался отвоевать у дяди земли своего отца, поднимал против Владимирка постоянные мятежи, пока не лишился всех своих владений. В итоге *Иван Ростиславич стал первым в истории России служилым князем*, обретавшимся при дворах русских владетельных князей, а в трудные времена занимался и разбоем. В историю Иван вошел под прозвищем *Берладник*. Молдавский город Берлад был предшественником позднейшей казачьей воль-

ницы, местом, куда стекались удалыцы из разных мест Европы. Здесь неудачники, подобные Ивану Ростиславичу, находили убежище и дружину.

Столицей своего, теперь уже значительного, княжества Владимирко сделал город *Галич*, впервые упомянутый в летописях под 1141 г. Так на Волыне появились два княжества — Владимиро-Волынское и Галицкое. Объединенное *Галицкое княжество* стало серьезной политической силой, весьма влиятельной на Руси, с довольно сложными международными отношениями. Галицкий князь Владимирко Володаревич постоянно воевал, мирил и ссорил князей, каждый раз что-то выигрывая, увеличивая свои владения. В случае неудачи он не брезговал и грабежом, и вымогательством. В междукняжеских усобицах Владимирко был самым деятельным союзником Юрия Владимировича Долгорукого. Союз этот был скреплен браком — сын Владимирка Ярослав женился на дочери суздальского князя. Близость к западным границам позволяла галицкому князю получать помощь из Венгрии, что особенно было важно для Юрия Долгорукого. Сам Владимирко был женат на венгерской княжне.

После смерти Владимирка в 1152 г. новым галицким князем стал сын Владимирка Ярослав. Признав над собой власть киевского князя, новый правитель Галича продолжал политику Владимирка, доставляя киевскому князю Изяславу Мстиславичу массу неприятностей и стремясь удержать за собой приобретения отца.

Ярослав Владимирович (ок. 1130—1187) стал единовластным князем богатой и цветущей земли. Его величие потрясало современников и нашло свое отражение в «Слове о полку Игореве», в котором он назван «*Осмомыслом*». Автор «Слова» считал Ярослава Осмомысла одним из могущественнейших князей на Руси, «подпирающим» своими железными полками Венгерские горы, «затворяющим» ворота Дунаю и «отворяющим» ворота Киеву.

Но княжение Ярослава Владимировича было беспокойным, полным бесконечных «крамол». Во многом это было связано с тем, что ему *не удалось наладить контакты с «Землей»*. А жители княжества, сначала возлюбившие князя как сына Владимирко, в скором времени воспылали к нему ненавистью из-за его неразборчивой личной жизни. Не мог Ярослав положиться и на бояр, которые неоднократно подводили его, нередко не являлись со своими силами к князю по его требованию, уходили из

похода. В борьбу с Ярославом включился и Иван Берладник, изгнанный к тому времени из всех княжеств. Во главе половцев и 6000 «берладников» Иван вошел в Галицкую землю, где простые люди были готовы поддержать его. Понимая это, Иван не разрешал своему войску заниматься грабежами, из-за чего и рассорился со своим воинством — и половцы и «берладники» покинули своего предводителя. В 1161 г. Берладник был отравлен на чужбине, в Фессалониках.

Но спокойная жизнь Ярослава была непродолжительна. Ярослав плохо жил со своей женой Ольгой, дочерью Юрия Долгорукого, держал любовницу, какую-то Настасью. В 1173 г., устав от унижений, Ольга ушла из Галича в Польшу с сыном Владимиром и многими боярами. Владимир Ярославич, человек уже взрослый, злился на отца за то, что тот приблизил к себе сына от Настасьи — Олега. Видимо с Ольгой и Владимиром ушли не все их сторонники. Через восемь месяцев в Галиче началось восстание. По решению вече Настасью сожгли на костре, сына ее послали в заточение, а с Ярослава взяли клятву, что он будет жить с княгиней как полагается. Все последующее княжение Ярослава прошло в столкновениях с боярами и в ссорах с сыном Владимиром, постоянно поднимавшим против отца мятежи. И хотя в отношениях с другими русскими землями и с западными соседями слово галицкого князя по-прежнему было весомым, внутри княжества его положение оставалось шатким вплоть до смерти в 1187 г.

Умирая, Ярослав собирался оставить Галич Олегу, сыну от Настасьи, а старшему, Владимиру, дать Перемышль, в чем взял с Владимира клятву. Но после смерти Ярослава в Галицкой земле поднялся мятеж, Владимир и бояре нарушили клятву и выгнали Олега из Галича, а *Владимир Ярославич* (ум. 1197 г.) сел на галицком столе. И вновь отношения «Власти» и «Земли» не сложились. Жители княжества скоро поняли, что ошиблись в выборе: Владимир в нравственном отношении был еще хуже отца. В летописи Владимиру предъявляются серьезные претензии именно как к недостойному правителю. По словам летописца, резко осуждавшего Владимира, князь любил только пьянствовать, а делами управления не занимался вовсе, не советовался с боярами, прогнал свою жену, родом из черниговских князей, отнял жену у священника и прижил с ней двоих сыновей. Мало того, если нравилась ему чья-нибудь жена или дочь, он брал ее силой. В очередной раз разлад между «Властью» и «Землей»

привел к смуте: галичане, знатные и незнатные, затаили на Владимира злость, чем поспешили воспользоваться соседи, прежде всего владими́ро-волы́нский князь.

Во Владимире Волы́нском все эти годы жизнь также не стояла на месте. После смерти в Киеве в 1154 г. Изяслава Мстиславича городом овладел его брат Владимир. Сыновья Изяслава — Ярослав и Мстислав получили соответственно Луцк и Пересопницу. В 1156 г. Мстислав Изяславич, который был старше Владимира Мстиславича годами, выгнал дядю из Владимира Волы́нского и сел на этом столе. Впрочем, как и его отец, он рассматривал Волынь лишь в качестве ступени на пути к Киеву. В 1167 г. Мстислав Изяславич выгнал из Киева Изяслава Давыдовича и стал князем киевским. Но удержаться в Киеве ему не удалось — в 1169 г. он был изгнан во Владимир Волы́нский коалицией из 11 князей. Мстислав попытался вернуть Киев, но неудачно, а в 1171 г. он скончался.

Брат Мстислава *Ярослав Изяславич Луцкий* отказался занимать Владимир Волы́нский, предпочитая ему свой более скромный, но и более спокойный удел, который и перешел к его потомкам. Так из Волы́нского княжества выделилось *Луцкое княжество*. Во Владимире Волы́нском сел сын Мстислава Изяславича Святослав, а после его смерти в 1173 г. — следующий Мстиславич — Роман.

Летописцы характеризуют *Романа Мстиславича* (1155–1205) как деятельного и предприимчивого князя. Роман Мстиславич считался другом вступившего в 1187 г. на галицкий стол Владимира Ярославича. Вскоре, однако, выяснилось, что Роман проводил гораздо более тонкую политику. Вступив в союз с галицкими боярами, он стал побуждать их выгнать Владимира, а на его место предлагал себя. В 1188 г. галицкие бояре собрали полки и, угрожая мятежом, заставили Владимира покинуть Галич. Владимир забрал много золота и серебра, свою попадью, двоих сыновей, дружину и поехал в Венгрию.

Роман Мстиславич занял Галич, а во Владимире Волы́нском стал княжить его младший брат Всеволод, который до того владел Бельзом. Однако Владимир Ярославич, поддержанный венгерским королем Бела и венгерскими полками, начал войну и осадил Галич. Роман, не имевший достаточных сил и видевший неустойчивость горожан, захватив остаток княжеской казны, бежал назад на Волынь. Но и Владимир не получил Галича, потому что Бела, разобравшись на месте в ситуации, посадил в Га-

лично на княжение своего сына Андрея, а Владимира вернул в Венгрию, отнял у него все богатство и посадил под арест.

Попавшие под власть венгров жители Галича, скоро почувствовали все прелести иноземного правления. Многие захотели вернуть Романа, но он не имел достаточных сил для борьбы с венграми. Самые отчаянные предлагали пригласить в князья сына Ивана Берладника Ростислава, подобно отцу ставшего служилым князем. Отчаянная попытка Ростислава Ивановича овладеть Галичем не удалась и прежде всего потому, что далеко не все хотели видеть его своим князем. В неравной битве возле города, обманутый обещаниями непостоянных галицких бояр, князь потерпел поражение, был захвачен венграми в плен и отравлен ими. Притеснения венгров в Галиче стали невыносимыми: они отнимали у мужей жен и дочерей, брали их себе в наложницы, начали ставить лошадей в церквях и избах. После этого даже те, кто поначалу относились к венграм с симпатией, возненавидели иноземцев. Многие начали раскаиваться, что прогнали Владимира Ярославича.

Между тем в 1190 г. Владимиру удалось убежать из венгерской неволи к германскому императору Фридриху Барбароссе. Владимир обещал императору давать ежегодно по две тысячи гривен серебра, и Фридрих отправил его к польскому князю Казимиру с приказом, чтоб тот помог ему вернуть галицкий стол. Когда в Галиче узнали о приближении Владимира Ярославича с польским войском, то все в княжестве перешли на его сторону, а венгерского королевича прогнали. В итоге Владимир утвердился в Галиче и, желая обеспечить себе в дальнейшем спокойное правление, добровольно признал себя вассалом Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Всеволод отправил послов к русским князьям и в Польшу и взял со всех присягу не искать Галича под его племянником. Владимир княжил в Галиче до своей смерти в 1198 г.

После его смерти галицкий стол остался без наследников: сыновья Владимира умерли еще до него. В Галиче образовались две партии: одна выступала за приглашение венгерского королевича, другая — за волынского князя Романа Мстиславича. К тому времени Роман Мстиславич был занят междоусобными войнами в Польше и с киевским князем Рюриком Ростиславичем. Немалую роль в ссоре Романа и Рюрика сыграл князь владимиристо-суздальский Всеволод Большое Гнездо, которому внушал опасения союз этих двух сильнейших князей Южной

Руси. Но война с Рюриком закончилась неудачей, после чего князья помирились. Поэтому, получив помощь из Польши, Роман Мстиславич вновь овладел Галичем. Видя, что не все галицкие бояре ему рады, новый князь устроил в городе резню. Неудобных Роману людей зарывали живьем в землю, четвертовали, сдирали с живых кожу, расстреливали, наконец, просто грабили. Многие бояре убежали в другие русские земли. Роман возвратил их обещанием всяких милостей, но скоро под разными предложениями подверг той же страшной участи. Оставшиеся в живых бояре временно притихли.

Объединив в своих руках огромные владения, Роман начал новую войну с Рюриком Ростиславичем. В 1201 г. во главе галицко-волынского войска он захватил Киев, выгнал из него Рюрика Ростиславича, а на его место посадил своего двоюродного брата князя луцкого Ингоря Ярославича. Спустя некоторое время, в 1202 г., Рюрик сумел помириться с Романом и вновь стал киевским князем. Однако примирение было временным. В 1203 г. они вместе ходили на половцев, поссорились из-за добычи, Роман захватил в плен Рюрика, его жену и дочь (свою бывшую жену) и всех троих постриг в монахи. В руках у него оказались и Киев, и Галич, и Владимир-Волинский. Роман стал самым могущественным князем Киевской Руси. Летописцы даже называют его «самодержцем».

Именно в 1203 г. Роман Мстиславич попытался собрать в Киеве съезд князей, обратившись к ним со словами, сохранными в «Истории Российской» В.Н. Татищева (см. §2 в данной главе). Впрочем, сам Роман *не претендовал на великое княжение*, признавая «старейшинство» за Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо. Именно отказ Всеволода Юрьевича приехать в Киев сыграл решающую роль в неудаче всей инициативы Романа по созыву съезда — другие князья тоже не приехали. Самого же Романа разоренный Киев, утерявший к тому времени свой авторитет главного общерусского центра, уже не привлекал. Он покинул город, оставив в Киеве на княжении все того же Ингоря Ярославича.

Тем не менее Роман оставался самым сильным князем в Южной Руси. Он много воевал — с половцами, литовцами, ятвягами. Пользовался огромным авторитетом в Польше и Венгрии. Имя Романа стало известно в Европе. Византийский император Алексей Комнин просил у него помощи в войне против половцев, которые, опустошая Фракию, добрались до

Константинополя. Роман в помощи не отказал. Папа Иннокентий III предлагал Роману принять католическую веру, обещая ему награды и королевский титул. Но Роман Мстиславич отверг предложение папы.

В памяти народа Роман остался идеальным князем. Летописцы одаривают его самыми лестными эпитетами, с восторгом сравнивают со львом, рысью, крокодилом, орлом и туром. Особо выделяет его и «Слово о полку Игореве». Подобные характеристики, видимо, не случайны. В отличие от своих предшественников на галицком столе, *Роману Мстиславичу удалось в своем княжестве наладить отношения с «Землей»*. С опорой на галицкое вече Роман стремился решать и внутренние конфликты. Именно поддержка вече помогла ему сломить боярскую оппозицию и прекратить, пусть и на время, княжеские усобицы.

Но в 1205 г. Роман погиб в войне с польским князем Лешко Краковским. В.Т. Пашуто видит причину столкновения Романа с Лешко не в земельных претензиях галицко-волынского князя на город Люблин, а в том, что он вмешался в шедшую тогда в Европе войну вельфов с Гогенштауфенами и, поддерживая последних, начал войну с краковским князем, который был союзником вельфов. Целью же похода Романа в 1205 г., в случае успеха в Польше, была Саксония.

От второго брака у Романа осталось двое сыновей: *Даниил* четырех лет и двухлетний *Василько*. Ожившая боярская оппозиция не захотела оставлять на галицком столе детей. К тому же Рюрик Ростиславич, как только узнал о смерти Романа, тотчас скинул монашескую рясу и объявил себя князем киевским. В 1205 г. состоялся первый поход Рюрика на Галич, но город не сдался. В 1206 г. объединенное киевское и черниговское войско в союзе с краковским князем Лешко и половцами вновь подошло к Галичу. В городе начался мятеж, и семья Романа вынуждена была бежать во Владимир Волинский. На галицком столе при поддержке бояр оказался *Владимир Игоревич* из рода черниговских князей, сын героя «Слова о полку Игореве». Впрочем, новый князь не был совсем чужим жителям Галича — его матерью была дочь Ярослава Осмомысла Ефросинья (знаменитая Ярославна из «Слова о полку Игореве»). Брат Владимира *Роман Игоревич* утвердился в Звенигороде, а другой брат, *Святослав*, занял Владимир Волинский. Семья же покойного Романа Мстиславича бежала в Польшу.

Период истории Галицко-Волынской земли от смерти Романа и изгнания Романовичей до нашествия монголо-татар наполнен постоянными войнами князей и боярскими «крамолами». Уже в 1207 г. Игоревичи поссорились между собой и начали усобицу, в которую втянули венгров. При помощи последних Роман Игоревич выгнал из Галича брата Владимира (1208). Между тем польские войска выгнали из Владимира Волынского Святослава Игоревича, а на его месте князь Лешко посадил своего дядю по матери, племянника Романа Мстиславича, князя бельзского Александра Всеволодовича. При этом поляки разграбили город, а Святослава Игоревича взяли в плен и отвели в Польшу.

В одном из случаев междоусобной войны мы вновь видим инициативу «Земли», которая стремилась уберечь себя в княжеских бранях и искала мирного решения спорных вопросов. Жители Берестья, небольшого города на Волыни, упросили Лешко дать им в правители Даниила и Василька Романовичей. Польский князь, желая, чтобы Романовичи не нарушали установленный им на Волыни порядок, не только согласился, но и убедил Александра Всеволодовича дать двоюродным братьям еще и Бельз. В обмен польский князь передал ему несколько польских городов.

В 1210 г. усобицы в Галиче продолжились, и снова в них небольшое значение принадлежало «Земле». Киевский князь Рюрик Ростиславич, по соглашению с венграми и галицкими боярами, согнал с галицкого стола Романа Игоревича и посадил на его место сына своего Ростислава, но скоро галичане выгнали Ростислава и опять приняли Романа. В ответ венгерский король Андрей, поддержанный провенгерской партией в самом Галиче, практически без сопротивления занял город, оставив в нем своего наместника. Роман Игоревич попал в плен. Однако, как и во время первого захвата Галича, венгры начали издеваться и над боярами, и над простыми жителями. Горожане обратились за помощью к Мстиславу Немому, князю пересопницкому, но тот привел с собой недостаточно сильную дружину, чтобы изгнать иноземцев. Тогда галицкие бояре обратились опять к Игоревичам. Владимир и Роман, которому удалось бежать из венгерского плена, явились на зов с сильной ратью, выгнали венгров и сели: Владимир — в самом Галиче, Роман — в Звенигороде, а Святослав, выкупившийся из польского плена, — в Перемышле, сыну своему Изяславу Владимир дал Теревовль. Однако бро-

жение среди галицких бояр не прекратилось, и тогда Игоревичи решили действовать по примеру Романа Мстиславича. Они велели своим дружинникам убивать и грабить галицких бояр: 500 человек из них погибло, а другие разбежались. Трое из них — Владислав, Судислав и Филипп — отправились в Венгрию. Беглецы уговорили Андрея дать им войско, обещая посадить в Галиче изгнанного ими когда-то Даниила Романовича. К войску этому присоединились полки из Бельза от Василька Романовича, помощь послал и Лешко Краковский, пришли волынские князья — Мстислав Немой из Пересопницы, Александр Всеволодович с братом Всеволодом из Владимира Волынского, а луцкий князь Ингварь Ярославич прислал свои полки. С такими силами в 1211 г. Даниил Романович занял Галицкую землю. Владимир Игоревич с сыном Изяславом чудом спаслись, а остальных попавших в плен Игоревичей галицкие бояре повесили. Последнее было делом небывалым, ни разу еще на Руси жители княжества не приговаривали к смерти своих князей.

Посадив на княжение малолетнего Даниила, галицкие бояре взяли власть в свои руки и даже выгнали из Галича мать князя, чтобы она не мешала им править от имени ее сына. Летопись сообщает, что маленький князь плакал и не хотел ее отпускать, но сделать ничего не мог. Изгнанная княгиня отправилась к венгерскому королю Андрею, силами которого бояре, кстати, и посадили на княжение Даниила, и нажаловалась ему на их самоуправство. Король с войсками явился в Галич и, арестовав некоторых наиболее активных бояр, в том числе и Владислава, добился воссоединения Даниила с матерью. В 1212 г., после ухода короля обратно в Венгрию, обозленные на Даниила бояре подняли мятеж и посадили на галицком столе приглашенного ими князя пересопницкого Мстислава Ярославича Немого. Одновременно брат Даниила Василько потерял Бельз, который Лешко Краковский отдал опять Александру Всеволодовичу Волынскому. Польскому князю не нравились дружественные отношения Романовичей с венгерским королем.

Между тем боярин *Владислав* сумел найти общий язык с венграми и даже убедил короля Андрея дать ему войска, чтобы навести порядок в Галиче. Но боярин обманул короля. Изгнав в 1213 г. из Галича Мстислава Немого, он сам сел княжить в Галицкой земле, признавая, впрочем, как видно, верховную власть венгров. После повешения Игоревичей это было новое небывалое дело на Руси. *Впервые правителем русского княжест-*

ва стал не князь, а боярин. Русские князья (Мстислав Немой, Даниил и Василько, Александр Всеволодович) попытались выгнать Владислава, но не смогли взять Галич. По требованию Лешка Краковского Александр Всеволодович был вынужден выделить из своих владений Романовичам два города — Тихомль и Перемышль.

Придя к выводу, что обстановка на Волыни установилась вполне подходящая, венгерский король Андрей и польский князь Лешко решили наконец прибрать к своим рукам оказавшееся в руках у боярина княжество. В 1214 г. их объединенные силы взяли Галич, а Владислав был посажен в темницу, где он вскоре и скончался. В Галиче князем поставили Коломана, сына Андрея Венгерского, которому было всего пять лет, обручив его предварительно с трехлетней дочерью Лешка. Кроме того, Лешко получил от венгерского короля Перемышль и Любачев. Владимир Волынский Лешко отдал Даниилу Романовичу, а Александра Всеволодовича заставил вернуться княжить в Бельз, чем, кстати, окончательно поссорил двоюродных братьев Александра и Даниила между собой. С этого времени Владимир Волынский окончательно утвердился за Даниилом и Васильком Романовичами и их потомками.

В годы третьего венгерского правления в Галиче начались гонения на православие и, по существу, была предпринята первая попытка церковной унии. Папа римский Иннокентий III даже даровал Коломану королевскую корону, и Галицкое княжество в первый раз стало *королевством*. Между тем в Галицкой земле начались народные выступления против венгров. Сбросить иноземное владычество оказалось проще потому, что спустя некоторое время Андрей и Лешко поссорились. Лешко в ответ предложил занять Галич новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу Удалому. В 1215 г. *Мстислав Удалой* (ум. 1228 г.) утвердился в Галиче.

В 1219 г. Галич опять занял королевич Коломан и Мстиславу пришлось покинуть город. Спустя некоторое время Мстислав при помощи половцев вновь занял Галич. Коломан попал в плен, но вскоре был отпущен Мстиславом к отцу в знак мира. Через несколько лет (в 1222 г.) с венграми удалось заключить мир.

Первое появление монголо-татар и сражение на Калке в 1223 г. заставило князей временно прекратить усобицы. Как известно, в организации похода русских князей навстречу татарам важную роль сыграл именно князь галицкий Мстислав Удалой.

В походе участвовали представители от всех волынских княжеств, среди них летописи особенно выделяют Даниила Романовича и Мстислава Ярославича Немого, ставшего к тому времени князем Луцким, который спас во время битвы Даниила, когда тот был ранен и окружен врагами. Битва окончилась поражением русской стороны во многом по вине Мстислава Удалого, который, желая больше славы и поссорившись с другими князьями, начал сражение одними подчиненными ему силами. И Даниил, и оба Мстислава — Удалой и Луцкий — спаслись бегством за Днепр, после чего Мстислав Удалой, боясь татарской погони, велел уничтожить лодки, чем обрек на гибель других беглецов.

После ухода монголо-татар Даниил продолжал подчинять Волынь власти Романовичей. Так, Мстислав Ярославич Немой, умирая (1225 г.), поручил принадлежавшие ему Луцк и Чарторыйск, а также своего болезненного сына Ивана заботам Даниила Романовича. В 1227 г. Иван умер, и в 1228 г. Луцк с Чарторыйском после некоторой борьбы с другими родственниками Мстислава Немого и с пинскими князьями Даниил взял себе. В это же время в его руки перешла Пересопница. Луцк и Пересопницу он отдал брату своему Васильку, который владел также и Берестьем. Усиление Романовичей напугало Александра Всеволодовича Бельзского и Мстислава Мстиславича Удалого-Галицкого. Уже в 1225 г. они объединились, позвали на помощь половцев и киевского князя Владимира Рюриковича и начали войну с Романовичами. Даниил позвал на помощь поляков. Вскоре князья помирились, Мстислав во всем обвинил бельзского князя, владения которого Даниил сразу же и разорил.

Несмотря на примирение, галицкий князь боялся усилившегося владими́ро-волынского князя. Даниила боялись и галицкие бояре, не желавшие утверждения на галицком столе сына столь памятного им князя Романа. Бояре уговорили Мстислава выдать младшую дочь за венгерского королевича Андрея и дать ему в удел Перемышль. Мстиславу эта мысль показалась заманчивой, так как в венграх он думал найти опору и против Даниила, и против бояр. Но бояре стремились к другому — они хотели поменять Мстислава на венгерского королевича, о чем у них уже велись переговоры с его отцом, королем Андреем. Женившись на дочери Мстислава, утвердившись в Перемышле, пользуясь поддержкой галицких бояр и получив помощь из Польши, энергичный королевич попытался отобрать у тестя всю Галиц-

кую Русь. Ему удалось захватить Теребовль, Тихомль, осадить неприступный Кременец. Но в 1226 г. Мстислав Удалой в решительном сражении разгромил силы своего младшего зятя.

И все же в 1227 г. Мстислав под давлением бояр вынужден был отдать королевичу Андрею Галич, а сам переехал в Торческ, где вскоре и умер в 1228 г. Желание галицких бояр поменять уступчивого Мстислава на уже не раз дискредитировавшую себя венгерскую власть, может показаться парадоксальным. Но галицкими боярами руководил страх перед Даниилом Романовичем. Перспектива оказаться в руках Даниила Романовича и потерять свои привилегии боярам казалась малопривлекательной. Поэтому они и решили передать свой город в руки иноземца, надеясь контролировать юного королевича. Их ожидания во многом оправдались — при королевиче Андрее всеми делами в Галиче его именем заправлял уже упоминавшийся боярин Судислав.

И в этом случае вновь свое слово сказала «Земля», прекрасно помнившая, сколь плодотворным было ее сотрудничество с Романом Мстиславичем, отцом Даниила, обеспечившим Галицкой земле относительную стабильность. В 1229 г. в Галиче возобладала партия, преследующая интересы Даниила, во главе с тысяцким Демьяном. Город сдали Даниилу, причем королевич попал в плен, но был отпущен новым правителем Галича к отцу, вместе с боярином Судиславом. Попытка короля Андрея, совершившего вскоре поход на Галич, вернуть город сыну не имела успеха.

Таким образом, в 1229 г. Даниил Романович впервые объединил под своей властью и Галич, и Владимир Волынский. В дальнейшем Даниил Романович стремился следовать заветам отца и поддерживал тесные связи с галицким самоуправлением, что помогало ему сохранять контроль над княжеством. Так, в 1231 г. именно тысяцкий Демьян разоблачил заговор, направленный против Даниила и в пользу Александра Всеволодовича Бельзского. Брат галицкого князя Василько Романович разгромил силы противника и захватил 28 бояр-заговорщиков, Александр бежал в Венгрию. Стремясь к поддержанию мира в княжестве, Даниил простил крамольников, но его великодушие не помогло.

Александр Всеволодович и еще один изгнанник — боярин Судислав — убедили венгерского короля Андрея совершить поход на Галицкую землю. В 1232 г. венгры взяли Перемышль, Ярослав. Среди бояр началась паника, и они сдали Галич венграм. Затем Андрей осадил Владимир Волынский, но взять этот хорошо укрепленный центр не смог, захватил Бельз, Червен и

вернулся в Венгрию, посадив сына в Галиче, а Александра Всеволодовича в Бельзе. Вскоре война венгров с Даниилом продолжилась, она шла с переменным успехом, но успех все-таки начал клониться на русскую сторону. Решающее значение сыграло здесь то, что прочие русские князья испугались чрезмерного усиления венгров на Волыни. Даниил заключил союз с Владимиром Рюриковичем Киевским и ханом половецким Котяном. Даже заклятый враг Романовичей, Александр Бельзский, перешел от королевича на их сторону. А в 1233 г. и большая часть галицких бояр вновь перешла на сторону Даниила, который занял все Галицкое княжество, раздал города боярам и воеводам (как видно, с этим условием они и призвали его, не надеясь получить того же от венгров) и осадил королевича с Судиславом в Галиче. Решающую роль в захвате Галича сыграла неожиданная смерть королевича. Изменник Александр Бельзский вскоре был захвачен в плен. Что с ним сделал Даниил неизвестно, но на страницах летописей он уже не появляется, а в 1234 г. Бельз перешел к Даниилу.

Вскоре Даниил вмешался в войну южнорусских князей за Киев и до 1239 г. ему приходилось то уходить из Галича, то вновь возвращаться в него. Причем опять Даниил пользовался поддержкой горожан. Именно они, в 1239 г., не считаясь с мнением бояр, впустили князя в ворота. Общему порыву пришлось подчиниться и боярам, они пали в ноги Даниилу, прося милости.

1239 г. — *год решительного перелома в борьбе Даниила с галицкими боярами за право править во всей Галицко-Волынской земле.* В 1239 г. подошел к концу период, продолжавшийся почти сорок лет, когда реальными хозяевами Галича были бояре. Даниилу еще предстояла тяжелая борьба, однако княжение в Галиче стало для него естественным состоянием, а поражения в борьбе — эпизодическими и случайными. После этого могущество Даниила Романовича возросло настолько, что в 1240 г. он схватил княжившего в Киеве Ростислава Мстиславича, из рода смоленских Ростиславичей, и взял Киев себе. По существу, Даниил восстановил державу своего отца. Сам галицко-волынский князь, как и его отец, в Киеве не остался, а поручил его тысяцкому Дмитру, который и оборонял город от подступивших к нему монголо-татар.

Но в конечном итоге следует признать, что вопросов в истории Галицко-Волынского княжества XII — XIII вв. по-прежнему больше, чем ответов.

Литература

- Андрияшев А. М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887.
- Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996.
- Данилова Л. В.* Новгородская феодальная республика // Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. 1. М., 1953.
- Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.
- Зубрицкий Д. И.* История древнего Галицко-Русского княжества. Т. 1 — 4. Львов, 1852 — 1855.
- Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895.
- Ключевский В. О.* Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994.
- Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997.
- Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985.
- Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
- Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.
- Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Подвигина Л. Н.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976.
- Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. I—II. М., 1988.
- Софроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв. М., 1955.
- Слово о полку Игореве / Подготовка текста, пер. Д.С.Лихачева, прим. О.В.Творогова // Повести Древней Руси XI—XII века. Л., 1983.
- Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2, 3. М., 1963, 1964.
- Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XII вв. М., 1955.
- Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
- Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.
- Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991.

ГЛАВА VII

Культура домонгольской Руси

Культура может быть объектом общественного интереса в разных планах: искусствоведческом и историческом. Искусствоведческий подход предполагает обычно повышенное внимание к форме произведения. Сравнительно в немногих (и, безусловно, лучших) исследованиях искусство тесно увязывается с социально-экономическим и социально-политическим содержанием эпохи. В свою очередь, исторический взгляд на явления культуры предполагает не простую фиксацию тех или иных явлений, а установление их места в оценке эпохи и в понимании исторического процесса. Иначе говоря, изучение памятников культуры должно иметь результатом познание исторической эпохи, что обычно и является задачей исторического исследования.

Культура любого народа складывается из традиций, унаследованных от предшественников, заимствований у соседей и собственного вклада поколений рассматриваемого времени. Как было отмечено выше, в рамках Древнерусского государства соединились несколько разных групп славян, разноэтничные русы и ассимилированные славянами восточноевропейские племена балтов, угро-финнов и ряда других племен, в основном иранского и тюркского происхождения. Традиционные широтные пути миграций — Волго-Балтийский и Днепро-Дунайский в IX в. пересеклись меридиональным — «из Варяг в Греки». В результате Среднее Поднепровье становится центром большого этногосударственного объединения, известного нам под названием Киевская Русь, а Киев станет одним из влиятельнейших в Восточной Европе центров культуры.

§ 1. ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ. ДВОЕВЕРИЕ

В государстве, сложившемся на пути «из Варяг в Греки», наиболее развитыми в социальном и экономическом отношении были славянские племена, и славянский язык преобладал даже

там, где славяне не составляли численного большинства. В Приднепровье славяне преобладали, по крайней мере, с эпохи бронзы (в том числе и в рамках иноязычных политических объединений), а с VI в. можно говорить и об определенной культурной преемственности в рамках формирующейся народности. И хотя сюда докатывались волны вторичных переселений (из Норика-Ругиланда в X в., из Прибалтики — славянизированные аланы-русы и «варяги» из славянских городов Южной Балтики), в культуре Древнерусского государства преобладало славянское начало и в социальном плане (территориальная община), и в собственно традиционно-культурном (верования, связанные с многовековыми формами взаимоотношений с природой).

Традиционные верования славян до принятия христианства принято называть «язычеством». В данном случае необходимо помнить, что термин «язычество» имеет славянское происхождение (от «язык» — народ) и появился уже после принятия христианства, когда христианские проповедники стали называть «язычниками» все нехристианские политеистические культы. Основным смыслом язычества как религиозного культа заключается в объяснении отношений человека с природой. При этом отношения с природой не менялись веками, а потому многие дохристианские представления, верования и приметы сохранились вплоть до XX столетия. Христианство же выведет на первый план проблемы социальных отношений. И во все эти века христианство так или иначе будет сосуществовать с языческими верованиями, поскольку нельзя отменить ни отношения человека с природой, ни отношений между людьми.

У язычества были в почете *устные предания* об очень глубокой древности, а поэты-сказители пользовались большим, можно сказать международным, почитанием. Даже в конце XII в. «Слово о полку Игореве» воспроизводило устную историю, опускаясь в глубину веков почти на тысячелетие (борьба славян с готами в Причерноморье в IV в.). Само «Слово о полку Игореве», по всей вероятности, вообще не записывалось до XIV в. (на это обстоятельство обратил внимание ленинградский филолог С.Н. Азбелев). Но точность передачи изначального звучания была весьма высокой. Показательно, что автор «Задонщины» в конце XIV столетия (когда могли быть уже и записанные тексты «Слова») буквально воспроизводил текст «Слова», часто не понимая его содержания. Так, рефрен «Слова» «О Русская земля,

за шеломянем еси», где «шеломьянь» — гряда холмов, отделявшая Русь от Степи, превратилась в нелепое «О Русская земля! Ты как за царем Соломоном побывала». А опытные воины «куряне», воспитанные с детства борьбой со степными набегами и потому «под трубами повиты, и под шеломами взлелеяны», у автора «Задонщины» оказались перенесенными в Литву, а глагол «повиты», т. е. «рождены», был прочитан как «поют».

В начале 60-х гг. XX в., в годы так называемой «оттепели», стали модными спекуляции на исторические темы. В 1963 г. А.А. Зимин сделал в Институте русской литературы (Пушкинский дом) доклад о подложности «Слова о полку Игореве». Идея эта была не нова. Ранее с ней выступал в Париже А. Мазон. Но после ряда критических выступлений в нашей печати и за рубежом (в особенности Р. Яacobсона) скептики умолкли. В начале же 60-х гг. скептицизм коснулся разных сюжетов истории и культуры: зачеркивание начальных страниц летописи (Я.С. Лурье; ему же принадлежит предложение вычеркнуть из истории подвиг Ивана Сусанина как фальшивку монархистов), отрицание подлинности сведений в «Истории Российской» В.Н.Татищева (С.Л. Пештич), отрицание подлинности «Тмутараканского камня» (А.Л. Монгайт).

В 1964 г. концепция А.А. Зимина обсуждалась на заседании исторического и филологического отделов АН СССР. В число скептиков, наряду с названными, включились В.Б. Кобрин и, что было особенно удивительно, А.И. Клибанов, исследователь солидный и глубокий (изложение хода дискуссии дано в журнале «Вопросы истории». 1964. №9).

При том что подавляющее большинство и историков, и филологов весьма критически восприняли мнение А.А. Зимина, выявилось все-таки, что эпоху XII в., да и весь исторический процесс, большинство специалистов представляло довольно смутно. Одним из аргументов в пользу подложности «Слова о полку Игореве» было эмоциональное заключение, что этот памятник слишком «хорош» для XII в.; таковой не могли создать ранее XVIII в. На этот аргумент легко было реагировать словами А.С. Пушкина: никто из поэтов XVIII в. неспособен был создать «плач Ярославны». Р. Яacobсон, оценивая прошедшую дискуссию как бы со стороны, удивлялся «глухоте» скептиков к поэзии вообще, в результате чего шедевр сопоставлялся с примитивными виршами. Но констатация этого факта не решала вопроса о культурно-историческом содержании эпохи, отраженной в «Слове о полку Игореве». Другой аргумент скептиков — памятник слишком светский для XII в., поэтому он мог появиться только в XVIII в., когда культура освобождалась от религиозной оболочки (этот аргумент и показался убедительным А.И. Клибанову). В этом случае снова выявлялось слабое представление о том, что же собой представлял в этом плане XII в. Третий аргумент —

памятник слишком общерусский; таковой не мог появиться в феодально-раздробленной Руси XII в. Но ведь внутренняя страсть и боль «Слова о полку Игореве» — это призыв к преодолению усобиц (это заметил даже К. Маркс). Четвертый аргумент: памятник — «луч света в темном царстве»; он не вмещается в тесные и низкие рамки эпохи, слишком выделяется на фоне иных памятников того времени. В этом взгляде отразилось представление об историческом развитии как о непрерывном восхождении, а в конечном счете выявилось, что и сам исторический процесс часто понимается слишком упрощенно. В числе аргументов А.А. Зимина был и такой: в XII в. не могло быть призыва к образованию единого централизованного государства. Но у автора «Слова» такого призыва и нет — говорится о необходимости объединения сил Руси, а не об объединении территорий. Ответить же надо было по существу лишь на один, но очень большой вопрос: соответствует «Слово» XII в. или не соответствует? И для этого требовалось существенно углубить понимание домонгольского периода русской истории и культуры.

После выступления А.А. Зимина и полемики в ряде журналов (Вопросы литературы. 1967. №3. «История СССР». 1968. №6 и др., а также солидная публикация Р.Якобсона за рубежом) появились своеобразные «коррективы»: делались попытки вынести «Слово» в XVII в., а Л.Н. Гумилев сумел увидеть в поэме памфлет на Александра Невского. Поскольку Александр Невский в концепции Л.Н. Гумилева велик тем, что он был союзником монголо-татар, автор «Слова» по существу осуждался за его призыв к объединению разрозненных сил Руси. Эта странная концепция получила разгромный отклик в прекрасной статье Б.А. Рыбакова «О преодолении самообмана» (Вопросы истории. 1970. №3), причем об идеализации Л.Н. Гумилевым кочевников-степняков ученый предложил поговорить более обстоятельно с привлечением широкого круга специалистов и по Руси, и по Востоку.

Конечно, любые утверждения о подложности «Слова о полку Игореве» — это спекуляция. По сути дела, единственным итогом этой бессмысленной дискуссии можно признать тот факт, что многие специалисты плохо понимали специфику домонгольской эпохи и, в частности, XII в. Необходимо более полное и точное изучение истории домонгольской Руси — вот какую проблему обнажила эта дискуссия.

Позднее устная традиция будет сохраняться в сказках и былинах, и точности передачи текста уже не будет, поскольку они станут общеупотребительными. Переселения на новые места — с юга на север — неизбежно меняли и наполнение фольклорных традиций. Так, скажем, «Илья Муромлянин» (т. е. выходец из Моравии) станет «Ильей Муромцем». Соответственно изменится и сфера его подвигов. Но важен один факт — суть былин в принципе сохранится: они всегда *оборонительные*, а былинные герои

защищают свою землю, не нападая на другие народы. Видимо, этот факт свидетельствует о глубинных характеристиках культуры славянства, которое практически никогда не стремилось к завоеванию чужих земель. Для сравнения можно сказать, что в скандинавских сагах почитаются именно завоеватели, и подобный настрой не будет преодолен даже в христианское время.

Абсолютного счета лет язычество не знало: счет велся поколениями. «Абсолютный счет» — от Сотворения мира и Рождества Христова — принесет христианство, но эти расчеты окажутся весьма разными в разных христианских общинах и трактовках (известно более двухсот христианских космических эр), и эти различия нередко помогают выявить культурные контакты в рамках преобладавшей в Европе и отчасти в Азии христианской традиции.

Славянство, базирующееся на территориальной общине, многие культурные традиции заимствовало у соседних народов. Так, известно, что славянство формировалось по соседству с Римской империей и многие элементы славянской культуры, в частности сама терминология, находят, как это отметил О.Н. Трубачев, аналогии именно на *Италийском полуострове*. Например, именно в Северной Италии вплоть до XII в. сохраняется лигурийский культ Купавона, практически тождественный славянскому культу Купалы. У славян, так же как и у латинян, изначально был десятичный счет.

Понимание фольклорно-языческих традиций затрудняется именно легкостью, с которой славяне вступали в тесные контакты с племенами иных языков и верований. Византийские авторы VI—VII вв. обращают внимание на определенные различия, суть которых, будучи убежденными христианами, они не вполне осознавали. Известный византийский историк VI в. Прокопий Кессарийский дает описания верований славян, но по существу перед нами описание совершенно *разных* верований. «Они считают, — говорит он в одном месте, — что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды». А затем отмечается, что «они почитают реки и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания». Следовательно, уже VI в. под именем «славян» жили народы *разных этнокультурных традиций* — одни поклонялись некому единому «богу, творцу молний», другие сохраняли какие-то древние политеистические культы.

Еще более заметны различия в верованиях по описаниям позднейших авторов, особенно обильных в связи с процессом христианизации и колонизации германскими феодалами области междуречья Одера и Эльбы и затем Южного побережья Балтийского моря. Автор XII в. Гельмольд прямо отмечает, что у прибалтийских племен существовали разные верования: «Не все они придерживаются одних и тех же обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами... у других божества населяют леса и рощи, как Прове (или Проне, видимо, Перун. — А.К.), бог Альденбургской земли, — они не имеют никаких идолов... среди многообразных божеств ...они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах... и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому виду богов».

Из этих описаний следует, что за славян разные авторы принимали и собственно славян, и разные славянизированные племена, которых много было и на Дунайско-Днепровском, и на Волго-Балтийском путях, как и во многих других областях Восточной и Центральной Европы. Эти верования продолжали сохраняться и после многих веков, когда ассимилированные племена уже и забыли о своих давних истоках.

Наличие различных верований у славян и, что особенно важно, у прибалтийских славян важно прежде всего для осмысления культурных различий между «славянским» и собственно «русским». Чаще всего их смешивают в нечто единое. Но, как было отмечено выше, даже собственно «русов» было несколько видов, и хотя они относились к одной группе индоевропейских племен, верования у них так или иначе отличались. В договорах с Византией Олега и Игоря упоминаются лишь два божества: *Перун для дружины* и *Велес для купцов*. Из пантеона Владимира Велес исчез, но идол Велеса был установлен на Подоле в Киеве, а в «Слове о полку Игореве» Велес выйдет на первый план как покровитель поэзии, тогда как Перун в «Слове» не упоминается вовсе. Видимо, Перун имел своими корнями именно «русское» происхождение, а Велес, наоборот, был традиционным славянским богом. Кроме того, многие языческие божества, известные нам по древнерусским текстам, находят параллели либо в индоарийском, либо в иранском языках. Само слово «бог» идет из этих языков, и остается вопросом, было ли оно изначально у славян и почитали ли они тех богов, которые записаны в летописях и других памятниках той поры. Так, боги *Хорс* и *Семаргл* из «пантео-

на Владимира» имеют явное *иранское* происхождение и связаны они с какими-то иранскими народами, славянизированные потомки которых продолжали жить в Приднепровье. Возможно, это были те самые русы-аланы, наследники Росского каганата.

И в этой связи также важно учитывать особенности верований, связанных с процессом ассимиляции многих племен славянами. Константин Багрянородный в середине X в. рассказывал о *культе дуба у русов* (именно русов, а не славян!). На острове Хортица у огромного дуба купцы и воины русов приносили в жертву кур, а также кусочки хлеба и мяса. Поклонение дубовым рощам было знакомо многим индоевропейским народам. Особое место оно занимало, в частности, у кельтов, где жрецы-друиды прямо увязывались с дубовыми рощами (откуда и название друиды). У кельтов и многие имена связывались с культом тех или иных деревьев (имя «Ивор», весьма распространенное в Прибалтике, — это кельтское обозначение клена-явора). А вот жертвоприношения курами — это, возможно, уже следствие славянизации русов Приднепровья. Кур приносили в жертву воины Святослава, знаменитая дань Ольги с древлян по три воробья и по три голубя, согласно «Летописцу Переяславля Суздальского», мотивировалась необходимостью «дати богом жертву».

Разные формы жертвоприношений могли быть связаны и с тотемическими представлениями. Часто именно такое происхождение имели и названия самих славянских племен: вильцы (лютичи) — волки, ререги — соколы и др. Символом сокола, по предположению ряда авторов, являлся и так называемый «знак Рюриковичей». Но не исключено, что здесь некоторые совпадения могут быть уже вторичными, воспринятыми вместе с ассимилированными племенами. Так, характерный для Верхнего Поволжья *культ медведя*, восходит к местным *угро-финским* племенам (в северных районах отмечается культ оленя). Но интересно, что за многими славянскими племенами сохранялось название по занимаемой территории — древляне, дреговичи, те же поморяне, причем эти названия часто повторяются в разных областях Европы.

Очень часто славянскому язычеству, помимо *культа природы*, приписывается также *культ предков*. Между тем наличие культа предков чаще всего свидетельствует о смешении славянского и неславянского, но уже славяноязычного. *Культ генеалогий* обычно характерен для племен с *кровнородственной семьей и кровнородственной общиной*. В начале XII в. рутены (т. е. русы)

Южного берега Балтики проповедникам христианства «много рассказывали о своем происхождении». Речь, видимо, шла о реальных переселениях из Малой Азии или из южнорусских степей. Но подобные предания обычно служили для обоснования степени знатности того или иного «русского» рода. У славян же *ни культа предков, ни генеалогических преданий не было*, что было связано с исходным характером их общины и семьи. Летописец сообщает, что славяне имели по 3—4 жены, а это предполагает связь детей с матерями, а не с отцом, и последующие события показали, насколько в отношениях между братьями мало было проявлений братских чувств. Но вот *общинные связи при этом были довольно жесткими, а требования обязательными к исполнению*. Только в поздних польских и чешских преданиях появятся легенды о братьях Чехе, Лехе и Русе, от которых пойдут три племени, а славянской прародиной будет объявлена Паннония. Но это уже легендарно-генеалогические осмысления, характерные для Европы в целом.

В литературе, начиная с XIX столетия, много говорится о «**двоеверии**» — сосуществовании языческих традиций с утвердившимся христианством. «Двоеверие» ведет свою историю с первых веков христианизации. И одно из его проявлений — своеобразное пересечение языческих и христианских праздников: в одних случаях язычество приспосабливается к новым, христианским праздникам, в других — наоборот, христианство идет навстречу язычникам, сохраняя не только даты праздничных дней, но и связанные с ними обряды. Одним из подобных примеров может служить всем известная Масленица.

Выше отмечалось, что христианство на Русь проникало в разное время и разными путями, и на ранних этапах явно отличалось от византийского, в частности гораздо большей терпимостью к языческим верованиям. Поэтому взаимопроникновение празднеств само по себе явление почти уникальное. Крестьянство особенно легко восприняло культ Ильи-пророка, Георгия Победоносца, Николая Мирликийского (Чудотворца). Церковь в честь Ильи была на Руси еще в середине X в., и появилась она в Киеве, очевидно, с приходом христиан-переселенцев из Моравии. Возможно, уже тогда *культ Ильи* и Перуна взаимно соответствовали в дружине Игоря, и постепенно Илья стал восприниматься как громовержец. И для крестьянина «Ильин день» (2 августа) — это не столько праздник, сколько опасение, как бы не обидеть сурового святого. Этим

днем в северной Владимирской Руси обычно заканчивали и летний купальный сезон.

Весенний праздник *Георгия (Егория, Юрия) Победоносца* приходится на время посевной: 23 апреля (6 мая). В этой связи в ход идет примета: «На Егория мороз — сей овес, на Егория роса — сей проса». Здесь прямая и непосредственная связь с природой, и Георгия на Руси стали почитать как покровителя земледелия и скотоводства, хотя изначально Георгий почитался как покровитель воинства, в том числе и самих князей. «Осенний Георгий» отмечается 26 ноября, и вошел в народную память как «Юрьев день». Сам культ Георгия Победоносца стал особенно внедряться с середины XI в., ибо именем Георгий был крещен Ярослав Мудрый, который многое сделал для утверждения почитания своего небесного покровителя.

Культ Николая Мирликийского пришел на Русь сравнительно поздно: лишь в конце XI в. Этот культ имел западное происхождение и был связан с установлением на Западе празднования Николая в связи с перенесением мощей святого в южно-итальянский город Бари. На Руси этот праздник стал известен как «Никола Вешний» — 9 (22) мая. Причем в Византии «Николу Вешнего» не признали, ибо праздник был установлен в честь того, что норманны выкрали мощи святого из пределов Византийской империи. Но на Руси Николай Мирликийский очень скоро получил широкую репутацию заступника обиженных, страдающих. Формула «спаси Никола Угодник» получила распространение во всех сословиях. Николу посвящались два праздника и соответственно приметы. «Никола Вешний» — это Никола с кормом, т. е. для скота созрели травы, и это заслуга святого. «Никола Зимний» отмечался 6 (19) декабря — «Никола реки загвоздил морозом», следовательно, можно переправиться за тем же кормом за реку.

Самыми же популярными на Руси были *Богородичные праздники*, посвященные Божией Матери. Непосредственным предшественником этого почитания является культ *Параскевы-Пятницы*, где «Параскева» (Прасковья), очевидно, дополнение уже христианского времени, а в более раннем варианте вероятно связь с *Мокошью* — одним из божеств «пантеона Владимира», хотя это, возможно, тоже лишь этап или вариант развития *культ-та Пятницы*.

Дохристианский славянский культ самой «пятницы» как дня недели держался долго и имел определенную антихристиан-

скую направленность. Особо почиталось 12 пятниц в году, с которых начинался каждый месяц. У славян была пятидневная неделя, в которой пятница и «неделя» совпадали. Пятница, или «неделя», — это день, когда ничего делать не полагалось, кроме женских работ-развлечений: вышивки, вязания где-нибудь на «посиделках». Кстати, в обозначении дней недели до сих пор сохранилась именно эта глубокой древности традиция: после недели — понедельник, затем вторник, среда — срединный день пятидневки, четвертый день, пятый — он же «неделя». Иудейская суббота («шаббат») и христианское воскресенье были привнесены в традиционный славянский календарь уже после принятия христианства. «Пятница» воспевалась в притчах в течение многих веков. Пятница — и пряха и защитница всего, что связано с женским трудом. А день пятницы долго держался как торговый день. И известная шутка «семь пятниц на неделе» уходит в ту же глубокую старину, предполагая безделье и как бы выпадение из общинного коллектива.

Култ Богородицы характерен для древнерусского общества в целом именно потому, что восходил он через Параскеву-Пятницу к древним земледельческим культам, где «мать сыра земля» занимала первостепенное место, и недаром именно Богородице посвящались на Руси многие храмы. И когда при Ярославе под влиянием Константинополя стали строить храмы в честь «Софии Премудрости Божией», на Руси даже и не осознали, что греческая «София» — это «мудрость Христа». На Руси почти изначально «София» воспринималась как женское существо и отождествлялась с Богородицей.

В народной среде действительное содержание культов христианских святых редко осознавалось. Все знали, что 14 марта — это день Евдокии, и с этим днем связывалась масса примет: «Какovy Евдокий, таковы и весна», «на Евдокий курица воды не напьется — в апреле конь травы не наестся» и т.п. Но ни у кого не возникал вопрос, а кто же это такая Евдокия и чем она примечательна? (В святцах это мученица, пострадавшая за веру во II в.) До сих пор на селе весьма почитаем день 22 марта, в быту именуемый «жаворонками» — прилет жаворонков: «Принесите нам весну-красну, лето теплое, с сохой, бороной и кобылой вороной». В христианской традиции это праздник в честь сорока святых мучеников. Но крестьяне осмысливали упоминание числа «сорок» как предупреждение о предстоящих еще сорока морозах.

Как было отмечено, и языческие праздники приспособлялись для отправления христианских культов. В особенности это проявлялось, конечно, в деятельности местного, а не пришлого (византийского) духовенства. Это выразилось, в частности, в создании *культа русских святых — Бориса и Глеба*. Культ создавался в 70-е гг. XI столетия при явном скептицизме митрополита-грека, тем более что вся связанная с ними история носила чисто политический характер. В итоге днем их памяти стало не время гибели того и другого, как принято в житиях, а время «перенесения останков», которое было приурочено к языческому празднику «первых ростков» — 2 мая. Здесь возможна даже и определенная символика: традиционный праздник «первых ростков» и первых же собственно русских святых.

Подобные наложения распространялись и на многие другие празднества. Традиционно к языческим относились *коляды*, а также *святки*. Приуроченные по времени к празднику Рождества Христова, они воспроизводили неизменные языческие формы реализации празднества, что впоследствии нередко вызвало серьезные претензии со стороны церкви. Коляды, или календы, не были чисто славянским явлением и были довольно широко распространены у ряда индоевропейских народов. Наиболее вероятное объяснение самого слова — «круглая еда», «братчина», и этим своеобразным празднеством открывался первый день каждого месяца. В таком качестве этот праздник сохранялся еще в XVI столетии. В «Стоглаве» — одном из важнейших документов середины XVI столетия — осуждаются «каланды... еже есть первый день коегождо месяца, но паче же марта месяца, празднование велие торжественно сотворяюще, играния много содевашея по еллинскому обычаю» (так обозначалось язычество. — А.К.). Осуждает «Стоглав» прежде всего «женская в народах плясания, срамна суши». При этом особо оговаривается, что посмотреть на пляски у костров (а может быть, и поучаствовать в них) любили и иные клирики, за что им грозило отлучение. В итоге же «коляды» как понятие все-таки сохранились и празднуются до сих пор в Рождественские праздники.

В раннем русском христианстве к *игрищам* и *веселиям* относились терпимо. И тогдашняя Русская Церковь не требовала отказа от народных традиций, ведь считалось, что спасение души обеспечивалось добрыми делами, а не только строгим соблюдением обрядности. В этом положении ничего не могли изменить

и первые византийские митрополиты, с которыми князья не очень считались. Сама же эта проблема — участие христиан в игрищах — обозначилась впервые во второй половине XI в. в рассказе о посещениях игуменом Киево-Печерского монастыря Феодосием Печерским князя Святослава: когда бы не навестил князя Феодосий, у князя гремела музыка и звучали песни. Феодосий, воспитанный в византийской традиции, с укоризной сядился на краю скамьи, и князь на время его присутствия останавливал музыкантов.

Картина будет подобной и в следующих столетиях. Такого рода запреты не принимали князья и их дружины, и тем более не принимали простые поселяне, участвовавшие в «игрищах между селами» и сознававшие, что «никто не спляшет так, как скоморох». От Средневековья сохранилось «Слово», в котором говорится о дне «недели». В данном случае это было, очевидно, воскресенье, но предполагались обычаи недели-пятницы. Горожане не хотят идти в храм, «но аще плясцы или чудци, или ин кто игрецъ позоветъ на игрище или на какое зборище идольское — то все тамо текут, радуясь..., позоры дея на пагубу душам». Зрителей не пугали ни дожди, ни ветры, ни то, что все шло под открытым небом, — все равно радовались.

§ 2. ДРЕВНЕРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

С христианством на Русь пришла письменность и письменная литература. Известно существование двух славянских азбук — глаголицы и кириллицы. Кириллица была создана в 60-е гг. IX в. просветителем славян Кириллом. Глаголица явно старше, и ее в ряде источников называли «русским письмом». В 860—861 гг. Кирилл посетил Крым, где проповедовал христианство. Там ему довелось приобрести «Евангелие» и «Псалтирь», написанные «русскими письменами». Язык рукописей ему был неизвестен, и в Житии Кирилла отмечается, что, познакомившись с одним русином, Кирилл быстро овладел речью, а затем и самой письменностью.

В литературе велись и ведутся споры о соотношении двух алфавитов, и было много предложений заменить понятие «русское письмо» каким-нибудь другим языком — готским, сирийским и иными. Спор в большей степени проистекал из того, что

большинство специалистов знало одну единственную Русь — Киевскую, а в середине IX в. в Киеве христианской общины, по всей вероятности, еще не было. Даже причерноморские русы примут крещение уже после того, как Кирилл посещал Крым, и язык этих русов не был славянским (славянский язык Кирилл знал едва ли не с детства). Имеет большое значение и то обстоятельство, что Житие Кирилла было написано в Паннонии, где «русы» упоминались на протяжении тысячелетия в разных местах и где глаголица и называлась «русским письмом».

Вполне возможно, что глаголица как «русское письмо» восходит к каким-то русам, скорее всего подунайским. В конце IX в. разные Русии (подунайские, тюрингские и прикарпатские) входили в состав Моравии. И они там играли роль просветителей, поскольку руги-русы, как и готы, приняли христианство в арианском виде еще в IV—V вв. Во второй половине IX в. многие неславянские племена Подунавья и Прибалтики переходят на славянскую речь. Явление это не объяснено, да никто им и не занимался. Но ясно, что причины заключались в противостоянии этих неславянских племен католическим Риму и Германии, везде навязывавшим католичество силой и ставившим покорные народы в положение феодально-зависимого населения. Примечательно, что *глаголица распространяется именно на границах с католическим миром в качестве тайнописи*: в западно-болгарских областях (на востоке господствовала кириллица), в Норике-Ругиланде, в Хорватии (Хорватия, нынешний форпост католицизма на Балканах, боролась против Рима, по крайней мере, пятьсот лет).

И недаром всегда существовало мнение, что «русское письмо» прикрывало какие-то еретические взгляды, и у этого мнения есть основания. Как тайнопись в Югославии глаголица использовалась даже в XX в., в годы Второй мировой войны. Есть указания на то (на этом особенно настаивали в Риме), что к славянскому языку ее приспособил Мефодий в конце IX в. для сокрытия от римского и немецкого духовенства элементов арианства, которое также будет держаться в Подунавье несколько столетий. Позднее, когда Моравия вынуждена будет отступить перед натиском Германии и Рима, последует запрещение службы «русских священников» (папская булла 967 г.), а многие дунайские русы потянутся на восток, привнося с собой и глаголические рукописи. В XIX столетии видный российский лингвист И.И. Срезневский заметил, что договоры Олега (911 г.) и

Игоря (944 г.) первоначально были записаны глаголицей и лишь впоследствии переведены на кириллицу. Но в целом *глаголические рукописи на Руси имели в основном болгарское или моравское происхождение.*

Если говорить о письменной традиции, то самым грандиозным явлением общественно-политической жизни Киевской Руси было **русское летописание**. Летописные своды и записи летописного типа составлялись вплоть до XVIII в. Известно более тысячи рукописей и далеко не все еще привлечено. В летописях обычно переплетается жизнь светская и церковная, и многое зависело от взглядов того или иного сводчика, собиравшего материал о прошлом. В этом плане весьма выразительны первые летописцы, записи которых вошли в состав «Повести временных лет». Язык «Повести временных лет» выделяется на фоне предшествующего и последующего материала именно литературной чистотой. Летописцы перерабатывали множество источников, в том числе передаваемых изустно. Работы такого рода требовали определенного уровня литературного мастерства, и он весьма высок уже в изложении разных сюжетов «Повести временных лет».

Одним из традиционно спорных вопросов является *время зарождения* русского летописания. Скорее всего, первые достоверно киевские записи относятся ко **второй половине X в.**, может быть, к концу этого столетия, допуская, что вполне достоверные записи о времени Ольги и Святослава сделаны по припоминанию.

В основе летописи лежит недатированная «Повесть» о месте славян после библейского вавилонского столпотворения. Летописец помещает их рядом с иллирийцами, т. е. в Норике, и именно из Норика выводит славян и русов. Варяжская версия начала Руси явно разрывает логику первоначального летописного изложения и вставлена позднее. Рассказ о полянах-руси сопровождается преданиями-легендами о взаимоотношениях славянских племен, о «хазарской дани». Используется также «Сказание о начале славянской письменности». Но надо иметь в виду, что в это «Сказание» позднее вносились добавления, которые часто противоречили первоначальной версии. Эти добавления дают представление о том, как работали летописцы: они не признавали «авторского права» предшественников, либо изменяя текст по своему усмотрению, либо делая записи, не обращая внимания на возникавшие противоречия. Так и появлялись разные версии о происхождении Руси, разные генеалогии, раз-

ные версии о начале русского христианства, разные оценки того или иного князя, в частности Владимира, о котором писали и современники, и позднейшие летописцы. Первоначальная летопись за X в. не имела абсолютных дат. Расчет шел по годам княжения того или иного князя. Абсолютные даты появились лишь в XI в., причем привносилось сразу несколько космических эр и стилей счисления, что, очевидно, связано с разными истоками русского христианства.

Пример работы летописцев над текстом «Повести временных лет» дает описание ими княжения Владимира Святославича. Так, рассказ о «выборе веры» Владимиром подан одним из летописцев с откровенной иронией: князя интересовала лишь бытовая сторона той или иной веры. Видимо, этот же летописец с иронией описал поход Владимира и его дяди Добрыни на волжских булгар «Соглядах колодник, — говорит Добрыня. — суть вси в сапозех. Сим дани нам не давать, поидем искать лапотников». С иронией рассказывает он и о походе на радимичей. И при этом в иронии этого летописца нет никакой вражды: просто отношения внутри княжеского окружения были такими, как это (видимо, тем же летописцем) дано и при описании знаменитых пиров, проходивших «при князе и без князя».

Рассказ о блудной жизни Владимира дается уже с осуждением, и это явно другой летописец, отдававший предпочтение Ярополку. Высказывалось предположение, что этот летописец редактировал летопись во время краткого правления Святополка в начале XIV в. Зато позднее летописец Десятинной церкви, составивший или редактировавший свод в 80-е гг. XI столетия, возьмет князя под защиту. Но он оставил и прежний текст, и это тоже было характерно, по крайней мере для многих летописных сводов. А вот описание второй половины княжения Владимира было, видимо, кем-то сознательно уничтожено в летописи, и это может быть связано с острой борьбой за Киев между сыновьями Владимира.

При Владимире бесспорным авторитетом в решении религиозно-просветительских вопросов была Десятинная церковь Богородицы в Киеве. И хотя клир ее состоял из приглашенных Владимиром корсунян, она была ориентирована на Запад, а не на Византию. Даже архитектура ее, как показал известный историк культуры Г.К. Вагнер, была связана с западными истоками (в частности, лепные фигуры в обрамлении церкви). В церковном плане Десятинной церкви и связанной с ней литературно-идеологической позиции будет противостоять Софийский собор, сооруженный при Ярославе как митрополичий. Полемика часто носила очень острый характер. Внося в летопись под 1037 г. Похвалу Ярославу как учредителю системы

переписывания и перевода с греческого книг, а также «книжного учения», летописец имел в виду и другую цель: напомнить, что именно Изяслав, как старший, должен был во всех отношениях наследовать отцу.

Летописец Десятинной церкви спорит с современными ему или бывшими оппонентами, говоря о месте крещения Владимира. Он отстаивает Корсунскую версию, и защите ей посвящается особое сочинение, вполне возможно написанное этим же летописцем: «Како крестися Владимир, возьмя Корсунь».

Авторитет храма или монастыря зависел от наличия святынь и его пантеона. Предметом особой гордости храма были мощи Климента папы Римского, погибшего в начале II в. в Крыму, в частности «глава Климента» была доставлена в Киев после корсунского похода Владимира. В середине XI в. Климент почитался «заступником Русской земли», и об этом знали на Западе. Поэтому храм выходил как бы на международный уровень. В то же время византийское духовенство, служившее на Руси, относилось к этому культу ревниво. С конца XI в. культ Климента будет оттеснять культ Николы Угодника, хотя еще и в XII в. Климент Смолятич получит имя в честь этого святого и напомнит, что «главой Климента» можно посвящать в митрополиты без санкции Константинополя.

Следует отметить еще прекрасную богословскую подготовку летописца Десятинной церкви и его образный стиль: «Володимер землю взора и умягчи, рекше крещением просветив; се же насея книжными словесы сердца верным людем, а мы пожинаем, учение приемлюще книжное. Велика бо бывает полза оть ученья книжного... книги — суть реки, напаяющие вселенную». И эта манера письма позволяет с достаточной уверенностью выделять его перо в составе летописных и внелетописных текстов.

Если говорить о развитии **религиозно-философской мысли** в Киевской Руси, то необходимо отметить, что в 40-е гг. XI в. заметно выделяется фигура пресвитера *Илариона*. Обострение отношений с Византией сделало его фактическим главой Русской Церкви, а в 1051 г. совет епископов изберет его киевским митрополитом, минуя епископский сан. После Анастаса Корсунянина и Ефрема Новгородского Иларион оказался третьим избранным главой по правилам ирландской церкви. Есть много доказательств близости его к традициям Десятинной церкви, и вовсе не исключено, что в отмеченном выше крещении останков князей-язычников Олега и Ярополка в 1044 г. он тоже принимал

участие, поскольку уже тогда был фактически главой Русской Церкви.

Илариону принадлежит широко известный памятник: «Слово о Законе и Благодати», сохранившийся более чем в 50 списках XV—XVI вв. Именно поэтому с именем Илариона часто связывают начало русской литературы. Это неточно. Литература начинается все-таки в X в., и «Повесть о начале Руси» в составе «Повести временных лет», и рассказы о первых князьях, пересыпанные пословицами и поговорками тех времен, являются яркими литературными произведениями. Но сочинение Илариона действительно блестяще во всех отношениях.

Иларион сравнивает «Закон», т. е. Ветхий Завет, в основе которого лежит «Закон, данный Моисеем», и «Благодать», т. е. Новый Завет. «Закон» состоял из жестких предписаний эпохи становления рабовладельческого общества, «Благодать» — это книги, проповедующие христианство. «Закон» обычно обращался к биологической природе человека, «Благодать» — к духовной, которую, впрочем, толковали весьма различно. С середины XI в. на Руси будут противостоять две основные тенденции в трактовке христианского вероучения: первая — это традиция, восходящая к раннему древнерусскому христианству, возвышенно оптимистическое понимание спасения путем одного только крещения; вторая тенденция — это направление, близкое к византийскому, проповедующее необходимость аскетизма, требующее отречения от жизненных интересов во имя «века будущего». При Иларионе этот раскол стал обозначаться, и он твердо встал на позиции раннего русского христианства.

«Слово о Законе и Благодати», по всей вероятности, было изложением программы кандидата в митрополиты. Иларион предупреждает, что пишет не для несведущих, но для «с преизбытком насытившимся книжной сладости». Он считает излишним и неприличным, «похожим на тщеславие», говорить о том, что написано в иных книгах и известно его читателям. Так он мотивирует отказ от изложения пророчеств о Христе и апостольского учения «о жизни будущего века». Отказ означает заметное смещение акцентов и предполагает конкретную ситуацию в отношениях между Востоком и Западом — спор об опресноках, приведший к разрыву церковей в 1054 г: Восточная церковь обвиняла Западную в уклоне в иудаизм, поскольку опресноки употребляли иудеи, а Западная церковь Восточную в севериан-

стве, т.е. в отрицании Ветхого Завета. Что же касается критики иудаизма, который принимает только «Закон» и не принимает «Благодать», то речь в «Слове» Илариона могла идти о хазарских общинах, известных на Руси еще в X в. (это были караимы, не принимавшие Талмуд и следовавшие только «Закону»), и, может быть, ирландцев, которые, как и весь Запад, в гораздо большей степени принимали Ветхий Завет, нежели это было в православии. В конечном счете иудаизм осуждается за то, что иудеи оказались неспособными принять «Благодать», и этим стали ниже язычников, тяготеющих к новой вере. Но «Закон» осуждается не только за это. «Прообраз Закона и Благодати — Агарь и Сарра, рабыня Агарь и свободная Сарра: прежде рабыня, а потом — свободная», — пишет Иларион. Иными словами, осуждается сама, обслуживаемая «Законом», система: рабовладельческая, иерархическая, отрицающая равноправие народов, их право на свободу.

Акцентирование внимания на праве народов в это время имело в виду поведение Византии. Здесь имеется в виду стремление византийской церкви к прекращению деятельности разного рода христианских общин, уживавшихся на Руси более или менее мирно, и открытые оскорбления византийскими иерархами сторонников церковной независимости Руси. Так, первый константинопольский митрополит Феопемпт, едва прибыв в Киев, в 1039 г. закрывает Десятинную церковь для нового освящения, чем осуждалось и оскорблялось одно из самых мощных направлений в раннем русском христианстве. Итогом подобного поведения стал конфликт Руси с Византией — изгнание претенциозного митрополита и несколько лет открытой военной (крайне неудачной) и собственно церковной борьбы. В «Слове» же Илариона подчеркиваются достоинства и слава Русской земли начиная с Игоря Старого (Рюрика еще в его источниках не было) и его последователей-потомков, остававшихся язычниками. Иными словами, Иларион не делил Русь на языческую и христианскую, вынося на первый план задачу служения Руси.

В традиции Десятинной церкви одним из проявлений «прозападной» ориентации, вызывавших критику со стороны Византии, была вера в *непреложность предопределения*. В этом вопросе Иларион выступает сторонником традиции именно Десятинной церкви, утверждая всемогущество и всевластие Бога над судьбой человека. Возможно, в этом сказывалось влияние собственно *русского* язычества, в котором фатум-рок играл ог-

ромную роль (славяне, как сообщает Прокопий Кессарийский, признавали лишь фортуны).

Вера в непреложность предопределения часто вела к крайнему пессимизму и фатализму — человек не обладает никакой свободой действия и все находится в «руце Божией». Но и у летописца Десятинной церкви, и у Илариона в особенности, фатализм служит не пассивности, а активности, освобождению задатков самого человека. Если Бог всемогущ и всемогущ, то от него зависит и состояние народа. Уверовавшие в Христа, с доверием и любовью обращаются к Богу, ожидают и ответной любви и помощи Всемогущего. Он должен быть терпим к возможным человеческим слабостям, в Его же силах избавить от них человечество. Даже в обращенной к Богу «Молитве» Иларион не просто верит в милосердие, а доказывает, что Бог *должен быть* милосердным, поскольку и грешные люди Его творение. Иларион без обычной скромности признает: «Все мы уклонились,... нет ни единого из нас, подвизающегося и ревнующего о небесном, но все пекутся о земном». Но он призывает Бога проявить «терпение и даже долготерпение», поскольку в силах Господа направить на «пути истины». Иначе от веры могут отпасть слабые в вере. «В меру наказывай, но безмерно милуй, — почти наставляет Иларион. — ...Яви кротость и милосердие Твое, ибо Тебе подобает миловать и спасать: не престань в милости Твоей к народу Твоему: врагов изгони, мир утверди, языки усмири, глады утоли, владыков наших угрозой сотвори, бояр умудри, грады распрости,... всех помилуй, всем утешение даруй, всех возрадууй, подавая им радость и телесную, и душевную!»

Иларион недолго был митрополитом. Ярослав женил своего сына Всеволода на дочери Мономаха и помирился с Византией. Илариона пытались обвинить в ереси. Обвинения он решительно отвергал. Закончил он жизнь, видимо, в Дмитровском монастыре в Киеве, созданном по инициативе Изяслава, и у Илариона должны были остаться живые контакты и с Десятинной церковью. Писал ли он что-нибудь в монастыре — остается неясным.

Близкие к взглядам Илариона воззрения выражал *Иаков-мних*, и в некоторых случаях с ними перекликается «*Изборник 1076 года*». Иаков-мних — автор «*Памяти и похвалы Владимиру*», как и Иларион, отстаивал независимое положение Русской Церкви. Как и Иларион, Иаков считал, что мысль о крещении Владимира была внушена Самим Богом. У обоих авторов Вла-

димир называется равновеликим Константину, крестившему Византию (в IV в.). Близок Иаков-мних и традиции Десятиной церкви, хотя у него в руках была иная летопись, еще не знавшая абсолютной хронологии, и в то же время содержавшая ряд известий, отсутствующих в дошедших летописях и более точно передающих некоторые важные события, в частности связанные с Крещением Руси. Но у него, как и в «Изборнике 1076 года», больше сказывается византийское влияние. Он резко противопоставляет язычество и христианство. Иаков был одним из кандидатов в преемники игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия, который сам и рекомендовал его, умирая в 1074 г. Однако монастырская братия Иакова не приняла, ссылаясь на то, что он не был постриженником Киево-Печерского монастыря. Действительные же причины, видимо, заключались в расхождении в понимании задач христианства вообще и Русской Церкви в частности.

В целом обращение Ярослава в последние годы жизни к Византии тяжело сказалось на положении сторонников независимой Русской Церкви и, соответственно, независимой Руси. Митрополитов снова стали поставлять из Константинополя, и обычно это были греки, которые защищали в Киеве византийские интересы. Еще более осложнил положение разрыв церквей в 1054 г., тем более что он сопровождался разгромом на Западе традиционно связанных с Русью славянских и славянизированных обществ. Написанное митрополитом-греком Георгием «*Стязание с латиной*» было направлено, по существу, и против Запада, и против русских «западников». Тот же Георгий явно противодействовал канонизации русских святых — и Владимира, и Бориса и Глеба, и всех других кандидатов.

Канонизация Бориса и Глеба в 1072 г. была акцией политической и в плане противостояния Византии, и в целях консолидации Ярославичей против все еще существовавших конкурентов (в частности, полоцких князей). До митрополита Георгия могли доходить разные версии о самих событиях. В литературе имеется два варианта повествований о Борисе и Глебе: «*Чтение о Борисе и Глебе*» монаха Киево-Печерского монастыря Нестора и «*Сказание о Борисе и Глебе*», вошедшее в летописи и известное в разных редакциях в более чем двухстах списках. «Сказание» часто называют «анонимным». Но автором, по крайней мере, первоначальной редакции является Иаков-мних: он сам упоминает о том, что написал сочинение, посвященное убитым

братьям. Будучи постриженником монастыря в Альто, т. е. именно там, где был убит Борис, он мог слушать какие-то рассказы старожил.

Тексты «Чтения» Нестора и «Сказания» Иакова значительно различаются не только стилем, но и фактическим материалом. Можно сказать, что они написали рассказы о совершенно разных людях. Так, по Нестору, Борис по разделу Владимира получил Владимир Волынский, откуда, кстати, происходил Нестор и где он писал свои сочинения. А по летописи и «Сказанию», Борис был ростовским князем. Различно описано и убийство Бориса, а Глеб, княживший в Муроме, бежит из Киева на север «в кораблеце» и т.д. Существенные различия с летописным текстом проявляются и в Несторовом «Житии Феодосия Печерского». Именно столь значительные расхождения с «Повестью временных лет» не позволяют считать Нестора ее составителем. Более того, в летописи нет ни одной строчки, которую можно было бы связать с Нестором Волынским по стилю, языку и мировоззрению. Упоминание же Нестора-летописца в позднейшей печерской традиции имеет в виду, видимо, другого Нестора — ростовского епископа, вероятного создателя «Летописца старого Ростовского».

Все-таки заслуги раннего русского христианства велики, и это скажется, несмотря на все противодействия. Так, довольно широкое распространение на Руси получит школьное образование — «книжное учение». В Новгороде уже с XI в. грамотность распространяется во всех слоях общества. Ярослав, будучи новгородским князем, «собра от старост и поповских детей 300 учти книгам». В «Стоглаве» (середина XVI в.) напоминает, что «преж сего в Российском царстве и на Москве и в Великом Новгороде и по иным градом многие училища бывали и пети и чести гораздых много было, но певцы и чтецы и доброписцы славны были по всей земле и донесь». В целом уровень образованности Киевской Руси XI в. был очень высок. Владимир Мономах в «Поучении» мимоходом заметил, что отец его Всеволод «дома седея, изуменяше 5 язык, в том бо честь есть от иных земель». Печерский монах Никита (будущий новгородский епископ) впал в «ересь», ибо читал книги на древнееврейском, греческом, латинском, пренебрегая славянскими переводами Нового Завета.

Образованность в тот период не была привилегией только мужчин. Анна Ярославна, выданная замуж за французского

короля, была первой грамотной женщиной Франции, причем проявляла и значительную политическую активность. Супруга князя Изяслава Гертруда в своих скитаниях по Европе возила «Трирскую псалтирь», в которой «молитва Гертруды» была записана латиницей, а надписи на миниатюрах сделаны на славянском и греческом языках. По сообщению В.Н. Татищева, Анна Всеволодовна, постригшаяся в 1086 г. в Андреевском монастыре, собравши «младих девиц неколико, обучала писанию, также ремеслам, пению, швению». Грамотность распространяется и среди посадского населения. Известны надписи, сделанные на предметах ремесла. На пряслицах встречаются записи, указывающие на принадлежность их владелице. И существенно, что берестяные грамоты Новгорода и ряда других городов передают обычную хозяйственную переписку. Иначе говоря, *грамотность населения городов была обыденным явлением.*

В XII в. византийская ортодоксия пустит на Руси глубокие корни, и ее будут придерживаться, отстаивать в полемике и многие русские авторы. Но потребность в такой литературе указывает на наличие и иной традиции, ее стойкости. В рамках византийской ортодоксии наиболее видное место принадлежит *Кириллу Туровскому* (ум. до 1182 г.). Авторитет его был весьма велик благодаря высокой художественной, литературной форме его слов, притч и поучений. К тому же он откликнулся на актуальные вопросы времени.

Символизм, аллегория, притча характерны для всего языческого мировоззрения. Раннее христианство также их усваивало, отчасти вынуждено было усваивать, не имея возможности открыто проповедовать свое вероучение. Но при этом символика язычества более конкретная, более земная. У христианских авторов она часто принимает отвлеченный характер. Кирилл Туровский знал современную ему поэтическую, языческую традицию. Он упоминает о летописцах и «витиях», как выразителях и хранителях исторических преданий, он явно стремился быть на уровне высших поэтических «стандартов» эпохи. И все-таки отвлеченность будет заметна в сравнении с созданным в это же время «Словом о полку Игореве». В рамках православной ортодоксии Кирилл Туровский склонялся к *аскетическому* направлению, в котором добро и зло увязывались с душой и плотью. Плоть, как он полагал, изначально расположена ко злу, а потому умерщвление ее считал обязательным условием спасения ду-

ши. Познание в рамках этого течения сводится к уяснению книг Священного Писания.

Интересен и еще один момент. Благодаря полемическим сочинениям Кирилла Туровского появляется возможность реконструкции взглядов его оппонентов, в частности «*епископа Феодорца*», который при поддержке князя Андрея Боголюбского, стремившегося создать в XII в. во Владимире независимую митрополию, объявил себя главой этой митрополии. Сама идея создания независимой митрополии предполагала опору на какие-то традиции, противостоящие притязаниям Константинополя.

Как следует из грамоты патриарха Луки Хризоверга, осудившего Феодора и косвенно князя, Феодор сам себя поставил епископом, т. е. был избран в духе *арианской* и отчасти *ирландской* традиции. У патриарха к этому добавлялось обвинение, что, поставив себя епископом, Феодор остался женатым. Этот факт тоже может рассматриваться как следствие влияния ирландской традиции. Кирилл Туровский принял активное участие в полемике против «Феодорца» на стороне константинопольского патриарха. Как и патриарх, Кирилл поддержал главное обвинение Феодору — неуважение Богородицы, которое и патриарх, и Кирилл Туровский воспринимали как проявление несторианства. Кирилл пишет, что вторую ипостась Святой Троицы Феодор понимает неверно. Но подобное понимание второй ипостаси — это уже не несторианство, поскольку Христос в несторианстве считается человеком. Вторая же ипостась Троицы ставилась в рамках ее на второе место у *ариан*. И не случайно Кирилл ополчается на Ария и ариан, главным пороком которых он считал «речь от своего ума, а не от святых книг». Следовательно, возможно, в пределах Северо-Восточной Руси сохранялись какие-то традиции раннего русского христианства, связанные с арианским наследием. В результате церковно-политической борьбы Феодор был жестоко казнен в 1169 г., и летописец-современник это радостно приветствует, обвиняя Феодора в стяжании, граблении, закрытии церквей и главное — в отказе ехать на утверждение к митрополиту Константину, когда об этом его просил князь.

Весь этот спор был тесно связан и с другим вопросом: с избранием митрополитом Климента Смолятича без утверждения в Константинополе. Киевский летописец характеризовал Климента Смолятича (ум. не ранее 1164 г.) как книжника и филосо-

фа, «яко же в Русской земле не бяшеть, бе зело книжен и учителен и философ велий, и, много писаний написав, предаде». Сочинения эти до нас не дошли. Весьма вероятно, что их сознательно уничтожили. Единственное — «*Послание к смоленскому пресвитеру Фоме*» — дошло не в оригинале, а в изложении некого монаха Афанасия. И носит «Послание» оправдательно-оборонительный характер.

Из литературы домонгольской поры конца XII — начала XIII в. наиболее значимыми являются «*Слово*» и «*Моление*» Даниила Заточника. Первое датируется концом XII в., второе — первой третью XIII в. По заключению В.Г. Белинского, автор «Моления» Даниил Заточник — «одна из тех личностей, которые на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; ...одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают со свету и, наконец, уморившись, снова начинают хвалить». Оценка Белинского емка и точна. Даниил — человек, потерявший связь со своей средой и не находящий путей к ее восстановлению. Он начитан, знает жизнь, разумен. Но он не видит, где бы мог приложить свои способности «интеллигента» домонгольской поры, своеобразного «лишнего человека». И у него нет иной перспективы, как поступить кому-то в услужение. А в таком случае лучше всего идти к сильнейшему.

Разрыв со своей средой шел уже с эпохи военной демократии. Но ценилась при этом сила, храбрость, ловкость. Ничем этим Даниил, по его признанию, не обладал, и это его тяготило. А разум запродать в услужение было гораздо сложнее: он необходим обществу, но спросом никогда не пользуется. В этом и заключается трагизм автора-просителя.

От домонгольской поры сохранилось около 200 оригиналов рукописей. Естественно, что в большинстве — это книги, необходимые для богослужения. Они и в то время преобладали численно, поскольку каждому храму требовалось несколько книг (до 20) и исчислялись они многими тысячами. Древнейшей признается рукопись «*Остромирова Евангелия*» (1056—1057). Есть мнение, что «*Путьтина минея*» старше и может быть отнесена к 30-м гг. XI в. А в 2000 г. при раскопках Новгорода были найдены три страницы деревянной книги, относящейся к концу X — началу XI в., видимо «Псалтири», ибо на них сохранились тексты псалмов.

Другой категорией являлись «четы» книги — книги для чтения. В них также сохранялись служебные сюжеты, но круг читателей предполагался более широкий. Так, «Псалтирь» была и раньше, и в самое недавнее время настольной книгой каждого верующего. Широко были представлены *жития святых* — в кратких жизнеописаниях в «Прологах», более полных «Четьях-Минеях», а также в сборниках полных текстов житий. Естественнонаучный интерес удовлетворялся переводными «Шестодневами» и «Физиологами». Первые комментировали сюжет о Сотворении мира, вторые давали сведения о животных и их свойствах. В обиходе были более распространены «Изборники», включавшие наряду с «учительными» и «научные» сведения. Знаменитые изборники Святослава 1073 и 1076 гг., дошедшие до наших дней, являются сочинениями именно такого типа.

Были и так называемые «отреченные» книги — книги, признаваемые официальной церковью «апокрифическими» и потому запрещенными. В «Изборнике 1073 года» приведен перечень 42 «истинных» и 24 апокрифических книг. Правда, на Руси их практически не знали, поскольку они были написаны на греческом языке. Но сами апокрифические идеи долетали и на Русь. Довольно заметное влияние имело, в частности, занесенное из Болгарии богомилство. Да и «Речь философа» в «Повести временных лет» содержит ряд апокрифических толкований. Апокрифическое «Первоевангелие Иакова» использовалось в «Сказании о Борисе и Глебе» и даже Кириллом Туровским, эпизоды из него отразились в мозаике Киевской Софии. В списке XII—XIII вв. известно апокрифическое сочинение «Хождение Богородицы по мукам», в котором названы и «запретные» имена русских божеств, причем список открывает Троян — один из легендарных героев и прародитель русских князей в «Слове о полку Игореве». Апокрифические элементы проявились и в летописном рассказе об апостоле Андрее, причем это было сочинение самого летописца. Встречаются ссылки на апокрифические произведения и в более поздних летописных текстах.

§ 3. АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Наиболее надежными хранилищами книг были, конечно, монастыри и соборные храмы. В отличие от Западной Европы, на Руси и в эпоху развитого феодализма не было каменных зам-

ков феодалов, и само каменное строительство практически приходит именно с христианством или чуть ранее. В архитектуре и искусстве (в частности, в живописи) в IX—X вв. со значительным перевесом против западных конкурентов лидировала Византия. «Чудо» взлета того и другого на Руси в XI в., очевидно, связано и с подготовленностью славяно-русского общества с точки зрения художественного вкуса и мастерства.

От языческих времен остались *два вида* славянских культовых мест. Первый вид — *требища*, где под открытым небом резную деревянную фигуру божества окружал кольцевой ровик с восемью углублениями для жертвенных костров. Таковой был раскопан в Новгороде на Пырыне, а также на северном (древнейшем) городище Старой Рязани, и он имел широкое распространение в силу несложности его создания. Второй вид — *языческие храмы*, зафиксированные у балтийских славян, и параллели им находятся в северных и северо-западных областях Руси, все на том же Волго-Балтийском пути.

Большинство христианских храмов в Киевской Руси были *деревянными* (обычно из дуба, но резные украшения часто делались из липы). К сожалению, сведения об этих храмах появляются в летописях лишь в связи с пожарами, в которых храмы горели. В 1049 г. в Новгороде сгорела деревянная церковь «бьаше бо честно устроена и украшена, 13 верхов имуша». Летописцы называют церковь «Софийской». Но под 1045 г. сообщается о заложении Владимиром Ярославичем каменного храма Софии, который и ныне сохраняет что-то от первоначального вида, хотя неоднократно перестраивался. Два одноименных храма в одном городе — это сомнительно. К тому же по археологическим данным храм был построен еще в X в. Сама цифра «13» предполагает Спаса-Христа с 12 апостолами. Сгорела дубовая церковь в Ростове, построенная в XI в., и летописец с горечью констатирует: она была «толико чудна, якова не бывала и потом не будет».

Представление о том, что восхищало современников в древнерусских деревянных храмах, дает найденная в свое время в раскопках А.В. Арциховским дубовая полуколонна XI в. Она украшена резным плетеным орнаментом с изображением грифона и кентавра, и эти изображения свидетельствовали о давних местных традициях искусства резьбы по дереву и богатом обрамлении монументальных деревянных зданий. Сама возможность ювелирной работы с деревом во многом способствовала сохранению традиции строительства деревянных храмов на

протяжении веков. Именно этим специалисты, сравнивая византийские образцы и русские храмы XI в., объясняют стремительное творческое усвоение на Руси лучших образцов византийской архитектуры и живописи. А свидетельствуют об этом не только сохранившиеся памятники, но и открытые археологами руины разрушенных в основном во время монголо-татарского нашествия храмов, коих свыше 150, и это, конечно, далеко не полное число существовавших в домонгольской Руси церквей.

Каменными обычно были *княжеские дворцы*. И они были весьма значительными и по размерам, и по качеству отделки и украшений, поскольку дворцы были местом и сбора княжеской дружины, а у Владимира пировала и вся знать города, вплоть до выборных десятских и сотских. Причем первые каменные строения в Киеве от Византии не зависели. Летописец сообщает «о тереме каменном» княгини Ольги. Этот «терем» был обнаружен киевской археологической экспедицией в 1970 г. И терем Владимира был воздвигнут раньше Десятинной церкви. Более того, Десятинная церковь оказалась уже в центре светских каменных построек, как бы объединяя их вокруг себя.

Первый упоминаемый летописью храм Ильи, где во времена Игоря его дружинники-христиане приносили клятву при заключении договора с греками, видимо, был деревянным. Остатки его не найдены, несмотря на точное указание летописца места его расположения. Первой фундаментальной каменной постройкой явилась Десятинная церковь. К сожалению, разрушенная в 1240 г., она изучалась лишь по руинам да по немногим письменным свидетельствам. Известно, что для русского зодчества, по сравнению с византийским, характерно устремление вверх (откуда «верхи»). Византийские храмы были более приземленными. И Десятинная церковь реконструируется как огромный трехнефный храм, соответственно с трех сторон окруженный галереями. Венчали его 25 глав, что, по-видимому, не предполагало какой-то символики, а ориентировалось на эстетическую логику всего строительного комплекса. Внутри храм был украшен мозаикой и фресковой живописью, панели и полы были из полированного камня.

В связи с согласием принять митрополита из Византии Ярослав Мудрый организовал строительство Софийского собора, который изначально должен был затмить Десятинную церковь, где гнездились его противники. В летописях есть разноречия о времени сооружения храма. Не исключено, что он

был заложен сразу после занятия Ярославом Киева, но затем строительство было прервано, поскольку Ярослав до 1036 г. предпочитал пребывать в Новгороде. По летописи, храм был сооружен и освящен в 1037 г. Но строился он, конечно, не один год, и в настенных *граффити* (от итальянского «выцарапывание») находят указание на 1032 г., т. е. в это время стены храма существовали. Кстати, сами граффити являются интересным историческим источником. Киевский ученый С.А. Высоцкий много лет посвятил изучению этих записей XI—XVII вв., коих нашел около 300. Но в большинстве это именно *древние граффити*. Содержание их разнообразно. Это и записи о кончинах князей, и о событиях военно-политического характера, и просто чьи-то просьбы к Богородице: «защити и помилуй». В целом своеобразная настенная летопись, где даже для тех, кто еще не овладел грамотой, на стене был начертан алфавит. Вероятно, кто-то из клира руководил составлением этой настенной летописи

Софийский собор в Киеве — это музей. Внутри сохранились (или реставрированы) прекрасные фрески, во многом мирского содержания (сцены охоты, народных игрищ, изображение Ярослава с его семьей и др.), мозаики — кубики почти 200 оттенков. Красочно расписывались и внешние фасады. Создавая этот храм, Ярослав утверждал и приоритет Киева, и собственное могущество. На галереях двух ярусов храма могли разместиться до 4 тысяч человек. Он значительно превосходил Константинопольскую Софию.

Пирамида Софийского собора из 13 высоких глав, видимо, навеяна была самому Ярославу новгородским деревянным 13-главым собором. Позднее киевскому Софийскому собору будут подражать. В 1045—1050 гг. в Новгороде сын Ярослава Владимир тоже построит каменный Софийский собор, и пятилетний срок в данном случае указывает, видимо, на то время, которое требовалось для сооружения подобного строения. Новгородская София тоже музей и история, но киевской Софии этот памятник уступает. Уступал киевскому собору и еще один собор Софии, сооруженный вскоре в Полоцке.

В 1036 г., т. е. практически одновременно с киевской Софией, в Чернигове был освящен Спасский собор. Не исключено, что для Ярослава было важно превзойти его, поскольку в Чернигове княжил главный его соперник Мстислав. Черниговский Спасский собор в целом ориентировался на Десятинную цер-

ковь, но явно уступал ей (не было галерей, только одна лестничная башня вела на хоры).

Великолепные мастера-архитекторы всюду работали в гармонии с художниками. Это чувствуется практически в каждом храме. Имя *Алимпия (Алипия)* было прославлено уже в XI в., в конце которого он, по-видимому, и работал. Известны имена и других древнерусских мастеров: А.А. Медынцевой удалось в граффити новгородской Софии прочесть имена художников, расписывавших храм в середине XI в., — Георгий, Сежир, Олисей. В 1108—1112 гг. храм заново расписывали живописцы Стефан, Микула и Радко.

В быту крестьян XIX и начала XX столетия невозможно представить избы, где бы не было в правом углу иконы, чаще всего Николы Угодника или Божией Матери с младенцем Иисусом. В X—XI вв. на Русь приходят отдельные византийские иконы, одна из которых станет знаменитой иконой «*Владимирской Божией Матери*». Ей будут посвящены сказания, и она будет помогать воинам в сражениях с неверными. В это же время рождается и распространяется собственно *русская иконопись*. Икона Божией Матери, найденная в Ярославском Спасском монастыре и приписываемая Алимпии, имела размер 126 на 194 см. Немного меньше икона Георгия времени Владимира Мономаха, хранящаяся в Музее Московского Кремля. В мозаике киевского Софийского собора над алтарем возвышалась Богоматерь Оранта в 5,5 м.

Практически все дошедшие до нас рукописи поражают качеством и разнообразием художественного обрамления. В заставках и буквицах живая жизнь: фигуры людей, животных, растения. Уже «Остромирово Евангелие» украшено миниатюрами, в которых чувствуется связь с определенным кругом читателей: рисунки напоминали драгоценные перегородчатые эмали золотых диадем, ожерелий, серег-колтов. Примерно тот же стиль в «Изборнике 1073 года», где изображена семья Святослава: пышные одеяния княжеской семьи художника интересовали больше, чем лица, а одеяния показывали, что так думали и те, кто старался отличиться именно богатством одежды. Но в этом проявлялось и своеобразное воплощение мирского начала, отрицание аскетизма и претензий на приоритет церковного начала.

Аскетическое начало, проповедовавшееся в *Киево-Печерском монастыре*, по-своему отразилось и в архитектуре. Церковь

Богородицы, построенная в 1075—1078 гг. и почему-то освященная только в 1089-м, во всех отношениях отличалась скромностью. Здесь нет ярусов и живописности. Венчает храм одна массивная глава. Нет галерей и лестничных башен. Вход на хоры помещен внутри северной и западной стен. И во многих городах — новых феодальных центрах, в XII в. появятся подобные храмы или еще более упрощенные, четырехстолпные. Даже Успенский собор во Владимире был первоначально одноглавым: пятиглавым он стал лишь при Всеволоде Большое Гнездо. В конце XII в. намечается новый подъем архитектуры и в других княжествах. Но судить о них приходится практически только по археологическим материалам. В одном Смоленске было 30 каменных храмов, ни один из которых не сохранился. Разрушение же памятников лишает возможности представить их внутреннее убранство и художественный уровень фресок и икон.

Специалисты обратили внимание на то, что владимиро-суздальское зодчество второй половины XII в. имеет много общего с архитектурой Южной Германии примерно того же времени. Объяснение этому можно найти в связях Галицкого княжества с этим регионом: галицкие князья претендовали на австрийское герцогство, считая его частью исторической Дунайской Руси, а у владимирских князей были с галичанами традиционные родственные и политические связи. Но есть в этой связи и более важные наблюдения. Г.К. Вагнер, изучая храм Юрьева Польского, построенный незадолго до монгольского нашествия, обнаружил знакомство строителей и с западной, и с болгарской, и с кавказской архитектурой, что так или иначе выразилось в камне. И с учетом более поздней практики он дал объяснение такой осведомленности русских архитекторов и строителей. Заказы обычно предполагали торги, на которых конкурировали разные строительные артели. Сам торг уже во многом просвещал. Для победы же над конкурентами требовалось привнести что-то оригинальное. Конечно, многое зависело и от цены, которую способен заплатить заказчик: одно дело князь, другое — сельская или даже городская община.

В целом уровень культуры домонгольской Руси был весьма впечатляющим, причем особенно он был высок на заре христианизации, при Владимире и Ярославе, которым удавалось в известной мере удерживать единство Руси, а главное — *само рус-*

ское христианство было оптимистично возвышенным и потому терпимым ко всевозможным частным отклонениям, в том числе в сторону мирского и язычества. Истинное творчество всегда требовало и требует постановки больших проблем и свободы для их осмысления. Новый подъем искусства в конце XII — начале XIII в. был связан с преодолением крайностей аскетического взгляда на мир. Но отчасти это же обстоятельство обострило междукняжеские отношения как раз накануне монголо-татарского нашествия.

Литература

Литература по самым разным аспектам культуры огромна, и библиография может занять несколько томов. Здесь предлагаются работы, вводящие в проблемы, в том числе и в более специальную или посвященную частным вопросам литературу. Книга Н.А. Барской поможет ориентироваться и в специфической терминологии, и в содержании конкретных образов, и ориентирована она главным образом на молодого читателя.

Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования / Сост., вступ. ст. В.В. Мильков. М., 1997.

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М., 1993.

Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964.

Вагнер Г. К. Формирование исторической проблематики в русском искусстве X—XIII веков // Вопросы истории. 1972. №10.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т.1. М., 1961.

Воронин Н. Н., Кузьмин А. Г. Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. 1972. № 9.

Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. XI—XII вв. Киев, 1976.

Грaбарь А. Н. Светское искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.; Л. 1962.

Златоуструй. Древняя Русь X—XIII вв. / Сост. А.Г. Кузьмин, А.Ю. Карпов. М., 1990.

История культуры Древней Руси. Т.1—2. М.; Л., 1951.

Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.

Кузьмичев И. К. Лада, или Повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть. (Эстетика Киевской Руси). М., 1990.

Крутова М. С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.

- Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973.
- Лазарев В. Н.* Живопись и скульптура Киевской Руси // История русского искусства. Т.1. М., 1953.
- Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960.
- Лазарев В. Н.* Русская иконопись. От истоков до начала XVI в. М., 1983.
- Логвин Г. Н.* София Киевская. Киев, 1971.
- Марков В. М.* Путятин минея как древнейший памятник русского письма // Slavia. №4. Praha, 1968.
- Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI–XIV вв. М., 1978.
- Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб., 1999.
- Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975.
- Перевезенцев С. В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.
- Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.
- Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // Slavia. №2. Praha, 1963.
- Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1976.

ГЛАВА VIII

Монголо-татарское нашествие и его последствия

§ 1. «ЕВРАЗИЙСТВО» И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

До недавнего времени проблема монголо-татарского нашествия и его последствия ни у кого не вызывали никаких сомнений: все источники — русские и иностранные, данные археологии и фольклора показывали картины страшного разорения и опустошения, уничтожения многих народов, в том числе и собственно монгольских племен, ставших результатом завоевательных походов монголо-татарских полчищ. Археологи всегда имели четкую границу: домонгольское время на Руси — это одно, послемонгольское, как правило, нечто другое, во всех отношениях уступающее первому. И вдруг широким потоком двинулась так называемая «евразийская» литература, в которой, игнорируя все ранее известные факты, стали возвышать «империю Чингисхана». Более того, все более широкое распространение получили утверждения, согласно которым Россия даже своим существованием обязана «великим монголам». Особую роль в пропаганде «евразийства» сыграли книги и статьи *Л.Н. Гумилева*.

Для понимания истоков появления концепции «евразийства», построенной на фальсификации фактов, необходимо помнить, что в основе ее возникновения лежат *украинский национализм XIX в. и пантюркистская идеология «младотурок» начала XX в.*

В XIX столетии известный историк М.П. Погодин, сопоставляя язык летописей Киева, Новгорода, Владимира и Ростова, пришел к выводу, что в домонгольский период язык основных центров Руси был единым, что и неудивительно, если учесть потоки переселенцев и с севера на юг и с юга на север. Этот вывод был подтвержден всеми крупными русскими лингвистами,

указавшими в то же время на расхождение наречий. Расхождение же наречий сам Погодин объяснял тем, что коренное население Киевщины было смыто или уничтожено монголо-татарами в XIII в., а позднее из Прикарпатья пришло население, говорившее на ином диалекте. Вполне убедительное объяснение встретило яростное противодействие идеологов нарождавшегося украинского национализма. По их убеждению, Киев не был центром единой древнерусской народности, а только центром малороссов-украинцев (примерно на этих же позициях стоит и современный украинский национализм). И когда украинский историк И. Левицкий в 1876 г. в соответствии с источниками заключил, что «после татарского нашествия Украина стала пустынею», на него немедленно обрушился видный украинский историк-националист М.А. Максимович. Автор интересных работ о начале Руси, он в данном случае резко возражал против признания факта «запустение». А для этого ему пришлось отказаться от всех имевшихся и широко известных фактов, попросту обеляя монгольских завоевателей. Столп украинского национализма XIX в. М.С. Грушевский пошел еще дальше: он увидел в монгольском завоевании благо, усматривая его в «обескняжении». При этом Грушевский даже не заметил, что он таким образом подтвердил правоту Погодина: ведь на северо-востоке Руси ничего подобного не произошло и не могло произойти.

Идеология младотурок, пришедших в 1908 г. к власти в Турции, представляла собой вариант тюркского нацизма и расизма, весьма близкий к немецкому и имевший ярко выраженную антироссийскую направленность. Главным идеологическим и политическим лозунгом младотурок было создание «Великого Турана». Все население от Адриатики до Японии делилось на 12 уровней тюркского этноса. Высшим, естественно, признавалось население Малой Азии.

Евразийство, как таковое, зарождается в 1921 г. в Болгарии, т. е. на стыке славянского и тюркского миров. Группа эмигрантов в основном киевского происхождения — *Н.С. Трубецкой, П.И. Савицкий* и некоторые другие обратились с призывом вернуться в сторону Востока. *Н.С. Трубецкой*, развивая заявленные идеи, вполне в духе младотурок, «зачислил» в «туранский», т. е. тюркский, этнический массив угро-финнов, «самоедов», манчжур и монголов. Спекулятивность этого построения ясна из того, что, будучи видным лингвистом, *Трубецкой*

должен был бы различать языки этих народов, имеющих разное происхождение (впрочем, и на славянском материале, как показал не менее известный ученый А.М. Селищев, Трубецкой бесосновательно фантазировал). Историков же у евразийцев на этом этапе не было вообще, а позднее к ним примкнет только один — *Г.В. Вернадский*, которому и будет следовать, сгущая его домыслы и фантазии своими, Л.Н. Гумилев. Сам же Г.В. Вернадский под воздействием критики в последние годы жизни в значительной степени отошел от «евразийства». К середине 20-х гг. «евразийство» широко распространилось и в Европе, и в далекой Маньчжурии в среде белой эмиграции. Но уже в 30-е гг. «евразийское» движение практически перестало существовать.

Возродилось оно уже в советское время в работах Л.Н. Гумилева. Объединяя так или иначе три степных этноса (хазар, половцев и монголов, которые в реальной истории противостояли друг другу), Л.Н. Гумилев начал утверждать мнение о благодатной роли «Степи» по отношению в славянским землям. Иначе говоря, Л.Н. Гумилев предпочитал смотреть на историю России с точки зрения *интересов Степи, степных народов*. В результате он пришел к выводу о благодетельном характере монгольского завоевания для Руси и для других народов (что десятки их, в том числе и сами татары, были уничтожены, евразийцы не замечали то ли по безграмотности, то ли по определенной «младотурецкой» заданности).

Ни Гумилев, ни его многочисленные последователи не хотели замечать важнейшего факта — *«Лес» и «Степь» противостояли друг другу на протяжении ряда тысячелетий*. И связано это было с хозяйственными различиями: в лесной зоне существовало оседлое земледелие, а в степи — кочевое животноводство. Хозяйственный уклад предопределял и различия в менталитете. Земледельцы были привязаны к земле, и в большинстве случаев объединялись по территориальному принципу. Кочевники же объединялись патриархальной иерархией с жесткой системой соподчинения. Жизнь на колесах больше располагала и к агрессивности, и к паразитарности. И не имело значения, было ли кочевничество изначальным или вторичным, когда по тем или иным причинам кочевниками становились бывшие оседлые племена. *Кочевники всегда выступали в качестве захватчиков, завоевателей и грабителей земледельческих племен*. Одна из самых ярких раннеземледельческих культур — трипольская была

разрушена во II тыс. до н.э. кочевниками, говорившими на родственном языке.

Киевской Руси приходилось в течение нескольких столетий противостоять набегам кочевников — хазар, печенегов, половцев. Но наиболее страшным и губительным для русских земель стало именно монголо-татарское нашествие в XIII в.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ ЧИНГИСХАНА

Ценнейшим источником при освещении проблемы образования **Монгольского государства** является «*Сокровенное сказание монголов*», написанное в 1240 г., а в историографии, наряду со специальными работами, следует выделить книгу В. Чивилихина «*Память*», в которой самостоятельно и вполне профессионально исследованы вопросы, на которые историки не дали полноценных ответов.

«Сокровенное сказание», т. е. тайное, рассчитанное на узкий круг придворных, дает биографию *Темучина-Чингисхана* (1155/1162–1227). Темучин начинает проявлять характер с детства, убив своего брата. Мать отчитывает Темучина и его брата Хасара, соучастника убийства: «Нет у вас друзей, кроме собственной тени». Сама Монгольская держава возникла в результате длительных междоусобных войн, в ходе которых разные роды старались уничтожить или подчинить соседей. Позднее Темучин, уже провозглашенный в 1206 г. Чингисханом, уничтожит монгольское племя *татар*, и «татарами» *монголов* будут именовать лишь со стороны, видимо, потому, что некогда это племя было известно соседям как особо примечательное, а какая-то часть татар уцелела и рабски служила Чингисхану. В «Сокровенном сказании» объясняются и причины ненависти Чингисхана к татарам: это была кровная месть, и Чингисхан мстил за отца, отравленного некогда татарами. В «Сказании» сюжет передан и в стихотворной форме:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь,
Всех мечом до конца истребим;
Примеряя к тележной оси,

Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим.

Татары были уничтожены в конце XII — начале XIII в. «Все татарские мужчины, взятые в плен, были перебиты, а женщины и дети розданы по разным племенам. Две татарки... были взяты в жены самим ханом», — сообщает «Сокровенное сказание». В 1204 г. были разбиты последние группы бежавших в алтайские леса татар. Чингисхан приказал перерезать всех, включая женщин и детей. И все-таки, видимо, кроме тех, кто ранее перешел к нему на службу или же тайно содействовал ему. В итоге многочисленных усобиц сложилась *иерархия монгольских родов* с жесточайшей дисциплиной и борьбой за место в иерархии главным образом путем заговоров и придворных переворотов, сопровождаемых безжалостными убийствами. Борьба велась за пастбища, стада, иное имущество, и, естественно, обратилась на немонгольских соседей, которым в лучшем случае предназначалась роль низшего звена в монгольской иерархии. Монгольские сказания передают жизненный идеал Чингисхана: «Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы покорить мятежников и победить врага, взять то, что он имеет, заставить вопить слугителей его, заставить течь слезы по щекам их, сидеть на их приятно идущих жирных конях, целовать румяные ланиты и алые уста их жен».

Коварство служило важным оружием во внутренних смутах и тем более в войнах с другими народами. Подкуп, опора на изменников и перебежчиков — также оружие, созданное во внутренних войнах и постоянно оттачиваемое в завоевательных походах. Именно сталкивая соперничающие роды и города, используя продажных чиновников, монголам удалось покорить Китай в ходе продолжавшихся почти столетие войн. Те же приемы в начале XIII в. использовались против государства чжурчженей, где удалось вызвать и внутренние смуты, и натравить на чжурчженей едва ли не всех их соседей.

В XII в. наиболее развитым на Востоке было именно государство чжурчженей. Оно занимало территорию от Амура до Хуанхе, являясь восточным соседом монгольских племен. После многолетней борьбы коварство победило силу: держава чжурчженей пала, обогатив монголов и драгоценностями, и техникой. Мощные каменные оборонительные линии не смогли удержать монгольскую конницу, когда очаги военных действий

возникали и на собственной территории чжурчженей. В постоянных войнах вырастали и истинные полководцы. В «Сокровенном сказании» упоминаются «четыре пса Темучина, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные дбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли; они пьют росу, ездят по ветру; в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюни; они радуются. Эти четыре пса: *Чжебе, Хубилай, Чжелме и Субудэй*». Позднее Субудэй и Чжебе будут возглавлять и поход на Запад.

В. Чивилихин, рассуждая о причинах, почему войско Чингисхана называли именем уничтоженного племени, предположил, что какую-то часть плененных татар пускали в сражениях в первых рядах «на убой». Такая тактика у монголов была постоянной. Если новгородцы изгнали князя за трусость, а Святослав вызывал восхищение летописца тем, что он всегда был впереди дружины, то у монголов хан с монгольскими отрядами всегда находился позади сражающегося войска. В авангарде же сражались, как правило, воины, набранные из покоренных племен, или пленные, которым ради этого сохранили жизнь. При осаде же городов впереди гнали женщин и детей пригородного населения, которыми готовы были засыпать рвы.

Был у набранных монголами разноплеменных воинов и еще один «стимул»: никакого централизованного обеспечения питанием не предусматривалось, поэтому каждый воин все необходимое должен был добывать в боях и разграблениях завоеванных селений. Таким образом, грабеж завоеванных земель был заранее предопределен и избежать этого было практически невозможно. *Война становилась способом существования огромной массы вооруженных людей.*

Может быть, именно потому, что среди тех, кого гнали «на убой», было немало татар, это имя ассоциировалось и со всем войском. Рашид-ад-Дин, знавший историю монголов как бы изнутри (он служил у персидских потомков Чингисхана), разъяснил это обстоятельство: «Многие роды поставляли величие и достоинство в том, что относили себя к татарам и стали известны под их именем. Подобно тому, как найманы, джалауры, онгуты, керайты и другие племена, которые имели каждое свое определенное имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было».

С аналогичной картиной приходится сталкиваться и в наше время. И исторически, и антропологически современные *казанские татары* — *потомки волжских булгар*, испытавших такое же разорение, как и Русь. Тюрки и монголы же вообще резко различались и по антропологии, и по языку. Монголоидной примеси у казанских татар не больше, чем у русских. («Монголоидными» являются некоторые народы Восточной Сибири, а в Европейской части России едва ли не единственные — калмыки).

Можно обратить внимание еще на одну закономерность: ханы, каганы и императоры обычно ближайшую дружину набирают не из своего рода и даже не из своего племени, инстинктивно или сознательно опасаясь, что с ними поступят так же, как некогда поступили они сами. Когда в начале 80-х гг. XII в. представители разных родов избрали Темучина ханом, большинство монгольской знати выступало против него и возглавленного им объединения. Эта борьба продолжалась более двадцати лет, и в ходе ее было уничтожено большое число не только родственных родов, но и многие из ближайших родичей. Сама война первоначально была направлена против побратима Темучина Чжамухи, которого поддерживали большинство монголов. И в 1206 г. стотысячное войско Темучина-Чингисхана в основном состояло из побежденных кераитов и найманов. По сообщению Рашид-ад-Дина, личной тысячей Чингисхана руководил тунгут Чаган, десятитысячный отряд возглавлял Туганваншай — из народа чжурчженей, тунгусской языковой ветви. В списке нойонов-тысячников шесть татар, четыре ойрата, меркиты, урянхайцы, онгуты и др. К урянхайцам (выходцам из горного Алтая) принадлежал и лучший полководец монголов Субудей. В результате подобного принципа формирования монгольского войска сами монголы практически не принимали участия в сражениях. *У монголов была иная функция — функция устрашения.* Поистине, как отмечается в китайском источнике, «победители геройствовали силами покоренных народов».

Монгольское войско строилось по *десятеричной системе*, и соответственно возглавлялось оно десятскими, сотскими, тысяцкими и «темниками», возглавлявшими «тьму» — 10 тысяч. Порядок в войске поддерживался жесточайшей дисциплиной, а за любую провинность следовало только одно наказание — смерть. Причем, если кто-то из десятка допускал какое-то нарушение (не говоря уже о проявлении трусости на поле боя) — казнили весь десяток, если же в чем-то провинился весь десяток — казнили всю сотню. Казни были изощренными, а наиболее характерные — вырывание сердца и перелом спины. Подобные пред-

писания восходили к своду правил «Яса», введенных самим Чингисханом, причем поначалу это, видимо, был устный свод правил, так как сам Чингисхан был неграмотным.

Средняя Азия в начале XIII в. была зоной развитого орошаемого земледелия и городов, насчитывавших более сотни тысяч жителей, бывших центрами развитого ремесла и торговли. Хорезмшах Мухаммед (1200—1220) располагал значительными силами, не уступавшими по численности монгольским, — только в Самарканде было сосредоточено до 200 тысяч человек и 20 боевых слонов. Но внутренние противоречия не позволяли собрать силы в единый кулак. Не было и доверия ни к правителям отдельных городов, ни к охранявшим их воинским отрядам и военачальникам, которые в любое время могли повернуть оружие против Мухаммеда. Чингисхана же постоянно сопровождали мусульманские купцы, выступавшие в роли советников — с какой стороны лучше подойти к их единоверцам. Бухара, Самарканд, Мерв, Ургенч и другие города были взяты монголами в 1219—1221 гг. менее чем за три года, причем нигде ресурсы обороны не были до конца использованы. Конечно, сыграла свою роль китайская стенобитная техника, используемая монголами. Но главная причина поражения — раздробленность и внутренняя несогласованность среднеазиатских правителей. А итог — сотни тысяч убитых и разрушенные города.

Самое упорное сопротивление монголы встретили у Ходженда, где был наместником Тимур-мелик. На осаду Ходженда Чингисхану пришлось выделить двадцать с половиной тысяч монгольского войска и 50 тысяч пленных. Известный востоковед В.В. Бартольд замечает по этому поводу: «Эти цифры характерны для излюбленного монголами способа ведения войны; при осаде городов они гнали перед собой пленных, захваченных ими окрестных сельских жителей, употребляя их в качестве щита против стрел осажденных и заставляя их пролагать путь монгольскому войску; иногда пленных выстраивали военными отрядами и раздавали им знамена, чтобы осажденным монгольское войско казалось многочисленнее, чем оно было на самом деле». Иначе говоря, двадцать с половиной тысяч — это не монголы, а зачисленные в монгольское войско ранее плененные или добровольно перешедшие на службу к монголам выходцы из покоренных племен и народов.

Субудэй и Джебе в 1220 г. отпросились (или были посланы) преследовать Мухаммеда, прошли через Северный Иран, раз-

грабили Азербайджан и вышли к границам Грузии. Пограничная зона Грузии была разорена, но зимовать войско отошло на юг. В 1221 г. вся Грузия была разорена, и монголы вышли на Северный Кавказ. Субудэй испросил у Чингисхана разрешения идти на кипчаков-половцев. В 1222 г. через «Железные ворота» у Дербента — обычный путь кочевников с юга на север и с севера на юг — тридцатитысячная конница Субудэя и Джебе прорвались на степные просторы. Аланы и кочевавшие здесь половцы попытались оказать сопротивление, но в решающий момент половцы покинули алан. В результате были разгромлены и аланы, и половцы. Половцы бежали частью в Крым, частью за Днепр в русские земли. Монгольская конница преследовала их в обоих направлениях.

Современник событий арабский историк Ибн-ал-Асир (ум. 1233 г.) дает общую оценку походам монголов эпохи Чингисхана: «Летописи не содержат ничего сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное, что сделал Навуходоносор с Израильтянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима? И что такое Израильтяне в сравнении с теми, кого они перебили! Ведь в каждом городе жителей, которых они избили, было больше, чем всех Израильтян... Ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародышей». А другой современник, армянский историк Киракос Гандзакети (1201—1272), предполагая, что многие будут рассказывать о трагических событиях, заверяет, что «все их повествования будут ниже действительности. Бедствия, которые постигли все страны, превосходят все, что история может рассказать». И в достоверности подобных свидетельств сомневаться не приходится. За 20 лет походов Чингисхан и его потомки покорили 720 различных племен и народов, многие из которых были уничтожены. В 1220 г. столицей Монгольского государства стал город Каракорум в долине реки Орхан.

Дальнейшие события изложены и русскими летописями. Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская Первая летописи выделяют разные факты и симпатизируют разным князьям. Но отражают они одно и то же событие — *битва на Калке в 1223 г.*

Все летописи отмечают неожиданность появления неизвестного народа из неизвестной земли. Текст, дошедший до нас в из-

ложении В.Н. Татищева, возможно, передает одну из наиболее ранних (ростовских) редакций: «Приидоша языци незнами, безбожнии агаряне, их же никто добре весть, кто суть, откуда изыдоша, и что язык их, коего племени и что вера их. Зовутся бо татаре, кланяются солнцу, луне и огню. Неци зовутся таурмени, ини зовутся кумани, ини монги. А инии сказуют, яко многи племены и народы от скиф восточных, совокупившиися и других покоривше, заедино зовутся».

Наиболее обстоятельный рассказ содержится в Новгородской Первой летописи, и главным героем повествования является незадолго до того уехавший из Новгорода в Галич *Мстислав Мстиславович Удалой* — действительный герой сражения на Калке. Интересно, что Лаврентьевская летопись даже не упоминает его имени, выражая радость по поводу того, что Василек с владимирской помощью не пошел далее Чернигова. Сама битва в летописях датируется **31 мая 1223 г.** В Рогожском летописце, Никоновской летописи и у Татищева указывается дата 16 июня, при этом у Татищева указан и день: пятница. 16 июня действительно приходилось на пятницу и обычно это — свидетельство современной записи. Возможно, речь идет о *начальной и конечной* датах выступления от Киева вниз по Днепру и до собственно Калки. В Тверском сборнике 16 июня обозначено вокняжение в Киеве Владимира Рюриковича. В Рогожском летописце вне связи с текстом вставлена фраза о «17 днях», а это как раз время от 31 мая до 16 июня.

У В.Н. Татищева содержится целый ряд и иных оригинальных подробностей. У него, в частности, сказано, что численность татарского или смешанного войска оценивалась в *200 тысяч*, а оказалось их еще более. Не исключено, что к 30 тысячам, выделенным Субудэю и Джебе в Средней Азии, было направлено подкрепление, а кого-то, в том числе, как и позднее, из бродников, половцев и алан, смогли мобилизовать и они сами.

Половцы, первыми испытавшие удар монгольского войска, обратились за помощью к русским князьям, а уговаривал русских князей прийти на помощь половцам Мстислав Удалой. В Киеве был созван княжеский съезд, на котором и было решено оказать помощь, поскольку аргумент половцев представлялся убедительным: «Сегодня нас, а завтра вас». В результате русским князьям удалось собрать большое войско, только владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович послал на

помощь один ростовский полк, который так и не успел к сражению.

Русское войско рассчитано с точными цифрами: «Князь великий изчислил все войска, которых с ним было: киевских, переяславских, городенских, черных клобуков и поросян (жителей по реке Роси. — *А.К.*) 42500. Со Владимиром Рюриковичем, смольнян и туровцев 13 тысяч 800, с князем Мстиславом черниговских и северских 21300, да вятич 2000, со князем Мстиславом галичан, владимирцев, лучан и подунайцев 23400 и протчие младшие князи с ними. Всего *сто три тысячи*, какого русского войска давно вкупе не бывало. К тому ожидали новгородских, Василька с ростовцы, от Юрия из Белой Руси (так у Татишева обозначается Владимиро-Суздальская земля. — *А.К.*) и резанских войск; також половцы обещали до 50000, собрав, присовокупить». Потери только киевлян (т. е., очевидно, собственно Киевского княжества) в битве с монголо-татарами летописи определяют в 30 тысяч человек. А это позволяет внимательно отнестись и к оценкам посторонних наблюдателей. Немного позднее итальянский путешественник Плано Карпини определял войско Батыя в 160 тысяч монголов и 450 тысяч набранных из покоренных народов. Рашид-ад-Дин, располагавший документами монгольского происхождения, собственно монгольское войско, распределенное по завету Чингисхана между наследниками, определял в 129 тысяч человек. Но монгольский элемент всегда составлял лишь малую часть монгольского войска.

Начало было успешным для русско-половецкого войска. Мстислав Удалой переправился через Днепр с 10 тысячами конников и разгромил передовые отряды татар. Любопытно, что татарский «воевода» Гамябек, по Татишеву, надеялся на помощь половцев и «ушел в курганы половецкие». Но половцы пришли на помощь Мстиславу и перебили всех взятых в кольцо татар.

В течение восьми дней русские дружины продвигались в глубь степи на восток, уничтожая татарские дозоры и разъезды. Но с самого начала обнажилась слабость многочисленного русского войска: они ничего не знали о противнике и не сумели организовать эффективную разведку. Кроме того, отсутствовало единое командование, и каждый князь со своей дружиной самостоятельно решали, что и как им делать. Все это предопределило поражение русско-половецкого войска.

Мстислав Удалой вырвался вперед и успешно продвигался в сторону основных татарских сил, а Мстислав Романович Киев-

ский осуждал этот задор, поскольку считал себя главным (формально он таковым и являлся в качестве великого князя Киевского) и потому никакого содействия галицкому князю не оказывал. А с началом битвы он со своим войском создал отдельный укрепленный лагерь в некотором отдалении от места сражения, не участвуя непосредственно в бою. В этом бою с основными силами монголо-татар русско-половецкие полки потерпели поражение. В результате же бежавшие с поля боя половцы расстроили дружины и киевского князя, и находившихся под его началом дружины других князей. Киевский князь заперся в своем лагере.

В отличие от русских князей, монголы всегда придавали большое значение разведке. На службе у татар каким-то образом оказались бродники во главе с Плоскиней. Именно Плоскиня уговорил киевского князя капитулировать, уверяя, что всех князей с почетом отпустят. И именно Плоскиня советовал татарам перебить всех плененных князей (хотя татары в такого рода советах никогда не нуждались). В итоге же всех плененных воинов татары перебили, а князей распластали по земле, положили на них доски и сели пировать. Вырваться с поля боя удалось только Владимиру Смоленскому, Мстиславу Удалому, молодому волынскому князю Даниилу и Мстиславу Луцкому.

Разгромив половцев и русские войска на Калке, татары устремились к Днепру и Северной земле, причем теперь проводниками у них были половцы. Татар, подошедших к Новгороду Северскому, горожане наивно встретили с крестами. Но татары вели себя как обычно: брали в полон, жгли, убивали.

Однако для дальнейшего продвижения у татар уже не было сил. На путях к Днепру и Северной земле они также несли большие потери от рассеянных небольшими группами остатков русских дружин. Владимир Рюрикович, князь смоленский, ночью ушел от Мстислава Киевского и собрал из разбежавшихся в разные стороны русских воинов отряд в 5000 человек. Этот отряд нанес татарам значительный урон, успешно отбивая нападения преследователей. Он возвращался в Смоленск, когда его перехватили киевляне и пригласили на княжение в Киев. На вече он был избран киевским князем.

Потери русских войск были огромны. В летописях говорится, что от Калки вернулся лишь один из десяти. Татишев называет и абсолютные цифры: погибло 12 князей и 70 тысяч воинов. Заключение же его достойно воспроизведения: «Татара хо-

тя так великое войско русское победили, но своих весьма много потеряли. И сами сказывают, что их на оном бою более 100 000 побито и хана их больший сын Тосхус убит, и если бы русские князи в согласии были и совокупно бились, то б татара и половцев при них разбить не могли. И видя татара такой в них великий упадок, не смели более на русских наступить, но и на области русские идти, хотя оные безлюдны остались и оборонять было некому, а пошли подле моря и, поплняя половцев, возвратились за Дон к Волге и за горы, и тако их до пришествия Батыя не слышно было. Половцев же из бежавших неколико в Русь пришли и крестились в разных городех, которым жители весьма ради были и давали им корм и помочь в поселении».

Трагедия, однако, не образумила князей. Страх и растерянность не проходили, но надеялись, что пришедшие невесть откуда и ушедшие невесть куда «татары», больше не вернуться. Но татары вернулись всего через 13 лет, а Русь оставалась все так же раздробленной.

§ 3. МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ

Чингисхан умер в 1227 г. Ранее он распределил улусы между сыновьями. Старшему Джучи были определены западные земли — собственно Европа. Джучи умер в 1227 г., еще при жизни отца (есть мнение, что его устранил сам Чингисхан, считая недостаточно жестким). Улус перешел к старшему сыну Джучи *хану Бату*, ставшему известным в русских источниках под именем *Батыея* (1208—1255). Но этот улус предстояло еще завоевать. Батыю было выделено лишь четыре тысячи монгольских семей, остальное же войско предстояло набрать, используя многолетний опыт формирования войска из пленных и покорных монголам племен и народов. Курултай 1229 г. избрал кааном (великим ханом) монгольского государства Угедея и принял решение об организации большого похода в Европу. Но продолжалась война с чжурчженями, и на запад отправился Субудэй с 30-тысячным войском, которому должны были помогать воины улуса Джучи, т. е. его сына Батыя. Субудэй закрепился в районе реки Яик, потеснив половцев, саксин и волжских булгар. Но на этом его успехи и закончились. Булгарам удалось остановить наступление монгольского войска у своих лесных пределов, хотя контролируемые ими степные территории были утеряны. Продолжались тяжелые бои с аланами, по-

ловцами и отступившими на север башкирами. К тому же Субудэй был отозван в начале 30-х гг. в Китай.

В начале XIII в. у болгар были напряженные отношения с Русью, причем перевес был на стороне Руси, хотя и болгары наносили существенный урон русским землям. В 1229 г. болгары начали интенсивно укреплять границу леса и степи, возводя валы и делая засеки, а также начали активные действия по установлению прочного мира с Русью, дабы обезопасить тылы. Великий князь Владимиро-Суздальский *Юрий Всеволодович* (1188–1238) шел навстречу, но особого энтузиазма не проявлял. Было заключено лишь перемирие на шесть лет (как раз до следующего большого похода монголо-татар).

В 1235 г. после окончательной победы над чжурчженями курултай подтвердил решения курултая 1229 г. Батыю было направлено подкрепление во главе с Субудэем, а остальное войско набиралось из числа покоренных народов. На Руси знали о появлении татар на границах Булгарии и Половецкой степи. Однако никаких мер русские князья по-прежнему не предприняли, а на просьбу о помощи со стороны болгар в 1232 г. Юрий Всеволодович не откликнулся, рассчитывая извлечь выгоду из ослабления Булгарии.

Под 1235 г. в Лаврентьевской летописи записана одна фраза: «Мирно бысть». На самом деле было вовсе не мирно. И в Новгородской Первой летописи довольно обстоятельно и с явным осуждением рассказано об усобице, в которую были втянуты Киев, Чернигов, Новгород Северский, Галич и Смоленск. В этой и некоторых других летописях рассказ начинается осуждением дьявола, который и «вздвиге крамолу меж рускими князи». У Татищева текст более обстоятельный, причем в примечании он удивляется тому, что киевский князь Владимир Ростиславич был захвачен в плен половцами, приведенными князем смоленским Изяславом Мстиславичем. Ему казалось, что после поражения на Калке половцы вообще не представляли значительной силы. А в степи тем временем происходили заметные перемены. Прибывшее из Монголии подкрепление во главе с Субудэем быстро установило господство над всем левобережьем Волги, а плененных воинов включали в состав монгольского войска. Так, в качестве низшего звена войска в него вошли башкиры, признавшие власть монголов. Переправились монголо-татары и на правый берег Волги, и здесь также старались использовать обычные противостояния племен и родов.

Под 1236 г. Лаврентьевская летопись кратко сообщает о походе с востока татар и взятии ими «славного великого города Болгарского». Татары «избиша оружием отъ старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша». У Татищева имеется важное добавление: во Владимиро-Суздальскую Русь бежали болгары, которых князь Юрий Всеволодович расселил по городам около Волги. Но на предложение об укреплении городов и объединении князей для сопротивления татарам Юрий ответил отказом, «надеяся на силу свою».

Монголо-татары в большие походы выступали обычно осенью, когда объекты нападения заканчивали уборку урожая. Смысл очевиден: весной во многих местах нечего было и грабить. Осенью 1236 г. был взят Великий Булгар. Осенью 1237 г. несметные полчища Батыея и Субудея двинулись на русские земли. (Правда, летом этого года монголо-татары совершили стремительные налеты на алан и половцев, а затем также на буртасов, мордву и мокшу, дабы обезопасить свои тылы.)

Поздней осенью отряды монголо-татар вышли к южным пределам *Рязанского княжества* и стали станом по реке Онузе (в других летописях «Нузле» или «Нухле»), выжигая окрестности. Рязанские князья обратились за помощью к Юрию Владимировскому, но тот в помощи опять отказал. Отказали в помощи и князья черниговские и новгород-северские. Рязанские, муромские и пронские князья остались один на один с огромной, собранной с пространства Сибири, Приуралья и примыкавших к Руси степей армией монголо-татар. Татарские послы предложили рязанским князьям признать свою покорность и уплатить дань (в большинстве летописей она измеряется десятой частью всего движимого и недвижимого имущества). Князья отказались и вышли к реке Воронеж, надеясь отстоять свою землю у ее южных пределов. Никакой предварительной разведки не было, и, лишь выйдя непосредственно к монголо-татарским станам, князья поняли, насколько несоразмеримы их силы по сравнению с полчищами Батыея. После срочного совещания, выявившего определенные разногласия, князья решили сражаться.

В летописях различно изложены и события, в том числе сражения на реке Воронеж, и имена князей. Путаница в именах наблюдается и у Татищева, что могло быть результатом соединения разных источников. У него особенно отличается муромский князь Юрий (в большинстве летописей названы лишь ря-

занские князья Юрий и Олег Ингваревичи). Татищев говорит о долгом и жестоком сражении, в котором татары понесли значительные потери и «так разсвирепели, что начали людей всюду побивать и пленить с великою яростию». Рязанские же князья отступили в свои города, за крепостные стены.

Летописи как определенный этап отмечают «пленение» Рязанской земли до Пронска. Это предполагает какое-то сражение или задержку войска Батыея у Пронска. Когда и как пал Пронск из летописей неясно. Позднейшая «*Повесть о разорении Рязани Батыем*» упоминает о взятии татарами городов Пронск, Белгород и Ижеславль (весьма обширное Ижеславское городище после разорения заново даже не застраивалось). К Рязани (Старой, бывшей столице княжества) войско Батыея подошло 16 декабря, 21 декабря Рязань пала.

Глубокие рвы и высокие валы, ограждавшие город, давали, казалось бы, возможность продержаться дольше. Но и здесь у монголов было опыта значительно больше, чем у русских дружин и городских ополчений. Монголо-татары, пользуясь многократным численным перевесом, вели непрерывный штурм, меняя отряды штурмующих, тогда как горожане оставались на городских стенах, и после двух-трех бессонных суток становились попросту недееспособными. «Батыево бо войско переменяшася, а гражане непрестанно бяшеся», — заметит по этому поводу автор «*Повести о разорении Рязани Батыем*». Описания же летописей, в особенности подробное Никоновской, о тотальном истреблении всего населения города, в том числе священников и монахов, вполне подтверждается материалами раскопок городища. Большой город, насчитывавший несколько десятков тысяч человек и, как обычно, принявший еще большее количество бежавших в столицу при приближении вражеского войска, был полностью уничтожен, а каменные храмы разрушены. Большой город погиб полностью, и на его месте позднее возникнет лишь небольшое поселение сельского типа. Столица же княжества и епархиальный центр в конце XIII в. перенесут в *Переяславль Рязанский* — нынешнюю Рязань.

От Рязани войско Батыея двинулось на *Коломну*. По-видимому, В. Чивилихин прав, предположив, что в зимнее время монголо-татарская конница шла по замерзшим руслам рек. Переяславль Рязанский отдален от реки и следов его разорения не видно. Путь до Коломны и время прихода полчищ Батыея к городу летописцам не были известны. У Татищева указано 1 января (в тексте издания дается явно ошибочное 1 февраля, записанное на поле одного списка «Истории»). На сей раз Юрий Всеволодович направил в помощь рязанскому князю Роману

Ингваревичу отряд во главе с сыном Всеволодом и воеводой Еремеем Глебовичем. Рязанский князь и владимирский воевода погибли в сражении под Коломной, а Всеволод с остатками дружины отступил к Владимиру.

Дальнейший путь Батыя шел на *Москву*. У Татищева указана дата: 20 января город был взят приступом и сожжен. Летописцы называют воеводу Филиппа Нянка, погибшего в сражении, и упоминают о пленении еще одного сына Юрия — Владимира. Картина разорения типичная: «Люди избиша отъ старьца и до сущаго младенца, а град и церкви святыя огневи предаша, и манастиры вси и села пожгоша, и много именья въземше отъидоша», — сообщает Лаврентьевская летопись.

Растерянность во Владимире нашла отражение только в «Истории» Татищева, ссылающегося в примечании на целый ряд летописей, ныне неизвестных. На совете, созванном Юрием Всеволодовичем, были высказаны два предложения. «Многие разумные», как отмечает Татищев, советовали все княжеское и церковное имущество, княгинь и женщин вывести в лес, а в городе оставить только воинов. Но другие возражали, опасаясь падения боевого духа владимирцев, которые «оборонять града прилежно не будут», поэтому советовали уйти из города только князю с дружиной.

На полях рукописи Татищев осудил второе предложение как «неразсудное», но тогда, зимой 1238 г., именно это предложение и было реализовано. Юрий в церкви Богородицы простился с княгиней и детьми Всеволодом и Мстиславом, которым вместе с воеводой Петром Оследюковичем поручалось защищать город, а сам с племянниками Васильком и Владимиром Константиновичами отступил 2 февраля за Волгу и стал на реке Сите. Брат же его Иван Стародубский поступил так, как советовали «разумные» Юрию: вывез княгиню с детьми и со всем имуществом, а также имущество города Юрьева за Городец и за Волгу в леса, оставив в городах лишь воевод с воинами. К Юрию же на помощь сам он не успел.

3 февраля монголо-татары подошли к Золотым воротам *Владимира* и, выведя плененного в Москве сына Юрия Владимира, предложили сдать город, обещая сохранить горожанам жизнь. Горожане отказались стать пленниками, и на их глазах был казнен плененный Владимир.

Как обычно, монголо-татары обнесли город частоколом, дабы никто из него не мог выйти, и готовили стенобитные орудия

(пороки) и катапульты — камнеметательные орудия. А тем временем были отправлены отряды, которые взяли *Суздаль, Юрьев, Стародуб*, — всего, по летописям, *14 городов*, «а людей всюду побивали и пленили», заметит Татищев. На основании всех летописей список этот можно представить: *Суздаль, Ростов, Ярославль, Кострома, Городец, Вологда, Галич-Мерьский, Юрьев, Переяславль Залесский, Тверь, Торжок, Дмитров, Волок-Ламский, Углич, Стародуб, Кашин, Кснятин*. Это практически все города Северо-Восточной Руси, их больше 14. Но 14 городов — это лишь те, что были взяты и разрушены татарами в феврале 1238 г. А продвижение в сторону Новгорода продолжалось и в марте нового года. Лаврентьевская летопись дает наиболее развернутое описание разорения Суздала: «Святу Богородицу разграбиша, и двор княжь огнем пожгоша, и манастырь святаго Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша; а черньци и черницы старыя и попы, и слепыя и хромыя и слукыя и трудоватыя, и люди все иссекоша, а что чернець уных и черницъ, и попов и попадий и дяконов и жены их, и дчеры и сыны их, то все ведоша в станы свое».

В субботу 7 февраля под стенами Владимира заработали монгольские пороки и катапульты, и 8 февраля с разных сторон нападавшие ворвались в город. Княгиня с дочерью, снохами и внуками, другие княгини с детьми вместе с епископом Митрофаном, боярами и «всего народа людий», закрылись в храме Богородицы, где все постриглись в монашеский чин. И все погибли в огне: татары сначала зажгли огненные костры снаружи, а затем, выломав двери, и внутри. Князья погибли, защищая Печерный город, центральную часть города Владимира, сохранившую кое-какие укрепления от первоначально-го Владимира. Лаврентьевская летопись перечисляет имена и безымянных убитых архимандритов и игуменов, а также «оть унаго и до старца и сушаго младенца, и та вся иссекоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и без покровен въ станы свое, издыхающе мразом».

Князь Юрий Всеволодович попытался остановить продвижение татар. **4 марта 1238 г.** произошла битва на реке Сити. Василько Константинович попал в плен, а сам Юрий погиб, затем, уже мертвый, был обезглавлен (голову нашли позднее и присоединили ее к телу). Вскоре убили и Василько, который отказался исполнить «поганьский» татарские обычаи (напомним, что в ту пору монголо-татары были язычниками). Брошенное в лесу тело князя обнаружила некая «жена верна» и сохранила в

укромном месте. Узнав об этом, епископ Кирилл и вдова Василька перенесли тело в Ростов и положили также в церкви Богородицы. Татищев указывает на возраст князя: 29 лет. Он же подчеркивает то, что князь «вельми изучен был многому писанию, рукоделиям и хитростям» (т. е. изобретательности).

Татищев вновь напоминает, что татары потеряли на Сити и в других столкновениях больше, нежели русские дружины. Но Русь израсходовала все свои резервы. Продвигаясь на запад и северо-запад, войско Батыя дошло до Галича Мерьского (т. е. расположенного в земле ославяненного племени меря), razорило Торжок и, преследуя бежавших Селигерским путем, дошло до Игнача креста, а затем повернуло назад, не дойдя 100 верст до Новгорода, опасаясь вскрывающихся рек, озер и болот.

Сам Батый после взятия Владимира отошел в Рязанскую землю и оттуда, дождавшись прибытия основных сил, направился к *Козельску*. Княжил здесь, как отмечается в летописях, молодой, но храбрый княжич *Василий*. На обычное требование татар признать их власть совет Козельска ответил категорическим отказом. Татары простояли под городом 7 недель, а после первого неудачного штурма и успешной ночной вылазки защитников даже бежали от города. В конечном счете защитники города почти все пали в бою. Но и татары потеряли свыше 4 тысяч человек, в том числе трех сыновей темников. Взят город, Батый распорядился перебить всех, вплоть до «ссущих млеко». Козельск был «переименован» Батыем в «*Злой город*». В. Чивилихин побывал в Козельске с целью понять: как небольшой город мог держаться семь недель против огромной орды. Он пришел к заключению, что наиболее уязвимая часть укреплений в зиму заливалась водой и обледенелая гора становилась неприступной. Город, по его мнению, пал, когда лед растаял.

После этого, первого, похода на Русь Батый отошел в Половецкую степь. А во Владимир из Киева вернулся *Ярослав Всеволодович* (в Киев он пришел из Новгорода, оставив там на княжении юного Александра; княжил же в южной столице он всего один год). Брату Святославу Ярослав дал Ростов и Суздаль, а брат Иван вновь получил Стародуб.

В Лаврентьевской летописи 1237 г. последний, записанный современником. Далее следуют краткие записи, сделанные, по всей вероятности, уже в 60-е гг. XIII в. Подобная краткость свидетельствует об одном — почти во всех городах Северо-Восточ-

ной и Южной Руси на несколько десятилетий было прервано летописание, что стало следствием монголо-татарского разорения. Под 1238 г. глухо записано выше приведенное сообщение о вокняжении Ярослава. Под 1238—1239 гг. рассказано о переносе останков князя Юрия из Ростова во Владимир. Далее следует обширное повествование о заслугах Юрия, завершающееся перечислением шести сыновей Ярослава, сохраненных «Божией благодатью», и репликой, характерной именно для составителя свода: «Но мы на предреченное взыдем». А «предреченное» — это глухое сообщение о взятии татарами Переяславля Русского, где «епископа убиша, и люди избиша, а град пожгоша огнем, и люди и полона много взявше отъидоша». Переяславль всегда был близок владимиристо-суздальской ветви Мономаховичей и являлся главной опорой владимиристо-суздальских князей в южных землях Руси. Современники наверное знали, что епископа звали Симеоном и что собор Михаила Архангела, главный храм Переяславля, был разграблен и разрушен татарами. Глухо сказано и о взятии татарами Чернигова, а также о подчинении татарами Мордвы и Мурома.

Текст разрывает непонятное сообщение: «Того же лета Ярослав иде къ Каменьцу, а княгню Михайлову со множеством полона приведе всвою си». Похоже и сам летописец не понимал, о чем идет речь: усобища 1235 г. на Киевщине в летописи не нашла отражения. И лишь Ипатьевская летопись проясняет происшедшее. Михаил — это черниговский князь, которого изгнал из Киева Ярослав Всеволодович в 1236 г. Таким образом, в этом сообщении идет речь о другом Ярославе — Ярославе Ингваревиче. Видимо, летописец принял *Ярослава Ингваревича*, сына слущкого князя и внука великого князя Ярослава Изяславича, за Ярослава Всеволодовича. Летописцу поверили многие историки и издатели летописей: в указателях Ярослава Ингваревича Слуцкого вообще нет. А Михаил Черниговский пришел в Галицко-Волынскую землю, отбирая уделы у местных владетелей, в том числе у Даниила Романовича. Именно Ярослав Ингваревич воспользовался бегством Михаила в Венгрию, чтобы отомстить обидчику: он взял Камень Подольский, где находилась княгиня и бояре Михаила. Даниил тоже конфликтовал с Михаилом, который отобрал у него Галич, но княгиня была его сестрой, и он уприсил Ярослава отпустить пленницу.

Во всей этой истории вызывает удивление и в известной мере досаду, что русские князья по-прежнему не стремились объединиться для борьбы против смертельного врага, а продолжали собственные усобицы. Ведь именно тогда, когда Ярослав Ингваревич воевал с княгиней Михаила в Подольской земле, татары разоряли Левобережье Днепра. И нетрудно было догадаться, что скоро они окажутся и на Правобережье. Но,

пожалуй, лишь Даниил Галицкий в этой ситуации проявлял и терпимость, и готовность к борьбе против надвигавшейся монголо-татарской рати.

После обширного повествования о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь и в Новгородской Первой летописи заметен разрыв. Следующая статья, датированная, видимо, ультрамартовским стилем и отражающая события 1238 г., сообщает о женитьбе Александра Ярославича на дочери полоцкого князя Брючислава, о венчании его в Торопце и брачных «кашах» в Торопце и Новгороде. Второе известие — «срубили» городец на Шелони. И это все. Никаких точных дат и обычных для новгородских летописцев описаний событий внутриновгородской жизни. А под следующим годом дается изложение Жития Александра, что ведет ко времени после 1263 г., когда скончался Александр.

1239 г. монголы посвятили главным образом «зачистке» завоеванных территорий, подавлению очагов сопротивления половцев и аланов, закреплению позиций на Кавказе и даже вторичному «пленению» Рязанской земли. Тогда же ими была разгромлена *Чернигово-Северская земля*, и опустевшее Левобережье Днепра уже не вызывало забот в ставке Батыя. Начинается подготовка большого похода на Запад, и он, видимо, на какое-то время задержался потому, что чингизиды Менгу-хан и Гуюк-хан отзывались назад в Монголию. Однако, услышав о кончине Угедая, оба вернулись к Батыю. Позднее Гуюк будет избран монгольским кааном, и южнорусский летописец заметит по этому поводу: «Бысть каном не от роду же его (имеется в виду умерший Угедей. — *А.К.*), но бе воевода его первый».

Под **1240 г.** Лаврентьевская летопись дает два известия: о рождении у Ярослава дочери Марьи и о взятии Батыем *Киева*: «Святую Софью разграбиша, и монастыри все, и иконы. И кресты честныя и вся узорочья церковная взяша, а люди от мала до велика вся убиша мечем; си же злоба приключися до Рождества Господня на Николин день». Дата **6 декабря 1240 г.** воспроизводится и в некоторых других летописях Северо-Восточной Руси. Новгородские летописцы этого трагического события вообще не заметили.

Наступление на Киев началось с юга. Войско Батыя переправилось через Днепр южнее Переяславля и сокрушило цепь городов и крепостей по реке Роси, а также ближайшие пригороды Киева. Большинство этих поселений впоследствии не восстанавливались: жители частью были уничтожены, частью бежали в

северные районы. В ноябре 1240 г. монголо-татары вышли к Киеву со стороны Лядских (Западных) ворот.

О событиях на правом берегу Днепра наиболее обстоятельно рассказывает Ипатьевская летопись (XIII в., как отмечалось выше, эта летопись представляет записями, сделанными на Волыни, но летописец явно общался с кем-то из очевидцев и имел представление о топографии Киева). Как и обычно, монголо-татары огородили город тыном: «И не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его, и ржания от гласа стад конь его; и бе исполнена земля Руская ратных». Пленный татарин Товрул сообщил защитникам Киева имена «воевод» Батыя. Летописец назвал девять имен, в основном, видимо, чингизидов, и заметил: «Инех без числа воевод, их же не исписахом zde».

Войско Батыя поставило у Лядских ворот стенобитные машины, которые били по стенам день и ночь. И в проломе развернулось ожесточенное сражение. «И ту беаше видети лом копейный и щит скепание, стрелы омрачиша свет побеженным», — почти поэтически описывает трагедию летописец. Горожане отступили к Десятинной церкви Богородицы, намереваясь использовать в качестве укреплений, прилегавшие к храму каменные постройки. Но церковь была переполнена людьми и перегружена товарами, которые надеялись уберечь от монголо-татар горожане. Перегруженные же «комары церковные» не выдержали и стены рухнули «от тягости». 6 декабря, в день «Николы зимнего» Киев полностью оказался в руках Батыевых полчищ.

Батый двинулся в *Галицко-Волынские земли*, разрушая города и уничтожая их население, в том числе и жителей тех городов, которые, поверив обещаниям, открывали ворота. Даниил Романович Галицкий бежал к мазовецкому князю Болеславу. Когда Даниил с братом возвращались из Польши после отхода татар, они «не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьеных, не бе бо на Володимере не остал живой; церкви святой Богородици исполнена трупья и телес мертвых». Плано Карпини, через шесть лет (!), в 1246 г. проезжавший через Киев в ставку Батыя, видел в поле «бесчисленные головы и кости мертвых людей», а в некогда многлюдном городе оставалось (а вернее, вновь было отстроено) «едва... 200 домов», и людей здесь татары держали «в самом тяжелом рабстве». «Бесчисленные головы и кости» оставались неубранными и на территории самого города. Раскопки М.К. Каргера и П.П. Толочко рисуют ужасающую картину уничтожения города и его населения: раз-

рушенные жилища, дворцы, храмы, и всюду насильственно умурщвленные люди от стариков до «ссуших млеко».

Стоит напомнить и слова выдающегося проповедника XIII в. Серапиона Владимирского: «Наведе на ны язык немилостив, язык лют, язык не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости детей... Разрушены божественные церкви; осквернены быша ссуди священная; потоптана быша святая;... плоти преподобных мних птицам на снесь повержени быша; кровь и отец и братия наша, аки вода многа, землю напои; множайша же братия и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величество наше смерися; красота наша погыбе; богатство наше онем в корысть бысть; труд нашъ погании наследоваша; земля наша иноплеменником в достояние бысть; ... и посмех быхом врагом нашим... Не бысть казни, кая бы преминула нас; и ныне беспрестани казимы есмы».

Правы современники, полагавшие, что от ужасов татарского погрома «мог бы прослезиться антихрист». Население Руси в канун монголо-татарского нашествия превышало **12 млн человек**. *Эта численность не будет достигнута даже в конце XVII в. (11 млн), а превышена только к началу XVIII столетия.* Археологи насчитывают в домонгольской Руси до полутора тысяч укрепленных поселений, примерно треть которых являлись городами. После монголо-татарского разорения не сохранились даже и названия многих городов, а, скажем, плотность населения в Среднем Поднепровье в канун вторжения полчищ Батыя была затем достигнута лишь в XIX в.

В 1241—1242 гг. орда Батыя совершила поход в *Центральную Европу*. Нанеся поражение, так же как и на Руси, неподготовленным к такому нападению венгерским воинским отрядам, монголо-татары дошли до Адриатического моря. Но затем они встретили серьезное сопротивление в Моравии и Чехии и повернули назад к низовьям Волги, где и сложилось позднее своеобразное государственное образование — **Золотая Орда**. Отсюда последуют указания и приказы разным покоренным землям и князьям, в том числе, конечно, русским. А тем временем у западных и северо-западных пределов Руси шли постоянные столкновения с ливонскими немцами и литовцами. Русь с конца 1242 г. вступала в самую мрачную эпоху своей истории — систематического подавления, унижения и ограбления.

Литература

- Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940.
- Базилевич К. В.* Восточная Европа под властью монгольских завоевателей. М., 1940.
- Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1—2. М., 1963.
- Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965.
- Бичурин И. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2. М.; Л., 1950; Т.3, 1953.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь, М., 1997 (перевод с англоязычного издания 1953 года).
- Воронин Н. Н.* Раскопки в Переяславле Залесском. Раскопки в Ярославле // МИА. №11. М., 1949.
- Греков Б. Д.* Татарское нашествие (XIII—XV вв.) // Исторический журнал. 1937. №6.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
- Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и урянхайский край. Ч. 1, 2. СПб.; Л., 1914 — 1930.
- Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. (Книга переиздана репринтом в Киеве в 1991 г. с переводом заглавия на украинский язык.)
- Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. СПб., 1906.
- Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилев Л. Н.* Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. №1.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
- Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации / Пред. С.Б. Лаврова. М., 1993.
- Ильин И. А.* Самобытность или оригинальничание? // Мир России — Евразия. М., 1995.
- Каргалов В. В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.
- Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М. 1967
- Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Карпини П. Лано.* История монголов / Пер. Малеина. СПб., 1911.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л., 1941.
- Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1890.
- Куник А.* Древние сказания о нашествии Батыя и разорении земли Рязанской // Рязанские губернские ведомости. 1844. № 11—14.
- Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
- Кузьмин А. Г.* Пропеллер пассионарности или теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. № 9.

- Кузьмин А. Г.* Россия в оккультной мгле, или зачем «евразийцы» маскируются под русских патриотов // Молодая гвардия. 1993. №2.
- Кузьмин А. Г.* Хазарские страдания // Молодая гвардия. 1993. № 5—6.
- Кузьмин А. Г.* Евразийский капкан // Молодая гвардия. 1994. № 12.
- Леонтович В. И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий. Одесса, 1879.
- Максимович М. А.* О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении новопришлым народом // Собр. соч. Киев, 1876.
- Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М., 1955.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
- Д'Оссон.* История монголов от Чингисхана до Тамерлана. Т. 1. М., 1937.
- Патканов К.* История монголов по армянским источникам. Вып. 1—2. СПб., 1873 — 1874.
- Попов П. С.* Яса Чингисхана и уложение Монгольской династии // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. XVII. СПб., 1940.
- Рубрук Вильгельм.* Путешествие в Восточные страны / Пер. Малеина. СПб., 1911.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. М.; Л., 1952; Т. 2. М.; Л., 1960; Т.3. М.; Л., 1946.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б. А.* Древнерусский город по археологическим данным // Известия АН СССР. Серия история. Т.7. №3. 1950.
- Рыбаков Б. А.* О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1970. №3.
- Смирнов А. П.* Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948.
- Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884; Т. 2. М.; Л., 1941.
- Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1976.
- Толочко П. П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Трофимова Г. А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М., 1949.
- Трубецкой Н. С.* О туранском элементе и русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
- Успенский Ф. И.* Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник, XXIV. Л., 1926.
- Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
- Якубовский А. Ю.* Из истории изучения монголов периода XII—XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.

ГЛАВА IX

Утверждение господства Золотой Орды над Русью

§ 1. ПРОБЛЕМА ГОСПОДСТВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НАД РУСЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Проблема утверждения монголо-татарского господства на Руси в течение долгого времени в русской исторической науке сводилась обычно к расхождениям по некоторым частным вопросам, но сам факт *монголо-татарского* ига никто не отрицал. Принципиальное несогласие с традиционным научным взглядом выразили опять-таки «евразийцы», представленные в последнее время главным образом публикациями Л.Н. Гумилева.

Но, как уже говорилось, сторонники «евразийства» в своих, можно сказать, научно-фантастических построениях оказались очень далеки от исторических фактов. Приведем всего лишь два примера, показывающие, как «евразийцы» обращаются с фактами. **Первый пример:** у Л.Н. Гумилева образование Золотой Орды с центром на Нижней Волге, отнесено к 1241 г. Из этого делается вывод, что Русь добровольно включилась в новое государственное образование, а монголо-татары участвовали в защите западных рубежей Руси. Так, Л.Н. Гумилев утверждал, что конница Батыея участвовала в Ледовом побоище на Чудском озере на стороне войск Александра Невского. На самом деле весной 1241 г. состоялся поход Батыея в Венгрию и Далмацию, которые монголо-татары покинули только летом 1242 г. И собственно государственное образование, известное под названием Золотая Орда, сложилось уже после этого времени.

Второй пример. В своих вольных построениях на исторические темы Л.Н. Гумилев всегда настаивает на том, что отношения Золотой Орды и Руси были мирными, а русские князья

опять же добровольно стали считать себя слугами золотоордынских ханов. В эту схему никак не укладываются известные факты о мученических смертях русских князей в ханской ставке. В частности, в 1246 г. мученической смерти за отказ подчиниться монгольским языческим обычаям были подвергнуты князь Михаил Черниговский и его боярин Феодор. Судьба Михаила Черниговского явно опровергает построения Л.Н. Гумилева, и ему пришлось отвечать на вопрос, как он объясняет поведение Батыея в свете своей концепции. Ответ был дан, и он примечателен: «Михаил был уличен в государственной измене — он был на Лионском соборе, где планировалась антимонгольская война». Однако на Лионском соборе Михаил Черниговский не был, он посетил в поисках помощи Венгрию и Польшу, но помощи не получил. На Лионском соборе был Петр Акерович — черниговский игумен, рассказавший католическим прелатам об ужасах монголо-татарского разорения. Но Рим не оставлял надежды договориться с монголами за счет той же Руси и других завоеванных Батыем земель. Да и на Руси современники восприняли поведение Михаила Черниговского как христианский подвиг во имя независимости Русской земли, и недаром уже вскоре Михаил и Феодор были канонизированы как православные святые.

В результате же того, что русские источники никак не подтверждали схему Л.Н. Гумилева, он вообще предложил относиться критически к летописям именно из-за их общей антимонгольской направленности.

Примеров свободного обращения сторонников «евразийства» с историческими фактами можно привести множество, и в дальнейшем мы еще остановимся на них. Следовательно, и сама «евразийская» схема, согласно которой Русь мирно существовала в рамках Золотой Орды, не имеет никакого исторического обоснования.

§2. ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУСЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

Возвращение войск Батыея из Европы по времени совпало с политическими изменениями внутри самой Монгольской державы. После кончины в 1241 г. хана Угедэя ситуация в Монго-

лии осложнилась. Угедэй был третьим (из четырех) законных сыновей Чингисхана. Он устраивал монгольскую знать своими недостатками: ни волей, ни твердостью, ни умом не обладал. Новый претендент на престол хан Гуюк встретил противодействие многих старших чингизидов, в том числе и Батыя. Лишь в 1246 г. курултай наконец изберет Гуюка великим ханом, а пока фактическое управление сосредоточивалось в руках его матери *Таракины* — женщины хитрой, коварной и властной. К Батыю она относилась с явным недоброжелательством. И тот, очевидно, платил ей тем же. Во всяком случае на призывы из резиденции монгольских великих ханов Каракорума явиться в ставку для решения общих дел он отвечал отказом, ссылаясь на нездоровье. Посетивший в 1246 г. Сарай папский посланник Плато Карпини дает портрет Батыя как явно нездорового человека, хотя хану в то время было лишь сорок лет. И не случайно Батый рано перекладывает часть своих обязанностей на юного сына *Сартака*, хотя, конечно, основные нити политики он продолжал прочно держать в своих руках. Естественно, что сложные отношения с Каракорумом требовали от Батыя и повышенной осмотрительности, и укрепления тылов. Практически это означало некоторое перераспределение способов поддержания господства от прямолинейных репрессий к дипломатии монгольского же типа, главными принципами которой были: сталкивание возможных противников, недопущение особого усиления кого-то из них, поощрение любых доносов. В условиях, когда русские князья и так не доверяли друг другу, подогреть их разногласия и взаимную подозрительность было не так уж и сложно.

Смерть великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича в 1238 г. освободила великокняжеский стол. После отступления Батыя в Степь его должен был занять младший брат Юрия — *Ярослав Всеволодович* (1191–1246) как старший в роде. При этом Ярослав сохранял за собой разоренный Переяславль, а в Новгороде он оставил своего старшего сына Александра Ярославича, к тому времени уже достигшего совершеннолетия. Ни Ярослав, ни Александр не были свидетелями монголо-татарского нашествия, разорившего Владимиро-Суздальскую Русь. Они находились или в Новгороде, или у северо-западных границ, где ситуация оставалась весьма напряженной: немцы выжидали удобного момента, чтобы вновь наступать в сторону Изборска и Пскова, датчане включились в борьбу за земли чуди и

русов-рутенев в областях Роталия и Вик и по побережью Финского залива, шведы угрожали со стороны другого берега этого залива.

По новым порядкам, установившимся после монголо-татарского нашествия, великих князей и князей теперь утверждали в Золотой Орде и Каракоруме. В 1243 г. в Сарай, столицу Золотой Орды, отправился Ярослав. Батый предпочел именно его утвердить на великокняжеском столе, потому что другие претенденты, в частности Михаил Черниговский и Даниил Галицкий, представлялись ордынскому правителю более опасными, поскольку у них сохранялись контакты с Западом, в том числе и католическим.

Первый приезд Ярослава в Сарай закончился в целом благополучно. Князь был утвержден в звании «великого князя», к Владимиру как бы присоединялся и Киев. Хотя Киев был совершенно разорен и практически безлюдным, формально он оставался и «великим княжеством», и центром митрополии, что в данном случае было для Ярослава особенно важным. Но Ярославу пришлось оставить заложником в Сарае своего сына Святослава, и позднее подобная практика заложничества будет очень распространенной в отношениях Орды и Руси. Сына Константина Ярославу пришлось отправить в Каракорум, путь к которому занимал полгода.

Под 1244 г. Лаврентьевская летопись дает краткую запись, видимо, заимствованную из какой-то справки о распределении уделов Батыем: ордынский хан утвердил за русскими князьями их «отчины». Еще короче статья следующего, 1245 г.: «Князь Константин Ярославич приеха ис Татар, от кановичь, к отцу своему с честью. Того же лета великий князь Ярослав, и с своей братьею и с сыновци, поеха в Татары к Батыеве».

Лаврентьевская летопись не поясняет, почему и зачем Ярославу пришлось везти к Батыю своих братьев и племянников. В ряде других летописей сказано, что Ярослав был оклеветан неким Феодором Яруновичем (возможно, сыном воеводы Ярослава Яруна), но о чем шла речь, летописи не сообщают. Из Сарая Батый отправил Ярослава в Каракорум. Объяснение вызова Ярослава в Сарай и Каракорум можно найти у Плано Карпини, который встретился с Ярославом в Каракоруме. По данным Карпини, князя обвиняли в переговорах с католиками о создании возможного антимонгольского союза. Тайные встречи русского князя с католиками в Каракоруме, видимо, были продол-

жением контактов, которые ранее устанавливались Михаилом Черниговским и Даниилом Галицким. Весьма вероятно, что Батый предупредил ханшу, в чем именно провинился Ярослав, поскольку князь был встречен более чем настороженно. И судьба князя была решена — в 1246 г. Ярослав был отравлен каким-то ядом из богатого арсенала восточной дипломатии: он умер после собственноручного угощения Таракины, едва выбравшись из Каракорума.

В том же 1246 г., когда Ярослав был в пути к главной монгольской ставке, в Сарае были подвергнуты мукам и казнены *Михаил Черниговский* и его воевода Феодор. Вина того и другого заключалась в том, что они отказались выполнять унижительный ритуал поклонения огню и истуканам монгольских божеств. Но, видимо, были и иные причины, которые могли заключаться в опасении сближения русских князей с католическим Западом, где в это время активно обсуждался вопрос об организации антимонгольской коалиции. Причем римский папа Иннокентий IV активно пытался использовать ослабление Православной Церкви для подготовки унии на выгодных для католицизма условиях.

В летописи внесен обширный рассказ об этой трагедии, и записан он был, видимо, в Ростове, поскольку дочь Михаила была женой ростовского князя Василька Константиновича, а Михаила в ставку Батыя сопровождал пятнадцатилетний внук Борис Василькович. Мальчик упрашивал деда покориться требованиям Батыя и его прислужников, но князь остался непреклонен, а воевода после расправы с князем уже вполне осознанно шел на муку. И князь, и его воевода, как уже говорилось, немного позднее будут канонизированы Православной Церковью как святые мученики.

После казни Михаила Черниговского и его воеводы Батый передал Бориса сыну Сартаку на его усмотрение. В чем состоял замысел Батыя — неясно. Сартак, по сведениям восточных авторов, был христианином. Правда, Карпини, побывавший в ставке Батыя, ничего христианского у Сартака не заметил. Видимо, Сартак либо был приверженцем распространенного в степи несторианства, не имевшего строгой догматики в силу широкой разбросанности общин верующих, либо был «ответственным» в Орде за общение с христианами. Сартак через некоторое время отпустил мальчика в его удел, и, судя по дальнейшим контактам, у молодого князя установились приятельные отношения с сыном Батыя.

Из скурых и глухих летописных записей неясно, каким образом преемником Ярослава на Владимирском княжении стал его брат *Святослав*, княживший до этого в Суздале: было ли это «избрание» или назначение Батыем. При этом все сыновья Яросла-

ва остались на тех уделах, которые ранее были определены им отцом и утверждены в Сарае. Но вскоре в Орду направился Андрей Ярославич, а некоторое время спустя — *Александр Ярославич Невский* (1220—1263).

Александрю Невскому посвящено обширное Житие, внесенное в летопись и, видимо, написанное для летописи по заказу митрополита Кирилла. И митрополит Кирилл, и ростовский епископ Кирилл поддерживали Александра в его весьма нелегкой политической и дипломатической деятельности. И в литературе он получил одну из самых высоких оценок как государственный деятель. Но если Л.Н. Гумилев представил князя основателем союза и «симбиоза» Руси и Золотой Орды, то английский медиевист Дж. Фенелл, поверив Гумилеву, показал Александра как предателя интересов Руси и прислужником татаро-монголов. А между противоположными мнениями обычно лежит проблема, в которой и следует разобраться.

Александр Ярославич был вторым сыном Ярослава Всеволодовича, но после смерти в 1233 г. его старшего брата Федора стал считаться старшим среди Ярославичей. В конце 30-х гг. Александр стал Новгородским князем, а в 1239 г. он женился на дочери полоцкого князя Брючислава. Этот брак был во многом политическим — он давал еще одного союзника в борьбе против западной угрозы. А Торопец, где происходило венчание, как бы соединял земли новгородскую, полоцкую и смоленскую. В том же году князь с новгородцами «сруби городищи по Шелони». Таким образом, укреплялись подступы к Новгороду со стороны Пскова.

В 1240 г. начинается наступление крестоносцев на Псков. Пал Изборск, потерпело поражение псковское ополчение. Немцы сожгли посад Пскова и осадили город. Взять его немцам не удалось, но они заполучили в заложники детей некоторых знатных псковитян, а затем благодаря измене городских старейшин вошли и в город, где оставили заместников и подчиненный им отряд. Беглецы из Пскова донесли до Новгорода печальные вести. Около того же времени серьезная угроза нависла и над самим Новгородом. Шведы (летописные «свеи»), как сообщает летописец, явились «в силе велицей». Вместе с норманнами («урманами» — норвежцами), а также отрядами из племени суми и еми (южная часть нынешней Финляндии) «в кораблих множество много зело» вошли в Неву и остановились у устья Ижоры. Старейшина ижорцев Пел-

гусий (христианское имя — Филипп), выполнявший поручение «стража ночная морская», немедленно дал весть в Новгород.

Согласно Житию, Александр не стал ждать, когда Новгород сумеет мобилизовать ополчение. Со своей дружиной и небольшим отрядом новгородцев он устремился к Неве, очевидно, учитывая, что шведы не ждут столь быстрой реакции от новгородцев, тем более после страшного разорения Северо-Восточной Руси. Смелость и решительность князя были вознаграждены полной победой. В Житии, естественно, князю помогают и ангелы, и русские святые Борис и Глеб, и Владимир Святой, в день памяти которого произошло сражение. В итоге шведы нагрузили три корабля с «вятшими мужами» и затопили их в море (языческий обряд погребения у норманнов и других морских народов), а остальных убитых свалили в яму на берегу. Видимо, желая преувеличить достигнутый успех, автор уверяет, что новгородцы потеряли только 20 человек. Но оговорка — «или менее, Бог весть» — показывает, что точными данными автор не располагал. Разумеется, масштабы сражения не могли идти в сравнение с битвами, которые сопровождали наступление полчищ монголо-татар. Но для Швеции и для большинства европейских стран такое поражение было весьма чувствительным: дружины конунгов в это время обычно насчитывали около сотни человек. Войско в несколько сотен — едва ли не максимум того, что можно было собрать для дальнего похода.

Александр, которому исполнилось лишь двадцать лет, возвращался в Новгород буквально в ореоле славы. Совсем не случайно в качестве своеобразного лаврового венка за ним закрепится прозвание «*Невский*». Может быть, он ожидал от новгородцев особых почестей, которых ранее не требовал. Может быть, пытался побудить новгородцев занять более твердую позицию по отношению к немцам, захватившим Изборск и Псков. Но новгородцы его не поддержали и «тое же зимы выиде князь Олександр из Новагорода ко отцю в Переяславль с матерею и с женою, и со всем двором своим».

Видимо, немцы об этом узнали и сразу же обложили данью племена води и чуди, воздвигли город Копорье на месте древнего новгородского погоста. Грабя купцов по реке Луге, они приблизились на 30 км к самому Новгороду. Новгородцы снова обращаются к Ярославу «по князя». Ярослав направил им сына

Андрея, но Андрей новгородцев не устроил, поэтому пришлось просить снова Александра. Во главе авторитетной депутации к нему отправился сам владыка Спиридон, недавно благословлявший Александра в поход на шведов. Александр вернулся в Новгород.

Князь не обманул надежд новгородцев. Уже летом 1241 г., собрав войско из новгородцев, ладожан, ижорцев и карелов, Александр взял Копорье и пленил уцелевших в сражении немцев и «переветников» из племен води и чуди. Одних немцев он отпустил, других привел в Новгород, а «переветники извеша». По Татишеву, и в дальнейшем Александр так поступал с изменниками. В 1242 г. Ярослав отправил в помощь Александру его брата Андрея с «низовской» (так в Новгороде обозначали суздальское Поволжье) дружиной. Соединенные силы освободили Псков и направились в земли чуди.

После ряда столь внушительных поражений крестоносцы вынуждены были направить против новгородского и суздальского войска основные силы — тяжеловооруженную рыцарскую конницу, пехота же состояла в основном из воинов из племени чудь. Русское войско находилось в районах, прилегающих к Чудскому озеру с запада, т.е. на противоположной от Новгорода и Пскова стороне. Немцы, имевшие превосходство в силах, по крайней мере превосходство в численности тяжеловооруженных рыцарей, вроде бы правильно рассчитывали, что войску Александра некуда будет скрыться на открытой местности, а то, что это войско разбежится перед закованными в металл рыцарями, сомнения у них вряд ли были. И русское войско действительно отступало. Отступало к берегу, остановившись «на Узмени у Воронья камня».

5 апреля 1242 г. состоялось знаменитое **Ледовое побоище на Чудском озере**. В переводе на современный календарь сражение происходило во второй декаде апреля, когда лед уже подтаял, но не везде. Битва началась на берегу и промерзшем до дна мелководье. И русские, и немецкие источники сообщают о первоначальном успехе рыцарей: их «свинья» прорвала строй русской пехоты. Но этот «успех», видимо, был запрограммирован русской стороной, поскольку «бежали» ополченцы не столько назад, сколько в стороны, с тем чтобы взять немецкое войско в клещи. А конные дружины князей отрезали и пути отхода рыцарей, заставив заодно пешую чудь убегать по льду озера. Лед же, довольно прочный еще у берега, в отдалении от него был подта-

явшим, и не только тяжеловооруженные рыцари, но и не обремененные панцирями «пешци» тонули, как сообщает Софийская первая летопись, поглощаемые озером.

Победа на сей раз досталась более дорогой ценой, нежели на Неве. Но и размах битвы, и значение ее были более весомыми. Рыцари потеряли, по разным источникам, 400 или 500 человек, 50 рыцарей были пленены, а чуди «паде без числа». Немцы запросили мира, отказываясь от Пскова, земли води, Полужья, а также от земли латгалов — области, примыкавшей к псковским и полоцким землям и граничившей с ливами, еще по договору с Орденом 1210 г. считавшимися данниками Руси. Был обусловлен также обмен пленными и заложниками (возвращались, в частности, псковские заложники).

После этой победы Александр Невский стал самым авторитетным и уважаемым среди русских князей. При жизни отца Александр смог уклониться от поездки на поклон к Батью. Княжение «на всей воле новгородской» даже и оправдывало такое непослушание. Но теперь оттягивать поездку в Орду было уже нельзя. Согласно Житию, Батый выразил недовольство, что к нему, покорителю стольких народов, не едет, несомненно, самый популярный в это время из князей Северной Руси. Чем могло закончиться дальнейшее уклонение от поездки в Орду — нетрудно представить. Владимиро-Суздальская Русь была разорена и обескровлена, а новгородцы и псковичи были ненадежными союзниками в борьбе с Ордой. И если противостоять натиску с запада и северо-запада Новгородско-Псковская земля еще могла, то противостояние Орде никаких шансов не имело.

Если Александр был затребован в Орду, то его младший брат Андрей похоже поехал туда по своей инициативе и едва ли не с жалобой на то, что владимирский стол достался дяде. Во всяком случае избранный в 1246 г. великим ханом Гуюк не утвердил Святослава великим князем и вызвал в Каракорум Андрея и Александра. Решение хана Гуюка несложно было предугадать. Он на великое княжение Владимирское утвердил Андрея, а старшему Александру дал другое «великое княжение» — Киев. Таким образом, монгольский хан сталкивал Александра и с младшим братом, и с Даниилом Галицким. Поэтому в Киев Александр, естественно, не поехал, вернувшись в Новгород после двухлетних унижений и балансирования на крайне непрочном канате дипломатии без правил.

Конец 40-х гг. XIII в. оказался наполнен политической борьбой и интригами от Каракорума до Рима. Разные силы искали союзников, объединялись и моментально расходились в стороны. Так, внутренняя борьба шла в Монгольском государстве, в частности, тот же Батый долго уклонялся от участия в курултае по выборам нового каана, но все же в 1246 г. вынужден был отправиться на избрание Гуюка. В 1248 г. Гуюк скончался, и власть перешла к великой ханше Огул-Гамиш, как и Туракина, враждебно относившейся к Батю. А тем временем и на Западе возникли угрозы господству монголо-татар.

В 1204 г. крестоносцы разграбили Константинополь и создали на берегах Босфора Латинскую империю, просуществовавшую до 1261 г. Православное патриаршество переместилось в Никею, где укрылись и византийские императоры. Враждующая с турками-сельджуками, захватившими значительную часть Малой Азии, правители Золотой Орды вели дипломатические игры с Никейской империей. В 1248 г. в подобные игры активно включился и папа Иннокентий IV. Он склоняет к унии и Русь, и Никейское патриаршество. При всей двойственности политики Рима (параллельно поддерживались контакты с Сараем и Каракорумом), Сарай, конечно, должен был беспокоиться, тем более что на Руси к предложениям папы относились явно неоднозначно. К тому же и Галич, и Новгород оставались фактически неподвластными Орде: непосредственно эти города монголо-татары не покоряли.

Князь Даниил Галицкий явно колебался. Он готов был к унии с католиками при условии реальной поддержки Рима против монголо-татар. Рим же настаивал на унии, не гарантируя реальной помощи. Переговоры затягивались, но продолжались и в Галиче, и в Никее, а в Сарае о них, конечно, знали. После поездки в Сарай в 1250 г. Даниил какое-то время не опасался возможности нового похода больших татарских сил на Запад. Орда хана Куремсы, как бы заслонявшая державу Батю от возможной активности Европы, хотя и угрожала постоянно Галицкой Руси, но не имела достаточных сил, чтобы овладеть хорошо укрепленными прикарпатскими городами, да и одолеть дружину Даниила. К тому же Даниилу удалось возвести на митрополичий стол своего печатника (и хорошего полководца) *Кирилла* (1246—1280), занимавшего до этого епископскую кафедру в Холме. Кирилл был избран митрополитом, причем в избрании участвовали не только церковные, но и светские деятели.

В 1250 г., по совету Даниила, Кирилл направился к патриарху Константинопольскому на утверждение. Поскольку обычный путь был закрыт летучими отрядами монголо-татар, Кирилл, по предложению венгерского короля, ехал через Венгрию, причем король гарантировал проезд через католическую Латинскую империю в Никею и обратно. Уже эти светские контакты указывали на широкий взгляд митрополита и в религиозном, и в политическом отношении, с явной направленностью на мобилизацию всех возможных сил для свержения господства монголо-татар. В Киев Кирилл прибыл лишь после утверждения патриархом, но в бывшей столице он не нашел пристанища: все было разрушено. Таковую же картину он обнаружил в Чернигове и Рязани, вернулся в Галич, а затем остановился на Владимире Суздальском, оставив формально кафедру за Киевом. *Большую часть пребывания в сане митрополита Кирилл проведет во Владимиро-Суздальской Руси.* Лишь в последние годы он переедет в Киев (где, видимо, был отремонтирован Софийский собор), а закончит свои дни в Переяславле.

В XIII в. в высших христианских сферах было популярным имя Кирилла. Кирилл I занимал ростовскую кафедру в 1216—1229 гг. Кирилл II, архимандрит Рождественского монастыря во Владимире, был ростовским епископом в 1231—1261 гг. и был известен как «философ», знаток книг, языков и богословия. Кирилл II после монголо-татарского нашествия оказался фактическим церковным руководителем всей Северо-Восточной Руси вплоть до утверждения в Никее киевским митрополитом его тезки из Галицкой Руси и прибытия его в 1250 г. во Владимир. Два Кирилла похоже нашли общий язык. Они часто появлялись в разных городах вместе, и Кирилл Ростовский как бы вводил митрополита Кирилла в местные проблемы. В 1250 г. при участии митрополита был заключен неканонический брак Андрея Ярославича (являвшегося в это время великим князем) с двоюродной сестрой — дочерью Даниила Галицкого. Политическая направленность брака была, конечно, очевидна и для ставки в Сарае.

В целом события конца 40-х — начала 50-х гг. XIII в. представлены в летописях путано и противоречиво. В значительной степени эта путаница возникает из-за включения в летописи «Повести об убиении Батыя», по которой Батый похоронил в 1248 г. в Венгрии. На самом деле в этом году Батый

готовился к серьезной схватке с Гуюком, и его больше занимали восточные, а не западные проблемы. Прямого столкновения не произошло потому, что Гуюк в этом году скончался. Но Батый, видимо, провел три года смуты, в восточных улусах Монгольской империи, решая другую проблему: провести на стол «великого хана» («каана» летописей и восточных источников) своего человека. Сам Батый тоже рассматривался в числе кандидатов. Но он отказался выдвигать свою кандидатуру, удовлетворившись почетным званием «старейшего в роде». А избранный в 1251 г. великим ханом *Мункэ* (в некоторых источниках пишется как Менгу) участвовал в походе на Русь под началом Батыя и оставался наиболее близким правителю Золотой Орды чингизидом.

Укрепление позиций на Востоке развязывало Батыю руки на Западе: Куремса, получив подкрепления, начинает наступление на Галицкую землю, а на Северо-Восточную Русь обрушивается страшная *Неврюева рать* (1251 г.). Даниилу Галицкому удалось отбить наступление Куремсы, хотя земли, примыкавшие к степным равнинам, он все-таки утерял. Рать Неврюя razорила многие города Северо-Восточной Руси и прежде всего центр удела Ярославичей — Переяславль. Монголо-татары убили вдову Ярослава и воеводу Жидослава, а детей Ярослава и многих людей увели в полон. Были razорены и сельские местности, откуда угоняли коней и скот. Андрей Ярославич, потерпев поражение, бежал в Швецию, где по глухим сообщениям ряда летописей, был убит (в одном варианте в сражении с немцами, в другом — с чудью). У Татищева же имеется известие о том, что князь вернулся в Русь в 1255 г. «и прият его Александр с любовию, и хотяше ему Суздаль дати, но не смеяше царя».

Наступление на остатки независимости русских княжеств продолжилось и в другом отношении. Батый принял решение об увеличении сборов с русского населения путем наложения ежегодной дани. А для этого необходимо было провести перепись населения. И эти события случились уже в те годы, когда после бегства брата Андрея великим князем стал Александр Ярославич Невский.

§ 3. ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКАЯ РУСЬ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВСКОГО

Поводом для противоположных оценок исторической роли Александра Невского Л.Н. Гумилевым и Дж. Фенеллом является один и тот же текст из «Истории Российской» В.Н. Татищева. Сводом и анализом сведений разных летописей «История» является лишь в пределах до 1237 г. Далее следует необработанный материал, в основном восходящий к списку Никоновской летописи и, возможно, также Ростовской. (Татищев упоминает о подготовленном им тексте сведений, взятых из разных летописей, но названная им рукопись не сохранилась или не найдена.) В ряде летописей под 1252 г. имеется сообщение о поездке Александра Невского в Орду к Сартаку. У Татищева добавлено: «И жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану идти на Андрея и привести его перед себя». Ни в одной известной нам летописи этого текста нет, поэтому некоторые историки (в частности, Н.М. Карамзин) предполагали здесь вымысел Татищева. Л.Н. Гумилев и Дж. Фенелл, как было отмечено, приняли цитированный текст как факт, с противоположными выводами и оценками — Александр привел на Русь татар, значит, был в союзе с Золотой Ордой. Н. Клепинин выступил в защиту Александра Невского, исходя из общего облика князя и явно более чем благожелательного к нему отношения ростовского епископа Кирилла и митрополита Кирилла.

Последний аргумент, конечно, весьма весом. Но имеются и историко-ведческие аргументы. Прежде всего в тексте Татищева явно просматривается вставка, из-за которой получается, что Андрей сначала бежит «в Немецкую землю к Риге» (во всех известных летописях он бежит из Кольвана (нынешнего Таллина) в «Свейскую землю»), а затем называется вновь о приходе Неврюя на Андрея к Переяславу. Не могли в 1252 г. быть и разговоры о «выходе», т. е. *дани*, так как таковая устанавливается лишь после переписи 1257 г. Переписи вообще производились по указаниям из монгольской ставки в Каракоруме и «численниками», присланными оттуда. В 1252 г. таковую проводили в Китае, в середине 50-х гг. в Средней Азии. В 1257 г. монгольские «численники» придут на Русь.

Есть и иные аргументы. Согласно Рогожскому летописцу, известному в единственном списке 40-х гг. XV в., Неврюева рать была в 1251 г., а Александр направился в Орду в следующем, 1252 г. 1251 г. датируют ордынское нашествие и софийско-новгородские летописи (Новгородская Первая и Ипатьевская летописи об этом нашествии ничего не говорят). И по логике, именно нашествие должно было явиться непосредственной реакцией на установление фактического союза князей Андрея и Даниила. По мнению Н. Клепинина, доносить в Орду на Андрея больше резона было у Святослава Всеволодовича. В том же Рогожском летописце под 1248 г. упоминается, что «прогнан бысть великий князь Святъслав Андреем Ярославичем». Под 1250 г. ряд летописей говорят о поездке в Орду (по собственной инициативе) Бориса Васильковича и Святослава Всеволодовича с сыном. В этих поездках, по всей вероятности, и скрыты причины посылки на Андрея Неврюя с ратью. Следовательно, сама Неврюева рать пришла на Русь именно в 1251 г.

Александр в **1252 г.** после бегства Андрея был признан в Орде «старейшим» и торжественно встречен во Владимире митрополитом Кириллом и всем «освященным собором», а также «гражданами» с крестами. «И бысть радость в граде Володимери и по всей земли Суждальской», — заметит Лаврентьевская летопись. В Новгороде после своего утверждения в качестве великого князя и «старейшего» Александр оставил своего сына Василия, которому в это время было, видимо, 12 лет.

В 1255 г. скончался Батый. Сартак отправился в Каракорум, где получил богатые дары от Мункэ. Но на обратном пути он умер. В восточных источниках есть версия, что он был отравлен Берке (ок. 1209—1266) — младшим братом Батыя. Если Сартак «числился» христианином, то Берке был мусульманином. «Тайным мусульманином» признавался и сам Батый, но, вероятнее, как отмечено выше, в ставке Батыя было своеобразное распределение обязанностей: Сартаку поручалось вести дела с христианами, а Берке, видимо, был в числе тех, кто вел дела с мусульманами. По сообщению современника событий персидского автора Джувейни, еще отец Берке (и Батыя) Джучи решил сделать Берке мусульманином, и само рождение его было обставлено мусульманским обрядом (кормилица-мусульманка должна была выполнить все необходимые обряды и поить новорожденного мусульманским молоком). Позднее Берке изучал Коран под руководством известных в мусульманском мире авторитетов и выполнял все предписания Корана. Вполне вероятно, что Берке стал убежденным мусульманином. Влияние

мусульман было заметным и в Каракоруме. Обычно из мусульманских купцов там подбирали откупщиков для сбора налогов с тех или иных областей.

1256 г. в ряде летописей открывается глухим известием: «Поехаша князи на Городец, да в Новгород; князь же Борис поеха в Татары, а Олександр князь послал дары. Борис же быв у Улавчия (сына Батыя. — *А.К.*), дары дав, и приеха в свою отчину с честью». Это запись в Лаврентьевской летописи, которая после 1238 г. кратко излагает ростовский свод начала 60-х гг. Ее повторяют многие позднейшие летописи. *А собственно ростовская запись, разъясняющая происходящее, воспроизводится у Татищева:* «Поеха князь Андрей на Городец и в Новгород Нижний княжити. Князь же Борис Василькович ростовский иде в Татары со многими дары просити за Андрея. Также и князь Александр Ярославич посла послы своя в Татары со многими дары просити за Андрея. Князь Борис Василькович ростовский был у Улавчия и дары отдал, и честь многу прием, и Андрею прощение испроси, и возвратися со мноюю честью в свою отчину».

Как видно, вся цепь событий связана с возвращением князя *Андрея Ярославича*, и упоминаемый всеми летописями Новгород — это *Новгород Нижний*, который вместе с Городцом переходил в удел вернувшегося из Швеции князя. Достоверность татищевского текста подтверждает, как и многие другие статьи за 40—50-е гг. XIII в., Лаврентьевская летопись, в которой статья следующего года открывается свидетельством: «Поехаша князи в Татары, Александр, Андрей, Борис; чтивше Улавчя, приехаша в свою отчину». Без татищевского текста невозможно было бы понять, о каком Андрее идет речь. Более развернуто то же известие повторено в летописи и под следующим годом.

В новгородских летописях под 1256 г. основной текст посвящен нападению на новгородские земли свеев, чуди и еми. Кратко об этом сказано и в летописях Владимиро-Суздальской Руси. Согласно новгородским летописям, свеи и их союзники решили построить на реке Нарове крепость, явно вторгаясь в новгородские пределы. Как обычно, новгородцы обращаются за помощью к Александру. Князь в зиму 1256—1257 гг. в сопровождении митрополита Кирилла прибыл с полками из Суздальской земли и, присоединив новгородские полки, быстро направился к местам сосредоточения вторгшихся отрядов неприятеля. Автор *Жития Александра* не слишком преувеличивал в похвалах, говоря о страхе, испытываемом разноязычными недру-

гами Руси при одном упоминании имени Александра. В летописях отмечается, что шведы сразу убралась за море, бросив своих союзников.

1257 г., имеющий значение поворотного в системе отношений Орды и Руси, в летописях отражен глухо. Можно предполагать, что в самой Орде в это время сложилось определенное двоевластие, поскольку Берке построил на противоположной стороне Волги другую столицу — *Сарай-Берке*. *В свою очередь, противостояние Берке и Мункэ подводило к фактическому отпадению Золотой Орды от Монгольской империи.*

Берке, став в 1257 г. единодержавным властителем Орды, усиливает натиск и на русские земли. На Юго-Западную Русь направляется большое войско Бурундая, окончательно подчиняющее эти земли Орде. **Принципиальным событием, устанавливающим порядок эксплуатации русских земель, явилась перепись всего населения в 1257 г., проводившаяся «численниками», присланными из Монголии и фиксировавшими зависимость от Каракорума не только Руси, но и Берке.** В летописях дается в целом одна информация: «Тое же зимы приехаша численници, и счетоша всю землю Суждальску, и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Орду, толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрит на святую Богородицу и на владыку» (Лаврентьевская летопись). Для контроля над исполнением нового порядка создается *баскаческая система*: система надзора за всем происходящим отрядов монголо-татарских наместников, которые, опираясь на князей, их же в первую очередь и контролировали.

В Новгороде известия о переписи Суздальской земли вызвали волнения. «Приде весть из Руси зла, яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новгороде; и смятошася люди черес все лето». Так начинается новый год Новгородская Первая летопись. Прибытие «численников» в сопровождении Александра летопись датирует «той же зимой», т. е. зимой того же года, а продолжение событий 1257 г. находится в статье 1259 г. В других летописях и у Татищева волнения в Новгороде помещены под 1258 г. 1258 г. датируют волнения в Новгороде и летописные своды Северо-Восточной Руси.

Согласно «Истории» Татищева, сначала «приехаша численцы ис Татар в Володимер». Затем они направились в Новгород, и Александр придал им собственных «мужей для числения».

Сын его Василий, «послушав злых советник новгородцев и безчествоваша численики». «Численики» «з гневом великим, пришед к великому князю Александру, скажаша и хотяху ити во Орду». Что могло последовать после этого — нетрудно представить. Александр «разуме беду тую, созва братию и едва упроси послы ханские». Теперь сам Александр, а также Андрей Ярославич и Борис Василькович сопровождают числеников.

Сын Александра Василий бежал из Новгорода во Псков. Численники стали требовать дани, но новгородцы отказались выполнить их требования, хотя «даша многи дары ханови и послом его, а их отпустиша с миром». В городе в ходе распрей были убиты два посадника, а также избраны новые посадник и тысяцкий, а Александр отправил Василия в Суздальскую землю, жестоко расправившись с советниками юного княжича. В следующем году численники вернулись во Владимир и в сопровождении тех же трех князей направились в Новгород: «И изочтоша всю землю Новгородскую и Псковскую, точию не чтоша священнического причета». Александр на сей раз оставил новгородцам другого своего сына — Дмитрия и вернулся во Владимир.

Новгородская летопись, однако, дает некоторые материалы для более объемного суждения как об отношениях внутри Новгорода, где при переписи «творяху бо себе бояре легко, а меньшим зло», так и в отношениях переписчиков с местным населением. Летописец сообщает о приезде «оканнных» (окаянных) татар «сыроядцев» Беркая и Касачика «с женами своими и инех много». «И по волости много зла учиниша, беруще туску оканным Татаром». Туска — это провиант и подарки для переписчиков и сопровождающих их родичей и знакомых. Именно «туска» более всего возмущала новгородцев, и такого рода поборы со стороны баскаков и разного рода «посольств» будут и позднее причинами многих восстаний.

В чем выражалась монголо-татарская дань, *«ордынский выход»* или *«черный бор»*, как ее стали называть на Руси? Единицей обложения на Руси издавнее были *«плуг»*, *«дым»*, *«двор»*. Обычно монголы использовали единицы, принятые в той или иной стране. В сельских местностях на Руси монголо-татарская дань также взималась с *«сохи»* (в ней, по данным Татищева, считалось два коня и два работника мужского пола), а также с *«деревни»* (примерно равнявшейся «сохе»). В городах «сохе» и «деревне» приравнивался «двор». «Вятские», т.е. богатые новгородцы, видимо, сумели свои «дворы» приравнять к «дворам» «меньших» — обыч-

ных ремесленников. И то, что было разорительно для «меньших», сравнительно мало затрагивало «вятших».

Своеобразной «сатисфакцией» непопулярной на Руси акции трех князей и одобрявшего их действия митрополита явилось учреждение в Сарае в 1261 г. *особой Сарайской епархии* Русской Православной Церкви. В Орде было немало христиан самого разного толка. Достижением русской дипломатии явилось то, что епископа Митрофана на новую епархию посвящал митрополит Кирилл. Приверженец ислама Берке шел на это, видимо, чтобы ослабить влияние в самой Орде Каракорума, забиравшего значительную часть дани. Новая епархия, конечно, оставалась под надзором ханской ставки, но отныне на Русь стали поступать более свежие и достоверные сведения о положении в Орде.

В 1262 г. была достигнута важная дипломатическая победа — заключен мирный договор с Миндовгом Литовским, по которому Полоцк возвращался «под руку» Александра и появлялась возможность совместных действий против Орды. В том же году новгородцы с князем Дмитрием Александровичем и полками, пришедшими из Суздальской земли, взяли Юрьев. С Ригой, Орденом, Любеком и Ганзой был заключен договор о свободной торговле. В результате западные границы были на время прикрыты, но на востоке положение оставалось более чем напряженным.

Как и всюду, на Руси сбор даней ханами был отдан на откуп «бесерменским» (мусульманским) купцам, которых сопровождали монголо-татарские отряды. В 1262 г. «от лютого томленья», «нетерпяще насилья поганых», Ростов и другие города Суздальской Руси восстали и перебили «бесермен» и их сопровождение. Это выступление было явно подготовленным и скоординированным. Избежать нового ордынского нашествия удалось потому, что сами сборщики даней были выходцами из Каракорума, с которым Берке фактически разорвал отношения. К тому же Золотая Орда вступила в борьбу с улусом Хулагу, в частности из-за Азербайджана, на который претендовал хан Золотой Орды. Поэтому Берке рассчитывал получить из Руси воинскую помощь.

В результате Берке счел достаточным вызвать в Орду Александра. В Житии Александра Невского это событие упомянуто как бы по свежим следам: «Бе же тогда, — пишет агиограф, — нужда велика от иноплеменник, и гоняхут христиан, веляши с

собою воинствовать. Князь же великий Александр поиде к цареви, дабы отболити людии от беды тоя...» Похоже, что получить воинов из Руси ордынскому хану на этот раз не удалось. Но он не отпустил князя, оставив его фактически в качестве заложника. Отпущен Александр был лишь в следующем году тяжело больным — высказывалось предположение, что Александр Невский был отравлен в Орде. Не доехав до Владимира, великий князь скончался в Городце на Волге 14 ноября 1263 г., в возрасте 43 лет, приняв схиму.

Правление Александра Ярославича Невского надолго вошло в историческую память русского народа. Почти четверть века, в самый трудный для Руси период, Александр мечом и дипломатией защищал ее от смертельных угроз и с Запада, и с Востока. Он не знал поражений на поле боя, побеждая с меньшими силами. У него трудно усмотреть и дипломатические ошибки. *А судить его потомкам следует не столько по достигнутым результатам, сколько по препятствиям, которые пришлось преодолеть.* Автор Жития был искренен в плаче: «О, горе тебе, бедный человек! Какое можешь написать кончину господина своего! Какое не упадет тебе зеница вкуче со слезами! Какое не урвется сердце твое от горькой туги! Отца бо оставити человек может, а добра господина не мощно оставити». И слово митрополита Кирилла — заказчика Жития автор воспроизвел как свидетель: «Чада моя, разумеете, яко уже зайде солнце земли Суздальской». Александр Невский был похоронен во Владимире в монастыре Рождества Богородицы.

§4. РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

После смерти Александра Невского осталось четверо его сыновей: *Василий, Дмитрий, Андрей, Даниил*. На великое княжение стал претендовать Андрей, а оспаривал его притязания *Ярослав Ярославич Тверской* (1230—1271) — брат Александра Невского. К хану Берке были отправлены послы обеих сторон. Хан вызвал к себе Ярослава и в 1264 г. «отпустил» с ярлыком на великое княжение.

В 1266 г. Берке скончался, а на ханский трон был возведен *Менгу-Тимур* (1266—1282), сын второго сына Батыея Тукана. «И бысть ослаба на Руси от насилия татарского», — отметит Та-

тишев. На факт этот указывают и сохранившиеся летописи: Тверской сборник, Никоновская и ряд других XV—XVI вв. Поскольку в Новгородской Первой летописи этого сюжета нет, можно предполагать, что он заимствован из несохранившегося ростовского свода. Последовала ли на самом деле «ослаба» — неясно. Возможно, что она и коснулась только Ростова.

Однако именно при Менгу-Тимуре наиболее активно действовала баскаческая система. Баскаки были при всех князьях, контролируя их действия и вмешиваясь в тех случаях, когда интересам Орды усматривалась какая-либо угроза. С баскаками располагались и татарские отряды, выполнявшие как бы полицейские функции за счет местного населения. Менгу-Тимур проводил довольно амбициозную внешнюю политику, не оглядываясь на великих ханов и активно используя русское войско в походах. Еще при жизни Берке среди монгольских полководцев выделялся темник *Ногай*, который при Менгу-Тимуре стал ведущим полководцем Орды, контролировал обширную территорию от Дона до Дуная и практически все Северное Причерноморье. Соседи областей, контролируемых Ногаем, стремились установить с ним непосредственные отношения. В числе их были и русские князья, искавшие помощи у татар в своих усобицах и спорах за уделы.

Л.Н. Гумилев придавал большое значение упоминанию в летописях под 1269 г. похода на немцев (в ответ на нападение их на Псков) русского войска и татарских отрядов, возглавляемых владимирским баскаком Иаргаманом и его зятем Айдаром, обращая особое внимание на фразу «зело бо бояхуся и имени татарского». Отсюда Гумилев сделал вывод, что татары защищали Русь от внешней западной угрозы. Но у татар были и свои резоны продвигаться на запад, а княжество Литовское было одним из объектов притязаний Орды, тем более что в его составе было немало русских земель, а литовские князья-христиане обычно искали помощи на Руси против сородичей-язычников.

Надо сказать, что новый великий князь Ярослав Ярославич был на редкость далеким от понимания даже текущих проблем Руси, не говоря уже о каких-то перспективах. Он сам обращался в Орду за помощью против тех же новгородцев и сам приводил татар на Русь. В 1266 г. он выступил против псковичей, которые приняли на княжение пришедшего из раздираемой усобицами Литвы князя Довмонта. Главной своей задачей *Довмонт* (ум. 1299 г.) считал поддержку христианства в Литве, ради чего

совершил с псковичами два успешных похода на Литву. Действия князя активно поддерживали и новгородцы, поскольку и те и другие постоянно страдали от набегов языческой Литвы. Ярослав же прибыл в Новгород, чтобы идти на Довмонта к Пскову. Новгородцы «возбраниша ему», приглашая идти на помощь псковичам. Но князь вернулся во Владимиро-Суздальскую Русь.

В 1270 г. снова возник конфликт Ярослава с новгородцами, причем на сей раз новгородцы выступали довольно дружно. Вопрос решался на вече, которое постановило изгнать князя из города, «и приятели его и советники его избиша, и дворы их и имение разграбиша». По Татищеву, к Ярославу «на Городище» «мнози побегоша», в том числе тысяцкий Ратибор с дружиной. На Городище Ярославу новгородцы направили «грамоту», в которой излагались «вины» князя. Грамота эта сама по себе любопытна как показатель «будней» в отношениях князя и города. «Неправда» князя заключалась в том, что он держал много ястребов и соколов и, таким образом, отнял у новгородцев Волхов и «иные воды», по которым и новгородцы охотились на уток. Другая вина — князь держит много псов и отнял у новгородцев заячьи ловли. Перечисляется несколько новгородцев, у которых князь отнял много серебра. Возмущало их и стремление Ярослава изгнать иноземцев, живших в городе, поскольку у них были договоры по всему Волго-Балтийскому пути и с городами Ганзы о равноправной торговле. Намекнув и на «иные вины», новгородцы заключают: «Не можем терпеть твоего насилия; поиде, княже, от нас добром, а мы себе князя добудем». Ярослав отправил к вечникам сына Святослава и тысяцкого с покаянием, соглашаясь «исправиться» «на всей воле новгородской». Но новгородцы были непреклонны: «Княже, не хошем тебя, иди от нас добром; аще ли не тако, то прогоним тебя и не хотящу ти».

Ярослав ушел из Новгорода и направил Ратибора в Орду просить татарской помощи, обвиняя новгородцев в том, что они его не слушают, не дают дани в Орду, выгнали сборщиков дани и иных «смерти предаша», самого Ярослава с бесчестием выгнали, а на хана возводят хулу. Естественно, хана эта просьба обрадовала, и он стал готовиться к походу. В этой ситуации Дмитрий Александрович отказался от очередного предложения новгородцев прийти к ним на княжение. Ситуацию разрядил княживший в Костроме Василий Ярославич. Он направил посольство в Новгород предупредить о намерении Ярослава с

Дмитрием Александровичем и смоленским князем Глебом Ростиславичем вместе с татарами идти на Новгород, сам же отправился в Орду отговорить хана от намерения послать свое войско. Князь убедил хана в том, что виноват во всем сам Ярослав, новгородцев же убеждал помириться с повинившимся князем.

Ярослав с сыновьями и названными князьями все-таки направились к Новгороду, но новгородцы огородились острогом, образовали внушительный оборонительный заслон, который Ярослав не решился штурмовать. Он обратился за помощью к митрополиту Кириллу, покаялся в своих винах перед ним и обещал вновь покаяться перед новгородцами, и тот сумел помирить князя и новгородцев.

В том же году проявил себя рязанский баскак. Он донес Менгу-Тимуру о том, что Роман Ольгович Рязанский хулит хана и ругает его веру. Роман Ольгович был вызван в Орду и подвергнут мучительной казни. Впоследствии Роман будет как мученик за веру причислен к лику святых.

В 1271 г. скончался Ярослав Ярославич, по одним летописям «в Татарех», по другим — «идя из Орды». В 60 — 70-е гг. XIII в. русские князья постоянно навещали Орду, и неизвестно, умирали ли они там от естественной болезни, или им в этом «помогали». После кончины князя родился его сын, нареченный Михаилом. Это — будущий великий князь Тверской Михаил Ярославич.

Великим князем после Ярослава стал младший Ярославич — *Василий*, упомянутый выше костромской князь. И сразу возникают разногласия, выливающиеся в усобицу Василия Ярославича с племянником Дмитрием Александровичем из-за Новгорода. В итоге в 1272 г. Василий направляет воеводу Семена на новгородские волости, а сам идет к Переяславлю и Торжку, который сжег и посадил там наместников. Семен же вернулся «со многим полоном» из новгородских волостей.

В 1273 г. на новгородские земли обрушился еще более масштабный набег, в котором помимо «низовских» полков Василия Ярославича участвовали татарские отряды тех же Иагармана и Айдара и «татары ханские», а также приглашенные тверским князем Святославом Ярославичем (сыном Ярослава Ярославича) татарские отряды из Орды. Были разграблены новгородские волости, города Волок, Бежицк, Вологда. Отовсюду во Владимир и в Тверь тянулся «полон», а новгородских купцов повсюду захватывали и грабили. В этих условиях новгородцы не

решились отстаивать свои владения и склонили голову перед Василием Ярославичем и, соответственно, перед грабившими их татарами.

Как видно, *русские князья сами отдавали свои земли на татарское разорение*. Возможно, именно эта ситуация могла стать главной причиной возвращения митрополита Кирилла в Киев. В следующем 1274 г. он привезет во Владимир нового епископа, киево-печерского архимандрита Серапиона. *Серапион Владимирский* (ум. 1275 г.) станет известен как автор «Слов» и «Поучений», проникнутых болью за пороки современников: междоусобия князей, «несытость имения», «резимство» — ростовщичество и вообще «всякое грабление». И все это творилось на фоне очевидной для всех картины монголо-татарского произвола и насилия, разграбления русских земель, буквального порабощения, т. е. обращения в рабство и продажу на невольничьих рынках многочисленного «полона». К сожалению, в следующем году Серапион скончался. Но его позиция, позиция митрополита Кирилла и в целом Русской Церкви, несмотря на привилегии, полученные от ордынских ханов в виде освобождения от даней и постоев, показывает, что *церковь, по крайней мере на высшем уровне, стремилась мобилизовать население на борьбу с ордынским игом*. И именно этой цели служили канонизации князей *Михаила Черниговского* и *Романа Олеговича Рязанского*, погибших в Орде в муках, но не потерявших человеческого и христианского достоинства.

Под 1275 г. летописи сообщают о большом походе монголо-татар и русских князей на Литву. Одни из них говорят о возвращении «с большим полоном», а другие, напротив, отмечают, что участники похода «не успевше ничто же, възвратишася назад» (Симеоновская и Троицкая летописи). Но именно в этом сообщении мы находим изображение реальной картины ордынской «помощи»: «Татарове же велико зло и многу пакость и досаду сътвориша христианом, идуше на Литву, и паки назад идуше от Литвы того злее створиша, по волостем. По селом двory грабьяше, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, облупивше нагого пустятъ; ...и всюды, и вся двory, кто чего отбежал, то все пограбьяша погании, творящеся на помощь пришедше, обретошася на пакость. Се же написах памяти деля и пользы ради». Как видно, «помощь» обернулась очередным разорением русских земель.

В 1275 г., по сообщению Никоновской летописи и Татищева, произошла *вторая перепись* потенциальных плательщиков дани на Руси. Текст Татищева оказывается наиболее информативным, поскольку только в нем указаны размеры дани: «Князь великий Василей поиде во Орду к хану. Егда прииде князь великий во Орду и принесе дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша два мужи работнии, и дары многи, и выход особ, и хан прият его с честью, но рече: «Ясак мал есть, а люди многи в земли твоей. Почто не от всех даеши?» Князь же великий отъимаяся числом баскаков прежних (т. е. отговаривался данными первой переписи. — *А.К.*). И хан повеле послати новые численники во всю землю Русскую с великими грады, да не утаят люди». В более кратком изложении Никоновской летописи отмечено, что иноки и церковный притч от даней освобождались.

В зиму 1276—1277 гг. скончался князь Василий Ярославич. Преемником Василия Ярославича на великокняжеском столе стал его племянник и недавний противник *Дмитрий Александрович* (ум. 1294 г.). Новгородцы сразу же пригласили Дмитрия Александровича к себе.

Другие русские князья потянулись в Орду за новыми и подтверждением старых ярлыков и оказались мобилизованными Менгу-Тимуром для похода на Северный Кавказ, где 8 февраля (уже 1278 г.) был взят «ясский» (аланский) город Деяков. Менгу-Темир князей русских «похвалив велми и одарив всех, и отпусти их на Русь, в свои их отчины с многою честью и с дары».

А великий князь Дмитрий Александрович тем временем занимался только новгородскими делами. Вскоре после появления в Новгороде он организовал поход на Карелу «и взя землю их на щит». В следующем году он срубил город, а затем в 1279 г., вместе с посадником и «с болшими мужи» обложили город камнем. И, как обычно, после этих успехов князь и новгородцы перессорились, и Дмитрий Александрович ушел в Переяславль, где в это время находился митрополит Кирилл и где он скончается 7 декабря. Сюда из Новгорода прибыл епископ Климент ради благословения у митрополита и с предложением мира и любви от новгородцев ко князю. Князь, однако, не примирился и пошел на Новгород с «низовской» ратью. Снова «с челобитьем, и с молением, и с дары» новгородцы высылают навстречу князю Климента. Взяв дары, Дмитрий вернулся с братьями во Владимир.

1281 г. заполнен в летописях сообщениями об усобицах. Одна развернулась в Ростове, где правил дуумвират братьев Дмитрия и Константина. Между ними и возникла вражда, и Константин отъехал к великому князю Дмитрию Александровичу во Владимир, но великий князь примирил братьев.

Другая усобица оказалась серьезней и тяжелей по последствиям. *Андрей Александрович* (ум. 1304 г.), младший брат Дмитрия Александровича, отправился в Орду к хану, «ища себе княжения великого под братом своим старейшим». И «многими дарами» добился желаемого ярлыка на великое княжение. Получив известие о намерении Дмитрия защищаться, Андрей вновь обратился к хану, акцентируя внимание на непослушании Дмитрия распоряжениям самого хана. Хан направил на Русь вместе с Андреем двух своих воевод с татарской ратью. Придя к Мурому, Андрей попытался объединить вокруг себя других русских князей, чтобы совместно идти к Переяславлю на старшего брата. Татары же разорили и Муром, и все предместья Владимира, Юрьева, Суздаля и Переяславля: «Все пусто сътвориша и пограбиша люди, мужи и жены, и дети, и младенцы, имение все то пограбиша и поведоша в полон». Князь Дмитрий с малой дружиной, женой, детьми, боярами и двором бежал к Новгороду и остановился в Копорье, готовясь при случае бежать «за море». Новгородцы не только отказались помогать князю, но взяли в заложники двух его дочерей и бояр. Татары же продолжили грабежи под Ростовом, Тверью и Торжком: «Испустошиша и города, и волости, и села, и погосты, и монастыри, и церкви пограбиша, иконы и кресты честныя, и сосуды священныя служебныя, и пелены, и книги, и всякое узорочие пограбиша, и у всех церквей двери высекоша, и мнишьскому чину поругашася погании...»

Князь Андрей Александрович утвердился на великокняжеском столе и отпустил татар в Орду. Но результатом монголо-татарской «помощи», к которой прибегали, к сожалению, многие князья, стало очередное разорение русских земель.

Дмитрий Александрович с помощью псковского князя Довмонта сумел сохранить свою дружину и казну в Копорье и вернулся в Переяславль, куда стали собираться и многие пострадавшие от татарского разорения. Получив известие об этом, Андрей Александрович снова отправился в Орду и привел новую ордынскую рать. Дмитрию с семьей, дружиной и со всем двором пришлось бежать к Ногаю, который держался независимо от Сарая и принял беглецов «с честью», но реальной помощи не оказал.

В русских летописях нет сведений о кончине Менгу-Тимура в 1282 г. Между тем это событие существенно меняло расклад политических сил и в Орде, и на Руси. В Орде начинается «*заметня*» — борьба за стол великого хана, которая велась до тех пор, пока в 1290 г. не утвердился сын Менгу-Темира хан *Тохта* (правил в 1290 — 1312 гг.). Тохта пришел к власти с помощью Ногая, а в 1300 г. именно им Ногай будет убит. В русских источниках он упомянут уже под 1291 г., в то время как правившие 8 лет его предшественники по именам ни разу не названы.

В условиях внутривосточной борьбы в Орде соискатели великокняжеского стола на Руси на столь массивную «помощь», какую получил Андрей Александрович в 1281 г., рассчитывать не могли. Может быть, это обстоятельство и примирило соперников, причем Дмитрий снова вернулся во Владимир, а Андрей пошел в Нижний Новгород. Борьба между братьями, однако, будет продолжаться, хотя Дмитрий сохранит титул «великого князя» до своей кончины в 1294 г.

В 80-е гг. XIII в. произошли некоторые события, отмеченные большинством летописей. Прежде всего это связано с появлением в 1283 г., после трехлетнего перерыва, на митрополичьем столе в Киеве митрополита — «*гречина*» *Максима* (ум. 1305 г.). В следующем году в Киев были созваны все епископы, где митрополит знакомился с владыками, занимавшими русские епархии. В 1288 г. Максим поставил епископам во Владимир, Суздаль и Нижний Новгород *Иакова*, а в 1289 г. в Ростов игумена монастыря *Иоанна Богослова Тарасия*. По просьбе *Михаила Ярославича Тверского*, его матери и бояр в Тверь был утвержден епископом игумен общежительского монастыря *Богородицы литвин Андрей*.

Многие летописи отметили также «зло», происшедшее в Курском княжении в 1284 — 1285 гг., т. е. во время смуты в Орде. Событиям этим посвящалась специальная повесть, в которой ставилась принципиальная проблема: *бороться с татарами или приспособливаться к их власти?* Вопрос этот вставал в условиях жесточайших репрессий в основном перед отдельными личностями, сознательно шедшими на мученическую смерть (*Михаил Черниговский*, *Роман Олегович Рязанский* и некоторые другие).

Летописная «*Повесть*» ставила главный вопрос времени: как жить дальше? В *Никоновской летописи* и у *Татищева* дается вводное пояснение: дань ордынские ханы и их князья собирали разными путями — либо

отдавали ее на откуп тем же баскакам, либо ее привозили в Орду сами русские князья, либо продавали право на ее сбор «гостям», т.е. приезжавшим в Орду купцам, которые «тако корысть себе приобретаху».

События разворачиваются вокруг курского баскака Ахмата. По Симеоновской летописи это был «бесерменин злохитр и велми зол», а по Никоновской и «Истории» Татищева — «князь татарский», «Темиров сын». Баскак «откупаша у Татар дани всякия и теми даньми велику досаду творяше князем и черным людем в Курском княжении». Помимо этого, баскак в вотчине князя Рыльского и Воргольского Олега создал две слободы, куда стекались люди из разных мест, и «насилие творяху христианам», окрестные волости «пусто сътвориша». Олег, договорившись со своим родичем Святославом Липецким, отправился с жалобой в Орду, учитывая, что Ахмат ориентировался на Ногаю. Из Орды дали князю «приставы» и разрешение разорить слободы, а их со Святославом людей вывести в свои волости, что и было совершено.

Ахмат находился в это время у Ногаю, и, услышав о случившемся, «замысли сдумати клевету на Олега к царю Ногаю». В результате Ногай дал Ахмату рать, с которой тот разорил земли князей, а захваченных в плен бояр изощренно казнил. «А трупья бояр тех, сообщают летописи, — повеле по деревьям развешати, отгымая у всякого голову да правую руку; и начаша бесермена вязати головы те кь тором боярския, а руки выкладоша в судно и въставиша на сани и поидоша от Воргола, и пришедше в села и потом в Туров. Хотеша же послати по землям головы и пuky боярския, ино некуда послати, все княжение изымано, и тако пометаша головы и руки боярския псом на снеть... Мнози человеци от мраза изомроша, людие облуплени суще (т.е. раздеты), мужие и жены и младенци». Завершая рассказ обычным рефреном о наказании за грехи, автор особо подчеркивает: «Мню же и князей ради, понеже живяху в которе». Князья, действительно, жили «в которе», т.е. в распрях. Это относилось и к двум названным князьям, и последующие события проявили это в полной мере.

Ахмат оставил двух своих братьев сторожить слободы, а сам отправился в Орду, «держася рати Татарския», поскольку «не сме жити в Руси», пока князья оставались на свободе. И уже в следующем году Святослав Липецкий, не посоветовавшись с Олегом, решил провести акцию мести. «Два бесермена» с тридцатью русскими переходили из одной слободы в другую, когда были перехвачены дружиной Святослава. Были убиты эти «бесермены» и 25 человек русских. Братья Ахмата бежали в Курск, а слободы разошлись кто куда. Олег, вернувшийся из Орды, осудил акцию Святослава. И у татар, и на Руси такие нападения квалифицировались как «разбойные». Олег настаивал на том, чтобы Святослав шел оправдываться в Орду, но Святослав отреагировал жестко: «Аз сам ведаюся в своем деле, прав аз, аже есмь тако учинили, то суть мои ворози».

Олег упрекал Святослава в нарушении договоренностей и в нежелании искать справедливости в Орде. Сам он снова отправился в Орду и, вер-

нувшись с татарским войском, «уби князя Святослава по цареву слову». А вслед за тем брат Святослава Александр убил Олега и его сына Давыда. «И сътворися радость диаволу и его поспешнику бесерменину Ахмату», — заключается рассказ в Симеоновской летописи. Никоновская летопись и «История» Татищева содержат указание на то, что Александр тоже ходил в Орду с дарами и получил от хана рать, с которой и расправился с Олегом и (в этом варианте) с двумя его сыновьями. И завершается повесть в этих источниках философски: «Многа убо и велика сия повесть, но множества ради оставлена бысть; может бо и малая сия повесть человеку ум имущему плач и слезы сътворити».

Поводом для «плача и слез» могло послужить и еще одно деяние русских князей. Вскоре после занятия Тохтой великоханского стола в Орде Андрей Александрович и князья ростовские, а также епископ ростовский Тарасий отправились в Орду с жалобой на Дмитрия Александровича. Хан сначала думал вызвать в Орду Дмитрия, но затем решил отправить с просителями своего брата Дюдены с большой татарской ратью. Переяславцы разбежались, а Дмитрий бежал в Псков. Печально знаменитая «*Дюденева рать*» в 1293 г. рассыпалась по Суздальской земле, взяла и разорила 14 городов, включая Владимир, Суздаль, Переяславль, Москву. В стороне от разорения осталась только Тверь (но и она была разорена в следующем году другой ордынской ратью). Дюдень собирался идти и на Новгород, но новгородцы откупились богатыми дарами. Ордынская рать повернула назад в степь, перегруженная, как обычно, награбленным имуществом и «полоном», а Андрей Александрович продолжал добиваться великокняжеского стола основательно разоренного Владимира, который и получил после смерти Дмитрия в 1294 г.

Новый цикл межкняжеских противоречий начался в 1296 г., чем снова воспользовались татары: на Русь прибыл Олекса Неврюй с татарской ратью, выполняя и функции посла. Князья собрались на съезд, где против Андрея Александровича встали Михаил Тверской, младший брата Даниил Александрович и представители переяславцев. На сей раз разошлись мирно, но противостояние сохранилось.

В 1299 г. Киев покинул митрополит Максим, «не терпя насилья от татар... и весь Киев разыдесь». Максим поначалу направился в Брянск, но в конечном счете оказался во *Владими́ро-Суздальской земле* и занял *владимирскую кафедру*. Этот факт показывает, что даже при всех многократных разорениях

со стороны Орды и внутренних усобицах, именно Северо-Восточная Русь оставалась в перспективе единственной землей Руси, где могло начаться возрождение. Следующий XIV в., который тоже будет нелегким для Руси, подтвердит это положение, и именно здесь в конечном счете начнется преодоление страха, растерянности, мелочных конфликтов князей и неорганизованности.

§5. ПРОБЛЕМА «ОРДЫНСКОЙ ДАНИ»

Вопрос о размерах «ордынской дани» — главный в оценке последствий монголо-татарского ига, в исторической литературе в полной мере не разработан. Причина этого — недоверие к уникальным данным «Истории Российской» В.Н. Татищева. В результате же в «трудах» евразийцев появляются утверждения о том, что дань, наложенная Золотой Ордой на Русь, была совсем невелика. Так, постоянный мотив публикаций Л.Н. Гумилева — русские жили при татарах столь же привольно, как и ранее. Другой евразиец В.В. Кожинов, поддерживая эту концепцию, утверждал, что «в среднем на душу населения годовая дань составляла всего лишь один-два рубля в современном исчислении! Такая дань не могла быть обременительной для народа, хотя она сильно била по казне собиравших ее русских князей (в чем логика? — А.К.). Но даже и при этом, например, князь Симеон Гордый, сын Ивана Калиты, добровольно жертвовал равную дани сумму денег для поддержания существования Константинопольской патриархии».

Подобное ответственное утверждение дается со ссылкой на статью П.Н. Павлова, опубликованную в 1958 г. в «Ученых записках» Красноярского пединститута. В статье такого заключения нет и быть не могло: мы не знаем ни общей суммы дани, ни численности населения, обложенного данью. Едва ли не лучший знаток татарской политики на Руси А.Н. Насонов остановился в недоумении, встретив указание на то, что татары выделили на территории Великого княжества Владимирского 15 тем, т.е. 15 «округов» с населением по 10 000 человек в каждом («тьма» — 10 000). Ведь это означало по меньшей мере десятикратное сокращение населения в результате нашествия! В конечном счете видимо, так оно и было. Но решение данного вопроса должно осуществляться не путем деления одного неизвестного на другое неизвестное, а выяснением норм обложения.

Как было отмечено, в нашей литературе указание *В.Н. Татищева* на размеры дани не привлекло должного внимания. Один из крупнейших и авторитетных историков первой половины XX в. *Б.Д. Греков* заметил, что «конечно, Татищев не выдумал здесь «сохи», а взял ее из летописи, до нас недошедшей». Но он усомнился в том, что «соха» могла быть представлена двумя работниками.

«Соха», очевидно, значит то же, что и «плуг» в «Повести временных лет», с которого платили дань вятичи и радимичи, а также многие западнославянские племена. «Плуг», как и «соха», предполагали размеры поля, которое может быть обработано за сезон. Представление о «плуге» как единице обложения дает автор XII в. Гельмольд, говоря о балтийских славянах: это пара лошадей или волов, впрягаемых в орудие пахоты, и, соответственно, размер обрабатываемого ими участка земли. В конце XIX в. на пару лошадей в среднем приходилось 7,2 десятины пашни. За семь столетий технология сельскохозяйственного производства изменилась мало. Но все-таки 7 десятин, видимо, максимальный размер древней «сохи».

Б.Д. Греков усомнился в том, что «соха» может определяться количеством работников. Но взаимосвязь между обрабатываемой площадью, численностью рабочего скота и количеством рабочих рук предполагалась всегда. Возможны были и другие варианты в зависимости от местных условий. В новгородской грамоте середины XV в. о предоставлении князю Василию Васильевичу «черного бора» (татарской дани) с Новоторжских волостей поясняется: «А в соху два коня, а третье припряжь (т. е. пристяжной. — *А.К.*)». Поскольку «сохи» по местностям различались, *Иван III* в 1478 г. с присоединением Новгорода «велел въспросити, что их соха; и они сказали: 3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет (т. е. пашет. — *А.К.*), а кто на трех лошадех и сам третьей орет, ино то соха».

В новгородской грамоте имеется и перечень равноценных замен «сохи» для промыслового населения: *чан кожевничий, невод, «четыре пешци»* (т. е., безлошадные), *кузнец, лавка*. За ладью и *чан для выварки соли* числили две «сохи». Испольщики (работавшие исполу, из половины урожая) вносили по «полсохи». В городе окладной единицей служил «двор» или «дом». Но предполагалась и дифференциация по роду занятий. Как отмечалось выше, «соху» могла заменять «деревня». При этом «деревня» часто была меньше «сохи». Так, в новгородских пис-

цовых книгах 1500 г. упоминается шесть владычных деревень, насчитывавших вместе с погостом лишь 11 дворов с 14 жителями, что составляло 13 обж, или 4 с третью сохи.

Когда-то «двор» и «соха» в основном совпадали. Но в монгольский период семьи были и малочисленны, и маломощны, что было естественно и связано с тяготами жизни. Поэтому редкий двор мог вести хозяйство на уровне «трудовой нормы» начала XX в., примерно совпадающей со старой «сохой». В упомянутом погосте высевалось 52 коровья хлеба (примерно 350 пудов), или 80—90 пудов на «соху», как и в начале XX столетия. Урожай исчислялся соотношением посеянного и полученного. Различаясь в разных местах и в разное время, в северной половине Руси он обычно составлял от сам-два до сам-четыре. В голодные годы часто не собирали и семена. Урожай сам-два оставлял на потребление те же 80—90 пудов, сам-четыре, соответственно, 240—270 пудов. *Это и есть основной доход крестьян, включенных в «соху».*

Важно определить, что стоила в названном татищевском тексте «полугривна». Новгородская гривна содержала 204 грамма серебра, полугривна — 102 грамма. Скорее всего, «рубль» равнялся «полугривне» (рубль — это отрубленная часть). Что можно было купить на эту сумму в XIII—XV вв. и где мог добыть серебро крестьянин? В.О. Ключевский подсчитал, что рубль конца XV в. стоил в 130 раз больше рубля конца XIX в. Это связано и с уменьшением содержания серебра в рубле, и с неуклонным отставанием производства от роста находящегося в обращении металла.

В конце XIX в. батрак и однолошадный крестьянин зарабатывал и потреблял с семьей *за год* продуктов на сумму *менее ста рублей*. Это много меньше, чем рубль XV в. Упомянутый П.Н. Павлов сделал выписку из Псковских летописей о ценах на хлеб в XV в.: они колебались от 87 до 250 пудов за рубль. Псковские летописцы вообще внимательно следили за ценами и выплатами. Так, под 1424 г. сообщается о сооружении каменной стены у псковского кремля: 200 мужей три с половиной года строили стену и получили за это по 6 рублей каждый (1200 рублей на всех). Под 1465 г. летопись говорит о новом строительстве стены. На сей раз трудились 80 «наймитов». За три года они получили 175 рублей, т. е. немногим более двух рублей на каждого.

Такова была плата за труд в XV в. В XIII—XV вв. она не могла быть большей, поскольку и серебра было много меньше, и про-

изводительность труда, в частности ремесленного, упала в связи с разрушением многих городов и угоном ремесленников в рабство. **1 рубль — это почти предел платы, которую мог получить работник за год.** А добыть «серебро» в деревне всегда было во много раз сложнее. Приходилось ждать купцов и, предлагая свою продукцию, мириться с их неизбежно заниженными ценами. Таким образом, **«ордынская дань» в размере одного или двух рублей в год — это был настоящий грабёж, практически не оставлявший населению деревень и городов возможностей не только для расширения производства, но и для обычной жизни.**

«Ордынская дань» не была постоянной. Обычно князья пытались добиться ее уменьшения, а Орда — увеличения. Уменьшить дань можно было, очевидно, заменой какими-то иными услугами, вроде поставки вспомогательных ратей в татарское войско. Но до середины XIV в. действовали нормы, установленные еще первыми переписями, проведенными в XIII в. Об этом говорят косвенные данные. Так, сразу после смерти Ивана Калиты жители Торжка, опираясь на помощь Новгорода, отказались вносить дань. Симеон Гордый направил к Торжку большое войско, и новгородцы согласились отдать «бор по волости», а новоторжцев обязали внести **1000 рублей.** Мир восстанавливался «по старым грамотам». Видимо, *это та сумма, которую обычно вносил Торжок.* Вряд ли город имел в это время более тысячи облагаемых дворов (после монгольского разорения таких городов были единицы). А это совпадает с уровнем, утвержденным в XIII в. Другие косвенные данные — воспоминания о тяжести дани при хане Узбеке. В летописях есть указания на то, что были попытки распространить дань и на духовенство. Так, в 1342 г. в Орду был вызван митрополит Феогност, от которого требовали «полетной» дани, так как он имел большие доходы, обирая низшее духовенство и мирян. От претензий митрополиту пришлось отбиваться взятками: он оставил в Орде 600 рублей.

Ослаблением Орды русские князья будут пользоваться, а освобождение от дани было важнейшей задачей в рамках свержения ига вообще. Но после нашествия Тохтамыша под 1384 г. летописи сообщают о «дани тяжкой» «по всему княжению великому, всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине. Тогда же и златом даваша в Орду, а Новгород Великий дал черный бор». О дани «по рублю с двух сох» говорится и в письме Едигея Василию Дмитриевичу несколько позднее, в начале XV в. Этимологически «рубль» — это отрубленная часть. А потому

«рубль» должен соответствовать половине гривны. Но Дмитрий Донской, начав собственную чеканку монеты, установил величину рубля равной новгородской гривне. Следовательно, *после нашествия Тохтамыша была восстановлена изначальная грабительская дань.*

«Соха» вовсе не была единственной мерой обложения. В.В. Каргалов насчитывает *14 видов даней.* Содержание татарских посольств, насчитывавших по тысяче и более человек и живших месяцами на Руси, обходилось нередко дороже и самого «черного бора». Поэтому восстания в большинстве случаев являлись ответами на насилия, чинимые «послами».

Переводить рубли эпохи монгольского владычества в рубли современные — дело бессмысленное. Ведь рубль того времени — это больше годового потребления половины крестьянских дворов рубежа нашего века. *По сравнению с варягами и хазарами монголо-татары забирали в десятки раз больше.* Напомним, что в соответствии с «Повестью временных лет» вятичи и радимичи платили хазарам, а затем русским князьям по «щелягу» с плуга, где «щеляг» — это западный шиллинг, название самой мелкой монеты в Польше. Поэтому можно удивляться, как люди выживали в условиях монголо-татарского ига. В то же время неудивительно, что выживали немногие. И такое положение сохранилось более двух столетий.

Нельзя сравнивать и два разнопорядковых явления — «ордынскую дань» и «подарки» константинопольским патриархам. Собственно «подарки» не были столь обязательными и столь накладными, хотя они не были и вполне добровольными. Вымогание взяток с кандидатов на митрополичьи столы — повседневная практика константинопольских патриархов, о чем прямо говорят летописи в записях XIV в. А Симеону Гордому пришлось раскошелиться по вполне житейскому поводу. В 1346 г. он «отослал» от себя вторую жену и посватался к дочери Александра Михайловича Тверского. Но митрополит-грек Феогност «не благословил его и церкви затвори». Пришлось направить посольство в Константинополь за «благословением». А подобные расходы, действительно, сопоставимы с «ордынской данью». И собиралась княжеская казна все с тех же крестьян.

Так на самом деле выглядело монголо-татарское господство на Руси в течение почти двух с половиной столетий. И факты не так далеко запрятаны, чтобы отказываться от их выявления. А факты в данном случае — «упрямая вещь»: они лишний раз

вскрывают умозрительность и спекулятивность евразийства, и заодно, по сути, демонстрируют неуважение прошлых и нынешних евразийцев к предкам, если и не к своим, то той страны, о которой идет речь.

Литература

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940.

Базилевич К. В. Восточная Европа под властью монгольских завоевателей. М., 1940.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1—2. М., 1963.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965.

Бичурин И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2. М.; Л., 1950; Т. 3, 1953.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997 (перевод с англоязычного издания 1953 года).

Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле Залесском. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11. М., 1949.

Греков Б. Д. Татарское нашествие (XIII—XV вв.) // Исторический журнал. 1937. № 6.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и урянхайский край. Ч. 1, 2. СПб. — Л., 1914 — 1930.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. (Книга переиздана репринтом в Киеве в 1991 г. с переводом заглавия на украинский язык.)

Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. СПб., 1906.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Гумилев Л. Н. Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. № 1.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.

Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации / Пред. С.Б. Лаврова. М., 1993.

Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание? // Мир России — Евразия. М., 1995.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.

Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.

Карпини П. Л. История монголов / Пер. Малеина. СПб., 1911.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л., 1941.

Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1890.

- Куник А. Древние сказания о нашествии Батыя и разорении земли Рязанской // Рязанские губернские ведомости. 1844. № 11—14.
- Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965.
- Кузьмин А. Г. Пропеллер пассионарности или теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. № 9.
- Кузьмин А. Г. Россия в оккультной мгле, или зачем «евразийцы» маскируются под русских патриотов // Молодая гвардия. 1993. № 2.
- Кузьмин А. Г. Хазарские страдания // Молодая гвардия. 1993. № 5—6.
- Кузьмин А. Г. Евразийский капкан // Молодая гвардия. 1994. № 12.
- Леонтович В. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий. Одесса, 1879.
- Максимович М. А. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении новопришлым народом // Собр. соч. Киев, 1876.
- Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955.
- Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
- Д'Оссон. История монголов от Чингисхана до Тамерлана. Т. 1. М., 1937.
- Патканов К. История монголов по армянским источникам. Вып. 1—2. СПб., 1873—1874.
- Попов П. С. Яса Чингисхана и уложение Монгольской династии // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. XVII. СПб., 1940.
- Рубрук Вильгельм. Путешествие в Восточные страны / Пер. Малеина. СПб., 1911.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. М.; Л., 1952; Т. 2. М.; Л., 1960; Т. 3. М.; Л., 1946.
- Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б. А. Древнерусский город по археологическим данным // Известия АН СССР. Серия история. Т. 7. № 3. 1950.
- Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1970. № 3.
- Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948.
- Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884; Т. 2. М.; Л., 1941.
- Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976.
- Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Трофимова Г. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М., 1949.
- Трубецкой Н. С. О туранском элементе и русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
- Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник, XXIV. Л., 1926.
- Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
- Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XII—XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мнения и аргументы

В настоящем приложении публикуются фрагменты из работ отечественных ученых, которые выражают различные точки зрения по наиболее важным темам, затрагиваемым в данном учебном пособии.

К ВВЕДЕНИЮ:

ЧТО И КАК ИЗУЧАЕТ ИСТОРИЯ?

**Из статьи А.В. Гулыги «История как наука».
«Философские проблемы исторической науки»
(М.: «Наука», 1969)**

Термин «история» многозначен. В русском языке можно насчитать по крайней мере шесть значений этого слова. Два из них имеют чисто бытовой характер. Это история как повествование и история как происшествие...

Остальные четыре значения этого слова представляют собой научные термины. Это прежде всего история как процесс развития. Мы говорим об истории мироздания, истории Земли, ее флоры и фауны. Именно в этом смысле следует понимать слова Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии»...

Таким образом, провозглашение истории единственной наукой не дает историкам повода для кичливости; это всего лишь требование рассматривать любое явление исторически, т.е. в развитии, в движении от низшего к высшему. Общей теорией развития, в какой бы сфере действительности оно не происходило — в природе, обществе, мышлении, — является диалектический материализм. Поскольку история общества рассматривает свой объект в качестве развивающегося целого, она также опирается на законы диалектики.

Другое значение истории состоит в обозначении им жизни общества... В этом смысле мы говорим о законах истории, противопоставляя их законам природы. Законы истории, т.е. законы общественного развития, изучают не только историки, но и социологи, экономисты, юристы, искусствоведы. В наиболее обобщенном виде эти законы составляют содержание исторического материализма — философской науки, являющейся методологической основой не только для историка, но в равной мере и для представителей других наук. Любая общественная дисциплина строит свою методологию на основе как исторического материализма, так и диалектического материализма с учетом тех специфических особенностей, которые характерны для данной науки.

Специфика той науки, которой занимается историк, состоит в том, что она обращена к прошлому. История — это прошлое. Таково третье значение рассматриваемого нами термина. Принадлежать истории — значит относиться к прошлому.

Наконец историей мы называем науку, изучающую прошлое человеческого общества. Это и есть собственно история, гражданская история, или историческая наука. (В «Большой советской энциклопедии» говорится, что термином история обозначается процесс развития, и далее история определяется как наука, «изучающая развитие человеческого общества как единый, закономерный во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесс»... Приведенное определение представляет собой почти дословную ленинскую характеристику... исторического материализма»... Процесс развития общества во всем многообразии встающих при этом проблем — предмет изучения всей совокупности социальных дисциплин. История не занимается перспективами развития общества (хотя ее выводы могут быть весьма полезны при определении последних), ее взгляд всегда ретроспективен, ее внимание целиком приковано к достигнутым результатам (*прим. автора*). Наша статья посвящена выяснению некоторых имеющих методологическое значение особенностей истории как науки.

Уточним понятие методологии. Когда мы говорим о методологии истории, мы имеем в виду не только исторический материализм... Роль, которую исторический материализм играет в системе современного научного знания, не сводится к методологическому обоснованию исторической науки. Все науки (и не только гуманитарные, но и естественные) в той или иной степени находят в историческом материализме основополагающие методологические идеи. Все науки связаны с общественной практикой... Все формы знания обусловлены социальными отношениями... С другой стороны, методология истории должна решить ряд общеполитических проблем, выходящих за пределы исторического материализма...

Позитивизм отвергает понятие материи на том основании, что невозможно поставить единственный эксперимент, доказывающий ее существование... Для позитивиста предмет истории ирреален; прошлого нет, и историк не видит «ничего реального кроме исписанной бумаги», как говорил в свое время Сеньбос...

Реальность истории проявляется прежде всего в действии общественных законов... Никто не сможет, взяв какой-нибудь один момент из жизни общества, установить действие закона соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Этот закон выведен на основе изучения значительного отрезка пути, пройденного человечеством... Прошлое определяет настоящее, представляет собой основу, на которой развертываются современные события. Сущность — в прошлом, говорил Гегель.

Когда мы говорим об обществе, мы имеем в виду не только живущих сегодня людей, но систему отношений, существующую уже много веков; для жизни общественного организма события отдаленных веков столь же реаль-

ны, как для отдельного индивида то, что случилось с ним в детстве. Человек не может отказаться от своего прошлого. Даже если он забыл его, оно вторгается в его жизнь. Точно также обстоит дело и с человечеством: история — это его память, она хранит и воспроизводит все, что ему дорого и что ненавистно.

Материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, принадлежат настоящему... Минувшее живет в созданной человечеством культуре, в сложившихся общественных связях, традициях и т.д. ...

Отражение исторической действительности есть ее реконструкция, воспроизведение... Задача исторического познания, как и любого другого, состоит в том, чтобы дать максимально верный слепок с реальности, но в истории степень относительности, гипотетичности знания больше, чем где бы то ни было...

Путь историка к истине начинается со сбора источников. (Конечно, интеллект историка — не «*tabula rasa*». Приступая к исследованию, как и любой другой ученый, историк имеет некоторое первоначальное представление о проблеме, почерпнутое из своего или чужого опыта; в его голове всегда есть идея, без которой, как говорят, глаза не видят фактов. Но задача состоит в том, чтобы эта идея не задавила факты, особенно тогда, когда последние с ней расходятся (*прим. автора*)...

Прежде всего проверяется подлинность источника, устанавливается время и место его возникновения. Подделка документов, интерполяции и сокращения, извращающие смысл, — обычные приемы фальсификации истории, процветавшей во все эпохи...

Познание в истории, как бывает и в других областях науки, идет от кажимости к явлению и дальше к сущности... Но, перейдя к явлению от кажимости, т.е. к правильному пониманию факта... историк еще не достигает цели — правдивого изображения действительности... Есть факты значительные, определяющие, а есть факты второстепенные; есть отдельные факты и есть их совокупность, система. Только в системе фактов может быть обнаружено действие исторической закономерности.

Из книги В.В. Косолапова
«Методология и логика исторического исследования»
(Киев, 1977)

Тридцать новейших определений понятия «история». Какое из них истинное? (С. 137—143.)

Несмотря на тысячелетия развития история и значительный и растущий интерес к ней со стороны общества, до сих пор ведутся споры и дискуссии о самом ее предмете и месте среди других наук. Каждое из предложенных определений претендует на истинность. Испанский философ Ортега-и-Гассет считал, что история «является наукой о современности в наиболее строгом и наиболее актуальном смысле» и поэтому охватывает также все традиционные проблемы философии. Подобные взгляды вы-

сказывает итальянский историк и философ Б. Кроче. Известный английский историк Дж. Барраклоу считает, что «любая история что-либо значащая, является современной историей». Итальянский философ Д. Джентиле сводил историю к философии. Западногерманский историк Т. Шидер, считая прошлое предметом истории, в то же время отмечает, что «в любой историографии и исторической науке, в их интерпретациях прошлого содержится в какой-то мере взгляд на будущее». Известный немецкий историк философии К. Фишер считал, что вся философия тождественна только одному ее разделу — истории философии. Наконец, сторонники субъективного идеализма в исторической науке Т. Лессинг, К. Поппер и др. считают, что история — это совокупность субъективных переживаний историографа, его изобретение, поэтому является не наукой, а изобретением, результатом своеобразной «гимнастики ума». Некоторые... идеологи вообще отказываются ставить и решать вопрос, «что такое история?»... Известный немецкий историк Э. Мейер писал: «Назовем ли мы историю в том виде, в каком она существует, *наукой* или нет, для нее это безразлично. Это могло бы еще иметь значение для философии, но для истории совершенно достаточно того, что она существует, и в таком виде, как она есть, безусловно удовлетворяет *необходимым* запросам человека...»

Американский историк... П. Конкин, утверждая «двусмысленность» за термином «история», считает, что «история ... — это достоверное изложение прошлого людей». По его мнению, история не является обобщающей наукой, а представляет собой изложение прошлого в художественной форме... и задача историка состоит в том, чтобы это прошлое «осмыслить... и изложить в достоверном и поучительном виде». Английский историк Э. Карр считает, что история — объяснение, а не описание причин исторических событий, она социологическое обобщение прошлого... М. Дюверже и М. Бер (Франция) утверждают, что история якобы является своеобразным «полуфабрикатом» социологии и призвана обеспечить последнюю необработанным фактическим материалом о «современном прошлом». Другие историки, наоборот, противопоставляют социологию и историю... западногерманские ученые К. Ульмер и Л. Визе считают историю «хронологией», а социологию «теоретическим толкованием» истории. По их мнению, социология — история современности, а история — социология прошлого.

(Американский ученый) П. Сенн термином «история» обозначает четыре основных значения: то, что произошло в прошлом или за определенный период прошлого; то, что известно о прошлом по различным «материальным остаткам» прошлого; наука, изучающая человеческое прошлое; знания, накапливаемые в результате критического и систематического изучения прошлого. История как наука, считает Сенн, отличается от других общественных наук тем, что изучает прошлое безотносительно к настоящему и будущему, в то время как другие общественные науки, исследуя прошлое, изучают современность и нередко занимаются предсказанием будущего.

...Понимание истории как совокупности только письменных источников выдвинуто в начале века известным французским историком

Ф. де Куланжем, истории, как собрания «впечатлений» историка о «внешней действительности»...

С идеалистическим пониманием истории... нельзя согласиться. Неправомерно также сводить ее предмет к простой фиксации прошлого; историческое знание, несомненно, оказывает существенное влияние на современную деятельность человека. Не выдерживают критики и те взгляды, которые лишают историю ее собственного предмета исследования или же толкуют этот предмет в чрезмерно расширительном смысле, приписывая историческому знанию не свойственные ему функции философии или социологии...

И среди историков-марксистов не сложилось однозначного понимания предмета исторической науки... Польский историк-марксист Е. Топольский... выдвинул концепцию истории как науки, которая включена в активный процесс жизнедеятельности человека как осознанные им условия деятельности, подготовленные прошлыми историческими событиями и ситуациями. Историческая наука, по его мнению, создает историческое мышление эпохи, включенное в процесс активной деятельности, и настоящее диктует историку вопросы к прошлому. Отсюда вывод: история должна постоянно переписываться, изменяться, изменяя тем самым и реально существующий мир, воздействуя на деятельность человека. Болгарский исследователь Н. Ирибаджак считает, что «задача истории как науки состоит в том, чтобы воспроизвести и представить нам реальный процесс исторического развития человеческого общества, или данного общества, или отдельных сторон и процессов общественной жизни... как взаимосвязанный, причиннодетерминированный и закономерный процесс в его конкретном многообразии». Определения Е. Топольского и Н. Ирибаджаква недостаточно учитывают логику развития самого исторического познания, преувеличивают в историческом знании описательно-фактографический аспект, нечетко выделяют объективные границы той сферы деятельности, к которой приложимы понятия и законы исторической науки... С учетом сложившейся в науке традиции... целесообразно выделять предмет истории в узком и широком смысле. В узком смысле... история — это область научного познания, исследующая общественные явления «в их исторической преемственности и современном состоянии» (ссылка на Маркса и Энгельса). Основной задачей истории как науки является исследование объективных закономерностей генезиса человеческой деятельности...

В широком смысле слова понятие «история» в марксизме используется для обозначения естественно-исторического и социально-исторического знания, характеризующего историческую преемственность в развитии всех объектов действительности. В этом понимании история — это наука о законах функционирования как природных, так и социальных систем...

История в узком смысле... — сложный комплекс научных направлений, основной задачей которого является воспроизведение (реконструирование) исторического прошлого общественных явлений.

Реконструирование прошлого в его конкретно-исторической форме — отличительная черта научно-исследовательской деятельности историка.

Из книги П. В. Копнина
«Диалектика как логика и теория познания
(М.: «Наука», 1973)

С чего начать? От проблемы до теории. (С. 198—201.)

Всякий, кто анализирует научное исследование, неминуемо приходит к вопросу: с какого понятия надо начать его характеристику? При анализе форм мышления в качестве зрелой формы выделяется теория, а исходной клеточки — суждение...

За исходный следует брать такой элемент научного исследования, который привел бы нас к теории, послужил нитью в понимании ее возникновения и развития. Суждение не может выполнять этой функции, ибо не содержит в себе импульса и зачатка научной теории.

Может быть, в качестве исходной ячейки образования научной теории следует взять *факт*, поскольку факты действительно являются необходимой предпосылкой теории? В самом деле, ведь факт — это форма человеческого знания, которая должна обладать достоверностью. Очевидно, на этом основании о фактах и говорят как об «упрямой вещи», и их необходимо признавать вне зависимости от того, нравятся они вам или нет. Конечно, в действительности достоверными оказываются не все факты. В ходе науки иногда, как известно, устанавливается недостоверность того, что признавалось за факт. Но в идеале в качестве фактов может выступать только достоверное знание. В силу этого их свойства факты... служат необходимой предпосылкой построения теоретической системы, ее развития и доказательства.

Как форма знания факт ценен тем, что всегда сохраняет некоторое содержание, в то время как теории рушатся, причем сохраняет он свое значение в разных системах... Но сам по себе, ни с чем не связанный, он лишен смысла и не имеет значения в решении поставленной проблемы.

Собирание фактов — важнейшая составная часть научного исследования. Однако какое бы количество их собрано ни было, сами по себе они не составляют еще научного исследования... К поискам фактов ученый обращается на всем протяжении своего исследования, но они никогда не выступают у него в качестве самоцели, а всегда используются только как средство решения стоящих задач. Для выдвижения того или иного научного предположения исследователю необходимо лишь определенное количество фактов; другие же факты нужны для обоснования и развития этого предположения, третьи — для его доказательства. Но в любом случае отобранные факты нужно включить в какую-то систему, чтобы придать им смысл и значение. Ученый... с самого начала ищет их избирательно, руководствуясь определенной целью, которая развивается, видоизменяется в процессе исследования, но всегда сохраняется, пока окончательно не будет создана удовлетворяющая его система знания. Сам по себе факт не содержит такой цели и потому не может быть исходной клеточкой при изучении научного исследования...

Исходным в изучении научного исследования может быть лишь то, что является, с одной стороны, его элементом, а с другой — выражением практических потребностей, толкающих мысль к поискам новых результатов. Этими особенностями и обладает проблема, с которой начинается научное исследование...

В качестве проблемы избирается не любой предмет, о котором исследователь хочет знать, что он собой представляет, каким закономерностям подчиняется, а только такой, знание о котором реально возможно при существующих условиях... Проблемы перед наукой возникают в ходе развития общества и исходя из его потребностей...

Проблемы вырастают из предшествующих результатов знания как своеобразное логическое следствие. Уметь правильно поставить проблему, вывести ее из предшествующего знания — это и значит уже наполовину решить ее.

Таким образом, уже сама проблема есть ничто иное, как известная система различного знания, включающая в себя ранее установленные факты, мысли о возможности поставленной проблемы, саму ее постановку...

В проблеме мы сталкиваемся с систематизацией научного знания, которая присуща в той или иной степени результатам научного исследования на любом этапе его развития.

К ГЛАВЕ I. ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Естественно, что литература по всем затронутым в главе проблемам огромна, и ее, изложенную практически на всех индоевропейских языках и по всем отраслям знания, просто не объять. Даже по отдельным вопросам и проблемам специалистам приходится привлекать по много сотен работ, и бесспорных выводов предложить пока не позволяет и ограниченность материала (при всей его неозоримости), и не всегда корректно сформулированные вопросы, и «краеведческие» пристрастия, и просто большое количество белых пятен. Здесь, разумеется, представлена только наиболее значимая литература, необходимая для понимания проблематики собственно славяно-русской истории...

Книга В.А. Сафронова «Индоевропейские прародины» положительно оценена и теми из его рецензентов, кто придерживается иной концепции начала индоевропейцев. Автор согласен с теми, кто «первую» прародину находит в Малой Азии. Но «прародина» ему представляется компактной территорией, которая перемещается из одной области в другую. (Соображения С.П. Толстова о «лингвистической непрерывности» автор не рассматривает, как не оценивает и мнения тех ученых, которые ищут индоевропейцев в верхнем палеолите. Не всегда учитывает автор и антропологические материалы, которые культуры линейно-ленточной керамики ведут к Средиземноморью). И суть концепции — распространение индоевропейской цивилизации не с востока на запад, а с запада (именно с Балкан из области культуры Винча, с которой связывается «индоевропеизация» зоны распространения культуры ленточной керамики) на восток.

Весьма актуальна (как тема, вокруг которой немало националистических спекуляций) и книга Ю.А. Шилова. В ней тоже не все и не всё примут, но основной вывод о причерноморской прародине ариев добавит сторонников этой концепции, ранее высказывавшейся известными лингвистами разных стран. Так же принципиальное значение имеет монография В.И. Марковина: впервые мегалитическая культура представлена как целостное явление. Небольшое извлечение из старого учебного пособия В.И. Равдоникаса привлечено в качестве иллюстрации, тем более, что такого рода описания можно найти только во французской литературе. Книга А.И. Тереножкина «Киммерийцы» остается самым основательным исследованием, в котором доказано тождество срубной культуры и киммерийцев как этноса. Правда, автор основное внимание уделил вопросу соотношения киммерийцев с позднейшей скифской культурой, и потому останавливается главным образом на последнем этапе срубной культуры. Вне поля зрения автора остались, в частности, две волны миграций киммерийцев в Европу (XIV–XIII и VIII вв. до н.э.). В античной традиции, например, кимвров северной части Ютландии отождествляли с киммерийцами, а культ котла их и в самом деле сближает. Поскольку имеется вероятность того, что киммерийцы соприкасались со славянами, некоторые связанные с ними вопросы будут затронуты в следующей главе.

Из книги В.А. Сафронова «Индоевропейские прародины» (Горький, 1989)

Археологические культуры V–IV тыс. до н.э. в экологической нише индоевропейской прародины. Индоевропейская атрибуция блока культур Винча — Лендьел — КВК (воронковидных кубков)

Археологические культуры V–IV тыс. до н.э. в зоне формирования индоевропейского языка, оконтуренной в соответствии с характеристиками флоры, фауны, ландшафта и гидронимии, должны быть проверены на соответствие культурно-хозяйственному типу индоевропейской пракультуры, охарактеризованному по данным лексики праязыка... Хронологически существование единого праязыка индоевропейцев перед его распадом определяется в настоящее время как IV тыс. до н.э.

В ареале к югу от Западных Карпат, Судет, Рудных гор, к северо-востоку от Шумавы, восточных склонов Альп... в Подунавье, Среднедунайской низменности до южных Карпат в IV тыс. до н.э. известно несколько археологических культур.

Культура ленточно-линейной керамики распространена в Германии, Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, и эти территории соответствуют ареалу прародины по данным флоры, фауны, гидронимии. В то же время КЛЛК расширяется в поздней фазе от Франции до Румынии, Молдавии, вытесняясь с первоначальной зоны обитания культурой Лендьел и ее производными, и таким образом выходит из границ ареала индоевропейской прародины, поскольку КЛЛК переходит Рейн...

Характер развития культуры меняется во времени: V тыс. до н.э. — это

период преобладания гомогенной культуры на большом пространстве; IV тыс. до н.э. — процесс дифференциации культуры...

КЛЛК в младшей фазе взаимодействует с керешским субстратом и идет в Потисье и Восточной Словакии дериват — восточнословацкую КЛЛК, которая в Венгерском Потисье называется алфелдской КЛЛК. ... Через алфелдскую культуру устанавливается первый контакт с Винчей А, появление которой на Балканах вызвало активность и смещение керешского субстрата на север, где носители Кереш и КЛЛК и вступают в первые контакты.

Дальнейшие контакты с Винчей вызывают преобразование и младшей фазы КЛЛК, выразившееся в появлении железовской культуры в Западной Словакии, в Венгрии и Нижней Австрии...

Абсолютные даты памятников железовской культуры... 3565... (Штурово), 3775... (Горные Лефантовицы) до н.э.

Таким образом, КЛЛК распространена в ареале, практически полностью совпадающем с ареалом прародины индоевропейцев... что привлекало внимание исследователей к этой культуре как к возможному археологическому эквиваленту прародины индоевропейцев... Однако КЛЛК не имеет производных, которые доживали бы до середины III тыс. до н.э. и имели бы распространение в Восточной Европе, доходили бы до ареала картвельского языка и картвелоязычных культур...

Следует отметить тот факт, что дезинтеграция КЛЛК имеет место уже в конце V тыс. до н.э., тогда как лингвисты определяют V—IV тыс. до н.э. еще как период существования единого праязыка индоевропейцев...

Культура Винча — древнейшая цивилизация Старого света. Формы влияния культуры Винча на Центральную Европу... (Праиндоевропейцы на Балканах).

В истории Европы культура Винча имела значение, сравнимое только с ролью Греции и ее воздействием на «варварский» мир. Сходство этих двух культурных феноменов заключается в схеме освоения пространства (колонизация, торговля, путешествия, но не завоевание), а также в длительности и глубине воздействия.

С появлением культуры Винча в Европе, на Северных Балканах, происходит распад одной культуры, или культурно-исторической общности линейно-ленточной керамики, и исчезновение другой — Старчево — Криш. В то же время сама Винча существует с середины V тыс. до н.э. до середины IV тыс. до н.э. (по одним данным) или до первой четверти III тыс. до н.э. (по другим данным...), параллельно с ее существованием возникает новая послевинчанская Европа как результат ее воздействия на культуры субстрата. Причем за почти полторы тысячелетия истории своего существования Винча не прекращала своего воздействия, испытывая слабые влияния со стороны вновь образующихся культур и культур субстрата. В этом проявляется уникальное свойство ее культуры — устойчивость. Окончательно исчезает Винча, определив консолидацию центральноевропейских культур под баденской вуалью. Формы влияния Вин-

чи на Центральную Европу многообразны; в археологической терминологии они выглядят в качестве вариантов самой Винчи, как культуры, в основе которых доминирует винчанский комплекс (дочерние культуры), и как культуры, в которые Винча вошла компонентом (типа Лендьел) и т.д.

Сенсационные археологические открытия последних 20 лет на памятниках Подунавья и центральнобалканского неолита — в Румынии, Югославии и Болгарии... а также уточнение дат этих памятников в пределах V—IV тыс. до н.э. на основании созданной колонки радиоуглеродных дат для европейского неолита заставляют изменить представление о рассматриваемом регионе как периферии древневосточных цивилизаций. В свете этих открытий Юго-Восточная Европа в ареале распространения культуры Винча может быть названа одним из древнейших очагов цивилизации, более древним, чем цивилизации Месопотамии, долины Нила и Инда.

Диагностическим признаком цивилизации является такой уровень производящей экономики, когда появляется прибавочный продукт, высвобождающий часть общества для осуществления технического и культурного прогресса... Этому сопутствуют значительные перемены в социальной структуре: оформляется иерархия сословий; регулирующей жизнь общества становится власть вождя (царя) и института жрецов... Характерным внешним выражением перехода к цивилизации является появление города... а в нем — дворцов или храмов; разнообразных строений, с разными их функциями, специализированных мастерских, свидетельствующих о выделении некоторых ремесел, и, наконец, письменности, без которой нет цивилизации.

Древняя цивилизация — это культура классового общества, овладевшего письменностью...

Винчанские колонисты несли вместе с формами экономики, хозяйствования, продукции ремесел, свои взгляды на мир, человеческое бытие, т. е. были проводниками своей идеологии... Вероятно, все достижения культуры Винча, ее производственные и экономические, ремесленные, инженерные «секреты» были закреплены в культово-религиозной форме, в определенной обрядности и ритуале...

Только существованием института жречества можно объяснить сложение системы письма, которую не совсем точно называют «древнебалканской системой письма»... Более того, распространение этой системы письма в разных по происхождению культурах неолита и энеолита Средней и Юго-Восточной Европы... говорит и о внедрении культуры Винча, ее традиций в окружающую среду в форме прямого идеологического воздействия через институт жречества...

Винчанское письмо представлено знаками геометрического линейного типа и толкуются как древнейшие из известных нам надписей пока еще не разгаданной системы письма... Знаки наносились на дно и придонную часть сосудов, на их плечевую часть. Ими украшались и культовая пластика, и бытовая керамика...

В существовании в Винче письменности... исследователи не сомневались и до находки глиняных табличек в Тэртэрии. Датировка поселения в

Тэртэрии ранним этапом культуры Винча — Винча-Тордош — и обнаружение в этом слое табличек с письменностью свидетельствует о том, что винчанское письмо сложилось в жреческом кругу еще до того, как оформились все признаки культуры и экономики, которые позволяют нам утверждать существование цивилизации, археологически представленной культурой Винча...

По всем археологическим данным, которые получены благодаря исследованию многочисленных поселений культуры Винча, можно констатировать процесс развития поселений в городе, а общества — в цивилизацию в начале IV тыс. до н.э. на территории Северных Балкан и Задунавья.

Из книги Ю. Шилова
«Прародина ариев. История, обряды и мифы»
(Киев, 1995)

Введение

Проблема арийской прародины вот уже более 200 лет волнует мировую общественность, — с тех самых пор, когда занявшиеся историей Индии обнаружили вдруг общих с ней предков.

Трудами нескольких поколений ученых круг поисков прародины ариев — от Индии до Скандинавии — сузился наконец до низовьев Днепра. Заслуга в этом принадлежит немцу К. Риттеру, англичанину Г. Чайлду, австрийцу П. Кречмеру, болгарину В. Георгиеву, украинцу В.Н. Даниленко, американке М. Гимбутас, русскому О.Н. Трубачеву... Это было воистину мировое открытие — и по значению, и по составу исследователей.

Основная трудность заключалась в том, чтобы воссоединить данные лингвистики и археологии, языковые и вещественные памятники. Первые необычайно полно сохранились в Индии, отчасти — в Иране, немного — в Греции, в древних названиях рек и местностей Азово-Черноморских степей. Здесь же, в прилегающих к Поднепровью степях, сохранились, наверное, и вторые, — но как их узнать? Ведь письмена арийской прародины пока не прочитаны, а письменные свидетельства других территорий о ней — весьма неконкретны.

Около столетия трудились археологи и лингвисты над решением этой задачи. Путь к ответу наметил В.Н. Даниленко: надо расшифровать мифы, отраженные в изображениях, святилищах и могилах предполагаемых ариев, и сопоставить их со священными текстами Ирана и Индии. И вот — 1972 год, раскопки Высокой Могилы в междуречье Ингульца и Днепра. Раскопки довольно тщательные, необычайно скрупулезно фиксируемые, с беспрецедентными реконструкциями... грандиозного кургана высотой в 10 и протяженностью в 200 метров. Результаты оправдали усилия! К 1977—1982 годам стало совершенно понятно, что VI—IX строительные горизонты Высокой отразили арийские мифы о Праматери сущего Адити, ее сыновьях Дакше, Митре и Варуне, Вивасвате и Сурье, ее внуках Ману и Яме; верхний же, XI горизонт нашел соответствие в «Свадебном гимне» индоа-

рийской Ригvedы и в комплексе алтарей шрута, донныне сооружаемом в Индии для исполнения ведических гимнов...

Но предстояло найти подтверждения в массовом материале. К началу 80-х, а тем более 90-х годов их стало много... Результаты исследования Высокой могилы были проверены последующими раскопками окрестных и расположенного неподалеку Великоалександровского кургана; ведические образы и сюжеты открылись также в Первоконстантиновском, Чаплинском, Агманайском, Скворцовском, Белозерских курганах, в Смолвской и Кутаревых Могилах, в курганах Гарман и Чауш. Последний на Нижнем Дунае, остальные — на Нижнем Днепре.

Большую роль в утверждении нового археологического направления сыграли работы В.Г. Петренко — исследователя усатовского варианта трипольской культуры, вклинившегося в среду формирующихся ариев из Днепро-Дунайских лесостепей... Он показал наличие здесь подобного мифотворчества...

Как же выглядят мифы арийской прародины в курганном своем воплощении? Это, прежде всего, рвы, каменные ограды и насыпи или досыпки, выполненные в виде гигантских фигур: человеко- и животногоподобных (черепаш и жаб, змей, птиц, голов крупного и мелкого рогатого скота), а также астральных (Луны, Солнца, Млечного Пути, знаков Тельца и Овна). Понять смысл таких фигур помогают их календарно-обсерваторные ориентиры.

Современное состояние проблемы арийской прародины

(Замечание по концепции В.А.Сафронова. — А.К.). Следовало бы основательнее привлечь письменные источники, указывающие название «Страны земледельцев» Аратты, ее социальную структуру, обряды и божества, а также события. Среди важнейших — нашествие с Востока второй половины V тыс. до н.э. «воинов богини Ишхары», сопоставимое с очередной волной миграций из Малой Азии, приведшей к возникновению культуры Винча... С нее-то Сафронов и начинает историю балканской прародины индоевропейцев, умалчивая о 500—1500 годах промежутка между началом этой и концом малоазийской прародины... Вопрос принципиальный, ибо в этом промежутке теряется предистория Кукутени-Триполья с его достаточно очевидными шумерскими связями... Между тем ни Сафронов, ни Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов эти культуры к индоевропейским не относят (вопреки позиции Б.В. Горнунга, Б.А. Рыбакова и др.)... Тогда рушится вывод о древнейшей индоевропейской цивилизации. Однако он сохранится, если распространить предложенную В.А. Сафроновым хронологическую накладку между поздневропейской (V—IV — начало III тыс. до н.э.) и средневропейской (середина V—IV/III тыс. до н.э.) также на раннюю индоевропейскую прародину (VII/VI—VI тыс. до н.э.), которая, возникнув в малоазийском Чатал-Гююке, переместилась сначала на Средний Дунай, а затем (под давлением Винчи) и на Средний Днепр. Здесь она в своем малоазийском облике просуществовала до III тыс. до н.э., а в облике иных культур сохраняла традиции Аратты — Арты — Арсании до Киевской Руси включительно... Последнее обстоятельство со всей определенностью ука-

зывает на индоевропейский характер Аратты с ее древнейшей письменностью и государством.

Что же касается «индоевропейства» трипольского (и шумерского) воплощения Аратты, то это можно объяснить двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, существенной ролью в довинчанской и последующей Аратте бореальных рудиментов и, во-вторых, глубиной привнесенных Винчей новаций, тяготевших не к протошумерским, а к протоегипетским традициям. Впрочем, и те и другие вошли затем в формирующуюся индоевропейскую общность...

История индоевропейской «Страны земледельцев» Аратты проливает свет и на формирование ее южной соседки-сородича — арийской общности степных (отчасти и лесостепных) скотоводов...

По имеющимся у нас к настоящему времени данным о мифотворчестве строителей степных курганов IV—I тыс. до н. э., арийская общность представляется не праэтносом («обломком» более обширной и древней индоевропейской общности), а довольно-таки напряженным содружеством двух этно-культурных образований — кеми-обинского (затем таврского) и старосельского (новотитаровского), внедрившихся в восточную группу индоевропейцев, носительницу стадильно сменявших друг друга культурно-исторических общностей. Соотношение сил двух сосуществующих ветвей в среде ариев (индо-иранцев) постоянно менялось. В раннеямный период господствовал праиндийский (кеми-обинский) компонент, унаследовавший традицию аратто-шумерских связей. В позднеямный и раннекатакомбный период усилился праиранский (старосельско-новотитаровский), и впредь преобладавший примерно от Кальмиуса до Урала. В позднекатакомбный главенство вновь перешло к праиндийскому (особенно в ингульской культуре, обнаруживающей также близость к протогрекам). В раннесрубный период снова возобладали праиранская ветвь, а в поздне-срубной (особенно в белозерско-киммерийской культуре) — праиндийская, потесненная затем скифо-иранской... И на всем этом протяжении — от древнейшей «новоданиловской» конницы до образования в Азово-Черноморских степях первого государства, — Скифии — центром не только географических, но и этноисторических процессов оставалось Нижнее Поднепрорье, прародина ариев. Далеко не всегда здесь возникали, но именно отсюда распространялись затем и конница, и курганный обряд... и антропоморфные изваяния, и повозки... и катакомбы... и погребальные маски, и чаши-секстанты, и «длинные» курганы, и могильники киммерийцев и скифов...

Понимание трипольской культуры как дунайско-днепровской, а затем приднепровской Аратты, учет созданных ею святилищ-обсерваторий в истории индоевропейской общности, а потом установления в данной системе аратто-шумерских связей, — не стали еще инструментами дальнейших исследований и опираются пока что на зарубежные разработки фактологических данных... Тем более не изучена решающая роль этих фактов в зарождении арийской общности.

Из книги В.И. Марковина «Дольмены Западного Кавказа» (М., 1978)

Дольмены Западного Кавказа и дольмены мира — вопросы связей и происхождения

Многие ученые-кавказоведы пытались так или иначе подойти к разрешению вопроса о происхождении дольменов, выяснить их возникновение и появление на Кавказе. Однако среди древностей Прикубанья и Причерноморья еще не найдены такие памятники, которые были бы конструктивно близки и в то же время предшествовали им. Очевидно, они и не будут найдены. Все известные древние могилы в виде так называемых каменных ящиков (четыре сомкнутые плиты, перекрытые сверху пятой) в основном становятся известными на Кавказе позже появления дольменов... Таким образом, возможность влияния конструкции каменных ящиков на архитектуру дольменов отпадает сама собой... К тому же следует напомнить, что в отличие от ящиков дольмены, как правило, — наземные сооружения. Их могли прикрыть насыпью, но ставили на материк, в то время как ящик врывали в землю...

Как видно, дольменная культура не имеет своих генетических корней среди древностей Прикубанья и Причерноморья. Никакого «длительного предшествующего развития местной культуры» на Западном Кавказе, которое могло бы привести к самостоятельному возникновению дольменов, не было, если даже пытаться связывать непрерывной линией эволюцию «каменной индустрии» от палеолита до эпохи бронзы, как пишет об этом Ш.Д. Инал-Ипа...

Отсутствие исходных путей для появления дольменов на территории Прикубанья и Причерноморья привело некоторых исследователей к поискам направлений, по которым «идея» дольмена могла прийти на Кавказ...

Интересны высказывания Л.И. Лаврова. Прежде всего, он считает, что «дольмены Северного Кавказа составляют одно целое с дольменами Крыма и Украины», что на всем этом пространстве могло существовать даже «этническое родство»... Далее Л.И. Лавров считает, что дольмены Кавказа, Крыма и Украины нельзя отрывать от дольменов Сирии, Палестины, Северной Африки, всего Средиземноморья, стран Европы, Азии (включая Дальний Восток). Появление дольменов на Западном Кавказе он связывает «с развитием торгового и военного мореплавания у приморских народов в неолите и эпоху бронзы», когда «кавказские мастера» могли видеть дольмены в других странах и затем возводить их у себя на родине...

Схема, предложенная Л.И. Лавровым, очень интересна, хотя она построена не на детальном анализе археологического материала и архитектуры памятников, а на довольно убедительном предположении...

Следует еще напомнить высказывание академика Б.Б. Пиотровского, который заметил, что «форма закавказских дольменов настолько, даже в деталях, совпадает со средиземноморскими и европейскими, что вопрос об их связях вполне естественен»...

К сожалению... в археологической литературе отсутствует сводная работа, в которой были бы собраны описания дольменов разных стран. Исследователи изучают узкие регионы, стремясь постичь тайны происхождения отдельных скоплений дольменов... В силу указанных обстоятельств при сравнении западнокавказских дольменов с соответствующими памятниками мира придется пользоваться теми сведениями, зачастую очень скудными и противоречивыми, какие имеются в специальной литературе...

Обзор мегалитических построек мира я начну с дальневосточных стран Азии, чтобы завершить его описанием западноевропейских памятников...

Дольмены Кореи датируются от IX—VII в. до н. э. по IV в. н. э. Примерно также датируются и мегалиты Японии.

Территория Китая тоже имеет отдельные дольменные постройки... Но для китайских древностей... более характерны погребальные сооружения не из камня, а из дерева в виде срубов.

Все упомянутые дальневосточные страны в древности были тесно связаны между собой. Строители дольменов этих стран имели контакты и с носителями мегалитических культур Лаоса, Индокитая, островов Юго-Восточной Азии.

...Описание упомянутых, так называемых южных дольменов ясно показывает все их несходство с... западнокавказскими сооружениями. Они относятся к более позднему времени и содержат совершенно иной инвентарь.

Обратим внимание на памятники Деканского полуострова.

В основном мегалиты характерны для южной части Индии, особенно для ее Малабарского побережья, хотя они встречаются и в северо-западной части полуострова — в Синде и Карачи, отдельные памятники встречены на границе с Тибетом (р. Ле). Конструктивно их делят на три группы...

В литературных памятниках жителей Индостана первых веков н. э. вплоть до XII—XIII вв. сохранились воспоминания о смене погребального обряда в «кругах» (кромлехах) дольменами и урнами: так труположение сменил обряд вторичных погребений, а затем появилась кремация...

В отличие от стран Дальнего Востока, дольменные памятники Деканского полуострова находят определенные черты сходства с дольменами Западного Кавказа. Эти черты прослеживаются отчасти и в их внешнем виде, конструктивных особенностях, даже в обрамлении кромлехами и круговыми выкладками, что иногда наблюдается в дольменах Кавказа, в обряде погребения... Указанные черты сходства, особенно в обряде погребения, не абсолютны, они могут быть случайными, тем более, что дольмены Кавказа намного древнее мегалитов Деканского полуострова...

К мегалитам в Северной Африке относят три категории сооружений: каменные наброски в виде курганов и круговые каменные обкладки, под которыми в материке находится погребение... Третья категория памятников — дольмены — встречаются лишь в прибрежной части Африки, в Алжире, Тунисе, Марокко...

В африканских постройках — скорченные захоронения. В одной из них найден каменный клиновидный топор... более часто встречаются кремневые черешковые стрелы... напоминающие западнокавказские. Из металлических изделий следует отметить бронзовые круглые височные кольца, одинарные и свернутые в несколько раз, и мелкие спиральки... Необходимо отметить полнейшее сходство именно этих бронзовых африканских изделий с находками, сделанными в ряде западнокавказских дольменов, которые могут быть приблизительно отнесены к середине II тыс. до н. э.

Африканские дольменные захоронения сопровождаются керамикой, среди которой выделяются чаши с клювовидными носиками и сосуды с выступами — ручками... Следует подчеркнуть некоторое сходство формы вышеуказанных сосудов, особенно снабженных ручками... с западнокавказской дольменной керамикой. Итак, налицо отдельные черты сходства дольменов Северной Африки и Западного Кавказа и особенно инвентаря, обнаруженного в них. Мимо этих фактов пройти нельзя.

По побережью Средиземного моря, в восточных частях Сирии и Иордании и Верхней Галилеи обнаружены дольмены, которые имеют отверстия разных форм... Все эти сооружения... до сих пор плохо датированы...

Мегалитические постройки имеют определенные черты сходства с западнокавказскими памятниками: таковы их габариты, наличие пазов у боковых плит, бордюры вокруг отверстий, сильное выступление порталных частей...

В Малой Азии и по Анатолийскому нагорью дольмены пока не найдены, но по западному побережью Черного моря и близ Мраморного моря, на территории исторической Фракии дольменные постройки обнаружены...

Дольмен с приставными порталными плитами из Буюнлу (Лалапаша) без всякого сомнения аналогичен западнокавказским дольменам... Но и другие дольменные постройки, обнаруженные в Турции, также близки западнокавказским сооружениям...

В мегалитических сооружениях (Корсики и Сардинии) можно заметить опять-таки те черты, которые сближают их с западнокавказскими дольменами: камень, из которого они сделаны, хорошо обработан; использованы пазы и подшлифовки, отдельные дольмены Корсики внешне не отличаются от кавказских...; поздние постройки (гробницы-корабли — *Naveta*) близки дольменным постройкам, обнаруженным в верховьях р. Кубань.

Пиренейский полуостров дает огромный материал для изучения дольменных памятников. Археологи выделяют здесь несколько культур... Первая из них связана с гротами, т.е. захоронениями в искусственных пещерах... Территория, занятая гротами, обширна — они встречаются почти по всей западной части полуострова... Эта «культура гротов», как видно, имеет связь с последующей культурой мегалитов...

Первые дольменные постройки могут быть отнесены приблизительно к 4000 — 3500 г. до н. э. Основное время их строительства делится на два этапа, поздний из которых датируется 2700 — 2500 г. до н. э.

Дольменные памятники Пиренейского полуострова, и именно наиболее ранние из них, находят определенные аналогии в памятниках Кавказа... Даже отдельные формы пиренейской дольменной керамики, покрытой врезями, орнамент на посуде в виде вдавлений, кремневые стрелы внешне напоминают кавказские...

Культура гротов во Франции, широко распространенная на юге страны... далее по рекам Сене — Марне — Уазе и на полуострове Бретань (здесь они уже редки), находит аналогии в соответствующей культуре Пиренеев.

Мегалиты Франции, генетически связанные с гротами, можно разделить на два вида: крытые аллеи (коридорные гробницы...) и небольшие дольмены...

Только южнофранцузские (пиренейские) дольмены могут быть сближены с западнокавказскими памятниками, отдельные можно обнаружить и в инвентаре сближаемых гробниц (керамика с «жемчужинами», кремневые стрелы, многовитковые подвески и пр.). Мегалитические аллеи ничего общего с дольменами Западного Кавказа уже не имеют.

Из книги В.И. Равдоникаса «История первобытного общества» (Л., 1947)

Неолит и энеолит западной (приатлантической) зоны Европы

В юго-восточной Франции... и в северо-восточной и центральной части Испании... распространена неолитическая «культура гротов», получившая свое наименование оттого, что даже в расцвете неолита люди здесь часто продолжали жить и особенно хоронить своих мертвых в пещерах или гротах... — особенность, так ярко здесь выраженная еще во времена палеолита. И нередко неолитический слой в пещерах этой территории прямо перекрывает палеолитические и мезолитические слои...

Позднее, к началу эпохи меди, на юге Франции был сделан переход к искусственным могильным сооружениям из камней, так называемым *крытым галереям*, могилы с ходами, *каменным ящикам*... характерным и для энеолита и Пиренейского полуострова. Любопытно, что могилы этого типа иногда сопровождали антропоморфные изображения, высеченные из каменных плит...

Несмотря на примитивность форм жилья и (на ранней стадии, до мегалитов) погребений, «культура гротов» есть культура развитого неолита со шлифованными топорами из кремня, серпантина, кварцита, с прекрасно отретушированными кремневыми наконечниками копий и стрел, с очень характерной керамикой...

По определению французского ученого Дешелетта, «мегалитическими памятниками или, говоря короче, мегалитами, называются памятники, состоящие из одного или многих блоков дикого или грубо оббитого камня. Их возраст и их назначение варьируют, но во Франции и европейских странах они в своем большинстве относятся к периоду неолита и началу бронзы. Большая часть из них служила для погребений»...

Мегалитические гробницы предназначались для коллективных захоронений. Покойников укладывали, обычно в вытянутом положении, внутри камер таких сооружений. Захоронения совершались последовательно. Нередко кости, захороненные ранее, отгребались в сторону, чтобы освободить место для нового покойника. В некоторых дольменах и крытых галлереях Франции скелеты лежат как бы послойно, рядами, один ряд над другим, причем между рядами выкладывалась прослойка из каменных плит. Число захоронений таким способом в одной могиле достигает сотни и более...

Кромлехи — сооружения культового назначения. Они символизируют собой круг неба и связаны с культом солнца.

С точки зрения современного сознания представляется в высокой степени удивительным, что люди эпохи мегалитов сами жили в довольно примитивных землянках или в деревянных несложных домах, а в честь своих мертвых сооружали... для своего времени поистине грандиозные каменные сооружения. И вместе с тем, встает вопрос, над которым не раз ломали голову археологи: какими способами, с помощью какой техники в столь отдаленную эпоху добывались и перемещались иногда на далекие расстояния огромные каменные монолиты в 20 — 30 т весом, которые мы видим теперь в составе мегалитических памятников? Ответ на этот вопрос можно дать исходя из анализа соответствующих примеров строительной техники древних египтян, вавилонян и других народов Древнего Востока.

Ломка камня производилась, вероятно, с помощью деревянных клиньев, которые загонялись в отверстия, высверленные в массиве скалы, причем самый откол плиты или блока достигался в результате смачивания водой клиньев или просто ударным действием каменного молота по клинья... Также применялся для искусственного получения трещин огонь. С этой целью... на поверхностях скалы раскладывали костры.

Что касается перемещения отколотых плит и монолитов... то, без сомнения, такая работа могла выполняться лишь путем соединения труда большой массы людей. Мегалитические памятники свидетельствуют о кооперации труда, причем эта кооперация имела здесь безусловно первобытнообщинный характер. Каменные глыбы, очевидно, передвигались на катках с помощью рычагов и веревок, а поднятие их на высоту производилось путем использования насыпных террас и наклонных плоскостей.

Таким образом, мегалитические памятники представляют одно из ярких свидетельств первобытнообщинных форм организаций труда. Они сооружались, очевидно, целыми родами или фратриями, в связи с той формой первобытно-религиозных представлений, которая связана была с культом предков, т. е. с формой представлений развитого родового общества... Ряды камней, или менгиров, являлись своеобразными «полями предков», вероятно, местами отправления родовых культов.

Из книги А. И. Тереножкина «Киммерийцы» (Киев, 1976)

Киммерийско-скифская проблема

Киммерийцы являются древнейшим из числа известных по своему имени народов, обитавших в Европе и к северу от Дуная...

Античный миф, историческое предание и ассирийские клинописные тексты создали у нас представление о киммерийцах как о многочисленном и грозном в военном отношении народе. Пока трудно сказать, как рано они вышли на арену истории. Точно это не было известно даже греческим хронографам, согласно которым, как пишет Страбон, первое вторжение киммерийцев в Элиду и Ионию произошло при Гомере или незадолго до его времени... Именно к этой давней поре относится старейшее упоминание киммерийцев у Гомера в повествовании о пути следования Одиссея с острова Эя, который древними авторами локализовался в устье Риона в Колхиде. «Закатилось солнце, — рассказывает в «Одиссее», — и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными»...

Другое упоминание о киммерийцах, хотя они и не названы в нем собственным именем, находим в «Илиаде»: «Зевс, приблизив троянцев и Гектора к ахейским судам, оставил их перед судами... а сам обратил вспять светлые очи, взирая в даль на землю конеборных фракийцев, сражающихся в рукопашную мисийцев и дивных гиппемологов-млекоедов, бедных и справедливейших людей»...

В одном из отрывков сочинений поэта Гесиода, жившего, как считается, в VIII или VII в. до н. э., «доители кобылиц» Гомера названы скифами... Как нам представляется, в этом следует видеть лишь анахронизм, обусловленный обычным смешением имен у древних авторов. Отрывок из Гесиода, как известно, используется для подтверждения глубокой древности пребывания скифов вместе с киммерийцами в Северном Причерноморье, а также для установления их автохтонного восточноевропейского происхождения...

Ошибочность сопоставления гиппемологов со скифами у Гесиода, объясненная, очевидно, комментаторам, ясно видна из известного текста гимна «К Артемиде» поэта и ученого Каллимаха (ок. 310 — ок. 235 до н. э.), который гласит: «Впоследствии вокруг твоего кумира (в Эфесе) был воздвигнут обширный храм; заря не узрит никакого храма ни святее, ни богаче его: он легко превзойдет и Пифон». Поэтому-то наглец Лигдамис и пригрозил разрушить его и привел бесчисленное войско доителей кобылиц киммерийцев, которые живут отдельно от других у самого пролива Инаховой телицы. О жалкий царь, как он ошибся! Ни ему самому, ни кому-нибудь другому, чьи повозки стояли на Каистрийском лугу, не суждено было вернуться в Скифию, ибо твой лук всегда защищает Эфес»...

Итак, грекам в качестве обитателей Северного Причерноморья с микенского или раннего послемикенского времени были известны только киммерийцы, но не скифы, о которых они узнали лишь много веков спустя, никак не ранее VII века до н. э.

У Геродота... в сообщениях о киммерийцах, в отличие от более древних известий, история уже решительно преобладает над мифом. От причерноморских греков и скифов он узнал, что вся страна, т. е. Понтийская степь, которая в его время была занята кочевыми скифами, прежде принадлежала киммерийцам, покинувшим ее под давлением скифов, пришедших с востока из глубин Азии. Этническое имя киммерийцев звучало в его время и позднее во многих местностях Причерноморья как в названиях некоторых греческих поселений, так и в других различных топонимах от восточного побережья Азовского моря до нижнего течения Днестра... Известно имя киммерийцев и для рубежа н. э. (Страбон)...

Вопросы хронологии, этнической принадлежности и социальной организации

Изучение памятников позднейшего предскифского периода на юге Европейской части СССР привело нас к выводу, что он делится на две ступени: старшую — черногоровскую и младшую — новочеркасскую, являющуюся в историко-культурном, археологическом отношении прямым продолжением, а вместе с тем и завершением срубной культуры... Выяснилось, что срубная культура охватывает не только бронзовый век, в границах которого было принято рассматривать ее раньше, но и переходное время от бронзы к железу и начало собственно железного века... отождествляя срубную культуру в таком ее восполненном, расширенном виде с киммерийцами... мы устанавливаем, что история киммерийцев может быть прослежена в настоящее время на протяжении целого тысячелетия — от эпохи средней бронзы до начала скифского периода.

В настоящее время общим признанием пользуется гипотеза О.А. Кривцовой-Граковой, согласно которой родина срубной культуры находилась в Нижнем Поволжье. Возникнув на полтавкинской основе, она, кажется, испытала на себе наибольшее воздействие со стороны абашевской культуры. Отмечаются в ней признаки и других влияний. Время ранней срубной ступени озаменовано особой концентрацией населения в Поволжье... Возникшее в ту пору земледельческо-скотоводческое комплексное производство стало на много веков основой хозяйственной деятельности... Установлен для этого времени довольно строгий погребальный обряд с захоронениями в простых ямах и реже в срубных гробницах с положением погребенных в скорченном состоянии на боку и ориентировкой головой преимущественно на север, на восток и реже на запад. Изредка встречаются курганы более богатых общинников, сопровождающиеся бронзовыми наконечниками копий, ножами и наборами костяных наконечников стрел, а также жертвоприношениями в виде целых остовов или частей коня, крупного и мелкого рогатого скота...

Выдающимся явлением в истории срубных племен этой ступени считается мощная миграция населения из Заволжских степей, основной поток которых оказался направлен на запад, в Причерноморье...

В итоге изучения вопросов срубной культуры мы приходим к выводу, что основные ее ступени... можно датировать следующим образом: ранне-срубная, или покровская, — 1600—1400 гг.; сабастиновская — 1400—1150 гг.; белозерская 1150—900 гг.; черногоровская — 900—750 гг. и новочеркасская — 750—650 до н. э.

Киммерийцы, как о том можно судить по их памятникам... представляли собой прочное соединение племен, занимавших всегда единую, большую, хотя и несколько изменчивую во времени территорию на юге Европы. Область их расселения в общем смещалась с востока, где была их родина в степях Нижнего Поволжья, на запад, в Причерноморье, где их пребывание впервые было засвидетельствовано Гомером...

Изначально киммерийцы были земледельцами и скотоводами... Подобные формы хозяйствования и образ жизни... были свойственны многим народам Евразии... племен андроновской, карасукской и родственных им культур...

Развитие хозяйства у степных и горных народов Азии к концу бронзового века... привело к исчезновению комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства и оседлого быта и к почти всеобщему распространению и господства кочевого скотоводства... К кочевому скотоводству перешли и киммерийцы. Переход этот произошел приблизительно на рубеже от белозерского к черногоровскому времени — в X или начале IX в. до н. э.

К ГЛАВЕ II. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

Иллюстративный материал в данном случае открывается извлечением из «Повести временных лет» — наиболее раннем собственно славянским осмыслением своего происхождения. Древний летописец брал за основу византийскую хронику Георгия Амартола, в которой славяне, конечно, не упоминались, поскольку они не упоминались в библейском тексте. Русский летописец поместил их рядом с иллирийцами, а затем отождествил с нориками — населением области (или римской провинции), соседней с Иллирией. Введение к собственно летописи неоднократно редактировалось, из-за чего текст изобилует вставками и не лишен противоречий. Так, отождествление славян с нориками записано в другой редакции рассказа о расселении народов после смешения языков. Не исключено поэтому, что уточнение принадлежит другому летописцу. Следующий затем рассказ о расселении славян предполагает демографический взрыв эпохи Великого переселения, когда славяне выходят к побережью Балтики, проникают на северо-запад Европы, заселяют Балканский полуостров, средиземноморские острова, некоторые районы Северной Африки и Испании, а на востоке доход до Северного Кавказа. Отличительная черта этих расселений и переселений — славяне легко ассимилируют различные племена и ассимилируются сами, не стремясь нигде утвердить свое господство. В этом проявляется специфика территориальной общины, и сами названия племен, как это отмечалось в литературе, чаще всего носят геогра-

фический характер. Перечень же славянских племен в составе будущей Руси отражает эпоху X века, когда кривичи и некоторые другие племена в состав Руси еще не входили, а с Дуная в середине X века пришла новая волна переселенцев славянских или ославяненных.

Из «Повести временных лет».
В переводе А.Г. Кузьмина по изданию
«Се Повести временных лет»
(Лаврентьевская летопись) (Арзамас, 1993)

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю, Сим, Хам, Иафет. И достался Симу Восток...

Хаму же достался Юг...

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхис, Босфор, Меотия, Деревия, Сарматия, Таврия, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пеления, называемая также Пелопоннес, Аркадия, Ипиротия, Иллирия, Словене, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море...

Много времени спустя расселились славяне по Дунаю, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались своими именами, где кто на каком месте поселился. Так, одни, придя, поселились по реке именем Морава и прозвались моравами, а другие прозвались чехами. И еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских и поселились среди них, притесняя их, эти славяне перешли и поселились на Висле. И прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лютичи, иные — мазовшане, иные — поморяне. Так же эти славяне пришли и поселились по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, поскольку селились в лесах, а еще другие поселились между Припятью и Двиной и назвались дреговичами, иные расселились по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и называется Полотой. Те же славяне, которые поселились около Ильменя, прозвались своим именем — словенами, и построили город и назвали его Новгородом. А другие расселились по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ и грамота его прозвалась славянской...

Вот лишь кто славяне на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а после названные вольнянами. А вот другие племена, дающие дань Руси: чудь, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, емь, литва, зимогола, корсь, нарова, либь — эти имеют свои языки. Они — колено Иафета, живущее в северных странах.

Из книги В.В. Седова «Происхождение и ранняя история славян» (М., 1979)

Возможности различных наук в освещении славянского этногенеза

История ранних славян может быть изучена при широком сотрудничестве разных наук — лингвистики, археологии, антропологии, этнографии и фольклористики. Любая из этих наук в отдельности не располагает и вряд ли когда-нибудь будет располагать достаточным количеством фактов для решения проблемы славянского этногенеза в целом.

Ныне все признают, что проблему происхождения славян нужно решать общими усилиями историков, лингвистов, археологов и представителей других смежных дисциплин. Однако содружество разных специалистов... иногда понимается ошибочно... Совместные решения этногенетических проблем представителями разных наук возможны только при том условии, что выводы каждой отрасли науки покоятся на собственных материалах, а не навешаны данными смежной науки...

Славянский языковой материал для истории праславянских племен дает очень немного... На основе праславянской лексики можно утверждать, что славяне (в I тысячелетии до н. э. и в первых веках нашей эры) заселяли лесные земли с умеренным климатом и обилием рек, озер и болот, в стороне от степей, гор и морей. Неоднократно предпринимаемые попытки использовать для более конкретной локализации раннеславянского региона ботаническую и зоологическую терминологию оказались несостоятельными. Изменения географических зон в исторические периоды, миграции животных и растений, малочисленность и эпохальные изменения флористической и фаунистической лексики делают любые этногенетические выводы, основанные на анализе зооботанических терминов, малоубедительными. Из зоотерминологии для определения прародины славян важны, пожалуй, только названия проходных рыб — лосося и угря. Поскольку эти термины восходят к праславянскому языку, нужно допустить, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, т.е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море...

(И «лосось», и «угорь», занимающие важное место в концепции автора, на самом деле не славянские, а балтские названия рыб, заимствованные славянами, продвинувшимися к Балтийскому морю едва ли ранее VI в. — А.К.).

Археология и этногенез славян

...На первых этапах этногенетических исследований археологи должны решать вопросы самостоятельно, независимо от данных лингвистики или других смежных наук. Археологу прежде всего необходимо приложить максимум усилий для этнического определения той или иной археологической культуры по данным своей науки, и только потом допустимы сопоставления полученных результатов с выводами других наук.

Непременным условием для заключения о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой. Если полной преемственности не обнаруживается, то

неизбежен вывод о смене одного этноса другим или о наложении одной этноязыковой единицы на другую. Поэтому ведущая роль в этногенетических построениях археологов принадлежит ретроспективному методу исследования, заключающемуся в поэтапном прослеживании истоков основных элементов археологических культур. От культур достоверно славянских, относящихся к раннему средневековью, надлежит продвигаться в глубь столетий к тем древностям, которые генетически связаны с ранне-средневековыми, а от них — еще на ступень глубже и т.д.

На заре славянской государственности и письменности славянские народы обладали довольно однородной культурой, распространение которой хорошо совпадает с границами расселения славян, устанавливаемыми по многочисленным письменным источникам. Спустившись на ступеньку ниже, обнаруживаем славянскую культуру VI—VII вв., по всем указателям генетически связанную со славянскими древностями VIII—IX вв. А на следующей ступеньке цепочка обрывается — археологических культур первой половины I тысячелетия н.э., из которых можно было бы вывести славянские культуры VI—VII вв., не существует.

Славянским древностям третьей четверти I тысячелетия н.э. всюду территориально предшествуют или полиэтничные археологические культуры, или культуры, явно неславянские. Очевидно, нужно допустить, что в римское время славяне территориально в значительной степени смешались с иноязычными племенами...

Посредством ретроспекции славянские этнографические элементы выявляются в погребальном обряде, домостроительстве и керамических материалах пшеворской и черняховской культур римского времени. Определив культурные особенности славян римского времени, можно спуститься еще на одну ступеньку, а затем еще ниже в глубь веков. Настоящее исследование начальной истории славянства выполнено именно таким путем... Все историко-археологические выводы и построения в работе обосновываются исключительно материалами археологии и не зависят от данных других наук...

Начало славян

Нижним звеном в цепи археологических культур... оказывается культура подклошевых погребений, распространенная в V—II вв. до н.э. в междуречье Вислы и Одера. Формируется она в результате взаимодействия двух культур — лужицкой и поморской, вызванного миграцией племен поморской культуры в восточные районы лужицкого ареала. Однако ни лужицкую, ни поморскую культуру нельзя относить к славянам...

Из книги О.Н. Трубочева «Этногенез и культура древних славян» (М., 1991)

Глава 3

Нет ничего удивительного в том, что исследование особо сложной проблемы этногенеза славян в наше время синтеза наук протекает в духе

острой дискуссии и пересмотра очень многого из того, что сделано предшественниками. Тем выше наша благодарность классикам славяноведения — именно тем из них, с которым пришлось коренным образом разойтись по основным положениям, потому что, перечитывая их труды, мы встречаем мысли, покоряющие нас глубиной и верностью видения именно в современных аспектах науки: «...не существует народа, происхождение и генезис которого удалось бы в достаточной степени выяснить на основании непосредственно сохранившихся источников...» «Этнографические факты констатируют, что уже в «первобытных» условиях жизни и даже при очень редкой заселенности взаимное перекрещивание культурных влияний было очень сильным либо благодаря интенсивному обмену культурными ценностями посредством примитивной, но порой удивительно интенсивной меновой торговли, либо благодаря постоянным войнам, приводимым к обмену женщинами». (Автор ссылается на польских авторов Т. Лер-Славинского и Т. Мочинского, придерживавшихся концепции начального балто-славянского единства. — А.К.).

...Мы уже обращали внимание на бесспорное знакомство славян с (Средним) Дунаем, на методологическую уязвимость традиционных разысканий о прародине славян, под которой в них неоправданно понималось первоначально ограниченное стабильное пространство, будто бы обязательно свободное от других этносов и первоначально бездиалектное; самоограничение исследователей внутренней реконструкцией приводило к воссозданию «непротиворечивой» модели праязыка, по-видимому, весьма отдаленной от реального, некогда живого праславянского языка с внутренним диалектным членением и собственными индоевропейскими истоками, что весьма затемнялось разными балто-славянскими теориями, в том числе той из них, по которой праславянская языковая модель производна от балтийской...

Против прямолинейных заключений

Европейская карта бронзового века обычно представляется археологу расчерченной миграцией и походами, которые как будто документируются этнически характерной керамической посудой. Не зная подлинных имен этих этносов, археологи привычно обозначают их... носители культуры шнуровой керамики и т. д. Шнуровая керамика встречается от Северного Причерноморья до Скандинавии, но для того, чтобы совершать такие дальние походы и миграции, надо отличаться особой воинственностью и подвижностью, короче говоря, надо вести кочевую жизнь, а нам указывают с другой стороны, что кочевой образ жизни и производство керамики плохо совместимы по причине хрупкости глиняной посуды!.. Поэтому время от времени раздаются голоса, рекомендующие видеть в распространении изделий именно распространение изделий (через торговлю, заимствование, культурное влияние и моду и т.д.), а не делать поспешных выводов о распространении людей... К сожалению, и сейчас авторы этих здравых суждений остаются пока в меньшинстве, и до сих пор говорят больше о нашествии носителей лужицкой культуры на балтийскую

территорию с Запада... чем о лужицком культурном влиянии... Таким образом, культурные влияния, культурный обмен, столь важный для человечества во все времена, скорее преуменьшаются, отчего картина древних этнических отношений невольно подвергается искажению.

К ГЛАВЕ III. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Ниже воспроизводятся извлечения из работ авторов, чьи мнения и аргументы не потеряли значения до наших дней. С. Руссов в 1836 г. отметил, что родоначальники норманизма З. Байер, Г. Миллер и А. Шлецер сознательно не обращали внимания на неудобные для них факты. Статья Ю. Венелина о варягах вышла уже два десятилетия спустя после его кончины (и, как отметил издатель, без окончания, которое еще предстоит отыскать), хотя это была первая добросовестная подборка сведений восточных авторов о варягах, сделанная еще в 20-е гг. в качестве отклика на публикацию Х. Френа (СПб., 1823).

Работа В.Г. Васильевского о варягах остается одним из классических анализов византийских и иных источников, также в должной мере до сих пор не оцененная.

Статья М.Ю. Брайчевского является, как было отмечено выше, серьезным аргументом в пользу русов-алан, начавших осваивать путь «из варяг в греки» во второй половине IX века.

Ю. Венелин. «Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных» (Чтение ОИДР. Кн. 4. М., 1870)

Только одно арабское известие, говорит Френ, до сих пор было известно; это есть небольшое место в Рейскевом Латинском переводе Абулфедовой географии... где сей араб, полагаясь на достоинство Бируния, говорит об одном северном море, Варене... и о живущем при нем народе подобно-го же имени.

Сие место действительно могло обратить на себя полное внимание в то время в которое толкователи уже перекоптели над изысканием следов слова Варяги у византийских, западных и северных писателей. Впрочем, Шлецер и Карамзин заметили оное из любопытства; ибо оно подтверждало только речение Нестора, что Варяги жили у Варяжского моря, нового же ничего не представляло; посему учение Байро-Шлецеровское основывается на известиях и доказательствах уже выше разобранных и, как казалось, принятое за доказанное...

Из всех, однако, сторон, из коих можно было еще ожидать дальнейших объяснений и подтверждений, важнейшими были Арабские библиотеки. Упомянутое место Абулфеды указало на сии сокровища, т.е. показало, что имени Варягов можно искать не только у Нестора и византийцев, но и у арабов, и, что еще было важнее, имя Варягов у арабов встречается как имя

народа; следственно арабы свидетельствовали о нем в таком же смысле, в каком и Нестор, между тем из византийских и западных известий трудно было сыскать народ под сим названием...

В наше время, в которое знание арабского языка значительно распространяется... можно было приискать мужа опытного и сведущего... который бы собрал и перевел все места из арабских писателей... Очень можно радоваться, что сие дело пало на Г. Френа...

По-видимому, надлежало ожидать от арабских известий чего-нибудь нового... но дело кончилось тем, что Френ привел сии известия прямо в подтверждение Байеро-Шлецеровского учения... Итак, наконец весь земной шар обыскан для решения вопроса: где были Варяги? И Север, и Запад, и Юг, и Восток принуждены были сосредоточиться в одно, для засвидетельствования, что Нестор, опершийся пальцем на Померанию, говорит не о Балтийской Славонии, а о Швеции!

Теперь нам остается строго рассмотреть, могли ли арабы противоречить Русскому летописцу? Противоречили ли? Могли ли норманнолюбцы призывать их к себе в свидетели?..

Френ начинает свои арабские известия упомянутым местом Географии Абулфеды; вот оно: «О море *Вазенском* (читайте *Варенском*, говорит Френ, т.е. *Варяжском*). Известий о сем море я нигде не нашел, кроме сочинений... Бируни'... и Астрономических записок Назира... У Бируни сказано: «Море *Вазенское* (читайте *Варенское*) выходит из Северного океана в направлении к югу; оно имеет значительную широту и длину. *Вазенги* (читайте *Варенги*) есть народ, обитающий у берегов онога»...

Петербургский ориенталист убедительно доказал, что в обоих случаях правильное чтение имени есть *Варанг*...

Впрочем, Френу желательно было сие место выписать и... из самого источника... но по неимению сочинения Бируни, он нашел его в предисловии... к большому Географическому словарю Якута (ум. 1229 г.). Он говорит: «Что касается до положения морей в обитаемой части мира, то описание оных, найденное мною у Бируни, есть самое лучшее: море, говорит он, которое на западе обитаемой земли омывает берега Тандши и Андалузии (т.е. Африки и Испании) называется всеокружающим морем... Никто не отваживается войти во внутренность сего моря и только плавают у берегов онога. От сих стран сие великое море распространяется к северу к стране славян, и выходит из него на севере славян большой канал, проходящий к стране мухамеданских болгар. Он-то называется именем моря *Варенгского*. Это есть название народа, живущего у берегов онога, от которого оно распространяется к востоку, где между берегами и последними пределами турок находятся пустые, необитаемые, неизвестные страны и горы...

Замечательно... что сей писатель... упомянул об одних славянах... Под именем Славянской земли он разумет Германию, которой две трети тогда действительно населяемы были славянами... Итак, когда Океан, говорит нам араб, достиг берегов славянских, то там он выпускает из себя

большой канал, составляющий северную границу земли Славянской... Он проходит северные их берега и, наконец, приближается к стране Болгар... Этот-то канал, говорит он, называется морем Варяжским; ибо варяги (народ) живут у берегов оногo...

Из сего видно, сколь темные и неправильные понятия имели арабы о севере Европы. По их сведениям вся Северная Россия не существовала и была покрыта Океаном... Балтийское море не есть просто залив Океана или глухой канал, но отверстие...

Впрочем, нельзя удивляться сему недостатку в сведениях арабов о севере Европы, когда самые даже наши северные писатели... имели совсем темное понятие о положении и направлении Балтийского моря. Подобно почти арабам воображал и Ейнгарт, секретарь Карла Великого, и сам даже Адам Бременский описал оногo довольно неопределенно.

Итак, и араб говорит, что варяги жили у берегов Варяжского моря; свидетельство его совершенно согласно со словами Нестора. Теперь надлежит объяснить, у каких именно берегов жили сии варяги?

Из всего... видно:

1) Араб не обращал внимания на острова; ему нужны были не они, а цепь берегов тверди или материка, как путеводительная линия между Океаном и всею землею. Следовательно, что он ни сказал о берегах, разумеет о твердой земле; посему жилища варягов он определяет именно по сию сторону Балтийского моря, на материке, а не по ту сторону оногo, в предполагаемом им неизвестном острове.

2) Если он, для объяснения линии между Океаном и материком, хотел упомянуть о народе, находящемся на той точке, то должен был схватиться за народ, именно находящийся по сию сторону Балтийского моря, на самой, так сказать, линии, и более известный не только ему, но и всякому его читателю, чем указать противоестественным порядком на островитян (Скандинавов), находящихся в самом Океане.

3) Только о жителях материка можно сказать, что они живут у берегов моря; об островитянах же, какими можно предполагать скандинавов, это не говорится на каком бы то ни было языке; все определение их жилищ заключается в словах «живут на острове», который весь состоит из берегов...

Хотя место его довольно кратко и сухо... он в полной мере подтверждает слова Нестора, указывая на жилище варягов у южных берегов Балтийского моря, а именно в Померании...

Название Славянской земли здесь, у арабов, слишком растянуто: они взяли оногo с южных славян, а именно словен... и отнесли на всю Германию для наименования только страны, а не народа, который действительно (во всей северной Германии) не именовался *словенами* и, как народ приморский, должен был явиться арабу под собственным своим названием варягов.

Сверх того известно, что варяги владели не только берегами от Любека до устья Вислы, но и от сей реки до Новгорода. Следовательно, все почти берега, южные и восточные, сего моря, о коих мог только воображать себе Бируни, были в руках варягов, которые из т.н. им Славянской земли так

далеко вытянулись, что отчасти действительно очутились вне сей Славянской.

Итак, из этого видеть можно, что норманнолюбцы в арабах никакой не могут иметь подпоры...

«Касвини, знаменитый персидский географ XIV столетия, говорит Френ, пишет: ... «Шестой морской рукав (залив) есть море Галатское, иначе называемое Варяжским. На восток от него находятся земли Блид (может быть Болгары), Бдрия (?), Буде (чит. Юра) и часть варягов, на юг равнины Хард (Хазаров, т.е. Русь южная); на западе земля Франков и народа кастильского и другие, на севере Океан».

Здесь уже открыто варяги ставятся по сию сторону Балтийского моря...

Димешки... говорит о сем предмете следующее: ... (от Испании) он простирается к устью узкого, но длинного пролива, который называется Т-к-лту»... (Френ) приведенное выше название *Галатского* моря довольно хорошо объяснил от слова галлы или кельты, коих греки некогда называли и галатами, и что сие имя персиянин заимствовал от греков. Мне кажется, что лучше объяснить сим именем и Т-к-лту, чем натянутым исправлением предполагаемого правописания в Ингилтерра...

«От сего канала простирается (океан) по берегам до тех пор, пока наконец изворачивает к северо-западу... Здесь находится великий залив, который называется морем Варенгским... Варяги же есть непонятно говорящий народ и не понимающий ни слова, если им говорят другие... Они суть славяне славян (т.е. знаменитейшие из славян)»...

Сие выражение «славяне славян» Френ объясняет из свойств арабского языка: ...«они суть важнейшие всех славян»...

Очень ясно, совершенно убедительно, нечего сомневаться. Но не тут-то было. Френ о том самом месте, которое сам объяснил совершенно удовлетворительно... в противоречие самому себе, сомневается! «Но, — возражает сам себе, — невозможно, чтобы это хотел сказать наш автор, и что бы варягов принял за славянское племя»... Почему так? А вот почему. В начале своего замечания или толкования он говорит: «Я очень сомневаюсь в правильности текста...» Дело в том, что Френу хотелось уличить араба во лжи, т.е. не хотелось почтенному ориенталисту поверить арабу, утверждающему, что «варяги суть один из главнейших славянских народов», т.е. хотелось ему варягов «пересадить в Скандинавию»...

«Мне пришло в голову, — продолжает он (пришло в голову!), — что не надо ли искать в «славяне» глагола «завоевали» (тут он составил от себя два арабские слова, долженствующие значить «завоеватели»); «но это не согласуется с арабским словосочетанием» (к чему все эти крючки?)... по-сему мне остается еще догадываться (догадываться!), что вместо «славяне» должно стоять, может быть (может быть!)». Тут опять выдумывает два арабские слова: «жили насупротив»; «итак вышло бы значение (вышло бы!), что они живут насупротив славян!» Какая счастливая высказка! Итак Френ, основываясь на своем толковании... текста Димешки, вместо настоящего его значения («они суть славяне славян»), вставил: «они живут насупротив славян»...

Посему удивительно ли, что бедные скандинавы делали завоевания в России без всяких современных свидетелей, предпринимали путешествие в неизвестный им Цареград и прочая, когда норманнолюбцы с толикою легкостью готовы высадить их на все берега земного шара! Итак... то свидетельство, которое в полной мере сообразно с Нестором, опровергает все учение Байеро-Шлецеристов и громогласно объявляет славянизм варягов, приняли за главнейшее доказательство норманизма, шведизма сего народа, за доказательство и подтверждение, говорю, того, что именно опровергается!

...Невольно подумаешь, что потомки норманнов и их братьев, все присягли и решились надеть на глаза исторической публике темную завесу во всех тех местах, в которых История выражается не в пользу их предков, и попать ногами все те бесценные единственные исторические памятники, на которых не начертаны имена их предков. Но все это еще более похоже на то, если бы кто ныне вздумал подойти к памятнику какого-либо великого человека, выскоблил из одного его имя и написал свое. Ах! Всяк бы ужаснулся над сею дерзостью. ...

Из работы В.Г. Васильевского «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв.» (Васильевский В.Г. Труды. Т. I. СПб., 1908)

Один из главных борцов-противников норманнской теории С.А. Геденов первый обратил внимание на то чрезвычайно важное обстоятельство, что имя варягов появляется в византийских источниках очень поздно, не ранее 1034 года. С большим остроумием он сопоставил появление новой по имени дружины варягов с известием русской летописи, относящимся к 980 году: в этом году «Владимир, недовольный требованиями своих норманских варягов-союзников, отправляет их в Грецию; его посольство к императору доказывает, что дело идет о новом, до того времени небывалом случае, т.е. о появлении в Константинополе целой массы норманнов, вместо отдельных в русской дружине исчезавших лиц». Прежде, т.е. до 971 г., до эпохи разрыва Святослава с греками, наемное войско греческих императоров состояло главным образом из руссов (по теории Геденова исконных славянских жителей южной России); только некоторые, немногие норманны вступали в это русское отделение греческого войска и служили под тем же именем «Рос». Со времени прибытия варягов, отправленных Владимиром, становятся известными в Греции два отдельные корпуса: во-первых — руссов, уже чисто-славянский корпус без всякой норманнской примеси, и, во-вторых, — варягов-норманнов. О постоянном отличии обоих свидетельствуют все писатели того времени.

Д.И. Иловайский пишет: «Норманисты много и убедительно доказывали, что варанги Византийские были норманны и означали то же, что у нас варяги. С чем мы совершенно согласны; только и в этом случае скандинавоманы слишком упирают на Скандинавию. Относительно отечества варангов византийские известия указывают иногда на Германию, иногда

на далекий остров, находящийся в океане, который они называют Туле, а чаще всего причисляют их к англичанам. Под островом Туле у византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что, смотря по обстоятельствам, под ним можно разуметь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские. Но что ж из этого? Мы все-таки не видим главного: тождества с Русью, и не только нет никакого тождества, напротив, византийцы ясно различают Русь и варягов... Византийцы, близко, воочию видевшие перед собою в одно и то же время и варангов и русь, нигде их не смешивают и нигде не говорят о их племенном родстве».

На страницах Журнала Министерства народного просвещения мы еще недавно читали: Византийское «варангои» произошло не прямо от «веринг» (тогда было бы «варингои»), а через посредство славянского «варязи», которое впервые пришло к Грекам из Киева, вероятно, в письменном сообщении. По свидетельству нашей летописи это было в 980 году..

Итак в настоящее время и норманистами и противниками их признаются несомненными два следующих положения:

1) Имя варангов появляется в Византии в XI веке, и появление этого имени объясняется прибытием туда варяжской дружины, о которой говорится в русской летописи.

2) С XI века византийцы различали русь и варягов и никогда не смешивали этих двух названий.

Мы намерены проверить оба положения полным разбором всех византийских известий XI века, где говорится о варягах. Нам уже давно казалось, что второе положение высказано и принято без достаточного изучения именно того византийского писателя, который в этом случае был важнее других. Мы разумеем Аталиата или Атталиоту, который жил и писал действительно в XI веке и не был компилятором, как Зонара и Кедрин, писатели более поздние... Издан наконец и другой самостоятельный и оригинальный источник для византийской истории XI века... история Михаила Пселла... Пселл, как известно, был не только первым ученым своего времени, но и играл первостепенную политическую роль при византийском дворе Константина Мономаха и его преемников. Он описывает то, чему сам был свидетелем, в чем сам был главным участником. Из его истории мы узнаем, что вместе с императором Константином Мономахом он следил своими глазами за ходом морского сражения византийцев с русскими в 1043 году.. Любопытно то обстоятельство, что Пселл, окончивший свою историю около 1088 года, ни однажды не употребляет выражения «варанги», хотя несомненно говорит о самом предмете...

Небольшое исследование, которое мы посвящаем византийским варягам, насколько не касается существа норманской теории, и выводы, которые из него позволительно будет сделать, могут быть обращены в свою пользу как норманистами, так и с таким же правом противниками их...

Для того чтобы сделаться «варангом», мало было приехать в Грецию, а нужно было вступить в военную службу или даже, по общепринятому воззрению, в число телохранителей императора, в состав его лейб-гвардии. Известие Бертинских летописей о людях, посланных императором Фео-

филом к Людовику Благочестивому, которые называли себя «рос», а по расследовании оказались шведами, совершенно не относится к вопросу о византийских варангах, ибо нигде не сказано, что это были варанги... Если скандинавское название «варягов» и происходит от корня, означавшего на северном языке «защищать», «оберегать», то это не значит, что для получения названия защитника (чего бы то ни было) необходимо было съездить в Византию. А главное, зачем делать гадательные предположения, когда в сагах есть совершенно определенные указания о том, кто именно и когда именно был первым определенным, вступившим в варяжскую дружину. Мы удивляемся, каким образом никто до сих пор не обратил внимания на следующее в высшей степени важное место в одной из древнейших и наиболее достоверных исторических саг:

«Когда Болле провел одну зиму в Дании, он решил отправиться в более отдаленные страны, и не прежде остановился в своем путешествии, чем прибыл в Миклагард (Византию); он провел там короткое время, как вступил в общество верингов (варангов). У нас нет предания, чтобы кто-нибудь из норманнов служил у Константинопольского императора прежде, чем Болле, сын Болле. Он провел там много зим и во всех опасностях являлся храбрейшим и всегда между первыми; подлинно, вэринги много ценили Болле, когда он жил в Константинополе...»

Это читается в Лаксдельской саге. Лаксдельская сага записана, как полагают, в начале XIII столетия; следовательно, по времени записания она не принадлежит к самым древним, но события в ней описываемые, оканчиваются около половины XI века. Таким образом, она, подобно всем другим сагам, довольно долго сохранялась в устном предании... Если замечание о том, что Болле Боллесон был первым норманном, вступившим в военную службу к Византийскому императору, сделано только при письменной редакции, то это будет значить, что в начале XIII века, т.е. во времена Снорри Стурлесона, когда последний кульминационный пункт своеобразного исторического творчества в Исландии уже завершился — не было известно ни одной саги, которая говорила бы о более ранней службе норманнов-скандинавов в Византии.

К какому же времени относится вступление Болле Боллесона в общество варангов? Решить этот вопрос не трудно, потому что лица, действующие в Лаксдельской саге, не только встречаются в других исторических сагах, но упоминаются также у Аре Фроди, первого исландского летописца, т.е. суть лица вполне исторические. Отец первого византийского варанга из норманнов, по имени Болле, есть одно из таких лиц, упоминаемых в летописи; другой герой саги, Киартан, не только появляется во всех рассказах о стремлениях короля Олафа Тригвасона обратить Исландию в христианство, но даже его гробница с рунической надписью сохранилась до нашего времени. Болле отец, по летописи, был убит в 1007 году, а только после его смерти родился сын, Болле младший, или Боллесон. Двенадцати лет, по саге, он предпринимает исполнить долг мести за своего отца (1018 г.), но потерпел неудачу. Потом он женился и только после этого отправился в далекие страны, сначала в Данию, а потом в Константинополь.

Итак, первый норманн явился в числе варангов никак не ранее 1020 года, а, по-видимому, после 1023 или даже 1026 года...

Такому заключению, по-видимому, противоречит упоминание вэрингов в двух других исторических сагах, считаемых самыми древними — как на основании их содержания, так и по времени письменной редакции, относящейся к концу XII века. Это 1) сага о Вига-Стире и 2) сага о битве на поле... В первой... Гест, сын Торгалла, убив Стира (1007 г.), одного из старшин или князьков исландских, он удаляется из опасения мести сначала в Норвегию, а потом в Миклагард, где поступает в число вэрингов. Здесь находит его сын Стира, Торстейн, застаёт его во время игры среди вэрингов и бросается на него с мечем в руках:

«Гест видел, что он не в состоянии держаться против происков Торстейна в Норвегии, и отправился на юг в Миклагард и нанялся там служить с вэрингами; он рассчитывал там быть лучше скрытым. До Торстейна дошли о том вести, и он в то же лето отправился в Миклагард. Но такой обычай у вэрингов и норманнов, что день они проводят в играх и борьбе. Торстейн, вступивший в среду вэрингов, застал Геста во время борьбы, выхватил меч и ранил его. Вэринги подбежали и хотели тотчас убить Торстейна, потому что был такой закон, что если кто покусится на жизнь другого во время игры, то должен потерять свою. Но сам Гест освободит Торстейна, заплатив за него выкуп и потом помирившись с ним».

Событие должно относиться к 1011 году, и, следовательно, сказание о Стире противоречит прямому свидетельству Лаксдальской сагги о первом норманне в византийской гвардии. Но весьма легко решить, на какой стороне находится большая достоверность. Подлинная рукопись Вигастировой саги и единственный список с нее... сгорели при копенгагенском пожаре 1728 года. В нынешнем своем виде сага восстановлена по памяти... Путешествие в Царьград и вступление в варяжскую дружину Византийского царя самая обычная черта в позднейших сагах... Между тем не всегда нужно было ездить в Византию, чтобы сделаться варангом: в начале XI века для этого можно было ограничиться Киевом или вообще Русской землей.

Не совсем верно утверждают, что норманны, служившие у русских князей, никогда в северных сагах не называются вэрингами. В Гейдарвига-саге, которая составляет продолжение Вигатеровой... и сохранилась в очень хорошей рукописи до нашего времени, рассказывается о Вига-Барди, что он, изгнанный судом из своей родины, т.е. Исландии, после нескольких скитаний, прибыл с женою в Галогаланд, т.е. в северо-западную приморскую окраину Норвегии. Здесь он поссорился с женой и опять пустился путешествовать. «Он не оставил своего пути, пока не прибыл в Гардарики и сделался там наемником, и был там с вэрингами, и все норманны высоко чтили его и вошли с ним в дружбу¹⁵...»

Ясное дело, что здесь идет речь о русских варягах... напрасно, стало быть, помещают Вига-Стира в число византийских варангов. Но если бы это и было основательно, то и тогда прямое свидетельство Лаксдальской саги не потеряет своего значения... Варяжская служба нашего героя (Бар-

ди) падает к 1020 годам... Сага кончается 1025 годом, а последнее событие, в ней рассказанное, есть именно смерть Барди, павшего в битве после трехлетней службы в вэрингах.

...Нельзя оставить без внимания следующего соображения, подсказываемого некоторыми выражениями в приведенных выше отрывках. Норманны, приходящие из Норвегии и Исландии, как будто отличаются от других варягов, или варангов. Варяжская дружина как на Руси, так и в Миклагарде существует ранее их, ранее Болле Боллесона и ранее Вига-Стира. И.Олафсон... переписчик и воссоздатель Вигастировой саги, отметил, что в подлинной саге норманны часто отличались от вэрингов...

Из кого же состояла варяжская дружина в Цареграде по вступлении в нее норвежцев и кто составлял варяжскую дружину на Руси помимо норманнов?

Ответ на это может быть двоякий. Норманисты должны сказать, что и здесь и там это были шведы... Мы думаем, что такое положение будет очень трудно доказать. Выражение «нордманны» в сагах употребляется в двояком значении. В первом обширном значении оно обнимает не только всех жителей Скандинавского полуострова, но также датчан и, само собой разумеется, исландцев. Когда нужно несомненно и ясно отличить между норманнами норвежца, тогда в сагах употребляются выражения «аустменн» или «норегсменн». Второе, более тесное значение слова «норманн», действительно, исключает датчан, шведов, готов, но оно исключает также и всех людей норвежского племени, поселившихся вне Норвегии, т.е., между прочим, исландцев, а означает одних жителей Норвегии. Ясно, что в этом втором значении слово норманн не могло быть приложено в Болле Боллесону... Следовательно... Болле был первый *скандинавский* норманн, вступивший в варяжскую дружину... Шведы упоминаются в числе варангов, но только позднее и наряду с другими — в саге об Олафе Святом и о Гаральде.

После этого нам понятно будет, почему даже в исландских сагах норманны XI столетия, приходящие на службу русского князя, «отличаются» от прочих варягов... И византийский военный корпус варангов вовсе не состоял из одних только норманнов-скандинавов, даже, быть может, норманны составляли небольшую его долю. Теперь для нас всего важнее то, что норманны, т.е. исландцы, норвежцы, а потом шведы, *вступают в Константинополь уже в готовое «Варяжское общество»...*

Факт присутствия в Византийской империи с 988 года до первых годов XI столетия большого русского военного корпуса — по крайней мере шеститысячного — не подлежит ни малейшему сомнению. Мы только мимоходом отмечаем теперь то, конечно, не лишённое значения обстоятельство, что Тавроскифы (русские), упомянутые Михаилом Пселлом при повествовании о Василии II Болгаробойце, встречаются потом на страницах его истории и притом прямо *в виде варягов...*

Через двадцать пять лет после появления русской наемной дружины в Константинополе мы встречаем русских среди византийской армии в разных местах, где только шли военные действия... В 1019 году французские

норманны... были разбиты греческим катапаном в сражении при Каннах... Здесь против норманнов действовали русские:

«Когда император услышал, что смелые рыцари напали на его землю, он против норманнов отправил самых храбрых людей, каких только он мог найти... В первых трех сражениях норманны остались победителями, но в четвертой битве, где им пришлось бороться с народом Русским, они были побеждены, обращены в ничто и в бесчисленном количестве отведены в Константинополь, где до конца жизни были истязуемы в темницах»...

Византийцы твердят о Руси, русских, а что значит страна и народ Русь на их языке? Это страна, где царствует князь Владимир и где умирает греческая царевна Анна... Это народ, князья которого именуются Ярославом, Ростиславом, Звениславом... В XI веке — народ очень хорошо известный. Не тот, кто пришел с севера, из страны, называемой Русью, был русский, а тот, кто принадлежал к этому народу и говорил известным языком...

Но если русские, русь, «рос», тавроскифы в XI веке суть православные славянские люди, то и варанги XI века были такие же православные славянские люди, другими словами: варяжская дружина в Византии состояла первоначально из русских; название варангов прежде всего принадлежало тому наемному русскому корпусу, который существовал с 988 года. Если скандинавские норманны входили в состав этого корпуса, то они вступали в готовую уже организацию и составляли здесь незаметное меньшинство, так что византийские источники могли совершенно умолчать о них...

В 1034 году в Малой Азии... зимовали варанги. Византийский писатель, который сообщает этот факт, не нашел необходимым объяснить нам, откуда явились эти военные люди и какой они были национальности, хотя именно здесь, при первом упоминании о варангах, следовало бы это сделать. Само собой разумеется, что не внезапно явились эти варанги, что они уже прежде были в византийской армии... Если мы будем читать византийского автора, у которого встречается первый помин о варяжском корпусе... то обнаружится, что ему и не нужно было объяснять, кого следует разуметь под варангами, так как это было ясно из общего хода рассказа...

Привычное представление варангов исключительно в виде императорской лейб-гвардии совершенно ложно... На самом деле варанги прежде всего суть наемники или союзники, или другими словами: союзный наемный корпус... и потом уже избранный (из среды такого корпуса) отряд телохранителей, приближенная дружина императорская. ...Лучший из современных византинистов... Гопф сделал несомненную ошибку, вздумав отыскивать в поведении варангов указание на высокую нравственность германского племени...»Германцы своею верностию были тогда столько же знамениты, как после швейцарцы; они были лучшею, даже единственною опорою колеблющейся империи Ромейской»... Маленькое, но совершенно излишнее патриотическое увлечение. Что касается до германской верности, то византийская история никак не может служить ее доказательством. Напротив того, по мнению византийцев XI века, предателей

скорее всего можно было найти среди немцев, которые также были на службе византийской, но отличались от варягов, между прочим, своей продажностью...

Почти несомненным остается тот факт, что имя варангов впервые внесено было в греческую письменность каким-либо местным малоазиатским летописцем. Важно это в том отношении, что, может быть, здесь находится путь к объяснению самого происхождения византийского названия варангов... В народных песнях припонтийских греков, носящих на себе следы глубиной древности и даже именно XI столетия... воспеваются наряду с греческими паликарами также и фаранги, которых Сафа прямо принимает за варангов... Мы не спорим против того, что фаранги могут быть прямо считаемы за варангов; точно также не отвергаем тождества с варангами и тех *марангов*, имя которых подслушал еще Пуквилль в собственной Греции; этим именем, говорят, и теперь дети преследуют и дразнят иностранцев... Мы думаем, однако, что напрасно было бы находить здесь подтверждение западного происхождения варангов... Гораздо проще предполагать, что сами русские, служившие в Византии, называли себя варягами, принеся с собой этот термин из Киева, и что так стали называть их те греки, которые прежде всего и особенно близко с ними познакомились. Маранги представляют только другой выговор слова Варанги, а фаранги могло быть или точно также диалектическим отличием, или народным искажением под влиянием созвучного «франгои».

Для нашей темы останется, во всяком случае, тот не лишенный значения вывод, что название варангов появилось там, где русский союзный корпус прославил себя в походах Василия II Болгаробойца, где провел не одну зиму на постое, где он ясно и прямо указан именно около зимы 1034 года...

Мнение о скандинавском происхождении византийской варяжской дружины, представление о многочисленности и особом значении в ней северных норманнов основывается на свидетельстве исландских саг и, в частности, Гаральдовой саги. В последней знаменитый северный принц, а после король норвежский и искатель английской короны, сложивший свою голову при Стамфордбридже (1066), является предводителем вэрингов, стоящих на службе византийского императора, совершает со своими земляками чудеса храбрости и военной хитрости, завоевывает для греческих царей десятки и едва не сотни городов, даже целые страны, — и потом возвращается на север...

Мы имеем полное основание считать несомненным историческим фактом участие Гаральда (в 1033 и 1034 годах) вместе с русскими в борьбе православного востока с мусульманско-сарацинским миром... Нужно полагать, что Гаральд, сын Сигурда, был не единственный норманн (скандинавский), вступивший в византийскую службу; есть указания весьма достоверные, что ранее его прибытия в Миклагарде уже находилось известное число норвежцев и исландцев, и сам он, конечно, пришел не один, но, как подобало принцу изгнаннику, окруженный толпою приверженцев... Вот этот отряд, согласно с давно укоренившимся взглядом и са-

кими сагами, и мог быть всего скорее принятым за настоящий и единственный варяжный отряд... Но... для нас авторитет — не сага, но ее источники, современные событиям песни скальдов. А никто не укажет нам, чтобы в драгоценных обрывках северной поэзии XI века именно скандинавы назывались вэрингами, чтобы нордманны в своей особенности и отдельности отличались этим наименованием от других народностей, вместе с ними входившими в состав иностранной наемной греческой дружины. Слово «веринги» в этом смысле не найдется ни в одном из многочисленных двустиший, четверостиший и восьмистиший, приведенных в сагах Олафа, короля Магнуса и Гаральда. Совершенно напротив. Есть только один поэтический отрывок, упоминающий о верингах уже в XI веке: и этот единственный, но тем более драгоценный отрывок заставляет Гаральда избивать вэрингов, т.е. представляет вэрингов людьми чужими для Гаральда, не норманнами...

С чудом св. Олафа, явившегося на помощь к своему брату, сага соединяет известие о построении в Константинополе храма в честь норвежского короля... Французский генеральный консул в Константинополе Белэн, в сочинении, озаглавленном «История латинской церкви в Константинополе», пишет: «Варяги имели особую церковь, которая называлась Варяжскою Богородицею и была расположена при западном фасаде св. Софии, почти соприкасаясь с этою базиликою». Как само название, так и местоположение храма заставляет думать, что это была церковь не латинская, а греческая, православная, и варяги, которые в ней молились, которые делали в ней свои приношения, были не латинами, а просто православными людьми, т.е., по нашему мнению, — русскими...

В небольшом пергаменном отрывке, содержащем в себе истории норвежских королей ... приведены стихи скальда Вальгарда:

...Тотчас ты, потомок шлемоносцев (т.е. государей, князей),

Приказал повесить тех, что держали стражу.

Ты так повернул дело,

Что менее стало вэрингов (т.е., что многие были убиты) ...

Гаральд Гардрад является здесь вождем в каком-то смятении или восстании... он велел повесить стражей, и число этих повешенных так значительно, что количество вэрингов сократилось... Является ли здесь Гаральд вэрингом? Нет, он их убивает. Кто же после этого вэринги? Что они не были Гаральдовы единоплеменники, это дает чувствовать самый торжествующий тон придворного поэта, Вальгарда: без всякого сожаления и, напротив того, с ярким сочувствием воспевает он истребление вэрингов...

Этот отрывок скальда Вальгарда есть единственный скандинавский памятник XI века, в котором встречается имя вэрингов...

Как бы ни мало развито было национальное сознание и представление о народном или государственном единстве в те времена среди русских, все-таки, по-видимому, нельзя было верить ни безопасности императора, ни охранения империи единоплеменникам враждебного народа, когда русские действительно стали грозить нашествием (*речь идет о походе руси на греков в 1043 г. — А.К.*), то, по свидетельству Кедрина, византийское

правительство нашло необходимым удалить из столицы как русских купцов, так и русских военных людей: «Скифы, находящиеся в столице в виде союзников, были рассеяны в провинциях...» В Константинополе знали, что русские шли не одни, что и они имели много союзников, и что этими союзниками были народы, *обитающие на северных островах океана...* Нет никакой причины сомневаться, что здесь разумеются жители Скандинавии и Исландии, которых греки, а по следам их и византийцы, одинаково считали за островитян. Следовательно, византийцы умели отличать русских от норманнов и в случае нужды не затруднялись найти соответствующие слова и выражения для обозначения последних. Сумели бы они указать и на скандинавский характер варяжского корпуса, если б этого требовало самое существо дела...

Заметно, что с половины XI века значение (русского) корпуса как будто падает. До 1050 года нет никаких следов, чтобы наряду с русскими какая-либо другая национальность участвовала в войнах империи в такой же степени, как русские... Но с половины XI века наряду с русскими постоянно встречаются франки и с таким же совершенно значением союзников, союзного корпуса. Мы очень хорошо знаем, откуда явились эти франки... Это были французские норманны, привлекаемые в Южную Италию славой о подвигах и удачах Райнульфа, сделавшегося князем Аверсы, и братьев Готвилей. Точно также прямо засвидетельствовано и первое появление значительного числа франков в собственной Греции и в Константинополе... Уже в 1048 году отряд наемных франков вместе с варягами стоял в глубине Азии, на востоке. Его начальником был франк Ерве... После он наделал много хлопот византийцам за то, что они не дали ему звания магистра.

Русская и варяжская дружина, что, по нашему мнению, для XI века одно и то же, прославила себя и оставила прочную память на всем севере. Но совершенно согласно с характером племени, к которому она принадлежала, из среды ее не выдвинулось ни одной знаменитой личности, ни одного предводителя, которого история обязана была бы записать на свои страницы. Не так было с франко-норманской дружиной. Ерве был первоначальником целого ряда героев, стоявших во главе франкской дружины, отличавшихся беспредельной энергией и беспокойной предприимчивостью...

Итак, мы знаем время, когда образовалась постоянная франкская дружина в Константинополе. Она по своему происхождению не имеет ничего общего с варягами и постоянно отличается от них у византийских писателей...

В 1056 году... произошло восстание со стороны одного вельможи... «Воины, содержавшие стражу во дворце, греки и варанги, вооружились...» У византийского писателя, который рассказывает все это, прибавлено совершенно неожиданно объяснение к слову варанги. «Варанги, по происхождению кельты, служащие по найму у греков...»

Нельзя отрицать, что это место с первого взгляда совершенно противоречит тем заключениям о национальном составе варяжской дружины,

какие нами были сделаны выше. Но нельзя также отрицать, что объяснительная заметка к имени варангов на том месте, на котором она стоит, представляется в высшей степени странною. Разве в первый раз приходится Кедрину говорить о варангах? Три раза это имя встречалось ранее в его компилятивной хронике, и не один раз не оказывалось потребности объяснить его...

Мы знаем, что Кедрин, компилятор XII века, в этой части своей хроники рабски копировал сочинение Иоанна Фракийского (Скилицы). Самое естественное предположение было бы то, что глосса, противоречащая всем историческим данным XI столетия, принадлежит Кедрину, и прибавлена им с точки зрения своего времени. Но, по-видимому, глосса принадлежит самому Скилице. По крайней мере, она читается в старинном венецианском переводе Скилицы на латинский язык... Во всяком случае, эти слова не могут быть употреблены в пользу скандинавского состава варяжской дружины; одинаково трудно допустить как то, чтобы византийцы называли кельтами скандинавов, так и то, что они причисляли к кельтам русских. У Анны Комниной слово кельты встречается постоянно, но оно обозначает французов, французских южно-итальянских норманнов; у других, но редко, оно означает и немцев Германской империи: Амартол, Хониат...

В.Г. Васильевский убедительно доказал, что дружина варангов появилась в Византии раньше, чем Константинополя достигли норманнские искатели приключений и добычи. Он показал также, что, обычно, в источниках середины XI века «варанги» и «русь» отождествляются. Особенно наглядно это видно из серии хрисовулов 60 — 70-х гг., данных разными императорами в качестве привилегий и освобождающих от сбора денег и от постоя. Здесь «варяги» и «росы» упомянуты примерно в смысле «русские варанги». Называются также «кулпинги», которые, очевидно, соответствуют русским «колбягам» и которые, как показывает автор, также не имеют отношения к Скандинавии, поскольку сами скандинавы числят их в «Гардарики». У Атталиоты, описывающего распри 1078 г., Васильевский находит и прямое отождествление «варангов» и «росов».

Есть, однако, один источник, где «варанги» и «русь» разделяются и который существенно подкрепляет позицию тех авторов, которые отождествляют «варангов» со скандинавами. Это памятник, найденный и опубликованный самим Васильевским: «Советы и рассказы Кекавмена», теперь переизданный и снабженный богатыми примечаниями известным советским византинистом Г.Г. Литавриным.

Уникальность этого источника проявляется уже в том, что автор был весьма наслышан о Гаральде и даже, возможно, был с ним лично знаком. В чем-то эти сведения реабилитируют саги, подвергнутые резкой критике Васильевским. Но в чем-то, может быть, подкрепляют его точку зрения, по крайней мере, на то, что Гаральд не был главой всех «варангов».

Разделение «русских» и «варангов» ощущается как будто в рассказе Кекавмена о нападении норманнов на город Отранто в Италии (видимо, в 1064 г.)

В числе обороняющих город он называет «русских и варягов, кондаратов и моряков», причем текст можно понять и как профессиональное разделение: русские — сухопутное войско, варяги — морское.

Еще существеннее рассказ Кекавмена о Гаральде, приводимый в «советах василевсу» (написанные, как полагают, в конце 70-х гг.). Рассуждая о том, «как следует награждать иноплеменных наемников», Кекавмен прежде всего советует ориентироваться на социальное положение пришельца у себя на родине, и ни в коем случае не возвышать иноземцев более ромеев. Он напоминает о том, что никто из царствовавших предшественников «не возвышали франка или варяга в достоинство патрикия». И в числе примеров рассказывает о Гаральде:

«Рассказав твоей царственности еще об одном примере, закончу об этом речь. Аральт был сыном василевса Варангии. У него был брат Юлав, который после смерти своего отца и занял отцовский престол, признав своего брата Аральта вторым после себя лицом в управлении царством. Аральт же, будучи юношей, пожелал отправиться преклонить колена пред блаженным василевсом Михаилом Пафлагонянином и увидеть ромейские порядки. Привел он с собой и войско, пятьсот отважных воинов. Итак, он прибыл, и василевс его принял как положено, затем отправил Аральта с его войском в Сицилию (ибо там находились ромейские военные силы, ведя войну на острове). Придя туда, он совершил великие подвиги. Когда Сицилия была подчинена, он вернулся со своим войском к василевсу, и тот почтил его чином манглавита. После этого произошел мятеж Деяна в Болгарии. Аральт участвовал в походе вместе с василевсом, имея при себе свое войско, и в борьбе с врагами совершил дела, достойные его благородства и отваги. Покорив Болгарию, василевс вернулся. Впрочем, сражался и я тогда за василевса по силам своим. Когда мы прибыли в Мосинополь, василевс, награждая Аральта за то, что он участвовал в войне, почтил его титулом спафарокандидата. После смерти Михаила и его племянника — экс-василевса Аральт при Мономахе захотел, отпросясь, уйти в свою страну. Но не получил позволения — выход перед ним оказался закрытым. Все же он тайно ушел и воцарился в своей стране вместо брата Юлава. И Аральт не роптал из-за того, что удостоился (лишь) ранга манглавита или спафарокандидата! Более того, даже будучи королем, он сохранил дружбу и верность к ромеям».

Рассказ Кекавмена весьма живой. Хотя он заинтересован в том, чтобы преувеличить заслуги Гаральда перед Империей (дабы подчеркнуть, что даже такого героя держали на весьма низких должностях), он довольно ясно представляет своим рассказом, что говорили если не сам Гаральд, то лица из его окружения. Так, видимо, из свиты Гаральда исходило утверждение, будто он потомок царствующего дома. На самом деле он был сыном знатного норвежца, но не королевской крови. Никаким соправителем Олафа (брата по матери), занимавшего норвежский трон в 1016—1028 гг., он быть не мог, хотя бы потому, что родился он в 1015 г. И Гаральд являлся вовсе не преемником своего брата: с 1028 по 1035 г. Норвегия находилась под властью Кнута Великого, которому подчинялась также, помимо Дании, Британия и земли поморских славян (из которых, как говорилось, он и сам происходил по материнской

линии). Очевидно, в окружении Гаральда сознательно скрывали действительную обстановку в северной Европе. Определенная зависимость от датского короля была и ранее, в период правления Олафа. После смерти Кнута Великого в Норвегии восстанавливается власть собственных королей, и королем стал сын Олафа Магнус, к которому в 1046 г. присоединился Гаральд.

Гаральд попал в Византию, очевидно, через Русь, и через Русь же он возвращался обратно, причем, видимо, несколько лет он провел на Руси и до поездки в Византию, и после нее (здесь он женился на дочери Ярослава Елизавете). В это время на Русь приходит немало скандинавов, особенно в связи с браком Ярослава и Ингигерд. По сагам, у Ингигерд была тайная любовь с Олафом Норвежским, и они поддерживали связи на протяжении всей его жизни (т.е. до 1030 г.), причем именно на Русь бежал он от Кнута Великого.

В религиозном отношении Норвегия зависела от Гамбургского архиепископства (в XII в. возникает архиепископство в Лунде). В XI в. католическая церковь ведет весьма воинственную политику в отношении язычества и достигает заметных успехов в Норвегии. Это обстоятельство тоже следует учитывать при анализе роли и места норманнов в жизни Византии.

Самый трудный вопрос в тексте Кекавмена — «Варангия», в которой, якобы, правили предки Гаральда. Собственно, предки Гаральда нигде не правили. И если речь идет о времени прибытия в Византию Гаральда и его спутников (т.е. 1033—1034 гг.), то почти весь север (за исключением Швеции) был, действительно, объединен в одних руках — во власти Кнута. «Варангией» в таком случае могла признаваться либо вся эта территория, либо ее определенная часть: «Повесть временных лет» знает именно два разных представления о варягах: как одно племя и как все прибалтийские народы, жизнь которых проходит на море. Второе значение, очевидно, более позднее. Но со времен Ярослава оно, по-видимому, уже пробивает себе дорогу. Могло суждение о Варангии принадлежать и самому Кекавмену. А в период, когда он писал свой труд, варяго-русская дружина в Византии сменялась варяго-английской, на что убедительно указал Васильевский.

Правда, и в этот, второй период, сохранялись противоречия. Так, Васильевский слишком определенно связывает со скандинавами указание Склицы — Кедрина, что в 1043 г. вместе с Русью на Константинополь шли союзники, «обитающие на северных островах океана». На Балтике тоже было большое количество густо заселенных островов — от Рюгена до Даго, — население которых, очевидно, было «варягами», но не скандинавами. Можно, впрочем, думать, что в 1043 г. (как и отчасти в 1024 г.) наемные варяжские дружины в большом числе включали именно скандинавов, а русские источники отзываются о варягах с явной недоброжелательностью.

После смерти Ярослава, как сообщают летописи, прекратилась выплата откупа варягам со стороны Новгорода «мира деля», и движение варягов в Византию через Русь практически прекращается. Это тоже нужно иметь в виду при объяснении процесса замены варяго-русской дружины варяго-английской. При этом нужно учитывать и еще один момент: Русь языческая поддерживала связи с варягами-язычниками, а Русь христианская — с варягами-христианами. Раскол между теми и другими в Прибалтике не совпадал

с этнической принадлежностью. Но все-таки, можно заметить, что в то время как среди германоязычных скандинавов распространяется христианство, у балтийских славян происходит реставрация язычества: после антихристианского восстания 983 г. большая часть балтийских славян оставалась язычниками до XII в.

Сообщение Скилицы и Кедрина трудно переоценить: оно указывает на происхождение если не всех, то каких-то конкретных «варангов». Кельтское присутствие в Прибалтике неизменно отмечалось еще в прошлом столетии. А после раскопок 70 — 80-х гг. археологов ГДР и публикации, хотя бы упомянутой статьи И. Херманна, спорить можно лишь о том, как и когда кельты появились в Южной Прибалтике.

Думается, что Васильевский недооценил и еще один приводимый им источник. Никифор Вриений во второй четверти XII в. записал, что варяги, защищавшие в 70-х годах Михаила Дуку, происходили «из варварской страны вблизи океана и отличались издревле верностью византийским императорам». Ничего другого, кроме южного и восточного берега Балтики под это определение не подойдет ни географически, ни — что не менее важно — в религиозном отношении. Только в этой части тогдашней Европы христианство еще не утвердило свою власть, а образ жизни обитавших здесь племен еще слишком напоминал обычаи народов, штурмовавших за несколько столетий до этого рубежи ромейской державы.

Таким образом, противоречия источников в данном случае являлись прямым отражением противоречий в самой жизни. Единоязычие византийских варангов с русскими в начале XI в. означало их славяноязычие. Но это не потому, что варанги или из Руси и были русскими, а потому, что в это время через Русь шли главным образом славяноязычные «варяги». Шли не от хорошей жизни: чаще всего, возвращаться им было некуда. Это-то и обеспечивало их верность императорам. Прибытие в Константинополь собственно норманнов не столько укрепило, сколько расширало сложившееся положение: дружины варангов втягиваются в придворные интриги, целью становится добыча, которую затем надо переправлять на родину. Согласно сагам, Гаральд переслал на сохранение к Ярославу в Киев несметные богатства, с которым позднее и вернулся в Норвегию.

С 80-х годов XI в., как отмечает Васильевский, происходит резкая смена состава варяжских дружин: вместо варяго-русских они становятся варяго-английскими. Он это связывает с волнениями среди варягов в 1079—1080 гг. К тому же «новая династия (Комниных), воцарившаяся в 1081 г., отличалась от предыдущих императоров особенною склонностью и любовью к западу».

Васильевский отмечает, что толчком к переселению англо-саксов явилось норманнское завоевание Британии 1066 г. Но он говорит и о том, что до 80-х годов заметной миграции еще не было. По ряду косвенных признаков он устанавливает, что «только после 1085 г. англо-саксы сделали варангами в смысле лейб-гвардии». Его аргументация может быть существенно усилена и дополнена фактами, которые многое проясняют.

Резкое обострение ситуации в Британии вызывалось не только притязан-

ниями норманнских феодалов, но в не меньшей и едва ли не в большей степени алчностью римской церкви. В 1073 г. папой римским стал Григорий VII Гильдебрандт, известный своей религиозной нетерпимостью и стремлением решительно возвысить церковную власть над светской. В 1074 г. Григорий VII предал анафеме женатых священников. Это было выпадом и против греческой церкви, где celibата не придерживались. Но гораздо в большей степени, анафема адресовалась особой бритто-ирландской церкви, где даже монахи могли жить семьями, а наследование епархиальных кафедр от отца к сыну было обычным явлением. Незадолго до своего падения и смерти (1085 г.) Григорий VII в ультимативной форме потребовал перевода всех монастырей на римский устав и фактической ликвидации самостоятельности бритто-ирландской церкви, которая была всегда гораздо ближе к Константинополю, нежели к Риму. Поэтому массовая миграция коснулась в первую очередь не англо-саксов, в большинстве своем давно подчинившихся Риму, а бриттов и других кельтов, придерживавшихся своего собственного варианта христианства. Это и объясняет, почему, скажем, Иоанн Киннам, в связи с успешными действиями варангов против печенегов в 1122 г., замечает, что «это британский народ, издревле служащий императорам греческим». Никита Хониат (XII в.) называет английского короля «властителем секироносных бриттов, которых теперь называют англичанами».

Можно заметить, что варангов из Англии византийские писатели знали значительно лучше, чем более ранних, местоположение которых обычно определялось очень глухо, вроде «страны вблизи океана» (Маврикий в VI в. рассказал о славянах, которые живут «на краю Западного океана»). Но примечательно, что и новая волна мигрантов удовлетворяется все той же церковью Богородицы, которая принадлежала к патриаршеству Константинопольскому. Иными словами, варанги-англичане не католики, а различия между британской и греческой церковью были не так существенны по сравнению с их отличиями от церкви римской.

Многочисленные данные, указывающие на юго-западное побережье Балтики, заставляют вспомнить упоминаемое еще в первые века н.э. вандальское племя «варинов». В эпоху великого переселения народов оно тоже было сдвинулось с места, но в VI в. Прокопий Кесарийский упоминает его на прежней территории. В IX—X вв. у соседних саксов часто встречаются имена Варин, Вэрин, Вэринг. И означало это одно и то же имя, восходящее к племенному названию. То, что в романских и кельтских языках звучало как «варин», в германских должно было дать «ваеринг» — «вэринг». У балтийских славян тот же этноним должен был преобразоваться в «варанг», а у восточных славян — в «варяг». С точки зрения лингвистической никаких проблем в этой связи нет. С точки зрения исторической — тоже.

Этимологически имя «варинов», как говорилось, примерно то же, что и «морины», т.е. «люди моря», «поморцы». Оно было одним из обычных, особенно у кельтов и славян, прозванием по особенностям местности. А как такое, оно могло переходить и на самые различные в языковом отношении племена, если они тоже были связаны с морем. (А.К.)

**Из статьи М.Ю. Брайчевского «Русские» названия
порогов у Константина Багрянородного»
(Земли Южной Руси в IX – XIV вв. Киев, 1985)**

...Свидетельство Порфиrogenета (писатель середины X в.) послужило краеугольным камнем в обосновании норманнской концепции происхождения Руси и в особенности названия «Русь». По сути, это единственный аргумент норманизма, до сих пор не преодоленный и не развенчанный критикой....

Как известно, Константин Багрянородный приводит два ряда имен для обозначения днепровских порогов — «славянские» и «русские». Первые действительно легко объясняются из славянских корней и в смысле языковой природы никогда не вызывали сомнений. Напротив, «русская» терминология не является славянской и в подавляющем большинстве не поддается интерпретации на основе славянского языкового материала.

Норманистам данное сообщение импонировало уже тем, что Порфиrogenет не только четко разграничил славян и Русь, но и противопоставил их друг другу. Поскольку никакой иной Руси, кроме славянской или скандинавской, на заре отечественной историографии не признавалось, то дилеммность проблемы неизбежно требовала ее решения в пользу одной из противоборствующих альтернатив. Так как славянский вариант исключался условиями задачи, то не оставалось ничего другого, как признать «русские» имена шведскими...

Однако результаты собственно филологического анализа оказались далеко не столь блестящими, как можно было бы ожидать...

Неудовлетворительность признанной схемы определяется ее незавершенностью. Часть приведенных Константином Багрянородным названий действительно хорошо объясняется происхождением от скандинавских корней, хотя и с некоторыми (вполне допустимыми) поправками. Другие истолковываются при помощи серьезных натяжек. Третьи вообще необъяснимы и не находят удовлетворительных этимологий. Дело усложняется тем, что Порфиrogenет не только сообщает «русские» и «славянские» названия, но и их значения — то ли в виде греческих переводов, то ли в описательной форме. Сравнение со славянской номенклатурой убеждает в правильности зафиксированной источником семантики: подлинное значение «славянских» имен соответствует предлагаемым смысловым эквивалентам. Из этого следует заключить, что и семантика «русской» терминологии требует самого серьезного внимания и что произвольные толкования и сопоставления не могут приниматься всерьез... И в этом смысле норманнская версия оказывается далекой от совершенства, требуя серьезного пересмотра и переоценки.

Решающее значение имеет все более и более утверждающаяся в науке теория южного (кавказско-черноморского или черноморско-азовского) происхождения Руси. В том, что норманны никогда «Русью» не назывались, ныне вряд ли могут возникнуть сомнения. Следовательно, «русский» реально не может означать «скандинавский»...

Историки XVIII в., стоявшие на антинорманистских позициях, настоятельно подчеркивали значение северопричерноморской этнонимии сарматского времени для постановки и решения проблемы происхождения летописной Руси. Речь идет о таких названиях, как роксоланы, аорсы, росомоны и т.д. Сарматская (т. е. иранская) принадлежность по крайней мере первых двух названий ныне не вызывает сомнений. В источниках они зафиксированы уже в начале нашей эры...

Речь, конечно, идет не о славянах, а о населении Приазовья, принадлежавшем, скорее всего, к сармато-аланскому этническому массиву. Сближение восточнославянской Руси VI—VII вв. с сарматской Русью более раннего времени представляется исключительно важным моментом в нашей постановке вопроса, вскрывая подлинные корни ставшего общепризнанным названия великого народа и великой державы.

Очевидно, нет необходимости специально доказывать, что название «Русь» не является исконно славянским термином и заимствовано у одного из этнических компонентов, принимавших участие в процессе восточнославянского этногенеза... Но источником заимствований были, конечно, не норманны в IX—X вв., а племена Подонья, Приазовья, Северного Кавказа по крайней мере на три столетия раньше в — VI—VII вв.

Материалы, собранные С.П. Толстовым и другими исследователями, — разнообразные по характеру и происхождению — заставляют думать, что данная проблема окажется более сложной и многосторонней, чем представлялась некоторым авторам. Так, вряд ли заслуживает поддержки гипотеза Д.Т. Березовца, относящего все сведения о Руси, содержащиеся в произведениях восточных (мусульманских) писателей IX—X вв., к носителям салтовской культуры...

Сказанное предопределяет принципиально иной подход и к постановке нашей темы, посвященной «русским» названиям Днепровских порогов у Константина Багрянородного. Их объяснение следует искать не в скандинавской, а в иранской филологии. Действительно, обращение к иранским корням дает результаты, гораздо более убедительные, чем традиционные шведские этимологии. В качестве исходного материала принимаем осетинский язык, признаваемый за реликт сарматских языков...

Рассмотрим текст Константина Багрянородного... Первый порог называется Эссупи. По утверждению Константина, это и «русское» и «славянское» название... Действительно, корень, присутствующий в данном термине, имеет общеевропейский характер... По В. Томсену, «русская» форма реконструируется как «*ne sofi*», вариант «*ves urrgi*» («Будь на страже»); по А.Х. Лербергу — «*ne suefe*». Это возможно, хотя в таком случае в авторский текст приходится вносить поправку... Значительно хуже с начальной частицей, имеющей отрицательное значение. В источнике она звучит как «э», тогда как признанная реконструкция предполагает «не». Это заставило адептов норманнской версии вносить в текст инъектуру... не объяснимую никакими фонетическими соображениями... В осетинском языке «аэ» — «негативная частица, образующая первую часть многих сложных слов со значением отсутствия чего-либо» (ссылка на словарь В.И. Абаева. — А.К.)...

Второй порог, согласно Константину Багрянородному, по-русски называется *Улворси*,... что означает «Остров порога» (или же «Порог-остров», что в общем одно и то же). В славянской номенклатуре ему соответствует «Островунипраг» («Островной порог»), что снимает какие-либо сомнения по части семантики...

В норманнской версии «русское» название интерпретируется как *Halmfors*, где *Holm* — «остров», а *fors* — «водопад». Это одна из наиболее удачных скандинавских этимологий, хотя и она требует поправок к анализируемой форме.

В осетинском *ulaen* (в архетипе *ul*) означает «волна». Это первая основа. Вторая — общеиранская (и аллородийская) *va* — «окружение», «ограничение», «ограждение»... Таким образом, приведенное Константином Багрянородным имя означает «место окруженное волнами», т. е. «порог-остров».

Третий порог называется *Геландри*, название которого Порфиригенет считает «славянским»; «русское» название отсутствует. Но поскольку данное слово на первый взгляд не вызывает ассоциаций со славянской языковой стихией, его традиционно считают «русским», тем более что оно имеет безупречную скандинавскую этимологию. Семантика названия, по утверждению источника, означает «Шум порога». Это, конечно, Звонецкий порог...

Обращаясь к лингвистическому анализу названия, прежде всего необходимо подчеркнуть, что господствующий в литературе скепсис относительно славянской версии не имеет под собой почвы. Основа, безусловно, имеет общеевропейский характер... в славянских языках этот термин дал «глагол» — «звук», «звон», «язык»... К этому же звену относятся «глас», «голос», а также «гул», «галда» — «шум», «галдеть» — «шуметь»... Следовательно, основа не должна нас смущать; речь может идти лишь о форманте...

Скандинавская версия предполагает *Gelandi* — «шумящий»... Это действительно отличная этимология, точно отвечающая семантике, засвидетельствованная Порфиригенетом. Правда, такая безупречность (единственная в нашем случае) резко снижается «славянской» принадлежностью комментируемого термина, что заставляет предполагать здесь... «гибридную» форму с использованием разноязычных элементов. Впрочем, ситуация оказывается гораздо проще, чем кажется на первый взгляд.

В осетинском *gelaes* — «голос»... *zaelyn* — «звучать» и т.д. С этим приходится сравнивать и *kaelin-gaelin* — «литься», что определенным образом связывает данное гнездо с движением воды.

Вторая основа — осет. *dwa* — «двери»... — явно перекликается с понятием «порог». Таким образом, кавказская этимология не уступает норманнской.

Четвертый порог, по Константину Багрянородному, называется по-русски *Айфор*, а по-славянски Неясыть. Это — Ненасытец — наиболее грозный из Днепровских порогов... Значение обоих терминов дано описательно: «потому, что здесь гнездятся пеликаны». Данная семантическая

справка породила в литературе немало недоумений. Как известно, пеликаны в области Днепровского Надпорожья не водятся и не гнездятся. Древнерусское слово «неясыть»... обозначает не пеликана, а одну из разновидностей сов...

Главная ошибка комментаторов, на наш взгляд, заключалась в неправильной акцентировке сообщения. Традиционно подчеркивается орнитологическая определенность (упомянутый вид птиц)... Между тем Константин Багрянородный, скорее всего, хотел подчеркнуть наличие гнездовой безотносительно к видам пернатых — как характерную особенность порога, наиболее защищенного природными условиями...

Убедительной (более того, сколько-нибудь приемлемой) скандинавской этимологии слово «Айфор» не имеет... Осет. *Ajk (Aj)* — «яйцо» (имеющее, впрочем, общеиндоевропейский характер) — довольно точно фиксирует наличие гнездовой... Вторая основа — осет. *fars (fors)* — «бок», «ребро», «порог», то есть вместе «порог гнездовой»...

Пятый порог имеет «русское» название *Варуфорос* и «славянское» — Вулнипраг («Вольный порог»). Семантика дана в описательной форме: «... ибо образует большое озеро». Это Вольный порог ... действительно имевший значительную по площади заводь.

Данное слово является гордостью норманизма, впрочем, весьма иллюзорной. Первую основу слова принято толковать от *Вагу* — «волна», вторую — от *fors* — «водопад». С фонетической стороны это звучит неплохо, но семантика решительно не согласуется с данной этимологией... Скифо-сарматская этимология оказывается более точной. Общеиран. *vaḡu* означает «широкий», осет. *fars, fors* — «порог». Интерпретация вполне безупречная, точно отвечающая справке Порфириогенета.

Шестой порог «по-русски» именуется *Леанти*, а по-славянски — Веруци (ср. совр. укр. «вирующий»), что, согласно утверждению Константина Багрянородного, означает «Кипение воды». «Славянское» название вполне понятно и точно соответствует фиксированной семантике... Сколько-нибудь приемлемой скандинавской этимологии слово Леанти не находит... Напротив, скифо-сарматская версия представляется вполне правомочной. Осет. *leuyn* — «бежать» хорошо соответствует значению, указанному в источнике. Отметим, что этимологически данный термин непосредственно связан с движением воды (общеиндоевроп. *leu* — «литься», «лить»). Данный термин хорошо представлен в славянских и балтских языках...

Последний, седьмой порог имеет «русское» название *Струкун*... и «славянское Напрези... Значение имени, по Константину Багрянородному, — «Малый порог»... «Русское» название Струкун (или Струвун) удовлетворительной скандинавской этимологии не имеет... Зато скифо-сарматский вариант может считаться идеальным Осет. *stur, ustur* означает «большой» суффикс *gon-kon*, по словам В.С. Миллера, «ослабляет значение прилагательных». Следовательно *Sturkon* — «небольшой», «не слишком большой» — очень точно соответствует данным источника...

Следовательно, «Русь» Константина Багрянородного — это не нор-

маннская и не славянская, а сарматская «Русь», сливающаяся с тем таинственным народом Рос, который древние авторы еще в последние века до нашей эры размещают в юго-восточном углу Восточно-Европейской равнины.

Можно согласиться с исследователями, относящими начало формирования славянской Руси к VI — VII вв. Начиная с этого времени в источнике фигурирует уже главным образом только славянская Русь, тогда как реальное существование сарматской Руси приходится на более раннее время. Именно эта сарматская Русь была в древности хозяином порожистой части Днепра; проникновение сюда славянских переселенцев (на первой стадии довольно слабой) фиксируется археологическими материалами только от рубежа нашей эры (эпоха зарубинецкой культуры)... Лишь после разгрома Готского объединения гуннами в 375 — 385 гг. и поражения самих гуннов на Католаунских полях в 451 году... реальными хозяевами в области Надпорожья становятся славяне, и, как следствие, сарматскую Русь сменяет Русь славянская.

Из сказанного вытекают чрезвычайно важные соображения хронологического порядка. Очевидно, было бы ошибкой относить возникновение приведенной Константином Багрянородным «русской» номенклатуры Днепровских порогов к середине X в. Она, несомненно, намного старше и, скорее всего, восходит к последним векам до нашей эры, когда сарматские полчища затопили южнорусские степи. Именно эта номенклатура была исходной и приобрела международное значение; славянская представляет собой переводы или кальки сарматских названий. Она сложилась не ранее III—IV вв. (а скорее, после разгрома гуннов).

Статья, несомненно, вносит важный вклад в решение проблемы происхождения Руси в целом. Но историческая интерпретация филологических наблюдений вызывает много вопросов. Главное — «путь из Варяг в Греки» — судя по нумизматическим данным — действует лишь с того времени, как это и обозначено в летописи — т. е. с конца IX в. В «сарматские» времена меридиональных передвижений вообще не было, а византийцы о севере имели самое смутное представление. (А. К.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ал-Бируни (973 — 1048) — среднеазиатский ученый энциклопедист.

² Казвини (1281 — ок.1350) — иранский историк и географ. Галатское, т.е. Кельтское, море. О «галатах» (именно кельтов) у восточного побережья Балтийского моря говорит также автор первой половины XIII в. Бартоломей Английский. Он помещает «галатов» на восток от Норвегии, а также объясняет этноним семигалы (земгалы) смешением пришельцев кельтов-галлов с местным населением (по-латыни буквально «полугаллы»). См.: В.И. Матузова. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979. С.84,86.

³ Димашки — современник Казвини.

⁴ Френ таким образом стремился представить это слово как «английская земля», Венелин полагает, что под галатами разумеются французы. Но галатов в Прибалтике помещали и западноевропейские авторы.

⁵ Васильевский имеет в виду статью известного норманиста Н. Ламбина «Источники летописного сказания о происхождении Руси» (Журнал Мин. нар. просвещения, ч. 173 и 174 за 1874 г.), в которой автор в этом вопросе принимает заключение Гедеонова.

⁶ В данном случае автор исходит из того, что в XI в. Русь была явно славянская, обходя вопрос о Руси эпохи патриарха Фотия и более раннего времени, т.е. с конца VIII по середину IX в.

⁷ Васильевский полемизирует в данном случае с Куником, который собирал все возможные известия о связи Руси и норманнов с Византией, начиная с 839 г., не задаваясь при этом вопросом, называются ли те или иные упомянутые в источниках лица «варангами».

⁸ Речь идет о производстве названия «варанг» или «вэринг» от найденного где-то в диалектах слова «варинг», означающего защиту. В вопросе об этимологии слова «варанг» со времен Байера и Татищева особого прогресса не наблюдалось, поскольку этимология все-таки должна быть подчинена общей концепции осмысления явления. Поскольку неубедительна концепция, искусственна и этимология, что и показал данной оговоркой Васильевский.

⁹ Эта сага опубликована в сборнике «Исландские саги» (М., 1956; ред. М.И. Стеблин-Каменский). Согласно саге, Боллт знаменит в Исландии, с почетом принят конунгом Норвегии и знатными людьми Дании, и никто вокруг не знает о тех далеких странах, куда собрался Болле Боллесон.

¹⁰ Ф. Браун, комментирующий данное издание, уточняет, что по самой саге Болле женился 18 лет от роду, т.е. в 1025 г. В 1026 г. он приезжает в Норвегию и лишь весной 1027 г. направляется из Дании в Миклагард-Византию. В 1030 г. Болле возвращается в Исландию. Браун подчеркивает недостоверность саги, между прочим, ради сохранения норманистской интерпретации сведений других саг.

¹¹ Поправлено по замечанию Брауна. Васильевский датировал более ранним временем.

¹² Текст самой саги воспроизведен автором в подстрочнике. Поскольку автор ниже оперирует этим текстом, он дан в основном изложении.

¹³ Вэринги и норманны здесь определенно разделяются.

¹⁴ Недоверие к памяти переписчика, восстанавливавшего сагу после уничтожения рукописи, конечно, аргумент не слишком надежный. Ирландские крестьяне XIX в. знали наизусть сотни саг и передавали их изустно. Но у автора есть и иные аргументы.

¹⁵ В этом тексте норманны выглядят как бы частью вэрингов.

¹⁶ В 1024 г. произошла битва между Мстиславом и Ярославом, у которого были варяжские наемники, в частности Якун с «золотой лудой».

¹⁷ Васильевский поначалу считал важным связать «варяжское общество» именно с шеститысячным русским отрядом, прибывшим из Руси в 988 г., но впоследствии согласился с мнением Гедеонова, что таковой мог составиться и ранее, из варягов, отправленных в Византию. Владимиром еще в 980 г.

¹⁸ Речь идет о сообщении Кедрина (XII в.) о возмущении варангов поступком их товарища, пытавшегося изнасиловать женщину.

¹⁹ Верность и неверность тоже социально мотивирована: одно дело, когда нанимаются на службу ради обогащения, имея в виду возвращение на родину, другое — когда необходимо обосноваться на новом месте на всю жизнь и, может быть, обеспечить это место и для потомков. Норманны в большинстве случаев возвращались назад, варанги же являлись постоянной и потому верной дружиной.

²⁰ К. Сафа (1849—1914) — издатель семитомного свода византийских памятников.

²¹ Это возможно, ценнейшее указание. Дело в том, что чередование звуков «в» и «м» характерно для кельтских языков (см.: Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С.83—84). В центральных районах Малой Азии, о которых в данном случае идет речь, с III в. до н.э. жили галеты — потомки четырех кельтских племен. В V в. н.э. они еще сохраняли самобытность и язык. Не исключено, что какие-то реликты своей культуры они сохранили и в рассматриваемое время. Естественно, что и сами варанги могли давать повод для разных звучаний их имени. И в этой связи можно вспомнить другую параллель: племя «морины» у побережья Бельгии и племя «варины» у юго-западного побережья Балтийского моря. Значение первого очевидно. А второе может быть лишь вариантом произнесения первого, тем более, как неоднократно отмечалось, слово «вар» в значении «вода» широко распространено в индоевропейских языках вообще и в Прибалтике в частности.

²² В позднейших сагах цитировались стихи скальдов более раннего времени. Автор имеет в виду здесь скальда XI в. Вальгарда, текст которого приводится ниже.

²³ По саге о Гаральде, его причисленный к лику святых покойный брат Олаф, спасает попавшего в темницу принца.

²⁴ Позднее были найдены сведения о принадлежности этой церкви Константинопольскому патриаршеству, что важно и для определения происхождения «английских» варангов.

²⁵ Речь идет о перевороте в Константинополе в 1024 г.

²⁶ Васильевский здесь имеет в виду традиционное для XIX в. противопоставление проникнутых общинно-коллективистским духом славян индивидуалистическому Западу. В таком противопоставлении есть определенный резон, хотя оно возникло, конечно, не вопреки истории, а благодаря ей. Для славянского балтийского Поморья, а также для северо-запада Руси в X—XI вв. был свойственен весьма высокий уровень общественной организации городского типа в сочетании с отрицательным отношением к власти, которая нигде в этих районах не достигает сколько-нибудь значительного влияния. На острове Рюген, где были наивысшие у славян по титулам князя-короли, власть жреца почиталась куда больше, чем власть князя (подобное положение, кстати, было и у кельтов). Суть же отмеченного Васильевским различия, пожалуй, в другом: норманны стремились к почестям и, вернувшись на родину, хвастались своими подвигами, особенно если представлялась возможность дать материал скальдам. Для других групп варангов не было той среды, где бы их подвиги могли быть увековечены. А последнее обстоятельство опять-таки свидетельствует об их разрыве со своей родиной.

²⁷ Далее автор приводит целый ряд свидетельств, указывающих на строгое различие «франгов» и «варангов»: они действительно никогда не смешиваются.

²⁸ Анна Комнина (1083 — ок. 1155) — дочь императора Алексея Комнина. Ее труд «Алексиада» издан в 1965 г. издательством «Наука» в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы».

²⁹ Георгий Амартол — хронист IX в., Никита Хониат — второй половины XII в. У того и другого есть неясные упоминания, не позволяющие понять, о каких немцах идет речь.

³⁰ Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972. С.177. Ср. с. 440—441, прим. Г.Г. Литаврина.

³¹ Там же. С.283—285.

К ГЛАВЕ IV. ДРЕВНЯЯ РУСЬ В IX—XI вв.

Из книги Б.Д. Грекова «Киевская Русь» (Греков Б.Д. Труды. Т. II. М., 1959)

Несколько замечаний по поводу термина «смерд»

...Мы очень хорошо знаем, что все живущее изменяется. Имеют свою жизнь и слова. Если бы мы могли познать жизнь слов, перед нами раскрылся бы мир во всей сложности своей истории. К сожалению, мы этого сделать пока не умеем. В нашем распоряжении только отдельные попытки, иногда удачные, но в целом недостаточные для задач историка.

Наши источники знают много терминов, обозначающих сельское население: смерд, сирота, сябр, крестьянин, изорник, мирянин, изгой, закуп, рядович, селянин, кмет, бобыль, половник, вотчич, человек (множественное число — люди). Различаются термины и по месту, и по времени, и по социальным оттенкам. Разобраться в этой пестроте совсем не так просто. Одним из древнейших терминов, обозначающих земледельца-крестьянина, является термин «смерд».

Слово «смерд» очень интересно: оно имеет свою длительную и показательную историю. Недаром на него обращали внимание крупнейшие филологи.

Знаменитый славист П.И. Шафарик по этому случаю писал: «Древнерусское смерд (смердь, *rusticus*), морданица (*servitus*) должно быть связано с именем народа мордва. Мордвин (корень обоих слов персидский *merd*, т. е. человек, муж)». Эти же сопоставления мы находим и у А.А. Шахматова (мордовское *mirde* — муж, вотякское *murt* — человек, авестийское *mereta*, новоперсидское *mard* — человек)...

Термин имеет удивительно широкое распространение... Всюду этот термин обозначает в основном человека, людей, в переносном смысле употребляется для обозначения низшей социальной степени, подобно тому как в русском языке и термин «человек» употребляется в общем смысле и в более узком (человек — слуга)... Разумеется, что вторичное значение термина могло возникнуть только значительно позднее, когда появилось разделение людей на высший и низший слои...

Славяне и, в частности, народ русский есть продукт сложного этногенетического процесса, и в русском термине «смерд» сказывается глубочайшая древность в истории различных племен и народов, следы многих этнических переплетений. Одно это слово, сохранившееся на огромном пространстве от Пиренеев до Ирана, от Черного моря до Прибалтики, заставляет нас серьезно задуматься над историей взаимоотношений народов Европы и Азии...

В процессе образования классов потребовались для социальных верхов новые слова. Для определения землевладельца таким словом стало слово боярин, боярин, для княжеского дружинника — князь муж и боярин, для купечества — гость. Масса, оставшаяся внизу, по-прежнему продолжала носить название смердов, но этот термин в классовом обществе приоб-

рел уже другой оттенок. Его стали ассоциировать... с глаголом смердеть, т.е. придали... уничижительный, даже обидный смысл. В польском кошубском языке, как сообщает С.М. Соловьев, *smird* значит бедный селянин, в старой Латвии — крестьянин...

Приблизительно такая же эволюция произошла и с термином «муж». В Древнейшей Русской Правде этим термином обозначается понятие свободного человека вообще... В литовско-русском обиходе «мужик» обозначает крестьянина...

Следует также иметь в виду, что рядом с термином «смерд» существуют и другие равнозначные: сирота, селянин, мирянин и др. Термин «крестьянин» постепенно на Руси стал вытеснять другие аналогичные по содержанию термины. Официально он завоевал полное право гражданства в Русском государстве с XV в., но в быту долго еще продолжали существовать и старые слова «смерд» и «сирота».

Из статьи Б. Рыськина «Смерды в областях немецкой колонизации XI—XIII вв.» (Вопросы истории. 1948. №3)

Слово «смерд», которым называли основное население Киевской и Новгородской Руси, известно не только на Руси, но и за ее пределами. Изредка оно встречается и в средневековых памятниках Западной Европы. Как известно со смердами мы сталкиваемся в письменных источниках, относящихся к Польше, в которых оно выступает в виде *smard*. Встречается оно также и в грамотах, относящихся к областям средневековой Германии, заселенным ранее славянами. Здесь *smurdi*, *zmurdi*, *smardones*, *smurdones* фигурируют в грамотах периода немецкой агрессии в славянских землях в XI—XIII в. ...

Содержание этих случайно сохранившихся в незначительном количестве документов не отличается полнотой. Как правило, грамоты ограничиваются перечислением смердов наряду с движимыми и недвижимыми владениями, о которых в них идет речь. К числу таких грамот относятся некоторые грамоты германских императоров — Генриха III (1039—1056), Генриха IV (1056—1106), Генриха VI (1165—1197) и некоторые другие, в которых смерды упоминаются как население вотчин. В редких случаях эти документы вскользь трактуют и о правовом положении смердов. Таковы грамота гальберштадского епископа Рейнгарда от 1122 г. И договор маркграфа Оттона Мейсенского с Дидрихом, маркграфом Восточной (лужичской) марки от 1181 года. В грамотах XIII в. смерды упоминаются еще реже, в частности, в двух рукописях, относящихся к 1234 и к 1279 гг. В последней речь идет об освобождении графом двух смердов, «приписанных к нам издавна на смердьем праве».

Большая часть указанных источников относится к областям, заселенным сербами, лужичанами, мильчанами и гломачами, т.е. областям, в которых захват немцами славянских земель в XI—XIII вв. шел очень интенсивно и славяне были сломлены в результате кровавой борьбы предшествующего времени. Победа немцев над славянами привела к утверждению в

этих областях немецкой церкви, политических учреждений Германии и стремительному проведению феодализации. Начиная с конца XIII в. термин «смерд» уже почти не встречается в грамотах. Это исчезновение является несомненным следствием успехов германизации, вытеснившей старую славянскую терминологию и заменившей ее обычной латинской или немецкой. Что касается топонимики славянских земель, ставших ареной немецкой колонизации... в этих областях она встречается. В топонимике Мекленбурга, области полабских славян, мы встречаем в одной грамоте о пожаловании Конрадом III поместья гавельбергскому епископу под названием *Malici Zmurdiaca*. Кроме того, термин «смерд» выступает в гуффовом устройстве Восточной Германии вплоть до XV века. Галтаус (автор XVIII в. — А.К.) в свое время извлек из писцовой книги одного собора следующие записи: «В Таухе и Ридтаухене имеется 8 смердых гуф... В Грослаук имеется 18 смердых гуф». А Шоттен указывает относительно Силезии: «Выражение «смердья гуфа» часто встречается в наших краях». ...

В... областях немецкой колонизации термин «смерд» служил для обозначения коренного славянского населения, очутившегося под властью немецких феодалов... В то же время надо отметить следующее: в одной из указанных грамот мы наряду со смердами встречаем еще и упоминание о жупанах и витязях. Эти термины говорят о том, что были и другие социальные слои среди славян, подчиненных немцам...

В смердах, поскольку мы их видим наряду с жупанами и витязями, выступают черты известного деления общества на классы, существовавшего гораздо ранее составления наших источников. В литературе... обычно говорится о смердах как о зависимых держателях чужой земли на определенных условиях и как о юридически бесправной категории населения... Обычно судят исходя из тех социальных отношений, которые сложились между феодалами и крестьянами в период расцвета феодализма. С другой стороны, стало обычным переносить эти отношения на период до немецкого завоевания. По Гальтаусу, «смердами являются крестьяне славянского происхождения, отпущенные на волю колоны, вольноотпущенники, наделенные мансами»... Авторы согласны в том, что смерды — крепостные. Разногласия существуют только по вопросу о степени закрепощения.

Обратимся к... источникам о смердах. В 1040 г. император Генрих III подарил епископской церкви Наумбурга в собственность владение Кюссен в области Шурбе на Саале, бывшее до тех пор леном маркграфа, «с пустошами, строениями и другими шестью владениями и колонами, которые обычно именуется смердами»... В том же году церковь получила новый подарок императора — ... «поместья Бутик и Бухнович, Гроджаку, Костицу и Гротлину со всеми примыкающими владениями и службами, с обработанными и необработанными землями и лесами, водами и т.п. имуществом», а также и другими семьями альдионов или смердов». В 1041 г. Генрих III дарит дружиннику... «десять королевских мансов в Тугине с десятью смердами, их женами, сыновьями и дочерьми, а также со всеми их владениями»...

В целом грамоты предполагают в смердах держателей земли и то, что

грамоты... именуют смердов иногда колонами, подтверждает указанное положение о смердах как о группе с устойчивым держанием, ибо колон в Германии изучаемого периода — это сидящий на земле крестьянин, лицо, наделенное средствами производства, в частности землей. Правда, в это время крупное феодальное землевладение стало ставить в зависимость от себя тех, кто именуется колонами. Но для последних отнюдь не обязательно личная несвобода... Кроме смердов-колонов... грамоты упоминают еще и альдионов... Некоторые исследователи... справедливо видели в альдионах... славян-старожильцев... Следует иметь в виду, что составители грамот обычно «латинизировали» и «онемечивали» своей терминологией как самих славян, так и явления их жизни... Грамота 1040 г. говорит... о смердах или альдионах, не делая между ними различий... Грамота 1065 г. говорит о «смердах и альдионах»... Но у нас есть другое свидетельство об альдионах — грамота 1122 г. ... Грамота устанавливает пять групп людей владений по правам... Они, *eldesten*, *knechte*, *zmurde*, *lazze*, *heyen*, и права их осуществляются в соответствии с родом и положением каждой группы...

Область Кальтенбрунн, в которой расположено было дарение, имела сплошь славянское население. Однако составитель грамоты... определяет четыре из пяти указанных групп терминами немецкими... Грамота 1181 г., называя их соответствующим латинским названием, дает попутно разъяснение, как их называли на славянском языке («сенберы владений, которых на их языке зовут жупанами»). Эти жупаны — не оторванные от земли, а сидящие на ней земледельцы, представляющие своеобразную знать среди закрепощенных славян...

Следующей за жупанами группой являются ... военные слуги... Грамота 1181 г. называет этих слуг их славянским названием... «витязи»... Следующей после смердов группой... являются чиншевики... Чинш, который они платили за пользование землей, был произвольным: землевладелец мог его произвольно повысить и понизить... Последней группой являются крепостные дворовые крестьяне Это наиболее зависимая категория крестьянства...

Таким образом смерды отнюдь не представляют низшую группу закрепощенного крестьянства.

Из книги И.Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории» (Л., 1974)

О характере и значении рабства в Киевской Руси

...Древнерусская вотчина XI—XII вв. базируется в основном на рабском и полусвободном труде. Но это не означало, что Русь вступила в рабовладельческую формацию, как полагает В.И. Горемыкина, ибо в экономике Древней Руси в целом вотчина играла несущественную роль. Использование рабов в хозяйстве демократической части населения являлось третьестепенным делом. Однако в социальной структуре Древней Руси XI—XII вв., рабы и полусвободные занимали второе место после свободных. Таково значение рабства в Киевской Руси...

Изучение зависимого населения в Древней Руси показывает, что наиболее архаичной формой эксплуатации у восточных славян было рабство, прослеживаемое еще со времен антов. С возникновением в X столетии крупного (княжеского) землевладения рабский труд стал применяться и в вотчине. Сперва челядь (рабы-пленники), а затем холопы (рабы местного происхождения) составляли рабочий люд древнерусской вотчины. Следовательно, первоначально она имела рабовладельческий характер, и так продолжалось примерно до середины XI в., когда появился контингент феодально зависимых и полусвободных, эволюционировавших в сторону феодальной неволи (крепостничества). С этой поры феодальные элементы (отдельные группы смердов, изгоев) постепенно проникают в вотчину, под оболочкой которой скрываются теперь рабские и феодальные ингредиенты. Вотчина превращается в сложный социальный организм: она и рабовладельческая и феодальная одновременно. Но все же рабов и полусвободных в ней было больше, чем феодально зависимых. При этом надо решительно подчеркнуть, что древнерусские вотчины на протяжении XI—XII вв. выглядели подобно островкам, затерянным в море свободного крестьянского землевладения и хозяйства, господствовавшего в экономике Киевской Руси.

Из книги И.Я. Фроянова «Рабство и данничество» (СПб., 1996)

Введение

Настоящая книга посвящена рабству и данничеству восточных славян VI—X вв. — вопросам отнюдь не новым в отечественной историографии. Чем обусловлено наше обращение к этим вопросам, казалось бы достаточно проработанным в науке? ...Изучение названных институтов позволяет увидеть наиболее архаичные формы господства и эксплуатации, входящие к дописьменной эпохе восточного славянства, и тем самым наблюдать зарождение коллективного, а затем — индивидуального богатства, ставшего впоследствии источником жестоких войн, социальной несправедливости, общественных бед и потрясений. Иными словами, перед нами институты, игравшие важную роль в жизни восточнославянского общества... Побуждают обратиться к ним и некоторые обстоятельства историографического порядка.

Что касается проблемы рабства у восточных славян она оказалась едва лишь затронутой. Бытовало мнение, согласно которому рабов у восточных славян было ничтожно мало и рабство не имело сколько-нибудь серьезного общественного значения. С.М. Соловьев, например, писал: «Желание иметь рабов и удерживать их как можно долее в этом состоянии бывает сильным, во-первых, у народов, у которых хозяйственные и общественные отправления сложны, роскошь развита; во-вторых, рабы нужны народам, хотя и диким, но воинственным»... С.М. Соловьев... полагал, что «славяне жили под самыми простыми формами быта, быта родового. Их хозяйственные отправления были нетрудны и несложны, в одежде и жилище господствовало отсутствие всякой роскоши; при всем этом и при

постоянной борьбе со своими и чужими, при постоянной готовности покинуть свое место пребывания и спастись от врага рабы могли только затруднять славянское семейство, а потому не имели большой ценности. Потом известно, что воинственность не была господствующей чертой славянского народного характера и что славяне вовсе не гнушались земледельческими занятиями. У народа, в простоте родового быта живущего, раб не имеет слишком большого различия от членов семьи, он бывает также младшим членом ее»...

Малочисленным и сравнительно легким казалось восточнославянское рабство Н.А. Рожкову. «До X и даже до XI века, — говорит он, — холопов было немного и положение их было не тяжело: все писатели, сообщающие нам о первобытных славянах, — таковы по преимуществу писатели византийские, — оставили нам целый ряд свидетельств о том, что рабов у славян было мало, обращались они с этими рабами хорошо и скоро отпускали их на волю».

По мнению некоторых историков, у восточных славян вообще не было «настоящего рабства». Так, Б.Н. Чичерин утверждал, что «настоящее рабство явится у нас вместе с варяжской дружиной, и, вероятно, было принесено ею». Сходные суждения высказывал М.К. Любавский...

И все же надо отдать должное некоторым представителям досоветской историографии, сумевшим не только оценить степень распространения восточнославянского рабства, но и увидеть в нем действительно средство утверждения личной власти в местном обществе, а значит — имущественной дифференциации и предпосылок социального неравенства. М.Д. Затыркевич, рассуждая об укладе жизни «бродячих народов», в том числе «славянских племен», отмечал наличие неравенства «по состоянию и общественному положению между семействами». Ученый полагал, что «это неравенство явилось само собой как неизбежное следствие непрерывных войн, господствовавших между бродячими народами. Обыкновенно все военнопленные у бродячих народов, если не освобождались от плена посредством выкупа, обращались победителями в рабов...»...М.Д. Затыркевич не проявил должной последовательности и поддался влиянию идеи о внешнем происхождении древнерусского рабства, возникшего в результате появления в Восточной Европе «варягоруссов»... Можно, таким образом, утверждать, что в досоветской исторической науке... рабство у восточных славян оставалось недостаточно исследованным и не получило должной оценки.

В советской историографии положение изменилось, что было связано с классовым подходом к изучению прошлого... Вполне понятно, что восточнославянское рабство теперь рассматривается как фактор классовобразования. Согласно П.И. Лященко, «основным элементом разложения первобытно-коммунистического хозяйства являлось рабовладение»...

С особой остротой вопрос о рабстве у восточных славян встал во время дискуссий об общественном строе Киевской Руси, проходивших в 30-е гг. Спор тогда вращался вокруг проблем рабства и феодализма... Некоторые из участников дискуссий характеризовали восточнославянское общество

IX—X вв. как рабовладельческое. К их числу относился В.В. Мавродин, который полагал, что Правда Ярослава, отразившая явления IX—X вв., изображает общество, разделенное на классы рабов и рабовладельцев... А так называемая Правда Ярославичей стояла на грани двух эпох, преломив в себе «начальные феодальные отношения» и «очень сильные следы предшествующего строя — рабства». И.И. Смирнов доказывал с теоретической точки зрения неизбежность рабовладельческой формации как ступени общественного развития... Даже Б.Д. Греков, упорно проводивший тезис о феодальной природе социальных отношений в Киевской Руси, вынужден был отчасти согласиться с теми историками, которые видели в эпохе, отраженной в Правде Ярослава, явные черты рабовладельческого общества... Уже к исходу 30-х гг. был дан явный крен в сторону феодализма. Началось удвение его истоков. В итоге сложилось представление, по которому Русь перешла к феодальной формации... минуя рабовладельческую формацию.

Однако мысль о важном значении рабства у восточных славян и в Древней Руси пробивала себе дорогу. Еще в конце 30-х гг. А.В. Шестаков выступил... со статьей, где утверждалась идея о рабовладельческой природе древнерусского общества... Существенную роль в развитии социальных отношений у восточных славян IX — X вв. отвел рабовладению С.В. Юшков... В военные годы вышла в свет книга А. Я. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.»... Углубившись в далекое прошлое, А.И. Яковлев нашел в Древней Руси довольно разветвленное холопство... а у восточных славян — достаточно развитую работоторговлю. При этом историк отрицал наличие в Киевской Руси «рабовладельческой формации античного типа», полагая, что образованию ее «помешал общинный строй славян».

О рабовладельческом строе в Киевской Руси писал П.П. Смирнов. На важную роль рабов в древнерусском обществе указывал Б.А. Романов... По словам исследователя, «свободный муж как-то не мыслится без раба (и рабы), раб — это неременная принадлежность быта свободных, а те, кто рабов не имел, стремились ими обзавестись правдами и неправдами»... И.И. Смирнов полностью разошелся с Б.Д. Грековым в вопросе о древнерусском рабстве — холопстве. Если Б.Д. Греков говорил об угасании рабовладения на Руси XI — XII вв., то И.И. Смирнов, подобно Б.А. Романову, отмечал бурное развитие холопства в означенное время. Холопы-рабы... становятся важнейшей категорией зависимого населения в Древней Руси и превращаются, можно сказать, в главную группу рабочего люда древнерусской вотчины...

Прямое несогласие с «главой советских историков» выразил А.П. Пьянков, поставивший под сомнение тезис об отмирании рабства в средневековой Руси и его якобы патриархальный только характер...

Мысль А. Пьянкова насчет необоснованности предположения о том, будто рабство на Руси отмирало, разделял А.А. Зимин... Он даже высказал догадку, что «на исходе XV века абсолютная численность холопов... несколько увеличилась». Вместе с тем «удельный вес несвободной челяди в

хозяйстве феодала... очевидно уменьшился». Важной вехой в познании истории восточнославянского и древнерусского рабства явилась книга А.А. Зимина «Холопы на Руси». Говоря о рабовладении у восточных славян, историк подчеркивает патриархальный его характер... На Руси XII—XIII вв. рабы теряют значительную роль в «торговом балансе» и все более тесно связываются с «хозяйственной жизнью растущей феодальной вотчины».

Н.Л. Рубинштейн, всматриваясь в контуры социальной организации, проступающие в Древнейшей Правде, обнаружил «только две социальные категории — мужа и челядина... Свободному общиннику — Мужу противостоит патриархальный раб — челядин». Еще более решительны в своих заключениях А.П. Пьянков и В.И. Горемыкина: первый настаивал на существовании раннерабовладельческого общества у антов, а вторая в Киевской Руси X—XI вв. Однако большинство советских историков отвергло столь смелые попытки, сохраняя старое мнение, что переход восточнославянского общества к феодализму был совершен непосредственно от первобытно-общинного строя...

Проблема рабовладения у восточных славян до сих пор остается в современной исторической науке дискуссионной и потому нуждающейся в дальнейших изысканиях... Без исследования рабства у восточных славян невозможно правильно понять историю рабовладения эпохи Древней Руси.

При ближайшем рассмотрении института восточно-славянского рабства обнаруживается его тесная связь с данничеством, обусловленная общностью происхождения этих социальных явлений. Война, военное принуждение — единый источник рабства и данничества. Вот почему успешное изучение проблемы рабства без обращения к данничеству едва ли достижимо, и наоборот...

Советские историки относят данничество к важнейшим элементам формирования на Руси классовой организации. В современной исторической литературе наметились разные подходы в освещении дани как созидающего феодальное общество начала. Согласно одному из них, «дани, виры, продажи, полюдье и прочие поборы подрывали устои общины, разоряли экономически слабых общинников» (цит. В.В. Мавродин. — А.К.)... Дань здесь, следовательно, подается в качестве причины обнищания общинников, загонявшего их в феодальную неволю. Но наиболее распространенным стал взгляд на дань как феодальную ренту. По мнению сторонников этого взгляда, учреждение даннических отношений среди восточнославянских племен сопровождалось «окняжением» — установлением верховной собственности князя или государства на земли данников, что сообщало получаемой дани рентный характер... Перед нами концепция государственного феодализма в Киевской Руси, отдельные носители которой претендуют на последнее слово в исторической науке, не имея на то достаточных оснований.

«Окняжение» племенных территорий с вытекающим из него данничеством рассматриваются новейшими исследователями как факторы строительства древнерусской государственности. И «окняжение» и сбор дани они относят к числу основных признаков государственности... Но... дан-

ничество, даннические отношения в восточнославянском обществе по-настоящему еще не изучены. Налицо, следовательно, расхождение между выводами о феодальной природе дани на Руси IX—X вв., ее государственной сути, и той исследовательской базой, на которой они построены... Полагаем, что сказанное выше вполне мотивирует наше обращение к истории восточнославянского рабства и данничества VI—X вв.

Из статьи Л.В. Черепнина «Еще раз о феодализме в Киевской Руси» (Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976)

Вопрос о генезисе феодализма на Руси принадлежит к числу важнейших проблем отечественной истории. Это проблема рождения классового общества, образования собственности на землю господствующего класса, обращения крестьянства в зависимость от феодалов-землевладельцев. В результате проведения ряда дискуссий и создания монографических исследований завоевала признание концепция, что Русь миновала стадию рабовладельческого строя и что Киевское государство было раннефеодальным... Между... авторами были расхождения в определении начальной грани процесса феодализации, его внутреннего членения, в характеристиках отдельных категорий феодально-зависимого населения, в мнениях о роли рабства и т. д. Но феодальный характер Киевской Руси сомнений не вызывал. С недавнего времени такие сомнения стали высказываться. Сначала это были статьи по отдельным вопросам. Сейчас появилась уже книга, пересматривающая представления, которые казались установленными... и дающая их иную трактовку. Это книга И.Я. Фроянова «Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории». Конечно, следует со всем вниманием отнестись к выводам автора и постараться в них разобраться...

Автор оговаривается, что его «работа — не более чем одна из возможных версий социально-экономической эволюции Киевской Руси»... Эту оговорку можно принять, но при этом надо иметь в виду, что не бывает нескольких вариантов истины, истина одна, и то или иное решение проблемы (та или иная «версия») или приближает к ней, или отдаляет от нее. И.Я. Фроянов, конечно, сознает это и стремится ввести в науку «версию», по его мнению, более правильную по сравнению с господствующим пониманием характера социально-экономического развития Древней Руси... Вряд ли я ошибусь, если скажу, что основная направленность монографии Фроянова (и критическая, и позитивная) идет по линии пересмотра представлений Б.Д. Грекова о генезисе феодализма на Руси. Монография состоит из предисловия и трех частей. В первой речь идет об общинном землевладении, о верви, о древнерусской семье. Вторая часть посвящена крупному землевладению и хозяйству, третья — зависимому населению...

В предисловии И.Я. Фроянов ставит общий теоретический вопрос о крупном землевладении как основе феодализма... Понимание собствен-

ности на землю как основы феодализма до недавнего времени было господствующим. В настоящее время имеются попытки... его пересмотра; выдвигается на первое место система личностных отношений. Критика И.Я. Фроянова взглядов А.Я. Гуревича и Л.В. Даниловой в этом плане мне представляется правильной. В то же время мне кажется, что автор слишком легко отменяет вопрос о верховной собственности на землю государства, ставя под сомнение сведения грамот о передаче князьями в XII в. земли новгородским монастырям. Вопрос о верховной собственности на землю государства как органа публичной власти в свою очередь упирается в проблему иерархической структуры феодальной собственности и ее расчлененного характера. Данная проблема (независимо от того, как ее решать) в труде И.Я. Фроянова не затронута ни теоретически, ни конкретно исторически, и это явный минус...

Ряд наблюдений сделан касательно древнерусской семьи. Вероятно, верен вывод, что «формы семьи в ту пору варьировались от большесемейных союзов до малой семьи». Но нельзя подкрепить конкретным материалом тезис о том, что наиболее распространены были в Киевской Руси большие семьи с переходными формами... Поэтому критика Грекова и Шапова с этой точки зрения не достигает цели...

Заключая вторую часть своей книги. И.Я. Фроянов делает вывод: «Факты, относящиеся к истории крупного землевладения и хозяйства X—XII вв., свидетельствуют о незначительном уровне этого сектора экономики. Отсюда ясно, что в основе социально-экономической жизни древнерусского общества лежала не частная земельная собственность, а землевладение свободных крестьян-общинников». Материал, приведенный автором, оснований для такого вывода не дает.

В третьей части рассматривается зависимое население... Главное, что хочет доказать автор, — это распространенность рабства и его значительная роль в общественном развитии. Наиболее раннее обозначение раба — «челядин»: в этом И.Я. Фроянов сходится с рядом историков, и это, по-видимому, так и есть. Верно и то, что одним из источников рабства был плен. Недоказуемо другое: что под челядью всегда имеются в виду рабы-пленники, что для летописца челядь и пленники — синонимы...

Кроме челядинов, рабами были холопы. Различие между ними, по И.Я. Фроянову, определяется происхождением... Холопы — люди местного происхождения... Положение челяди и холопов различно: с одной стороны, «абсолютное бесправие», с другой — известная «правоспособность». Причина различия... та, что «челядин» — чужеземец, а холоп — свой, местный человек...

И.Я. Фроянов... считает, что были две категории смердов. Одна — это неславянские иноязычные племена, живущие на территории, не входящей в состав древнерусских земель-княжеств, покоренные и обложенные данью... Дань — это контрибуция, а не феодальная рента. Отлична она и от полюдья — добровольного сбора архаического происхождения, шедшего со свободного населения — «людей».

Другая категория смердов — «внутренние», жившие на территории

древнерусских земель-княжеств... бывшие пленники, т.е. та же челядь, посаженная на землю, государственные рабы... Деление смердов на внутренних и внешних и версия о смердах как пленниках-рабах не вытекает из анализа источников... Я не вижу также оснований для противопоставления «дани» и «полюдь». Почему нельзя рассматривать «полюдь» как систему сбора дани? Естественно, что во время «полюдь» сборщики дани и «кормились» с населения. «Примучивали» князья не только иноязычные племена, но и восточнославянские... Поэтому попытка связать появление термина «смерд» с межплеменной борьбой кажется мне неубедительной...

По Фроянову, «людской резерв закупничества — «люмпен-пролетариат» на русской почве». Переходя в закупы, эти деклассированные элементы становились «полурабами»... Примитивные отработки, которые несет закуп, — признак развивающегося рабства, ибо в Киевской Руси рабство не убывало, а продолжало расти... Нетрудно заметить, что в понимании И.Я. Фроянова вся социальная терминология, обозначающая различные группы деревенского населения, указывает на рабов или полурабов. Феодално-зависимых людей еще нет, они в проекции. О свободном крестьянстве сказано, но оно не показано... Поскольку итоги исследования Фроянова идут вразрез с господствующей в литературе концепцией, хотелось бы видеть в его монографии развернутое заключение с подробной характеристикой общественных отношений в Древней Руси. Но заключение кратко, а главное неясно и противоречиво (автор цитирует текст заключения, воспроизведенный выше. — А.К.)...

Я не знаю, какими путями Фроянов устанавливает численное соотношение феодално-зависимых крестьян и рабов. Для XI—XII вв. таких данных нет...

Но автор непоследователен в своих заключениях. Подчеркнув значение рабовладения, он в последней завершающей фразе своей монографии пишет: «При этом надо решительно подчеркнуть, что древнерусские вотчины на протяжении XI — XII вв. выглядели подобно островкам в море свободного крестьянского землевладения и хозяйства»... Но, говоря о крестьянской «свободе», следовало бы определить ее признаки. Эта «свобода» не была явлением устойчивым, она меняла свой характер в зависимости от обстоятельств времени и места. И снова приходится обратиться к Киевскому государству. Что же это за организм?... Это уже не рабовладельческий строй, а патриархально-общинные отношения.

К ГЛАВЕ VI. ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ РУСИ В XII — НАЧАЛЕ XIII вв.

Из статьи Д.К. Зеленина «О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода» (Институт языкознания. Доклады и сообщения. 1954. №6. С.49 — 95)

На первых страницах начальной русской летописи сообщается о древнерусских племенах, между прочим, следующее:

«Радимичи бо и Вятичи от Ляхов. Бяста бо два брата в Лясах, Радим. А другому Вятко и пришедше седосту Радим на Съюю и прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от негоже прозвашася Вятичи».

Это замечание летописца послужило предметом специальных разысканий А.А. Шахматова, который пришел к выводу, что вятичи в данном случае названы летописцем по недоразумению... *(Позднее Б.А. Рыбаков такой же вывод сделал и о радимичах. — А.К.)*

В своих статьях по вопросу о ляхских элементах в великорусских говорах Шахматов допустил некоторые неточности. Так, иногда он называет эти ляхские черты «польскими»; даже комментируя летописное сообщение о происхождении радимичей «от ляхов», он отождествляет этих «ляхов» с поляками. Между тем летопись называет «ляхами» не одних поляков, а всех западных славян: «Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне». Лютичи же и поморяне, как известно, не польские племена. А племе прибалтийских славян»...

(Смещение летописных «ляхов» с поляками характерно почти для всей историографии, вопреки совершенно ясному разъяснению летописца. Автор напоминает, что польские черты в языке появляются главным образом в XVII в., когда и мирное и военное взаимодействие России и Польши было интенсивным. В XVI в. многие новгородцы спасались от опричных погромов в Сибири, куда были занесены и языковые черты, характерные для балтийских славян. — А.К.)

Наличие среди древних новгородцев многочисленных западнославянских переселенцев подтверждается языком древнейших новгородских письменных памятников... *(дается длинный перечень языковых совпадений. — А.К.)*

Весьма характерно, что и древнейший социальный термин *смерд* сохранился только у двух славянских народов — у русских в древности и у балтийских славян.

У балтийских славян в 1275 г. отмечено народное название рыболовной сети *невед*...; эта форма общеславянского слова *невод* известна еще только северновеликорусам... Слово *собака* известно только двум славянским народам — русским и кашубам, т.е. балтийско-славянскому населению бывшей Восточной Пруссии. Западнославянские элементы сохранялись также в планировке домов селений у некоторых новгородцев... *(Автор приводит примеры «круговых сел». Их численность может быть существен-*

но увеличена. В Рязанском музее были сотни планов «кругляшек», собранных экспедициями еще в XVIII в. — А.К.)

Как известно, тип селений «кругляшка» наиболее известен был у западных славян, между прочим, в Мекленбурге, а также по реке Лабее... (Большая подборка подобных данных была воспроизведена в прошлом А.Ф. Гильфердингем на основе личных наблюдений. Приводится перечень и других совпадений у населения русского севера и земель балтийских славян в том числе в культовых сооружениях и самих культов. — А.К.)

В заключении автор возвращается к летописному сообщению и напоминает, в частности, что радимичи — это область современной Белоруссии, изначально тесно связанная с Прибалтикой, а вятичи — вентичи, сохранили в своем имени основное название балтийских славян, которое (изначально неславянское) будет жить еще много столетий как основное обозначение балтийских славян.

К ГЛАВЕ VIII. МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Ниже воспроизводится «евразийский» взгляд на историю России и психологию русского человека. Именно в приводимой статье Н.С. Трубецкой следует младотурецкой «разнарядке» разных тюркских народов от Адриатики до Японии с тем, правда, отличием, что построение младотурок имело резко антирусскую и антиславянскую направленность, а автор статьи пытается их примирить с явным приоритетом, однако, «туранцев». От младотурок идет и сближение тюрков с иудеями. Только он безосновательно именуется их «семитами». Было доказано, что исконные евреи не семиты; семиты — это арабские племена. От младотурок усвоен и расистский подход: выдвижение на первый план «крови», а не форм общезжития.

И.А. Ильин — едва ли не самый выдающийся мыслитель в рядах русской эмиграции, которого в России начинают узнавать и оценивать лишь в последнее время. Его статья — серьезный теоретический удар по воззрениям евразийцев.

Из статьи Н.С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» (опубликована в 1925 г.)

Восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, соединяющие Балтийское море с Черным. Вся прочая, большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем «туранских» или «уралоалтайских». В истории всей названной географической области эти туранские племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские, рус-

ские племена. Даже в так называемый домонгольский период, Туранские государства в пределах одной Европейской России (царство волжско-камских болгар и царство Хазарское) были гораздо значительнее варяжско-русского. Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительством русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет и в жилах малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам русским необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента. Необходимо изучать наших туранских братьев...

Под именем «туранских» или «уралоалтайских» народов понимаются следующие пять групп народов: народы *угро-финские*, которые по признакам языкового родства подразделяются на западных финнов (эстов, карелов, собственно финнов и ряд мелких племен), лопарей (в Швеции, Норвегии, Северной Финляндии и в России на Кольском полуострове), мордву, черемисс, пермских финнов (зырян и вотяков) и угров (мадьяр или венгерцев в Венгрии и Трансильвании и «обских угров» — т. е. вогулов и остяков в северо-западной Сибири); к той же группе угро-финских народов принадлежали и вымершие (точнее, вполне обрусевшие) древние племена — меря (по языку родственные черемиссам), весь (по языку западно-финское племя), мурома и мешера, упоминаемая русскими летописями.

Самоеды, делившиеся на несколько племен, ныне почти вымершие и сохранившиеся лишь в незначительном количестве в Архангельской губернии и северо-западной Сибири.

Турки, к которым принадлежат турки-османы, разные татары (крымские, казанские, азербайджанские, тобольские и т. п.), мешеряки, тептяри, балкарцы (карачаевцы, урусбиевцы и проч.), кумыки, башкиры, киргизы-кайсаки, кара-киргизы, туркмены, сарты, узбеки, алтайцы, якуты, чуваш и целый ряд древних, исчезнувших народов, из которых наиболее известными являются хазары, булгары (волжско-камские и «аспаруховы»), половцы (иначе куманы или кипчаки), уйгуры и проч.

Монголы, к которым принадлежат в пределах России калмыки и буряты, а за ее пределами собственно монголы в Монголии.

Манджуры, к которым кроме собственно манджуров принадлежат еще голды и тунгусы (ныне почти поголовно вымершие или обрусевшие).

Несмотря на ряд общих антропологических и лингвистических признаков, свойственных всем перечисленным группам народов и позволяющим объединить их под общим именем туранских, вопрос о их генетическом родстве является спорным. Доказанным можно считать только родство угро-финской группы с самоедской, и обе эти группы объединяют иногда под общим именем «уральской семьи языков». (Прим. Родство ме-

жду тюркскими, монгольскими и маньчжурскими языками (объединяемыми в общую группу «алтайских языков»), считавшееся долгое время весьма вероятным, за последнее время в связи с более детальным их изучением подвергнуто сомнению. Родство между «уральскими» языками и остальными туранскими большинством лингвистов теперь решительно отрицается. И только за самое последнее время стали вновь делаться попытки научно доказать это родство.) Но все же, даже если остальные три группы туранских языков и народов генетически не родственны между собой и с «уральцами», тем не менее близкое взаимное сходство всех туранских языков и психологических обликов всех туранских народов совершенно не подлежит сомнению, и мы имеем право говорить о едином туранском психологическом типе, обусловлена ли эта общность психологического типа кровным родством или какими-нибудь другими историческими причинами. Туранский психический облик явственнее всего выступает у тюрков, которые к тому же из всех туранцев играли в истории Евразии самую выдающуюся роль...

Рассмотрение строя тюркских языков, тюркской музыки и тюркской поэзии привело нас к установлению известных особенностей тюркской психологии... В других областях духовной культуры тюрков сквозят те же психологические особенности. В отношении религиозной жизни тюрки не отличаются активностью. Большая часть тюркских племен в настоящее время исповедует ислам, в древности были тюрки — буддисты (уйгуры) и юдаисты (хазары). Тюркские племена, сохранившие национальную языческую веру, сейчас немногочисленны. Из них особого внимания заслуживают алтайцы. Религия этих последних... проникнута идеей дуализма, и... дуализм этот возведен в последовательную, педантически-симметричную систему. Здесь мы... опять встречаемся с тем рудиментарным схематизмом, который уже отмечали в языке, в музыке и в поэзии. В языке чувстве якутском и чувашском находим ту же дуалистическую тенденцию, но проведенную менее последовательно и схематично, чем у алтайцев...

Таким образом... во всем духовном творчестве тюрков господствует одна основная психическая черта: ясная схематизация сравнительно небогатого и рудиментарного материала...

Психология типичного тюрка определяет собой и жизненный уклад и мирозерцание носителей этой психологии. Тюрк любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это было уже дано, а не задано... Потому-то тюрки всегда так охотно брали готовые чужие схемы, принимали иноземные верования... В этом мирозерцании непременно должна быть ясность, простота, а главное, оно должно быть удобной схемой, в которую можно вложить все, весь мир во всей его конкретности. Вера, попавшая в тюркскую среду, неминуемо застывает и кристаллизуется, ибо она там призвана играть роль незыблемого центра тяжести — главного условия устойчивого равновесия.

На этой особенности тюркской психологии основано странное явление: притяжение между психикой тюркской и семитской... Не случайно, что большинство тюрков — магометане и что тюрки-хазары были единствен-

ными несемитами, сделавшимися своей государственной религией юдаизмским народом. Семит... и тюрк... — это две натуры не только не сходные, но и прямо друг другу противоположные. Но в этой противоположности и причина притяжения: семит делает за тюрка ту работу, на которую сам тюрк не способен, — преодолевает противоречия и подносит тюрку решение (пусть казуистическое)... Несмотря на то что генетическое родство между отдельными семействами «уралоалтайских» или «туранских» языков более чем сомнительно и что отдельные туранские народы во многих отношениях отличаются друг от друга, тем не менее можно говорить о едином туранском этнопсихологическом типе, по отношению к которому... тип тюркский, монгольский и угро-финский являются оттенками или вариантами...

Положительная сторона туранской психики, несомненно, сыграла благотворную роль и в русской истории. Проявлением именно этого нормального аспекта туранской психики нельзя не заметить в допетровской Московской Руси... Если некоторые поверхностные иностранные наблюдатели не замечали в Древней Руси ничего, кроме раболепия народа перед агентами власти, а этих последних — перед царем, то наблюдение это было несомненно неверным. Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности. Но оно идет, как и все в туранском мышлении, последовательно, до конца и распространяется в идее и на самого верховного правителя, который непременно мыслится как беспрекословно подчиненный какому-нибудь высшему принципу, являющемуся в то же время руководящей основой и жизни каждого подданного. В Древней Руси таким управляющим принципом была Православная вера... Отношение русского человека к Православной вере и самая роль, которую эта вера играла в его жизни, были в определенной части основаны на туранской психологии.

Московское государство возникло, благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще «собирания русской земли», стали собирать земли западного улуса великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати...

Подводя итог всему сказанному о роли туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике, можно сказать, что в общем роль эта была положительной... Видеть в туранском влиянии только отрицательные черты — неблагоприятно и недобросовестно. Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими... Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию.

Для каждой нации иноземное иго есть не только несчастье, но и школа... Монгольское иго длилось более двух веков. Россия попала под него, еще будучи агломератом удельных княжеств, самостийнических, разроз-

ненных, почти лишенных понятий о национальной солидарности и о государственности. Пришли татары. Стали Россию угнетать, а попутно и учить. А через двести с лишком лет Россия вышла из-под ига в виде может быть и неладно скроенного, но очень «крепко сшитого» православного государства, спянного внутренней духовной дисциплиной. Это был результат татарского ига, тот плод, по которому можно судить о вредности или благоприятности самого ига в судьбах русского народа.

Из статьи И.А. Ильина «Самобытность или оригинальничество?»

...Проснувшийся *патриотический инстинкт*, оглушенный и подавленный великим крушением, очнувшийся в условиях зарубежного труда и зарубежной оторванности, — беспомощно силится найти духовно верный исход и, не находя, мечется, им болеет. Это естественно: не так легко вообще дается инстинкту *духовная культура*, *духовное делание*. А в частности, русская публицистика последних пятидесяти лет, а особенно последних двадцати пяти лет, завела русскую интеллигенцию в сущее болото — в царство мниморелигиозного выверта и противогосударственной химеры... И потому современная беспомощность, смятение и боление — более чем естественны — неизбежны...

И как всегда в такие периоды, всплывают на поверхность, публицистические *знахари*, они же *демагоги*, всплывают для того, чтобы сказать прозревающему, но еще не прозревшему инстинкту самую *легкую*, самую *дешевую*, самую *плоскую* формулу, чтобы толкнуть его по линии наименьшего сопротивления, чтобы указать ему такой исход, который тешил бы его самодовольство, закрывал бы наличие язвы и предстоящие трудности и опасности, разжигал в нем слепую страсть и нелепые пристрастия и проваливал бы все дело его прозрения и воспитания в новую яму, в новое, нередко отрадное заблуждение и блуждание...

В наши дни именно таково дело «евразийских» знахарей и демагогов. Спасение от этой опасности в том, чтобы воззвать к таинственному и сокровенному *уму* здорового инстинкта, воззвать к нему, чтобы он блюл свое зрение, чтобы он охранял свои пороги, чтобы он не позволял оглуплять и продешевлять себя, чтобы он от малодушия не торопился вступать на путь наименьшего сопротивления...

Всякая национальная культура — *самобытна*. Но тайна самобытности такова, что кто начнет ее нарочно искать, выдумывать, выслеживать, расколупывать, сочинять для нее рецепты и стряпать ее по этим рецептам, — тот неизбежно впадет в самое жалкое *оригинальничество*... Такому «искателю» — если искателем можно назвать того, кто с радостью хватается за первый попавшийся вздор, — самобытность не дается, как клад, который от каждой новой неумелой попытки только уходит все глубже в землю...

Духовная самобытность есть *живая тайна*: она впервые обнаруживается в непосредственном цветении простонародного духа; она явлена и оформлена у национального гения. Но рассудочные приват-доцентские выдумки чужды ей и мертвы перед ее лицом; и чем они притягательней,

тем они курьезнее и поучительнее в своей немощи. Конечно, застоявшее «настроение» может ухватиться и за такую выдумку, принять ее всерьез и даже «уверовать» в новое «откровение». Но кроме путаницы и соблазна, а главное — безнадежного продешевления из этого ничего не получится...

Да и на сей раз — *уже* не получилось. Какая глубокомысленная, какая прозорливая «теория»!.. За последние двести лет Россия якобы утратила свою самобытную культуру, потому что она подражала Западу и заимствовала у него; чтобы восстановить свою самобытность, она должна порвать с романо-германским Западом, повернуться на Восток и уверовать, что настоящими создателями ее были Чингис-хан и татары. Рецепт дан. И все, кто достаточно легковверны и простодушны, а главное, кто *достаточно плохо знает историю* России, могут «с успокоенной душой» принять этот рецепт и «новую кличку» и «уверовать» в «новый путь»...

Весь вопрос о самобытной духовной культуре сводится к тому, *куда именно надо всем шарахнуть*: вот двести лет (якобы) шарахались на Запад; ясно, что вышел провал; значит, надо шарахнуть на Восток. А ведь в человеческой жизни так обстоит *всегда и во всем*: спасение всегда состоит в том, чтобы удариться в другую противоположность... Обезьянничал у Запада — ясно, начинай немедленно обезьянничать у Востока... Ведь вопрос духовной самобытности есть вопрос *географического и этнографического припадания*? Но почему же нельзя без припадания? Разве самобытность не в том, чтобы *быть перед лицом Божиим — самим собой*, а не чужим отражением и искажением? Ни Восток, ни Запад, ни Север, ни Юг... *вглубь* надо; в себя надо; к Богу надо!.. почему же именно в Азию (?), почему на Восток?... Нас погубил Запад, нас погубила Европа. Так? ну так, значит надо на Восток.

Но откуда же известно, что нас погубил Запад, а не наше собственное неумное подражание? Из чего же видно, что наша самобытность за двести лет *погибла*?..

Ну а в чем же выразилась наша самобытная культура за двести лет? Ни в чем! Ничего русского! Ничего самобытного! Ничего первоначального, почвенного. Сплошное подражание гнилой германороманшине; вся государственность от Петра I до Столыпина; вся поэзия от Державина до Пушкина и Достоевского; вся музыка от Глинки до Рахманинова; вся живопись от Кипренского до Сомова; вся наука от Ломоносова до Менделеева и Павлова... Где во всем этом самобытная *стихия Чингис-хана*? Где здесь национальное самосознание *татарского ума*? Где здесь слышен визг татар, запах конского пота и кизяка!?

Каждый раз, как я слышу эту «теорию» и вхожу в ее атмосферу, я невольно вспоминаю жуткие моменты пребывания в Москве... Бывало так, что из-за грубых невежественных и глупых распоряжений и рассуждений советской власти вдруг на момент выглядывало недвусмысленное и неприкрытое *издевательство* над нами... вдруг становилось совершенно ясно, что все это, сумасшедшее и глупое, говорится и делается *нарочно*, с полным сознанием безумия и глупости...

Мы пока еще, слава Богу, не подчинены «евразийцам»; комсомол еще не весь «уверовал» в чингисханство. Не передал еще власть над русским улусом изобретательным приват-доцентам и не развернул еще своего гря-

лучшего урал-алтайского чингис-х-а-м-с-т-в-а... Но чувство, подобное московскому: эти вызывающие парадоксы, это шеголяние заведомыми историческими искажениями и двусмысленными трюками, эта манера рисовать своими вывертами, этот грубый схематизм, эта подчеркиваемая «бесстрашная» прямолинейность, этот географический материализм; все снижающий и упрошающий; и иногда — особенно у одного из этих мудрецов — явное подсмеивание над слушателем. Над самими собой (говорящими) и над всей «доктриной» в целом...

И если бы все «евразийские» речи и писания были таковы, и если бы все слушатели это заметили и поняли, — тогда мимо этих «спасительных рецептов» можно было бы проходить молча... Ведь нельзя же помешать людям хворать по-своему. Но, к сожалению, это не так. Кто-нибудь из зарубежных русских историков выберет минутку досуга и покажет всю непростительность той исторической неправды, которую играют «евразийцы» в вопросе о значении татарского ига на Руси. Нам же достаточно указать на духовную несостоятельность их практических рецептов.

Русскому человеку можно и должно быть русским. Но невозможно и нелепо натаскивать на себя «русскость». Или он по бытию своему *уже* русский, тогда ему *нечего* натаскивать себя на это, или же он по бытию своему *уже не* русский, и тогда ему не стоит трудиться с этим натаскиванием. А русский человек — и в своих гениях, и в своей массе, — конечно, оставался русским на протяжении последних двухсот лет. И если бы сущность его души могла действительно измениться и стать «романо-германской», то обратная русификация ее была бы делом безнадежным.

Натаскивать себя можно только на другое, на то, что сам из себя *не* представляешь. Например, на татарское. И умный рецепт «евразийцев» состоит именно в том, чтобы *русский человек, желая вернуть себе свою утраченную русскость, начал натаскивать себя на татарщину*. И безнадежно, и фальшиво, и смешно. Для чего это? Не бред ли это? Ведь если бы эта вздорная идея удалась, Россия поистине утратила бы себя целиком и до конца. И дух, и характер, и быт заменились бы какими-то полутатарскими вывертами. Русское творчество заменилось бы татарообразными штампами, вместо русской формы и русского стиля воцарилась бы мнимотатарская схема и манера. И кому, и зачем нужен был бы этот денационализированный остаток бывшей России? И для того ли мы 350 лет одолевали татарщину и ее нашествия (последнее нашествие на Москву Казы-Гирея имело место в 1591 г.), чтобы искать спасения в ее одоленной и отмершей стихии? Поистине среди реакционных и противоестественных идей, приходящих в голову досужим людям, нетрудно найти идею более умную и патриотичную.

Нет, русскую самобытность нельзя создать на путях *татаризации* русского духа. Самая мысль эта есть больной и оригинальничающий выверт; и то, что она предлагает, повело бы самое большее к таким же болезненным, оригинальничающим вывертам в среде совращенной в «евразийство» рабфаковской молодежи. Ибо надо признать, что для увлечения «евразийством» нужны два условия: склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности...

Учебное издание
Кузьмин Аполлон Григорьевич
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 г.
Учебник для студентов высших учебных заведений
В двух книгах
Книга первая

Зав. редакцией *В.А. Салахетдинова*
Редактор *С.В. Перевезенцев*
Зав. художественной редакцией *И.А. Пишеничников*
Компьютерная верстка *Р.Н. Королев*
Корректор *Т.В. Егорова*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.006153.08.03 от 18.08.2003.
Сдано в набор 14.02.02. Подписано в печать 12.11.02. Формат 60×88/16. Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 27,44. Тираж 30 000 экз. (2-й завод 5 001–10 000 экз.).
Заказ № 1616.

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
119571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет.
Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.
E-mail: vlados@dol.ru <http://www.vlados.ru>

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

с древнейших времен
до 1618 г.

Учебник «История России с древнейших времен до 1618 г.» – итог многолетней научно-педагогической деятельности замечательного русского ученого и педагога, доктора исторических наук, профессора Аполлона Григорьевича Кузьмина.

Он автор более 200 научных трудов, публицистических книг и статей, литературных произведений.

Учебник отличается проблемным подходом в изложении материала, ориентацией на современный уровень развития исторической науки, системным анализом исторического процесса.

ISBN 5-691-01048-4(1)

9 785691 010484

ВЛАДОС